

**БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Вып. XXIV

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXIV

Симферополь - Керчь

2010

Simferopol - Kerch

*Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского
Национальной академии наук Украины*

*Центр археологических исследований
Фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
М.Г. Крамаровский, д.и.н.
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н., проф.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 2 от 17.03.2009 г.)

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько

Ответственный секретарь: к.и.н. А.В. Зинько

**М 34 Боспорские исследования. - Вып. XXIV. /Отв.ред. В.Н. Зинько –
Симферополь-Керчь. – 2010. - 544 стр.**

*В новый выпуск «Боспорских исследований» вошли статьи и публикации по античной
и средневековой истории и археологии Боспора Киммерийского и прилегающих причерно-
морских регионов.*

*Для археологов, историков, музейных сотрудников, преподавателей и студентов, а
также всех, кто интересуется античной и средневековой историей и археологией При-
черноморья.*

Свидетельство о гос.регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения
им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2010

© Центр археологических исследований
БФ «Деметра», 2010

СТАТЬИ

С. Б. БУЙСКИХ, А. В. БУЙСКИХ

К ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ХОРЫ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

В современной историографии динамика формирования раннегреческой хоры Нижнего Побужья (рис. 1) в колонизационную эпоху традиционно видится как поступательный процесс, включавший в себя несколько хронологических этапов [Рубан, 1988, с. 7, 16, 17; Крыжицкий и др., 1989, с. 22, 94; 1990, с. 42-43; Отрешко, 1990, с. 14-15; Kryżickij, Bujskich, 1999, p. 273-274; Bujskich S., 2007, S. 116, 122.]. Согласно этим представлениям, на первом этапе (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.) в Нижнем Побужье существует единственный античный населенный пункт – ионийское поселение Борисфен на о. Березань. На втором (первая половина VI в. до н. э., ближе к середине этого столетия) – возникают аграрные поселения на побережье Березанского лимана, составлявшие хору Борисфена. На третьем этапе (от середины по третью четверть VI в. до н. э. включительно), в начале которого основывается Ольвия, освоение региона активизируется. В это время сельские поселения распространяются по правому берегу Днепровского лимана, затем Бугского, вплоть до Ольвии. На четвертом этапе, последняя четверть VI – первая четверть V вв. до н. э., Борисфен входит в состав Ольвийского полиса, и хора Ольвии полностью охватывает весь регион Нижнего Побужья, включая и его Левобережье.

Данная точка зрения, являясь наиболее распространенной и не вызывающей особых разногласий, укрепились и просуществовала в археологической науке почти без изменений около двадцати лет. Однако наше обращение к конкретному археологическому материалу памятников ольвийской хоры этого времени показало, что их датировка требует серьезной современной корректировки, что, соответственно, влечет за собой и пересмотр некоторых устоявшихся исторических концепций и реконструкций, в т. ч. и вышеприведенных. Учитывая важность этого момента для объективного воссоздания общей картины греческой колонизации Нижнего Побужья и процесса формирования и ранних этапов развития в регионе греческого полиса и его хоры, нами было решено предпринять сплошную ревизию некоторых наиболее информативных видов керамики из раскопок архаических поселений.

Поскольку речь идет о керамической коллекции, насчитывающей к настоящему времени несколько десятков тысяч единиц, такую работу решено было провести в несколько этапов. Для начального этапа объектом исследования

мы избрали импортную расписную столовую посуду и сосуды специального назначения. Это, прежде всего, керамика восточногреческого происхождения, поскольку именно в ее хронологии в последние десятилетия произошли существенные изменения. Кроме того, в целом ряде случаев были уточнены и центры производства отдельных групп сосудов. В работу также включены фрагменты коринфских и лаконских сосудов, дополняющих хронологию восточногреческих. Аттическая керамика, серо- и красноглиняная столовая, кухонная и лепная посуда, транспортные амфоры и другие категории находок из керамики, металла, кости, камня и стекла на этом этапе работы привлечены не были¹.

Рассмотрим конкретные памятники.

Викторовка-I (рис. 1, № 1). Основание поселения, исходя преимущественно из амфорного материала, раньше относили к середине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 12]². Ревизия показала, что среди находок расписной столовой посуды, представленной открытыми и закрытыми формами, имеются и более ранние экземпляры, которые датируются первой половиной этого столетия. К североионийской продукции стиля LWG относится фрагмент тарелки с загнутым внутрь краем, украшенный разорванным меандром по внутренней стенке и полосами лака по внешней (рис. 2, 1) [Tocra I, Kat Nr 614-621; Чистов, 2006, Илл. 28. 3; Илл. 30. 2; см. идентичную схему декора при отогнутом наружу крае: Tocra I, Kat. Nr 635-637; Histria IV, Kat. Nr 122-126; Utili, 1999, Kat Nr 136-145]. Такие тарелки или блюда, имевшие, как правило, высокую ножку-подставку, относятся к первой половине

¹ В наши задачи не входили также статистические подсчеты находок керамики разных видов, центров производства и установление их количественных соотношений. Памятники ольвийской хоры, о которых пойдет речь ниже, раскопаны неравномерно, поэтому выборки происходящих из них материалов значительно отличаются. Поскольку мы используем материалы не только современных раскопок, но и работ, проводившихся более полувека назад, а также разведок и сборов подъемного материала с территорий памятников, мы не выделяем специально процентный состав керамических комплексов и рассматриваем весь керамический материал по единой схеме: соответственно его происхождения, известных живописных стилей и далее – по основным формам. Данная статья отражает первый этап работы, поэтому с целью максимального охвата материала мы даем только фотографии находок.

В статье использованы материалы раскопок и разведок следующих поселений хоры Ольвии архаического времени: Викторовка-I (С. И. Капошина), Каборга-I, Большая Черноморка-II (В. М. Отрешко), Бейкуш (А. С. Русяева, С. Б. Буйских), Аджигол-I, Чертоватое-VII (С. Б. Буйских), Куцуруб-I, Старая Богдановка-II (К. К. Марченко, Я. В. Доманский), Закисова Балка-I (В. М. Отрешко, С. Б. Буйских), Широкая Балка-I (Б. М. Рабичкин, А. В. Бураков, В. В. Рубан, В. М. Отрешко), Лупарево-II (В. Н. Ключинцев), Станислав-I (Ю. А. Виноградов), Ягорлык (А. С. Островерхов, Н. П. Оленковский, В. Б. Пиворович), хранящиеся в фондах Института археологии НАН Украины, Национального заповедника «Ольвия» НАН Украины, Херсонского краеведческого музея. Благодарим коллег, предоставивших неопубликованные материалы для работы, а также Н. А. Сон (Киев), Г. И. Кошевую, Т. Н. Шевченко (заповедник «Ольвия»), М. И. Абикулову (Херсон) за помощь в работе с коллекциями.

² Ср. с более ранней датировкой – второй половиной VI в. до н. э. [Капошина, 1956, с. 244].

VI в. до н. э. [Борисфен – Березань, 2005, № 62, 63]. Скорее всего, к ойнохойе или амфоре этого же стиля принадлежит и фрагмент стенки с двухствольной ручкой (рис. 2, 2) [Cook, Dupont, 1998, p. 54-55].

Значительное место в викторовской коллекции занимают ионийские килики (рис. 2, 4. 6-9). В силу их фрагментарности невозможно утверждать наверняка, к каким типам все они могут принадлежать, хотя очевидно, что в основном они имеют неокрашенный край по внешней образующей и узкую резервную зону под ним. Кроме того, наличие невысоких конических ножек от таких же киликов с концентрическими кругами лака в придонной части (рис. 2, 10-12) позволяет говорить, что они представлены поздними вариантами типа В I и В 2 по Вилларду-Валле, т. е. относятся к концу первой четверти и вплоть до середины – начала третьей четверти VI в. до н. э. [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 4, 5; ср.: Histria II, pl. 16-17; Rouillard, 1978, fig. 3] или типом 9 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410]. На поселении найдены и так называемые лаконские килики, украшенные точечным декором в резервной зоне под венчиком (рис. 2, 18, 19). Их находки широко представлены на разных памятниках архаического времени [Точра I, Kat. Nr 1008; Точра II, Kat. Nr 2117-2122; ср. их имитации: Ghali-Kahil, 1960, pl. XXII, 34-35], в т. ч. и после середины VI в. до н. э. в Причерноморском регионе [Сидорова, 1992, рис. 18 г; Финогенова, 2006, табл. 1, 2. 5]. К лаконским киликам, скорее всего, относится и фрагмент сосуда с орнаментом в виде удлиненных капель в резервной зоне (рис. 2, 3), оставленных, скорее всего, кистью при круговом движении.

Среди материалов второй половины VI в. до н. э. из Викторовки следует выделить находки разнообразных фрагментов ионийской полосатой керамики, представленных в основном закрытыми формами – одно- и двуручными большими и маленькими кувшинами, кальпидами, гидриями или столовыми амфорами, арибаллическими лекифами с полосами и часто – волнистым или S-видным орнаментом по верхней части тулова и горлу (рис. 2. 13-17, 22, 23). Аналогичные по форме и декоративной схеме сосуды производились разными центрами и известны от конца VII – начала VI в. до н. э. [Furtwängler, 1980, Abb. 17; Utili, 2006, Abb. 1, Taf. 12]. Длительность бытования сосудов с такой схемой декора общеизвестна, исходя из их массовых находок. Причем в целом ряде случаев они являются надежным хронологическим индикатором практически всей второй половины VI в. до н. э. [Clara Rhodos III, fig. 159, 243, tav. III; Clara Rhodos VIII, fig. 179; Cook, 1958-1959, pl. 4; Точра I, Kat. Nr 587; Erzoj, 2004, 58, fig. 19; Histria II, pl. 30-33; Histria IV, Kat. Nr 644-653; Скуднова, 1988, кат. 87; Сидорова, 1992, с. 162 сл., рис. 16; Алексеева, 1997, табл. 8, 20; Борисфен-Березань, 2005, № 67, 70, 77, 79-80]. К этому же времени относится и небольшая тарелка с отогнутым бортиком, украшенным концентрическими полосами лака (рис. 2, 5). Идентичные тарелки обнаружены в ольвийском некрополе в погребальных комплексах вместе с амфорами с волнистым орнаментом [Скуднова, 1988, кат. 87; см. также: кат. 178]. Найдены и фрагменты венчиков ионийского

лекифа, скорее всего, арибаллической формы, и аска второй половины – конца VI в. до н. э. (рис. 2, 20, 21). Коринфская керамика представлена находкой котилы с орнаментом из вертикальных зигзагов по венчику (рис. 2, 24) позднекоринфского времени, второй половины VI в. до н. э. [Corinth XV, III, Kat. Nr 1718-1720].

В целом, несмотря на небольшую коллекцию находок, совершенно очевидно, что среди материалов поселения Викторовка-I имеются не только керамические фрагменты середины – второй половины, но и первой половины VI в. до н. э.

Каборга-I (рис. 1, № 12). В историографии основание поселения отнесено к середине – второй половине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 15]. Однако, несмотря на то, что коллекция привозной расписной керамики, происходящей из небольших разведочных раскопок памятника, пока немногочисленна, она все же представлена формами не только второй, но и первой половины VI в. до н. э. При этом отметим, что здесь пока неизвестны керамические фрагменты, которые можно было бы уверенно соотнести с ионийскими мастерскими первой половины VI в. до н. э. Ассортимент ионийской керамики не очень разнообразен, это в основном небольшое количество сосудов с полосами. Среди них значительное место занимают ионийские килики. Один из них археологически целый глубокий сосуд на плоском поддоне, полностью покрытый темным лаком по внутренней стенке, за исключением центрального медальона, и снаружи, исключая резервную полосу в зоне ручек, оставленную в цвете глины (рис. 3, 1). Такие сосуды относятся к типу В 2 по Вилларду – Вале [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 4, 5; см. также: Rouillard, 1978, fig. 3, 1] или типу 10 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410]. Такой килик может быть датирован первой половиной VI в. до н. э.

Найдены также придонные части чаш или поздних ионийских киликов второй половины VI в. до н. э. на кольцевых поддонах, покрытых тусклым темным лаком внутри и акцентированных полосой лака у дна (рис. 3, 3, 4), кувшинов или амфор (рис. 3, 13) и небольших одноручных кувшинчиков на плоских поддонах (рис. 3, 14). Последние имели широкое распространение в течение всей второй половины VI в. до н. э. [см., напр.: Histria IV, Kat. Nr 671-673; Скуднова, 1988, кат. 167, 217]. Отметим также находку ионийского полосатого лидиона на расширяющейся ножке-поддоне (рис. 3, 11) [близкие формы см.: Pierro, 1978, Fig. 17-20; Скуднова, 1988, кат. 174]. Интерес представляет и керамика материковой Греции. К середине – третьей четверти VI в. до н. э. относятся лаконские килики с точечным декором в резервной зоне (рис. 3, 3) [Tosca I, p. 89, Nr 1007].

Редкостью для керамического комплекса поселений ольвийской хоры является находка фрагментов т. н. футбольного или линейного арибалла с палочным орнаментом на плечах (рис. 3, 5), который обычно относят к раннекоринфскому и среднекоринфскому стилям, т. е. не позднее 575 г. до н. э. [Histria II, Kat. Nr 288; Schaeffer, Ramage, Greenewalt, 1997, Kat. Nr 91-96; ср.: Dehl- von Kaenel,

1995, Kat. Nr 331]. Найдены также миниатюрные коринфские котилы и скифосы с полосой вертикальных зигзагов под венчиком и придонных частей с лучевым орнаментом [Corinth XV, III, Kat. Nr 1718-1721] (рис. 3, 6-9), относящиеся к позднекоринфскому стилю – второй половине – концу VI в. до н. э. и имеющие массовое распространение на причерноморских памятниках [Corinth XV, III, Kat. Nr 1317; 1718-1720; напр. в Истрии: Histria IV, Kat. Nr 274-274; Ольвии: Русяева, 2006 а, рис. 176; Гермонассе: Сидорова, 1987, рис. 6, г. Пантикапее: Сидорова, 1992, рис. 19, д]. Из фрагментов других сосудов отметим также венчик, скорее всего, амфориска (рис. 3, 10), сосуда, типичного как для среднекоринфского, так и позднекоринфского стилей [Corinth XV, III, Kat. Nr 1210; Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 985, 995]. Из-за небольших размеров определить точнее этот фрагмент затруднительно.

Как видно, и на поселении Каборга-I имеются материалы первой половины VI в. до н. э., которые, несмотря на их малочисленность, позволяют говорить о несколько более раннем начале жизни на поселении, чем предполагалось прежде.

Большая Черноморка-II (рис. 1, № 14). Как и два предыдущих, это поселение считалось возникшим в середине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 16]. Существует также точка зрения, основанная на общем знакомстве с керамическим комплексом поселений этого микрорегиона ольвийской хоры, что все они были основаны еще в первой половине этого столетия, при том, что единичные фрагменты, найденные на них, возможно, относятся еще к концу VII в. до н. э. [Рубан, 1988, с. 7; Отрешко, 1990, с. 9]. Однако это мнение не было подкреплено конкретным анализом керамических находок. Между тем, обширная керамическая коллекция памятника давно уже требует пересмотра и уточнения датировок разных категорий сосудов.

Расписная столовая посуда включает в себя большое количество разнообразных закрытых и открытых форм. Интересно, что все наиболее ранние керамические фрагменты относятся к продукции североионийских мастерских. Стиль LWG представлен фрагментами нескольких закрытых сосудов. Прежде всего, это фрагмент стенки кратера с изображением пасущегося козла, выполненного в чернофигурной технике с использованием гравировки и накладной краски – пурпура (рис. 4, 1). Ближайшей стилистической аналогией этому изображению является фрагмент кратера из Истрии [Histria IV, Kat. Nr 54]. Диносу или кратеру принадлежали несколько стенок с изображением идущего льва с раскрытой пастью, выполненного в технике гравировки, с использованием накладных красок – пурпура и белил (рис. 4, 7). Подобные североионийские кратеры в массовом количестве происходят из раскопок Березани [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 37-38; Чистов, 2007, илл. 31, 6]. Скорее всего, таким или подобным сосудам принадлежал еще целый ряд фрагментов стенок, а также отогнутый край кратера с меандром (рис. 4, 4. 9. 12. 15-17) и фрагмент амфоры или кратера с изображением крыла сфинкса (?) (рис. 4, 26).

К продукции североионийских центров принадлежат и фрагменты крупных столовых амфор с вписанными окружностями и разделяющими их цветами лотоса (рис. 4, 10, 11), в массовом количестве известные по находкам в причерноморских городах [Истрия: Histria IV, Kat. Nr 13-14; Борисфен: Чистов, 2006, илл. 30, 8; Ольвия: Скуднава, 1988, кат. 4; Bujiskikh A., 2007, Taf. 60]. Их существование, судя по керамическим комплексам, приходится в основном на вторую – начало третьей четверти VI в. до н. э. С североионийской продукцией этого же времени можно связывать и целый ряд других фрагментов (рис. 4, 13, 14, 21, 22, 31-34).

Клазоменская керамика из Большой Черноморки не столь выразительна. Имеется несколько фрагментов небольших столовых амфор с чешуйчатый орнаментом (рис. 4, 23-25). Последние, как известно по их многочисленным находкам в закрытых комплексах на разных памятниках, и прежде всего северопричерноморских, существуют всю вторую половину VI в. до н. э. и доживают до начала следующего столетия [Леви, 1964, с. 155, рис. 23; Скуднава, 1988, кат. 25; Домжальский, Чистов, 2003, с. 5, рис. 5]. С североионийской продукцией, стилистически близкой кругу Клазомен, связан и фрагмент стенки с изображением водоплавающей птицы – лебедя (?) (рис. 4, 8).

Со стилем LWG соотносятся и открытые сосуды – тарелки с разорванным меандром по краю (рис. 4, 2, 3, 5). Сохранившиеся экземпляры имеют отогнутый бортик, а в центре лепестки розетты, чередующиеся с «елочкой». Тарелки с таким декоративным сюжетом известны в Средиземноморье, импортировались они и в Причерноморский регион [Тосра I, Kat. Nr 665; Histria IV, Kat. Nr 112]. Открытые формы представлены и мелким фрагментом края блюда (рис. 4, 6), находки которых обычны для первой четверти VI в. до н. э. и уже неизвестны в комплексах второй четверти этого столетия. Из-за плохой сохранности трудно уверенно определить его тип, но, скорее всего, это было блюдо с фризовой росписью, подобной той, в которой крайний фриз имел декор из ленты спиралей [общий тип блюд: Histria IV, Kat. Nr 133; Paspalas, 2006, p. 94, fig 1. 2]. Несколько более поздним временем в пределах второй – начала третьей четверти VI в. до н. э. следует датировать и край небольшой тарелки, скорее всего, также североионийского происхождения, имевший роспись в виде шести параллельных полос, нанесенную белой краской (рис. 5, 19) [Тосра I, 683-696; Utili, 1999, Kat. Nr 215-218].

Ионийские килики, судя по характеру профилировки и покрытию внешних и внутренних стенок, представлены типом В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, 29, fig. 5] или группа 9 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410] и относятся ко второй – третьей четвертям VI в. до н. э. (рис. 5, 1, 2, 8, 9, 10, 14). К типу ионийских киликов указанной группы В 2 относится и фрагмент венчика с орнаментом в виде оливковой ветви, нанесенной лаком, с точками – белой краской в резервной зоне (рис. 5, 13). Несмотря на то, что такие сосуды известны по разным памятникам [Тосра I, Kat. Nr

1292-1297; Thalmann, Kat. Nr 76], в Нижнем Побужье они происходили ранее только из раскопок Березани [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 25].

В коллекции представлены и фрагменты киликов паросской группы (рис. 5, 11-12) с декором из вертикальных полос и вписанных окружностей в резервной зоне. На всех памятниках, где найдены подобные сосуды, они являются своеобразным индикатором начала второй половины VI в. до н. э. [Tosca I, Kat. Nr 918-919; ср.: Ghali-Kahil, 1960, pl. XXII; в Причерноморье: Histria II, Kat. Nr 261, pl. 15; Сидорова, 1992, рис. 18, д; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 60, рис. 203, 1; Русяева, 2006, рис. 168, 1. 2; Финогенова, 2006, табл. 1, 12]. Имеется также и несколько фрагментов чаш с точечными розетками (рис. 5, 17, 18), которые относятся, судя по небольшой толщине стенок и невысокому декоративному фризу, к их позднему варианту. Они существовали от конца второй четверти и практически всю третью четверть VI в. до н. э., будучи широко представленными на разных памятниках [о типе чаш с точечными розетками см.: Kinch, 1914, pl. 25; Histria II, Kat. Nr 127-145, 155-157, 184-199; Utili, 1999, Kat. Nr 15-20; Cook, Dupont, 1998, 26-27]. Известны они и в комплексах второй половины VI в. до н. э. ольвийского некрополя [Скуднава, 1988, кат. 79]. Производным и упрощенным вариантом от чаш с точечными розетками является и фрагмент чаши, в которой резервная зона сокращена до ширины прилепов ручек (рис. 5, 25). Такие сосуды имели широкое распространение вплоть до начала V в. до н. э. [Histria II, Kat. Nr 511-514; Скуднава, 1988, кат. 28, 29, 158]. Ко второй половине VI в. до н. э. можно отнести и придонные части чаш, расписанные концентрическими полосами лака разной ширины (рис. 5, 24, 26, 27). В широком ассортименте они найдены на многих памятниках позднеархаического времени [см., напр.: Histria II, pl. 36; Ersoy, 2004, fig. 17].

На поселении обнаружено и значительное количество так называемой ионийской полосатой керамики, представленной в основном закрытыми формами – двуручными столовыми амфорами и различного рода небольшими сосудами. Все они имеют характерный декор, нанесенный красно-коричневым лаком, в виде одного или двух рядов петлевидного орнамента по плечам и полос в нижней части тулова, а также пятен лака по ручкам (рис. 4, 18; 5, 20-22). Находки таких сосудов многочисленны и типичны для второй половины VI в. до н. э. [как хронологический индикатор см.: Скуднава, 1988, кат. 87; Ersoy, 2004, fig. 19]. Отметим редкий для нижнебугских памятников этого времени привозной кухонный горшок с аналогичным петлевидным орнаментом (рис. 5, 23).

К категории ионийской полосатой керамики относятся также аски (рис. 5, 28, 29) и лидион (рис. 5, 30). Подобные аски, исходя из подпрямоугольной в сечении формы, полосы лака, захватывающей нижний прилеп ручки, а также устья, расписанного стилизованными овами, характерны для середины – второй половины VI в. до н. э. [о динамике формы асков в VI в. до н. э. см.: Ильина, 2000, с. 205; о находках асков такого типа: Сидорова, 1992, рис. 18, е; о группах асков из Ольвии: Скуднава, 1945, с. 131 сл.].

Широко представлена на этом поселении продукция южноионийских мастерских. Это многочисленные фрагменты столовых амфор стиля Фикеллура (рис. 6). Все они имеют стандартный декор венчиков, горл, трехствольных ручек и стенок в виде орнаментов из цветов и бутонов лотосов, ов, пальметт, фризов с лунарным орнаментом, и относятся к середине – третьей четверти VI в. до н.э. [Cook, Dupont, 1998, p. 77 ff.]. Среди многочисленных фрагментов этих амфор можно выделить только один с фризом фигур, судя по остаткам стопы над лентой палочного орнамента, разделявшего фризы (рис. 6, 36). Этот фрагмент может быть соотнесен с группой J или Альтенбургского мастера по Р. Куку [Cook, 1936, p. 15 f.; Schaus, 1986, p. 261 ff.]. Остальные фрагменты, в силу их фрагментарности, трудно соотнести с какой-либо из известных групп этого стиля. Кроме столовых амфор, которым в абсолютном большинстве принадлежали фрагменты найденных сосудов, это могли быть и амфориски, судя по характеру палочного декора на плечах и у основания (рис. 6, 21. 22. 24. 32). Время существования амфорисков известно в течение практически всей второй половины, вплоть до конца VI в. до н.э.

Кроме тех фрагментов сосудов, которые в настоящее время уверенно определяются как имеющие милетское происхождение, в керамическом комплексе Большой Черноморки присутствуют фрагменты столовой амфоры, которые точно имитируют их форму и основные декоративные приемы (рис. 6, 3. 4. 10. 11. 30). Тем не менее, их нельзя определять как южноионийские на основании визуального наблюдения над глиной – плотной, почти белой, без видимых включений. Очевиден и нехарактерный для стиля Фикеллура декоративный мотив в виде неровной волнистой линии под венчиком и горлом³.

В состав керамической коллекции памятника входят фрагменты хиосских сосудов чернофигурного стиля второй четверти – середины VI в. до н.э. [Lemos, 1991, p. 133 ff.]. Это край хиосского кубка (рис. 4, 19) с палочным орнаментом между двумя тонкими линиями [Lemos, 1991, p. 167, fig. 91, 3] и венчик небольшого горшочка с орнаментом в виде треугольных лучей по отогнутому краю (рис. 4, 20). Такие и подобные горшочки известны по находкам на Березани и в Ольвии, и, судя по сопровождающему материалу из одного погребального комплекса ольвийского некрополя [о типе горшочков: Lemos, 1991, Kat. Nr 1639-1647; их находках на Березани: Ильина, 2005, кат. № 202; Ольвии: Русяева, 2006, рис. 170, 4; Скуднова, 1988, кат. 222], они могли заходить и в начало второй половины VI в. до н.э.

На фоне значительного керамического импорта из Ионии обращает на себя внимание в целом небольшое количество сосудов из материковой Греции. Это фрагменты лаконских киликов с точечным орнаментом (рис. 5, 3-7)

³ Несколько близких фрагментов нам известно и в Ольвии. Это, однако, не дает права рассуждать об их ольвийском производстве без специальных анализов глиняного теста. Вопрос о происхождении этих имитаций стиля Фикеллура пока остается открытым.

и коринфские сосуды, в частности, венчик крупного арибалла с орнаментом из лепестков (рис. 4, 27), арибаллы с изображением стилизованных цветов лотоса (рис. 4, 29, 30) третьей четверти VI в. до н. э. Такие сосуды известны по массовым находкам, в т. ч. и в ольвийском некрополе [Скуднева, 1988, кат. 67, 194, 216, 222 (в комплексе с хиосским горшочком), 227, 263]. К позднекоринфскому стилю относится фрагмент глубокого скифоса со сплошным лаковым покрытием верхней части, двумя полосами пурпура и лучевым орнаментом в придонной части (рис. 4, 28) – сам по себе этот декор существовал длительное время и характерен как для среднекоринфского, так и позднекоринфского стилей [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 2061, 2366].

Таким образом, как показал анализ керамического материала, основание поселения Большая Черноморка-II следует относить не к концу VII, или середине VI в. до н. э., как считалось ранее, а к первой четверти VI в. до н. э.

Бейкуш (рис. 1, № 17). Возникновение памятника по разным данным относятся то к середине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 17], то к промежутку от конца VII до начала VI в. до н. э. [о конце VII в. до н. э. см.: Рубан, 1988, с. 7; Отрешко, 1990, с. 9; о начале VI в. до н. э.: Buiskikh, 2001, p. 330; Bujkikh, 2006, S. 143; Bujkikh, 2007 a, S. 203]. Подчеркнем, что последнее заключение было подкреплено предварительным анализом археологических материалов, происходящих из раскопок памятника. Наша же ревизия расписной керамики Бейкуша, которая в количественном и качественном отношении сопоставима с коллекцией Большой Черноморки-II, показала следующее.

Расписная керамика Бейкуша представлена разнообразными закрытыми и открытыми формами. Наиболее ранние – это два небольших фрагмента закрытых сосудов, стилистически близкие группе Лондонского диноса (рис. 7, 1, 2)⁴. Настаивать именно на этом типе сосудов трудно из-за незначительных размеров, однако их наиболее вероятное эолийское происхождение и датировка в пределах начала первой четверти VI в. до н. э., исходя из заполнительного орнамента в виде вписанных треугольников [об эолийской керамике, датировке и происхождении см.: Cook, Dupont, 1998, 56 ff.; Kerschner, 2006, p. 109 ff.] вряд ли подлежит сомнению.

Керамика стиля LWG представлена фрагментами крупных закрытых сосудов с изображением бегущего козла и заполнительного орнамента в виде розеток в центральном фризе (рис. 7, 3), а также стенками подобных сосудов, в том числе с полосой меандра над или под таким фризом (рис. 7, 9, 10) [Cook, Dupont, 1998, p. 54-55]. Не исключено, что к сосудам этого типа принадлежала и двуствольная ручка, скорее всего, также ойнохойи (рис. 7, 12). Со стилем LWG связаны тарелки, имеющие отогнутый бортик и украшенные меандром

⁴ В диссертации В. М. Отрешко приведен рисунок еще одного фрагмента подобного сосуда [Отрешко, 1990 а, рис. 27, 2; см. также: Крыжицкий и др., 1989, с. 68, рис. 25, 4], который нам не удалось обнаружить в коллекции памятника.

по краю, цветами лотосов и концентрическими кругами по вместилищу (рис. 7, 4-8). Одна из них имеет ленту непрерывного меандра по краю (рис. 7, 4), что также известно для тарелок этого типа, хотя и встречается реже [Utili, 1999, Kat. Nr 201, 203]. Фрагмент другой тарелки включает «елочный» орнамент между лепестками розетты в центре, являясь полной аналогией тарелке, найденной на Большой Черноморке-II. Тарелкам или блюдам этого типа принадлежит и высокая ножка-подставка (рис. 9, 5). К группе северо-ионийских расписных ваз типологически примыкает и фрагмент стенки столовой двуручной амфоры с концентрическими окружностями по плечам, разделенными цветами лотосов (рис. 7, 11).

Интерес представляет и большая коллекция ионийских киликов из Бейкуша. Они принадлежат типам В 1 (поздним вариантам) и В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, 29, fig. 4, 5] или типам 9-10 по У. Шлотцхауэру [Schlotzhauer, 2000, S. 410], охватывают значительный диапазон существования от конца первой, всю вторую, третью, скорее всего, также и последнюю четверти VI в. до н. э. (рис. 7, 23-26, 28; 8, 1-9; 9, 1-4, 6). Наиболее ранними являются – глубокий килик с полностью окрашенной внутренней стенкой и тонкой резервной полосой у края (рис. 8, 1) и высокая коническая ножка от такого же сосуда (рис. 7, 28). Редкой для поселений ольвийской хоры является находка фрагмента венчика килика с тонкими полосами лака по внутренней стенке, не выходящего за середину VI в. до н. э. (рис. 7, 23) [определение в качестве аттической продукции: Tocris I, Kat. Nr 1352-1365; как самосская, подражающая аттической: Walter-Karydi, 1982, Kat. Nr 59-71; как восточногреческая: Rouillard, 1978, fig. 4, 4; см. также: Alexandrescu, 2005, С 172, р. 361].

Среди сосудов второй половины VI в. до н. э. следует отметить килик на кольцевом поддоне, покрытый красно-коричневым лаком внутри, за исключением центрального медальона и тонкой резервной полосы у края, а также полосами по внешней образующей венчика, ниже зоны ручек и в придонной части (рис. 8, 7, 8). Морфологические признаки сосуда, общая схема росписи, глиняное тесто с большим количеством визуально различных включений, небрежно смоделированные и прикрепленные ручки позволяют подвергнуть сомнению его ионийское происхождение. Не исключено, что этот килик относится к категории колониальных имитаций, возможно, и ольвийского происхождения, что требует, однако, дополнительной аргументации. Нам известны сосуды идентичной формы и с той же схемой росписи из Ольвии, где они были найдены в полуземлянке последней четверти VI в. до н. э. (раскопки В. В. Крапивиной и А. В. Буйских, 2008 г.).

На поселении найден фрагмент килика с лотосами (рис. 7, 13). Подобные сосуды хорошо известны [Histria IV, Kat. Nr 234], найдены они также и на Березани, и в Ольвии с материалами первой половины VI в. до н. э. [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 46; Русяева, 2006, рис. 168, 3. 4], но на ольвийской хоре фрагмент такого сосуда встречен впервые. Большим количеством пред-

ставлены килики с точечными розеттами (рис. 7, 14-18) и их (или близкие им) поздние тонкостенные варианты на кольцевых поддонах с лучевым или палочным орнаментом (рис. 7, 21. 22. 27). Имеются также килики паросской группы (рис. 7, 19. 20). Керамический комплекс Бейкуша не отличается от поселения Большая Черноморка-II и большой коллекцией ионийской полосатой керамики. Она представлена теми же формами, в основном, закрытыми сосудами – столовыми амфорами, небольшими одноручными кувшинчиками, кубками, а также микроформами (рис. 9, 12-16; 10, 2. 4. 6-11. 15). К этой же категории керамики принадлежат и полосатые аски (рис. 10, 1. 3), светильники (рис. 10, 11. 12), а также открытые формы типа мисок или тарелок (рис. 9, 8-10. 17). Аск, судя по форме тулова, вертикально поставленному горлу и округлой в сечении ручки, относится к ранним типам этих сосудов и может датироваться не позднее середины VI в. до н. э. [Скуднова, 1945, с. 131 сл.].

Необходимо обратить внимание на миски с загнутым внутрь венчиком, расписанные внутри и снаружи тонкими полосами красной краски (рис. 9, 7. 11). Ольвийская коллекция обладает значительным количеством таких сосудов, причем, судя по нашим наблюдениям над движением разных типов сосудов в закрытых керамических комплексах, они появляются ближе к концу третьей четверти VI в. до н. э., а к концу этого и началу следующего столетия они превалируют в составе комплексов наряду с серолощенной столовой посудой. Мы уже высказывали предположение о возможном местном (ольвийском) производстве таких сосудов, исходя из их морфологических признаков и учитывая их массовое распространение в самой Ольвии и во всем нижнебугском регионе [Буйских А., 2004, с. 40]. Такая идея не противоречит и мнению о том, что часть сосудов из Березанской коллекции и, прежде всего, аналогичные открытые формы, декорированные полосами, также являются местной колониальной продукцией, имитировавшей привозную восточнореческую керамику⁵.

В Бейкуше найдены и немногочисленные фрагменты хиосской керамики, представленные преимущественно небольшими одноручными кувшинчиками на плоских поддонах с ангобированным туловом и полосами красно-оранжевого лака (рис. 10, 13. 14. 20). Их находки многочисленны и обычно характерны для слоев и комплексов второй половины VI в. до н.э. [Ильина, 2005, Кат. № 229-233].

Расписная столовая керамика середины – третьей четверти VI в. до н. э. представлена фрагментами южноионийских столовых амфор и амфорисков стиля Фикеллура. Как и с аналогичными керамическими фрагментами из Большой Черноморки, в целом ряде случаев определение конкретных стилистических групп затруднено в силу их фрагментарности. В то же время очевидно, что в основной массе они принадлежат ранним группам по классификации

⁵ Р. Позаментир воздержался от атрибуции аналогичных березанских сосудов как произведенных на Березани [Posamentir, 2006, p. 166-167].

Р. Кука, не выходящим за пределы 30-х гг. VI в. до н. э. Следует выделить горло столовой амфоры с декором в виде крупной плетенки и меандра с разных сторон, стандартным палочным и плюшевым орнаментом на плечах и отдельными волютами на тулове (рис. 11), принадлежащим группам O – P по Р. Куку [Cook, 1936, p. 30 ff.; Cook, Dupont, 1998, p. 85; см. также: Histria IV, Kat. Nr 163]. Такие сосуды представляют собой наиболее поздний этап существования амфор стиля Фикеллура, вплоть до начала V в. до н. э. Другой фрагмент принадлежал подобной амфоре со сложным меандром (рис. 12, 9), среди прочих фрагментов аналогичных амфор с лунарным орнаментом (рис. 12, 1-3, 6-8, 10), имеется небольшой фрагмент амфоры с фризовым изображением бегущей собаки (рис. 12, 4). Иконография собаки характерна для амфор группы M (Вюрцбург) по Р. Куку [Cook, 1936, 24 ff., fig. 8]. Фрагменты амфор с аналогичным изображением собаки найдены на Березани [Борисфен-Березань, 2005, Кат. № 108] и в Истрии [Histria IV, pl. 15, Kat. Nr 156].

Североионийская продукция второй половины VI в. до н. э. представлена клазоменской керамикой. Она дает многочисленные фрагменты сосудов с чешуйчатым орнаментом (рис. 12, 15-18) и столовых амфор в чернофигурной технике. И если первые типичны практически для всех памятников Северного Причерноморья второй половины VI в. до н. э., то находки чернофигурных клазоменских сосудов на Бейкуше представляют интерес. Это крупные столовые амфоры (рис. 12, 11-13) и фрагмент сосуда, горло которого повторяет схему росписи клазоменских столовых амфор с центральной пальметтой (рис. 12, 14) и может рассматриваться как имитация клазоменской чернофигурной вазописи. Бейкушские фрагменты с изображениями сирен, комаста и лани принадлежали трем сосудам класса Энман [Cook, 1933/34, p. 134 ff.; Cook, Dupont, 1998, p. 103-104]. Находки клазоменских сосудов, особенно класса Энман, часты в Нижнем Побужье [Копейкина, 1979, с. 7 сл.]. Стилистически фрагмент сосуда с изображением лани с повернутой назад головой на тонком поводке (?) (рис. 12, 12) близок амфоре с пасущимся оленем из Тузлинского некрополя на Тамани [Сорокина, 1957, табл. 2].

Коринфская керамика дает фрагмент крупного закрытого сосуда с изображением ног птицы или сирены (рис. 10, 16). Небольшие размеры не позволяют точно определить стилистическую принадлежность, однако беглый характер гравировки, пятна пурпура все же предполагает его близость среднекоринфскому стилю [ср. с изображениями птиц на сосудах раннекоринфского: Corinth VII, II, Kat. Nr 194-198 и среднекоринфского стилей: Corinth VII, II, Kat. Nr 87]. В Бейкуше найдено также значительное количество фрагментов миниатюрных котил с декором в виде вертикальных зигзагов и прямых линий позднекоринфского стиля (рис. 10, 17-19) [Corinth XV, III, Kat. Nr 1684-1689]. С Родосом традиционно связывается происхождение ойнохой, декорированных черным лаком по тулову и украшенных по плечам язычками, залитыми попеременно пурпуром и белой краской [Kinch, 1914, pl. 11, 1-3]. До сих пор в регионе Нижнего Побужья

такие сосуды были известны только по находкам на Березани [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 66; Posamentir, 2006, 159, fig. 1], поэтому находка фрагмента такого сосуда на Бейкуше (рис. 10, 21) заслуживает особого внимания.

Итак, как видим, в коллекции бейкушской керамики присутствуют фрагменты столовых сосудов практически от самого начала первой четверти VI в. до н. э., и они равномерно распределены в течение всего этого столетия.

Куцуруб-I (рис. 1, № 21). Поселение считалось возникшим во второй половине VI в. до н.э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 19-20; Марченко, Доманский, 1991, с. 60]. Рассмотренные нами материалы позволяют уточнить эту дату. Наиболее ранний из найденных здесь керамических фрагментов – это верхняя часть коринфского арибалла с язычковым орнаментом на плечах (рис. 13, 3), который датируется в пределах среднекоринфского времени или первой четверти VI в. до н. э. [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 301 ff.]. Имсеется и находка поздней коринфской котилы с фризом зигзагом под краем (рис. 13, 13). Несомненно, к середине – началу третьей четверти VI в. до н.э. относится фрагмент плечевой части североионийской столовой амфоры со вписанными окружностями на плечах, разделенных цветами лотосов (рис. 13, 1). Скорее всего, в пределах третьей четверти этого же столетия следует датировать и стенку крупной столовой амфоры североионийского производства, не исключено, что круга Клазомен, с изображением животного (?) (рис. 13, 2).

Среди находок значительное количество принадлежит фрагментам ионийской полосатой керамики, представленной преимущественно закрытыми формами на кольцевых поддонах, с петлевидным орнаментом по плечам, с овальными или двуствольными ручками (рис. 13, 5-12). Возможно, к продукции Хиоса относится фрагмент стенки миниатюрного закрытого сосуда с плотным белым ангобом, расписанным по верху полосами и петлями (рис. 13, 4). На поселении найден также еще целый ряд фрагментов хиосских сосудов – ангобированных кувшинчиков с окрашенным лаком горлом (рис. 13, 14-15) и двуручных канфаров (рис. 13, 16-18) [см. также: Марченко, Доманский, 1991, рис. 5, 2].

Открытые формы представлены ионийским киликом, внутренняя стенка которого полностью покрыта лаком [Марченко, Доманский, 1991, рис. 8, 4], что характерно для поздних типов этих сосудов. Скорее всего, такому же варианту килика принадлежит и коническая, с уплощенным основанием ножка, полностью покрытая лаком (рис. 14, 5). Такие сосуды принадлежат поздним типам второй половины VI в. до н. э. Следует отметить археологически целые одноручную миниатюрную чашу и миски с загнутыми внутрь краями с полосами лака по внутренней стенке [см. рис.: Марченко, Доманский, 1991, рис. 8, 1-3]. Коллекция таких сосудов значительна, причем некоторые из них имеют по краям отверстия для подвешивания, сделанные до обжига по сырой глине (рис. 14, 1. 3. 4. 7-9. 13).

Среди находок на поселении обращает на себя внимание группа сосудов, представленная открытыми формами (в т. ч. крышкой леканы), характерной

особенностью которых является декор в виде полос, нанесенный красной краской или сплошное покрытие поверхности такой же краской (рис. 14, 10-12, 14). На сегодняшний день у нас уже имеется достаточно оснований говорить о том, что эти сосуды не являлись привозными, а принадлежали местному ольвийскому производству. Большое количество таких сосудов, включая подражания ионийским киликам, происходит из Ольвии, где, по нашим наблюдениям, их количество начинает расти от конца третьей четверти VI в. до н. э., а к концу VI – началу V в. до н. э. они вообще становятся одной из массовых категорий находок. О том, что эти формы не являлись импортными, по крайней мере, из Ионии, говорит не только характер именно красочного, а не лакового покрытия. Всех их отличает также значительная толщина черепка, качество глиняного теста, наличие крупных кольцевых поддонов, в целом, небольшой ассортимент форм. Отметим, что массовое мастное производство сосудов открытых и закрытых форм, подражающих по форме и схемам декора в виде полос привозным ионийским, в принципе, известно по разным областям греческой Ойкумены именно для второй половины VI в. до н. э. [Rouillard, 1978, fig. 6-14].

К категории сосудов специального назначения следует отнести ионийский гуттус [Марченко, Доманский, 1991, рис. 8, 6] и перекидную ручку аска (рис. 13, 19). Все эти формы датируются последней четвертью – ближе к концу VI в. до н. э. К более раннему времени, не исключено, что к первой половине VI в. до н. э., относится профилированное вертикальное горло крупного аска (рис. 13, 20).

В целом, несмотря на то, что большая часть найденных на поселении керамических фрагментов действительно датируется второй половиной VI в. до н. э., имеются экземпляры, позволяющие говорить о более раннем времени его возникновения, т. е. в первой половине VI в. до н. э.

Аджигол-I (рис. 1, № 36). Начало жизни на этом поселении ранее относили к последней четверти VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 23; Буйских, 2005, с. 176]. Тем не менее, несмотря на небольшой объем проведенных здесь раскопок и соответствующую ему керамическую коллекцию, и на этом поселении имеются фрагменты более раннего времени, а именно – третьей четверти этого столетия. К ним, прежде всего, относится венчик коринфской котилы с орнаментом по фризу в виде гирлянды из бутонов лотосов (рис. 15, 1), относящейся к позднекоринфскому времени [Dehl-von Kaenel, 1995, Kat. Nr 2414]. К позднему чернофигурному стилю относится небольшой фрагмент закрытого хиосского сосуда, возможно, двуручного горшочка или ойнохойи с изображением утки и заполнительного орнамента (рис. 15, 3). Следует сказать, что А. Лемос колеблется с точным определением верхней даты таких сосудов, относя ее широко ко всей второй половине VI в. до н. э. [Lemos, 1991, p. 190]. Однако мнение Р. Кука о том, что группы чернофигурного стиля хиосской вазописи в целом не выходят за пределы 40-х гг. этого столетия [Cook, Dupont, 1998, 75; см. также датировку хиосских

сосудов того же типа с Березани не позднее середины VI в. до н. э.: Ильина, 2005, кат. № 202] соответствует нашим наблюдениям над движением различных групп привозной расписной керамики в ольвийских комплексах этого времени. В пределах второй половины VI в. до н. э. может датироваться ручка хиосского кувшинчика или кубка с полосой лака по ангобу (рис. 15, 2).

Кроме этих фрагментов, на поселении найдены также фрагменты поздних ионийских киликов (рис. 15, 10, 12) группы В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также: Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9], а также многочисленные фрагменты закрытых сосудов разных форм, соотносимые с ионийской полосатой керамикой (рис. 15, 4-7, 9, 13). Следует отметить находки асков (рис. 15, 8) и многочисленных светильников (рис. 15, 14-17). Среди находок в жилом комплексе выделим и миниатюрную гидрию из светлой глины (рис. 15, 18). Аналогичный сосуд был найден в одном из жилищ последней трети VI в. до н. э. в Ольвии (раскопки В. В. Крапивиной, А. В. Буйских, 2004 г.). Не акцентируя внимания на происхождении этого сосуда (был он привозным или принадлежал местной, ольвийской работе), отметим только, что находки таких микроформ характерны для позднеархаических жилых и культовых комплексов в целом и широко известны на разных памятниках [см., напр.: Boardman 1967, Kat. Nr 902, 3].

Таким образом, несмотря на ограниченную информационную базу, все же видно, что на поселении Аджигол-I присутствуют материалы самого начала третьей четверти VI в. до н. э., удревняющие начальный период жизни и на этом поселении.

Закисова Балка-I (рис. 1, № 39). Ранние слои поселения отнесены ко второй половине VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 25]. Несмотря на небольшой объем проведенных здесь охранных работ, материалы охранных раскопок позволяют уточнить время возникновения поселения. Среди наиболее ранних следует назвать фрагменты ионийских киликов с полосами лака (рис. 16, 1, 4) группы В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9], время выпуска которых охватывает вторую четверть – середину VI в. до н. э. К этому же времени относится и килик с точечными розетками (рис. 16, 2), а также ряд других открытых форм, в т. ч. миски с каннелюрами по внешнему краю (рис. 16, 3, 5, 6). Керамика североионийских центров представлена фрагментами крупных расписных столовых сосудов, близких по стилю кругу Клазомен (рис. 16, 7, 9). Характерно и присутствие крупных фрагментов ионийских полосатых столовых амфор с петлевидным орнаментом по плечам и горлу, типичных для второй половины и, особенно, последней трети VI в. до н. э. (рис. 16, 11-13, 14, 15). Отметим также носик-цедилку закрытого ионийского сосуда, покрытый лаком, – редкую для поселений бытовую форму (рис. 16, 8). Среди находок имеется и поздний хиосский двуручный канфар с оранжевой полосой по внешней ангобированной стенке (рис. 16, 10).

Таким образом, среди материалов поселения имеются формы, берущие свое начало еще во второй четверти – середине VI в. до н. э.

Широкая Балка-I (рис. 1, № 40). В историографии длительное время существовало мнение, что на поселении найдены материалы от конца VII в. до н.э., что дало повод для рассуждений о его возможном возникновении ранее Ольвии, но однозначно, не позднее [Рабицкий, 1951, с. 122-124; ср.: Русяева, Мазарати, 1986, с. 57]. В настоящее время согласованным считается, что поселение возникло в первой половине VI в. до н.э. [Русяева, Мазарати, 1986, с. 57; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 26]. Изученные нами керамические материалы позволяют уточнить эту датировку.

Наиболее ранними из известных к настоящему времени на памятнике являются коринфские сосуды. Это фрагмент среднекоринфского линейного арибалла с орнаментом в виде язычков под горлом и фризом расположенных в шахматном порядке точек на плечиках (рис. 17, 2). Датировка сосудов с такой и близкой схемой росписи надежно укладывается в первую треть VI в. до н. э. [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 594-599]. Следует выделить и фрагмент верхней части пиксиды (рис. 17, 7) с декором в виде язычков, нанесенных лаком и пурпуром. Его датировка находится в тех же временных рамках [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 1073 ff.]. К позднекоринфскому стилю принадлежат фрагменты глубоких скифосов с лучевым орнаментом в придонной части (рис. 17, 8, 9) и стенка небольшого закрытого сосуда типа амфориска (рис. 17, 6). Поэтому распространенное мнение о том, что коринфские сосуды первой половины VI в. до н. э. в памятниках Северного Причерноморья и в Ольвии, в частности, представлены единичными находками [Boriskovskaja, 1967, p. 426], необходимо корректировать. Это неизбежный процесс, учитывая то увеличение археологических находок, которое произошло за последние десятилетия. И, как видим, материалы поселений Нижнего Побужья играют здесь далеко не последнюю роль⁶.

Североионийская керамика первой половины – середины VI в. до н. э. представлена фрагментами открытых и закрытых форм. Это, прежде всего, тарелка с метопами по краю с изображениями перекрещивающихся линий и кружков и фриза с меандром [Рабицкий, 1951, рис. 34]⁷. Закрытые формы – это двустольные ручки столовых амфор или ойнохой (рис. 17, 13, 15), горло амфоры с простой плетенкой (рис. 17, 19) [см. аналогичные находки: Русяева, Мазарати, 1986, рис. 6], стенки с изображением орнамента в виде лучей (рис. 17, 3) и животного (?) (рис. 17, 14). Керамика клазоменского круга пока не выделяется, за исключением вотивного кружка из стенки с чешуйчатым

⁶ Материалы среднекоринфского времени выделены и в ранней керамической коллекции Мирмекия [Лебедева, 2003-2004, с. 322].

⁷ Нам не удалось обнаружить этот фрагмент в просмотренной керамической коллекции памятника, хранящейся в фондах Национального заповедника «Ольвия» НАН Украины.

орнаментом [Русяева, Мазарати, 1986, рис. 6]. Обращает на себя внимание и отсутствие среди известных нам материалов поселения сосудов стиля Фикеллура, хотя имеется один фрагмент закрытого сосуда с росписью жидким лаком, возможно, инспирированной этим стилем (рис. 17, 20). В данном случае речь идет, скорее всего, об имитации таких или стилистически близких сосудов.

К одному из наиболее ранних относится также фрагмент нижней части хиосского кубка, выполненного в чернофигурном стиле, с изображением ноги комаста и заполнительного орнамента в виде розеток с гравировкой (рис. 17, 1) [Lemos, 1991, P. 163 ff., группа комастов]. Такие сосуды датируются второй четвертью – серединой VI в. до н.э. и хорошо представлены в коллекции Березани [Ильина, 2005, № 124 сл.].

Ко второй половине VI в. до н.э. относятся многочисленные фрагменты закрытых сосудов с петлевидным орнаментом по горлу и плечам, горизонтальным S-видным декором (рис. 17, 16. 18. 21. 22). Как правило, это столовые амфоры, имеется и ручка крупного арибаллического лекифа, полностью покрытая коричневым лаком (рис. 17, 17). Среди открытых форм отметим ионийские миниатюрные чаши – с псевдо-сливом (рис. 17, 12) [Борисфен-Березань, 2005, кат. № 49], фрагменты разнообразных тонкостенных чаш с резервным фризом под краем и полосами лака по внешней стенке (рис. 17, 5; 19, 5. 6), чашу на низком кольцевом поддоне с палочным декором (рис. 18, 15) или в виде полос (рис. 18, 12), а также лаконский килик с точечным декором (рис. 17, 11), килик паросской группы или его имитация (рис. 17, 4).

Немногочисленные фрагменты ионийских киликов принадлежат группе В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также: Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9], имеют стандартную форму с отогнутым наружу краем и сочетанием полос лака по внутренней и внешней стенкам (рис. 18, 2. 3). Как и среди материалов рассмотренных выше поселений, керамическая коллекция Широкой Балки содержит сосуды, соотносимые нами, скорее всего, с местной ольвийской продукцией. Это, прежде всего, имитация ионийского килика (рис. 18, 1) – фрагмент толстостенного открытого сосуда с массивной ручкой, расписанного внутри и снаружи полосами красной краски. Основную массу сосудов составляют миски с загнутыми внутрь краями на массивных кольцевых поддонах, расписанные по внутренней стенке концентрическими полосами красной краски (рис. 18, 4-11. 13. 14). Все они имеют и подобное по визуальным характеристикам глиняное тесто, с большим количеством включений извести, темных частиц, зачастую пористое, с лакунами.

К местной керамической продукции принадлежат фрагменты рыбных блюд – днище и край, полностью покрытые красной краской по внутренней стенке и солонке (рис. 19, 1. 2). Обращает на себя внимание край блюда в виде трех уплощенных каннелюр. Нам уже хорошо известны такие блюда в закрытых комплексах конца VI – начала V вв. до н. э. из Ольвии. Это – типичный морфологический признак рыбных блюд ольвийского производства, известных

в красно- и сероглиняном вариантах и производившихся вплоть до раннеэллинистического времени [Козуб, 1974, с. 54, рис. 15, 6; Парович-Пешикан, 1974, с. 93; Буйских С., 2007, с. 41]. Рыбные блюда позднеархаического времени имеют или сплошное красочное покрытие внутренней части и полую ножку-подставку для конца VI в. до н. э., как в широкобалковском экземпляре, или в виде отдельных полос по краю и вокруг солонки в начале V в. до н. э. [Козуб, 1975, с. 153, рис. 14]. Нельзя исключать, что этот тип рыбных блюд является местным развитием привозных форм, находки которых до сих пор были известны только на Березани⁸ [Dupont, Lungu, 2007, p. 123 ff.]. Идентичное сплошное покрытие красной краской имеет и фрагмент открытого сосуда с вертикальными стенками типа кубка (рис. 19, 3), скорее всего, также местной продукции.

Поселенческие комплексы памятника содержат и такие характерные для античных жилых комплексов бытовые формы как ионийские леканы с полосами лака по внутренней и внешней стенкам (рис. 19, 4), гидрии (рис. 19, 9), аски. Среди последних имеются отдельные экземпляры второй половины VI в. до н.э. (рис. 19, 7) и вплоть до начала V в. до н.э. с наклонным горлом и ручкой подтреугольной в сечении формы (рис. 19, 8).

Рассмотренные материалы поселения Широкая Балка-I позволяют уточнить время его возникновения в пределах первой четверти VI в. до н.э. Отметим также, что материалы конца VII в. до н.э., как считалось ранее, на поселении отсутствуют.

Чертоватое-VII (рис. 1, № 46). Возникновение поселения ранее было отнесено к последней трети VI в. до н.э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 27]. Анализ керамических находок восточногреческого происхождения показал, что и на этом поселении имеются более ранние материалы. Это, прежде всего, фрагмент хиосского горшочка не позднее 40-х гг. VI в. до н. э. в чернофигурной технике, с изображением утки (рис. 20, 4), аналогичного найденному на поселении Аджигол-I. Хиосским кувшинчикам второй половины VI в. до н. э. принадлежали ручка с полосами коричневого лака (рис. 20, 3) и профилированное горло с полосами лака (рис. 20, 7). Найден также почти целый аналогичный кувшинчик (рис. 21, 3).

Клазоменская керамика представлена закрытыми формами в виде небольших столовых амфор с чешуйчатым орнаментом (рис. 20, 1, 2). Скорее всего, такому же сосуду принадлежала и полностью окрашенная коричневым лаком ручка (рис. 20, 20). Найдена также придонная часть тонкостенной ионийской чаши (рис. 20, 13), представляющая собой позднюю реплику чаш с точечными розетками. Имеется и фрагмент венчика лаконского килика (рис. 20, 5). Их находки характерны именно для третьей четверти VI в. до н. э. В комплексах последней четверти этого столетия они, как правило, уже

⁸ Нам известно одно такое же фрагментированное рыбное блюдо из раскопок Ольвии 1960-х гг.

не встречаются. Ионийская полосатая керамика представлена в Чертоватом значительным количеством находок фрагментов от разнообразных сосудов. Среди них – почти целый арибаллический лекиф с петлевидным орнаментом по плечам (рис. 21, 5), а также фрагменты других закрытых сосудов, возможно, аналогичных этому (рис. 20, 8-11. 17). К той же категории керамики относятся фрагмент края небольшой чаши с полосами по внутренней стенке (рис. 20, 6), еще одна такая же археологически целая чаша (рис. 21, 4) ручка крупной гидрии (рис. 20, 15), дно кувшинчика с полосами у плоского поддона (рис. 14, 14), а также светильники (рис. 20, 16. 18. 19) и аск (рис. 21, 2). Все эти привозные сосуды, включая ионийские полосатые, датируются в пределах второй половины VI, частично заходя в самое начало V в. до н. э.

Имеются также находки открытых, реже закрытых форм с полосами красной краски или сплошным покрытием поверхности такой же краской. Это лекана (рис. 21, 1), рыбное блюдо (рис. 21, 6), тарелка с загнутым внутрь краем (рис. 21, 9), а также фрагменты венчиков киликов, подражающих по форме поздним ионийским (рис. 20, 12; 21, 8), и кувшина (рис. 21, 7), которые мы предположительно относим к местному, ольвийскому производству. Следует обратить внимание на рыбное блюдо с характерной солонкой в центре, полностью покрытое красной краской (рис. 21, 6). Аналогичное блюдо, как мы предполагаем, принадлежащее местной продукции, уже отмечено в коллекции Широкой Балки-I.

Материалы поселения Чертоватое-VII свидетельствуют о том, что и здесь имеются керамические находки более раннего времени, чем считалось прежде, т. е., начиная после середины VI в. до н. э.

Старая Богдановка-II (рис. 1, № 69). Поселение, исходя из датировок керамического комплекса, считалось основанным во второй половине VI в. до н. э. [Марченко, Доманский, 1983, с. 58; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 31-32]. Наш пересмотр этих материалов, частично введенных авторами раскопок в научный оборот, позволил уточнить время его возникновения.

Наиболее ранние фрагменты принадлежат столовым закрытым сосудам, скорее всего, амфорам североионийского производства – с изображениями всадника и человеческой фигуры в центральных фризах (рис. 22, 1. 2. 9). По материалам Ольвии такие или стилистически близкие сосуды нам известны из закрытых комплексов середины – начала третьей четверти VI в. до н.э. С североионийской продукцией связаны и фрагменты расписных закрытых сосудов, в т. ч. с чешуйчатым орнаментом (рис. 22, 4. 6. 7). Найдено также горло клазоменской гидрии (?) [Марченко, Доманский, 1983, рис. 4, 6].

Из раскопок поселения происходит фрагмент верхней части южноионийской амфоры стиля Фикеллур с плетенкой по горлу, фризом лотосов по плечам и чешуйчатым орнаментом по тулову [Марченко, Доманский, 1983, рис. 4, 1]. По схеме декора верхней части этот сосуд синхронен мастеру амфоры Альтенбург 191, время деятельности которого ограничено 40-ми гг.

VI в. до н.э. [Cook, Dupont, 1998, p. 80-81, fig. 10. 3]⁹. В пределах последней четверти этого столетия находится и фрагмент амфор стиля Фикеллура с изображением волют и лотосов [группы N-P по Р. Куку, см.: Cook, Dupont, 1998, p. 88, fig. 10. 8; см. также: Wascheck, 2008, S. 53] (рис. 22, 3). Интерес представляют фрагменты стенок, не исключено, гидрии или стамноса с боковыми ручками, плечевая часть которого расписана овами и абстрактным декором в виде линий и заполнительным орнаментом – тройными мазками лака (рис. 22, 5). Трудно настаивать на ионийском происхождении сосуда, исходя из схемы декора и визуальных характеристик глиняного теста – плотного, светлого, практически без включений. Не исключено, что это – еще одна колониальная имитация, происхождение которой пока не установлено.

Многочисленны в Старой Богдановке-II находки ионийской полосатой керамики, представленной в основном столовыми амфорами и арибаллическими лекифами (рис. 23, 1-9. 11). Все они имеет стандартную форму декора в виде одного или двух рядов петель, горизонтальных «восьмерок», нанесенных красно-коричневым матовым лаком, полосами лака по центру тулова и у основания профилированного поддона. Время бытования таких сосудов охватывает практически всю вторую половину VI в. до н.э., переходя и в начало следующего столетия. Типологически к этой группе керамики относится и край леканы с петлевидным орнаментом по внешней стенке (рис. 23, 10). К позднему типу ионийских полосатых сосудов принадлежит стенка столовой амфоры с четырьмя узкими полосами лака по перегибу тулова, у нижнего прилепа ручки (рис. 22, 12). Такие амфоры массово известны по находкам в погребальных комплексах начала – первой половины V в. до н.э. [Laurenzi, 1936, fig. 97, 166].

Отдельную часть коллекции составляют ионийские килики. Они принадлежат группе В 2 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 9-10], имеют стандартную форму с отогнутым наружу краем и сочетанием полос лака по внутренней и внешней стенкам (рис. 24, 2. 8), а также придонную часть с кругом в цвете глины и, как правило, небольшую коническую ножку или кольцевой поддон (рис. 24, 13. 15). Время массового импорта таких сосудов в Северное Причерноморье – вторая и третья четверти VI в. до н.э. Вплоть до начала V в. до н.э. существуют поздние варианты или имитации сосудов такого типа – с невысоким, практически вертикальным краем, полностью покрытым лаком, иногда с полосами по внешней стенке (рис. 24, 5. 9. 10). К вероятным местным имитациям ионийских киликов принадлежат края килика с внешней образующей венчика, покрытой красной краской (рис. 24, 6). Киликам паросской группы с палочным орнаментом в резервной зоне близки несколько фрагментов сосудов (рис. 24, 3. 4) [Марченко, Доманский, 1983, рис. 5, 4. 8. 9].

⁹ В обработанной нами коллекции этот фрагмент обнаружить не удалось.

Кроме киликов, открытые формы представлены чашами ионийского производства с корзинкой лучей у кольцевого поддона и окружностями лака в придонной части (рис. 24, 1. 12), с разными вариантами декора практически вертикального края (рис. 24, 11. 14. 16. 17). Все они характерны преимущественно для конца VI – начала V в. до н. э. Этим же временем датируются большие тарелки с концентрическими окружностями разной ширины в придонной части и под краями, выполненными матовым лаком (рис. 25, 1-3). Преимущественно к последней четверти VI и началу V в. до н.э. принадлежат хиосские ангобированные кувшинчики с полосами лака (рис. 25, 6. 7. 14) и фрагмент двуручного канфара (рис. 25, 9) [Ильина, 2005, № 213 сл.; 229 сл.]. Синхронны им и красноглиняные неангобированные кувшинчики, иногда с полосами лака по центру тулова, а также принадлежащие им ручки с поперечными полосами лака (рис. 25, 4. 5. 15-18). Найдены также фрагменты асков, представленных поздними вариантами формы (рис. 25, 10-13).

К продукции материковой Греции относится лаконский килик с точечным декором [Марченко, Доманский, 1983, рис. 5, 1]. Немногочисленные фрагменты коринфских сосудов равномерно распределяются в пределах всей второй половины VI в. до н.э. Это – стенка арибалла с лотосами (рис. 22, 10), миниатюрной котилы с наклонными зигзагами в верхнем фризе (рис. 22, 8), а также фрагменты глубоких скифосов с корзинкой лучей у основания (рис. 22, 9. 11). Отметим также фрагмент поздней коринфской пиксиды со сдвоенными полосами (рис. 22, 12).

Как видно, среди материалов поселения Старая Богдановка-II, которые действительно в общей массе датируются второй половиной VI в. до н. э., выделяются фрагменты середины и самого начала третьей четверти этого столетия, которые и позволяют уточнить время постоянной жизни на поселении.

Лупарево-II (рис. 1, № 100). Это поселение относили к одному из самых поздних по времени возникновения среди всех памятников архаической хоры Ольвии, т. е. к последней четверти или даже к концу VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 37; Виноградов, Марченко, 1986, с. 59]. Вместе с тем, имеющиеся материалы, несмотря на их малочисленность, позволяют говорить о том, что поселение было основано раньше, а именно после середины, ближе к началу третьей четверти VI в. до н. э. Прежде всего, не позднее 30-х гг. VI в. до н. э. датируется фрагмент стенки клазоменской чернофигурной амфоры с изображением лебедя [Виноградов, Марченко, 1986, рис. 4, 3]. Скорее всего, к этому же времени относится и килик, близкий по форме лаконским киликам [Там же, рис. 4, 10]. Кроме того, из разведочных сборов на территории памятника происходит редчайший для ранней античной керамической коллекции всего Нижнебугского региона фрагмент клазоменской чернофигурной столовой амфоры группы Тюбинген с изображением хоровода женщин (рис. 26, 1) [Cook, Dupont, 1998, p. 95-98, fig. 12. 2], не выходящей за 60 – 40-е гг. VI в. до н. э. Это пока только второй после Березани [Корпусова,

1987, рис. 20, 1. 2] факт находки фрагмента подобного сосуда в Северном Причерноморье. До сих пор они неизвестны даже в Ольвии, поэтому его находка на небольшом, удаленном от центра полиса, сельском поселении хоры вызывает особенный интерес, расширяя тот все еще немногочисленный круг средиземноморских памятников (Клазомены, Навкратис, Телль Дефене, Митилена, Смирна, Сарды) [Cook, 1933/34, p. 124 ff.], где были найдены эти высококлассные в художественном отношении сосуда.

Станислав-I (рис. 1, № 105). Начало существования поселения обычно относилось к концу VI в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 40] или второй половине – последней трети этого столетия [Виноградов, Соловьев, 1996, с. 182; Виноградов, 2002, 89]. Хотя восточнореческой керамики на поселении практически не было найдено, в то же время, несомненно заслуживает внимания факт находки двух фрагментов клазоменской столовой амфоры группы Энман (рис. 26, 2). Такой тип амфор с изображениями волют с пальметтами, между которыми помещались различные фигуры, например, танцующие комасты, хорошо известен, их находки, как правило, многочисленны [Сидорова, 1968, рис. 6; Копейкина, 1979, с. 22, рис. 23, 24; см. дискуссию по поводу происхождения амфор с волютами и силенами: Сидорова, 1992, с. 161-162, рис. 14 ж]. Стилистически Н. А. Сидорова относила такие амфоры североионийского (по стилю близкого к клазоменским мастерским) производства к середине VI в. до н. э. [см. дискуссию Н. А. Сидоровой с Л. В. Копейкиной по поводу происхождения и датировки амфор с волютами и силенами: Сидорова, 1992, с. 161-162]. По нашим наблюдениям, импорт таких столовых амфор в Северное Причерноморье уверенно вписывается в третью четверть этого столетия, поскольку в многочисленных известных нам ольвийских комплексах последней четверти столетия они уже не встречаются.

Ягорлык (рис. 1, № 107). В литературе в основном утвердилась датировка этого памятника по В. В. Рубану, который на основании анализа профильных частей амфор и расписной столовой керамики отнес его появление к последней трети VII в. до н. э. [Рубан, 1983, с. 289]. В то же время А.С. Островерхов, базируясь на своем анализе находок, считал, что Ягорлык возник «в конце VII, или, скорее всего, начале VI в. до н. э.» [Островерхов, 1978, 14]. В любом случае, общепринятым является вывод о том, что Ягорлыцкое поселение явилось вторым после Борисфена по времени появления античным памятником в регионе Нижнего Побужья, и было основано жителями Борисфена как их производственно-ремесленный центр [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 22, 79, 94]. Точка зрения о том, что памятник относится только к VI в. до н. э. [см. напр.: Оленковский, 1977, с. 347; 2002, с. 75], как правило, не подкреплялась необходимым анализом керамической коллекции и поэтому не учитывалась при общих хронологических построениях. Отдельно следует упомянуть и мнение о том, что Ягорлыцкое поселение было основано в первой половине VI в.

до н. э. Это заключение принадлежит В. Д. Кузнецову, который совершенно справедливо, только на основании опубликованных В. В. Рубаном рисунков керамических профилей, засомневался в предложенной им столь ранней дате возникновения памятника [Кузнецов, 1991, с. 34, прим. 41].

Расписная столовая посуда данного поселения представлена значительным количеством открытых форм, преобладающих над закрытыми. Современный анализ тарелок позволяет определить их как имеющих северо-ионийское происхождение и отнести их к стилю LWG [Cook, Dupont, 1998, p. 51 ff.]. Они представлены двумя известными типами – с загнутыми внутрь и отогнутыми краями, имеют несколько живописных зон. Несколько тарелок содержат чередующийся палочный орнамент с точечными розетками в метопах по отогнутому бортику или в верхней зоне, цветов лотоса и бутонов в средней зоне (рис. 27, 1. 4) [Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 3553]. Аналогичную декоративную схему декора имела и тарелка с меандром по загнутому краю (рис. 27, 2). Редкой находкой является фрагмент тарелки с отогнутым краем, украшенный орнаментом из завернутых волют и, скорее всего, идентичным фризом из цветов и бутонов лотоса (рис. 27, 8).

Не ранее этого времени датируются и ионийские килики группы В 1 по Вилларду-Валле [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 4; Schlotzhauer, 2000, Fig. 297, Gruppe 10]. Этот тип открытых сосудов действительно берет начало в конце последней четверти VII в. до н. э., но морфологические и стилистические характеристики ягорлыцких сосудов позволяют отнести их к более позднему этапу существования этого типа – первой четверти VI в. до н. э. [Тосра I, Kat. Nr 1218-1222; Utili, 1999, Kat. Nr 66-71; Alexandrescu, 2005, С. 167; ср. с киликами, датировка которых надежно установлена в пределах последней четверти VII в. до н. э.: Kerschner, 1997, Taf. XV, Kat. Nr 112-122]. Их отличает глубокое вместилище, невысокий отогнутый наружу венчик, оставленный в цвете глины и с тонкой полоской по краю внешней образующей, тонкая полоса в цвете глины в зоне ручек, сплошное покрытие лаком остальной наружной части и полностью – внутренней стенки (рис. 27, 13. 15. 16. 20). Скорее всего, таким же сосудам принадлежали ручки и придонные части с невысокими коническими ножками (рис. 27, 20. 23. 25-27). К тому же типу принадлежит и килик, имеющий разорванное покрытие внешней стенки ниже зоны ручек, относящихся к типу В 2 по Вилларду-Валле, захватывающих всю вторую четверть VI в. до н. э. и заходящих в начало его третьей четверти (рис. 27, 12) [Villard, Vallet, 1955, p. 29, fig. 5; см. также: Тосра I, Kat. Nr 1288-1290; Rouillard, 1978, fig. 3, 2-7]. Обращает внимание, что в количественном отношении преобладают килики группы В 1.

Среди открытых форм представляет интерес глубокая чаша с пятилепестковой розеткой в центре (рис. 27, 9), близкие аналогии которым относятся к началу VI в. до н. э. [Kinch, 1914, pl. 21. 6b; Thalmann, 1977, Kat. Nr 29-33; см. также: Histria II, pl. 13. 216 – с шестилепестковой розеткой]. С этим временем

коррелируется и датировка чаш с точечными розетками. В коллекции отсутствуют как их ранние (последней трети VII в. до н. э.), так и поздние (середины – третьей четверти VI в. до н. э.) формы, а имеющиеся позволяют датировать их более широко (рис. 27, 6. 10. 11. 21. 22). Скорее всего, два фрагмента (рис. 27, 10. 11) принадлежали одной чаше и представляли собой тип чаш с тремя точечными розетками – в зоне ручек и по центру каждой из сторон причем время их существования не доходит даже до конца первой четверти VI в. до н.э. [Тосра I, Kat. Nr 742; Тосра II, Kat. Nr 2031; Courbin, 1978, fig. 13; Dehl- von Kaenel, 1995, Kat. Nr 3582; Ersoy, 2004, p. 54-55, fig. 12]. Отмеченные типы чаш (рис. 27, 9-11) на других поселениях пока не выделяются.

Закрытые формы представлены немногочисленными находками, наиболее вероятно, амфор или ойнохой, которым и принадлежали двустольная ручка сосуда (рис. 27, 28), а также стенка столовой амфоры с шестью вертикальными линиями (рис. 27, 14). Находки амфор с таким декоративным элементом, размещавшимся часто в верхней части сосуда, в зоне ручек, известны в Ольвии [Книпович, 1940, с. 94, рис. 3, ср.: Histria IV, Kat. Nr 253, pl. 1]¹⁰. При этом отметим, что этот декоративный элемент, представляющий реминисценцию позднегеометрического декоративного репертуара, доживает вплоть до середины VI в. до н.э., ольвийский же экземпляр отмечен как наиболее поздний [Kerschner, 2006, S. 230, Abb. 1]. Аналогичный фрагмент столовой амфоры с вертикальными линиями происходит из Истрии [Histria II, pl. 19, 311]. Трехствольная ручка амфоры (рис. 17, 19), а также стенка с дополнительной розеткой (рис. 27, 3), принадлежали североионийским амфорам стиля LWG [Cook, Dupont, 1998, p. 54-55], как, скорее всего, и стенки с незначительными фрагментами росписи (рис. 27, 5. 7).

Найденные фрагменты коринфских арибаллов или алабастров с росписью в виде лепестков по венчику (рис. 27, 29. 30), относятся как к раннекоринфскому, так и к среднекоринфскому стилю и датируются в пределах первой трети VI в. до н. э., стилистически, однако, будучи несколько более поздними, чем аналогичный декор из лепестков на раннекоринфских арибаллах [Corinth XV, III, Kat. Nr 1551-1552; ср.: Dehl-von Kaenel, 1995, Kat. Nr 75, 425; Schaeffer, Ramage, Greenewalt, 1997, Kat. Nr 89].

Как показал анализ расписной керамики, среди материалов Ягорлыцкого поселения действительно отсутствуют фрагменты второй половины или последней трети VII в. до н. э., как считалось ранее [Рубан, 1980, 112; 1983, 289]. Имеющийся же керамический комплекс берет свое начало от первой четверти VI в. до н. э. при том, что наиболее поздние материалы не доходят до середины этого столетия. Поэтому нельзя исключать, что поселение, учитывая его сезонный и ремесленный характер, активно функционировало, очевидно, в пределах жизни всего лишь одного поколения греческих колонистов.

¹⁰ Нам такие сосуды известны и по современным исследованиям строительных комплексов середины – второй половины VI в. до н. э. в Ольвии.

Таким образом, подводя некоторые итоги работы с керамическим материалом аграрных поселений Нижнего Побужья архаического времени (см. табл. 1), необходимо отметить следующие моменты.

1. Как видим, в результате уточнения датировок основания ряда архаических поселений региона, удалось снять их, в одних случаях крайне заниженные, а в других – крайне завышенные показатели и привести их в соответствие с объективными современными данными.

2. Для поселений западного района архаической хоры, т. е. побережья Березанского лимана, оказалось, что время основания всех основных памятников (Викторовка-I, Каборга-I, Большая Черноморка-II, Бейкуш) имеет единую хронологическую точку отсчета, а именно, первую четверть VI в. до н.э.

3. Весь массив расписной керамики на Ягорлыцком поселении (левый берег Днепровского лимана) также датируется, начиная от первой четверти VI в. до н. э. Материалы же конца или последней четверти VII в. здесь полностью отсутствуют.

4. Ранние материалы ряда памятников к востоку от Березанского лимана, замыкающих цепь архаических поселений Нижнего Побужья на побережье между Очаковским мысом и Ольвией (Куцуруб-I, Широкая Балка-I), также относятся к первой четверти VI в. до н. э.

5. В отличие от них, исходя из полученных нами данных, поселения, расположенные к северу от Ольвии, на правом берегу Бугского лимана (Чертоватое-VII, Старая Богдановка-I) и поселения левобережья Бугского лимана (Лупарево-I, Станислав-I) возникают сразу после середины – в начале третьей четверти VI в. до н. э.

6. В то же время материалы некоторых поселений, несмотря на небольшие объемы их коллекций, а именно, Аджигол-I и Закисова Балка-I, позволяют считать, что параллельно расширению колониальной хоры к северу и востоку от Ольвии, очевидно, продолжался поселенческий процесс и внутри уже освоенной греками земледельческой территории.

7. Несмотря на предварительный характер данной работы, можно заключить, что обработка пусть даже и одной группы керамики из раскопок раннеантичных поселений Нижнего Побужья, все же дает основание и возможность не только уточнить их датировку, но и внести и некоторые существенные коррективы во все предыдущие модели и схемы процесса протекания греческой колонизации этой части Причерноморья в целом.

8. Принимая во внимание то обстоятельство, что по современным данным время основания Ольвии относится примерно к концу первой – началу второй четверти VI в. до н. э. [Русяева, 1998, с. 164; 2006 б, с. 226; Буйских, Крапивина, 2001, с. 48; Bujskich A, 2005, р. 30], можно предполагать, что начало мероприятий по заселению и освоению земледельческой территории Нижнего Побужья были явно синхронизированы с этим событием [Буйских, 2009, с. 225-226, 238-239].

9. Данное предположение подтверждается и устройством примерно около этого же времени в регионе системы греческих колониальных святилищ, очертивших границы будущей хоры и государства в целом [Русяева, 1990, с. 56-57; 2005, с. 94; Буйских С., 2004, с. 10-11; Bujskich S., 2005, S. 196-197; Bujskich S., 2006 a, S. 271]. Другими словами, мы считаем, что акт основания Ольвии, выделение там теменоса Аполлона Иетроса, мероприятия по устройству системы пограничных святилищ *extra-urban* и параллельное широкое освоение земледельческих пространств Нижнего Побужья путем основания целой сети поселений по берегам Березанского, Бугского и Днепровского лиманов не носило протяженный во времени, многоэтапный характер. На наш взгляд, все это происходило примерно в одно время и по одному и тому же заранее продуманному колонизационному плану.

10. Учитывая последние научные разработки, согласно которым Борисфен, служа центром посреднической торговли с варварским хинтерландом, являлся эмпорием, а не полисом [Буйских А., 2005, с. 164; Bujskich A., 2005, S. 30; ср.: Kerschner, 2006 a, S. 244], можно предполагать, что на раннем этапе (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.) его функционирование носило не стационарный, а временный (сезонный) характер¹¹. Об этом, в первую очередь, красноречиво свидетельствует отсутствие строительных остатков указанного времени на Березани, фиксируемое в течение всей длительной истории археологического исследования памятника¹². Акты же основания постоянного поселения на Березани и основания центра ионийской апойки в Нижнем Побужье – Ольвии, скорее всего, были одновременными событиями, произошедшими в самом начале первой четверти VI в. до н. э.

11. Получение современных хронологических реперов возникновения рядовых земледельческих поселений Нижнего Побужья, и в первую очередь, на Березанском лимане, опровергает достаточно распространенную ныне точку зрения о наличии у Борисфена собственной хоры [Solovev, 1998, p. 222 ff.; Solovyov, 2001, p. 118 ff.]. В силу своего эмпориального характера, своей хорой он не располагал [Буйских С., 2008, с. 35; 2009, с. 225]. В отличие от него, Ольвия сразу была запрограммирована и как город, и как центр будущего полиса с необходимой внутренней территорией, специально заре-

¹¹ Вероятно, данное обстоятельство теперь объясняет тот противоречивый факт, о котором в свое время говорила Л.В. Копейкина, а именно – несмотря на отсутствие строительных остатков VII в. до н. э., керамический материал бесспорно показывает, что во второй половине VII в. до н.э. Березань «активно функционировала» [Копейкина, 1982, с. 31].

¹² См. подробнее дискуссию о хронологии наиболее ранних строительных комплексов Березани [Соловьев, 2000, с. 293; 2005, с. 9 сл.]. В этой связи напомним, что один из исследователей Березани В. В. Назаров, подчеркивал, что культурный слой VII в. до н. э. в чистом виде на острое обнаружен не был и выделение древнейшего периода в истории поселения зачастую базируется на основании хотя и многочисленных, но все же достаточно случайных находок [Назаров, 1997, с. 7]. Согласно результатам последних исследований на Березани, датировка открытых ранних строительных комплексов укладывается в пределы первых трех четвертей VI в. до н. э. [Чистов, 2004, с. 60].

звервированной для развития собственного сельского хозяйства [Буйских А., 2005, с. 160; Вуйских А., 2005, S. 30].

12. Благодаря уточнению хронологии архаических поселений Нижнего Побужья, можно считать установленным, что вслед за основанием Ольвии, ее хора в регионе была полностью заселена и освоена, очевидно, в два приема: 1) первая четверть – середина VI в. до н. э. (Рыбаковка – Широкая Балка, рис. 1, № 1-40) и 2) середина – третья четверть VI в. до н. э. (Чертоватое – Варваровка – Станислав, рис. 1, № 41-86-106)¹³, вследствие чего Ольвийский полис приобрел все необходимые элементы и черты колониального полиса [Буйских, 2009, с. 239-241]. Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что основание и становление греческого полиса и его хоры в Нижнем Побужье проходило целенаправленно и организовано, а не стихийно, как считалось ранее [Крыжицкий и др., 1989, с. 40-41] и отвечало основным требованиям греческой колонизационной практики. Однако более подробное решение затронутых нами проблем, в определенной степени имеющих дискуссионный характер, требует отдельного рассмотрения и уже выходит за рамки данной статьи.

Таблица 1.

Время основания поселений хоры Ольвии архаического времени.

Название памятника	Прежняя датировка	Уточненная датировка
Викторовка-I	Середина VI в. до н. э.	Первая четверть или первая половина VI в. до н. э.
Каборга-I	Середина – вторая половина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Большая Черноморка-II	1. Конец VII – начало VI в. до н. э. 2. Середина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Бейкуш	1. Конец VII – начало VI в. до н. э. 2. Середина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Куцуруб-I	Вторая половина VI в. до н. э.	Первая четверть или первая половина VI в. до н. э.
Аджигол-I	Последняя четверть VI в. до н. э.	Начало третьей четверти VI в. до н. э.

¹³ Возможно, это можно объяснять двумя основными волнами колонизационного потока в Нижнее Побужье.

Закисова Балка-I	Вторая половина VI в. до н. э.	Вторая четверть VI в. до н. э.
Широкая Балка-I	1. Конец VII до н. э. 2. Первая половина VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.
Чертоватое-VII	Последняя треть VI в. до н. э.	Середина – начало третьей четверти VI в. до н. э.
Старая Богдановка-I	Вторая половина VI в. до н. э.	Начало третьей четверти VI в. до н. э.
Лупарево-II	1. Последняя четверть VI в. до н. э. 2. Конец VI в. до н. э.	Начало третьей четверти VI в. до н. э.
Станислав-I	1. Вторая половина – последняя треть VI в. до н.э. 2. Конец VI в. до н. э.	Середина – третья четверть VI в. до н. э.
Ягорлык	1. Последняя треть VII в. до н. э. 2. Конец VII – начало VI в. до н. э.	Первая четверть VI в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. – Москва, 1997.
- Борисфен – Березань.* Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже 23 июня – 11 сентября 2005 г. – С.-Петербург, 2005.
- Буйских А. В.* О керамических комплексах VI в. до н. э. из Ольвии // Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – Вып. V. – С. 36-42.
- Буйских А. В.* Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI-V вв. до н. э. // ВДИ. – 2005. - № 2. – С. 146-164.
- Буйских С. Б.* Святилища *extra-urban* эпохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. – 2004. - № 3. – С. 3-14.
- Буйских С.Б.* Античное поселение Аджигол-1 близ Ольвии // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Вип. XII. – Запоріжжя, 2005. – С. 164-189.
- Буйских С.Б.* Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI-I вв. до н. э. (историографический аспект) // ЕУХΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. – С.-Петербург, 2007. С. 28-44.
- Буйских С. Б.* Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2008. – С. 35.
- Буйских С. Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя. – Вип. 15. – 2009. – С. 225-247.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. – Киев, 1986. – С. 59-68.

- Виноградов Ю. А., Соловьев С. Л.* Археологические исследования на городище Станислав // РА. – 1996. – № 1. – С. 180-185.
- Виноградов Ю. А.* Городище Станислав (Основные итоги исследований 1982, 1988-91 гг.) // Археологічна збірка. – № 2. – Херсон, 2002. – С. 88-106.
- Домжалевский К., Чистов Д. Е.* Итоги работ на участке «Н» (1994-1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. – Вып. 1. – С.-Петербург, 2003. – С. 3-41.
- Ильина Ю. И.* О новых находках восточно-греческой керамики на острове Березань // ΣΥΣΣΙΤΙΑ Памяти Ю. В. Андреева. – С.-Петербург, 2000. – С. 201-209.
- Ильина Ю. И.* Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. – Т. 1. – С.-Петербург, 2005. – С. 70-173.
- Капошита С. И.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. – Вып. 50. – С. 211-254.
- Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. – Київ, 1974.
- Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. – Киев, 1975. – С. 139-163.
- Копейкина Л. В.* Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике (по материалам раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. – Ленинград, 1979. – С. 7-25.
- Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. – Ленинград, 1982. – С. 6-35.
- Корпусова В. Н.* Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. – Киев, 1987. – С. 35-53.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. – Киев, 1989.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – Киев, 1990.
- Кузнецов В. Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. – 1991. – Вып. 204. – С. 31-37.
- Лебедева Е. В.* Ранняя коринфская керамика из раскопок Мирмекия // Stratum plus. – 2003-2004. – № 3. – С. 320-323.
- Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. – Москва – Ленинград, 1964. – С. 131-174.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтowa И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. – Москва, 2005.
- Марченко К. К., Доманский Я. В.* Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка 2 // АСГЭ. – 1983. – Вып. 24. – С. 56-72.
- Марченко К. К., Доманский Я. В.* Комплекс вещественных находок на античном поселении Куцуруб I // АСГЭ. – 1991. – Вып. 31. – С. 57-76.
- Назаров В. В.* Древнегреческое поселение на острове Березань. – Николаев, 1997.
- Олеиковский Н. П.* Работы Херсонского музея // АО 1976 г. – Москва, 1977. – С. 347.
- Олеиковський М. П.* Дослідження на Ягорлицькому античному поселенні // Археологічна збірка. – № 2. – Херсон, 2002. – С. 74-78.
- Острроверхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлицького поселения со Скифией (VII – середина V вв. до н. э.) // Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1978.
- Отрешко В. М.* Ольвийская хора VI-V вв. до н.э. // Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1990.
- Отрешко В. М.* Ольвийская хора VI-V вв. до н.э. Киев, 1990 а. / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Рукопись // НА ИА НАНУ. – № 695. – 234 с.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. – Киев, 1974.
- Рабичкин Б. М.* Поселение у Широкой Балки // КСИА. – 1951. – Вып. 40. – С. 114-124.

- Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения // ИААСП. – Киев, 1980. – С. 104-114.
- Рубан В. В. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. – 1983. - № 1. – С. 285-291.
- Рубан В. В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время) // Автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Киев, 1988.
- Русяева А. С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. – Киев, 1990. – С. 40-61.
- Русяева А. С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 160-170.
- Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – Киев, 2005.
- Русяева А. С. Восточногреческая керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 162-168.
- Русяева А. С. Коринфская керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 168.
- Русяева А. С. Западный теменос в контексте истории и духовной культуры Ольвийского полиса // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. – Симферополь, 2006. – С. 226-246.
- Русяева А. С., Мазарати С. Н. Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. – Киев, 1986. – С. 47-58.
- Сидорова Н. А. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // СГМИИ. – 1968. – Вып. 4. – С. 110-118.
- Сидорова Н. А. Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // СГМИИ. – 1987. – Вып. 8. – С. 110-125.
- Сидорова Н. А. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965-1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // СГМИИ. – 1992. – Вып. 10. С. 131-172.
- Скуднива В. М. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. – Т. 1. – Ленинград, 1945. – С. 131-140.
- Скуднива В. М. Архаический некрополь Ольвии. – Ленинград, 1988.
- Соловьев С. Л. Архаическая Березань: (историко-археологический очерк) // АВ. – 2000. – Вып. 7. – С. 291-308.
- Соловьев С. Л. Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. – Т. 1. – С.-Петербург 2005. – С. 7-15.
- Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь. – Москва, 1957.
- Чистов Д. Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. – Т. 1. – С.-Петербург, 2004. – С. 57-112.
- Финогенова С. И. Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. – 2006. – Т. 9. – С. 337-354.
- Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe – IVe s.) // Histria IV. – București, Paris, 1978.
- Alexandrescu P. La céramique // Histria XII. - București, Paris, 2005. – P.329-411.
- Amx D. A., Lawrence P. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well // Corinth VII. II. – Princeton, N. Jersey, 1975.
- Boardman J. Excavations in Chios 1952-1955. Greek Emporio. – London, 1967.
- Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963-1965. The Archaic Deposits I – Tocra I. – Oxford, 1966.
- Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963-1965. The Archaic Deposits II and later Deposits. – Tocra II. – Oxford, 1973.
- Boriskovskaja S. P. On Trade Connection between the Greek Cities of the Northern Black Sea Coast and Corinth in the Archaic Period // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock- 16 Jahrgang 1967. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. – Hft 7/8. – P. 425-429.
- Bujskich A. V. Borysthenes – Olbia. Die Gründung von Olbia im Lichte der jüngsten archäologischen Forschungen // Eurasia Antiqua. – 2005. – 11. – S. 15-35.

- Bujskikh A. V.* The Earliest East Greek Pottery from Olbia Pontica // Cobet J., von Graeve V., Niemeier W.-D., Zimmermann K. (Hrsg.). Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme. Panionion-Symposium Güzelçami 26. September – 1. Oktober 1999. - Mainz/Rhein, 2007. – S. 499-510.
- Bujskikh S.* Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // *Problemi della chora colomiale dall'Occidente al Mar Nero. Atti del quarantesimo Convegno di studi sulla Magna Grecia.* Taranto 29 settembre – 3 ottobre 2000. – Taranto, 2001. – S. 317-332.
- Bujskikh S. B.* Les sanctuaires extra-urbains à l'époque de la colonisation grecque dans le Bug Meridionale // *Pont-Euxin et Poïis.* Actes du X Symposium de Vani. 23-26 september 2002. – Besançon, 2005. P. 181-202.
- Bujskich S. B.* 5. Kap Bejkuš – Kap des Achilles: eine Kultstätte des göttlichen Heros im Mündungsgebiet des Bug // Hupe J. (Hrsg.), *Der Achilles-Kult im nördlichen Schwarmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit.* – Internationale Archäologie. – 94. – 2006. – S. 111-153.
- Bujskih S.* Die kolonialen Heiligtümer der archaischer Zeit in Olbia // Conrad S. u. a. (Hrsg.). *Pontos Euxinos.* Manfred Oppermann zum 65. Geburtstag. – Langenweißbach, 2006 a. – S. 265-274.
- Bujskich S. B.* Die Chora des pontischen Olbia: die Haupttappen der räumlich-strukturellen Entwicklung // *Guldager Bilde P. u. a.* (Hrsg.). *Surveying the Greek Chora.* – Aarchus, 2007. – S. 115-139.
- Bujskikh S. B.* Der Achilleus-Kult und die griechische Kolonisation des unteren Bug-Gebiets // *Bresson A. u. a.* (Hrsg.). *Une koine pontique.* – Bordeaux, 2007 a. – S. 201-212.
- Cook J. M.* Old Smyrna, 1948-1951 // *BSA* 1958-1959.
- Cook R. M.* A List of Clazomenian Pottery // *BSA.* – 1933/1934 34. – P. 123-152.
- Cook R. M.* Fikellura Pottery // *BSA.* – 1936. – P. 1-97.
- Cook R. M., Dupont P.* East Greek Pottery. – London, N. York, 1998.
- Courbin P.* La céramique de la Grèce de l'Est à Ras el Bassit // *Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident.* Centre Jean Bérnard. Institut Français de Naples. 6-9 juillet 1976. – Paris, Naples, 1978. – P. 41-42.
- Dehl- von Kuemel Ch.* Die archaische Keramik aus dem Malophoros-Heiligtum in Selinunt. – Berlin, 1995.
- Dimitriu S.* Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică // *Histria II.* – București, 1966.
- Dupont P., Lungu V.* Note sur l'origine a poisson du Pont-Euxin // *Pontica.* – XL. – 2007. – P. 123-136.
- Jacopi G.* Scavi nella necropoli di Jalisso 1924-1928. – Clara Rhodos III. – Rodi, 1929.
- Ersoy Y. E.* Klazomenai: 900-500 BC. History and Settlement Evidence // *Moustaka A., Skarlatidou E., Tzannes M.-C., Ersoy Y.* (eds.). *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony.* Proceedings of the International Symposium held Abdera, 20-21 October 2001. – Thessaloniki, 2004. – P. 43-76.
- Furtwängler A. S.* Heraion von Samos: Grabungen im Südtemenos 1977. I. Schicht- und Baubefund. Keramik // *AthMitt.* – 1980. – Bd. 95. – S. 149-224.
- Ghali-Kahil L.* La céramique grecque // *Études Thasiennes.* – VII. – 1960.
- Kerschner M.* Ein stratifizierter Opferkomplex des 7. Jh. v. Chr. aus dem Artemision von Ephesos // *ÖJH.* – 1997. – Bd. 66. – S. 86-226.
- Kerschner M.* On the Provenance of Aiolian Pottery // *Villing A., Schlotzhauer U.* (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean.* – London, 2006. – P. 109-126.
- Kerschner M.* Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // *Eurasia Antiqua.* – 2006 a. – Bd. 12. – S. 227-250.
- Kinch K. F.* Vroulia. – Berlin, 1914.
- Kryjickij S. D., Bujskih S. B.* La dynamique d'aménagement du territoire rural d'Olbia Pontique // *BCH.* – Suppl. 34. – 1999. – P. 273-288.
- Laurenzi L.* Necropoli Ialisie (scavi dell'anno 1934) // *Clara Rhodos VIII.* – Rodi, 1936. – P. 7-208.
- Lemos A.* Archaic Pottery of Chios. The Decorated Styles. – Oxford, 1991.
- Paspalas S. A.* The Non-figured Wares from the Anglo-Turkish Excavations at Old Smyrna // *Villing A., Schlotzhauer U.* (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean.* – London, 2006. – P. 93-104.

- Pierro E.* Ceramiche greco-orientali di Tarquinia // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Centre Jean Bérard. Institut Français de Naples. 6-9 juillet 1976. – Paris, Naples. 1978. – P. 231-238.
- Posamentir R.* The Greeks in Berezan and Naukratis: A Similar Story? // Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in Eastern Mediterranean. – London, 2006. – P. 159-167.
- Rouillard P.* Les céramiques peintes de la Grèce de l'Est et leurs imitations dans la péninsule ibérique: recherches préliminaires // Les céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. Centre Jean Bérard. Institut Français de Naples. 6-9 juillet 1976. – Paris, Naples. 1978. – P. 274-286.
- Schaeffer Ju. S., Ramage N. II., Greenewalt C. II.* The Corinthian, Attic, and Lakonian Pottery from Sardis. – Harvard, Cambridge (Mas.), London, 1997.
- Schaus G. P.* Two Fikellura Vase Painters // BSA. – 1986. – 81. – P. 251-295.
- Schlotzhauer U.* Die südionische Knickrandschalen: Formen und Entwicklung der sog. Ionische Schalen in archaischer Zeit // Krinzinger F. (Hrsg.). Die Ägäis und das Westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. V. Chr. – Akten des Symposiums. – Wien, 2000. – S. 407-416.
- Solovev S.* Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // Tsetskhladze G. (ed.). The Greek Colonisation of the Black Sea Area. – Historia. Einzelschriften, – Hft 121. – P. 205-225.
- Solovyev S. L.* On the History of the City-States in the Lower Bug Area: Borysthene and Olbia // Boardman J. u. a. (eds.). Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum. – Colloquia Pontica. – 2001. – 7. – P. 113-125.
- Stillwell A. N., Benson J. L.* The Potters' Quarter. The Pottery // Corinth XV. III. – Princeton, N. Jersey, 1984.
- Thalmann J. P.* Céramique trouvée à Amathonte // Gjerstad E. (ed.). Greek Geometric and Archaic Pottery found in Cyprus. – Acta Instituti atheniensis Regni Sueciae, series in 4°. – XXVI. – Stockholm, 1977. – P. 65-86.
- Villard M. F., Vallet G.* Magara Hyblaea. V // MEFRA. – 1955. – 67. – P. 7-34.
- Walter-Karydi E.* Ostgriechische Keramik // Walter H. (Hrsg.). Alt-Ägina. – Bd. II, 1. – Mainz/Rhein, 1982 – S. 9-22.
- Wascheck F.* Fikellura-Amphoren und –Amphoriskoi von Milet. Ein Gefäßlager am Kalabaktepe? // AA. – 2008. – 2. – S. 47-81.
- Utili F.* Die archaische Nekropole von Assos // Asia Minor Studien. – 31. – 1999.
- Utili F.* Archaische ostgriechische Amphoren und Kannen // Stupperich R. (Hrsg.). Ausgrabungen in Assos 1993. – Asia Minor Studien. – 57. – 2006.

С.Б. Буйських, А.В. Буйських

ДО ХРОНОЛОГІЇ АРХАЇЧНИХ ПОСЕЛЕНЬ ХОРИ ОЛЬВІЇ ПОНТІЙСЬКОЇ

Резюме

Стаття присвячена ревізії датування керамічних матеріалів переважно східногрецького походження з розкопів поселень хори Ольвії Понтійської архаїчного часу. В результаті уточнення часу заснування ряду поселень регіону вдалося зняти їх, в одних випадках занижені, а в інших – завищені показники і привести їх у відповідність з об'єктивними даними. Для поселень східного району архаїчної хори, тобто узбережжя Березанського лиману, тепер надійно встановлено, що час заснування усіх основних пам'яток (Вікторівка-І, Каборга-І, Велика Чорноморка-ІІ, Бейкуш) має єдину точку відліку – першу чверть VI ст. до н.е. Матеріали кінця або останньої чверті VII ст. до н.е. тут відсутні.

Ранні матеріали поселень на схід від Березанського лиману, від Очаківського мису до Ольвії (Куцуруб-І, Широка Балка-І) також відносяться до першої чверті VI ст. до н.е. На відміну від цього, судячи з отриманими нами даними, поселення до півночі від Ольвії, на правому березі Бугського лиману (Чортовате- VII, Стара Богданівка-І), та поселення його лівого берегу (Лупареве-І, Станіслав-І) виникають відразу після середини – на початку третьої чверті VI ст. до н.е.

Результати, отримані при обробці кераміки з розкопів раннегрецьких поселень Нижнього Побужжя, дають підстави внести тепер і деякі корективи у всі попередні моделі та схеми процесу протікання грецької колонізації цієї частини Причорномор'я в цілому. Приймаючи до уваги ту обставину, що за сучасними даними час заснування Ольвії відноситься приблизно до кінця першої – початку другої чверті VI ст. до н.е., можна припускати, що заходи по заселенню та освоєнню землеробської території Нижнього Побужжя були синхронізовані з цією подією. Дане припущення підтверджується і пристроєм приблизно біля цього часу у регіоні системи грецьких колоніальних святинь extra-urban, окресливши межі майбутньої хори і полісу в цілому. На наш погляд, все це відбувалося в один і той же час та по одному й тому же заздалегідь продуманому колонізаційному плану.

Отримання сучасних хронологічних реперів виникнення рядових землеробських поселень Нижнього Побужжя спростовує розповсюджену точку зору про наявність у Борисфена власної хори. В силу свого емпоріального характеру він не мав хори у своєму розпорядженні. На відміну від нього Ольвія відразу же була запрограмована і як місто, і як центр майбутнього полісу з необхідною внутрішньою територією, яка спеціально була зарезервована для розвитку власного сільського господарства. Слідом за заснуванням Ольвії, очевидно, у два прийоми: 1) перша чверть – середина VI ст. до н.е. (Рибаківка – Широка Балка, мал. 1, № 1-40) та 2) середина – третя чверть VI ст. до н.е. (Чортовате – Варварівка – Станіслав, мал. 1, № 41-86-106), її хора у Нижньому Побужжі була заселена та засвоєна, внаслідок чого Ольвійський поліс набув всі необхідні елементи і риси колоніального полісу.

С. Б. Буйських, А. В. Буйських

К ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ХОРЫ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Резюме

Статья посвящена ревизии датировок керамических материалов преимущественно восточногреческого происхождения из раскопок поселений хоры Ольвии Понтийской архаического времени. В результате уточнения времени основания ряда поселений региона удалось снять их, в одних случаях заниженные, а в других – завышенные показатели и привести их в соответствие с объективными данными. Для поселений западного района архаической хоры, т. е. побережья Березанского лимана, теперь надежно установлено, что время основания всех основных памятников (Викторовка-І, Каборга-І, Большая Черноморка-ІІ, Бейкуш) имеет единую точку отсчета – первую четверть VI в. до н. э. Массив расписной керамики на Ягорлыцком поселении (левый берег Днепровского лимана) также датируется, начиная от первой четверти VI в. до н. э. Материалы конца или последней четверти VII в. до н. э. здесь отсутствуют.

Ранние материалы поселений к востоку от Березанского лимана, от Очаковского мыса до Ольвии (Куцуруб-1, Широкая Балка-1) также относятся к первой четверти VI в. до н. э. В отличие от этого, судя по полученным нами данным, поселения к северу от Ольвии, на правом берегу Бугского лимана (Чертоватое-VII, Старая Богдановка-1) и поселения его левого берега (Лупарево-1, Станислав-1) возникают сразу после середины – в начале третьей четверти VI в. до н. э.

Результаты, полученные при обработке керамики из раскопок раннегреческих поселений Нижнего Побужья, дают основание внести теперь и некоторые коррективы во все предыдущие модели и схемы процесса протекания греческой колонизации этой части Причерноморья в целом. Принимая во внимание то обстоятельство, что по современным данным время основания Ольвии относится примерно к концу первой – началу второй четверти VI в. до н. э., можно предполагать, что мероприятия по заселению и освоению земледельческой территории Нижнего Побужья были синхронизированы с этим событием. Данное предположение подтверждается и устройством примерно около этого же времени в регионе системы греческих колониальных святилищ *extra-urban*, очертивших границы будущей хоры и полиса в целом. На наш взгляд, все это происходило в одно время и по одному и тому же заранее продуманному колонизационному плану.

Получение современных хронологических реперов возникновения рядовых земледельческих поселений Нижнего Побужья опровергает распространенную точку зрения о наличии у Борисфена собственной хоры. В силу своего эмпориального характера, своей хорой он не располагал. В отличие от него, Ольвия сразу же была запрограммирована и как город, и как центр будущего полиса с необходимой внутренней территорией, специально зарезервированной для развития собственного сельского хозяйства. Вслед за основанием Ольвии, очевидно, в два приема: 1) первая четверть – середина VI в. до н. э. (Рыбаковка – Широкая Балка, рис. 1, № 1-40) и 2) середина – третья четверть VI в. до н. э. (Чертоватое – Варваровка – Станислав, рис. 1, № 41-86-106), ее хора в Нижнем Побужье была заселена и освоена, вследствие чего Ольвийский полис приобрел все необходимые элементы и черты колониального полиса.

S.B. Buiskikh, A.V. Buiskikh

TO THE CHRONOLOGY OF ARCHAIC SETTLEMENTS OF OLBIA OF PONTOS CHORA

Summary

The article is devoted to the revision of dating of ceramics found predominantly during archaeological digs in Olbia of Pontos chora of archaic time. As a consequence of more accurate definition of the time of the foundation of a number of settlements in the area, some top-heavy and some understated indices have been read and brought in correspondence with objective data. It was determined for the settlements of archaic chora area, i.e. Berezan estuary shore that the time of foundation of all main sites there (Viktorovka-1, Kaborga-1, Bolshaya Chrenomorka-2, and Beikush) has one starting point – the first quarter of the 6th century BC. Painted pottery in Yagorlyk settlement (the left bank of the Dneper estuary) is also dated to the first quarter of the 6th century BC. There is no any material of the end or the last quarter of the 7th century BC here.

Early material of the settlements to the east from the Berezan estuary, from Cape Ochakov to Olbia (Kutsurub-1, Shirokaya Balka-1) is also dated to the first quarter of the 6th century BC. In contrast to it, judging to our data, the settlements to the north from Olbia on the right bank of the Bug estuary (Chertovatoye-7, Staraya Bogdanovka-1) and the settlements on its left bank (Luparevo-1, Stanislav-1) appeared just after the middle-the beginning of the third quarter of the 6th century BC.

The results got after elaboration of the pottery from excavations of the early Greek settlements of the Low Bug area give evidences to correct all previous models and schemes of the process of Greek colonization of that part of the North Pontic area in general. Taking into account that the time of foundation of Olbia according to the newest data can be related about to the end of the first – the beginning of the second quarter of the 6th century BC, we can suppose the activities on settlement and cultivation of the Low Bug area were synchronized by that event. This theory is confirmed by the system of Greek colonial *extra-urban* sanctuaries in the region, which were founded approximately at that time. They outlined the boundaries of a future chora and the polis on the whole. In our opinion it happened simultaneously according to the previously considered plan of colonization.

Present day chronological reference points of the appearance of series of agricultural settlements in the Low Bug area denies widely spread point of view that Borisfen had its own chora. It did not possess the chora by virtue of its character. As distinct from it, from the very beginning Olbia was programmed as the city and the centre of a future polis with the necessary inner territory sacred for the development of its own agriculture. After the foundation of Olbia, most probably in two takings 1) the first quarter – the middle of the 6th century BC (Rybakovka – Shirokaya Balka, fig.1, N 1-40) and 2) the middle – the third quarter of the 6th century BC (Chertovatoye – Varvarovka – Stanislav, fig 1, N 41-86-106), its chora in the Low Bug area was settled and cultivated, hence the polis of Olbia got all necessary elements and features of a colonial polis.

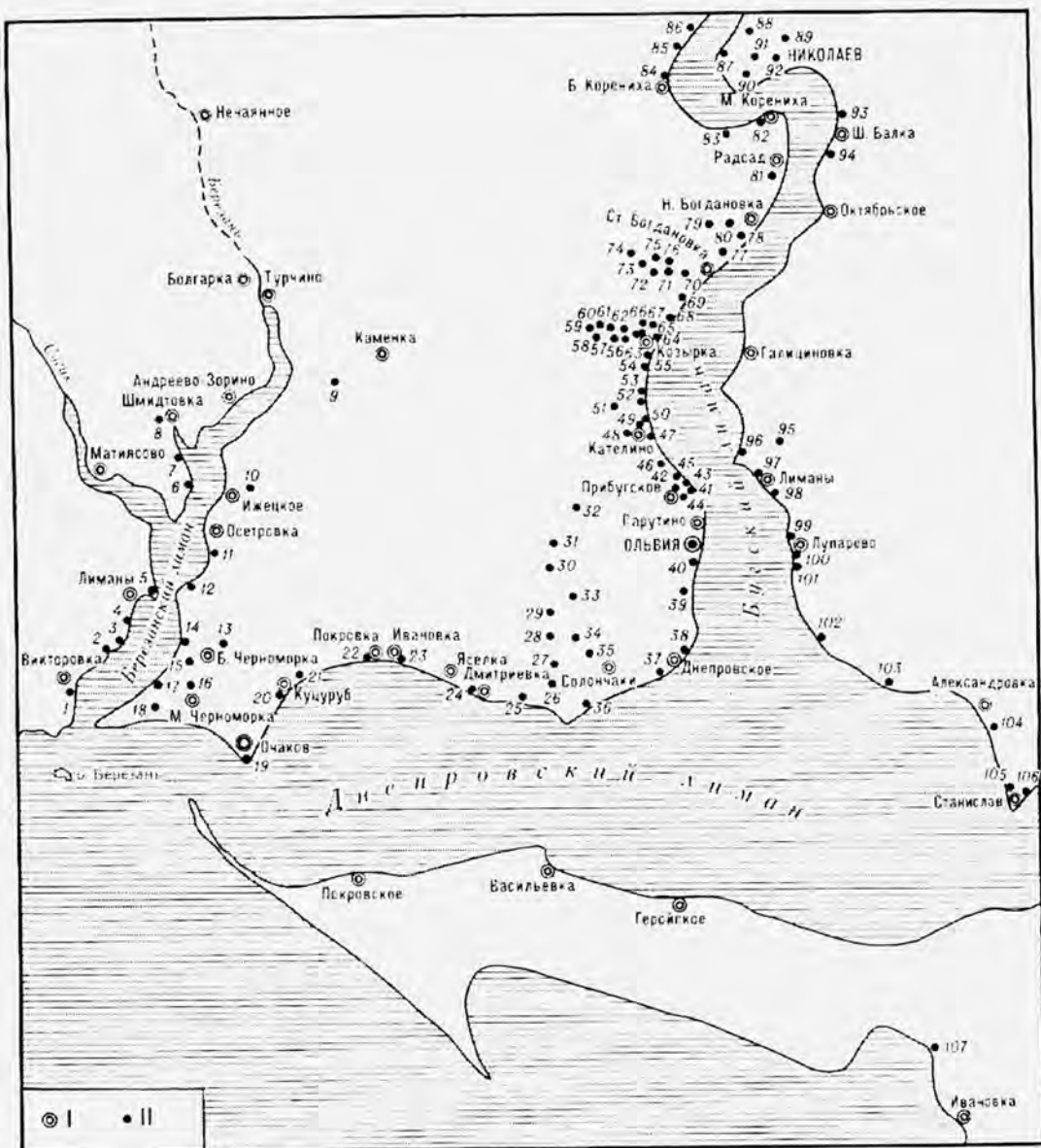

Рис. 1. Нижнее Побужье. Хора Ольвии архаического времени.

I – современные населенные пункты; II – античные поселения (по: Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990).

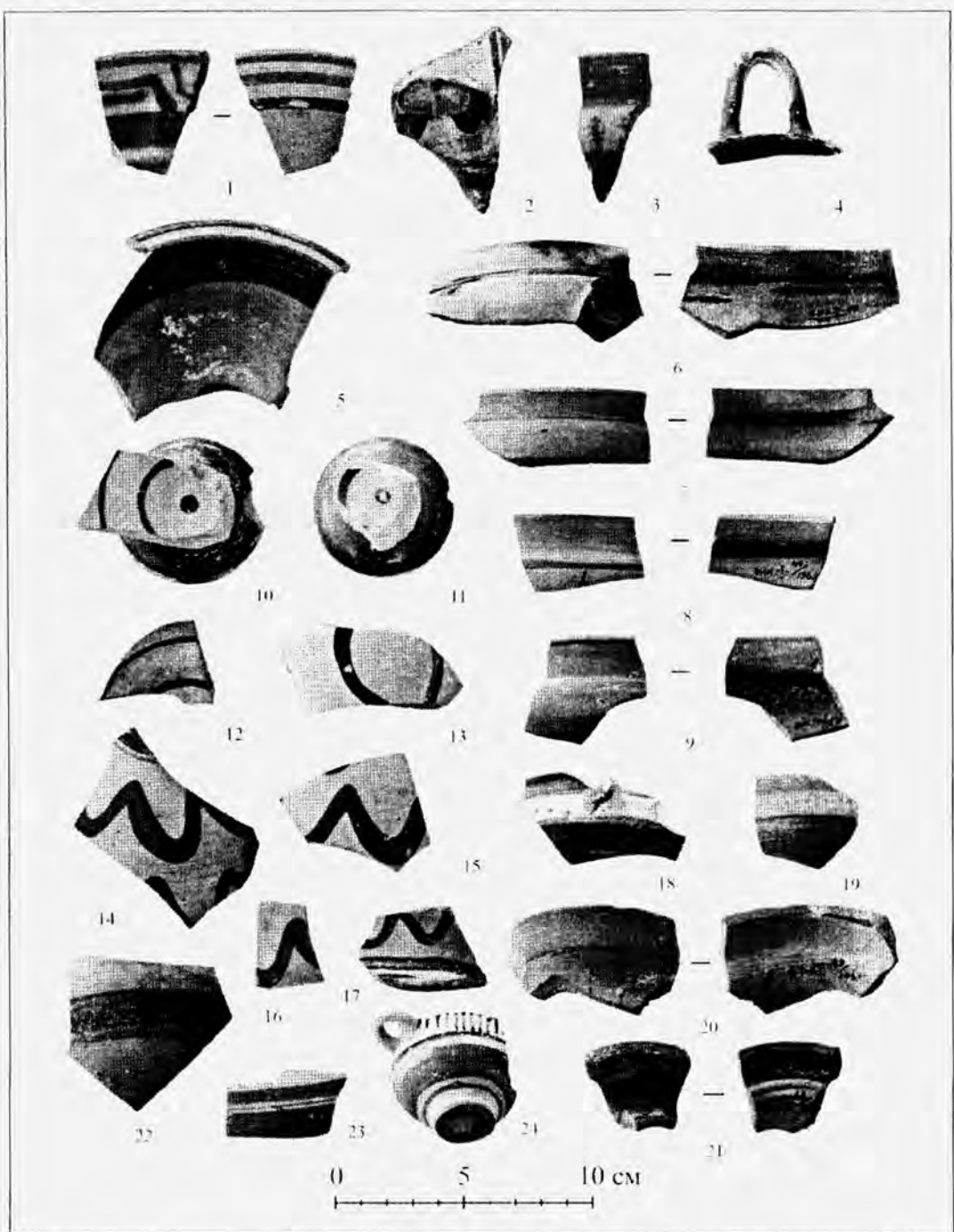

Рис. 2. Викторовка-I.

1-17, 20-23 – восточногреческая керамика; 18, 19 – лаконская керамика; 24 – коринфская керамика.

Рис. 3. Каборга-1.

1. 3. 4. 11-15 – восточногреческая керамика; 2 – лаконская керамика; 5-10 – коринфская керамика.

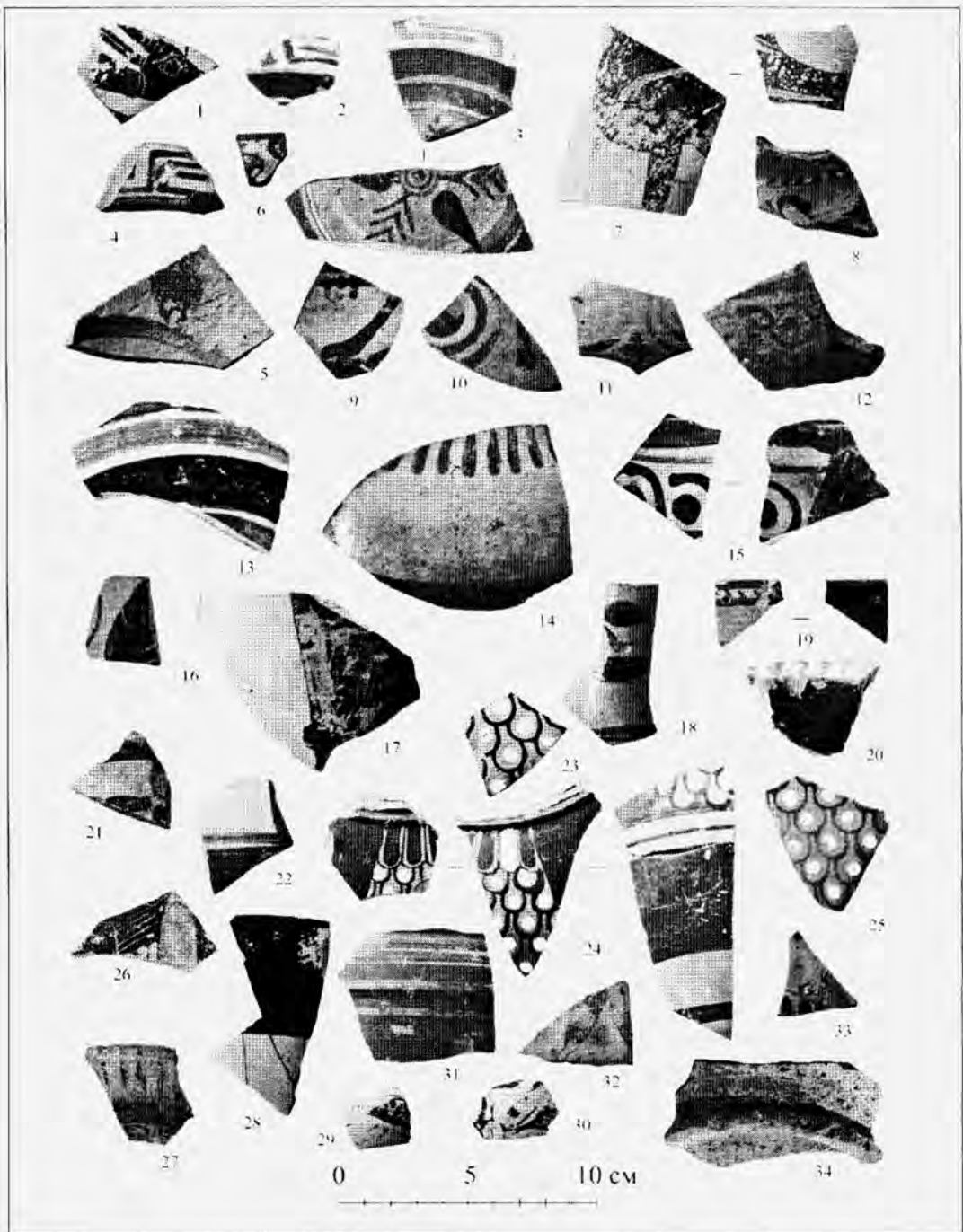

Рис. 4. Большая Черноморка-II.

1-18. 21-26. 31-34 - восточногреческая керамика; 19, 20 - хиосская керамика; 27-30 - коринфская керамика.

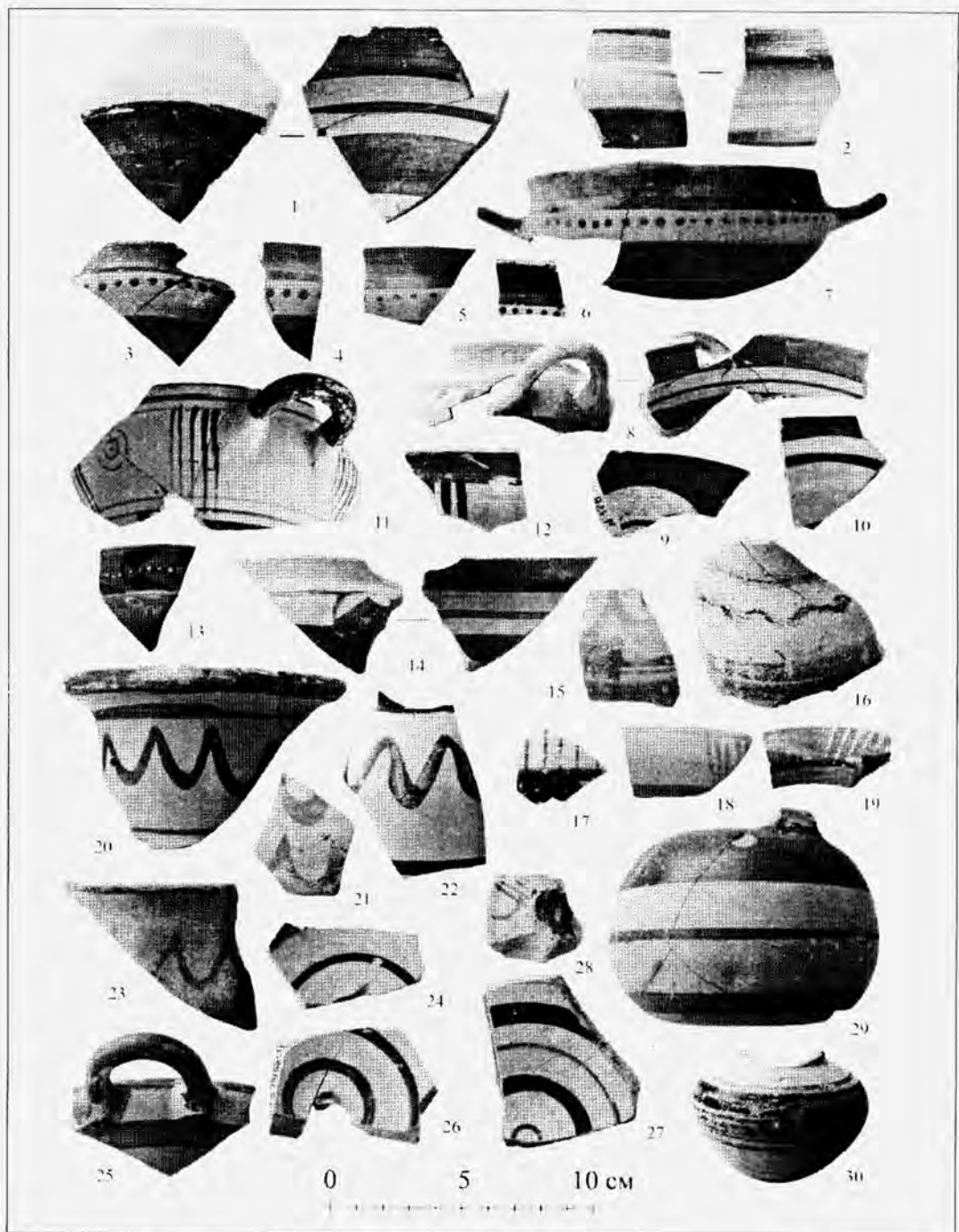

Рис. 5. Большая Черноморка-II.

1, 2, 8-10, 13-30 – восточногреческая керамика; 3-7 – лаконская керамика; 11-12 – паросские килики.

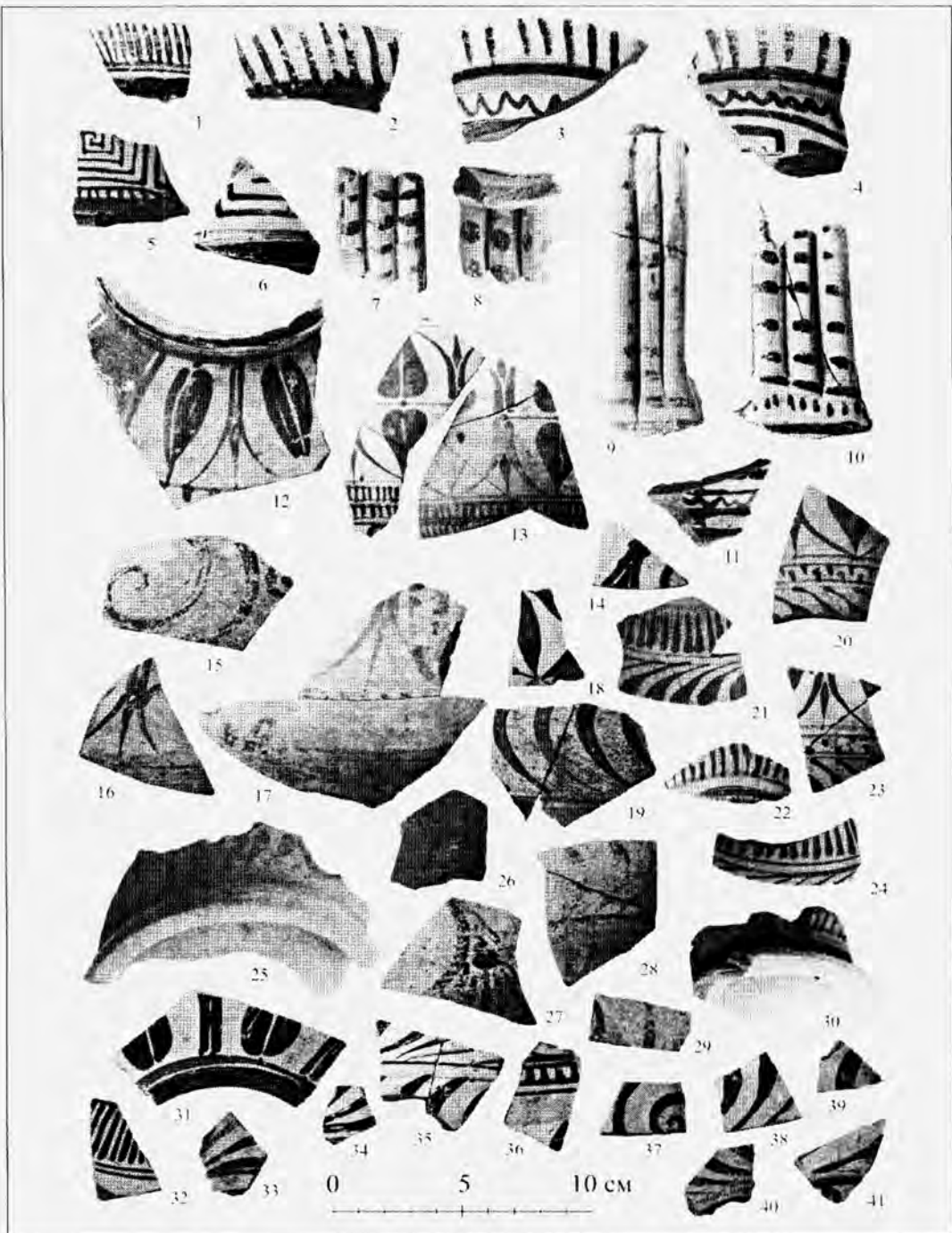

Рис. 6. Большая Черноморка-II.

1-41 - керамика стиля Фикелдура.

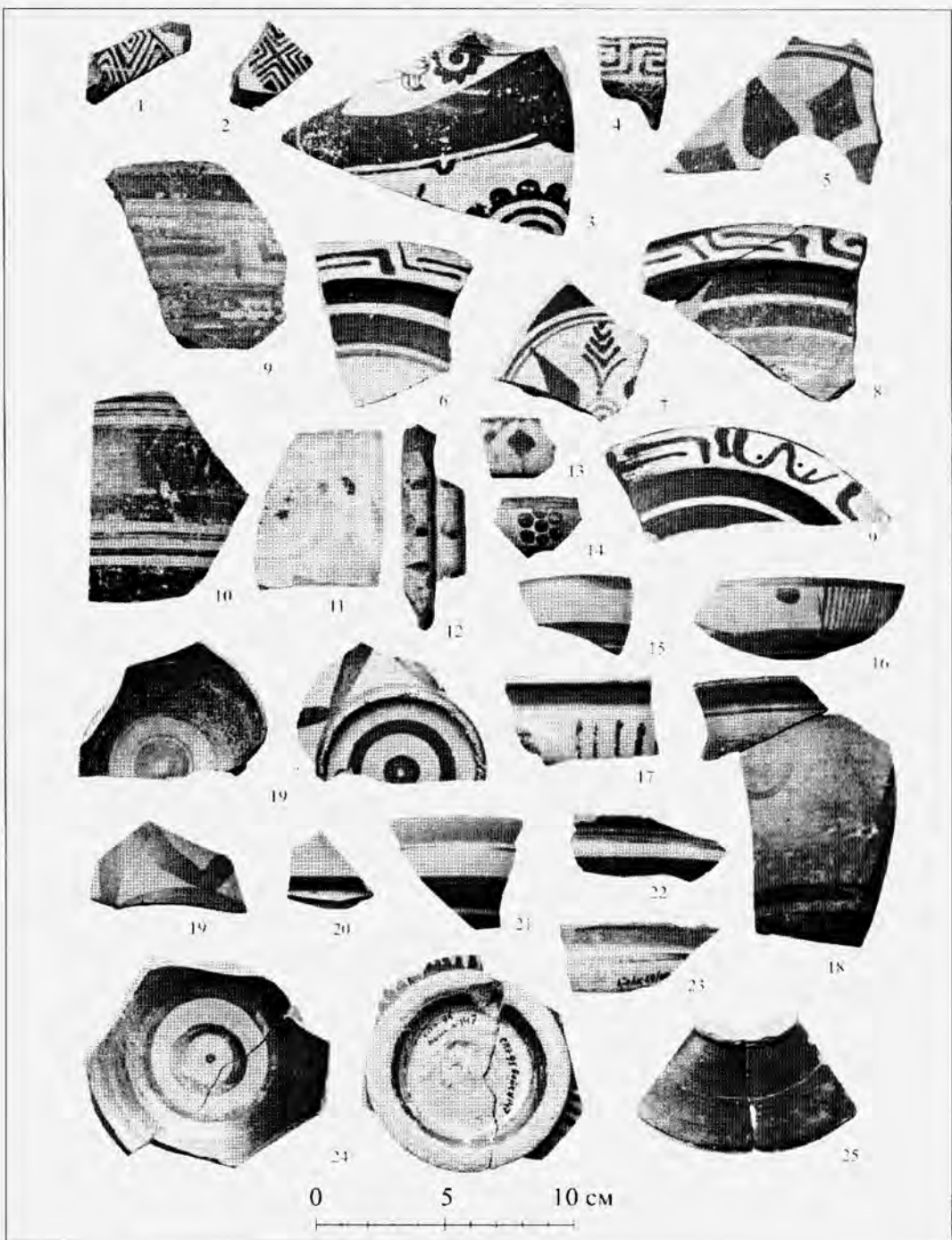

Рис. 7. Бейкуш.

1-18, 21-28 – восточногреческая керамика; 19-20 – паросские килики.

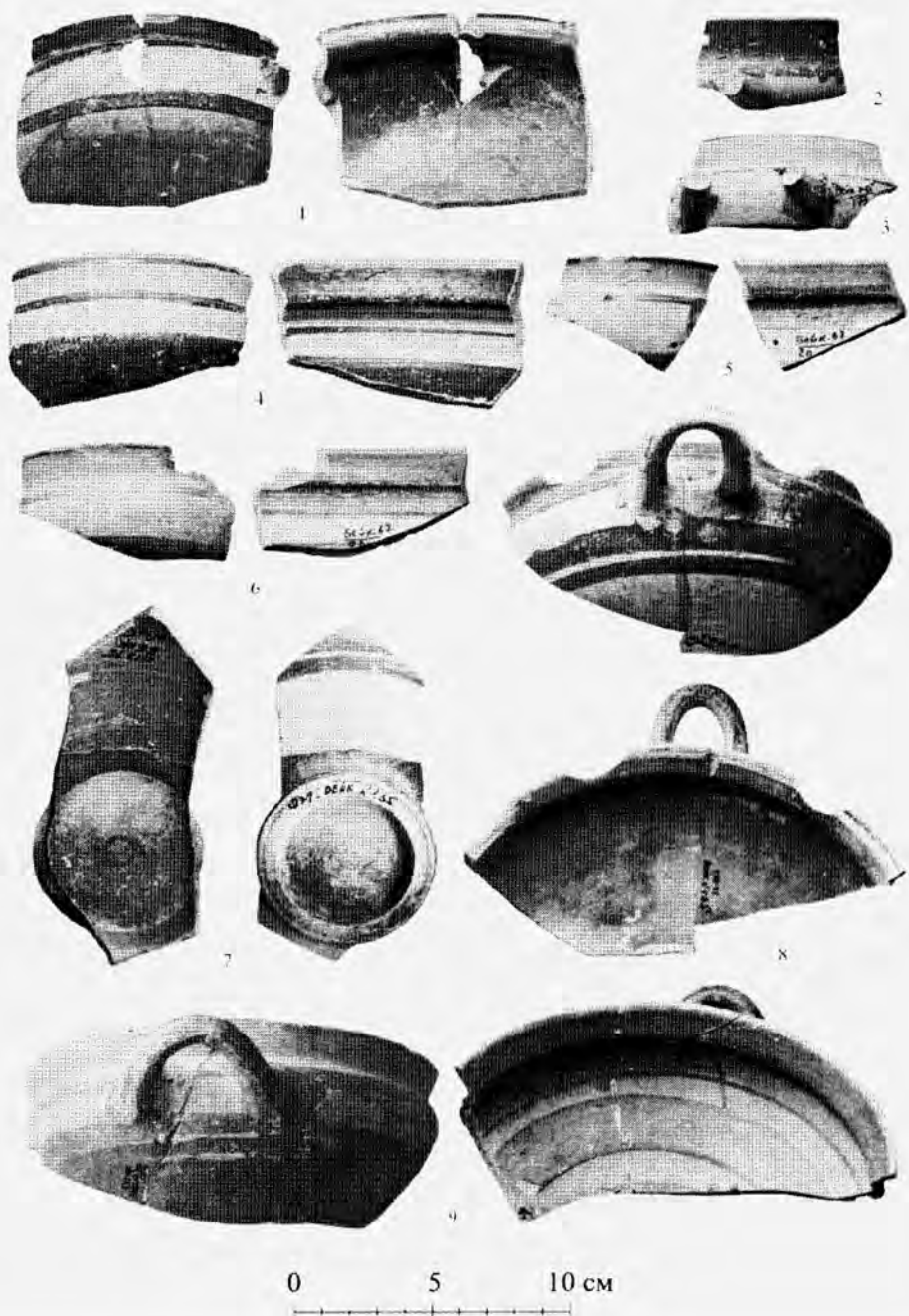

Рис. 8. Бейкуш.

1-9 понийские килики.

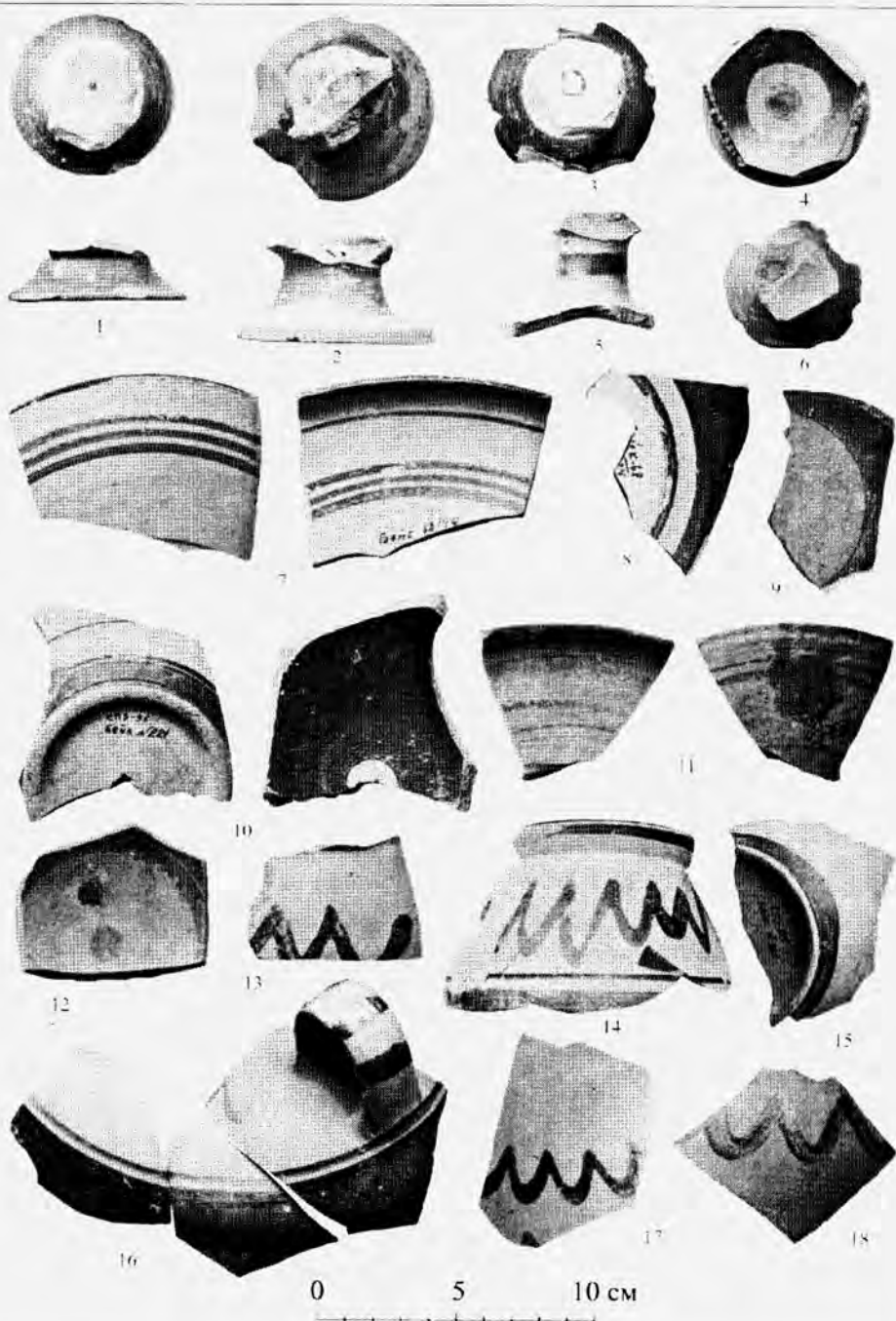

Рис. 9. Бейкуш.

1-17 - восточнореческая керамика.

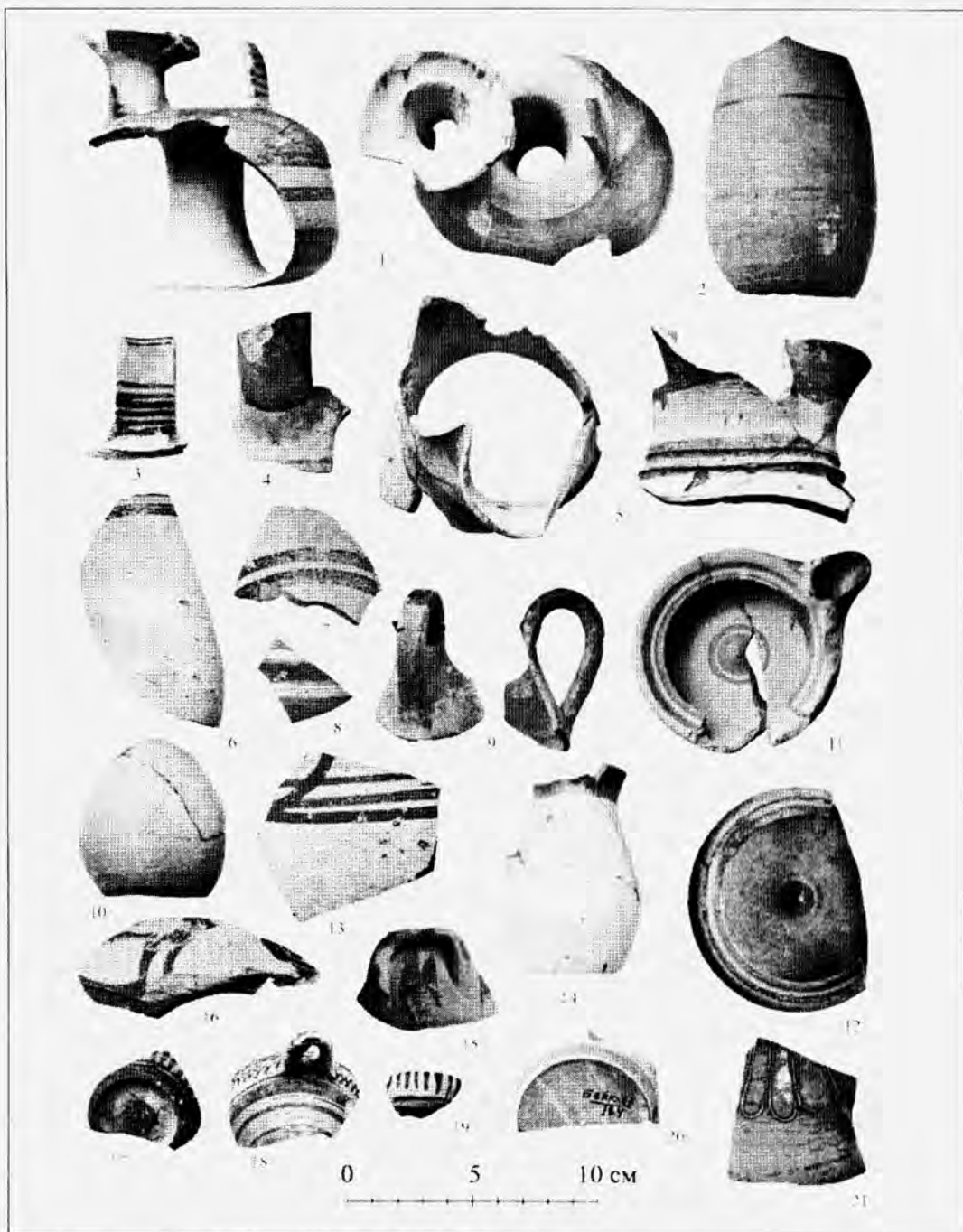

Рис. 10. Бейкуш.

1-12, 15 – восточногреческая керамика; 13, 14, 20 – хиосская керамика; 16-19 – коринфская керамика; 21 – родосская керамика.

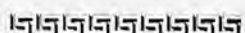

Рис. 11. Бейкуш. Горло и фрагменты амфоры стиля Фикеллура.

Рис. 12. Бейкуш.

1-10 – керамика стиля Фикеллура; 11-18 – клазоменская керамика.

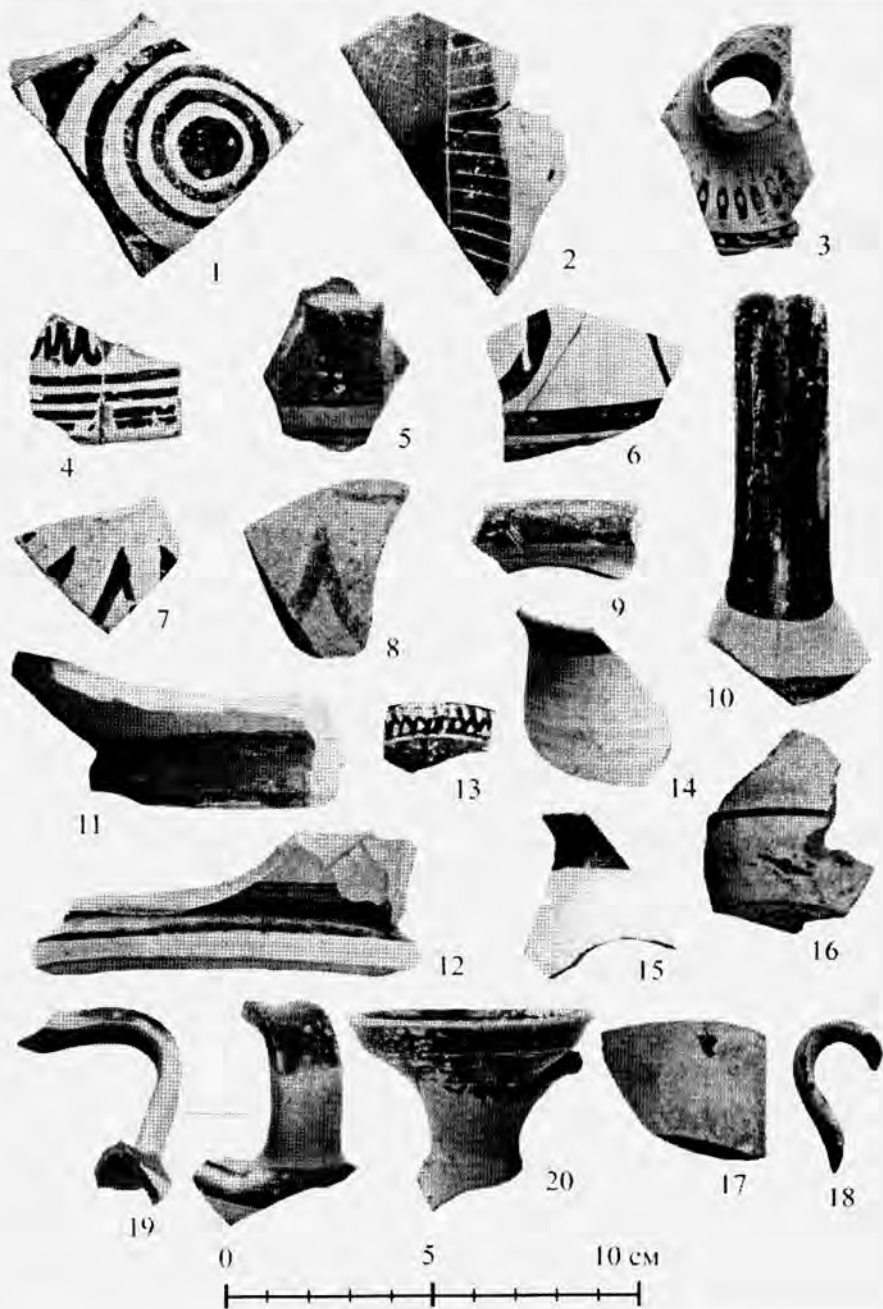

Рис. 13. Куцуруб-1.

1, 2 – североионийская керамика; 3, 13 – коринфская керамика; 4-12 – ионийская полосатая керамика; 14-18 – хиосская керамика; 19, 20 – аски.

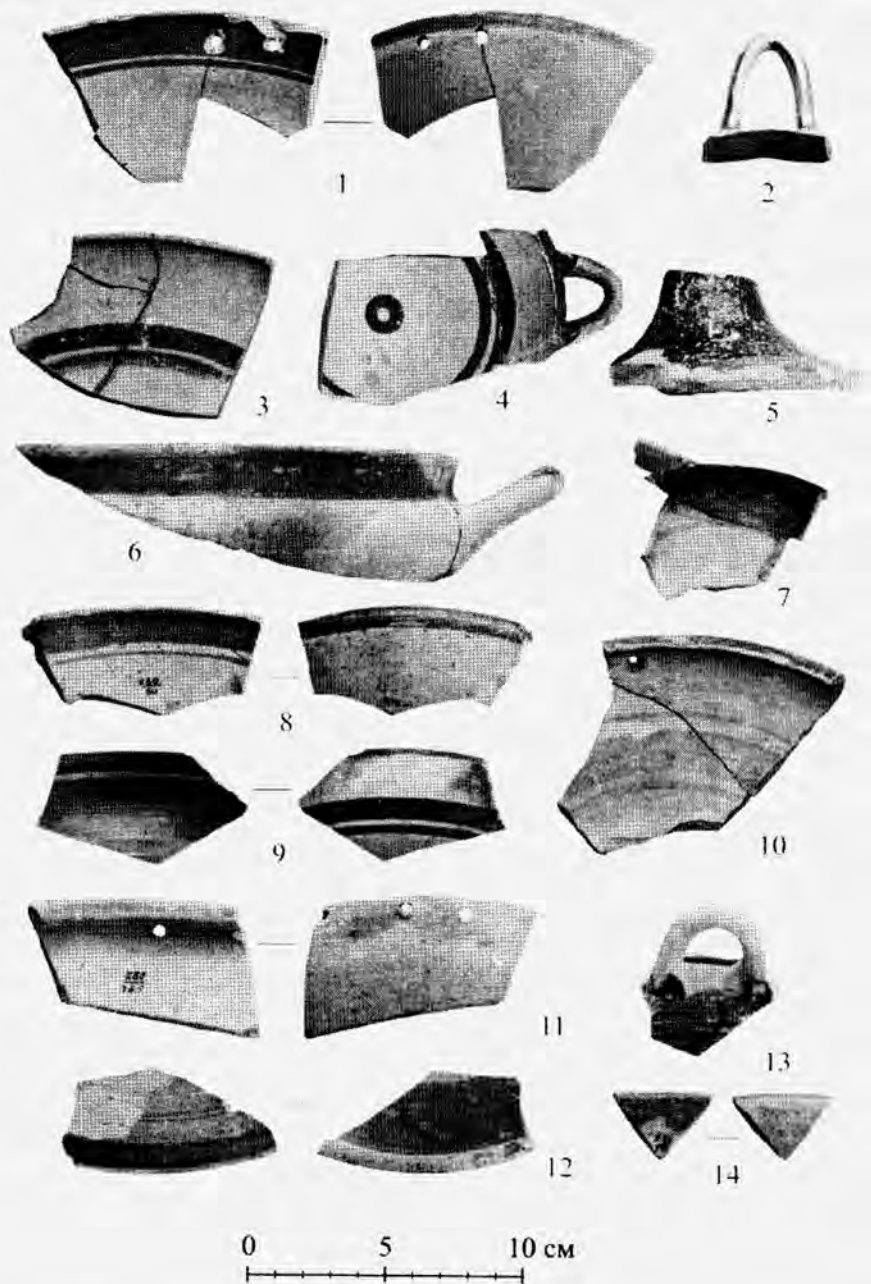

Рис. 14. Кузуруб-1.

1-5. 7-9. 13 - ионийские полосатые килики, тарелки и миски; 6. 10. 11. 12 - местные (?) имитации ионийских открытых форм.

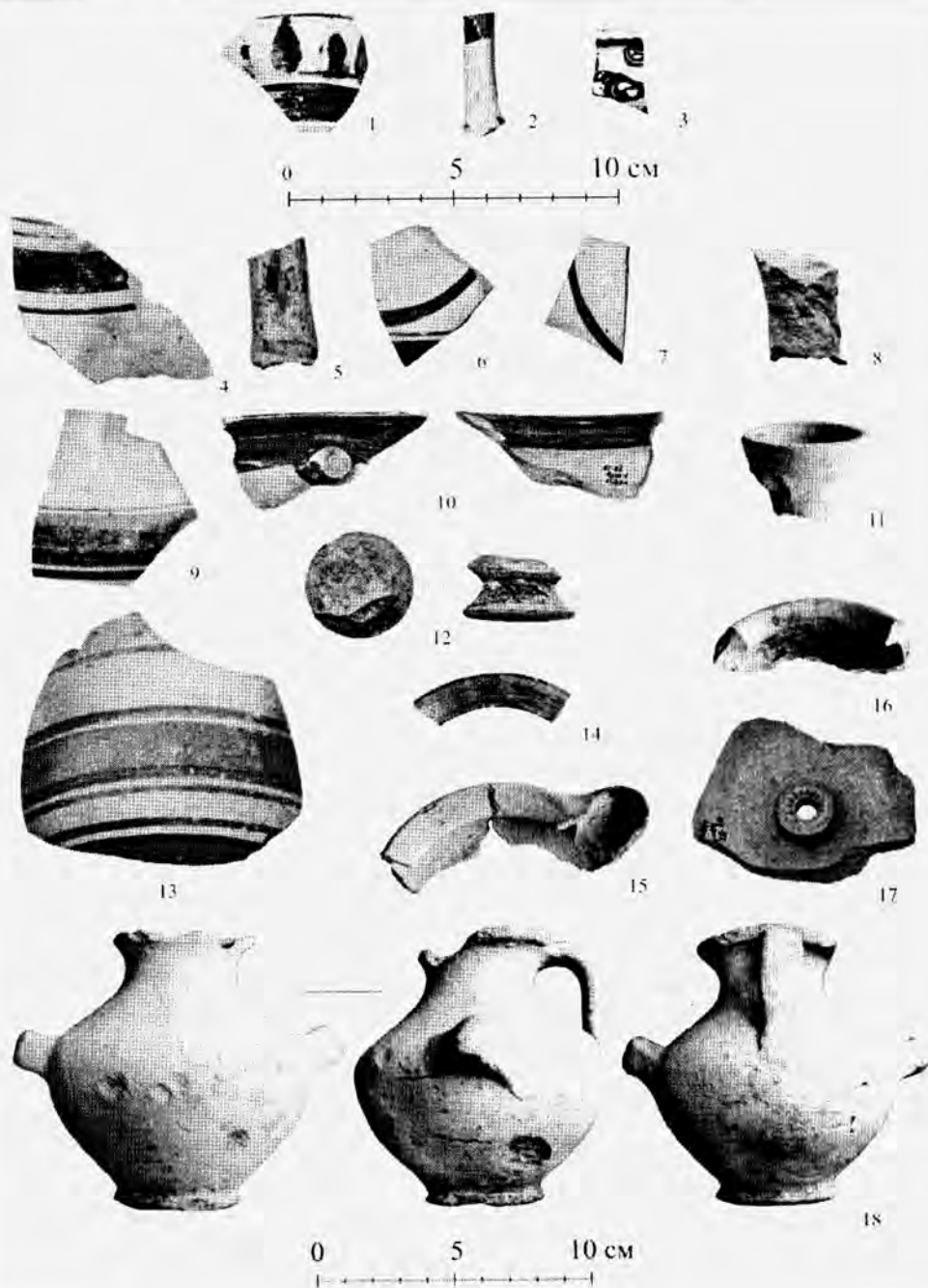

Рис. 15. Адзигол-1.

1 – коринфская керамика; 2, 3 – хиосская керамика; 4-18 – восточногреческая керамика.

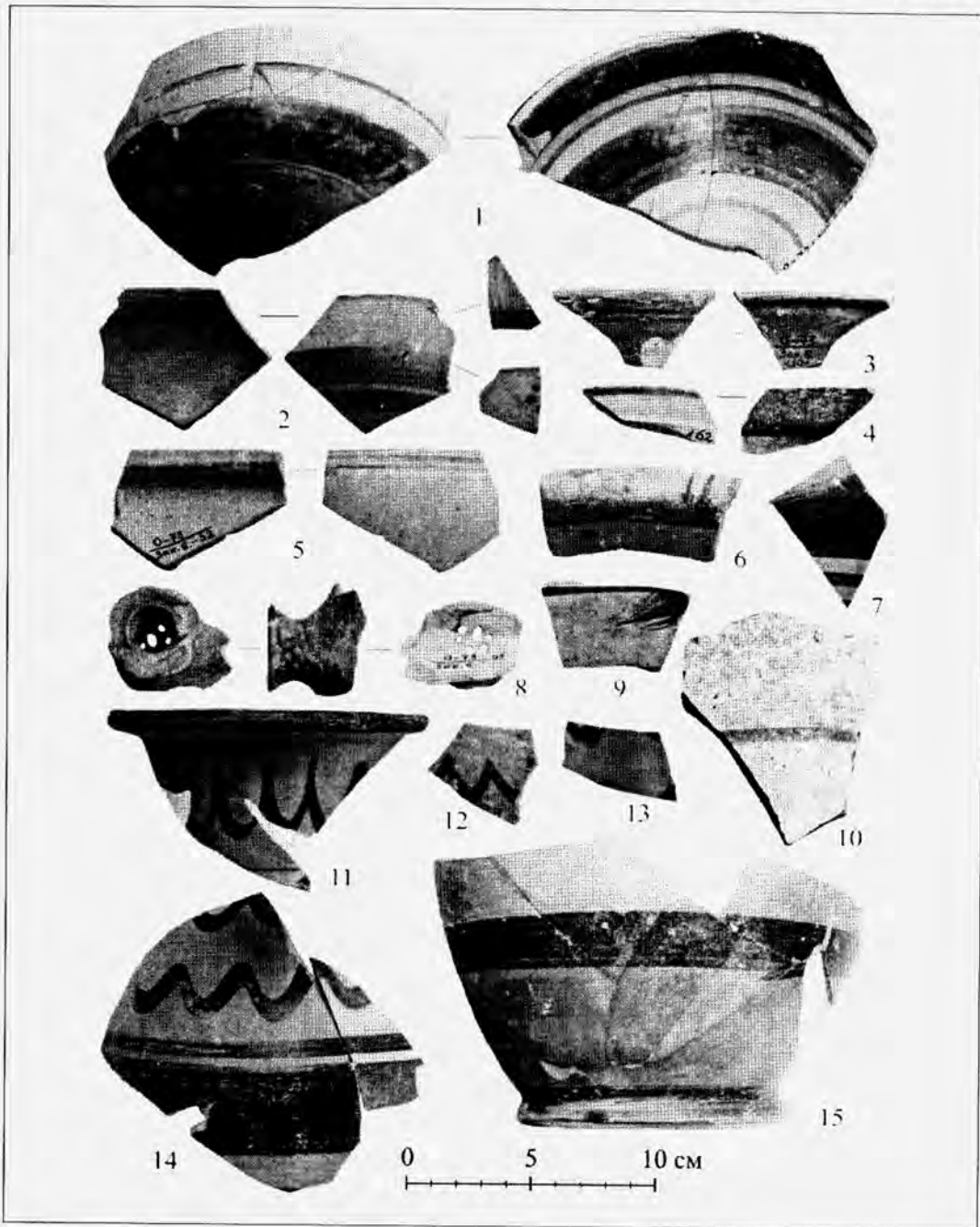

Рис. 16. Закисова Балка-1.

1, 4 – ионийские килики; 2 – килик с точечными розеттами; 3, 5 – местные (?) имитации ионийских открытых форм; 6-9 – североионийские (?) открытые и закрытые сосуды; 10 – хиосский канфар; 11-15 – ионийская полосатая керамика.

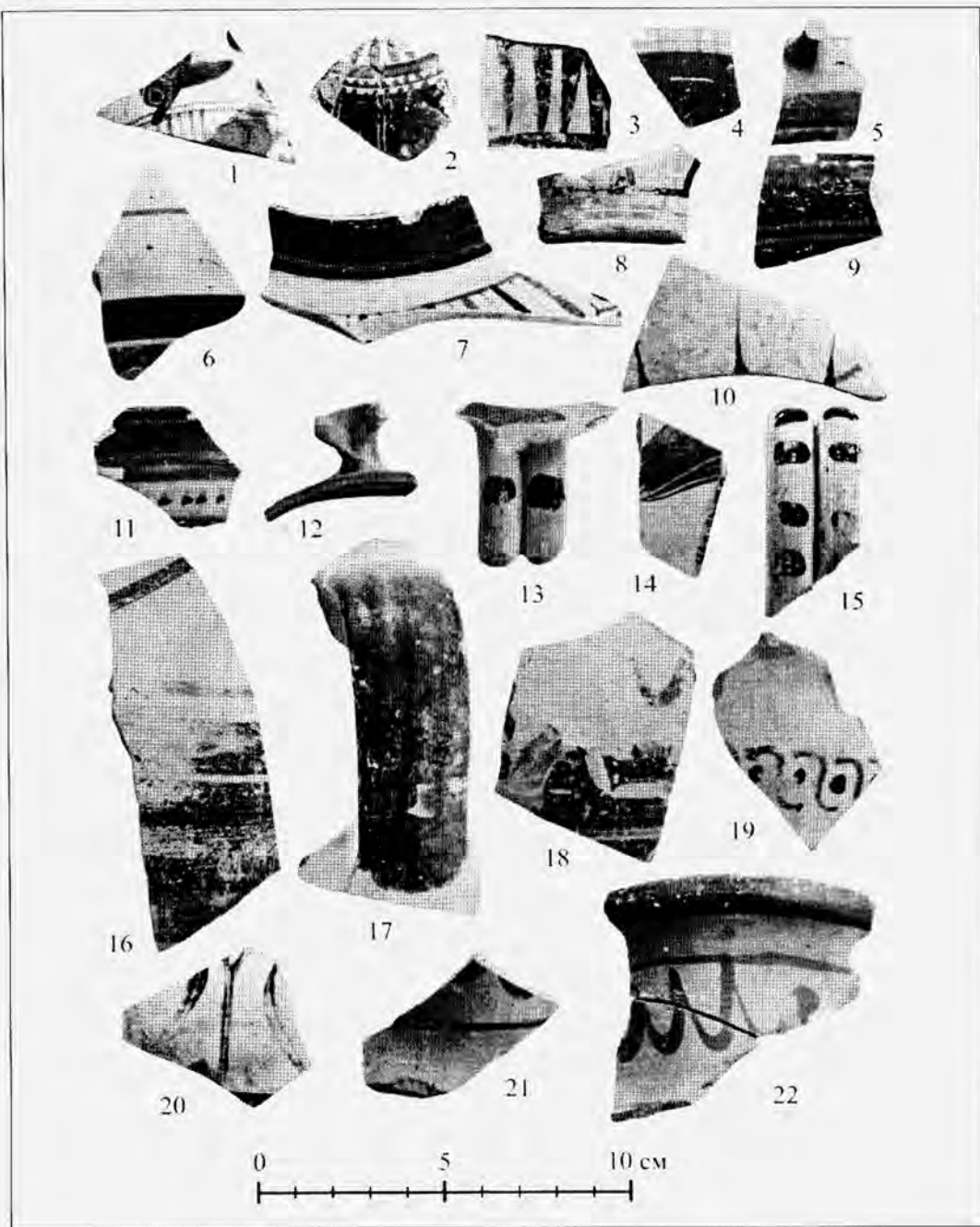

Рис. 17. Широкая Балка-1.

1 – хиосский кубок; 2, 6-9 – коринфская керамика; 4 – килик паросского типа; 3, 12 – ионийские открытые сосуды; 11 – лаконский килик; 13-15, 19 – североионийские столовые амфоры; 16-18, 21, 22 – ионийская полосатая керамика; 20 – имитация сосуда стиля Фикеллур (?).

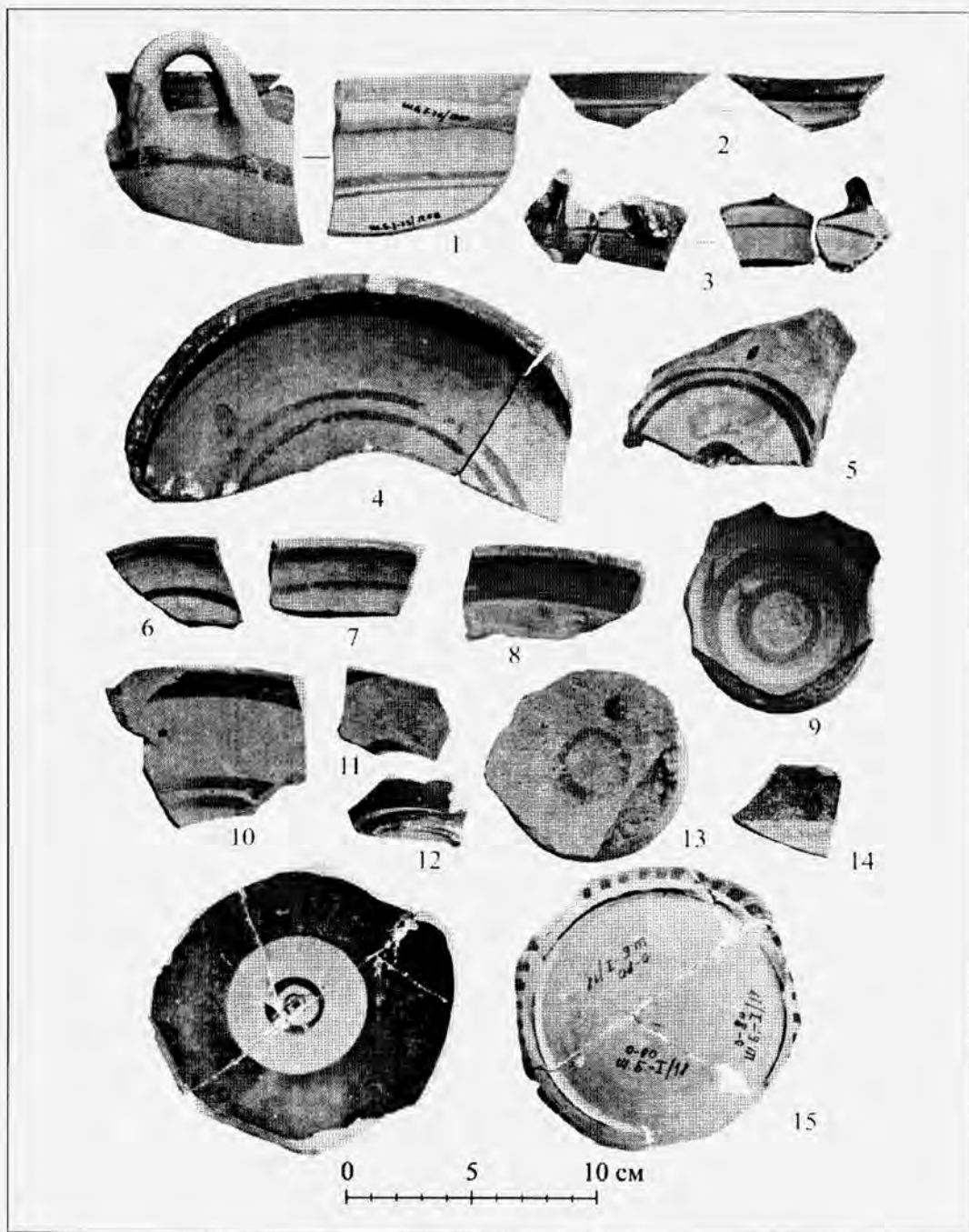

Рис. 18. Широкая Балка-1.

1. 9. 10. 14 - местные (?) имитации ионийских открытых форм; 2. 3 - ионийские килики; 4-8, 11-13. 15 - ионийские чаши и другие открытые сосуды.

Рис. 19. Широкая Балка-1.

1-3 - местные (?) имитации ионийских открытых форм; 4-6 - лекана и другие ионийские полосатые сосуды; 7, 8 - аски; 9 - ручка ионийской гидрии.

Рис. 20. Чертоватое-VII.

1, 2, 6, 8-20 – восточногреческая керамика; 3, 4, 7 – хиосская керамика; 5 – лаконская керамика.

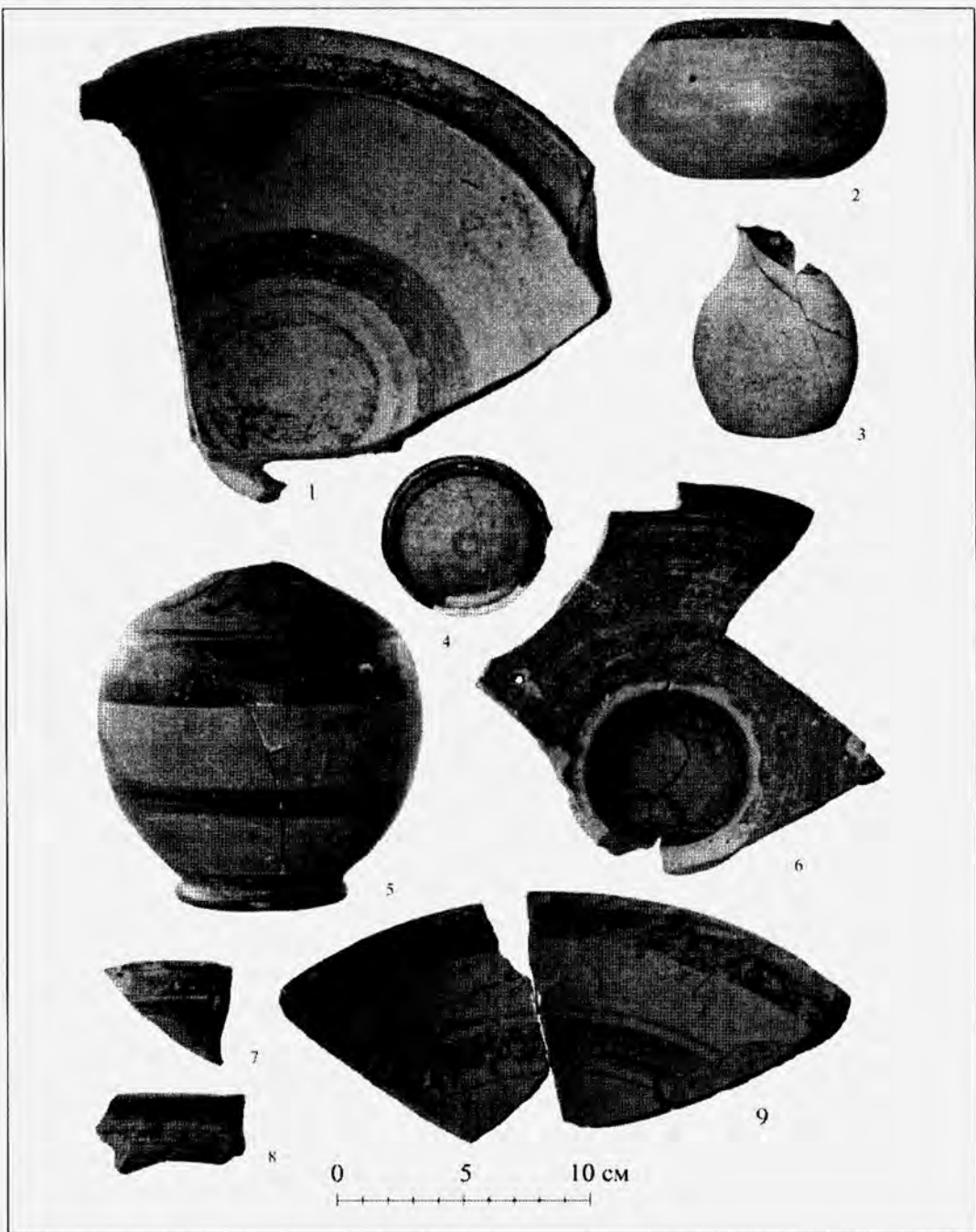

Рис. 21. Чертоватое-VII.

2. 4. 5 – восточногреческая керамика; 3 – хиосская керамика; 1. 6-9 – местные (?) имитации восточногреческой керамики.

Рис. 22. Старая Богдановка-1.

1. 2. 4. 6. 7. 12 - ионийские столовые сосуды; 3 - амфора стиля Фикеллура; 5 - имитация стиля Фикеллура (?); 8. 9-11 - коринфская керамика.

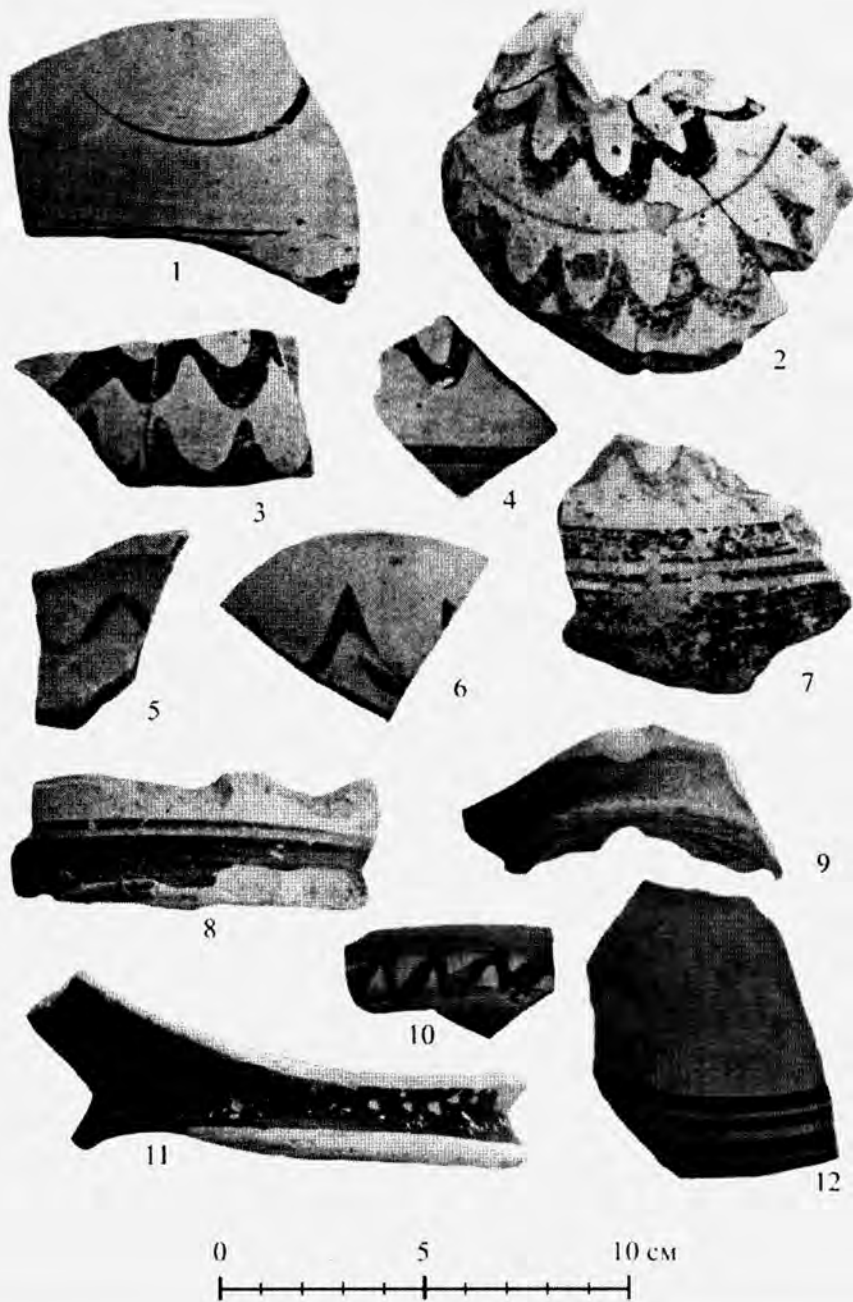

Рис. 23. Старая Богдановка- I.

1-12 – ионийские полосатые сосуды.

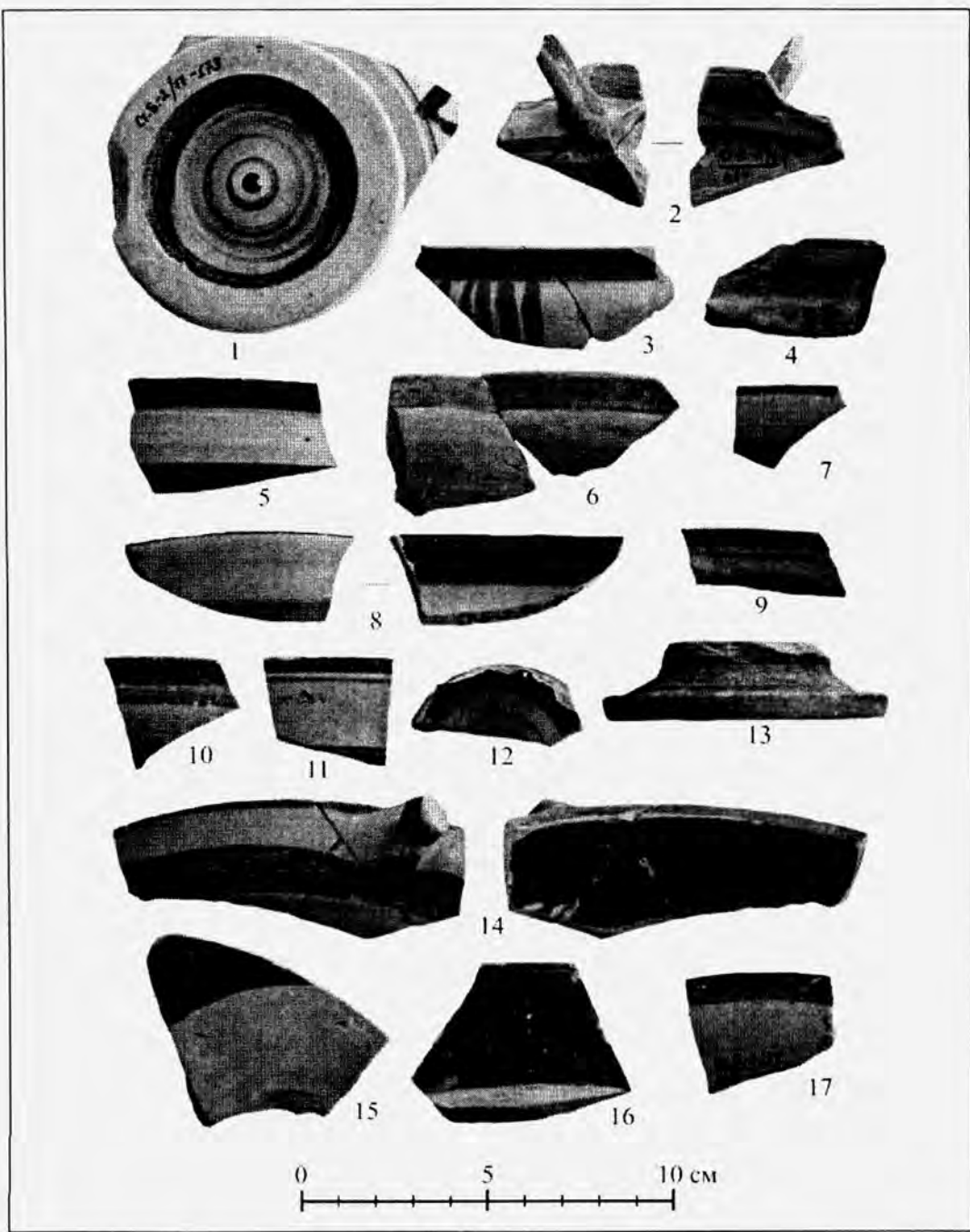

Рис. 24. Старая Богдановка- I.

1. 5. 7. 10-12. 14-17 – ионийские чаши; 2. 8. 9. 13 – ионийские килики; 3. 4 – килики паросской группы; 6 - местная (?) имитация ионийской открытой формы.

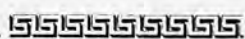

Рис. 25. Старая Богдановка- I.

1-3 – ионийские чаши; 4. 5. 8. 15-18 – ионийские кувшинчики; 6. 7. 9. 14 – хиосские кувшинчики и канфар; 10-13 – аски.

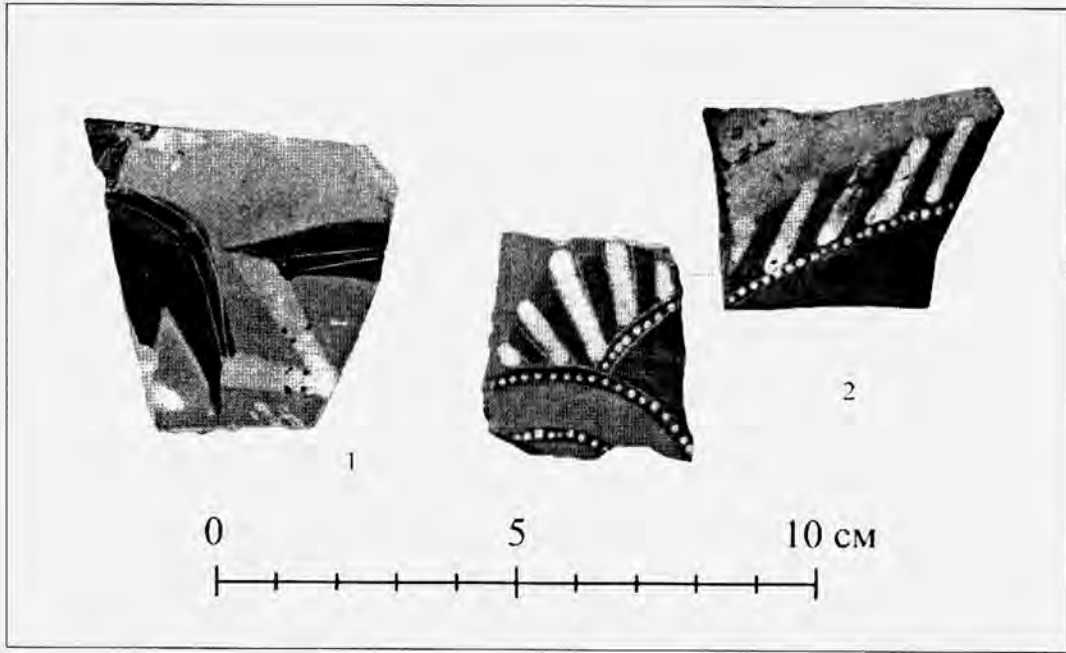

Рис. 26. 1. Лупарево-II. 2. Станислав-I. Фрагменты клазоменских амфор.

Рис. 27. Ягорлык.

1-28 – восточногреческая керамика; 28. 30 – коринфская керамика.

В.Н. ЗИНЬКО, Г.А. ПАШКЕВИЧ

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАНИХ КОМПЛЕКСОВ ТИРИТАКИ

Проводимые с 2002 г. раскопки в центральной части верхнего плато Тиритаки (между участками XIV и XVII) на площади в 1025 кв. м (участок XXVI) позволили открыть в 2007-2009 гг. постройки и археологические слои ранних этапов жизни боспорского города. Изучение этих материалов дало возможность внести существенные коррективы в процесс основания и становления этой древнегреческой апойкии на берегах Керченского пролива [Зинько, 2010]. Если первыми исследователями основание Тиритаки (Тиристака, Тириктака) на южной окраине поселка Камыш-Бурун [Гайдукевич, 1941, с.91-92] датировалось временем «около середины VI в. до н.э.» [Книпович, Славин, 1941, с.41; Гайдукевич, 1949, с.30, 38; 1952, с.131; Шмидт, 1952, с.246-247; Gajdukevic, 1971, s.35] или даже второй половиной этого столетия [Гайдукевич, 1940, с.306; 1949, с.172], то теперь, судя по керамическим материалам, вывод колонии в центральную часть европейского побережья Боспора Киммерийского состоялся около 565-560 гг. до н.э. На протяжении *первого этапа* (вторая треть VI в. до н.э.) жизни на поселении колонисты обитали в заглубленных в материк жилищах. В последней трети VI в. до н.э. начинается *второй этап* (последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.) застройки – возведение наземных сырцово-каменных построек. Судя по результатам раскопок, землянки и полуземлянки одновременно засыпаются и на их месте возводятся дома. Эти постройки возводились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с одно-, двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Закладываются основные градостроительные оси города, которые будут соблюдаться вплоть до ранневизантийского времени. Площадь города на втором этапе составляла не менее 4-5 га. Причем особо следует отметить, что часть ранних построек на западной окраине города оказалась за пределами первой крепостной стены, сооружение которой следует датировать концом VI – началом V вв. до н.э. В застройке города второго этапа выделяется несколько строительных периодов, из которых в последний (конец VI – первая четверть V вв. до н.э.) происходит несколько чередующихся пожаров. Судя по результатам раскопок 2007-2009 гг., дома в центральной части города были сожжены в результате какого-то нападения на рубеже первой-второй четверти V в. до н.э.

Интересные сведения первых этапов существования Тиритаки были получены при изучении палеозноботанических материалов. Засыпка грунта, заполнявшего землянку № 2 (рис. 1) датируется рубежом второй-третьей трети VI в. до н.э. Промыты образцы из заполнения тамбура, верхнего, среднего уровней и со дна землянки. Результаты представлены в таблице и на диаграмме (табл. 1, рис. 2). Состав обугленных зерновок и семян довольно однородный. Во всех образцах основную массу составляют зерновки двух зерновых культур – пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя на дне, зерновок голозерных пшениц – в образцах из верхнего уровня. Количество зерновок других культурных растений очень незначительно. Это – лишь единичные зерновки пленчатых пшениц однозернянки и двузернянки, ячменя голозерного, проса и семян бобовых растений – вики эрвили и чечевицы. Также единичны находки семян винограда культурного и сорных растений – щавля воробьиного и мари белой.

Для начала греческой колонизации характерны единичные находки семян винограда. Вероятно, виноград на первых этапах жизни еще не выращивался на Боспоре, а ископаемые семена могли быть привозными – или с вином, или в изюмом. Известна находка семени винограда второй половины VI в. до н.э. из привозной восточно-средиземноморской амфоры на о. Березань (раскопки В.В. Лапина) [Пашкевич, 2004, с. 131]. К.Фляксбергер приводит данные о находках семян винограда из слоев V в. до н.э. в Мирмекии и Керкинитиде [Фляксбергер, 1940, с. 118]. Семя винограда из ямы 71 в Мирмекии (раскопки Ю.А. Виноградова) по морфологическим признакам можно отнести к винограду культурному [Пашкевич, 2009, с. 346]. В слоях рубежа н.э. и первых веков находки семян винограда значительно возрастают. Они имеют разнообразие в морфологических характеристиках. Часто встречаются раздробленные семена, что свидетельствует об обработке винограда на давящих прессах.

З.В. Янушевич полагала, что дикий виноград был введен в культуру в Северном Причерноморье и со временем его использовали греки для селекции. Но позднее, по ее же мнению, стали пользоваться для селекции привезенными из Греции сортами, благодаря чему в III в. н.э. произошел качественный скачок в развитии виноградарства в Крыму. Как раз с этого времени появились разнообразные сорта культурного винограда – винные, кишмышные, столовые [Янушевич 1986, 69]. Находка большого количества семян винограда в Илурате на Боспоре в слоях III в. н.э., по мнению З.В. Янушевич, может свидетельствовать о довольно раннем начале виноградарства в Северном Причерноморье.

В то же время следует признать, что большинство палеозноботаников полагают, что в ископаемом материале установить с уверенностью принадлежность найденных семян к дикой или культурной форме практически невозможно. Вариации размеров и форм семян у культурного и дикорослого винограда очень велики и интервалы их перекрывают друг друга [Zohary & Noyf 2000, 153]. Границы между культурными клонами и дикими формами в настоящее время очень размыты благодаря легкости скрещивания между ними.

особенно в тех местах, где дикий виноград распространен в непосредственной близости к виноградникам, и даже первые гибриды F_1 оказываются плодоносящими. Очевидно, что картина распространения дикого винограда в древности искажена этими «сорными» формами, занявшими вторичные местообитания. Однако нет сомнения в том, что дикий виноград распространен и в настоящее время на юге Европы, Ближнем Востоке, на юге Каспийского бассейна. «Определитель высших растений Украины», 1999 г., приводит данные о распространении дикого винограда на Украине: встречается он преимущественно в дубовых лесах на каменистых склонах и в поймах рек в Закарпатье, по Днестру, Ю. Бугу, Днепру, на островах и косах Черного моря, в горных лесах и предгорьях Крыма (с. 241). Ягоды у него мелкие, округлые, черные, содержат по 3-4 семени.

Таблица 1. Состав обугленных зерновок и семян из землянки 2

	Заполнение тамбура	Землянка 2, верхний уровень	Землянка 2, средний уровень	Землянка 2, грунт со дна
<i>Triticum monococcum</i> Пшеница однозернянка	4	5	2	10
<i>Triticum dicoccon</i> Пшеница двузернянка			2	
<i>Triticum aestivum s.l.</i> Пшеница голозерная	21	123	33	57
<i>Hordeum vulgare</i> Ячмень пленчатый	23	38	55	165
<i>Hordeum vulgare</i> <i>var. coeleste</i> Ячмень голозерный		7	5	9
<i>Panicum miliaceum</i> Просо посевное	3			
<i>Vicia ervilia</i> Вика эрвилия	4			
<i>Lens culinaris</i> Чечевица				3
<i>Vitis vinifera</i> Виноград культурный		1	7	5
Сорняки:				
<i>Rumex acetosella</i> Щавель воробьиный	1			
<i>Chenopodium album</i> Марь белая	6			

Хотя к настоящему времени имеется значительное количество палеоэтноботанических материалов, характеризующих состав выращивавшихся растений в Северном Причерноморье периода греческой колонизации, данные о начальных этапах становления земледельческого хозяйства в греческих поселениях на северных берегах Черного моря пока еще мало численны и носят спорадический характер. Поэтому каждая новая находка представляет большой интерес. Особенно если учесть, что многие из тех данных, которые были опубликованы в археологических изданиях, не были подкреплены и определениями специалистов.

Что выращивали греки, прибыв на новые земли, привезли ли они известный им ассортимент растений или использовали в своих посевах местные культуры? Палеоэтноботаники за прошедшие 30 лет, используя фактический источник – находки обугленных растительных остатков в культурных слоях поселений, установили, что во время греческой колонизации в Северном Причерноморье выращивались две основные зерновые культуры – голозерные пшеницы и ячмень пленчатый [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 1995, с. 98 – 99; Pashkevich 2001, с. 530 – 531, 540; Гаврилов, Пашкевич, 2002, с. 136; Пашкевич, 2006; Кузьминова, Охотников, 1987]. Пленчатые пшеницы – двузернянка, однозернянка и спельта представлены в находках в очень небольшом количестве, что предполагает их роль растений – засорителей в посевах основных зерновых культур.

Есть все основания полагать, что этот ассортимент греки привезли с собою как хорошо известный им и использовали его в посевах с начала освоения ими новых земель. Об этом свидетельствуют палеоэтноботанические данные греческих поселений VI – первой трети V вв. до н.э. К их числу относятся поселения хоры Ольвии: Козырка 9, Чертоватое 7, Аджигол (Нижнее Побужье); Керкинитиды; городов и поселений Боспора: Мирмекий, Артюшенко 1, Новопокровка 1.

Остановимся на материалах Боспора, характеризующих ранний период греческой колонизации. Почти 7 тыс. зерновок культурных и дикорастущих растений было открыто в зерновой яме VI в. до н.э. в Гермонасе на Таманском п-ве [Зеест, 1961, с. 54]. Согласно определениям А.В. Кирьянова, яму заполняли зерновки пленчатого ячменя с единичными зерновками мягких пшениц, пленчатой пшеницы двузернянки и ржи, вероятно, сорнополевой (*Secale* sp.), т.е. засорявшей посева пшеницы и ячменя. В нескольких образцах из раскопок 1935 г. В.Ф. Гайдукевичем городища Мирмекий, в слое V в. до н.э., найдены зерновки мягкой пшеницы и пленчатого ячменя. Образец V – IV в. до н.э. из Тиритаки содержал обугленные зерновки мягкой пшеницы, пленчатого ячменя и вики эрвиллии [Фляксбергер, 1940, с. 118].

Начиная с конца XX века находки из ранних греческих поселений начали поступать на анализ в Институт археологии НАНУ. Это были материалы из раскопок под руководством Е.Я. Рогова и Ю.А. Виноградова поселения Артюшенко 1 (последняя четверть VI – первая четверть V вв. до н.э.) и города

Мирмекий. Во всех образцах из пос. Артюшенко 1 (ямы 10, 56, 57, 58, помещение ХП) абсолютно преобладают зерновки голозерных пшениц и ячменя пленчатого. Зерновки других зерновых культур – пленчатых пшениц однозернянки, двузернянки, ячменя голозерного, проса, ржи, из бобовых культур – семян вики эрвили, вики посевной и чечевицы найдены здесь в небольшом количестве.

Материал конца VI – первой трети V в. до н. э. выявлен в Мирмекии (раскопки под руководством Ю.А. Виноградова и А.М. Бутягина), где обугленное зерно собрано в заполнениях ям 59, 71 и в помещении XXV около печи. Во всех находках преобладают зерновки голозерной пшеницы и пленчатого ячменя. Небольшую примесь составляют зерновки ржи, проса, голозерного ячменя и семян бобовых растений, преимущественно вики эрвили, а также гороха и чечевицы [Пашкевич, 2009, с. 344 – 345]. Эти данные также показывают, что две зерновые культуры – голозерная пшеница и пленчатый ячмень использовались в посевах греков с момента заселения ими новых земель в Северном Причерноморье.

Итак, наличие голозерной пшеницы в числе преобладающих культурных растений – одна из характерных особенностей палеозноботанических находок в греческих полисах Северного Причерноморья [Pashkevich 2001, с. 531]. До ее массового появления на территории Украины, начиная со времени прихода сюда земледельческих племен, т.е. примерно с конца VII тыс. до н.э. и на протяжении тысячелетий, выращивались не голозерные, а пленчатые пшеницы – однозернянка, двузернянка, спельта [Янушевич, 1976, 1986; Пашкевич, 1990, 1991, 1995, 2003]. Нетребовательные к качеству обработки грунта и его плодородию, устойчивые к погодным условиям пленчатые пшеницы соответствовали примитивным формам ведения хозяйства.

Голозерные пшеницы, более требовательные к качеству обработки почвы, к ее плодородию, появляются на юге Украины вместе с приходом греческих колонистов, которые принесли с собою не только известный им ассортимент культурных растений, но и прогрессивные приемы их возделывания. И здесь, поселившись на новых территориях, они выращивали не заимствованный у местных племен ассортимент, а свой, хорошо им известный и привычный.

Нельзя согласиться с мнением И.Т. Кругликовой о том, что полба не была местной культурой, а завезена греками из метрополии [Кругликова, 1975, с. 182].¹

Вполне правдоподобным в свете современных данных, с уточнением о какой именно *пшенице* идет речь, является ссылка И.Т. Кругликовой на указание

¹ К сожалению, во многих работах археологов и историков при описании растительных находок используется слово «*пшеница*».

Это обобщающее название не разделяет пшеницы на голозерные и пленчатые. Однако известно, что эти пшеницы значительно отличаются между собой не только морфологическими признаками, в том числе и зерновок, но и различными агробиологическими характеристиками. Они требуют различных условий для своего выращивания, различных приемов уборки урожая, обработки зерна, а также его использования.

Геродота о том, что *местные* племена, заселявшие Причерноморье в I тыс. до н.э. – скифы-пахари, каллипиды и алазоны сеяли *пшеницу* (двузернянку?!), ячмень, просо [Кругликова, 1975, с. 180].

З.В. Янушевич относила небольшие, округлые ископаемые зерновки голозерной пшеницы к особой популяции, состоящей из двух видов – пшеницы мягкой и пшеницы карликовой, и дала ей обобщенное название *Triticum aestivo-compactum* [Янушевич, 1986, с. 45]. Однако, согласно Е. Schiemanн, сочетание в названии *Triticum aestivo-compactum* неверно, так как это название существует как синоним пшеницы карликовой – *Triticum compactum*, а промежуточной формы *Triticum aestivo-compactum* просто нет [Schiemanн 1948, p. 52]. Учитывая сложности определения видовой принадлежности зерновок в обугленном материале, палеозтботаники Европы договорились пользоваться объединенным названием *Triticum aestivum s.l.* (где s.l., т.е. *sensu lato* = в широком смысле), включив в него несколько видов голозерных пшениц: *Triticum vulgare* Vill., *T. compactum* Host, *T. vulgare antiquorum* Heer, *T. aestivum grex aestivo-compactum* Schiem. [«Progress in Old World Palaeoethnobotany» 1991, p. 209].

Существует мнение, что голозерные пшеницы, найденные в греческих памятниках Северного Причерноморья, это и есть «наиболее легковесная понтийская пшеница», о которой упоминает Феофраст в книге «Исследования о растениях» [Theophr., VIII, 4, 5], или «мелкозерная» пшеница по словам Плиния Старшего [Янушевич, 1986, с. 46]. Интересно, что измерения зерновок голозерной пшеницы, проведенные на материалах разновременных памятников греческих колоний Северного Причерноморья, показывают большое сходство в размерах. Очевидно, что греки на протяжении всего периода греческой колонизации выращивали однотипную популяцию голозерной пшеницы.

Голозерная пшеница обладает рядом преимуществ перед пленчатыми пшеницами. Зерновки голозерных пшениц имеют меньшие размеры и более округлую форму, чем зерновки пшениц пленчатых. Из таких зерновок больший выход муки и меньший – отрубей. Для них нужен и меньший объем тары для хранения или транспортировки. Агробиологические особенности голозерных пшениц такие – эти пшеницы стойкие к полеганию, зерновки их легко вымолачиваются и не требуют при этом таких больших усилий, как при обмолоте пшениц пленчатых, у которых зерновки находятся в плотно прилегающих к их телу чешуях (пленках). К тому же, голозерные пшеницы бывают яровыми и озимыми, что обеспечивает им явное преимущество перед яровыми пленчатыми пшеницами.

В наше время голозерные пшеницы являются наиболее распространенными пшеницами – около 90% мировых посевов составляют их посевы. Наиболее важное экономическое значение имеет пшеница мягкая (*Triticum aestivum* subsp. *vulgare* (Vill.) MacKey с синонимами *Triticum aestivum* L., *T. sativum* L., или *T. vulgare* Host.). Две другие голозерные пшеницы: а) карликовая пшеница (*Triticum aestivum* subsp. *compactum*) (Host) MacKey (синоним *T. compactum* Host)

с плотным колосом, растет в Афганистане и в северо-западной части Америки и б) круглозерная индийская пшеница *T. aestivum* subsp. *sphaerococcum* (Perc.) MacKey (синоним *T. sphaerococcum* Perc.) с небольшими зерновками выращивается в Индии и Пакистане [Zohary, Hopf, 2000, с. 52].

Второй преобладающей зерновой культурой в посевах греков был ячмень. Его зерновки в находках встречаются в равных значениях с пшеницей голозерной или превосходят ее. Письменные источники при перечне культурных растений ячмень ставят на первое место: «ячмень и пшеница», видимо подчеркивая тем его немаловажное значение [Hepper 1990, с. 59]. Ячмень бывает двух видов – ячмень голозерный (*Hordeum vulgare* var. *coeleste*) и ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*). Для выращивания ячменя наиболее подходящими являются сухие места водоразделов, а выращивание пшеницы возможно и в долинах. В засушливых районах ячмень более урожайный, чем пшеница [Растениеводство, 1986, с. 33]. Среди зерновых культур ячмень самый скороспелый. И если пшеница не взошла из-за погодных условий, земледelec всегда имел возможность получить урожай, высевая на этом участке скороспелый ячмень. Из зерновок ячменя готовят ячневую и перловую каши, мука используется для выпечки хлеба, но он грубый, быстро черствеет, становится ломким.

По данным Плиния [Естественная история NH, XVIII, 74], греки готовят из ячменя кашу, предварительно замачивая зерна, потом высушивают их и дробят вместе с семенами льна и кориандра. Н.И. Вавилов во время своего путешествия на Памир заметил, что там шестирядный голозерный ячмень выращивают специально на корм скоту и только небольшое количество зерна идет на приготовление лепешек, которые состоят из смеси дробленых зерновок ячменя, пшеницы, проса, ржи, семян гороха, чечевицы, бобов [Вавилов, 1987, с. 22]. Ячмень – хорошая фуражная культура, зерно используется на корм скота, свиней и также для лошадей, особенно в тех районах, где овес не растет. Отсюда происходит и средневековое название ячменя – «конский» [«Агрικультура...» 1936, с. 18]. Находят применение отходы обмолота и солома, которые по кормовым качествам приближаются к хорошему сену [Растениеводство, 1986, с. 124]. Колумелла писал: «Для всех деревенских животных он пища лучшая, чем пшеница, да и для человека он здоровее плохой пшеницы. Нуждающегося только он и спасает от голода» [Колумелла, цит. по Сергеевко, 1970, с. 149]. На плодородных землях ячмень является очень выгодной культурой, так как дает хорошие урожаи и требует меньших трудовых усилий.

В начале третьей трети VI в. до н.э. землянки в центральной части верхнего плато одновременно засыпаются и на Тиритакке начинается новый этап – строительство сырцово-каменных наземных построек. В это же время на тиритакской хоре основываются и первые сельские поселения [Зинько, 2007, с. 57-59]. В центральной части города (раскоп XXVI) в настоящее время исследованы остатки не менее пяти больших сырцово-каменных домов, состоящих из нескольких помещений и внутреннего двора. Эти дома строились вплотную

друг к другу и образовывали небольшие кварталы. В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с одно-, двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. От некоторых построек (СК-XXXV, СК-XXXVI, СК-XXXVII) сохранились лишь фрагменты помещений и отдельных стен, другие (СК-XXXIV, СК-XXXIII), несмотря на значительные утраты, могут быть частично реконструированы. Дом (СК-XXXIII) расположен в центральной части раскопа, его размеры в направлении СВ-ЮЗ достигают не менее 10 м, а в направлении СЗ-ЮВ – 8,60 м. В плане дом имеет форму неправильного прямоугольника. Помещения (всего их было восемь) располагались с трех сторон хозяйственного двора. В северной и южной частях двора зачищены небольшие каменные вымостки. Вдоль восточной стороны двора располагались пять хозяйственных ям. Особый интерес представляет помещение 1, внутренние размеры которого составляют как минимум 6,40×3,70 м (23,68 кв. м) и в плане оно реконструируется как прямоугольное. В западной части помещения 1 зачищена сырцовая печь № 2, а в южной – открытый очаг 50. Керамические комплексы из помещений, хозяйственных ям и очагов СК-XXXIII датируются последней третью VI – первой четвертью V вв. до н.э. Все постройки этого дома перекрыты слоем мощного пожара, который датируется рубежом первой – второй четверти V в. до н.э.

Из помещения 1 СК-XXXIII были взяты пробы с уровня пола и из слоя пожара (рис. 3), связанного с разрушением комплекса. В образце из слоя пожара среди черной пылеватой массы и мелких обломков зерновок преобладали зерновки пленчатой пшеницы однозернянки (*Triticum monococcum*), почти втрое меньше здесь зерновок голозерной пшеницы. Несущественную примесь составляют зерновки пшеницы двузернянки, ячменя голозерного, проса. В образце, отобранном на полу, были семена вики эрвилиии (основная масса) и единично – гороха и чечевицы, зерновок пшеницы голозерной и пленчатого ячменя (табл.2, рис.4).

Таблица 2. Состав обугленных зерновок и семян из помещения 1

	Очаг 50	Уровень пола
<i>Triticum monococcum</i> Пшеница однозернянка	188	
<i>Triticum dicoccon</i> Пшеница двузернянка	3	
<i>Triticum aestivum s.l.</i> Пшеница голозерная	52	5
<i>Hordeum vulgare</i> Ячмень пленчатый		17
<i>Hordeum vulgare var. coeleste</i> Ячмень голозерный	1	

<i>Panicum miliaceum</i> Просо посевное	1	
<i>Pisum sativum</i> Горох посевной		1
<i>Vicia ervilia</i> Вика эрвлия		240
<i>Lens culinaris</i> Чечевица		5

Таким образом, основу находки в помещении I составляют зерновки пленчатой пшеницы однозернянки с примесью (около 30%) зерновок пшеницы голозерной и семена вика эрвлии.

Зерновки пленчатой пшеницы однозернянки можно отнести к мелкозерным. Средние показатели размеров (по 20 измерениям) такие: 4.8мм – длина (L); 2.2мм – ширина (B) и 2.93 мм толщина (T). Зерновки сильно повреждены огнем, часть из них вздута, многие имеют на теле выгоревшие полости, однако на некоторых сохранились остатки пленок. Зерновки сохранили типичные морфологические признаки. Это – характерное для культурной однозернянки очертание боковой проекции зерновки, при которой спинная сторона горбатая, а брюшная выпуклая; толщина зерновки больше, чем ширина; зерновки слегка ассиметричны, имеют заостренные оба конца, узкую бороздку. Среди зерновок находится значительное количество растительных остатков, в том числе так называемых «вилочек», т.е. оснований колосков. В данном случае эти «вилочки» принадлежат пшенице однозернянке. Они появляются при обрушивании, т.е. обмолоте колосков или при их обгорании в пожаре. Очевидно, до пожара зерно хранилось в необрушенном состоянии, т.е. в колосках. Для пленчатых пшениц такой способ хранения является обычным. Эти пшеницы убирают с поля, обламывая только колоски, соломины оставляют в земле. Освобождают зерновки от колосков и пленок по мере необходимости, перед приготовлением пищи. Для облегчения обрушивания колоски прогревали, затем толкли в ступах. Необрушенными могут сохраняться также колоски для будущего посева или кормления скота. Высевают пленчатые пшеницы тоже колосками, а не зерновками.

Можно сказать, что находка в слое пожара помещения I СК-XXXIII Тиритакти значительного количества зерновок пленчатой пшеницы однозернянки *уникальна*. Выше уже говорилось о том, что во время греческой колонизации в Северном Причерноморье в числе основных выращивавшихся зерновых культур были голозерные пшеницы вместе с ячменем пленчатым и что этот ассортимент греки, вероятнее всего, принесли с собою. Появление значительного количества обугленных зерновок пшеницы однозернянки в слое пожара в помещении I можно объяснить, очевидно, налаживанием активных контактов

с ближайшим местным населением. Это могли быть или скифы, или синдо-меотские племенные образования, или кизил-кобинцы. Именно с последними связан погребальный комплекс второй половины VI – начала V вв. до н.э. на некрополе Тиритаки и находки лощеной посуды [Бессонова, 1972, с.107]. Те скромные данные, которые имеются в настоящее время, свидетельствуют, что эти племена использовали иной, чем греки, состав растений.

У скифов степной зоны Северного Причерноморья в V-IV вв. до н.э. в период перехода к оседлости и занятия земледелием преимущество имели ячмень пленчатый и просо, известны им были и пленчатые пшеницы, в основном, пшеница двузернянка. Эти растения по своим агробиологическим особенностям (скороспелость, засухоустойчивость, использование в качестве корма для скота и птицы) хорошо соответствовали потребностям полукочевого образа жизни скифов. Очевидно, что занятие земледелием возникло у степных скифов из потребностей скотоводства и не подвергалось на начальном этапе своего существования влиянию соседних земледельцев [Пашкевич 2000, с. 109; Пашкевич, Гаврилюк, 1991, с.59 – 62]. Со временем, благодаря переходу их к оседлому образу жизни и общению с населением соседних греческих полисов с высокоразвитым хозяйством, отмечаются значительные изменения в составе выращивавшихся растений. Ассортимент становится более разнообразным, в начале I тыс. н.э. появляются неизвестные ранее голозерные пшеницы и рожь.

О том, что пшеница двузернянка входила в состав растений, выращивавшихся скифами, свидетельствует также большое количество отходов от обмолота двузернянки. Эти отходы в виде отпечатков колосков, чешуй и «вилочек» обнаружены З.В. Янушевич при анализе сырцовых кирпичей в одном из помещений IV в. до н.э. Керкинитиды [Янушевич, 1986, с. 50]. В пробе обугленного зерна, также связанной со скифским ярусом (вторая половина II в. до н.э.), зерновки пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки составляют почти 30%. (анализ Г.А. Пашкевич). И как обычно, в материалах, относящихся к периоду греческой колонизации конца V – начала III вв. до н.э., их количество незначительно [Кутайсов, 2004, с. 16].

Материал, относящийся к кизил-кобинской культуре, происходит из пос. Штурмовое в юго-западной части Крыма. На поселении Черная речка (VII – V вв. до н.э.) найдено более двух тысяч обугленных зерновок. Основную массу – это 1980 зерновок, т.е. 99 %, составляли зерновки пшеницы однозернянки и только 12 зерновок принадлежит пшенице двузернянке, 10 – пленчатому ячменю [Янушевич, Кузьминова, Савеля 1988, с. 14 – 16].

О находках на меотских памятниках Прикубанья приводит данные Е.Ю. Лебедева [Лебедева 1994, с. 111]. Результаты промывок культурных слоев на пяти памятниках выявили незначительное количество зерновок, среди которых преобладают зерновки голозерной пшеницы. Находки пшеницы двузернянки единичны, к тому же ее зерновки найдены не во всех памятниках. В то

же время зерновки проса обнаружены во всех пробах и по удельному весу эта культура занимает второе место. К сожалению, опубликованные результаты не расчленены хронологически. В списке приведены памятники с общей датой – от VI в. до н.э. до III в. н.э., что не дает возможности использовать эти результаты для сравнения. Учитывая большие значения проса, единичные находки ржи, можно предположить, что полученные материалы характеризуют ассортимент, использовавшийся в более позднее время, т.е. в период после рубежа н.э.

Следует отметить также, что просматривается определенная закономерность: появление пленчатых пшениц в составе находок на греческих памятниках, как «надежных», нетребовательных злаковых культур, вместо обычных для греческих поселений преобладающих голозерных пшениц и пленчатого ячменя происходит в периоды ухудшающихся условий жизни. Подтверждением могут служить материалы из средневекового Херсонеса. В них возрастает количество пленчатых пшениц в то время, как для античного времени в Херсонесе, как и во всех материалах греческих колоний, преобладающими были пшеницы голозерные и ячмень пленчатый [Пашкевич, 2006, с.167]. В средневековых образцах X – XIII вв. Херсонеса, в ряде помещений обнаружены десятки и сотни зерновок пленчатых пшениц, иногда их в два раза больше, чем зерновок голозерных пшениц. Помимо зерновок, здесь же обнаружены остатки от обмолота пленчатых пшениц: фрагменты колосков, «вилочки», колосковые и цветочные пленки. Очевидно, что собранный урожай хранился в колосьях. Исследователи Херсонеса считают, что период X – XIII вв. был трудным в жизни города из-за неоднократных нападений врагов, из-за изменений в направлении торговых путей. В это время возрастает роль ремесла, потерю доходов от торговли херсонеситы возмещают за счет продажи своих ремесленных изделий в горные районы [Сорочан, Зубарь, Марченко 2001, с. 407]. Оттуда в город могло поступать зерно, состав которого был иным, чем на хоре. В горных районах выращивались традиционные пленчатые пшеницы, менее требовательные к почвенным и климатическим условиям.

Пшеница однозернянка – малоурожайная культура, но отличается большой засухоустойчивостью и выносливостью, нетребовательностью к почвам. Возможно, благодаря этим свойствам могла вытеснять в неурожайные годы вместе с другой пленчатой пшеницей – двузернянкой, основную культуру – голозерную пшеницу в Крыму длительное время, даже в XX в. [Дроздов, 1922]. В XVIII в. находили пленчатую пшеницу двузернянку на Керченском п-ве в районе Феодосии, выращивали ее в Перекопском уезде, в 20-х годах XX в. – в татарских селах Байдарской долины и около Бахчисарая под названием «каплибагдай» как в чистых посевах, так и в смеси с однозернянкой. В наше время пшеница однозернянка – реликтовое растение, и встречается спорадически в западной части Турции, в горных районах Швейцарии, Германии, Испании, Албании, на Кавказе. Эта пшеница – одна из первых культур со времени неолита на Ближнем Востоке и основной компонент в раннем земледелии Европы.

Замена однозернянки голозерными пшеницами на Ближнем Востоке и в Средиземноморье произошла довольно рано и уже в поздней Бронзе эти пшеницы имели преимущество перед пленчатыми [Zohary & Hopf 2000, с. 50]. Однако в греческой метрополии пленчатые пшеницы еще долго оставались основными в ассортименте [Sarpaki 1992, р. 64 – 66; 1995, р. 300].

Бобовые растения представлены находками семян вики эрвильи, чечевицы. Их количество в ранних слоях Тиритаки незначительно, однако в слое пожара насчитано 240 семян вики эрвильи. Семена вики имеют округло-треугольную форму и средние размеры (по 35 измерениям) = 3.55 мм. Многочисленные находки на греческих поселениях Северного Причерноморья свидетельствуют о том, что бобовые входили в состав выращивавшихся растений. Известны находки семян вики эрвильи в материалах конца V в. до н.э. в Керкинитиде [Пашкевич, 1991, с. 15]. В большом количестве ее семена найдены также (как и чечевица) в материалах первой четверти IV в. до н.э. на поселении Панское I [Щеглов, Кузьминова, Янушевич, Чавчавадзе 1989, с. 61 – 62]. Материалы средневекового квартала Херсонеса показывают, что это бобовое растение не утратило своего значения и в средневековье.

Бобовые растения имели немаловажное значение как источник растительного белка, особенно в тех случаях, когда мясная пища бывала лишь определенным коротким периодом. Относительно бобовых существует даже специальное название – «мясо для бедных людей». Еще одно важное качество бобовых: эти растения, чередуясь со злаками, способствуют улучшению почвы, обогащают ее азотом. Семена бобовых употребляются человеком в пищу, они могут длительно храниться, зеленую массу бобовых используют для корма скота, как в свежем виде, так и в качестве сена.

Наиболее часто в находках греческих колоний Северного Причерноморья отмечались семена вики эрвильи, типичного растения Средиземноморского бассейна. Используется вика эрвилья как для употребления в пищу людьми, так и на корм скоту (зеленая масса, сено). Вику эрвилью могли выращивать в междурядьях посадок винограда как культуру, улучшающую состав почвы. Растение имеет ряд преимуществ перед другими бобовыми: небольшой рост, исключая затенение винограда, и отсутствие такого качества бобовых, как обплетание [Янушевич 1986, с. 60]. Это бобовое растение нетребовательно к почвам, имеет короткий вегетационный период, поэтому иногда на юге успевает дать по два урожая. Использовали вику эрвилью в пищу с обязательным предварительным вымачиванием из-за ядовитости семян. Известно, что употреблялась она также на корм животным. Согласно Аристотелю, от употребления вики эрвильи коровы дают больше молока. Плиний же отмечал, что вика не требует большого ухода, имеет лечебные свойства и используется, преимущественно, на корм скоту.

Вика эрвилья относится к древним культурным растениям, первые следы которого зафиксированы в земледельческих поселениях Турции в VII -

VI тыс. до н. э. Большое количество обугленных семян ее найдено в различных фазах докерамического неолита (7500 - 6500 лет до н.э.), однако, по мнению исследователей, невозможно определить, относились ли эти семена к культурным растениям. Позже семена вики эрвильи были найдены в материалах таких известных поселений первых земледельцев VI - V тыс. до н.э. Ближнего Востока, как Can Hasan 3, Nacilar, Erbaba. Со временем находки отмечены в неолите и бронзе Греции, Болгарии, Югославии, Румынии и Молдовы. Большой перечень этих находок приводят D. Zohary и M. Hopf. Согласно их заключению, выращивали вику эрвилью в прошлом преимущественно в Турции, в Греции и Болгарии и там она входила в состав первых культурных группировок, а одомашнивание ее произошло в Анатолии, то есть там, где сейчас все еще встречаются эти растения в составе местной флоры [Zohary & Hopf 2000: 117]. В данное время вику эрвилью выращивают в незначительном количестве в Анатолии и странах Средиземноморья.

В помещении 1 обнаружено также 7 спеченных в однородную массу комков, образованных семенами льна культурного *Linum usitatissimum*. Средние размеры семян (по 20 измерениям) = 3.7 x 2.0 мм. Из плотно спеченной массы выделить отдельные семена сложно, так как они очень хрупкие, легко рассыпаются при прикосновении. Комки однородные, состоят из семян льна, лишь только в одном из них найдена зерновка ячменя пленчатого. Лен относится к первой волне доместифицированных растений. Издавна употребляли его как для получения волокна, так и для получения масла. Существует две разновидности льна: те растения, из которых получают масло, имеют относительно короткий стебель и большие семена. Вторая разновидность имеет более высокий стебель и маленькие семена. Существуют и переходные формы, которые выращивают как для получения волокон, так и семян. При орошаемом земледелии семена льна увеличиваются в размерах. В данной находке семена можно отнести к мелким.

Палеоэтноботанические исследования материалов из ранних слоев боспорского города Тиритака подтверждают имеющиеся данные о том, что с приходом в Северное Причерноморье греки-колонисты выращивали привычный им ассортимент, в котором основными растениями были голозерные пшеницы и ячмень пленчатый. Появление значительного количества в слое пожара конца первой четверти V в. до н.э. в помещении 1 зерновок пленчатых пшениц, в данном случае пшеницы однозернянки, и проса, можно объяснить налаживанием активных контактов с местными племенами, в первую очередь кизил-кобинскими, в конце VI - начале V вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Агрικультура* в памятниках западного средневековья: переводы и комментарии. М. - Л. Изд. АН СССР, 1936. - 364 с.
- Безсонова С.С.* Таврське поховання з некрополя Тіритакі // АДУ. - Вип. IV. - К., 1972.
- Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, - М., Изд. АН СССР, 1953. - 208 с.
- Вавилов Н. И.* Происхождение и география культурных растений, Ленинград, 1987 - 440 с.
- Гаврилов А.В., Пашкевич Г.А.* Палеоботанические материалы поселения Новопокровка I и некоторые вопросы организации земледелия в сельской округе Феодосии в IV - начале III вв. до н.э. // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. - Санкт-Петербург, 2002, - Часть 1. - С. 134 - 138.
- Гаврилюк Н. А., Пашкевич Г. А.* Земледельческий компонент в экономике степной Скифии // *Сов. археология*, 1991 - 2. - С. 51 - 64.
- Гайдукевич В.Ф.* О местоположении древней Тиритакі // МИА. 4.- М., 1941.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство, М.-Л. 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритакі в 1935-1940 гг. // МИА. 25.- М., 1952.
- Дроздов Н.А.* Дикая и культурная однозернянка в Крыму. // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1922 - 1923, - т. 13, - вып. 1.
- Зеест И.Б.* Архаические слои Гермонассы // КСИА. 1965 - 83. - с. 53 - 58.
- Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // БИ. - Вып. XV. - Симферополь-Керчь, 2007.
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритакі // ДБ. - Вып. 14. - М., 2010 (в печати).
- Клипович Т.Н., Славин Л.М.* Раскопки юго-западной части Тиритакі // МИА. 4.- М., 1941.
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. - 300 с.
- Кузьмина Н.М., Охотников С.Б.* Культурні рослини Нижнього Подністров'я у VI - V ст. до н.е. (за даними палеоботанічного аналізу) // *Археологія*, 1987. - 60. - с.
- Кутайсов В.А.* Керчинитида в античную эпоху. Киев - 2004, - 325 с.
- Лебедева Е.Ю.* Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья. *Боспорский сборник*, М., 1994. - № 5, - С. 108 - 112.
- Пашкевич Г. А.* Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии. // Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). - Киев: Наукова думка, - 1990. - С. 114 - 119.
- Пашкевич Г.А.* Палеознботанические исследования скифских памятников степной зоны Северного Причерноморья. // Скифы и сарматы в 7 - 3 вв. до н.э. Палеозоология, антропология и археология. Москва. 2000. - С. 101 - 109.
- Пашкевич Г.А.* К проблеме изучения Северного Причерноморья в античную эпоху // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. - Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа. - 2002. - С. 302 - 311.
- Пашкевич Г.О.* Про склад рослин, вирощуваних на початку грецької колонізації Північного Причорномор'я // *Vorysthenica*. Матеріали міжнародної наукової конференції к 100-літтю початку досліджень острова Березань Э.Р. фон Штэрном, - Николаев, 2004. - С. 131 - 138.
- Пашкевич Г.А.* Современное состояние палеознботанических исследований Херсонеса // Херсонесский сборник - вып. XV, 2006, - С. 165 - 179.
- Пашкевич Г.А.* Палеознботанические исследования Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения. Керчь, 2009. - С. 342 - 347.
- Плеший.* Естественная история, кн. XVIII, ОГИЗ - сельхозгиз. М.-Л. 1937. 304 с.
- Плеший Гай.* 1949. Естественная история. Книга XVIII // ВДИ, 2. - С. 273 - 317.
- Растениеводство.* М. Агропромиздат, 1986. - 512 с.

- Сергеевко М. Е.* Ученые земледельцы Древней Италии. - Л., - Изд. «Наука», - 1970. - 292 с.
- Фляксбергер К. А.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. // КСИИМК, 1940. - вып. 8. - С. 117 - 119.
- Шмидт Р. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритакис // МИА, - 1952 - 25.
- Щеглов Н. А., Кузьминова Н. Н., Янушевич З. В., Чавчавадзе Е. С.* Земледелие на поселении Панское 1 (Северо-западный Крым в IV - начале III в. до н.э. // Флора и растительность: Ботанические исследования, Кишинев, 1989. - вып. 5, - С. 50 - 69.
- Янушевич З. В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. - Кишинев: Штиинца, 1976. - 214 с.
- Янушевич З. В.* Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоэтноботанические исследования. - Кишинев: Штиинца, 1986. - 92 с.
- Янушевич З. В., Кузьминова Н. Н., Савеля О. Я.* К истории возделывания пшеницы однозернянки на территории СССР // Флора, геоботаника и палеоэтноботаника. Ботанические исследования. - 1988. - № 1. - С. 12 - 17.
- Gajdukevic V.F.*, Das Bosporianische Reich. - Berlin, 1971.
- Pashkevich G. A.* Archaeobotanical studies on the Northern coast of the Black Sea. In: *Eurasia antiqua*. 2001. - Band 7, - S. 511 - 567.
- Hepper F Nigel.* Pharaoh's flowers. The botanical treasures of Tutankhamun. London: HMSO, 1990 - 80 p.
- Pashkevich G.A.* Archaeobotanical studies on the Northern coast of the Black Sea // *Eurasia antiqua*. - Berlin. - 2001. - N. 7. - Pp. 511 - 567.
- Pashkevich Galina.* Palaeoethnobotanical evidence of agriculture in the steppe and the forest-steppe of East Europe in the Late Neolithic and Bronze Age. // Prehistoric steppe adaptation and the horse. Edited by Marsha Levine, Colin Renfrew & Katie Boyle. McDonald Institute monographs. Cambridge. 2003. - Pp. 287 - 297.
- Progress in Old World Palaeoethnobotany. A retrospective view on occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany*, eds. W. van Zeist, K. Wasylkova & K.-E. Behre. - A. Balkema/ Rotterdam/Brookfield, 1991. - 350 p.
- Sarpaki A.* The palaeoethnobotanical approach. The Mediterranean Triad or is it a Quartet? // Agriculture in Ancient Greece. Proceeding of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16 - 17 May 1990, Stockholm, 1992. - Pp. 61 - 76.
- Sarpaki A.* Toumba Balomenou: plant remains from Early and Middle Neolithic levels // *Res archaeobotanicae International Workgroup for palaeoethnobotany. Proceeding of the ninth Symposium 1992*, ed. H. Kroll & R. Pasternak, Kiel, 1995. - Pp. 281 - 300.
- Schiemann, E.* Weizen, roggen, gerste. Systematik, geschichte und Verwendung., Fischer, Jena, 1948, - 102 p.
- Zohary D. & M. Hopf.* Domestication of plants in the Old World. The origin and spread of cultivated plants in the West Asia, Europe and the Nile Valley. Oxford, University press. New York, 2000, - 316 p.

В.М. Зінько, Г.А. Пашкевич

ПАЛЕОБОТАНИЧНІ МАТЕРІАЛИ З РАНИХ КОМПЛЕКСІВ ТІРИТАКИ

Резюме

Знахідки традиційних для грецьких колоній Північного Причорномор'я зернових культур – голозерних пшениць та плівчастого ячменю подані у заповненні землянки № 2, яка датується другою – третьою третиною VI ст. до н.е. Такий склад залишався і на першому етапі (друга третина VI ст. до н.е.) життя поселення, коли колоністи мешкали у землянках, і на другому етапі (остання третина VI – перша чверть V ст. до н.е.), коли були споруджені наземні сирцево-кам'яні будівлі і почато будівництво сільських поселень на хорі. З'явившись на північному березі Чорного моря, греки принесли з собою відомий їм асортимент разом з навичками його вирощення та використовували його під час всього періоду колонізації на великій території – від Нижнього Побужжя до Боспору. Налагодження активних контактів з місцевими племенами в кінці VI – на початку V ст. до н.е. відбилося на складі рослин. В матеріалах з копалин з шару пожежі кінця першої чверті V ст. до н.е. в приміщенні № 1 фіксуються в значній кількості зерновки плівчастих пшениць, в даному випадку пшениці однозернянки та проса. Ці рослини разом з ячменем плівчастим складала традиційний асортимент сусідніх з греками племен.

В. Н. Зинько, Г.А. Пашкевич

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАНИХ КОМПЛЕКСОВ ТИРИТАКИ

Резюме

Находки традиционных для греческих колоний Северного Причерноморья зерновых культур – голозерных пшениц и пленчатого ячменя представлены в заполнении землянки № 2, датированной второй третью VI в. до н.э. Такой состав оставался и на *первом этапе* (вторая треть VI в. до н.э.) жизни поселения, когда колонисты обитали в землянках, и на *втором этапе* (последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.), когда были возведены наземные сырцово-каменные постройки и начато строительство сельских поселений на хоре. Появившись на северном берегу Черного моря, греки принесли с собою известный им асортимент вместе с навыками его выращивания и использовали его во время всего периода колонизации на большой территории – от Нижнего Побужья до Боспора. Налаживание активных контактов с местными племенами в конце VI – начале V вв. до н.э. отразилось на составе растений. В ископаемых материалах из слоя пожара первой четверти V в. до н.э. в помещении № 1 фиксируются в значительном количестве зерновки пленчатых пшениц, в данном случае пшеницы однозернянки, и проса. Эти растения вместе с ячменем пленчатым составляли традиционный асортимент соседних с греками племен.

V.N. Zinko, G.A. Pashkevich

PALAEOBOTANICAL MATERIALS FROM THE EARLY COMPLEXES OF TYRITAKE

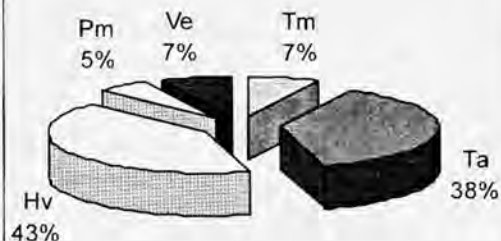
Summary

The finds of cereal-crops, which were traditional to the Greek colonies in the North Pontic area – bare grained wheat and hulled barley –, are represented in the filling of the pit house 2 dating to the second – the last third of the 6th century BC. This composition remained in *the first stage* (second third of the 6th century BC) of the life of the settlement, when the settlers lived in pit houses, and in *the second stage* (last third of the 6th century – the first quarter of the 5th century BC) when ground raw-stone buildings were built and construction of rural settlements in the chora began. After their appearance on the north shore of the Black Sea, the Greeks brought with them known to them range of crops together with the skills of its cultivation and use d it during the whole period of colonization on a large area – from the Lower Bug region to the Bosphorus. Establishing active contacts with the local tribes in the end of the 6th – the beginning of the 5th cc. BC was reflected in the composition of plants. Hulled wheat grains, in this case, einkorn wheat, and millet are recorded in the fossil material from the layer of fire dating to the end of the first quarter of the 5th century BC in the room 1. These plants, along with hulled barley were the traditional assortment of tribes neighboring the Greeks.

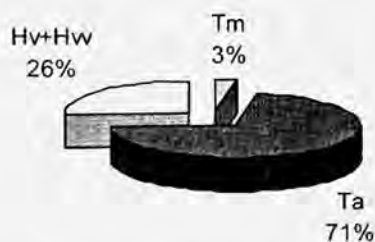

Рис.1. Землянка № 2. Вид с востока.

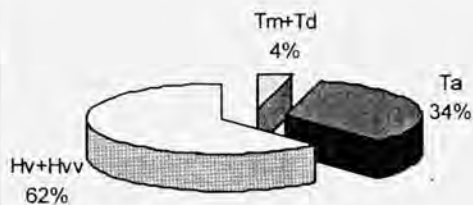
Тамбур

Землянка 2, верхний уровень

Землянка 2, средний уровень

Землянка 2, со дна

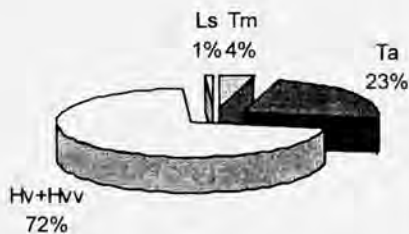

Рис.2. Циклограмма состава культурных растений из слоев землянки 2

Условные обозначения : Tm – *Triticum monococcum*; Td – *Triticum dicoccon*; Ta – *Triticum aestivum s.l.*; Hv – *Hordeum vulgare*; Hvv – *Hordeum vulgare var. coeleste*; Pm – *Panicum miliaceum*; Ls – *Lens culinaris*

Рис.3. Остатки обугленных зерновок на полу помещения 1.

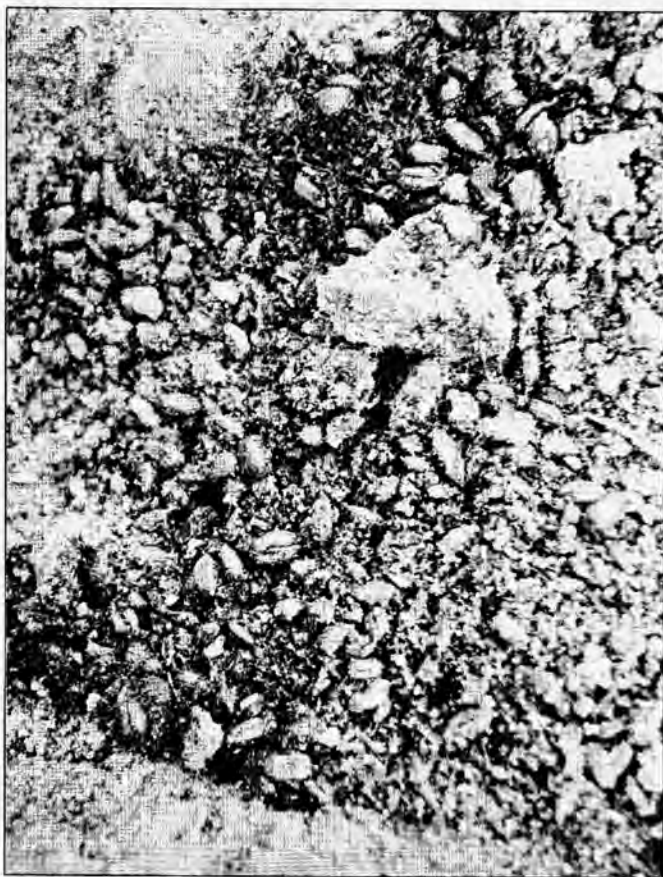
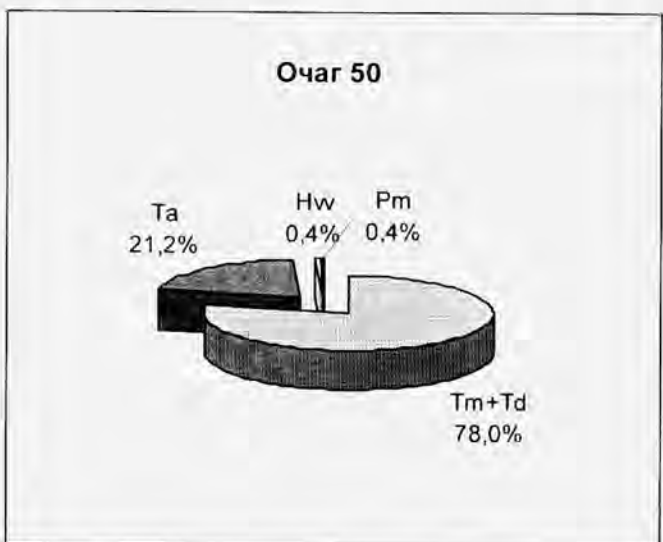

Рис.4. Циклограмма состава зерновых культур из помещения 1

Условные обозначения : Tm – *Triticum monococcum*; Td – *Triticum dicoccon*; Ta – *Triticum aestivum s.l.*; Hv – *Hordeum vulgare*; Hvv – *Hordeum vulgare var. coeleste*; Pm – *Panicum miliaceum*; Ls – *Lens culinaris*

А.С. РУСЯЕВА

О ТРАДИЦИЯХ МИЛЕТА В КУЛЬТУРЕ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Общеизвестно, что эллинские традиции играли основополагающую роль в развитии культуры античных городов Северного Причерноморья¹. Для нашей темы особый интерес представляет рассмотрение малоизученных вопросов их переноса в период колонизации из метрополии – Милета – в колонию Ольвию и выяснение главных факторов их сохранения или воспроизведения в совершенно иных экологических и внешнеполитических условиях на огромном расстоянии от родины и главных центров эллинской цивилизации. Важно также кратко проследить историческую преемственность в идейно-духовной сфере и традиционные формообразующие компоненты в общекультурном развитии древнегреческого полиса в Нижнем Побужье на основании давно известного договора Милет – Ольвия об исополитии, при изучении которого, прежде всего, главное внимание обращалось на политические и экономические отношения между ними преимущественно в VI–I вв. до н. э.²

Предварительно необходимо хотя бы очень кратко коснуться вопросов, связанных с историей и культурой метрополии, прежде всего, периода основания и начального существования Ольвии. Как хорошо известно, историческая судьба Милета VI – начала V в. до н. э. изобилует многими событиями, в том числе и трагическими [Graham, 1988, p. 98–117; Kleiner, 1966, S. 2–26].

¹ Термин «традиция» (лат. *traditio* – «передача, предание, преподавание» и др.) в разных аспектах определяется как передача от поколения к поколению духовных ценностей жизни, в которые включаются чаще всего основные элементы политического, социального и культурного наследия, в особенности религиозных воззрений и творческой интеллектуальной деятельности, в античную эпоху также во многом связанной с религией. «Разумеется, рецепция и усвоение интеллектуальной традиции в новых исторических условиях сопровождается отбором тех или иных элементов наследия, развитием самой традиции. Интеллектуальная традиция рассматривается, таким образом, не только как преемственность идей и способов мышления, непрерывность исторического наследования в интеллектуальной сфере, а как процесс воссоздания, активного восприятия, селекции, переформатирования, творческого преобразования, преодоления или возрождения» [Петрова, 2010, с. 6]. Хотя процитированное здесь суждение касается более высокоразвитой общепонтийской интеллектуальной традиции, возродившейся в определенной степени в средние века, тем не менее в основных аспектах в методологическом плане оно важно и для изучения традиций Милета в его дочернем полисе – Ольвии Понтийской.

² Далее этот хронологический термин не приводится.

В это время он уже обладал мощным экономическим и культурным потенциалом, считался одним из крупнейших центров античной ойкумены, по определению Геродота, «жемчужиной Ионии» (Herod. V, 28); славился многими достижениями, но главным образом большим количеством колоний на побережьях Понта Эвксинского, Пропонтиды и в других регионах (Strab. XIV, 1, 6). Даже в сочинении римского писателя Плиния Старшего отмечено, что Милет основал более 90 колоний (Plin. NH, V, 112), что является бесспорным свидетельством заслуг этого полиса в истории всего эллинского мира. Благодаря милетским мореходам были значительно расширены его географические рамки, а ионийские земледельцы основали новые города, ставшие на многие века важнейшими торговыми базами для эллинов Средиземноморья, освоили огромные территории, в том числе и целинные [см. подробнее с литературой: Bilabel, 1920; Seibert, 1963; Кобылина, 1965; Graham, 1988; Werner, 1971; Boardman, 1981; Виноградов, 1983; Ehrhardt, 1983 и другие].

Ионийцы на исконной родине, в том числе и милетяне, как до колонизации, так и в колонизационный период пытались установить мирные контакты с соседними восточными государствами ради сохранения своей независимости и личной свободы. Тем не менее, сначала лидийские, а затем и персидские цари постоянно нарушали добрососедские отношения, стремясь расширить свои земли и обогатиться за счет эллинских городов. Так, синхронно с экономическим подъемом ионийских городов, в особенности Милета, прослеживается стремительное возрастание в VII в. до н.э. Лидийского царства, а после его завоевания – Персии. Постепенно восточные цари отвоевывали у эллинов значительные территории и заставляли платить им дань (Herod. I, 27). Однако, если лидийцы не вмешивались в государственную жизнь ионийских полисов [Свенцицкая, 1978, с. 27–32], то совсем иной была политика персов. Они вели опустошительные войны на протяжении многих лет, что в итоге стало одной из важных причин массового переселения эллинов в более отдаленные регионы ойкумены. Разгромив Лидийское царство в 546 г., Ахемениды установили протекторат над Ионией [Herod. I, 153–168; Функ, 1990, с. 4–5, 21–22]. Только Милет после мирного договора с Киром, не подвергся нападению, хотя номинально и был от него зависим. Позже один из известных персофилов милетский тиран Гистизей с флотом принимал участие в персидском походе Дария против скифов (Herod. IV, 137–139, 141), что, возможно, стало одной из причин того, что ни один из военных отрядов этого царя не был специально направлен для захвата северопонтийских милетских колоний.

Военные действия и постоянная угроза порабощения восточными соседями, – прежде всего лидийцами, а затем более сильными и жестокими персами, – страх и предчувствие потери родины усиливали социальное и психологическое напряжение среди многих граждан Милета, хорошо понимающих, что они не только могут потерять свое благосостояние, но и лишиться цивилизованного образа жизни, если вообще не самой жизни, личной свободы, культурных

достижений, культов исконных богов – покровителей полисов [см. с литературой: Graham, 1988; Кошеленко, Кузнецов, 1990; Русяева, 1986; Русяева, 1998, с. 198–201]. Ведь после ионийского восстания против персидского владычества в 499 г. милетяне многие годы мужественно защищали свой город. Персы осаждали Милет с суши и с моря, сделали подкопы под оборонительными стенами и только на шестой год им удалось его захватить; большую часть мужчин они умертвили, их жен и детей обратили в рабство, а захваченных в плен милетян поселили на побережье Красного моря в городе Ампе у реки Тигр (Herod. VI, 18–21).

Храм Аполлона с его богатой сокровищницей и знаменитое прорицалище в Дидимах также разграбили и предали огню. Из всех ионийцев, восставших против царя Дария, самосцы были единственными, чьи святилища и город не сожгли (Herod. VI, 25); остальные ионийские города со святилищами были преданы огню (Herod. VI, 32). После своей победы и столь жестокого обращения с эллинами, персы в Милетской области заняли разрушенный город и окрестную равнину, а горную местность передали во владение карийцам. “Итак, в Милете теперь уже не было больше милетян”, – констатировал Геродот (Herod. VI, 22), добавив к этому, что вообще «ионийцы в третий раз были обращены в рабство: сначала лидийцами, а затем дважды персами» (Herod. VI, 32).

Из других источников известно, что позже, в 479 г., по велению Ксеркса, флоту которого эллины нанесли сокрушительное поражение близ Милета у мыса Микале, расположенное поблизости Дидимское святилище полностью уничтожили, его жрецов из наследственного рода Бранхидов переселили в Бактрию (Strab. XI, 11, 4; Curt. VII, 5, 28–30; Plut. Mor. 557B; Plin. NH. VI, 18), где были основаны одноименный город и святилище Аполлона Дидимейского, в свою очередь разгромленные войсками Александра Македонского [см. подробнее: Seibert, 1972, S. 144–145; Пичилян, 1991, с. 288–305]. Согласно разным литературным версиям, милетяне считали Бранхидов предателями, поскольку они передали либо продали Ксерксу храмовые сокровища в Дидимах (ср. Strab. XI, 4, 11; Curt. VII, 5, 28–30). Как бы то ни было, но все эти события не могли не наложить неизгладимое впечатление на переселенцев из Милета и их потомков. Судя по отдельным источникам, так или иначе отдельным жителям этого полиса и его округи в период нависшей угрозы все-таки удалось избежать смерти и насильственного переселения в чужеземные регионы. Поселившись в других городах, они сохраняли свое гражданство³.

³ Так, например, в первом списке Афинской архэ об уплате фороса за 454 г. Милет не указан, но отдельно отмечены милетяне из Техиусы и Леры, уплатившие по 0,5 таланта, что свидетельствует об их небольшом количестве, своеобразной этнической замкнутости и малозажиточности; в дальнейшем почти через десять лет после этих сведений в списках зафиксированы вдвое сниженные взносы Милета (5 талантов), что в несколько раз было меньше фороса некоторых других городов [см. с литературой: Meiggs, 1972, p. 188, 561–563]. Отсюда ясно, что еще в 40-е годы 5 в. Милет находился в бедственном положении и не все избежавшие плена милетяне и их потомки сумели возвратиться в родной город.

В таком случае часть из них могла найти убежище и в милетских колониях на Понте среди своих родственников и сограждан. На протяжении второй половины VI в. в Ольвию периодически прибывали новые партии эпойков, в особенности после разорения сельских территорий персами, а затем и подчинения ими всей Ионии, полного разгрома Милета в 494 г. Очевидно, благодаря этому была значительно расширена сельская округа Ольвийского полиса [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 22–95].

В общем, переселенцы из Милета и Милетской области, основав и сформировав на протяжении второй – третьей четверти VI в. до н. э. в Нижнем Побужье новый полис, заложили фундамент для сохранения отчих традиций. Как для образования нового полиса на столь значительном расстоянии от метрополии в иной экологической среде и внешнеполитической обстановке, так и для его дальнейшего успешного существования и развития необходимо было опираться прежде всего на единство гражданской общины и близкие к ней другие слои населения. Для создания полноценного полиса, главное ядро которого составлял коллектив свободных граждан, и государственности недостаточно было занять никем не заселенную землю в Нижнем Побужье, что в общем не представляло особого труда, по сравнению с другими областями, где колонисты отвоевывали земли у местных народов либо им приходилось устанавливать особые отношения с ними для основания своих апойкий.

Согласно разнообразным источникам, среди многих милетских колоний на Понте Эвксинском именно Ольвия более всего выделяется тем, что в ней поселились главным образом выходцы из Милетского региона. Прежде всего их объединяло на протяжении веков происхождение из одной метрополии, что в итоге способствовало успешному развитию нового полиса. В связи с этим немаловажное значение имели общая историческая память, родственные связи, неукоснительное сохранение традиций в сфере общекультурного, в особенности религиозного мировоззрения. Приоритетными оставались основные занятия: земледелие, ремесло, рыболовство, торговля, благодаря которым достигалось экономическое самообеспечение. Тем не менее, только известная исполития 20-ых гг. IV в., – то есть по прошествии более двух с половиной веков со времени основания апойки в Нижнем Побужье, – впервые документально засвидетельствовала теснейшие исконные связи милетян и ольвиополитов [Kawerau, Rehm, 1914, № 136; Жебелев, 1953, с. 38–39].

Ольвия была особенно тесно связанной со своей метрополией до ее гибели в 494 г. Первоначально какое-то время она имела название Милетополь (не исключено, что по желанию апойков). Сведения о таковом зафиксированы в литературных источниках значительно позже Плинием Старшим (Plin. IV, 82), несомненно хорошо знавшим сочинения древнегреческих авторов и переносившим интересующие его свидетельства в свой труд⁴ [Таронян, 1994, с. 14–15].

⁴ Так, в указателе источников в известном сочинении Плиния Старшего названо 146 римских.

Это подтверждается и тем, что ольвиополиты на раннем этапе исторического развития своего полиса, – даже после смены нескольких поколений, если исходить из начальной даты его основания до приблизительно середины V в., – все еще называли себя милетянами (Herod. IV, 78). Об основании ими Ольвии указывали и более поздние античные авторы (Strab. VII, 3; Pseudo-Scymn. 813–814; Anon. PPE, 86).

В этой связи важно отметить и один из древнейших и редких ольвийских антропонимов – Милесий последней четверти VI в., производный от топонима Милет [Скуднева, 1988, № 162]. Среди известных собственных имен ольвиополитов на протяжении первых веков существования полиса зафиксировано множество имен, аналогичных милетским, и передававшихся из поколения в поколение [Книпович, 1956, с. 127–128]. Наименование ОΛΒΙΝ ΠΟΛΙΣ было присвоено, по всей вероятности, оракулом Аполлона в Дидимах [Русяева, 1986; 1992, с. 41–46; Буркерт, 1990, с. 155–160; Burkert, 1994, p. 49–60] предположительно в третьей четверти VI в. синхронно с учреждением культа Аполлона Дельфиния – верховного бога Милета и с этого времени выступавшего в аналогичной ипостаси и в новообразованном полисе в Нижнем Побужье. Именно освященный Аполлоном в знаменитых в архаическое время Дидимах топоним – не просто Ольвия (ΟΛΒΙΝ, ΟΛΒΙΑ), как у многих городов в античном мире, а с добавлением термина «полис», ставшим обязательным дополнением к названию, вошло навечно и в его демотикон – «ольвиополиты» («счастливые граждане»). Если учитывать, что переселившиеся в Нижнее Побужье из Милета и его округа ионийцы избежали смерти и порабощения, то понятно, почему они и их потомки считали себя «счастливыми», тем более, что такое наименование было предопределено для них богом, избранным к тому же их верховным покровителем и защитником. Возможно, что традиция добавлять к названию ОΛΒΙΝ термин ΠΟΛΙΣ идет от первого более раннего топонима Милетополь.

Исходя из колонизационной практики, согласно которой еще в метрополии формировался основной костяк будущего полиса – гражданская община, то, вне всякого сомнения, на новое место жительства переносилось как можно больше устоявшихся общекультурных традиций. Поскольку в позднеархаическом Милете проживало много образованных инициативных граждан, – ведь именно отсюда происходят первые выдающиеся философы (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр), логографы (Кадм и Гекатей), строители первых храмов и монументальных алтарей, мастера огромного количества разнообразных типов архитектурной полихромной терракоты, скульпторы, изваявшие множество мраморных статуй и рельефов, создатели и строители морских кораблей и отважные мореходы, проникавшие в самые отдаленные регионы ойкумены, – то отдельные из них или их сыновья становились организаторами и предводителями определенных партий колонистов – ойкистами.

327 греческих и некоторых других авторов – от Гомера до его современников [см. Таронян, 1994, с. 14].

Причем, их большинство, в особенности первооснователи известных полисов, происходило из родовой аристократии, в том числе ведущей свое происхождение от богов и царей. По данным античной литературной и легендарной традиции известны имена ойкистов многих, основанных эллинами в разных местностях конкретных городов: они действительно свидетельствуют об их принадлежности к аристократии либо знатному происхождению; имена носят аристократический характер; нередко устанавливался культ ойкиста, его героизация с жертвоприношениями и другими религиозными ритуалами вокруг могилы; потомки ойкистов во многих полисах имели соответствующие привилегии и граждане способствовали их процветанию [Gracham, 1988, p. 25–29; Курбатов, 1993, с. 3–19]. Имеются, к сожалению, лишь косвенные данные, что из метрополии ольвиополиты унаследовали традиции героизации ойкиста.

Поскольку предводитель партии колонистов прежде, чем отправиться в дальнее плавание для основания полиса и постоянной жизни в нем, обязан был обратиться за советом к оракулу Аполлона в Дидимах, если он принадлежал к милетянам, либо – в Дельфах, то этим самым как бы наделялся божественной властью и находился под непосредственной защитой Аполлона, который и сам чаще всего выступал в роли сакрального ойкиста (архегета). Так, милетяне рассказывали разные легенды и предания о первых ойкистах своего города. Первоначальное его основание восходит к позднему крито-микенскому периоду, когда на землю карийцев якобы прибыл из Крита легендарный Милет с войском и основал поселение, названное по его имени (Paus. VII, 2, 3). Его история как одного из древнейших ионийских городов на территории Малой Азии более известна с XI в. до н. э., когда произошло переселение ионийцев из Афин (Herod. I, 142–146; Strab. XIV, I, 6; Paus. VII, 2, 1–3). По данным древних авторов, Милет был захвачен путем жестокого убийства карийцев Нелеем, сыном афинского царя Кодра, вместе с Филистом, сыном Пасикла, основавшим святилище Деметры Элевсинской у мыса Микале (Herod. I, 146; IX, 97). «Славным Нелеевым градом» называл этот город Теокрит (Theocr. Idill. XXVIII, 3). Еще во времена Павсания существовала могила Нелея возле священной дороги, ведущей в Дидимы (Paus. VII, 2, 3). Таким образом, милетяне длительный период помнили истоки происхождения своего города и имя его основателя [см. подробнее: Ehrhardt, 1983, S. 182–183].

В античной литературной традиции не сохранилось достоверных сведений о прямых потомках Нелея, хотя аналогичный антропоним известен в разных эллинских городах. Однако имеются упоминания о его брате Андрокле, основавшем Эфес, ставшем столицей всех ионийцев, где его потомков много веков спустя называли царями, имевшими право носить пурпурные одежды и жезлы и занимать первое место на агонах и на празднике в честь Деметры Элевсинской (Strab. XIV, I, 3)⁵. Если в архаическое время никто из милетских

⁵ Здесь уместно вспомнить, что среди эллинов славились именно милетские пурпурные одежды, в частности гиматии, и высококачественные шерстяные изделия (Theocrit. XV, 126; Athen. XII, 519).

вследствие значительного разрушения прибрежной части не установлено достоверно, какую именно конфигурацию она имела и сколько бухт здесь находилось (см. с литературой: Леви, 1985, с. 14–15). Отдельными элементами она несколько сходна и с общей топографией Милета, расположенного на холмистом полуострове в устье Меандра – самой большой реки в Малой Азии, протекавшей по долине с плодородными полями и пастбищами, вдоль ее берегов тянулись торговые пути к Тигру и Евфрату. Очевидно, наличие морского и речного пути вглубь никем в то время не заселенных и столь же плодородных степных просторов имело немаловажное значение и при выборе места для нового полиса. Милетяне основали его на небольшом расстоянии от моря – на правом берегу Гипаниса – почти в его устье, сливавшемся с широким устьем Борисфена. Напротив Ольвии хорошо просматривался мыс Гипполая со святилищем Деметры, по всей вероятности, совместного с Посейдоном. В определенной степени в этом можно также видеть сходство, поскольку на мысу Микале близ Милета были святилища Посейдона Геликонского и Деметры Элевсинской.

Коренное ядро города (совр. Верхний город) было устроено на возвышенности по отношению к прибрежной низменной части (совр. Нижний город), где в древности могла быть не одна удобная бухта. В связи с такой топографией в Ольвии, как и в Милете, большое значение придавалось террасной застройке. Как античные авторы, так и современные исследователи Милета всегда отмечали значительную роль естественных источников пресной воды в хозяйственной и религиозной жизни его граждан. Для нас особенно интересно, что именно в метрополии был создан культ источников во взаимосвязи с нимфами; наиболее известные носили имена Библис и Ахилла с древнейших времен (Athen. II, 43; Paus. VII, 5, 10). Исходя из переноса милетянами культа Ахилла не только на остров Левке, но и в разные местности в Нижнем Побужье, в том числе и в Ольвию, естественно думать, что один из ольвийских родников также назывался именем этого обожествленного героя. Культ нимф, в том числе и матери Ахилла Фетиды, подтверждается многими материалами на протяжении почти всей античной эпохи [Русяева, 1992, с. 139]. Бесспорно, что источники пресной воды, сохранившиеся до наших дней, служили главным объектом и стимулом проведения веселых праздников в их честь на побережьях Гипаниса. При этом следует отметить, что здесь не проявилось слепое подражание и точное копирование. Иные экологические условия и природная среда требовали в каждом отдельном случае творческих усилий для решения вопросов как можно лучшего и надежного устройства на чужой земле.

Для большей ясности необходимо хотя бы кратко представить и другие уже неоднократно изучавшиеся материалы, свидетельствующие о сходстве обычаев и подражаний, о несомненно теснейших культурных связях Ольвии и Милета еще до его персидского разгрома, после чего на какое-то время они были прекращены. Благодаря многим эпиграфическим памятникам известно, что в религиозном мировоззрении и вообще в сфере культурной жизни

ольвиополитов на протяжении веков сохранялись милетские традиции (прямой перенос главных культов богов и героев, календаря, проведение общеполитских календарно-религиозных празднеств, организация аристократических сакральных союзов и, соответственно, выделение в гражданской общине аристократических родов, из представителей которых чаще всего избирались жрецы-эпонимы). Из метрополии были вынесены не только ионийский диалект в его милетском варианте, алфавит, палеография, антропонимия, основы образования, по всей вероятности, мифологического и литературного творчества; на протяжении веков продолжалось увлечение и изучение знаменитых эпосов Гомера и, в частности, возвеличивание его главного героя Ахилла⁷ [см. подробнее с литературой: Виноградов, 1969; 1979; 1989; Виноградов, Русяева, 1980; Ehrhardt, 1983; Русяева, 1986; 1986а; 1992; 1999; Dubois, 1996; Русяева, Одрин, 2001].

Прежде всего следует еще раз подчеркнуть важнейшее событие в духовной культуре ольвиополитов, связанное с введением культа Аполлона Дельфиния – верховного бога Ольвийского полиса, идентичного милетскому, и только здесь в этой ипостаси сменившего Аполлона Иетроса [Русяева, 1986; Буркерт, 1990]. Дельфинион являлся важнейшим теменосом и главным политским культовым центром Милета, в котором почитался Аполлон Дельфиний как владыка, защитник и верховный бог [Kawerau, Rehm, 1914, № 134; Ehrhardt, 1983, S. 132; Weber, 2006, S. 348–351]. В его честь устраивали праздники с песнопениями и ежегодными сакральными процессиями по священной дороге, проложенной от Дельфиниона в Дидимейон, где проводились специальные обряды с жертвоприношениями и либациями [Essen, 1947; Günther, 1971].

В Ольвии святилище Аполлона Дельфиния в Восточном теменосе также на протяжении многих веков являлось главным общеполитским религиозным центром [Карасев, 1964; Леви, 1985; Русяева, 1992; Крыжицкий, 1993] и во многом было сходно с милетским [см. с литературой: Древнейший теменос..., 2006, с. 254–255]. Сходство прослеживается прежде всего в том, что Дельфинион в Милете и святилище Аполлона Дельфиния в Ольвии представляли собой огороженный теменос, где главное место занимал монументальный алтарь (bomos) прямоугольной формы для ритуальных возлияний, и в ограде которого почитались Зевс и Артемида.

Копирование милетского культа Аполлона Дельфиния в Ольвии проис-

⁷ Общеизвестно, что Гомер – «поэт, который воспитал Элладу, и ради благоустройства и развития человеческих дел, стоит того, чтобы перечитывать его стихи на память и по тем правилам строить всю свою жизнь» (Plato. Leg. X, 606 e – пер. В. Н. Карлова). Судя по многим источникам, Ольвия по праву может входить в число тех полисов, в которых эллины даже по прошествии многих веков в римский период столь высоко чтити и даже обожествляли Гомера, наряду с Ахиллом, хорошо знали “Илиаду”, отрывки из которой для поднятия мужества у воинов читали наизусть перед боем с варварами, часто нападавшими на город и его окрестности (Dion. Chrysost. Orat. XXXVI).

ходило первоначально благодаря деятельности аристократического сакрального союза мольпов. Вполне вероятно, что синхронно с введением этого бога в ипостаси не только владыки нового полиса в Нижнем Побужье, но и миротворца граждан, произошло создание такого союза, игравшего большую роль как конкретно в организации культа их главного патрона в Милете, так в общем и в культурно-политической деятельности, что прослеживается наиболее ярко в V в. пока лишь в Ольвии и ни в одной другой из милетско-понтийских колоний [см. подробнее с литературой: Graf, 1974; 1979; Карышковский, 1984; Яйленко, 1987; Русяева, 1992].

Как и в метрополии, во главе его стоял общегородской эпоним – айсимнет. Большинство членов этого сакрального объединения принадлежало к наиболее богатым и влиятельным слоям населения. Именно благодаря мольпам в раннеклассическое время впервые появились мраморные статуи и стелы с посвятельными надписями мольпов Аполлону Дельфинию, которые устанавливались в его святилище в Восточном теменосе. Поэтому ничто не препятствует предполагать, что ритуалы в культе этого бога в Ольвии были также сходны с милетскими.

Одним из главных свидетельств такого сходства является календарь, названия месяцев которого полностью совпадают с милетским [Виноградов, Русяева, 1980; Русяева, 2003]. Первого числа каждого месяца, называвшегося у эллинов “новолунием”, вследствие чего Аполлон именовался Нумеином, производился ритуал его чествования возлияниями вином и проведением сакральных трапез. Благодаря граффити на чернолаковых чашах из его святилища стало известно, что в Ольвии существовал сакральный союз нумениастов [Леви, 1964, с. 140 сл.]. При этом следует отметить вполне вероятное сходство аполлоновского праздника Таргелии, проводившегося в месяце таргелионе в Милете [Nilsson, 1906, S. 158–159] и Ольвии, исходя из эпиклезы Аполлона Таргелий, зафиксированной посвятельным граффито [Виноградов, Русяева, 1980, с. 32–33]. Это был весенний праздник плодородия, очищения города и его жителей от всякой скверны и молитв о будущем урожае. Видимо поэтому ольвиополиты именовали Аполлона Таргелием. Поскольку в Милете был издан устав мольпов, предписывавший полису давать им на Таргелии взрослую овцу для жертвоприношений [Kawerau, Rehm, 1914, № 133], то не исключено, что ольвийские мольпы следовали таким же сакральным установлениям. Не исключено, что в Ольвии проводился также упомянутый в этом документе праздник Гебдомаия седьмого числа, традиционно считавшегося днем рождения Аполлона. Совместно с культом этого бога из Милета в Ольвию были перенесены культы Артемиды Дельфинии, Зевса и Афины, а также многие другие культы божеств и, соответственно, связанные с ними главные календарные праздники и ритуалы [см. подробнее с литературой и ср.: Nilsson, 1906, S. 27, 74–76, 109–113, 178, 242, 267–269; Bilabel, 1920; Luria, 1928; Виноградов, Русяева, 1980; Ehrhardt, 1983; Русяева, 1992; 1999].

Милет в период своего расцвета оказывал не только духовное влияние на ольвиополитов, считавших себя к тому же и милетянами, но и способствовал экономическому подъему дочернего полиса несмотря на огромные расстояния. При этом для сравнения можно привести некоторые данные из истории изучения Истрии. Немногочисленные, но конкретные эпиграфические, нумизматические и археологические источники свидетельствуют о том, что между двумя сестринскими полисами – Ольвией и Истрией существовали политические, экономические и культурные, в частности, религиозные взаимоотношения [Rusjaeva, Vinogradov, 2000, S. 229–234]. Несмотря на то, что Ольвия была основана позже Истрии, она сумела достаточно быстро создать самостоятельную экономическую базу, ставшую основой ее полной политической независимости и по сути первого значительного подъема полиса во второй половине VI – первой четверти V в. до н. э. [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Лейпунская, 1999]. Однако наиболее интересное заключается в том, что приблизительно этот же промежуток времени в истории Истрии определен как *goldenes Zeitalter* (“золотой век”) [Alexandrescu, 1990, S. 56–62]. Если в общем за главный критерий брать те же материалы, послужившие основой для такой дефиниции для одного из ранних этапов исторического развития Истрийского полиса, то «золотой век» тем более был характерен для истории позднеархаической Ольвии.

Это прежде всего наличие большого количества погребальных комплексов с дорогим инвентарем, в том числе золотыми украшениями, редкими для того времени бронзовыми зеркалами и оружием, множеством чернофигурных сосудов, что в общем было присуще только для ольвийского некрополя, не имеющего сходства ни с одним из некрополей этого времени в Причерноморье, несмотря даже на разграбления многих могил как в античную эпоху, так и в наше время [Скуднова, 1988]. К этому можно добавить и дорогие привозные, преимущественно из Милета, надгробные мраморные статуи и стелы, хотя и сохранившиеся фрагментарно, но дающие представление о качестве сравнительно редких, а в единичных случаях и уникальных памятников (например, стела Леокса, сына Мольпагора), которые пока найдены в Ольвии [см. с литературой: Русяева, 1987]. Среди них особого внимания заслуживают вышеупомянутые монументальные скульптуры львов, абсолютно идентичные милетским и, бесспорно, изваянные милетскими скульпторами специально для импорта в Ольвию. Как и в Милете, они предназначались для надгробных и сакральных апотропеев [ср. Philipp, 1981, S. 150].

Экономический потенциал нашел здесь отражение в строительстве первых храмов и алтарей с таким красочным архитектурным декором, который сейчас по количеству и разнообразию деталей и форм даже превосходит находки в Милете; значительно меньше аналогичной архитектурной полихромной терракоты найдено и в Истрии [ср. Русяева, 1988, с. 33–51; Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005, с. 5–38; Древнейший теменос, 2006, с. 100–114;

Zimmermann, 2008, S. 631–636]. Вне всякого сомнения, многочисленные архитектурные терракотовые детали являются неоспоримым свидетельством культурно-экономических связей Ольвии с Милетом в VI в., однако только до его шестилетней осады, а затем и полного разгрома персами в 494 г., после чего производство и импорт подобного архитектурного декора были окончательно прекращены и не возобновлены даже в период возрождения метрополии. Косвенным образом это указывает на то, что при разрушении Милета изготовители этих архитектурных деталей погибли либо, как и многие жители, обращены в рабство и переселены в разные местности, подвластные персам.

Как бы то ни было, но их находки в Ольвии служат также своеобразным хронологическим репером для определения начала строительства культовых сооружений, которые, естественно, еще существовали и в классическое время, а уцелевшие и хорошо сохранившиеся отдельные детали могли применяться и в дальнейшем после разрушения первоначальных храмов и алтарей [Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005, с. 28–29]. Если это так, то традиция архаического полихромного терракотового декора в архитектуре Ольвии просуществовала дольше, чем в Милете. Возможно поэтому его обломки найдены как в Западном теменосе, так и в юго-восточном районе города в большом количестве в разновременных слоях и ботросах только в изношенном виде. Наличие разнообразных типов этой терракоты является одним из главных показателей, что ольвиополиты уже на раннем этапе существования полиса стремились к эстетическим приемам при сооружении сакральных и общественных сооружений, предназначенных для усовершенствования его городского облика.

Именно на основании изучения архитектурной терракоты было отмечено, что крайне незначительное число обломков небольших деталей V в., по сравнению с вышерассмотренными, причем преимущественно коринфского производства, может объясняться тем, что в классическое время новое монументальное строительство велось в весьма ограниченных масштабах, что косвенно может свидетельствовать о каких-то проблемах в развитии Ольвийского полиса [Там же, с. 28]. Таким образом, исходя из многих данных ясно, что гибель метрополии нанесла определенный урон и ольвиополитам, лишившимся главного импортера и экспортера, а во многих случаях и экономической помощи, очевидно, идущей от богатых и знатных родственников и сограждан процветающего в то время Милета.

Скорее всего, ольвиополиты хорошо знали о разрушении родного города и его святынь непосредственно от переселившихся сюда милетян, каких-то групп ионийцев, бежавших от персидского порабощения, а также афинских торговцев. Не исключено, что хотя бы в устной передаче им стало известно содержание единственной в древнегреческой драматургии в таком жанре и не сохранившейся исторической трагедии афинского драматурга Фриниха “Взятие Милета”. Согласно Геродоту, когда он поставил ее на сцене

в Афинах, то все зрители плакали; Фриних за напоминание о несчастьях милетян был оштрафован на 1000 драхм, а ее постановка где-либо была вообще запрещена (Herod., VI, 21), поскольку в ней явно недвусмысленно звучало обвинение афинянам, отказавшимся помочь Милету в войне с персами. Однако то, что ольвиополиты продолжали считать себя милетянами и после этих событий, может быть свидетельством сохранения памяти о происхождении своих предков из знаменитого города и соответственно его традиций.

Самым важным документом о теснейшей взаимосвязи Ольвии и Милета даже по прошествии более двух с половиной веков, – в начальный период эллинизма, – вне всяких сомнений, является давно известный специальный государственный договор об исополитии, отдельные клаузулы которого могут относиться и к более раннему времени, о чем недвусмысленно отмечено в данном письменном документе [Kawerau, Rehm, 1914, № 136; Syll.³, 286; Жебелев, 1953, с. 39; Gawantka, 1975, S. 99; Ehrhardt, 1983, S. 235–237; 1987, S. 115; Виноградов, 1989, с. 69, 73, 169]. Для большего понимания сохранения ольвиополитами традиций, вынесенных из метрополии, следует представить здесь его полный текст, поскольку в нем четко отражены конкретные положения взаимоотношений между Милетом и Ольвией.

При раскопках главного милетского святилища Дельфиниона в 1903 г. во вторичном использовании в вымостке была найдена мраморная плита с перевернутой вниз надписью: «Ниже следуют отеческие установления для ольвиополитов и милетян. Милетянин в городе Ольвии приносит жертвы как ольвиополит на тех же самых алтарях и имеет доступ в те же самые святилища, на тех же основаниях, что и ольвиополиты. Милетяне пользуются ателиями на тех же основаниях, как они пользовались и ранее. Если милетянин желает отправлять (в Ольвии) государственные должности, ему надлежит обратиться в совет; когда он будет зарегистрирован, он может отправлять эти должности и тогда должен, наряду с прочими (ольвийскими) гражданами, платить подати и пр. Он имеет право на проедрию, принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как он делает это в Милете. Если у милетянина будет тяжба в Ольвии, он должен иметь доступ к суду, и его дело должно разбираться в пятидневный срок в том отделении суда, которому подведомственны дела между гражданами. Все милетяне должны пользоваться ателиями, за исключением тех, которые имеют право гражданства в другом городе, участвуют в его правительстве и в его судебных установлениях. Точно так же и ольвиополиты должны в Милете пользоваться ателиями, и вообще они имеют в Милете таким же образом те права, какие милетяне имеют в городе Ольвии» [по: Жебелев, 1953, с. 38–39].

Как следует из текста, этот договор содержит достаточно много разного типа установлений, чем он на самом деле отличается от почти синхронных договоров Милета с другими городами [Kawerau, Rehm, 1914, № 135, 137, 142; ISM, I, 62]. Вследствие этого вряд ли следует относить его всего лишь к одно-

му из соглашений в целой серии подобных, заключенных в те же годы метрополией со своими апойкиями, из которых в эпиграфических источниках зафиксированы, кроме Ольвии, только Кизик и Истрия, а среди иных городов известны Сарды и Фигела [ср. Жебелев, 1953, с. 41; Ehrhardt, 1987; Виноградов, 1989, с. 169].

До настоящего времени ученые не пришли к единому мнению об инициаторе милетско-ольвийского договора и его датировке. Согласно Ю.Г. Виноградову, недоказуемой является оригинальная гипотеза А. Штефан относительно того, что инициировал подобные документы влиятельный в то время лидер, а именно: Антигон Одноглазый путем заключения договоров об исополитии понтийских колоний с преданным ему Милетом стремился осуществить свое политическое влияние на них (Виноградов, 1989, с. 169, прим. 110), хотя его деятельность в данном направлении не засвидетельствована конкретными источниками. Более всего ученые склонны приписывать инициативу Милету, в особенности в его политической взаимосвязи с Ольвией. Единодушно при этом признается, что и в метрополии, и в дочернем полисе была демократия; акцентируется внимание на изменении политического строя в Милете, где произошла реставрация демократии, что дало возможность его гражданской общине наладить более тесные всесторонние отношения с бывшей колонией в Нижнем Побужье [ср. Жебелев, 1953, с. 40, 47; Виноградов, 1989, с. 169–170].

В свою очередь, такая же власть в Ольвии в итоге способствовала восстановлению между ними древнейших связей, заложенных еще в период ее основания, но прерванных после гибели материнского города. По мнению П.О. Карышковского, в условиях политического возвышения Ольвии, отразившей нападение Зопириона и, соответственно, Александра, было принято или возобновлено соглашение об исополитии с Милетом [Карышковский, 1956, с. 169–171]. Не исключается и другими исследователями роль ольвиополитов, стремившихся установить добрые отношения с Александром Македонским после осады их города Зопирионом и его трагической гибели [см. литературу: Виноградов, 1989, с. 169, прим. 112]. Исходя из того, что надпись найдена в милетском Дельфинионе и в начальной строке на первом месте стоит демотикон «ольвиополиты», которым как будто подчеркивается, что в первую очередь они должны исполнять и соблюдать все перечисленные установления, очевидно, прав С.А. Жебелев относительно Милета как инициатора договора об исополитии независимо от того, являлась она повторной или же была зафиксирована впервые [Жебелев, 1953, с. 39–40]. Действительно, экономический подъем Ольвии и территориальное расширение сельской округи не могли не заинтересовать милетян, которые после осады их города македонской армией, по всей вероятности, испытывали потребности в хлебе и увеличении торговых связей с понтийскими колониями, в первую очередь с Ольвией, а затем и с Истрией. Вместе с тем нельзя игнорировать и гипотезу Ю.Г. Виноградова, что перемены в образе правления родственных полисов способствовали тому, что «обе договаривающиеся стороны, хотя и по разным причинам

и независимо друг от друга, но все-таки одновременно повернувшие свой политический курс, при этом в одном направлении, постарались тут же пересмотреть свои международные отношения, подтвердив исополитию и прежде существовавшую между обеими общинами» [Виноградов, 1989, с. 170].

Сложнее с выяснением точной датировки надписи, хотя в большинстве все они не выходят за рамки последней трети IV в. Из предложенных учеными можно выделить следующие: 334–323 гг. до н.э. – время Александра Македонского, повлиявшего на политическое и культурное развитие Милета [Kawerau, Rehm, 1914, № 136]; в один из ближайших годов после осады Ольвии Зопирионом в 331 г. [Жебелев, 1953, с. 47]; в какие-то годы IV в. [Gawantka, 1975, S. 99]; на протяжении более десятилетия в 325–311 гг. [Ehrhardt, 1987, S. 115–116]; между 329/8 г. и 323 г., но скорее всего, в 329/8 г. или вскоре после этого года, но, бесспорно, уже после смерти Зопириона [Виноградов, 1989, с. 169, прим. 107]. В общем, как бы то ни было, но для определения абсолютной даты пока не имеется никаких достоверных источников. В данном случае, исходя из разных сведений, можно только предполагать, что представленный выше текст договора между Милетом и Ольвией об исополитии был возобновлен с уточнениями и дополнениями в соответствии со значительными изменениями в каждом из них во внешне- и внутриполитической обстановке: с одной стороны, после освобождения Милета от персов в 332 г. и восстановления в нем демократического строя, а с другой, после смерти Зопириона – полководца Александра Македонского, подвергшего осаде Ольвию около 331 г., и начала быстрого экономического расцвета – то есть приблизительно в течение 20-х годов IV в.

Если в период основания Ольвии официальные договора вряд ли заключались, поскольку были сильны еще родственные связи между уехавшими в поисках нового места жительства преимущественно молодыми людьми и оставшимися на родине их семьями, то в сформировавшемся полисе в третьей четверти VI в. при наличии определенного коллектива граждан могли возникнуть ситуации, когда необходимо было и в Милете, и в Ольвии упорядочить их права и взаимоотношения. Вряд ли милетяне, не имеющие особых интересов в Ольвии, предпринимали бы столь рискованные морские поездки в далекий северный город, расположенный по соседству с воинственными варварами, если бы ранее они или их родственники не занимали в нем какие-то должности магистратов и не имели доходов, а также каким-то образом не были оговорены дальнейшие взаимоотношения между ними. Поэтому резонно считается, что первый договор между ольвиополитами и милетянами был заключен, когда Милет не был подвластен персам в V в. или даже несколько раньше – еще до 494 г. [ср. Жебелев, 1953, с. 39; Gracham, 1988, 105–107; Виноградов, 1989, с. 69, 169; Ehrhardt, 1983, S. 235–237]. Совершенно с иных позиций предложил рассматривать этот вопрос исследователь взаимоотношений метрополий с апойкиями Я. Зайберт: наиболее ранние установления о жертвоприно-

шениях и ателиях он склонен датировать последней четвертью V в., а все остальные – серединой IV в. [Seibert, 1963, S. 179–191].

Многие вопросы, относящиеся к этой надписи, в особенности касающиеся политических и торговых связей Милета и Ольвии, неоднократно рассматривались разными авторами, высказавшими ряд интересных суждений [см. и ср. Kawerau, Rehm, 1914, № 136; Syll.³, 286; Жебелев, 1953, с. 38–47; Seibert, 1963, S. 179–191; Graham, 1988, p. 99–107; Gawantka, 1975, S. 99; Ehrhardt, 1983, S. 235–237; 1987; Виноградов, 1989, с. 69, 73, 169 и другие]. Поэтому в аспекте нашей темы наибольшее значение имеют такие понятия, как «исконные (отеческие) установления для ольвиополитов и милетян» (*táde pátria Olbiopolitais kai Milesiois*), обоюдные жертвоприношения на тех же самых алтарях и доступ в те же самые святилища, одинаковые права на проезд и участие в состязаниях, а также вознесение молитв в поминальные дни. Именно они в наибольшей мере отражают традиции в культурно-религиозной жизни ольвиополитов и дают возможность констатировать, что во всяком случае и в раннеэллинистическое время была предпринята радикальная политическая мера для подтверждения исконных установлений. Как раз указание уже в самом начале документа на их соблюдение свидетельствует, по мнению исследователей, что подобного типа договор существовал между Милетом и Ольвией во второй половине VI в., если не в период основания этой дочерней апойки в Нижнем Побужье [ср. Жебелев, 1953, с. 38; Виноградов, 1989, с. 69, 73].

Как отмечено выше, наиболее интенсивные милетско-ольвийские политические, экономические и религиозные связи действительно уже существовали в позднеархаическое время, о чем свидетельствует и ряд данных о прямом переносе календаря и культа Аполлона Дельфиния, а в соответствии с ним организации союза мольпов во главе с айсимнетом, выступавшим в роли эпонима, одинаковой форме исполнения ритуалов и жертвоприношений в аналогичные календарные дни как в святилище главного бога, так и в святилищах других богов, почитавшихся и милетянами, и ольвиополитами.

На самом ли деле ольвиополиты столь длительный период помнили, откуда пришли на землю их предки, и какие именно факторы могли способствовать сохранению исконных традиций метрополии? Как известно из разных источников, одной из важнейших черт эллинской колонизационной практики было право возвращения колониста в метрополию по его желанию либо по какой-либо другой причине и восстановление гражданства [Колобова, 1951, с. 167; Яйленко, 1982, с. 100, 107, 245; Виноградов, 1989, с. 70–72]. Более всего это касалось эпойков (вторичных колонистов), которые зачастую в уже основанном полисе первопоселенцами, имевшими все права свободных граждан, причисляемых к тому же к аристократии, и захватившими лучшие участки земли как на территории города, так и в ближайшей к нему округе, нередко ущемлялись в своих политических правах и социальных привилегиях, считались своего рода «второсортными» гражданами. В таком случае возникает

вопрос: могли ли переселившиеся в Нижнее Побужье ионийцы или их потомки возвращаться в родной полис, особенно в чрезвычайных ситуациях?

В данном контексте обращает внимание относительная синхронность, вполне вероятно, двух очень важных и в определенной степени взаимосвязанных между собой событий: с одной стороны – восстановление Милета, начиная с 479 г. благодаря победе эллинов над персами у мыса Микале поблизости от этого города; а с другой – практически оставленные жителями поселения в сельской округе Ольвии, за исключением ближайших к городу, в конце первой трети V в., что не могло не повлечь и уменьшение населения на всей подвластной полису территории [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989]. Исходя из этого, представляется возможным предполагать, что какая-то часть нижнебугских эллинов переехала на родину своих предков для непосредственного участия в строительных работах в Милете и в возрождении его хоры, тем более, если после его разгрома персами в 494 г. «не было больше милетян» (Herod., VI, 22). Главным стимулом их оттока в метрополию мог послужить не только духовный порыв восстановить родной город, но и угроза скифских кочевников, из-за которой, по мнению одних исследователей, сельские жители укрылись в Ольвии, по мнению других, в ее предместье⁸. Тем не менее ни одно из них пока достоверно не подтверждается. Согласно данным археологических исследований, в пределах собственно Ольвии, ограниченной территориально лиманом и балками, и в прилегающем к ней с запада предместье вряд ли беспрепятственно расселилось бы все население из поселений хоры и частично Борисфена; соответственно в городе V в. не прослеживается особое увеличение строительства больших жилых домов, а также общественных и сакральных монументальных сооружений [см. подробнее с литературой: Крыжицкий, 1993; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 98–110].

Поэтому можно предполагать, что в несколько замедленном экономическом и культурном развитии Ольвии классического времени, по сравнению как с предыдущим, так и с последующим периодами, сказались не только потеря хоры, но в определенной степени восстановление Милета, когда, по всей вероятности, какая-то часть не только сельского, но и городского населения отправилась на помощь своим уцелевшим соотечественникам. Сравнительно быстрое, хотя еще далеко не полное, возрождение Милета могло произойти только при наличии большого количества рабочей силы, прибывшей из разных мест античной ойкумены, поскольку в разрушенном городе коренных жителей, как уже отмечалось, не осталось (Herod., VI, 22).

Кроме того, обращает внимание тот факт, что до сих пор остается окончательно не выясненной причина исчезновения в Ольвии аналогичного милетскому

⁸ В такой же степени это касается и иных полисов в Причерноморье, сельские поселения которых также почти синхронно были оставлены его жителями. Относительно причин таких ситуаций высказано немало разных взглядов и гипотез, рассмотрение которых не входит в задачу этой статьи.

сакрального союза мольпов, наиболее активная деятельность которого зафиксирована здесь фрагментарно сохранившимися посвящениями Аполлону Дельфинию на мраморных постаментах статуй и на отдельных плитах преимущественно только во второй – третьей четвертях V в.⁹ [НО, 55, 56, 58, 167; Graf, 1974, S. 208–215; Виноградов, Русяева, 1980, с. 28–29, 53; Ehrhardt, 1983: Indices; Карышковский, 1984, с. 42–51; Русяева, 1992, с. 193–195]. Как отмечено выше, они играли большую роль в религиозных празднествах верховного бога, а вместе с этим в культурно-политической жизни метрополии и, соответственно, в ее дочернем полисе.

Однако, если айсимнеты мольпов в Милете длительный период избирались эпонимами, то в Ольвии они были таковыми сравнительно непродолжительное время. Предлагались разные гипотезы относительно причин прекращения их деятельности. Основная из них заключалась в установлении демократического строя в Ольвии в начале IV в., когда якобы поддерживавшие тиранию мольпы, имевшие аристократическое происхождение, вынуждены были либо прекратить свою деятельность, либо вообще покинуть город, поскольку их посвящения Аполлону Дельфинию сменяются индивидуальными посвящениями жрецов его святилища, к которым перешли и функции эпонимов [ср. Карышковский, 1984, с. 49; Виноградов, 1989, с. 112–115].

Тем не менее при решении этого вопроса не учитывалось, что и после окончательной победы демократии в начале IV в. аристократическая прослойка гражданской общины продолжала играть значительную роль во всех сферах жизни Ольвийского полиса. При этом вполне возможно, что на очень короткое время она была установлена значительно раньше – в период посещения понтийских городов афинским флотом под командованием Перикла в 437 г. [Анохин, Русяева, 1999, с. 358–360]. Поскольку незадолго перед этим в 440 г. при помощи афинян в Милете была свергнута олигархия и установлен демократический строй, то не исключено, что идеи народовластия проникали в Ольвию не только из Афин, с которыми политические, экономические и культурные отношения находились на самом высоком уровне, но и из восстанавливающейся, хотя и замедленными темпами, метрополии. Несмотря на все периодически сменяющиеся виды государственного строя в Милете (тирания, олигархия, демократия: каждый с разнообразными оттенками и проявлениями) аристократическая коллегия мольпов не подвергалась остракизму, в отличие от проявляющих свое недовольство отдельных граждан. Начиная с 525 г., судя по спискам эпонимов, айсимнеты мольпов на протяжении веков осуществляли эти должности, что в определенной степени свидетельствует о том, что

⁹ По мнению В.П. Яйленко, большинство посвящений мольпов Аполлону Дельфинию относится к последней трети V – началу IV в. до н. э.; вместе с этим сделан вывод о том, что «надписи мольпов идут на протяжении всего V в. Среди надписей IV в. мольпы не упоминаются, из чего можно заключить, что в начале этого столетия религиозная жизнь в Ольвии была реформирована» [Яйленко, 1987, с. 41].

они при всех режимах исполняли свои главные задачи, заключающиеся в защите гражданских прав и ежегодном проведении календарных праздников в честь Аполлона Дельфиния, служивших единению граждан в Милетском полисе.

У нас не имеется достоверных данных о том, когда именно в Ольвии начал функционировать союз мольпов и в какие годы он действительно прекратил свою деятельность. Лишь предположительно можно полагать, что он возник одновременно с учреждением культа Аполлона Дельфиния в ипостаси верховного бога полиса в третьей четверти VI в. и приобрел заметное влияние с переселением какой-то части милетских мольпов после ионийского восстания и осады Милета персами, где они совместно продолжали свою религиозную и культурно-политическую деятельность [Русяева, 1992, с. 193–195]. Но постепенное восстановление метрополии, вновь отстроенный Дельфинион на том же самом месте и все более усиливавшееся в нем значение союза мольпов в общественной и культурной жизни в последней четверти V в., также могло послужить стимулом для возвращения мольпов в свой родной город. Тем более, если ими были нарушены какие-то ольвийские местные религиозные установления, например, в культе Аполлона Иетроса. В святилище этого бога, которое продолжало функционировать в Западном теменосе синхронно со святилищем Аполлона Дельфиния в Восточном теменосе, не найдено ни одного посвящения мольпов. Все они сосредоточены только в сакральной зоне их главного патрона, как и в милетском Дельфинионе.

История Милета на протяжении 479–334 гг., к сожалению, известна мало [Graham, 1988; Ehrhardt, 1983; Müller-Wiener, 1986; Graeve, 2000], что не дает возможности проследить детально по отдельным хронологическим этапам восстановление и развитие его взаимоотношений с Ольвией. Былая слава “жемчужины Ионии” (Herod., V, 28) ушла в прошлое. Оставаясь номинально свободным полисом, Милет периодически включался в те или иные военные действия, становился в той или иной мере подвластным то Афинам и Афинской архэ, то снова персам, а в 332 – 323 гг. Александру Великому. На протяжении 450–440 гг. афиняне время от времени меняли свое отношение к Милету главным образом по причине того, что сами милетяне вслед за другими городами восставали против Афин из-за требований уплаты фороса в Афинский морской союз и насильственного насаждения демократического строя [Herrman, 1970, S. 162–173]. Однако, несмотря на сопротивление в Милете к 440 г. все-таки была установлена демократия, ставшая итогом острой социальной борьбы между милетскими аристократами и демократами (Ps.-Xen. Ath. Pol., III, 11), которых, естественно, более всего поддерживали демократические Афины [Meiggs, 1972, p. 115–116, 188, 561–562].

Тем не менее, несмотря на демократическое правление, аристократический союз мольпов, явно не поддерживавший олигархов-персофилов, не был изгнан из Милета, продолжая заниматься своей деятельностью, в особенности общественно-правовой, эпонимной и религиозной. Благодаря их усилиям

и финансовой помощи было отстроено святилище Аполлона Дельфиния с монументальным алтарем [Weber, 2006, S. 349–350]. Около середины V в. при айсимнете Филте, сыне Дионисия, осуществлена запись их устава на мраморной плите, установленной в Дельфинионе [Kawerau, Rehm, 1914, S. 256, № 122]. В данном аспекте интересен тот факт, что без согласия мольпов не проводилась процедура включения в число милетских граждан выходцев из других античных городов, имена которых вырезались на каменных плитах в Дельфинионе [Kawerau, Rehm, 1914, S. 310–366]. Благодаря этим надписям известно, что в Милете периодически предоставлялись права эллинам после прохождения установленной для этого процедуры, что подлежало кроме того «проверке у мольпов и суду (о присвоении) гражданства в соответствии с законами» [Kawerau, Rehm, 1914, S. 318–324, № 143]. В общем «политическое влияние ассоциации мольпов с ее аристократическим характером должно расцениваться не как результат, а скорее как один из исходных пунктов становления государственного аппарата в Милете; традиционный авторитет и власть айсимнета выдержали все испытания, связанные с бурной общественно-политической жизнью милетян, и роль мольпов была заметной еще на рубеже III–II вв. до н. э.»¹⁰ [Карышковский, 1984, с. 48; см. также: Luria, 1928, S. 113–122], а по отдельным данным и до первой трети I в. н. э. [Kawerau, Rehm, 1914, S. 254–275].

Кроме того, заслуживает особого внимания и чрезвычайная ситуация, сложившаяся почти синхронно в Ольвии и Милете, вследствие которой из последнего, хотя и возрожденного, но еще не достигшего особого экономического подъема, в Нижнее Побужье могла переехать какая-то часть милетян. Считается, что в 334 г. Милет, находившийся снова под властью персов и правящих олигархов-персофилов, был осажден Александром Македонским [Graeve, 2000, S. 113–129]. Поскольку стало известно, что в завоеванных городах он приказывал повсеместно уничтожать олигархическое правление, восстанавливать демократический строй и возвращать свойственные каждому из них законы (Arr. Anab., I, 18, 2), то осажденные македонской армией милетяне отказались заключить с ним мирное соглашение. В итоге Александру пришлось штурмом взять город в том же году (Arr. Anab., I, 18, 3–4; 19, 1–6); [ср. с литературой: Graeve, 2000, S. 124–129].

Однако вскоре он снова оказался под властью персов и только в 332 г. был окончательно отвоеван македонцами (Curt., IV, 5, 13). Вследствие столь сложной обстановки, которая сложилась в Милете в процессе военных действий, не исключено, что наиболее потерпевшие в этой борьбе богатые милетяне и выходцы из других ионийских городов переехали в Ольвию. Не стало ли это одной из причин того, что именно на Ольвию двинулась во

¹⁰ При этом можно отметить, что Милет периодически по разным причинам принимал в число своих граждан выходцев из разных полисов даже после 228 г. до н. э. [Kawerau, Rehm, 1914, №№ 123, 124, 138 и другие].

главе с полководцем Александра – Зопирионом будто бы 30-тысячная армия? Ведь при этом примечательно, что борисфениты (ольвиополиты) в это время впервые в своем полисе пошли на экстраординарные меры: освободили рабов, наделили гражданскими правами неизвестно из каких областей прибывших сюда иноземцев и пересмотрели долговые списки, что дало им возможность выстоять против врага¹¹ (Macrob. Sat. 1, 2, 33).

Но самое главное заключается в том, что после этих событий Ольвия в течение двух-трех десятилетий достигла наивысшего за всю свою историю экономического и культурного расцвета. В городе были произведены коренные преобразования в градостроительном и архитектурном облике, на что, несомненно, были потрачены огромные средства, которые вряд ли имелись только у коренных ольвиополитов. Поэтому вполне возможно, что новые граждане, среди которых было немало милетян, приложили максимум усилий для преобразований в городе. Одновременно большие строительные работы велись и в Милете, где планомерно осуществлялась задача стать таким же знаменитым, как в архаическое время. Судя по археологическим открытиям монументальных сооружений и градостроительной Гипподамовой планировке в эллинистическое время он снова стал одним из крупнейших городов и торговых центров античного мира с четырьмя гаванями и огромными рынками [Strab., XIV, I, 6; Müller-Wiener, 1986, S. 121–128].

Считается, что уже в период вхождения Милета в державу Александра Великого заново было построено городское святилище Аполлона Дельфиния, территория которого увеличилась вдвое, по сравнению с V в. [Kawerau, Rehm, 1914, S. 141]¹². Очевидно, под воздействием договора об исополитии и приезжавших в Ольвию милетян в раннеэллинистическое время значительно

¹¹ Относительно осады Ольвии Зопирионом высказаны самые разные взгляды. Большинство авторов, ссылаясь на данные Макробия, считают, что осаде подвергся именно этот город и под борисфенитами, согласно эллинской литературной традиции, следует видеть ольвиополитов [см. с литературой и ср.: Виноградов, 1989, с. 150–173; Anochin, Rolle, 1998, S. 837–848]. Совершенно иной точки зрения придерживается В. П. Яйленко, настойчиво доказывая, что 30-тысячный корпус Зопириона был направлен на завоевание Скифии, в частности городища Каменское [см. подробнее: 1990, с. 249–260]. Скорее всего, эта цифра преувеличена, поскольку, с одной стороны, например, в это же время (летом 331 г.) Александр двинулся из Сирии в Месопотамию во главе армии, состоящей из 40 тысяч пехотинцев и 7 тыс. всадников; кроме того, немногим уступала по числу его армия при завоевании азиатских земель в районе пролива Дарданеллы (30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников) против значительно превосходящих сил персидского царя Дария III.

¹² После смерти Александра Великого Милет находился под властью Птолемеев, затем – Селевкидов, которые формально предоставили автономию всем греческим городам, поскольку были заинтересованы в их экономическом и культурном развитии, а во II в. до н. э., наряду с другими малоазийскими городами, стал составной частью Римской империи. О том, насколько милетяне постоянно стремились к полисной автономии, свидетельствует хотя бы тот факт, что они провозгласили богом царя Антиоха II в благодарность за то, что он освободил их от захватившего власть в их городе тирана Тимарха, когда тот вел военные действия против Птолемея (Appian. Syr., 65).

обновилось и ольвийское святилище Аполлона Дельфиния. Его территория была полностью сnivelирована с помощью насыпного чистого лесса, во многих местах замощена плитами, обнесена новой каменной оградой, внутри нее возведены монументальные культовые сооружения (храмы и сокровищница), над старым известняковым алтарем был поставлен новый – мраморный, служивший здесь для главных ритуальных обрядов; с южной стороны была сооружена большая стоя [Карасев, 1964, с. 39 сл.; Леви, 1985, с. 65–112]. Вместе с этим было построено огромное количество жилых домов, в том числе большой площади, в разных районах Ольвии, а также общественных сооружений (гимнасий, дикастерий), проведено благоустройство; синхронно глобальные преобразования произошли и на хоре, территория которой значительно увеличилась [см. подробнее с литературой: Крыжицкий, 1971; 1993; Леви, 1985; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 158–220]. Следует думать, что совсем не случайно как раз в период грандиозного обновления Ольвии ее метрополия обратила на нее пристальное внимание.

Исходя из того, что в тексте договора речь идет больше всего о государственных, судебных, торговых и религиозных правах милетян в Ольвии, можно предполагать, что его копия должна была находиться и в нижнебугском полисе, чтобы его прочитали не только посещавшие Милет ольвиополиты, но и все те, кто не имел такой возможности, но мог стремиться к этому. Тем более, что договор не был ограничен во времени, а мыслился на все времена. Пока, несмотря на множество разнообразных эпиграфических памятников, ни одного фрагмента от нее при раскопках Ольвии не обнаружено. Тем не менее, милетская надпись дает все основания считать, что между метрополией и дочерним полисом существовали теснейшие многосторонние отношения и в раннеэллинистическое время [см. подробнее: Жебелев, 1953, с. 38–47; Виноградов, 1989, с. 69–70, 169–170; Ehrhardt, 1987, S. 115 ff.].

Указание в самом начале договора об «исконных (отчих) установлениях для ольвиополитов и милетян», заключающихся в их равноправии и одинаковых основаниях на жертвоприношения на тех же самых алтарях и доступе в те же самые святилища, участие в состязаниях, возношение молитв в поминальные дни, соответственно, в Ольвии и Милете, свидетельствует о том, сколь большое значение придавалось сохранению древних обычаев в религиозной сфере, способствовавших единению граждан на новом месте обитания и сохранению памяти не только о своих родственниках, но и в целом о родном крае. Вообще для всех людей, согласно Пиндару и Геродоту, «обычай – царь всего» (Herod. III, 38). Поэтому не удивительно, что среди государственных дел в милетско-ольвийском договоре столь отчетливо представлены религиозные мероприятия в соответствии с отчими установлениями. Особенно интересно отмеченное в договоре одинаковое право «возносить молитвы в поминальные дни». Ряд сопоставлений с подобными установлениями позволил Н. Эрхардту прийти к заключению, что в Ольвии в 30-е числа, по всей вероятности, каждого

месяца, а в Милете в какие-то другие дни граждане возносили проклятия всем врагам полиса [Ehrhardt, 1987, S. 89–90]. Поскольку и у милетян, и у ольвиополитов было немало врагов, как общих, так и отдельных для каждого из них, то, естественно, исполнение такого ритуала гражданскими общинами и участие в нем прибывших с той или иной целью. Однако, все-таки в поминальные дни в процедуре соответствующих обрядов прежде всего устраивались поминальные тризны ради памяти умерших предков с молитвами и возлияниями, тем более, что у многих граждан в обоих полисах они считались общими.

В жизни всех эллинов особое место занимали разного рода ритуальные действия, в которых сочетались духовные и материальные ценности. Если в число первых можно отнести разные обращения к божествам, просьбы, молитвы, специальные жесты и слова, воздействующие на участников того или иного их исполнения, то жертвоприношения и возлияния требовали наличия алтарей, разных животных и орудий для их умерщвления, разжигания огня как символа очищения и вместе с тем для приготовления их частей в коллективных сакральных трапезах; сосудов с вином, водой, медом, молоком для соответствующих либаций. Для проведения ритуалов, связанных с плодородием полей и садов, началом посевов и сбором урожая, собирали снопы, зерно, разнообразные плоды, фрукты, цветы – то есть без многих материальных благ, полученных людьми в процессе трудовой деятельности, не мог обойтись ни один праздник в честь того или иного божества.

Поэтому, когда в договоре об исополитии указывалось о жертвоприношениях на тех же самых основаниях и доступе во все святилища, то, очевидно, что власти каждого из полисов обязаны были выполнять такие установления. Вряд ли милетяне везли в Ольвию для жертвоприношений своих животных точно так же, как и ольвиополиты – в Милет. Возможно, они просто принимали участие в ритуалах на равных правах, когда за счет храмовой казны покупались животные и производились сакральные пиры. Для времени существования договора не имеется никаких достоверных источников, как практически исполнялись отдельные правила относительно жертвоприношений и посещений святилищ. Вообще конкретно к его клаузулам нельзя привязать ни один эпиграфический источник, по которому можно было бы утверждать, что такой-то либо такие-то ольвиополиты посетили Милет, где им были предоставлены все права, и наоборот. Только полное отсутствие в Ольвии каких-либо проксенических декретов в честь милетян при наличии таковых из многих других городов объясняется как раз договорными условиями о пользовании ателиями и правами гражданства, уравнивающими во всем милетян с ольвиополитами в Ольвии и ольвиополитов с милетянами в Милете не только в эллинистическое время, но, очевидно, и раньше, когда в Ольвии были изданы первые декреты об ателии, если, конечно, еще не в более ранний период формирования полиса в Нижнем Побужье, достигшего высокого уровня развития благодаря метрополии [ср. Виноградов, 1989, с. 70].

Хотя в Ольвии в эллинистическое время эпонимные должности исполняли жрецы Аполлона Дельфиния и о деятельности мольпов не имеется никаких упоминаний, его святилище служило для выставления и хранения полисных декретов, в частности многих проксений, что дало возможность считать, что оно являлось также и «каменным архивом» [Виноградов, Русяева, 1980, с. 27–28; Леви, 1985, с. 85–88], по аналогии с Милетом [Ehrhardt, 1983, S. 130]. Отсюда ясно, что в почитании ольвиополитами культа Аполлона Дельфиния сохранялись установленные еще мольпами традиции не только собственно для ритуалов, но и в расширении общественно-политических функций его святилища. В определенной степени это подтверждается устройством в нем общественных приемов с трапезами для почетных граждан, отличившихся благодеяниями в кризисный период в истории Ольвии, судя по надписям второй половины III и II в. до н. э. [Леви, 1963, с. 7–9; НО, 28, 35, 36; Русяева, 1989, с. 26–35]. Согласно сведениям историка Досиада, на общественные трапезы, в частности в святилище Аполлона Дельфиния на Крите, приглашались свободные граждане, а также иностранцы, бывшие почетными гражданами; на них проводились дискуссии за четким регламентом: обсуждение внутренней политики, общегосударственных и военных дел, а в конце – чествование почетных граждан (Athen., 4, 22, 143 С).

Исторические судьбы как Милета, так и Ольвии не были постоянно устойчивыми и благополучными после заключения договора об исополитии Александр Македонский, несмотря на сопротивление милетян во время завоевания их города, многое сделал для возрождения его былой славы, в 331 г. даже открыл оракул в Дидимском святилище Аполлона [см. с литературой: Günther, 1971; Ehrhardt, 1983, S. 94–95]¹³. Однако его возобновление не привлекало либо мало интересовало ольвиополитов: во всяком случае, согласно эпиграфическим источникам, отдельные из них предпочитали посещать аполлоновские святилища на Делосе и в Дельфах, где как эвергеты удостоивались почетного гражданства и наделялись разными привилегиями во второй половине III–II вв. до н. э. [Русяева, 1992, с. 210–212].

Хотя в это время Милет превратился в один из крупнейших торговых центров, его прямые связи с Ольвией прослеживаются слабо. Лишь отсутствие каких-либо проксенических декретов в честь милетян, по аналогии с теми многочисленными проксениями торговцам и их семьям из разных городов Средиземноморья и Причерноморья, может указывать на то, что Милет и Ольвия продолжали придерживаться основных правил договора вплоть

¹³ По-видимому, уже тогда было решено возвести на руинах древнего Дидимейона огромный храм этого бога. Его строительство началось после возвращения Селевком I Никатором на рубеже IV–III вв. до н. э. увезенной из разрушенных Дидим в Экбатаны известной статуи Аполлона работы скульптора Канаха и продолжалось с перерывами на протяжении около четырех веков (до 41 г. н. э.), но так и не было полностью завершено [Strab. XI, 11, 4; XIV, 1, 5; Dioid. XVII, 20; Кобылина, 1965, с. 194–197; Gruben, 1966, S. 56 f.].

до глобального кризиса в последней трети III в. или, что менее вероятно, до времени разгрома гетами около 55 г. до н. э. В известном каталоге имен, который интерпретируется то как синхронный список граждан III в. [Латышев, 1887, с. 84; IOSPE, I², 201; Яйленко, 1990, с. 281–283], то как диахронный каталог эпонимов города – жрецов Аполлона, фиксированный около рубежа II – I вв. до н. э. [ср. Карышковский, 1978, с. 82–88; Виноградов, 1989, с. 220–221] или несколько раньше, представлены также в своем большинстве аристократические имена, аналогичные милетским [ср. Kawerau, Rehm, 1914, № 123, 124 и др.]. Сравнение ольвийских и милетских имен не дало «возможности различить исконных ольвиополитов и милетских новопоселенцев в Ольвии, воспользовавшихся актом об исополитии, но свидетельствует об одних и тех же социальных тенденциях в обоих полисах»; в свою очередь преобладание в каталоге аристократических имен свидетельствует о чрезвычайном консерватизме местных граждан и их ориентации на духовные ценности архаического времени [Яйленко, 1990, с. 282–283].

Вполне вероятно, что ольвийским жрецам Аполлона Дельфиния, несомненно посещавшим Милет (и не только в соответствии с договором), стали известны выставленные в Дельфинионе различные списки граждан, в том числе эпонимов – айсимнетов мольпов, исполнявших также должности главных жрецов милетского Аполлона Дельфиния. По их примеру мог быть зафиксирован диахронный список имен с патронимиками и в Ольвии, но вряд ли в столь позднее время. Кроме того, только фрагмент надписи, в которой сохранилось около 135 имен (предполагается, что их было 300), не может раскрыть достоверную причину их фиксации и назначение столь важного для истории Ольвии документа. В период, согласно декрету Протогена (IOSPE, I², 32), ее тяжкого экономического и культурного, а затем и политического кризиса, неурожаев и голода, угрозы нашествия галатов и скифов, военных стычек с варварами, «многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город... и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан». В дальнейшем протекторат Скилура еще сильнее усугубил политическое положение Ольвии. Самые большие и богатые дома в городе прекратили свое существование несколько раньше гетского нашествия – по разным данным во второй половине – конце II в. [см. и ср. Крыжицкий, 1971; Леви, 1985, с. 26–64; Виноградов, 1989, с. 261–262; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 158–190]¹⁴. В таком случае при существовании договора об исополитии жившие в них граждане

¹⁴ Анализ и сопоставление археологических данных об Ольвии этого времени дало возможность С. Д. Крыжицкому и Н. А. Лейпунской прийти к общему заключению: «В целом, очевидно, к I в. до н. э. какое-либо новое строительство прекращается полностью. И город к моменту гетского нашествия под предводительством Бурбисты в середине I в. до н. э. представлял собой довольно жалкое зрелище – разобранные для ремонта оборонительных стен святилища, пустыри и пожарища в жилых кварталах не только на окраинах города, но и в центре, небрежно укрепленные стены и башни» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 190; ср. также: Виноградов, 1989, с. 261–262].

могли временно переселиться прежде всего в Милет¹⁵. Но сами милетяне в трудный для Ольвии период, лишившейся большой хоры и находившейся под угрозой варварских нападений, вряд ли приезжали даже на состязания в честь Ахилла, которые впервые зафиксированы в посмертном декрете в честь Никерата, сына Папия, защитившего ольвиополитов (IOSPE, I², 34), в которых они, бесспорно, участвовали раньше, в особенности после заключения соглашения.

Не сохранилось никаких сведений и о том, предоставлял ли Милет какую-либо помощь ольвиополитам в период кризиса. В знаменитой хронике из истории Ольвии – декрете в честь Протогена (IOSPE, I², 32), в тексте которого столь подробно описано тяжелое положение города на протяжении второй половины III в., нет и намека на метрополию или обращение ольвиополитов к милетянам с просьбами о помощи. При этом можно сделать оговорку, что в договоре вообще отсутствуют установления о взаимопомощи и особых обязательствах друг перед другом в экстраординарных случаях. Этим также подтверждается, что соглашение появилось в мирный период, когда политические деятели и граждане, – если оно получило одобрение на народном собрании, – в силу каких-то причин как будто не задумывались о новых войнах с окружающими варварами. Возможно, объяснение кроется в изменившемся мировоззрении, вызванном многочисленными победами Александра Македонского и не сохранившимися оракулами Аполлона Дидимейского, предвещавшими длительное благоденствие эллинов. Как долго продолжалось целенаправленное исполнение установленных договором об исполитии одинаковых прав для граждан Ольвии и Милета, – соответственно в каждом из них, – не известно: не сохранилось даже упоминаний о наличии каких-либо прямых контактов между ними.

В первые века новой эры, – уже в восстановленной после гетского разгрома Ольвии, – только в одном почетном декрете в честь Феокла, сына Сатира, II в. н. э. Милет значится на одном из последних мест среди городов, удостоивших этого ольвиополита почестями (IOSPE, I², 42). По-видимому, долго существовавшие, вероятно, даже родственные отношения между милетскими и ольвийскими аристократическими родами в это время и в совершенно иной внешнеполитической обстановке, вызванной господством Римской империи, сами собой прервались. Ольвиополиты, произведя коренные реформы в политике и религиозной сфере в возрожденном городе, заменив Аполлона Дельфиния в ипостаси верховного бога Ахиллом Понтархом и его жрецов-эпонимов – архонтами, а также приняв в число граждан множество выходцев из варварской среды, в том числе сарматского происхождения, и тем самым нарушив бывшее моноэтническое единство гражданской общины [Русяева, 1992; 1999,

¹⁵ Судя по сохранности строительных остатков, многие большие дома не были до основания разобраны, в отличие от сооружений теменосов, даже после возрождения города в первые века н. э. Такое отношение обедневших и возвратившихся ольвиополитов к частной собственности, очевидно, было узаконено. Не исключено, что покидавшие свои дома граждане в надежде возвратиться в них, оставляли их на попечение полисных властей и домашних рабов.

с. 439–466], видимо, больше не стремились к возобновлению тесных политических и культурных контактов с метрополией, точно так же, как и милетяне. Однако это не значит, что в Ольвии были полностью прекращены вынесенные еще ее основателями отдельные традиции. Вопреки всем разорениям, гетскому разгрому и кратковременному прекращению существования города ольвиополиты возобновили в своей основе милетский календарь, соответствующие ему религиозные праздники, выше всех поэтов ставили Гомера и по-прежнему почитали Аполлона, хотя и в ипостаси Простата, как главного защитника и вершителя побед в борьбе со многими врагами.

Исходя из всего изложенного, можно считать, что наиболее интенсивные связи между Милетом и Ольвией существовали в позднеархаическое время до разгрома персами в 494 г., когда в большинстве были заложены исконные традиции во многих сферах жизни, сохранявшиеся на протяжении веков. Среди главных факторов их длительного сохранения можно выделить: моноэтнический состав гражданской общины и ее единство в признании и почитании Аполлона Дельфиния; политическую и религиозную деятельность аристократических родов, придававших особое значение древнейшим обычаям; заключение договора об исполитии между Милетом и Ольвией, в значительной мере укрепившем дальнейшее следование исконным традициям; периодические перемещения милетян в Ольвию и нижебугских эллинов – в Милет.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А., Русяева А.С.* Государственное устройство Ольвии // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999 – дальше: Ольвия. 1999.
- Белецкий А.А.* Греческая надпись на базе статуи из Ольвии // ВДИ. 1955. № 2.
- Буркерт В.* Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2.
- Виноградов Ю.Г.* Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3.
- Виноградов Ю.Г.* Милет и Ольвия. Проблема взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Том I.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Виноградов Ю.Г., Русяева А.С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Древнейший теменос* Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.
- Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
- Карасев А.Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964.
- Каришковский П.Й.* З історії Ольвії у IV ст. до н.е. // Праці Одеського Державного університету. Одеса, 1956. Т. 146. Вип. 5.
- Каришковский П.О.* Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2.

- Карышковский П. О.* Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984.
- Книпович Т. Н.* Население Ольвии в VI – I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // МИА. 1956. № 50.
- Кобылина М. М.* Милет. М., 1965.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества. Ленинград, 1951.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990.
- Крыжицкий С. Д.* Жилье ансамбли древней Ольвии IV – II вв. до н. э. Киев, 1971.
- Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в архаическое время // Ольвия. 1999.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. 1999.
- Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в эллинистическое время // Ольвия. 1999.
- Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Назарчук В. И.* Архитектурная терракота позднеархаического времени из Ольвии // Боспорские исследования. 2005. VIII.
- Курбатов А. А.* Греческая аристократия и Великая колонизация VIII–VI вв. до н. э. // Политика и идеология в древнем мире. М., 1993.
- Кутайсов В. А.* Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.
- Леви Е. И.* Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 95.
- Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964.
- Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Петрова М. С.* Интеллектуальные традиции (проблемы исследования) // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы). М., 2010.
- Пичикая И. Р.* Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991.
- Русяева А. С.* Милет-Дидимы – Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева А. С.* Эпиграфические памятники. Скульптура // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Русяева А. С.* Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
- Русяєва А. С.* Громадсько-політичні функції елліністичного храму Аполлона в Ольвії // Археологія. 1989. № 4.
- Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяєва А. С.* Іонія напередодні та в період північнопонтійської колонізації // Давня історія України: Скіфо-антична доба. Київ, 1998. Том 2.
- Русяева А. С.* К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. №1.
- Русяева А. С.* Обычаи и нравы ольвиополитов // Ольвия. 1999.
- Русяева А. С.* Календарь Ольвии Понтийской: методика и история исследования // ВДИ. 2003. № 2.
- Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
- Русяева А., Одрин А.* Торговые и культурные приоритеты Милета в Северном Причерноморье в VI в. до н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001. 2.
- Свенцицкая Н. С.* Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1.
- Скюднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Ленинград, 1988.
- Таронян Г. А.* Плиний Старший // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.
- Функ Б.* Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2.
- Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М., 1982.
- Яйленко В. П.* Материалы к “Корпусу лапидарных надписей Ольвии” // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.

- Яйленко В. П. Оливия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990
- Alexandrescu P. Histria in archaischer Zeit // Xenia. Konstanz, 1990. 25.
- Anochin V. A., Rolle R. Griechische Schleuderbleie bei den Mauern von Olbia // Veröffentlicht Joachim Jungius. Geschichte Wissenschaftlichen. Hamburg, 1998. 87.
- Bilabel F. Die ionische Kolonisation // Philologus Supplement. Leipzig, 1920. 14, 1.
- Boardman J. Kolonien und Handel der Griechen. München, 1981.
- Burkert W. Olbia and Apollo of Didyma: a New Oracle Text // Apollo. Origins and Influences. Tucson, 1994
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
- Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, Bern, New York, 1983.
- Ehrhardt N. Die politischen Beziehungen zwischen den griechischen Schwarzmeergründungen und ihren Mutterstädten. Ein Beitrag zur Bedeutung von Kolonialverhältnissen in Griechenland // Acta Centri historiae Terra antiqua Balcanica. Trinovi, 1987. 2.
- Essen G. C. Sur le deuxième Didymeion // Etudes d'Archéologie et d'Histoire grecque. Paris, 1947.
- Gawantka W. Isopolitie. München, 1975.
- Graeve V. von. Die Belagerung Milets durch Alexander den Grossen // Civilisation Grecque et cultures antiques périphériques. Bucarest, 2000.
- Graham A. J. Colony and Mother City of Ancient Greece. Chicago, 1988.
- Graf F. Das Kollegium der Molpoi in Olbia // Museum Helveticum. 1974. 31.
- Graf F. Apollon Delphinios // Museum Helveticum. 1979. 36.
- Gruben G. Die Tempel der Griechen. München, 1966.
- Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit // Istambuler Mitteilungen. Tübingen, 1971. 4.
- Herrman P. Zu den Beziehungen zwischen Athen und Milet im V Jh. // Klio. 1970. 52.
- Kawerau G., Rehm A. Milet: Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914. 1. 3.
- Kleiner G. Alt-Milet. Wiesbaden, 1966.
- Luria S. Ein milesischer Männerbund im Lichte ethnologischer Parallelen // Philologus. 1928. 37. 2.
- Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.
- Müller-Wiener W. Zur Erforschung der hellenistischen Monumente Milets // Milet 1899–1980: Ergebnisse, Probleme und Perspektiven einer Ausgrabung. Kolloquium Frankfurt am Main 1980. Tübingen, 1986.
- Nilsson M. P. Griechische Feste von religiöser Bedeutung. Leipzig, 1906.
- Philipp H. Archaische Gräber in Ostionien // Istambuler Mitteilungen. 1981. 31.
- Rusjaeva A., Vinogradov Ju. Apollon Ietros, Herrscher von Istros, in Olbia // Civilisation Grecque et cultures antiques périphériques. Bucarest, 2000.
- Seibert J. Metropolis und Apoikie. Würzburg, 1963.
- Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
- Strocka V. M. Variante, Wiederholung, Serie in griechischen Bildhauerei // JDAI. 1979. 94.
- Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz am Rhein, 1997.
- Weber B. F. Der Stadtplan von Milet // Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium 1999 / Milesische Forschungen. Mainz am Rhein, 2008. 5.
- Werner R. Probleme der Rechtsbeziehungen zwischen Metropolis und Apoikie // Chiron. 1971. 1.
- Zimmermann K. Frühe Dachterrakotten aus Milet und dem Pontosgebiet // Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Panionion – Symposium 1999 / Milesische Forschungen. Mainz am Rhein, 2008. 5.

Г.С. Русяєва

ПРО ТРАДИЦІЇ МІЛЕТУ У КУЛЬТУРІ ОЛЬВІЇ ПОНТІЙСЬКОЇ

Резюме

Найбільш інтенсивні зв'язки між Ольвією (Olbia) та Мілетом (Miletus) існували у пізньархаїчний час до його розгрому персами у 494 р. до н.е., коли в основному були закладені споконвічні традиції в багатьох сферах життя та духовної культури, які збереглися протягом століть. Це не тільки головні культи богів та героїв, в особливості Аполлона Дельфінія (Apollo Delphinios), копіювання окремих елементів у пристрої його святині, календар (calendar) і у відповідності з ним проведення загально полісних календарно-релігійних свят, організація аристократичних сакральних спілок мольпів (molpoi), але і провідна роль у суспільній громаді аристократичних родів. З метрополії (metropolis) були винесені іонійський діалект в його мілетському варіанті, алфавіт, палеографія (paleographia), антропонімія (antroponymia), основи освіти, ймовірно, міфологічної та літературної творчості, архітектурний декор; на протязі століть продовжувалось захоплення та вивчення відомих епосів Гомера (Homeros) та звеличення його головного героя Ахілла (Achilleos). Серед головних факторів їх тривалого збереження можна відокремити: моноетнічний склад суспільної громади та її єдність в визнанні та шануванні Аполлона Дельфінія (Apollo Delphinios) в іпостасі верховного бога полісу (polis); політичну та релігійну діяльність аристократичних родів, сакральних громад та жерців-епонімів (eronymos), які надавали особливе значення давнішим звичаям; заключення угоди про ісополітію (isopolitia) між Мілетом (Miletus) та Ольвією (Olbia); періодичні переїзди громадян Мілету в Ольвію та ольвіополітів (olbiopolitoi) до Мілету.

А.С. Русяєва

О ТРАДИЦИЯХ МИЛЕТА В КУЛЬТУРЕ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Резюме

Наиболее интенсивные связи между Ольвией (Olbia) и Милетом (Miletus) существовали в поздньархаическое время до его разгрома персами в 494 г. до н. э., когда в основном были заложены исконные традиции во многих сферах жизни и духовной культуры, сохранявшиеся на протяжении веков. Это не только главные культы богов и героев, в особенности Аполлона Дельфиния, (Apollo Delphinios) копирование отдельных элементов в устройстве его святилища, календарь (calendar) и в соответствии с ним проведение общеполисных календарно-религиозных празднеств, организация аристократического сакрального союзов мольпов (molpoi), но и ведущая роль в гражданской общине аристократических родов. Из метрополии (metropolis) были вынесены ионийский диалект в его милетском варианте, алфавит, палеография (paleographia), антропонимия (antroponymia), основы образования, вероятно, мифологического и литературного творчества, архитектурный декор; на протяжении веков продолжалось увлечение и изучение знаменитых эпосов Гомера (Homeros) и возвеличивание его главного героя Ахилла (Achilleos). Среди

главных факторов их длительного сохранения можно выделить: моноэтнический состав гражданской общины и ее единство в признании и почитании Аполлона Дельфиния (Apollo Delphinios) в ипостаси верховного бога полиса (polis); политическую и религиозную деятельность аристократических родов, сакральных союзов и жрецов-эпонимов (eponymos), придававших особое значение древнейшим обычаям; заключение договора об исполитии (isopolitia) между Милетом (Miletus) и Ольвией (Olbia); периодические переезды граждан Милета в Ольвию и ольвиополитов (olbiopolitoi) в Милет.

A.S. Rusjaeva

THE TRADITIONS OF MILETUS IN THE CULTURE OF OLBIA PONTICA

Summary

The most intense links between Olbia and Miletus existed in the late archaic time before his defeat by the Persians in 494 BC, when the ancestral traditions in many areas of life and spiritual culture were basically laid, prevailed throughout the centuries. It is not only the major cults of the gods and heroes, especially Apollo Delphinios, copying of individual elements in the structure of its sanctuary, a calendar, and in accordance with the holding of general polis calendar of religious festivities, the organization of the aristocratic sacred union of molpoi, but the leading role of aristocratic families in civilian community. Ionian dialect in its version of Miletus, the alphabet, paleography, anthroponomy, basic education, possibly mythological and literary creation, and architectural decoration stemmed from the metropolis. Fascination with epic and the study of epics of Homer and the glorification of his hero Achilles continued over the centuries. Among the main factors of their long term preservation one can identify mono-ethnic civil community and its unity in recognizing and honoring Apollo Delphinios in the hypostasis of the supreme god of the polis; political and religious activities of aristocratic families; sacred unions and priests – eponyms, who gave special importance to the ancient traditions; the concluding isopolitia treaty between Miletus and Olbia; periodic removals of the citizens of Miletus in Olbia and removals of olbiopolitoi in Miletus.

Д.В. ГРИГОРЬЕВ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Война в период античности играла значительную роль. Она являлась даже частью экономической жизни. В результате военных действий пополнялись ряды рабов, которые активно использовались в хозяйстве. Происходил захват плодородной земли, других ценных природных ресурсов, осуществлялся контроль над важными торговыми путями, появлялся стимул для развития особой отрасли ремесла (оружейное), которая обслуживала военные интересы. В общественной жизни каждый гражданин античной общины обязан был выполнять функции воина. Великая греческая колонизация привела к появлению многочисленных контактов эллинов с другими народами. Формы взаимодействия были различными. Нахождение в незнакомом, по существу враждебном окружении, создавало особые условия для военной сферы жизни именно в районах колонизации. В связи с этим, для нас важно понять значимость военного аспекта в отношениях между эллинами и варварами и особенности его отражения (выражения) в вещественной форме.

В учебной литературе отмечается, что «организация военной агрессии против стран «варварского» мира является одной из основных целей полиса» [Андреев, 1982, с.94]. Изначальный военизированный настрой колонистов прямо отмечается в специальной энциклопедической литературе, где указывается: «Местных жителей колонизаторы или покоряли и эксплуатировали, как илотов, или изгоняли». К этому же надо добавить упоминание важной статьи экспорта колонии – рабов [Словарь античности, 1993, с.277]. Эта же линия подтверждается и уточняется в учебной литературе. В ней делается упор на то, что местное население мешало колонистам в случае преобладания аграрного характера колонизации [Циркин, 1989, с.360]. Преобладание торгового характера колонизации подразумевает установление предварительных торговых связей, а затем выведение самого поселения. Правда, аборигены должны достичь необходимого уровня развития, чтобы вести торговлю с греками. Кроме того, подчеркивается этнический аспект колонизации – дорийцы стремились ставить аборигенов в зависимое положение (это с необходимостью подразумевало влияние военного аспекта отношений), ионийцы же поддерживали с варварами сначала более равноправные отношения [Циркин, 1989, с.367]. Соответствие материалов данного типа литературы и современных научных

представлений важно учитывать, поскольку часто именно учебная и справочная литература предоставляет первичную информацию для интересующихся теми или иными вопросами истории.

В научной литературе отдельные исследователи также настаивали на «империалистическом» характере греческой колонизации, хотя и с отдельными оговорками [Колобова, 1951, с.154; Фролов, 1988, с.157]. Правда, «империализм» имелся в виду как в форме военного давления, так и в форме неэквивалентного обмена в экономической сфере. Очевидно такие представления были связаны, во-первых, с некоторой модернизацией целей и особенностей греческой колонизации и смешиванием ее с колониальными захватами Нового и Новейшего времени, во-вторых, возможно, сыграла свою роль идеологическая составляющая.

Сейчас исследователи отошли от крайностей идеологии, но определенные линии модернизации греческой колонизации продолжают существовать. Но это отдельная тема.

В зарубежной литературе присутствуют разные представления о взаимоотношениях между греками и варварами. Тем не менее, в той или иной форме военный компонент отмечается (изгнание, превращение в зависимое население, периодические конфликты) [Грэхэм, 2007, с.189-190]. Существуют и специальные исследования о роли военной сферы в отношениях между колонистами и местным населением (пиратство, охота за рабами, прямое подчинение и превращение в зависимый слой местного населения) [Rihl, 1995, р. 77-107]. Стоит отметить, что собственно военные цели, как причина для вывода большинства апойкий архаического периода, едва ли занимали преобладающее место в ходе колонизации. В основном военный аспект играл сопутствующую роль в процессе освоения новых земель. Только в период создания военных союзов полисов военные цели колонизации выдвигаются вперед. Но и в этой ситуации они тесно соседствуют с аграрными интересами.

Совершенно справедливо отмечают авторы отечественной коллективной монографии, которая посвящена греко-варварским взаимоотношениям в Северном Причерноморье, что чрезвычайно сложная система разноплановых отношений между греческими колониями и местным окружением не укладывается в простейшие схемы «антагонизма двух миров» или «идиллически мирного сосуществования» [Греки и варвары..., 2005, с.8]. В связи с этим, сложно выделить соотношение и наличие разных компонентов в той или иной форме отношений. Данная работа будет посвящена преимущественно военному компоненту отношений эллинов и варваров Северного Причерноморья.

Наиболее сложным для интерпретации является период раннего освоения территории Северного Причерноморья, поскольку письменные данные очень скудны и существует возможность только рассматривать археологические материалы и использовать так называемые общеисторические рассуждения, известные на основе рассмотрения этапа перехода от поздней первобытности

к цивилизации. Мы должны обязательно учитывать, что эллины архаического периода, конечно, значительно продвинулись в общественно-экономическом развитии, но многие принципы внутренних отношений остались сходными с тем, что было характерно для скифов – родовой характер взаимоотношений, свойственный эллинам в архаический период.

В связи с этим существуют работы, которые возражают против поспешной интерпретации отношений греков и варваров (равно модернизации) как безусловно торговых уже на самом раннем этапе отношений [Кузнецов, 2000; он же, 2009].

Обратимся к конкретным фактам. В первую очередь речь идет о варварской территории. Поэтому существенную роль в изучении проблемы играют работы скифологов. Свою задачу мы видим в определении масштабов раннего греческого импорта на варварских памятниках Северного Причерноморья, чтобы понять характер существовавших связей и оценить ситуацию, сложившуюся по этому вопросу в науке.

Рассматривая ситуацию со скифами, мы должны учитывать, что они принадлежали к кочевому хозяйственно-культурному типу. Следовательно, на первом этапе – главный вещественный след – это курганные погребения знати. Второй аспект – в любом обществе, находящемся на этапе предгосударственности, ведущую роль занимает аристократия. Это относится особенно к сфере внешних отношений как области обращения престижных предметов, которые определяют место в социальной структуре. Именно поэтому погребальные памятники аристократии и являются первым фактом в определении особенности внешних связей разных социумов.

Раннескифский период обычно характеризуется слабой заселенностью степной зоны Северного Причерноморья [Алексеев, 1996, с.8; Гаврилюк, 2008, с.78; Мелюкова, 1988, с.16]. По-видимому, можно говорить и о слабой заинтересованности населения лесостепной зоны в связях с приморскими районами, поскольку отсутствуют следы поселений и стоянок, свидетельствующие об этом. Поэтому в момент появления эллинских поселений, которые вряд ли сразу выводились как торговые, прямых связей между Лесостепью и Приморскими районами не могло существовать.

Эллинам важна была безопасность и это отражалось на особенности расположения их поселений (Березань на полуострове, все остальные на побережье, но в относительно защищенных с берега бухтах). Очевидно, такие условия предполагали определенное стремление обезопасить себя от внешней угрозы (возможно мнимой, но воспринимаемой как реальной).

Рассматривая погребальные комплексы варварской знати, попытаемся опираться на известные археологические данные.

Общеизвестным фактом является появление наиболее ранней колонии в Северном Причерноморье во второй половине VII в. до н.э. (Березань) [Марченко, 1980, с.133]. Спорной остается ситуация вокруг даты основания Таганрогского

поселения – третья четверть VII в. до н.э. [Копылов, 1999, с.174; Копылов, 2006, с.80], либо конец VII – начало VI вв. до н.э. [Кузнецов, 2009, с.290].

Этим же периодом (вторая половина VII в. до н.э.) датируется ряд скифских погребальных комплексов: центральная камера кургана Темир-гора в Восточном Крыму близ современной Керчи (40-е гг. VII в. до н.э. – по родосско-ионийской ойнохойе) [Копейкина, 1972, с.158; Мурзин, 1984, с.19; Мелюкова, 1988, с.15; Скифские погребальные..., 1986, №271, погр.81, с.43], впускное погребение в кургане у с.Филатовка на Перекопе (также по родосско-ионийской ойнохойе – 635-625 гг. до н.э.) [Корпусова, 1980, с.100-103; Скифские...1986, №266; с.44, 297; Мелюкова, 1988, с.15], у с.Болтышка Кировоградской области [Скифские погребальные памятники..., 1986. №71. С.18, 226]. Все они датируются по расписной античной посуде.

Классическими являются примеры погребений Келермесских курганов в Прикубанье, которые датируются от третьей четверти VII по рубеж VII-VI вв. до н.э. [Галанина, 1983, с.52], в которых присутствуют предметы, произведенные в греческих мастерских – серебряные зеркало и ритон.

Кроме того, известны погребальные скифские комплексы района Подонья-Приазовья, в которых также обнаружена ранняя греческая керамика: Криворожский курган на р. Калитве, сосуд из Хоперского округа, могильник Красногоровка III (последняя четверть VII – первая треть VI в. до н.э.), комплекс у станции Хапры (конец VII – первая половина VI в. до н.э.) [Копылов, 2006, с.85-86].

Таким образом, в рамках VII в. до н.э. возможно датировать сравнительно небольшое количество скифских погребальных комплексов, которые содержали греческие изделия (керамика или предметы из драгоценных металлов). Важно отметить, что существовало и некоторое количество скифских погребений и без греческих вещей. Поэтому нет возможности говорить о всеохватности связей колонистов и скифов, хотя из известного количества памятников затронуто большинство.

Интересно, что в ранней греческой поэзии (Алкей) упоминается Ахиллес, правящий в Скифии. В результате весьма скрупулезного исследования, А.И. Иванчик пришел к выводу, что во времена Алкея (конец VII – первая треть VI вв. до н.э.) Ахиллес уже прочно связывается с Левкой в Северном Причерноморье и, вероятно, его культ на острове уже существовал, причем, возможно одновременно с появлением колонии на Березани [Иванчик, 2005, с.82]. Это любопытное предположение позволяет говорить о том, что на рубеже VII-VI вв. до н.э. скифы становятся известны в Греции. Следовательно, отношения между эллинами и номадами должны стать регулярными.

Нам интересно понять место указанных находок в греко-варварских отношениях.

С одной стороны они воспринимаются как факты торговых отношений между эллинами Березани и Таганрогского поселения и скифами [Ко-

пылов, 2006, с.88]. Высказываются взгляды и о прямых связях торгового характера между эллинами и лесостепным населением [Марченко, 2005, с.51-52], хотя и под контролем номадов. Выше мы обращали внимание на отсутствие каких-либо следов заинтересованности населения Лесостепи в прибрежных районах. При этом заинтересованность собственно кочевого элемента могла быть, учитывая широкий ареал перемещений орды.

Надо иметь в виду, что самый ранний этап существования эллинских поселений находится в определенной «темноте». Неизвестна численность коллектива, который создал колонию, но едва ли он был многочисленный. Известна вообще плохая сохранность архаических культурных слоев, испытавших на себе более поздние перестройки и перепланировки. В отношении Березанского поселения эта особенность породила даже скептицизм в определении даты его основания и попытку перенести ее несколько позднее традиционной, связывая с появлением первых твердо установленных строительных комплексов [Соловьев, 2005, с.9-10]. Все же, несмотря на такую ситуацию на памятнике, нельзя игнорировать информацию письменной традиции, да и существование самого культурного слоя второй половины VII в. до н.э. отрицать трудно. Еще сложнее и гипотетичнее положение с Таганрогским поселением, скрытым под водами Азовского моря.

Тем не менее, взаимодействие колонистов и варваров существовало. По-видимому, на первом этапе со стороны колонистов не было особого стремления в установлении контактов с удаленными территориями. У них была более важная задача – освоение ближайшего пространства. Поэтому можно предполагать, что именно скифы-кочевники оказались тем фактором, который послужил активизации внешних связей эллинов. С другой стороны появление нового населения на побережье также должно было способствовать повышению интереса к этому району со стороны скифов.

В связи с этим появление греческого импорта VII в. до н.э. в скифских погребениях можно связывать скорее с дипломатической формой контактов, чтобы избежать вероятных открытых военных конфликтов, в которых малочисленные эллины не были заинтересованы. При этом, действительно, пока особое и не совсем понятное положение занимают вещи из Келермесских курганов. Они, очевидно, имеют престижный характер в силу материала изготовления, культовой направленности и художественных особенностей.

Оценивая художественные достоинства тех или иных изделий архаических эллинов, мы оказываемся в неоднозначной ситуации. Для нас это шедевры, для греческих ремесленников, очевидно, тоже. Но есть опасность переоценить или недооценить художественные вкусы скифской аристократии. По-видимому, это был период развития варварского общества, когда для потребителя более важным был материал изготовления предмета (келермесские зеркало и ритон из серебра) – это придавало ему особую ценность, поскольку он не каждому доступен. Если предмет изготавливался по заказу, то важной

была особенность его функционального назначения (культово-ритуальное, военное, бытовое). В зависимости от этого и в связи с определенным материалом выявлялась конкретная значимость изделия. Думается, что только на третьем месте находилась чисто эстетическая сторона.

Сложнее с этой точки зрения оценивать расписную керамику греков. Поскольку для варваров, в первую очередь, ценность представляла бы металлическая посуда. Поэтому можно предполагать, что престижность появления расписной керамики в варварских погребениях определялась не художественно-эстетическими ее качествами, а символической ценностью. Это могло произойти тогда, когда сосуд был наполнен чем-либо в момент его вручения и особенности самой ситуации вручения.

В случае первой встречи скифов с эллинами, конечно, возникала ситуация организации контакта с целью ликвидировать вероятную угрозу нападения со стороны кочевников. Естественно, факт вручения сосуда с содержимым должен был сопровождаться некими ритуальными действиями или обстановкой, которая резко повышала ценность предмета и превращала его в престижный для получателя. При этом надо понимать, что со стороны эллинов по отношению к скифам не было никакого обмана. Это не были отношения между высокоцивилизованными эллинами и грубыми низкокультурными варварами.

Скифы-кочевники, очевидно, выступали в качестве посредников между античными поселениями и лесостепными. Очень вероятно, что наиболее ранние примеры греческой керамики именно так и попали на территорию Лесостепи. Торговая заинтересованность, в силу недостаточности потенциала греческих поселений VII в. до н.э., не могла сформироваться сразу. Необходимо было «прощупать» друг друга, чтобы понять, насколько перспективны эти связи.

Престижные предметы существовали и в отношениях между оседлыми культурами. Правда, здесь можно привести в пример балканские материалы. На Евбее известны два погребения с фаянсовыми бусами, голубой фриттой и стеклом, которые считаются финикийскими по происхождению и датируются X в. до н.э. Погребения в афинском Керамике (бронзовая финикийская чаша IX в. до н.э.) и на афинской агоре (изделия из слоновой кости, стеклянные бусы и золотые предметы финикийские – IX в. до н.э.). Все эти примеры также не всегда возможно считать результатом торговой деятельности. Это мог быть обмен дарами между вождями (престижный) не представлявший собой еще торговли, причем внутри греческого мира [Старр, 2007, с.518] и поэтому мог быть эпизодическим.

Таким образом можно согласиться с тем, что второй период истории Северного Причерноморья (середина VII – первая четверть V в. до н.э.) характеризовался относительно мирными отношениями между греками и местным населением (особенно вторая половина VII в. до н.э.) [Виноградов, Марченко, 2005, с.32]. Это был период налаживания первичных отношений, своеобразная разведка возможностей в форме примитивной дипломатии с при-

ношениями престижных даров менее воинственной стороной. Следовательно, в чистом виде военный аспект на самом первом этапе взаимоотношений греков и скифов играл скрытую роль и представлял лишь определенную угрозу конфликта. Разумеется, что мы не можем отрицать существования каких-то разовых или случайных стычек, которые в археологическом плане не оставляют следов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н.э.). Автореф. дисс. д.и.н. СПб. 1996.
- Андреев Ю. В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. М. 1982. Т. II.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Гаврилюк Н. А.* Оборонительная система в Степном Приднепровье в раннем железном веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь. 2008.
- Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1983, вып. 24.
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху.* СПб. 2005.
- Грэхэм А.-Дж.* Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII-VI века до н.э. М. 2007.
- Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Москва-Берлин. 2005.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о Родос IX-VII вв. до н.э.). Л. 1951.
- Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-гора // ВДИ. 1972. 1.
- Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. 4.
- Копылов В. П.* Греко-варварские взаимоотношения в районе р. Танаис в VII-VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб. 2006.
- Корпусова В. Н.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. 1980. 2.
- Кузнецов В. Д.* Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. 1.
- Кузнецов В. Д.* Причерноморские греки в варварской земле // Древности Боспора. Вып. 13. М. 2009.
- Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. 1.
- Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Мелюкова А. И.* Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тб. 1988.
- Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев. 1984.
- Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья.* Киев. 1986.
- Словарь античности.* М. 1993.
- Соловьев С. Л.* Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен-Березань. СПб. 2005.
- Старр Ч.* Экономические и социальные условия в греческом мире // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII-VI века до н.э. М. 2007.
- Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л. 1988.
- Циркин Ю. Б.* Финикийская и греческая колонизация // История древнего мира. М. 1989. Т. I.
- Rihll T.* War, slavery and settlement in early Greece // War and society in the Greek world / Ed. by Rich J., Shipley G. - L.; N.Y., 1995.

Н. А. ЛЕЙПУНСКАЯ

**ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ
ИЗ АРХАИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
(по материалам Центрального квартала Ольвии)**

Несмотря на кажущуюся изученность античной керамики, работа над ней ставит перед археологами все новые и новые задачи. Существенную их долю составляют хронологические и классификационные проблемы, без решения которых невозможны исследования интерпретационного порядка. В связи с этим и было предпринято рассмотрение керамики из небольшой группы комплексов архаической Ольвии (Центрального квартала в районе агоры). Одной из целей работы было выявление синхронных групп сосудов и конкретная датировка типов, пока еще не имеющих широко признанных хронологических определений, главным образом, часть форм красноглиняной и сероглиняной кухонной и столовой посуды. Вопросы локализации производства керамики сознательно не затрагивались, хотя наиболее вероятным кажется ольвийское происхождение если не всей, то значительной доли «простой» керамики. Отсутствие конкретных данных о местном производстве еще не дает возможности категорически отрицать его, тем более, что вряд ли ольвиополиты при уровне развития транспорта того времени могли полностью обеспечить свое хозяйство импортной посудой. В пользу существования местного керамического производства в Ольвии свидетельствует в какой-то степени наличие местной посуды в других центрах Северного Причерноморья [Худяк, 1962; Кругликова, 1954].

Базой предлагаемой классификации явился материал девяти комплексов (земляночных построек и ям), открытых при раскопках Центрального квартала (№№ 398, 400, 401, 214, 197, 198, 399, 421, 211). Для них характерен значительный объем находок (от 1726 до 4650 фрагментов), среди которых было много образцов, пригодных для классификации (целые формы и профили, выразительные детали). Правда, значительную часть составляют не поддающиеся классификации стенки сосудов, профилированные же части тех или иных форм исчисляются не более чем одним-двумя десятками. Стратиграфические данные и предварительный анализ заполнений позволили датировать комплексы второй половиной VI – началом V вв. до н. э. (земляночные постройки), не позднее третьей четверти V в. до н. э. (ямы). Это дало необходимые предварительные предпосылки для датировки комплексов и керамики. Более подробное изучение материала позволило уточнить эту хронологию.

Хотя и не всегда они могут быть использованы для математических процедур ввиду той же фрагментарности образцов и малочисленности выборки, однако эти данные, как производные от метрических признаков, все же дают возможность более определенного и объективного представления о сосудах. Показатели отбирались в каждом конкретном случае, исходя из индивидуальных особенностей экземпляров, однако группировка их даже по интервалам значений оказалась практически невозможной. Все цифровые данные сведены в таблицы (основные размеры, показатели).

В работе использованы следующие наименования и подчиненность таксономических единиц, начиная от наиболее общих. При этом можно условно выделить два уровня классификации – обобщенный (до уровня вида) и детализированный (тип, вариант).

Категория – выделена по назначению сосудов – хозяйственная, кухонная, столовая, бытовая, туалетная (специальная), ритуальная, строительная керамика. Последние две категории в описанных комплексах отсутствуют.

Класс – все сосуды делятся на открытые и закрытые по соотношению диаметров устья и наибольшего диаметра корпуса. Открытые сосуды – диаметр устья больше диаметра корпуса, закрытые – диаметр устья существенно меньше диаметра корпуса. К открытым отнесены: миски, чаши, чашки, скифосы, канфары, килики и т.д.; к закрытым – амфоры, кувшины, лекифы, ойнохойи и т.д.

Вид – сосуды определенных форм и назначения – амфоры, корчаги, кувшины и т.д. Эта единица иногда называется в литературе категорией или формой [Генинг, 1973; Брашинский, 1980]. В некоторых случаях для нее целесообразно ввести промежуточное между видом и типом понятие группы, выделяемой по характерным для того или иного вида керамики признакам. Так, для амфор и киликов выделены группы по месту их производства, для мисок, чаш, кубков – по форме корпуса, для светильников – по способу использования (настольные, подвесные, переносные).

Тип. Как известно, вопрос трактовки содержания термина «тип» вызывает множество споров, не всегда достаточно плодотворных. Конкретная форма сосуда, в конечном счете, его принадлежность тому или иному типу определяется наличием тех или иных деталей [Генинг, 1973]. В настоящее время достаточно широко принято определение типа как «статистически устойчивого сочетания признаков» [Федоров-Давыдов, 1981, с. 268]. Однако не следует забывать и еще одно положение типологических исследований – о несовпадении типичности и массовости. Тип может быть и достаточно редким, не теряя при этом устойчивого сочетания признаков [Федоров-Давыдов, 1981, с. 286]. При классификации керамики из могильников Ферганы был введен количественный критерий – минимум – в качестве типа выделялась группа не менее, чем из трех однородных сосудов [Литвинский, 1973, с. 7]. Вероятно, при работе над античной керамикой, учитывая масштабность и характер ее стандартизации, в ряде случаев и

тое, плечи резко расширенные округлые при округло-яйцевидном корпусе и округлом дне. Есть петлевидные, круглые в сечении ручки (не меньше двух). Глина хорошо отмученная, коричневатая. Поверхность без дополнительной обработки. В Афинах аналогичные сосуды датируются временем около 500 г. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, fig. 19, 1743, pl. 81]. В Ольвии они встречены в яме третьей четверти VI в. до н. э. и в комплексе полуземлянки не позднее начала V в. до н. э. Судя по сходству глины с материалом хиосских амфор, возможно, происходят из мастерских Хиоса.

Амфоры – к хозяйственной керамике относятся остродонные амфоры, в отличие от плоскодонных столовых¹ [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 60].

В комплексах Центрального квартала встречены обычные для культурных слоев Ольвии VI – середины V вв. до н. э. группы и типы амфор [Лейпунская, 1973, 1981; 1987]. Приводимая ниже классификация в некоторых деталях кажется отличной от предложенной нами ранее [Лейпунская, 1981]. Здесь предлагается следующая схема – выделяются группы амфор по центру их производства (хиосские, ионийские, лесбосские, самосские, коринфские, амфоры неизвестных центров). Внутри этих групп в некоторых случаях выделяются подгруппы и варианты (ионийские амфоры). Наименования единиц несколько отличаются от принятых ранее, где группы выделялись по форме ножек, а подгруппы – по их вариантам [Лейпунская, 1981; 1987]. Кажется целесообразной следующая последовательность в случае особенно усложненной картины сочетания признаков амфор:

Группа ионийских амфор: подгруппы – А. Ионийские амфоры на поддонах. Б. Ионийские амфоры на полых ножках. Варианты: а) ионийские амфоры на нечетко профилированных поддонах; б) ионийские амфоры на прямолинейных геометрических (?) поддонах; в) ионийские амфоры на сложнопрофилированных поддонах. В подгруппе б варианты отсутствуют.

Типы и подтипы – низшая ступень, определяется формами деталей и сочетанием их.

Таким образом, в комплексах представлены амфоры следующих групп и типов (нумерация типов по: Лейпунская, 1987).

I группа хиосских – тип 3 (прямогорлые амфоры с яйцевидным корпусом второй половины VI в. до н. э.); тип 4 (раннепухлогорлые двух вариантов – с округлым корпусом VI – начала V вв. до н. э. и с яйцевидным корпусом второй четверти V в. до н. э.).

Ввиду фрагментарности находок варианты типа 4 не всегда вычлениются, так как они имеют ряд сходных признаков – форма венчика, ручек, ножек, отличаясь характером тулова и переходной от припухлости к плечам шейки.

II группа ионийских амфор – подгруппы А и Б с вариантами а, б, в, тип 2

¹ Необходимо заметить, что, как и во многих других случаях, бывают исключения из общего правила – есть и плоскодонные амфоры хозяйственного назначения. Но они встречаются в Северном Причерноморье очень редко (storage amphoras; Sparkes, Talcott, 1970, pl. 60-63).

большие (диаметр горловины 25-30 см), малые (диаметр горловины 10-15 см). По характеру оформления верхней части сосуда выделено четыре типа.

Тип 1 – горшки с профилированными венчиками (табл. 1, 6-8). По сравнению с кастрюлями отличаются сильным отгибом профилированной шейки. Вариант этого типа – горшки с ручкой (тип 1 а) (табл. 1, 9).

Тип 2 – горшки с непрофилированными венчиками средней высоты, низкогорлые, широкогорлые, с сильно профилированной шейкой, округлым корпусом, средневысокими и средневыпуклыми плечами, среднедонные (табл. 1, 10).

Тип 3 – горшки-кувшины двух вариантов: а) небольшие горшочки с горизонтально отходящей от венчика широкой уплощенной ручкой; очень низкогорлые, со средней шириной горла, сильно профилированной шейкой, округлым корпусом, средневысокими и средневыпуклыми плечами, с дном средней ширины (табл. 1, 11); б) горшки средних размеров с высоко поднятой ручкой, низкогорлые, широкогорлые, с сильно профилированной шейкой, округлым корпусом, со слабо выпуклыми плечами средней высоты (табл. 1, 12).

Горшки бывают сероглиняными и красноглиняными, обработка глины сходна с обработкой сырья для кастрюль. В части образцов заметны значительные примеси крупной золотистой слюды, в таких количествах не свойственной ольвийским глинам.

Горшки одновременны кастрюлям, их аттические параллели датируются второй половиной VI – началом V вв. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 93]. Таковую же дату дают и комплексы Ольвии.

Лепные горшки представлены типами VI, VII и VIII по классификации К. К. Марченко (1976).

Тип VI – в комплексах обнаружен лишь один экземпляр, который может быть отнесен к этому типу (бочонковидный). Украшен налепным валиком под венчиком (табл. 2, 2). Сосуды этого типа датируются второй половиной VII – VI вв. до н. э.

Тип VII – баночные горшки этого типа редки в комплексах Центрального квартала. Один из фрагментов украшен налепным валиком с ямками ниже венчика (табл. 2, 1). Сосуды этого типа датируются концом VII – VI вв. до н. э. В комплексах V в. до н. э. обычно отсутствуют [Марченко, 1976, с. 163].

Тип VIII – представлен наибольшим числом фрагментов. Это горшки с отогнутым венчиком и раздутыми плечами. Различаются диаметром и высотой горла, расположением ямочного орнамента по краям горла или в основании его; налепной валик, орнаментированный ямками, чаще всего размещается на плечах сосуда. По показателям формы кажется возможным выделить относительно узкогорлые, с цилиндрическим горлом, с различной степенью отгиба шейки (табл. 2, 3-14).

III. Столовая посуда. Открытые формы.

К категории столовой посуды относится импортная и местная керамика. Класс открытых форм представлен чернолаковыми киликами, скифосами,

тером профилировки венчика в мелких деталях, но в целом для этих киликов характерно четкое членение корпуса по нижнему краю венчика (ребро). В этом же месте крепятся петлевидные ручки (табл. 3, 9), плавно изогнутые, поднимающиеся не выше устья килика. Сосуды различаются высотой ствола ножки и оформлением ее основания, степенью изгиба венчика, размерами. Высота ножки сокращается к концу VI – началу V вв. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 19-20]. Соответствуют типу C, concave lip, разновидность 5, наиболее распространенному к столтовой чернолаковой керамике VI – V вв. до н. э. (525-450 гг.). В коллекции Центрального квартала к этому типу относятся несколько киликов (верхние части). Один сосуд представляет собой целый килик на ножке с относительно низким стволом (высота ствола – 1,8 см, всей ножки – 3 см), в нижней части ствола – острорельефный пояс (табл. 3, 7). Ближе всего к нему экземпляры № 405-407, датирующиеся временем около 500 г. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 19].

Тип 3 – килики на высокой ножке (stemmed) с глубоким корпусом, со слабо выделенным венчиком. Чаще всего они чернофигурные. Представлен киликом с цветочной росписью на низкой четко профилированной ножке, 3 четверть VI в. до н. э. (табл. 3, 11).

Тип 4 – килики на низких кольцевых поддонах разного оформления (stemless). Наиболее близкой аналогией являются сосуды типа cup – skyphos третьей четверти VI в. до н. э. (табл. 3, 12-20). К этому типу можно отнести следующие варианты:

а) глубокие сосуды со слабо выделенным венчиком (разновидность 4) обычно на низком поддоне, с довольно небрежной чернофигурной росписью, датируются концом VI – началом V вв. до н. э. (табл. 3, 13, 15);

б) небольшие сосуды на низком поддоне необычной формы (разновидность 5), со слабо выделенным венчиком (разновидность 4), с круглыми, почти не изогнутыми петельчатыми ручками (табл. 3, 12, 14, 16); самую близкую, но все же неточную аналогию, представляют экземпляры Афинской агоры № 446-451, датирующиеся концом VI – 480 г. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970, pl. 21);

в) небольшие сосуды с выделенным венчиком, наклоненным внутрь (разновидность 5) на очень низком, около 0,3 см, неразвитом поддоне (разновидность 6) (табл. 3, 17);

г) небольшие глубокие сосуды с венчиком, выделенным изнутри нижним краем (разновидность 10), на низком профилированном одним ремешком поддоне (разновидность 1а) (табл. 3, 18); наиболее близка форма cup-skyphos 500-480 гг. до н. э., к этому же варианту относится и несколько более крупный сосуд (табл. 3, 14); ему близок сосуд 480 г. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 25, № 578].

Тип 5 – встречен один сосуд типа cup skyphos heavy wall, который датируется второй половиной – концом V в. до н. э. (табл. 3, 20) [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 27].

Ионийские килики.

Тип 6 – килики с невыделенным венчиком (разновидность 11). Они украшены вертикальными лучами и горизонтальными полосками лака, изнутри – тонкий пурпурный пояс, вторая половина VI в. до н. э. (табл. 3, 21).

Тип 7 – килики с выделенным, слабо отогнутым венчиком (разновидность 12). Украшены горизонтальным рядом точек по верхней части корпуса, вторая половина VI в. до н. э. (табл. 3, 22).

Скифосы – глубокие чаши с чуть выпуклым корпусом, край с невыделенным венчиком немного загибается внутрь, на низком поддоне, с небольшими петлевидными горизонтальными ручками, располагающимися в уровне края сосуда. В комплексах Центрального квартала встречено три типа (два – аттических, один – коринфский).

Тип 1 – обычные скифосы с двумя ручками, плавным сужением корпуса к низкому поддону (табл. 3, 24). Им аналогичны аттические скифосы конца VI – начала V вв. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 16, № 335-342].

Тип 2 – соответствует типу В [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 17, № 360-363] с горизонтальной и вертикальной ручкой (табл. 3, 23), 500-450 гг. до н. э.

Тип 3 – расписные коринфские скифосы. Встречен фрагмент нижней части сосуда, сужающийся к округлому поддону. Он украшен корзинкой лучей, датируется концом VI – началом V в. до н. э.

Чернолаковые чаши на ножках (stemmed dish) – широкие мелкие чаши (блюда, блюдца) на высоких ножках, без ручек, аттического происхождения. В коллекции представлены чаши разных диаметров (9-11 и 19-21 см) с выпуклым венчиком convex [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 35] (табл. 3, 25-30).

Несмотря на кажущееся однообразие чаш на ножках, их варианты достаточно ярко разнятся по разновидностям венчиков и ножек.

Тип 1 – чаши с округлым венчиком, с острым, заходящим внутрь сосуда краем, округлой подсечкой по наружной стороне. Ножки разновидностей 1, 4, 5 (табл. 3, 25, 26).

Тип 2 – чаша с прямоугольным в разрезе венчиком (табл. 3, 27).

Тип 3 – чаша с подпрямоугольным в разрезе венчиком, нижняя граница выделена желобком по наружной стороне (табл. 3, 29).

Тип 4 – чаша с невыделенным венчиком с заостренным загнутым внутрь сосуда краем. Венчик скошен вниз и наружу (табл. 3, 30).

Тип 5 – чаша с валикообразным, округлым в сечении венчиком (табл. 3, 28).

Тип 6 – резко выделяется чаша со скошенными стенками, возможно, использовавшаяся в качестве крышки, 500-450 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 35, № 991-995, chalice shape].

Одноручные чаши – представлены одним экземпляром – небольшая чашечка с невыделенным утолщенным венчиком, округлой петлевидной горизонтальной ручкой, прикрепленной к верхнему краю, 525-500 гг., не позднее середины V в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 30, № 724-728].

Солонки – маленькие чернолаковые аттические сосуды двух типов.

Тип 1 – солонки цилиндрические, со слабо вогнутыми стенками (concave wall). Дно утолщено в виде торуса венчиком (табл. 4, 1, 2), 525-480 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott, 1970, fig. 9, № 921, 924, 928).

Тип 2 – солонки с округлыми стенками (echinus wall):

а) солонки с загнутым внутрь округлым краем, плоским дном, на чуть выделенном кольцевом поддоне венчиком (табл. 4, 3), VI – V вв. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 31];

б) солонка с загнутым внутрь, утолщенным округлым венчиком, внутренний край заострен, со скошенными прямыми стенками (табл. 4, 4).

Канфары. Форма канфара в его классическом варианте относительно редка для архаического времени, она больше свойственна керамике эпохи классики и эллинизма. Соответственно в комплексах Центрального квартала эти сосуды единичны. Они представлены двумя сосудами. Первый – чернофигурный канфар с высоко поднятыми ручками, колоколовидным корпусом, ножка не сохранилась (табл. 4, 5), но обычно такие сосуды имели высокие ножки [Sparkes, Talcott, 1970, № 627; Блаватский, 1953, т. VIII, 85; Горбунова, Передольская, 1961, рис. 21; Eberhard, 1982, p. 84]. В метопах – изображения бутонов цветов лотоса на изогнутых стеблях и птицы. Качество лака и глины, форма ручек и верхней части сосуда заставляют предполагать его хиосское происхождение, хотя уверенно утверждать это все же не представляется возможным. Второй сосуд типа канфара относится к группе канфаровидных кубков с тюльпановидным корпусом, связываемых с продукцией ионийских мастерских, скорее всего, круга Хиоса. Венчик не выделен, лишь немного отгибается наружу (диаметр – 8,8 см), ручки расположены вертикально (табл. 4, б). Сосуд покрыт коричневатым лаком. Аналогичные ионийские кубки датируются не ранее второй половины V в. до н. э. [Зайцева, 1972, с. 92, 93; Белов, 1972, с. 19].

Миски, чаши, чашки.

Сосуды типа мисок и чашек трудно поддаются четкому объективному разграничению. Обычно это столовая посуда, форма особенно часто встречается среди сероглиняной керамики, реже – красноглиняной. Мисками мы называем довольно крупные открытые сосуды на низком поддоне или плоском дне, у которых диаметр устья значительно превышает диаметр дна, а глубина в 2 – 4 раза меньше наибольшего диаметра. Ручки в большинстве случаев отсутствуют. Малыми мисками или чашками мы считаем миски с диаметром до 15 см, средними – 16 – 20 см, большими – 21 – 26 см, очень большими 26 – 32 см. Наиболее типичные размеры – средние и большие. При исследовании метрических признаков устанавливаются значительные колебания в диаметрах сосудов при весьма строгом соблюдении общих пропорций – индекс высотного показателя – ФА – колеблется в очень незначительных пределах – 0,2 – 0,4. При этом наблюдается весьма существенная вариабельность в формах деталей – при рассмотрении небольшой выборки из 22 экземпляров, выявлено не менее 10 разновидностей венчиков и девяти – поддонов. Лишь одна мисочка имела плоское дно без поддона. Практически никакой корреляции между признаками на нашем материале не прослеживалось.

В связи с вышеизложенным, все миски и чаши классифицируются по материалу и происхождению (сероглиняные и красноглиняные), по форме корпуса (округлые и ребристые) и по разновидностям венчиков (табл. 4, 7 - 21).

Сероглиняные миски с округлым корпусом и загнутым внутрь венчиком².

Тип 1 – миски с загнутым внутрь простым валикообразным краем. Валик заходит внутрь сосуда, иногда имеет заостренный край (разновидность 2) или округлую подсечку (разновидность 3), изредка вытянут по вертикали (разновидность 1а). Корпус округлый, сужающийся к поддону. Поддоны разновидностей 1-4. Поверхность залощена, особенно с внутренней стороны. Близки по высотному показателю, ФА, и показателю соотношения диаметров, ФК. По контексту датируется серединой VI – серединой V вв. до н.э. Достаточно широко известен этот тип и позднее (табл. 4, 7 - 11).

Тип 2 – представлен фрагментом верхней части чернолощенной миски с выразительным венчиком разновидности 4, подчеркнутым с наружной стороны (прямоугольный, скошенный вниз-наружу). Отличается от других по высотному показателю. Найден в комплексе третьей четверти VI – середины V вв. до н. э. (табл. 4, 12).

Тип 3 – миски с прямоугольным в сечении, скошенным внутрь вниз венчиком с округлым нижним краем (разновидность 4). Поддоны разновидности 1, в других случаях не сохранился. Близки по показателям ФА и ФК. По контексту можно датировать от третьей четверти VI до конца V вв. до н. э. (табл. 4, 13, 14).

Тип 4 – миски со слабо отогнутым венчиком, по верхней поверхности которого проложен желобок (разновидность 5). Поддон простой (разновидность 3). Отличается темным, почти черным лощением (табл. 4, 15). Аналогии найдены в Истрии в слое середины VI в. – 560-550 гг. до н. э. [Dimitriu, 1966, № 488].

Тип 5 – маленькая чашка с валикообразным венчиком (разновидность 6) и почти плоским дном (табл. 4, 16). Найдена в комплексе конца VI – середины V вв. до н. э.³

Красноглиняные миски-чашки с округлым корпусом.

Тип 6 – небольшие миски со слабо выделенным венчиком. Очень низкий поддон с тонкой профилировкой (табл. 4, 17). Датируется по контексту концом VI – серединой V вв. до н. э.

Ионийские миски-чашки с округлым корпусом.

Тип 7 – тонкостенные мисочки небольших размеров с немного загнутым внутрь, заостренным по краю венчиком с ровной верхней образующей. Орнаментированы полосками лака, отличаются тонкостью профилировки (табл. 4, 22). Датируются второй половиной VI – серединой V вв. до н. э.

² Сероглиняная керамика из архаических комплексов Центрального квартала ранее публиковалась автором (Лейпунская, 1986) и В. В. Крапивиной (1987, 2007).

³ Отметим, что в комплексе есть и случайные материалы конца V в. до н. э.

Тип 8 – глубокие миски с треугольным в разрезе венчиком, отделенным от корпуса небольшим перехватом. Орнаментированы узкой волнистой и более широкой ровной полосой лака (табл. 4, 23). Датируются второй половиной VI – серединой V вв. до н. э.

Сероглиняные миски с ребристым корпусом.

Тип 9 – миски с ровным по верху венчиком, выступающим наружу (разновидность 9). Верхняя часть корпуса с прямыми стенками, нижняя – со скошенными ко дну. Поддон разновидности 5. Поверхность залощена плотным темным лощением. Отличается более высоким высотным показателем (табл. 4, 19). Датируются по контексту концом VI – концом V вв. до н. э.

Вероятно, к варианту этого типа можно отнести и фрагмент сосуда с прямым корпусом и венчиком с ровной скошенной внутрь вниз верхней образующей, выступающей наружу (разновидность 10). Корпус этого сосуда – с прямыми стенками (табл. 4, 20). Возможно, это крышка. Имеет аналогии в III архаическом слое Истрии середины VI в. до н. э. [Dimitriu, 1966, № 478].

Сероглиняные чаши – килики.

Тип 10 – в коллекции встречено несколько сероглиняных сосудов, близких форме античных киликов раннего времени и являющихся, безусловно, подражанием ранним греческим образцам. Это относительно небольшие (диаметр 17 – 19 см) глубокие сосуды с выделенным вогнутым венчиком, чуть утолщенным в верхней части, отогнутым наружу или почти вертикальным (разновидность 8), округло-выпуклым корпусом, плавно сужающимся к придонной части, оформленной простым одночастным кольцевым поддоном. Круглые в сечении петлевидные ручки, немного приподнимающиеся кверху, укреплены на плечах или в месте наибольшего расширения корпуса. Поверхность залощена, иногда по покрытию, один из киликов имеет плотное черное лощение, определенно подражающее лаку (табл. 4, 18, 21). По находкам в комплексах и подражательному характеру формы чаши могут датироваться VI – серединой V вв. до н. э.

Столовая посуда. Закрытые формы.

К закрытым формам столовой посуды относятся такие сосуды, у которых диаметр корпуса превышает диаметр устья – кувшины, ойнохойи, ольпы, столовые горшковидные кубки, диносы.

Кувшины – одноручные сосуды с выделенным горлом и корпусом. В коллекции Центрального квартала представлены, главным образом, фрагментами венчиков и верхних частей сосудов. В связи с этим в основу классификации положена форма горловой части.

Тип 1 – сосуды с цилиндрическим или сужающимся к основанию горлом, «раскрытым» устьем в виде раструба, внутренняя образующая его уступчатая (разновидность 1). Ручка крепится ниже венчика. К этому типу относятся, главным образом, сероглиняные лощеные кувшины, однако типологически им близки сероглиняные столовые амфоры и даже ионийские кувшины. По характеру профилировки венчиков выделяются варианты а-д (табл. 5,

1-5). Судя по контексту находок и аналогиям из Истрии и ольвийского теменоса, датируются серединой VI – V вв. до н. э. [Леви, 1964; Dimitriu, 1966].

Тип 2 – кувшины с коротким и узким цилиндрическим горлом, покатыми плечами, расширенным округлым корпусом. Ручка отходит вверх от венчика. Венчик разновидности 2, поддон – 1 (табл. 5, 6-9). Найдены с материалами конца VI – середины V вв. до н. э.

Тип 3 – низкогогорлый кувшин с шейкой средней ширины, с отогнутым, невыделенным венчиком с заостренным краем (разновидность 5), плавным переходом от горла к плечам. Небольшая петлевидная ручка размещается на корпусе вертикально, в месте наибольшего диаметра, аналогично аттическим сосудам типа *kados* [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 72, № 1597] середины VI в. до н. э. (табл. 5, 10).

Тип 4 – широкогорлый и короткогогорлый кувшин с плавным переходом к покатым плечам. Венчик разновидности 5. Двуствольная ручка отходит вверх от венчика, сосуд сероглиняный, лощеный (табл. 5, 11). Найден в комплексе не позднее середины V в. до н. э.

Тип 5 – кувшин с цилиндрическим низким горлом, профилированными желобками, основание которого четко отделено от плечей. Венчик не выделен, профилирован по наружной части (разновидность 6). Сосуд желтоглиняный (табл. 5, 12). Датируется по контексту серединой VI – серединой V вв. до н. э.

Тип 6 – короткогогорлый кувшин с утолщенным венчиком разновидности 7 (горизонтальная верхняя образующая, слабая профилировка наружной), с резко отделяющимися от горла покатыми плечами. Сосуд красноглиняный (табл. 5, 13). Датируется по контексту серединой VI – серединой V вв. до н. э.

Ойнохойи – вариант кувшинообразных сосудов с устьем в виде лепестков (*trefoil*) и ручкой, обычно отходящей вверх от края венчика. В зарубежной литературе часто считаются ойнохойями кувшины с такой же ручкой, но не имеющие лепесткового оформления (*round mouth* - Sparkes, Talcott, 1970, pl. 8-10).

В коллекции выделено три типа ойнохойи с устьем *trefoil*.

Тип 1 – трехлепестковая сероглиняная ойнохойя с округло-вогнутым горлом, узким туловом (табл. 5, 14).

Тип 2 – четырехлепестковые ойнохойи с широким и низким цилиндрическим горлом и биконическим корпусом. Профилирована желобками, имеет черное лощение (табл. 5, 15, 16).

Тип 3 – ойнохойя с цилиндрическим горлом, округлыми опущенными плечами. Венчик чуть отгибается наружу, лепестки слабо выделены. Ручка отходит от венчика вверх.

Все ойнохойи датируются по контексту не позднее середины V в. до н. э.

Кубки – небольшие горшковидные закрытые сосуды с коротким горлом, невысоким корпусом, на поддонах. По форме корпуса можно выделить биконические и округлые кубки.

1. Кубки с биконическим корпусом.

Тип 1 – сосуд с коротким горлом и слабо отогнутым венчиком, утолщенным с внешней и внутренней стороны (разновидность 1б). Место наибольшего диаметра расположено на середине высоты корпуса. Простой поддон (разновидность 1). Сероглиняный, чернолощеный (табл. 5, 17). Найден в комплексе с материалами второй половины VI – конца V вв. до н. э.

Тип 2 – сосуд с коротким горлом, отогнутым венчиком равной толщины (разновидность 1а). Линия плеч скошена, наибольший диаметр находится в нижней трети корпуса. Одна вертикальная ручка. Простой поддон (разновидность 2). Сероглиняный, лощеный (табл. 5, 18). Найден в комплексе середины VI – середины V вв. до н. э.

2. Кубки с округлым корпусом.

Тип 3 – кубок с отогнутым, горизонтальным по верху венчиком (разновидность 2), цилиндрическим горлом с четко выделенным основанием, округлым, немного сплюснутым корпусом, с тонким, немного расширенным поддоном (разновидность 1). Сероглиняный, лощеный (табл. 5, 19).

Тип 3а – отличается другим венчиком, немного наклоненным внутрь. Плавный переход от низкого горла к плечам. Поддон с немного закругленной внешней образующей (разновидность 3). Сероглиняный, лощеный (табл. 5, 20).

Кубки типа 3 могут датироваться по контексту серединой VI – серединой V вв. до н. э.

Диносы – к закрытым столовым сосудам кажется возможным отнести диносы – шарообразные сосуды с довольно широким устьем. В коллекции Центрального квартала встречено три резко различающихся диноса.

Тип 1 – восточногреческий расписной динос (орнаментирован ветками плюща и шахматным узором, выполненным коричневатым лаком по светлой обмазке, с наклоненным внутрь горловины венчиком, высокими плечами, приплюснутым корпусом, округлым дном (табл. 5, 21). Аналогии не найдены. Датировается второй половиной, возможно, третьей четвертью VI в. до н. э.

Тип 2 – расписной динос, возможно ионийский, со слабо выделенным венчиком, округлой линией тулова, сохранились части плечей с изображением человеческой головы. Вторая половина VI в. до н. э.

Тип 3 – сосуд типа диноса с горизонтально срезанным венчиком и профилировкой желобками непосредственно под ним. Сероглиняный, лощеный, диаметр устья – 22 см (табл. 5, 22). По контексту датируется концом VI – началом V вв. до н. э.

IV. Бытовая керамика.

К этой категории отнесены сосуды условно «бытового» значения – лутерии, гутусы, светильники, хозяйственные леканы, кофон.

Лутерии – встречены в относительно небольшом количестве, и все они относятся к уже известным типам сосудов. Это, главным образом, типы 2 и 4 [Лейпунська, 1980, с. 35-36]. Оба типа характерны для комплексов VI – V вв. до н. э. (табл. 6, 1-4).

бообразной ручкой с конусовидным углублением (табл. 6, 14). Найдена в комплексе середины VI – третьей четверти V вв. до н.э.

Гутусы представлены двумя сосудами, относящимися к группе feeder разных типов [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 39].

Тип 1 – шарообразный сосуд с отогнутым наружу венчиком, коротким конусовидным рожком, небольшой петельчатой ручкой. Красноглиняный украшен полосками и разводами красновато-коричневого лака (табл. 6, 16). Вероятно, ионийский, судя по параллелям в аттической керамике, может быть датирован второй половиной V в. до н. э.

Тип 2 – шарообразный гутус с высокими плечами, с удлинённым узким рожком на четко профилированном поддоне, с вертикальной ручкой. Верхний щиток украшен орнаментом черным лаком (пальметта?) (табл. 6, 17). Сосуд аттический, датируется третьей четвертью V в. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, pl. 39, № 1197].

Кофоны – представлены одним небольшим фрагментом расписного коринфского сосуда, возможно, середины VI в. до н.э. [Блаватский, 1953, с. 58].

V. Туалетная керамика (специальная и миниатюрная).

Керамика, используемая для туалетных целей, возможно, для лекарств и других веществ, хранящихся мелкими порциями, представлена столь малым числом фрагментов и форм, что они практически могут быть только описаны.

Леканы. Сохранился фрагмент верхней части небольшой чернолаковой леканы с выпуклыми стенками. Ниже края – треугольный в сечении выступ для крышки. Диаметр – 12,0 см, высота фрагмента – 3,0 см (табл. 6, 18).

Лекифы – представлены тремя сосудами:

1 – лекиф с коротким профилированным уступчатым горлом. Желтоглиняный, лощеный, найден в комплексе середины VI – середины V вв. до н. э. (табл. 6, 19);

2 – лекиф чернофигурный, белофонный, с ровными плечами и сужающимся книзу вытянутым корпусом, IV группы [Скуднова, 1958], датируется началом V в. до н. э. (табл. 6, 21);

3 – чернофигурный лекиф с изображением воинов, с широкими плечами и округлым корпусом (табл. 6, 20), датируется временем около 500 г. до н. э. [Haspels, 1936, p. 64-65].

Пиксиды – представлены одним фрагментом нижней части небольшого сосуда (табл. 6, 22) и крышками. Все коринфского происхождения, датируются второй половиной VI – началом V вв. до н. э.

Котилы – найдена одна расписная котила с округло-расширенными стенками (табл. 6, 25), датируется второй половиной VI в. до н. э., Коринф.

Аски – представлены единичными фрагментами ионийских полосатых сосудов. Один из них соответствует IV группе первой половины V в. до н.э. [Скуднова, 1945] (табл. 6, 23).

Кратериск – представлен фрагментом одного толстостенного сосуда с округло-сужающимся книзу корпусом (табл. 6, 24). Датируется второй половиной VI в. до н. э. [Сидорова, 1962, с. 145].

Ольпы – небольшие короткогорлые кувшинчики, главным образом ионийского, реже хиосского происхождения. На материалах Центрального квартала можно выделить три группы ольп по размерам.

1. Группа ольп малых размеров (высота 5,0 – 6,5 см).

Тип 1 – кувшинчик с отогнутым венчиком и слабо расширенным корпусом плоским дном, небольшой вертикальной ручкой, Иония (табл. 6, 26).

Тип 2 – кувшинчик аналогичной формы, но с более широким корпусом и сильно отогнутой шейкой. Поверхность покрыта белой обмазкой, узкая полоска лака в основании ручек, Хиос (табл. 6, 27).

2. Группа ольп средних размеров (высота 9,0 – 10,5 см).

Тип 3 – кувшинчики с отогнутым венчиком, равномерно округлым корпусом. Лак по венчику, две полосы по центру высоты корпуса, еще одна – в нижней части, Иония (табл. 6, 28, 29).

3. Группа ольп крупных размеров (высота более 11,0 см).

Тип 4 – кувшинчики с раздутым в нижней части корпусом, плоским дном. Полосы лака по центральной части тулова, Иония (табл. 6, 30).

Обычно все сосуды типа *small olpe* датируются VI – первой половиной V вв. до н. э. [Sparkes, Talcott, 1970, № 255, 258, 260 и др.].

Как видно из вышеизложенного, список типов керамики, происходящих из комплексов Центрального квартала, в значительной степени отражает основные формы античной посуды VI – первой половины V вв. до н. э. При рассмотрении их хронологии мы исходим из следующего положения. Несмотря на то, что время бытования того или иного памятника различно и, соответственно, можно было бы по-разному датировать керамику, найденную на них, можно все же считать незначительным разрыв между временем производства и временем бытования, особенно это касается массовой посуды [Каменецкий, 1970, с. 3; Брашинский, 1980, с. 49]. В связи с вышеизложенным, за основу наиболее общих определений керамики вполне допустимо принимать время ее производства.

Значительная часть импортной керамики уже имеет свои определенные датировки, основанные на работе с комплексами. Исходя из этого и из контекста ольвийских комплексов, можно соотнести с ними и ряд типов местной посуды. Кроме того, исследование керамики из комплексов Центрального квартала позволило сделать некоторые наблюдения, представляющие определенный интерес.

Классификация импортной посуды свидетельствует о весьма широком ввозе этой категории вещей в Северное Причерноморье. В рядовых заполнениях полуземлянок и ям представлены все основные типы, известные в Аттике, встречаются и образцы, редкие для метрополии, а порой и уникальные (например, чернолаковый килик на округлом поддоне, килик с воинами, расписной динос). Достаточно четко прослеживается синхронное

бытование чернолаковой посуды и определенных форм сероглиняной керамики, а в отдельных случаях имеет место и прямое подражание импортным формам (сероглиняные чаши-килики).

Особо следует отметить некоторые характерные черты группы сероглиняной керамики. Так, миски с валикообразным, загнутым внутрь краем, чрезвычайно широко распространенные в Ольвии и в Нижнем Побужье, являются, очевидно, характерными именно для этого региона. На Боспоре миски отличаются более толстыми стенками и лишь слегка загнутым внутрь краем, без валикообразного венчика [Кругликова, 1954, с. 83; 1957]. Более близки формы из Истрии, но и они отличаются меньшей степенью отгиба венчика внутрь сосуда [Dimitriu, 1966, pl. 59].

При рассмотрении всей сероглиняной керамики в целом бросается в глаза сходство группы разных сосудов, объединяемых характером обработки поверхности и некоторыми особенностями профилировки деталей. В эту группу входят глубокие чернолощенные миски с прямоугольным венчиком (тип 2), четырехлепестковая ойнохойя (тип 2), столовые кубки, крышки лекан. При вычислении показателей формы выяснилось, что миска типа 2 имеет и более высокий, чем остальные, показатель общих пропорций. Отличается иными пропорциями и ойнохойя. Что касается кубков, то эта форма совершенно несвойственна посуде метрополии и должна быть связана с какими-то иными традициями. Все эти сосуды встречены в комплексах, датируемых не позднее V в. до н. э. Следует вспомнить гипотезу К.К. Марченко (1988) о связи части лепной керамики Нижнего Побужья архаического времени с фракийским населением. Возможно, и эти кружальные формы столовой посуды тяготеют к традициям Западного Причерноморья.

Дальнейшее рассмотрение и сравнение большого числа закрытых комплексов разного времени позволит выявить не только синхронные формы керамики, но и уточнить хронологию отдельных сосудов и их деталей, шире исследовать метрические признаки.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. Б. Курганы вятичей. – Москва, 1930.
 Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. – 1972. – 13. – С. 17-26.
 Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. – Москва, 1953.
 Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. – Ленинград, 1980.
 Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). – Ленинград, 1984.
 Гешинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – 1. – С. 114-136.
 Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. – Ленинград, 1961.
 Городцов А. А. Техника и типологическая классификация кремневых резцов из Супоненской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг. – Сборник трудов секции археологии РАНИОН. – 1930. – 5. – С. 15-43.

- Гудкова А. В. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II-IV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород. – Киев, 1979. – С. 99-115.
- Зайцева К. И. Кубки V - IV вв. до н. э. из Ольвии // ТГЭ. - 1972. - 13. - С. 90-98.
- Зеест И. Б., Марченко И. Д. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея // МИА. - 1962. - 103. - С. 149-166.
- Каменецкий И. С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. - Москва, 1970. - С. 83-94.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. – Москва, 1975
- Крапивина В. В. Простая столовая керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. – Киев, 1987. – С. 71-79.
- Крапивина В. В. Сіроглиняна кераміка Ольвії VI-V ст. до н.е. // Археологія. – 2007. - 1. – С. 98-106.
- Кругликова И. Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. - 1954. - 33. – С. 78-114.
- Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI - IV вв. до н. э. // МИА. - 1957. - 56. - С. 96-138.
- Левы Е. И. Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика). Ольвия. Теменос и агора. – Москва – Ленинград, 1964. – С. 131-175.
- Лейпунська Н. О. Методика класифікації амфорного матеріала // Археологія. - 1971. - 3. - С. 63-74.
- Лейпунська Н. О. Класифікація амфор архаїчного часу з Ольвії // Археологія. - 1973. - 8. - С. 45-58.
- Лейпунська Н. О. Лутерії з Ольвії // Археологія. - 1980. - 33. – С. 32-46.
- Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. – Киев, 1981.
- Лейпунская Н. А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972-1977) // Ольвия и ее округа. - Киев, 1986. – С. 29-47.
- Лейпунская Н. А. Кухонная керамика. Лутерии. Амфоры. Хозяйственная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. - Киев, 1987. – С. 79-104.
- Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. – Москва, 1973.
- Марченко К. К. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII-VI вв. до н.э. (по материалам раскопок 1953-1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. – Москва, 1976. – С. 157-165.
- Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. – Ленинград, 1988.
- Маршак Б. И. К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов // МИА. - 1965. – 129. – С. 308-318.
- Михальченко С. Е. Систематизация массовой керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. – 1973. – 3. – С. 108-131.
- Русанова И. Б. Один из методов классификации раннеславянской керамики // КСИА. – 1977. – 148. – С. 31-37.
- Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. - 1962. – 103. – С. 94-149.
- Скудная В. М. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии // Труды Отдела античного мира. - 1945. – 1. – С. 131-140.
- Скудная В. М. Чорнофігурні лекіфи с архаїчного некрополя Ольвії // АП УРСР. – 1958ю – 7. – С. 113-140.
- Федоров-Давыдов Г. А. Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. – Москва, 1981. С. 268-318.
- Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X - начала XIII вв. // МИА. - 1962. – 111. – С. 93-153.
- Худяк М. М. Из истории Нимфея. – Ленинград, 1962.
- Boulter C. Pottery of the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora // Hesperia. - 1953. - XXII, 3. – P. 59-115.
- Dimitriu S. Cartierul de locuinte din zona de west a cetatii, in epoca arhaica // Histria. - 1966. – 2. – P. 19-131.
- Eberhard P. Antike keramik. – Leipzig, 1982.

Haspels E. Attic Black-figured Lekythoi. – Paris, 1936.

Sparkes B. A., Talcott L. The Black and Plain Pottery of 6th, 5th, 4th centuries // Athenian Agora. -1970. - XII.

Н.О. Лейпунська

ДОСВІД КЛАСИФІКАЦІЇ КЕРАМІКИ З АРХАЇЧНИХ КОМПЛЕКСІВ (ПО МАТЕРІАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КВАРТАЛУ ОЛЬВІЇ)

Резюме

В статті розглядається кераміка групи архаїчних комплексів, розкритих у Центральному кварталі в районі агори Ольвії. Базою запропонованої класифікації є матеріал дев'яти комплексів (землянкових споруд та ям). Стратиграфічні данні та попередній аналіз заповнень дозволили датувати їх другою половиною VI – початком V ст. до н.е. (землянкові споруди), не пізніше третьої чверті V ст. до н.е. (ями). Однією з мети роботи було виявлення синхронних груп посудин та конкретне датування типів, поки ще не маючих широко визнаних хронологічних означень – частини форм червоноглиняного та сіроглиняного кухонного та столового посуду. Для класифікаційних розробок були залучені всі основні форми кераміки з комплексів. При цьому одночасно розглядалась імпортна та місцева кераміка, так як обидві ці категорії є рівно античними за своїми формами та основними закономірностями їх розвитку. У запропонованій схемі головну роль відіграє форма посудини, виходячи з цього, будуються типологічні ряди на основі ієрархічної системи класифікації.

Категорія виділена по призначенню посудин: господарська, кухонна, столова, побутова, туалетна (спеціальна). Клас: всі посудини поділяються на відкриті та закриті по відношенню діаметрів гирлі та найбільшого діаметру корпусу. Відкриті посудини – миски, чаші, чашки, скіфоси, канфари, кілики та інші; закриті – амфори, глечики, лекіфи, ойнохойї, ольпи та інші. Вид: посудини певних форм та призначення. Тип: один або група посудин з певним набором ознак, серед яких виділяються головні, типоутворюючі та варіантні. Варіант: частина морфологічних ознак – форма вінчику, ніжок та піддонів.

Господарська кераміка представлена корчагами та амфорами. Кухонна кераміка – це каструлі та горшки (кружальні та лепні). До категорії столового посуду відноситься імпортна та місцева кераміка. Клас відкритих форм представлений чорнолаковими кіликами, скіфосами, канфарами, чашами, розписними іонійськими чашами, сіроглиняними, ріже червоноглиняними мисками та чашами. До закритих форм столового посуду відносяться глечики, ойнохойї, ольпи, столові глечикоподібні кубки, діноси. Побутова кераміка – це посудини умовно «побутового» значення: лутерії, гутуси, світильники, господарські лекани, кофон. Кераміка, яка використовувалась для туалетних цілей, можливо, для ліків та інших речовин, зберігавшихся дрібними порціями, представлена малим числом фрагментів та форм: це лекани, лекіфи, піксиди, котили, аски, кратериск, ольпи.

В цілому список типів кераміки, яка походить з комплексів Центрального кварталу Ольвії, в значній мірі відображає основні форми античного посуду VI – першої половини V ст. до н.е. Класифікація імпортного посуду засвідчує про вельми широкий ввіз цієї категорії речей у Північне Причорномор'я. В рядових заповненнях напівземлянок та ям представлені всі основні типи, відомі в Аттиці, зустрічаються і зразки, рідкісні для монополії. Достатньо чітко просліджується синхронне побування чорнолакового посуду та певних форм сіроглиняної кераміки, а в окремих випадках має місце і пряме наслідування імпортним формам (сіроглиняні чаши-кілики).

Н. А. Лейпунская

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КВАРТАЛА ОЛЬВИИ)

Резюме

В статье рассматривается керамика группы архаических комплексов, раскрытых в Центральном квартале в районе агоры Ольвии. Базой предложенной классификации явился материал девяти комплексов (земляночных построек и ям). Стратиграфические данные и предварительный анализ заполнений позволили датировать их второй половиной VI – началом V вв. до н. э. (земляночные постройки), не позднее третьей четверти V в. до н. э. (ямы). Одной из целей работы было выявление синхронных групп сосудов и конкретная датировка типов, пока еще не имеющих широко признанных хронологических определений – части форм красноглиняной и сероглиняной, кухонной и столовой посуды. Для классификационных разработок были привлечены все основные формы керамики из комплексов. При этом одновременно рассматривалась импортная и местная керамика, так как обе эти категории являются равно античными по своим формам и основным закономерностям их развития. В предложенной схеме главную роль играет форма сосуда, исходя из этого, строятся типологические ряды на основе иерархической системы классификации.

Категория – выделена по назначению сосудов – хозяйственная, кухонная, столовая, бытовая, туалетная (специальная). Класс – все сосуды делятся на открытые и закрытые по соотношению диаметров устья и наибольшего диаметра корпуса. Открытые сосуды – миски, чаши, чашки, скифосы, канфары, килики, проч.; закрытые – амфоры, кувшины, лекифы, ойнохойи, ольпы, проч. Вид – сосуды определенных форм и назначения. Тип – один или группу сосудов с определенным набором признаков, среди которых выделяют главные, типобразующие, и вариантные. Вариант – часть морфологических признаков – форма венчика, ножек и поддонов.

Хозяйственная керамика представлена корчагами и амфорами. Кухонная керамика – это кастрюли и горшки (кружальные и лепные). К категории столовой посуды относится импортная и местная керамика. Класс открытых форм представлен чернолаковыми киликами, скифосами, канфарами, чашами, расписными ионийскими чашами, сероглиняными, реже красноглиняными мисками и чашами. К закрытым формам столовой посуды относятся кувшины, ойнохойи, ольпы, столовые горшковидные кубки, диносы. Бытовая керамика – это сосуды условно «бытового» значения – лутерии, гутусы, светильники, хозяйственные леканы, кофон. Керамика, используемая для туалетных целей, возможно, для лекарств и других веществ, хранящихся мелкими порциями, представлена малым числом фрагментов и форм, это леканы, лекифы, пиксиды, котилы, аски, кратериск, ольпы.

В целом список типов керамики, происходящих из комплексов Центрального квартала Ольвии, в значительной степени отражает основные формы античной посуды VI – первой половины V вв. до н. э. Классификация импортной посуды свидетельствует о весьма широком ввозе этой категории вещей в Северное Причерноморье. В рядовых заполнениях полуземлянок и ям представлены все основные типы, известные в Аттике, встречаются и образцы, редкие для метрополии. Достаточно четко прослеживается синхронное бытование чернолаковой посуды и определенных форм сероглиняной керамики, а в отдельных случаях имеет место и прямое подражание импортным формам (сероглиняные чаши-килики).

N.A. Leipunskaya

EXPERIENCE IN THE CLASSIFICATION OF CERAMICS FROM ARCHAIC COMPLEXES
(BASED ON THE CENTRAL DISTRICT OF OLBIA)**Summary**

The article deals with the archaic pottery of complexes disclosed in the Central district in the area of the agora of Olbia. Material of nine complexes (pit houses and pits) was the base of the proposed classification. Stratigraphic data and preliminary analysis of the filling allowed dating them to the second half of the 6th century – the beginning of the 5th century BC (pit houses), not later than the third quarter of the 5th century BC (pits). One of the goals was the identification of synchronous groups of vessels and specific dating of the types, which have no chronological definitions that are universally recognized – some forms of the red clayed and grey clayed pottery, kitchenware and tableware. All main forms of ceramics from the complexes have been involved for the development of the classification. In this case, both imported and local ceramics were considered, as both categories are equally ancient in their forms and the basic laws of their development. The shape of the vessel dominates in the proposed scheme. Accordingly, typological series are based on a hierarchical system of classification.

The category has been allocated for the appointment of vessels: economic, kitchen, household and toilet (special) ones. The class is defined so that all vessels are divided into open and closed ones on the diameter ration between the mouth and maximum diameter of the vessel hull. Open containers are bowls, cups, skyphoi, kantharoi, kylikes, etc. Closed vessels are amphorae, pitchers, lekythoi, oinochoai, olpai, etc. The kind of vessels determines vessels of certain forms and function. The type classifies one vessel or a group of vessels with a certain set of characteristics, among which there are main, typical and variant ones. The variant views the morphological features, such as the shape of a rim, a foot and a foot-ring base.

Large pots and amphorae represent economic ceramics. Kitchen ceramics represents pots and pans (wheel-made and hand made). Imported and local ceramics belong to the category of tableware. The class of open forms represents black-lacquered kylikes, skyphoi, kantharoi, bowls, Ionian painted bowls, grey clayed and red clayed pots and bowls. Closed forms of tableware include pitchers, oinochoai, olpai, cutlery pot-shaped cups, and dinoi. Household ceramics includes vessels, which are conventionally «domestic» values – louteria, gutti, lamps, household lekainai, and a kothon. Ceramics used for toilet purposes, possibly for drugs and other substances that are stored in small portions is represented by a small number of fragments and forms. These are lekainai, lekythoi, pyxidae, kotylai, askoi, a kraterisk and olpai.

In general, the list of types of ceramics, originating from the complexes of the central block of Olbia, largely reflects the basic forms of antique dishes of the 6th – the first half of the 5th century BC. The classification of imported ware shows a very broad import of this category of things in the North Pontic area. All basic types known in Attica are represented in ordinary fillings of pit houses and pits. There are also specimens, which are rare for the metropolis. Simultaneous existence of black lacquered ware and certain forms of grey clayed pottery can be traced quite clearly. In some cases there are direct imitations of import forms (grey clayed bowls – kylikes).

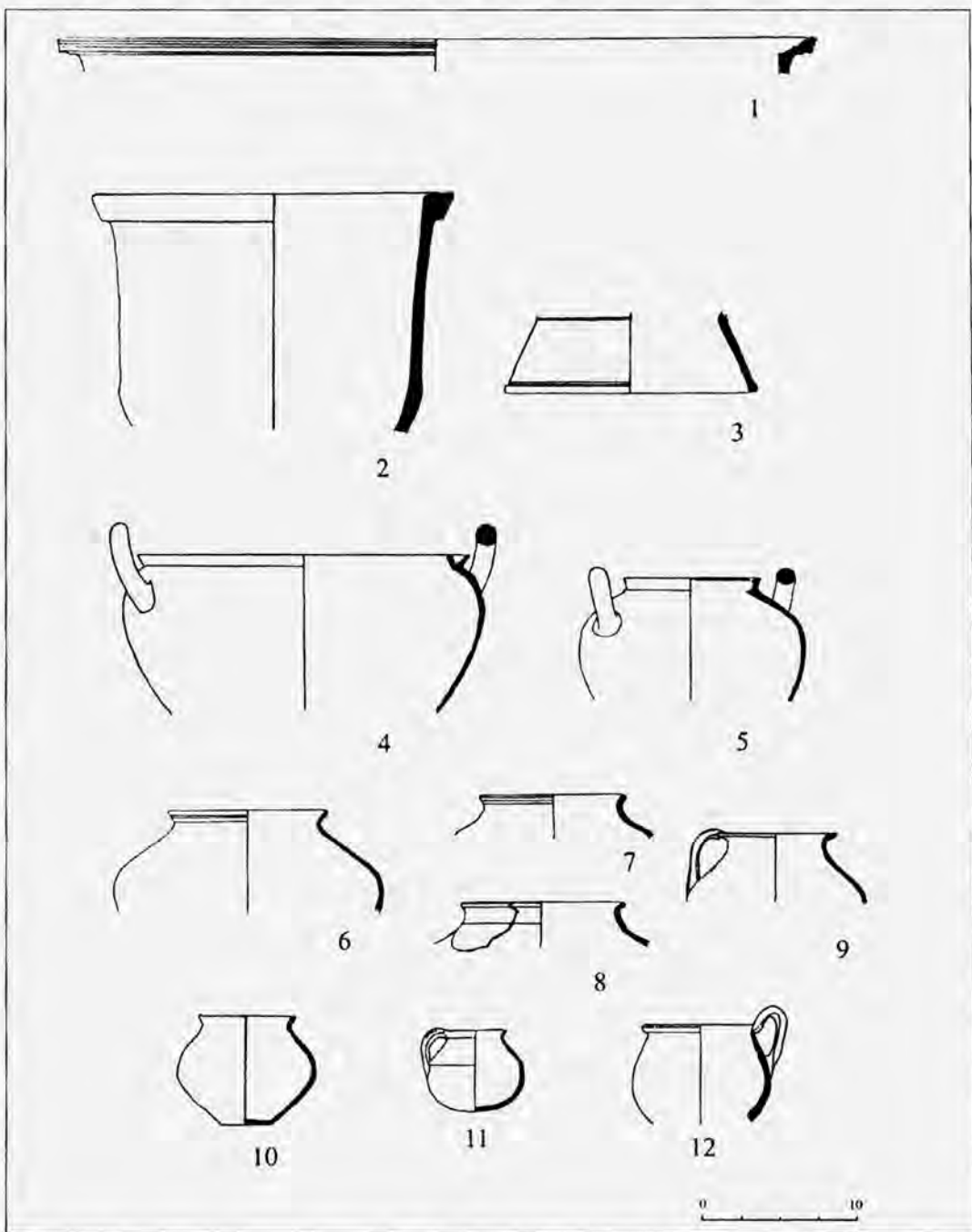

Таблица 1.

1- 3 – корчаги: 1 – тип 3, 2, 3 – тип 2; 4, 5 – кастрюли, тип 3; 6 – 12 – горшки (кружальные): 6 – 8 – тип 1, 9 – тип 1а, 10 – тип 2, 11 – тип 3а, 12 – тип 3б.

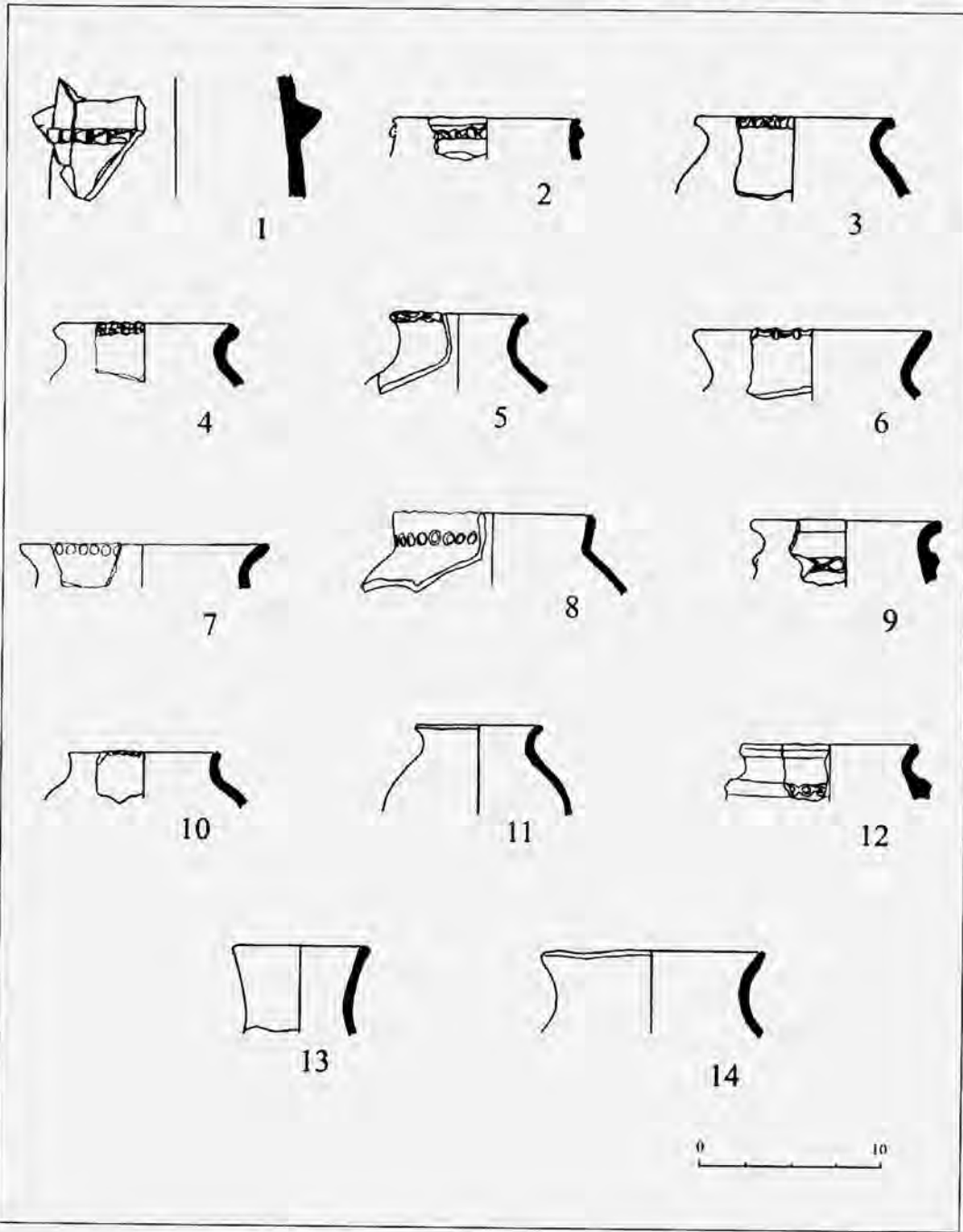

Таблица 2.

Горшки лепные: 1 - тип VII, 2 - тип VI; 3 - 14 - тип VIII.

Таблица 3.

1 - 20 - аттические килики: 1 - 6 - тип 1, 7 - 10, 19 - тип 2, 11 - тип 3, 12, 14, 16 - тип 4б, 13, 15 - тип 4а, 17 - тип 4в, 18 - тип 4г, 20 - тип 5; 21, 22 - ионийские килики: 21 - тип 6, 22 - тип 7; 23, 24 - скифосы: 23 - тип 2, 24 - тип 1; 25 - 30 - чернолаковые чаши на ножках: 25, 26 - тип 1, 27 - тип 2, 28 - тип 5, 29 - тип 3, 30 тип 4.

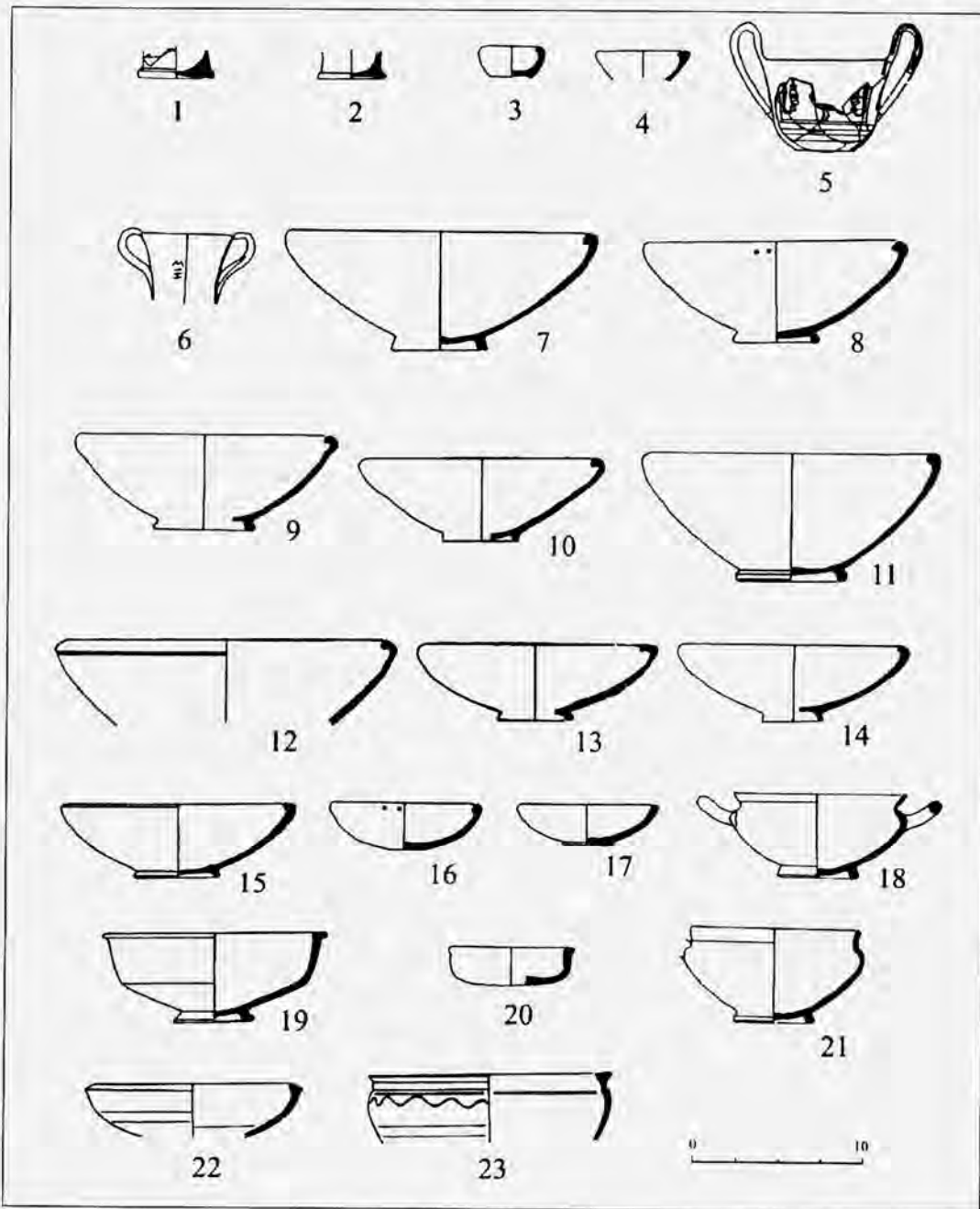

Таблица 4.

1 - 4 - солонки; 1, 2 - тип 1, 3 - тип 2а, 4 - тип 2б; 5, 6 - канфары; 7 - 17, 22, 23 - миски-чаши; 7 - 11 - тип 1, 12 - тип 2, 13, 14 - тип 3, 15 - тип 4, 16 - тип 5, 17 - тип 6, 22 - тип 7, 23 - тип 8; 18 - 21 - ребристые миски; 18, 21 - тип 10, 19, 20 - тип 9.

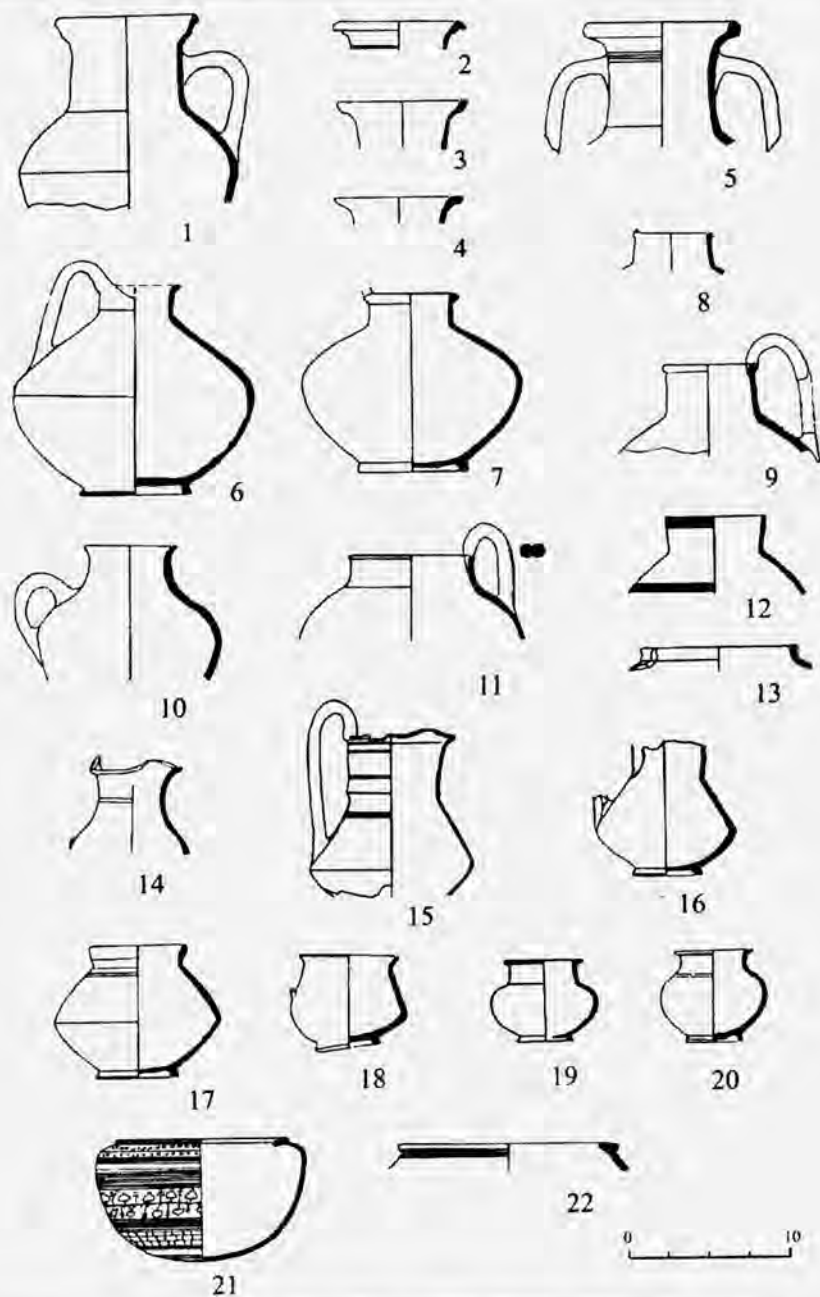

Таблица 5.

1 - 13 - кувшины: 1 - 5 - тип 1, 6 - 8 - тип 2, 9 - тип 2а, 10 - тип 3, 11 - тип 4, 12 - тип 5, 13 - тип 6; 14 - 16 - ойнохойи: 14 - тип 1, 15, 16 - тип 2; 17 - 20 - кубки: 17 - тип 1, 18 - тип 2, 19 - тип 3, 20 - тип 3а; 21, 22 - диносы: 21 - тип 1, 22 - тип 3.

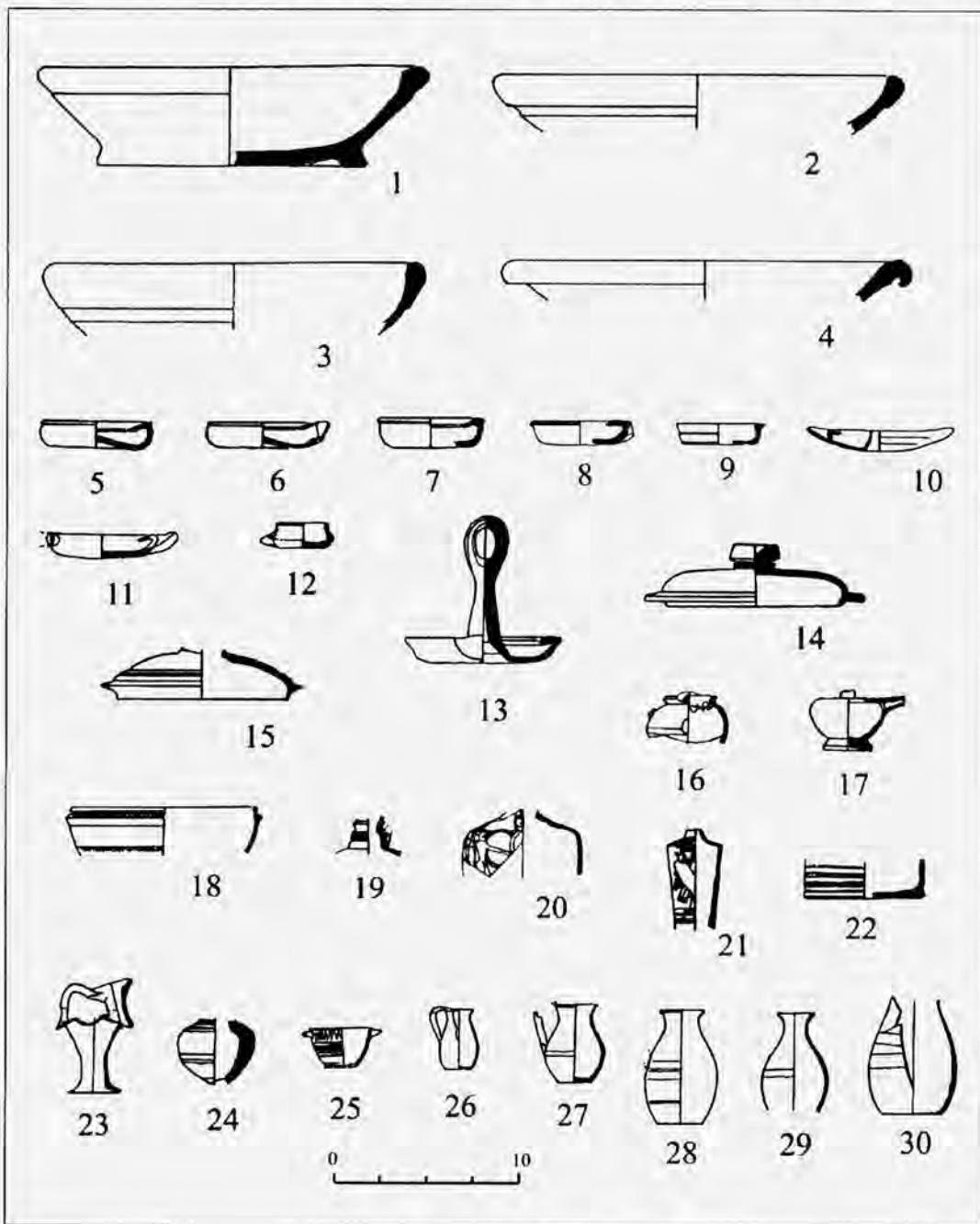

Таблица 6.

1 - 4 - лутерии; 5 - 13 - светильники: 5 - 8 - тип 1, 9 - 11 - тип 2, 12 - тип 3, 13 - тип 5; 14, 15 - крышки лекал: 14 - тип 2, 15 - тип 1; 16, 17 - гутусы: 16 - тип 1, 17 - тип 2; 18 - лекана; 19 - 21 - лекифы; 22 - пиксида; 23 - аск; 24 - кратериск; 25 - когила; 26 - 30 - ольпы: 26 - тип 1, 27 - тип 2, 28, 29 - тип 3, 30 - тип 4.

АМАЗОНКИ В ПАМЯТНИКАХ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА

Античная литературная традиция, всестороннему анализу которой посвящен внушительный корпус специальных исследований, донесла до наших дней увлекательные сюжеты, связанные с персонажами и событиями, имевшими место в пределах Северного Причерноморья, в том числе и в Скифии. В циклах, связанных с популярными в Элладе героями Гераклом, Ахиллом и Тесеем, носящих явный мифологический налет, среди прочих задействованы и амазонки. О гордых воительницах сообщали в своих трудах многие авторы древности Геродот (V в. до н.э.), Гиппократ (около 470-356 гг. до н.э.), Лисий (ок. 459-380 гг. до н.э.), Эфор (405-330 до и. э.), Палефат (III в. до н.э.), Страбон (68 г. до н.э.-20 г. н.э.), Диодор Сицилийский (I в. до н.э.), Помпей Трог (I в. до н.э.-I в. н.э.), Плутарх (50-125 гг. н.э.) и многие другие.

В описаниях античных авторов амазонки выводятся как воинственные девы, поклонявшиеся главным образом Аресу – богу войны и Артемиде – богине охоты. Умению верховой езды они овладевали едва ли не с младенчества. Одинаково хорошо они обучены и военному делу. Поэтому амазонки принимали участие и в боевых сражениях, и на охоте наравне с мужчинами, ничуть не уступая им в ловкости и смекалке. Вооружены воительницы луком со стрелами, топором, дротиком и копьем. Кроме того, они достаточно ловко управлялись с арканами. Из защитного доспеха в их арсенале был лишь пояс (как это следует из сюжета, связанного с Ипполитой) и небольшие легкие щиты в форме полумесяца.

Постоянные тренировки и военные упражнения способствовали тому, что девушки были физически развиты, к тому же они отличались природной красотой. По сведениям Гиппократа и Страбона правой груди у амазонок нет, потому что еще в раннем детстве матери прижигают ее специальным медным инструментом, раскаленным на огне. Подобные процедуры проделывались, по убеждению этих авторов, для удобства стрельбы из лука и метания копья, поскольку вся сила уходила в таком случае в правую руку, что увеличивало точность и мощность броска.

В отношении костюма амазонок у древних авторов отмечаются некоторые расхождения. По Геродоту (IV, 116) амазонки носят мужскую одежду. Кстати, Александр Македонский в письме к матери Олимпиаде, приведенном

Каллисфеном (III, 27), отмечал, что их одежда была цветной. Из шкур диких зверей, как отмечал Страбон (V, 1) они изготавливают себе шлемы, плащи и пояса. У Евсевия Иеронима (II, 37), в отличие от предыдущих авторов, амазонки «...с выставленной на показ грудью и голыми руками и коленами, вызывающие на состязание сладострастия идущих против них мужчин». А Палефат в книге «О невероятном» (XXXII) утверждает, что они «...носили хитоны до пят, а на головах митры...».

Подтверждением немалой популярности амазонок служит тот факт, что эти персонажи были широко задействованы греками не только в литературных опусах, но и в изобразительном искусстве. Одной из наиболее излюбленных в античном искусстве, начиная с эпохи архаики, была тема амазономахии битвы между амазонками и греческими героями, иллюстрирующая общегреческие мифы.

1. Многофигурные рельефные композиции широко использовались в оформлении монументальных *архитектурных сооружений*. Подобные изображения украшали фризы общественных зданий, сакральных сооружений древней Эллады и соседних государств классического и эллинистического времени. Среди них можно назвать западные метопы Парфенона, метопы сокровищницы афинян в Дельфах начала V в. до н.э.; рельефы фриза храма Аполлона Эпикурия в Бассах конца V в. до н.э.; рельефы фриза Артемисиона в Магнесии V – IV вв. до н.э.; рельефы западного фронтона святилища Асклепия в Эпидавре V в. до н.э.; рельефы западного фриза Галикарнасского мавзолея середины V в. до н.э. и другие памятники зодчества. Среди различного рода мифологических сюжетов на фризах присутствуют и амазонки, занятые в батальных сценах.

Пожалуй, одним из лучших образцов сюжета амазономахии на архитектурных фризах являются горельефы Галикарнасского мавзолея, хранящиеся в Британском музее. Отдельные плиты его соотносят с работами разных скульпторов, среди которых и Скопас [Charbonneaux, Martin, Villard, 1969, p. 221]. Композицию составляет широкая панорама боя, условно разбитого на отдельные, по сути, сцены с двумя (реже тремя) противниками (рис. 1). Все греческие воины пешие. Они обнажены, иногда за спиной развеивается плащ. Головы некоторых защищены шлемами, защитой служат и круглые щиты. В сражении участвуют как пешие амазонки, так и всадницы. Все девы в легких коротких хитонах с поясом на талии, босоноги, многие простоволосы. На некоторых из них одеты мягкие головные уборы. Одна из всадниц сидит на коне спиной по ходу движения бешено скачущего коня (рис. 2). Эта фигура прекрасно иллюстрирует сообщения древних авторов об умении амазонок, как и скифов, стрелять из лука на скаку, обернувшись назад в спину убегающему противнику. Судя по отдельным «кадрам» фриза, ни одна из сторон не одерживает явного перевеса – атакуют то амазонки, то греки. В целом для этого фриза характерна свобода в размещении фигур, при соблюдении определенной ритмичности общего рисунка. Достаточно близки галикарнасским

по композиции (с некоторыми стилистическими отличиями и степенью плотности рисунка) фриз Телефоса Парфенона [Heres, Kästner, 1997, № 22-24], фризы храма Артемиды в Магнезии на Меандре, храма Аполлона в Бассах [Бергеман, 2001, рис. 5, 9-11], храма Гекаты в Лагине (Музей археологии, Стамбул) (рис. 3). Иначе выглядит фриз храма в Эфесе (Музей г. Сельджук, Турция). На одной из плит изображены амазонки, бегущие плотным строем (рис. 4). Вероятно, здесь также изображена сцена боя – первая амазонка упала на колени, в правой поднятой руке она держит оружие, пытаясь защититься, в отведенной назад левой руке ее щит. Остальные воительницы с занесенным над головой оружием в порыве атаки, в левой руке у каждой легкий щит характерной серповидной формы. Все одеты в короткие легкие хитоны, обнажающие правое плечо и грудь. Верхняя часть плиты сбита, поэтому о наличии головных уборов говорить не приходится. Сюжеты с амазономахией, как правило, тематически вписывались в общие фризы троянских циклов.

2. Особое место среди произведений изобразительного искусства занимали *статуи* амазонок. Известно, что в Древней Греции жрецы храмов или священных участков, советы старейшин, народные собрания устраивали своеобразные конкурсы мастеров, для того, чтобы получить наилучшее произведение искусства. В контексте нашей темы уместно вспомнить рассказ Плиния Старшего о том, что жители Эфеса, почитавшие амазонок как основательниц своего города, заказали статую амазонки для храма Артемиды. В конкурсе состязались четыре признанных мастера из различных художественных центров: афинский ваятель Фидий, сикионский скульптор Поликлет, кидонский художник Кресилай и аргосский мастер Фрадмон [Чубова и др., 1986, с. 49]. Все изваяния раненых амазонок были настолько хороши, что заказчики поручили самим конкурсантам определить лучшее из них. По словам Плиния Старшего (XXXIV, 53), лучшей сами мастера посчитали работу Поликлета. Именно на ней и остановили свой выбор заказчики. Амазонка Поликлета – красива, с мужественной внешностью, в спокойной позе. Ее фигура лишена какой-либо живости, что очевидно соответствовало образу покоренной воительницы, и именно в таком воплощении более импонировала грекам [Соколов, 1968, с. 49]. Оригинальные бронзовые статуи не сохранились. Дошедшие до наших дней римские мраморные копии (рис. 5) греческих оригиналов (ок. 430 г. до н.э.) хранятся в разных музеях мира: амазонка Поликлета в Капитолийском музее (Рим), Фидия – на вилле Адриана в Тибуре (Тиволи), Кресилая – в Государственном музее (Берлин). Работа Фрадмона осталась неопознанной среди многочисленных творений римской скульптуры [Чубова и др., 1986, с. 49].

Помимо упомянутых выше знаменитых мраморных копий, можно вспомнить мраморную голову амазонки (V в. до н.э.) из собрания Эрмитажа (Санкт-Петербург). Лицо с прямым носом, рельефно очерченной красивой линией губ, низкими надбровными дугами над миндалевидными глазами, обрамлено волнистыми прядями волос, уложенными на затылке узлом.

Спокойное выражение лица позволяет думать, что перед нами отдыхающая амазонка. Ее рассматривают как одно из повторений бронзовой статуи Поликлета, представленной в Капитолийском музее с надписью исполнившего ее копииста Сосикла [Саверкина, 1986, с. 76].

Иного характера фрагментированная мраморная копия статуи умирающей амазонки (470-460 гг. до н.э.) из собрания Императорского музея в Вене. Она изображает фигуру юной девы со склоненной к плечу головой. Считается, что это воплощение образа царицы Пентесилей, смертельно пораженной Ахиллом [Леви, 1915, с. 14]. Мастер тонко «выписал» черты прелестного лица – чуть приоткрытые губы, едва размеженные припухшие веки, волнистые пряди волос с завитками на лбу; и детали убора – тончайшие пышные складчатые одежды, прихваченные на плече фибулой, подчеркивающие проступающие сквозь них изгибы юного тела. И потрясающее выражение лица – смертельная усталость, почти безразличие.

В Керченском Историко-Археологическом музее хранится фрагмент мраморного изваяния амазонки. Сохранился торс женской фигуры (рис. 6). Мастер, очевидно, изобразил поверженную амазонку. Судя по характерным образом изогнутому стану, положению мелких складок на ткани хитона, мастер изобразил воительницу в горизонтальном положении [Русяева, 2008, с. 449]. Упавшая навзничь воительница пытается приподняться, опираясь локтем левой руки на землю, правой поднятой рукой (возможно с оружием), она защищается от нападающего врага. Дева одета в короткий хитон, подпоясанный под грудью, облегающий стройное мускулистое тело. Стилистически эта статуя амазонки в определенной степени перекликается с одним из изображений на фризе храма Артемиды в Магнезии на Меандре [Натіаих, 1998, № 368]. Керченская статуя представляет собой персонаж многофигурной композиции на сюжет Троянского цикла, украшавшей фриз одного из пантикапейских храмов III–II в. до н.э. [Соколов, 1989, с. 65-66]. Место изготовления статуи не известно.

Конная статуя амазонки с западного фронтона храма Асклепия в Эпидавре (около 380 г. до н.э.) хранится в Национальном музее в Афинах. Сохранилась фрагментарно (утрачена верхняя ее часть) (рис. 7). Мастер продемонстрировал прекрасную посадку опытной всадницы. Стройная наездница обладает прекрасным натренированным мускулистым телом. Она сидит на вздыбленном коне, крепко обхватив ногами его круп. Левая рука опущена, удерживает гриву (?). В высоко поднятой правой руке дева, вероятно, держала оружие, направленное на противника. Фигуру облегал тонкий короткий хитон, красиво драпированный складками, перехваченный на талии широким ремнем. На ногах высокие сапожки. Амазонка буквально слилась со своим конем. Статуя буквально излучает неистовость и бурный ритм сражения. Эта фигура, очевидно, была частью скульптурной группы, представляющий еще один вариант сцены амазономахия.

В Национальном музее (Неаполь) находится римская мраморная копия бронзового оригинала скульптуры Павшая амазонка (230 г. до н.э.) [Чубова

и др., 1986, с. 34]. Здесь мастер изобразил убитую амазонку лежащей на спине, с закинутой за голову с рассыпавшимися длинными волосами правой рукой (рис. 8). Левая ее рука касается древка длинного копья. Короткий хитон с пышными складками подчеркивает прекрасную фигуру амазонки. Следует отметить, что скульпторы изображали воинственных дев в женской одежде явно греческого образца и фасона. Как правило, это был короткий хитон или туника, перехваченная на талии поясом таким образом, что край ее оказывался выше или на уровне колен. Верхняя часть одежд скальвалась на левом плече так, что правая грудь оставалась обнаженной. В более поздний период одежда становится более пышной. При этом каких-либо очевидных физических изъянов (упоминавшихся некоторыми древними авторами) у воительниц нет. Напротив, все они прекрасно сложены, с подчеркнутыми мягкими женскими формами.

Большинство изваяний представляет амазонку раненной (в состоянии относительного покоя) или поверженной. С одной стороны, очевидно, именно такая – спокойная и женственная, а не яростная и воинственная, юная дева импонировала грекам более. С другой стороны, поверженная воительница была призвана подчеркнуть мощь и непобедимость греческого войска, а следовательно и величие государства.

3. Образ сражающейся амазонки послужил темой серии разнообразных по стилю и назначению *рельефов*. Один из них, найденный в Аполлонии, хранится в Аполлонийском музее [Кастанаян, 1966, с. 87]. На рельефе, украшавшем известняковую стелу, представлена батальная сцена с тремя участниками. В центре фигура уже поверженного, коленопреклоненного грека, пытающегося защититься от атакующих его вооруженных дев. Одна из них подступает слева, вторая надвигается справа. Правая фигура передана в порывистом движении атаки – правая нога выставлена вперед, левой рукой она держит круглый щит, а правой выхватывает из висящих на поясе ножен меч. Воинственный порыв подчеркивают развивающиеся одежды – короткая туника и летящий за фигурой плащ.

Еще один известняковый рельеф середины IV в. до н.э., найденный на античном поселении Юбилейное 1 на Таманском полуострове, хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва). Так называемый боспорский рельеф обнаружен в нескольких обломках во вторичном использовании в древней сельскохозяйственной усадьбе римского времени и представлял собой фрагмент с изображением сцены яростного сражения. Сохранился левый край рельефа, назначение которого остается не ясным [Савостина, 1987, с. 63-65]. Шесть фигур пеших и конных воинов составляли пары (рис. 9). На переднем плане один из воинов одной рукой хватает противника за волосы, а в другой заносит над ним меч. На втором плане пеший воин поражает всадника, вонзив в его спину меч. От третьей группы просматривается лишь несколько деталей – меч, горит и край одежды левого персонажа. Фигуры размещены довольно плотно, в несколько ярусов, и при этом в разных плоскостях. Сложность композиции

и динамизм изобразительного ряда делают рельеф уникальным для греческого искусства. Подробному анализу сюжета, стилистических и иконографических особенностей изображений, типологии рельефа посвящена серия разноплановых специальных исследований ряда авторов [Бергеман, Кнауэр, Ольховский, Савостина, Тугушева, Штупперих и другие, 2001], объединенных в одном издании [Боспорский рельеф, 2001]. В многоярусной композиции, где фигуры сражающихся персонажей и лошадей буквально переплетены, большинство исследователей склонны усматривать сцену амазомахии. По манере построения композиции эта работа, вероятно, восходит к живописным полотнам периода поздней классики [Штупперих, 2001, с. 82-83]. По другой версии (с учетом иконографических особенностей, и прежде всего определенных черт лиц представленных персонажей, деталей их фигур, элементов одежды, трофеев) на рельефе представлена иллюстрация сообщенной Геродотом местной легенды о происхождении савроматов. В основе ее лежит история появления амазонок в Скифии, и, соответственно, первая встреча скифов с неопознанными еще в дерзких воинах амазонками [Селиванова, 2008]. Вполне вероятно также, что местный мастер, хорошо знакомый с канонами греческого искусства, изобразил на рельефе популярный в боспорской среде сюжет.

К иному типу относится фрагментированная мраморная стела Леокса, сына Мольпагора, начала V в. до н.э. (рис. 10), найденная на некрополе Ольвии. Сохранилась лишь средняя часть плиты, которая хранится в Херсонском музее [Иванова, 1953, рис. 7-8; Sokolov, 1974, p. 24-25]. Она представляет собой узкую мраморную плиту, украшенную с двух сторон плоскими рельефами со следами полихромной раскраски. На лицевой стороне изображен обнаженный воин (Леокс) анфас, опирающийся правой рукой на копье, левую он держит на талии. На оборотной стороне профильное изображение фигуры в скифском костюме – коротком облегающем кафтане и узких штанах, со свисающим с левой стороны у пояса колчаном с луком. Поверхность колчана расписана орнаментом с плетенкой. Верхняя и нижняя части плиты отбиты, поэтому изображение голов и нижней части ног обеих фигур отсутствуют. На боковом ребре сохранилось посвящение богине «подательнице добычи», вероятно, Афине [Иванова, 1953, с. 49]. Изображения трактованы в реалистичной манере, с детальной проработкой образов. Однако обе фигуры весьма статичны, особенно в сравнении с персонажами предыдущих рельефов. В определенной степени подобная манера передачи фигур была обусловлена малыми размерами изобразительного поля, ограничивающего мастера. Если трактовка обнаженной фигуры на лицевой стороне стелы сомнений не вызывает, то в толковании фигуры на оборотной стороне исследователи расходятся во мнениях. В ней усматривают скифа [Иванова, 1953, с. 50], грека или эллинизированного варвара [Русяева, 2008, с. 421], либо амазонку [Фармаковский, 1915]. Последнее предположение выглядит более логичным, поскольку в таком случае оба изображения объединяются в обычный для произведений греческого искусства сюжет

амазономахия – борьбы греков с амазонками. Большинство исследователей предполагают, что стела, служившая надгробьем, была привезена из Милета или Ионии. Не исключено, однако, что ее мог сделать греческий мастер, работавший в Ольвии варвара [Русяева, Супруненко, 2003, с. 40-43].

4. В декоре общественных и священных зданий многих крупных городов (к примеру, Афин, Олимпии и проч.) и менее значительных населенных пунктов, помимо каменных рельефов и статуй, использовались полихромные расписные фриз – *картины и фрески*. О живописных изображениях великих греческих мастеров – Микона, Панайна, Фидия, безвозвратно утраченных со временем, можно почерпнуть сведения в произведениях ряда древних авторов. В данном контексте уместно привести, к примеру, свидетельства Павсания. Этот автор сообщал о росписях на стенах Рыночной Колоннады в Афинах, выполненных около 460 г. до н.э. знаменитым Миконом. Мастер изобразил сражение афинян под началом Тесея с конными амазонками. Эти росписи просуществовали, по словам автора, столетие до середины IV в. до н.э. (Paus., I, 15, 2). Кроме того, картины на тот же сюжет, как сообщал Павсаний, размещались на стене храма Тезея (работа Микона) [Pfuhl, 1923, s. 641; Bielefeld, 1951, p. 11] и у подножия трона Зевса Олимпийского (работа Панайна). На четырех стенах размещалось большое количество скульптур и картин. Там же, между ножками колоссального трона Зевса, помещались три плиты с изваяниями, на одной из которых представлена битва амазонок с войском Геракла. Общее число фигур, среди которых был и Тесей, достигало двадцати девяти [Ротери, Беннет, 2004, с. 41-42]. На картине Панайна запечатлена полная трагизма сцена, где Ахилл поддерживает умирающую от ранения Пентесилею (Paus., I, 17, 8; V, 11, 6). Вполне вероятно, что именно упомянутые сюжеты картин известных мастеров классической эпохи легли в основу произведений позднейших художников, работавших в разной технике и в различном материале. Полихромные многофигурные живописные картины и фресковые панно дополняли и определенным образом оживляли интерьеры и фасады общественных строений античных центров.

5. К числу роскошных элементов внутренних интерьеров помещений относятся разнообразные *мозаичные вымостки*, покрывавшие пол. Среди персонажей многофигурных композиций на них присутствуют и амазонки. Одна из таких мозаик II в. н.э. открыта при раскопках Аполлонии Илирийской. Она покрывала пол аподитериума – одного из банных помещений обширного здания первых веков н.э. [Онайко, 1963, с. 77]. Большую часть мозаики занимала эмблема (4,60 x 3,60 м), выполненная в технике *opus vermiculatum*. Полихромный «рисунки» выложен на белом фоне, делавшем его более выразительным и контрастным. Основное поле по периметру окаймляли пять орнаментальных поясов, образующих пышную нарядную раму. В эмблеме представлена многофигурная композиция на сюжет амазономахия, распадающаяся на четыре самостоятельные группы, обращенные попарно в две противоположные

стороны. Правая часть эмблемы, а соответственно и две группы уцелели практически полностью, центральная и левая часть сильно пострадали, поэтому две другие группы сохранились фрагментарно [Кастанаян, 1966, с. 83]. *Первая сцена* изображает один из трагических эпизодов Троянской войны, где представлены два персонажа – Ахилл и Пентесилея (рис. 11, 1). Герой в шлеме с высоким гребнем, фигура которого передана в фас, удерживает тело амазонки. Безвольно свесившаяся рука, запрокинутая голова с рассыпавшимися длинными темными волосами, подкосившиеся, согнутые в коленях ноги и спокойно свисающий край белого хитона – все эти детали свидетельствуют, что Пентесилея мертва. Рядом, будто упавшие, большой розово-лиловый щит и серая с желтой рукоятью секира. В передаче фигур наблюдается явная диспропорция – фигура Ахилла намного меньше, чем Пентесилеи, ноги которой излишне длинны. Возможно, подобная трактовка была вызвана необходимостью заполнить пространство фона [Кастанаян, 1966, с. 84]. В то же время, выстраивая таким образом композицию, художник сделал изображение более объемным и реалистичным. *Вторая сцена* передавала поединок грека с конной амазонкой. Она сохранилась фрагментарно. Просматривается часть фигуры вздыбленной лошади и зеленый хитон амазонки, часть щита амазонки, острие копья грека и его щит под ногами лошади. Расположение сохранившихся деталей позволяет усматривать здесь грека, стаскивающего с коня амазонку. Не исключено, что в данном случае воспроизведен мотив живописного оригинала Микона в стое Пойкиле [Bielefeld, 1951, p. 33; Кастанаян, 1966, с. 86]. От *третьей сцены* сохранилась лишь нижняя часть изображения – ноги упавшей на колени амазонки и ступня грека, наступившего на ее правую голень. Правее видны кончик меча грека, щит и секира амазонки. Здесь, очевидно, представлены атакующий гоплит и поверженная амазонка – сюжет, восходящий к оригиналу Фидия, исполненного на рельефе щита Афины Партенос [Overbeck, 1870, s. 554; Bielefeld, 1951, p. 19; Кастанаян, 1966, с. 86]. В *четвертой сцене* участвуют три персонажа – грек и наступающие с двух сторон амазонки (рис. 11, 2). В центре изображена фигура грека, припавшего на одно колено, с поднятой вверх правой рукой, левая с мечом опущена. На голове его шлем с высоким султаном, под ногами выпавший щит. Фигуры обеих амазонок переданы в три четверти, в момент нападения на противника (и, таким образом, в движении друг к другу). Фигура слева в левой руке удерживает щит, в поднятой правой руке – занесенная для удара секира. За спиной грека спешащая на помощь подруге вторая амазонка. На бегу она выхватывает из висящих на боку ножен меч. В левой ее руке щит с горгонейоном. Густые складки перехваченного поясом хитона, плащ и тонкие завязки на сапожках как будто выются на лету, придавая особую эмоциональность сцене. Не исключено, что этот сюжет позаимствован из миконовской живописи или еще более раннего оригинала [Bielefeld, 1951, p. 15-16; Кастанаян, 1966, с. 87].

Особенностью этого полотна, выполненного в своеобразной технике,

является то, что прототипами отдельных сцен для художника, очевидно, послужили работы нескольких мастеров. Объединив известные сюжеты, мастер добавил в них и нечто свое – композиционное построение, полихромную, светотень и контурный рисунок, получив оригинальное произведение искусства.

6. Многофигурными фризами с батальными сценами, в том числе и амазониахи, украшались и *саркофаги*. Один из ярких образцов представлен на расписном саркофаге амазонок из гробницы в Тарквиниях (IV в. до н.э.), хранящемся в Археологическом музее во Флоренции [Pallottino, 1952, p. 93; Santangelo, 1963, p. 57]. Полированные стенки известнякового саркофага расписаны без применения обмазки. Амазонки в легких длинных (до щиколоток) цветных или белых одеждах, в мягких коротких полусапожках, на головах их невысокие остроконечные уборы. Кроме того, художник запечатлел украшения – серьги, бусы (или гривны) и браслеты, выписанные желтой краской (возможно, имитирующей золото) (рис. 12). Девы на колесницах, верхом на конях и пешие, вооруженные копьями, мечами, луками и легкими серповидными щитами, вступают в сражение с греческими воинами, защищенными полотняными панцирями и металлическими шлемами. В одних группах амазонки явно одерживают верх, в других победа, бесспорно, на стороне греков. Саркофаг расписан с большим мастерством. Фигуры переданы мастером в различных ракурсах, с использованием светотеневой моделировки и штриховки для придания рисунку объемности. Проработаны и выделены мелкие детали и черты, позволяющие передать выражение лиц участников баталии, их пафоса. Некоторым отдельным изображениям (обернувшаяся назад наездница, лежащий у ног коней поверженный воин, несущиеся кони квадриг) возможно найти аналогии на греческих рельефах и росписях позднеаттических ваз. Вполне сопоставимы, к примеру, эти изображения с рельефами мраморного саркофага Александра Македонского, хранящегося в Стамбуле. Саркофаг амазонок, совершенно очевидно, сделанный эллинским мастером в одном из греческих центров Южной Италии, был привезен в Этрурию и использован для погребения этруска. О вторичном его использовании свидетельствует небрежно процарапанное поверх украшавшей его росписи имя умершего (Рамта Хуцкнай), вырезанное первоначально на совмещенной с саркофагом чужеродной двускатной крышке [Лосева, Сидорова, 1988: 55].

Близкие по сюжету и изобразительной манере фризы украшают серию мраморных саркофагов более позднего времени. К их числу относится, к примеру, условно называемый саркофаг магната Вельтуры Партунуса из Гробницы Партунус в Тарквиниях начала III в. до н.э. [Rodhen, Winnefeldt, 1911, Abb. 121-122], хранящийся в Национальном музее в Тарквиниях. Крышку саркофага венчает фигура мужчины, лежащего на боку с приподнятой на подушке головой. Надпись на стенке саркофага свидетельствует, что фигура олицетворяет погребенного 82-летнего Вельтуру. Переднюю стенку саркофага украшает продольный рельефный фриз, изображающий сцену

амазономахии. Противниками амазонок в этом сюжете выступают не только воины (греки или этруски), но и крылатые Лазы [Лосева, Сидорова, 1988: 110]. Многофигурная сцена насыщена персонажами, скомпонованными в три большие группы. Амазонки, выделяющиеся своим одеянием (в данном случае так называемого варварского типа) и легкими серповидными щитами, изображены в позах атаки. Автор сумел передать характерные черты противников и остроту воспроизведенного мифологического эпизода.

Аналогичный сюжет представлен на мраморном саркофаге из коллекции экспонатов II-III вв. н.э. Музея в Салониках (Греция). Скульптурные фигуры конных и пеших амазонок в легких одеждах с обнаженной правой грудью буквально переплетены с фигурами греческих воинов, облачение которых составляют главным образом плащи и шлемы [Andronicos, 1994, fig. 67]. Одни из них, поверженные, лежат на земле или пытаются подняться с колен, другие продолжают ожесточенное сражение (рис. 13).

Серия саркофагов римского времени украшена рельефами с изображениями многофигурных сцен. Не редко ключевыми персонажами выступают Герои и царица амазонок [Robert, 1890, taff. XXXVII-XXXIX; XL-XLIII]. На одном из саркофагов Ахилл держит на руках сраженную Пентесилею и как будто оглядывается назад, на возможного врага, в то время как фигура амазонки развернута практически в фас – к зрителю (рис. 14). Рельефы поздних мраморных саркофагов имеют много сходных черт. Орнаментальное поле таких саркофагов перенасыщено персонажами, представленными в различных ракурсах, часто скомпонованными в несколько планов. При этом ключевые фигуры изображаются в большем масштабе, что позволяет ваятелю таким образом акцентировать на них внимание зрителя. Остальные фигуры, хотя и «выписаны» с не меньшей тщательностью, призваны создавать своеобразный фон, соответствующий сюжету. Как видно, воинственные девы на погребальных саркофагах представлены преимущественно в легких коротких подпоясанных одеждах, верхом на конях или спешенными, с занесенным в пылу схватки с врагом оружием (чаще это бывает боевой топор или меч).

К числу уникальных экземпляров относятся остатки деревянного расписного саркофага, найденного в одном из скифских курганов близ с. Марьевки (Украина) [Бунятян, Фіалко, 2009]. Сохранилась крышка с полихромной росписью, на которой изображены батальные сцены. Красочная роспись составляет три вертикально размещенных фриза, разделенные орнаментальными поясами киматия (рис. 15). Каждый фриз изображает битву двух противостоящих пеших воинов. Все фигуры представлены в три четверти лицом к зрителю. Персонажи в разноцветных ярких одеждах очерчены черным контуром, что придает им объемность. Развешивающиеся одежды и позы воинов подчеркивают порывистость их движений и придают особую остроту сюжету.

В верхнем фризе фигура справа в белоснежном длинном хитоне, поверх которого одет безрукавный панцирь (?) зеленого цвета с узким поясом.

Широкий развевающийся край одежды подчеркивает отчаянную стремительность атакующего воина. Правая рука с длинным узким мечом занесена над головой. В чуть отведенной назад левой руке – овальный белый щит с ярко-красной эмблемой. Фигура слева передана в позе защиты, как будто чуть отступающей назад. Опущенная правая рука чуть отведена назад. Воин одет в головной убор и короткий подпоясанный на талии хитон насыщенного красного цвета, на ноге кнемида. К поясу прикреплен длинный меч.

В *среднем фризе* воин справа в коротком белом хитоне. Левая его рука, вероятно, согнута в локте, правая поднята над головой. Обнаженные ноги широко расставлены, как бы придавая воину большую устойчивость. Правая фигура атакующая. Воин одет в короткий хитон цвета слоновой кости с узкими рукавами голубого цвета, коричневую безрукавку с красной оторочкой по краям пройм, узкие голубые штаны и остроносые короткие ярко-красные сапожки. На голове остроконечная белая шапка типа башлыка, из-под которой ниже уха выбилась прядь волос коричнево-пепельного оттенка. В поднятой и отведенной за голову правой ее руке сжато древко копья. В левой руке на уровне груди воин держит овальный голубой щит.

В *нижнем фризе* фигура справа изображает атакующего воина. В занесенной над головой правой руке зажата рукоять секиры. Опущенная вниз левая рука чуть отведена назад. На воине белый с голубым оттенком короткий хитон с развевающимся подолом и узкими красными рукавами с голубыми манжетами. Голову, очевидно, покрывал головной убор типа башлыка. Фигура слева в ярко-красном безрукавном хитоне. Согнутая в локте обнаженная правая рука – на уровне груди. На ее запястье и чуть выше два синих браслета. В этой руке воин держит лук (?).

В каждой паре есть фигура, облаченная в красочный наряд, дополненный полотняным панцирем. Причем именно эти персонажи более эмоциональны и в то же время более грациозны. Их отличают характерные позы и оружие, особенно боевые топоры, занесенные над головой, присущие изображениям амазонок [Fornasier, 2001, p. 95-96]. Расположение ярких фигур амазонок в крайних фризах справа, а в среднем слева – придает изображению эффект узора.

Марьевский саркофаг отличает, прежде всего, композиция рисунка, несвойственная орнаментации саркофагов. Расписной фриз художник поместил на горизонтальную поверхность крышки, тогда как обычно декор размещали на боковые (хорошо видимые зрителям) панели стенок саркофагов [Сокольский, 1969, рис. 4, 16]. Вполне вероятно, что и боковые стенки саркофага тоже покрывала полихромная роспись. Что же касается крышек саркофагов, во всяком случае плоских, то их чаще украшали рельефами. В таком случае декор был хорошо виден даже на большом расстоянии. Обычно на саркофагах даже отдельные казалось бы вертикальные рельефы компоновались в продольные ряды. Структурно марьевская крышка напоминает реплику одной из трехъярусных надгробных стел, хорошо известных на Боспоре [Савости-

на, 1992; Матковская, 1992; 2005]. При этом ничего подобного ни по сюжету, ни по характеру изображения среди боспорских рельефов найти не удалось.

Композиция и сюжет рисунка позволяют предположить, что саркофаг расписывал боспорский мастер. Явно знакомый с произведениями греческого искусства, он изобразил на рельефе излюбленный в местной среде сюжет. На своем творении – саркофаге конца IV – начала III вв. до н.э. – художник постарался совместить все то, что запомнил из виденного им прежде. При этом он явно пренебрег общепринятыми канонами изобразительного искусства. В результате было создано совершенно оригинальное яркое живописное произведение.

7. Небольшого размера *бронзовые статуэтки* амазонок, как правило, служили частью декора разных по назначению предметов. Они представляли собой вооруженных всадниц в момент сражения, реже – раненных в бою. К первым можно причислить небольшую (высотой 35 см) статуэтку из раскопок городища близ Евпатории (на территории санатория «Чайка»), хранящуюся в Эрмитаже (Санкт-Петербург) [Кобылина, 1972, табл. 13]. Скульптура отлита в виде сидящей на вздыбленном коне молодой женщины (рис. 16). Ее одежда напоминает короткий хитон, перехваченный на талии широким (вероятно боевым) поясом, ноги обтянуты узкими штанами и короткими мягкими сапожками, через плечо перекинут плащ, на голове убор более напоминающий шлем. В левой руке она удерживает поводья коня, а в поднятой и отведенной назад (для броска) правой руке, вероятно, занесенное копье (утрачено). Обе фигуры – и конь со вскинутыми передними ногами и как будто развернутой к хозяйке головой, и всадница прекрасно передают динамизм сцены. По манере изображения отдельных мелких деталей фигуры всадницы и передачи движения, занимающая нас статуэтка в некотором роде перекликается с образами всадников на саркофаге Александра Македонского. Последние считаются повторением образов, созданных прославленным сикионским мастером бронзовой скульптуры – Лисиппом. Не исключено, что авторство евпаторийской статуэтки принадлежит одному из талантливых мастеров школы Лисиппа [Кобылина, 1972, с. 10]. Круглые отверстия в копытной части задних ног коня свидетельствуют о креплении ее к какой-то плоской поверхности. С одной стороны, она выглядит вполне законченной и самостоятельной; с другой стороны, вздыбленная фигура коня и занесенная для удара правая рука амазонки с оружием как будто предполагает наличие предстоящего противника. К сожалению, оснований для каких-либо определенных выводов относительно композиции у нас нет.

К этой же группе статуэток относится скульптурный декор бронзовых диносов (начала V в. до н.э.) из Капуи (Кампания), служивших погребальными урнами. Один из наиболее ярких образцов таких сосудов хранится в Британском музее (Лондон) [Наупес, 1965: 15–18, fig. 1]. Центр его дисковидной крышки украшает скульптурная группа – танцующие в обнимку сатир и менада (служившая своеобразной ручкой). По краю венчика сосуда размещены

четыре фигурки амазонок верхом на конях (рис. 17). Две из них смотрят вперед, две обернулись назад. В одной руке каждая из них держит лук, другой достает из колчана стрелу [Лосева, Сидорова, 1988, с. 254]. Эти изображения подтверждают сообщения древних авторов о том, что наездницы прекрасно стреляли из лука на скаку. Все всадницы одеты в одинаковые остроконечные головные уборы и костюмы мужского типа – длиннорукавный облегающий подпоясанный кафтан и узкие с ромбовидным узором из углубленных полос штаны. Ноги как будто обуты. Все фигуры выполнены с большим мастерством и выразительностью. Черты лица, прически, костюмы всех фигур детализированы и тщательно проработаны. Любопытно, что декор крышки никоим образом не связан с гравированными изображениями орнаментального фриза, размещенного на тулове сосуда. Как, впрочем, и сцены самого этого фриза (мифологические, жанровые, орнаментальные), тоже не связанные между собой. Еще один подобный бронзовый сосуд-урна хранится в Метрополитен Музее (Нью-Йорк) [L'art des etrusques, 1955: fig. 73-74]. В центре его полусферической крышки расположена фигура атлета, служившая ручкой (рис. 18). В вытянутой вперед правой руке атлет держит диск, согнутая в локте левая его рука поднята вверх. Вдоль края венчика сосуда, вокруг центральной фигуры, расположены четыре фигурки верхом на конях, практически идентичных лондонским. Здесь также чередуются смотрящие вперед и обернувшиеся всадники, схож и их костюм. Отличают их лишь вздыбленная поза коней и менее тщательное исполнение. Эти фигурки называют иногда скифами [Лосева, Сидорова, 1988: 255], однако, учитывая практически полное тождество с лондонскими фигурками, привлечение их в данном контексте вполне логично. Приведенные выше бронзовые изделия как будто не связаны органически с сосудом, воспринимаемым как их постамент. Более того, в отличие от ранних (VII в. до н.э.) образцов, где декор соответствовал назначению этих сосудов, на капуанских диносах отсутствует какая-либо связь украшений не только с их принадлежностью к погребальному церемониалу, но и между отдельными их сюжетами и деталями.

Иной тип изображения представляет статуэтка всадницы, найденная в кургане близ с. Могилово (III в. до н.э.), хранящаяся в Археологическом музее Пловдива (Болгария). Она служила деталью декора колесницы [Энциклопедия, 1980, с. 26]. Тело раненой амазонки опрокинуто на круп припавшего на задние ноги коня (рис. 19). Дева одета в короткий подпоясанный хитон с пышными складками, узкие штаны и короткие сапожки. Голову венчает убор типа фригийской шапки. Ноги еще как будто сжимают круп коня, но голова запрокинута, а из безвольно свесившейся к земле левой руки выскользнул боевой топор. Трагизм ситуации выражает даже фигура коня, будто пытающегося осторожно спустить на землю свою хозяйку.

Интересно, что все упомянутые выше бронзовые фигурки, совершенно очевидно выполненные в разное время и в разных центрах, облачены в так

называемый скифский костюм и близкие по фасону остроконечные головные уборы, что более соответствует Геродотовскому варианту описания амазонок.

8. Битва с амазонками в двух вариантах – амазономахии и грифономахии встречается на *произведениях торевтики* различного назначения. В их числе можно назвать, прежде всего, золотое украшение *калафа* (рис. 20) из погребения жрицы Деметры (склеп 1) в кургане Большая Близница на Боспоре второй половины 4 в. до н.э. [Пругло, 1974, с. 77]. На широкой орнаментальной ленте, полностью повторяющей форму кожаной основы [Мирошина, 1983, с. 15], изображена сцена битвы воинов варварского облика с грифонами. Композиция разделена на несколько групп (по 2-3 фигуры). В центре почти зеркально размещены две пары персонажей – воины отчаянно защищаются от вцепившихся в них передними лапами монстров. Далее по кругу – уже стоящие на коленях, но яростно сопротивляющиеся и один убегающий воины в остроконечных головных уборах с развивающимися длинными клапанами, коротких широких хитонах, подпоясанных на талии, узких узорчатых штанах и коротких мягких сапожках. Воины определяются исследователями по-разному. Традиционно сюжет на золотом калафе трактовался как битва аримаспов с грифонами [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 226-228]. Усматривают в противниках грифонов и амазонок [ОАК за 1864 г., С. VI; Мачинский, 1978, С. 137-138; Шауб, 1987, с. 30]. Последнее предположение, думается, более правомерно в силу наличия на пластине ряда деталей. При всей уплощенности рельефного рисунка, на нем хотя и слабо, но все-таки различимы под одеждой специфические женские формы. Кроме того, в руках у воинов характерное оружие ближнего боя, в том числе боевой топор [Шауб, 1987, с. 30], и щит в форме полумесяца. Да и позы воинов вполне сопоставимы с изображениями амазонок в упоминавшихся выше сценах амазономахии, хорошо проиллюстрированы они и вазописцами. Схватки амазонок с грифонами или свободное изображение протом амазонки, грифона и коня – довольно популярный сюжет боспорских полихромных пелик – принадлежности сопровождающего инвентаря, особенно характерного для погребальных комплексов Боспора второй половины IV в. до н.э. Сюжет борьбы амазонок с грифонами (как собственно и аримаспов с грифонами) нес в себе идею бессмертия – поражение воина в схватке с грифоном символизировало путь через гибель к бессмертию, перекликаясь, таким образом, с сюжетами терзания (животных грифонами) [Шауб, 1983, с. 73].

Близкая композиция сцены грифономахии украшает бронзовый *таз* из насыпи кургана близ с. Темижбекская (Краснодарский край). Рисунок размещен на одной из блях, крепившихся на поверхность сосуда. Здесь представлена пара персонажей [Анфимов, 1966, рис. 3; Вахтина, 2005, рис. 45]. Амазонка, упавшая на колени, правой рукой опирается на землю, поднятой левой рукой слабо пытается защититься от нападающего существа. Клюв атакующего грифона раскрыт, крылья широко распахнуты, левая лапа впиалась в грудь жертвы. Головной убор, напоминающий повязку, длинные волосы, браслеты на руках и,

наконец, обнаженная правая грудь не оставляют никаких сомнений в том, что мастер изобразил женщину. В отличие от сцен сражения, изображенных на калафе, темижбекский экземпляр отличает некая статичность, как будто подчеркивающая неминуемость надвигающейся смерти воительницы.

Из того же склепа кургана Большая Близница, что и калаф, происходит серия из двадцати бронзовых *фаларов* – украшений конской упряжи. На них тоже изображены сцены боя, но теперь противниками амазонок выступают греки [Атлас к ОАК за 1865, табл. 5]. Фалары однотипны и слегка различаются размерами (диаметр 8,7-9,4 см). Представляют собой литой диск с загнутым внутрь краем, центральную часть которого украшает круглый рельеф. На обороте – пара петель для крепления. Сюжет представлен тремя вариантами. На *фаларе № 1* представлены четыре персонажа – две амазонки и два греческих воина (рис. 21). Изображение разбито на два уровня. В нижнем показаны два поверженных воина. Слева внизу – убитая амазонка, лежащая на спине с закинутой за голову правой рукой, согнутой в локте. Внизу справа – вероятно раненый грек, который еще пытается сопротивляться, занеся в правой руке оружие для удара. Через левое его плечо переброшен плащ, складки которого составляют своеобразный фон. Две трети изобразительного поля пластины занимают две главные фигуры – конная амазонка и греческий воин. Атлетически сложенный молодой воин обнажен. Через левое плечо его перекинут широкий развевающийся плащ, грудь наискось пересекает портупейный ремень, на котором слева прикреплен, очевидно, горит. Справа от него стоит лук.левой рукой, на которой закреплен круглый щит, воин ухватил за волосы амазонку и пытается стащить ее с коня. Раненая амазонка сидит верхом на коне, который продолжает движение, оглядываясь на хозяйку. Правой рукой дева пытается вырвать стрелу, попавшую в правый бок. Кисть поднятой левой ее руки схватилась за руку противника. Грек попирает левой ногой павшую амазонку. Обе амазонки одеты в легкие подпоясанные хитоны, подчеркивающие стройные фигуры. На ногах высокие сапожки со шнуровкой впереди. У всадницы обнажена правая грудь, а на шее круглая фибула, скрепляющая плащ. Фоном для центральных фигур служат широкие складки разметавшихся за спинами сражающихся плащей и ветви с продолговатыми листьями.

На двух других вариантах блях все воины пешие. На *фаларе № 2* представлены три персонажа – две амазонки и греческий воин (рис. 22). Мужская фигура занимает центральную часть изображения. Воин в шлеме, хитоне, поверх которого одета кираса, ноги как будто защищены кнемидами; за спиной широкими складками ниспадает плащ. В левой, слегка отведенной назад, руке он держит круглый щит, правая рука с мечом занесена над головой для удара. Он наступает на амазонку слева. Амазонка отступает, корпус повернут в противоположную от противника сторону, как будто оглядываясь, она прикрывается от удара щитом, поднятым в левой руке, в правой ее руке копье, направленное острием к неприятелю. Она одета в мягкий остроконечный

головной убор с развивающимися боковыми клапанами, легкий короткий хитон, облегающий тело, и подпоясанный на талии, и высокие сапожки. Через левую руку перекинут плащ. В нижней правой части пластины, фактически в ногах у мужской фигуры, – распростертая на земле вторая амазонка. Она как будто пытается приподняться на локте левой руки, в которой держит щит. Правая рука, вероятно, поднята, но плохая сохранность не позволяет восстановить первоначальный замысел мастера. Одета эта амазонка также как и левая на этой пластине. Акцент в данном случае сделан на фигуру побеждающего воина, а вся сцена развернута влево.

В сцене на *фаларе № 3*, как и в предыдущем случае, тоже представлены три персонажа – две амазонки и греческий воин (рис. 23). Композиционный ряд практически повторяется, но сцена на этой пластине развернута вправо. В центре изображение обнаженного воина с развевающимся за спиной плащом. В левой руке он держит перед собой круглый щит с эмблемой, в поднятой правой руке – копье, направленное на амазонку, упавшую практически под ноги воина. Корпус ее приподнят и опирается на левую руку, правая рука сжимает короткий меч, занесенный над головой для удара. За спиной грека вторая амазонка. Поза ее фактически повторяет левую амазонку на предыдущем фаларе, но в данном случае она показана почти в горизонтальном положении. Одежда воительниц одинакова – мягкие головные уборы с длинными клапанами, красиво драпированные легкие короткие хитоны, подпоясанные на талии, плащи и высокие сапоги. Экземпляры отличает тщательная проработка деталей. Круг аналогий (типологических и стилистических) позволяет определить время производства этих украшений конской сбруи второй половиной IV в. до н.э. [Трейстер, 2001, с. 252-256]. Композиция, моделировка и стилистические особенности изображений на фаларах позволяют усматривать в них руку одного мастера.

Созвучны с фаларами и три идентичные золотые *обкладки ножен* мечей из курганов Чертомлык, Чаян и Восьмого Пятибратнего с изображением батальных сцен, которые датируются 340-320 гг. до н.э. [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 105, кат. 191; MMA, 1987, fig. 59-60]. Изображение трактуется как иллюстрация эпизода греко-персидского сражения при Марафоне [Мальмберг, 1914], либо Троянской войны [Раевский, 1980]. На пластине представлены одиннадцать персонажей – девять пеших и два всадника, которые скомпонованы в четыре или пять (считая отдельного павшего всадника с конем в конце пластины) групп (рис. 24). В центре пластины расположена пара воинов – слева атакующий гоплит в широком развивающемся плаще, в выставленной вперед левой руке он держит большой округлый щит, в отведенной назад для удара правой руке сжимает короткий меч. Справа от него – упавшая на колени амазонка. Корпус ее чуть откинут назад, левой рукой она упирается в землю, очевидно пытаясь удержать равновесие, в поднятой правой руке зажата рукоять секиры, занесенной для удара. Несмотря на неистовый

напор противника, амазонка еще отчаянно обороняется. Такая трактовка персонажа основывается не только на позе война и секире с тонкой рукоятью, характерных для передачи женских образов в батальных сценах, но и на иконографических моментах, изящной фигуре с подчеркнутой грудью (последние черты просматриваются у единственного персонажа). Замыкает композицию фигура скачущего во весь опор оседланного коня, который тащит по земле раненого (или мертвого) война, сжимающего еще в левой руке повод. Голова война безвольно повисла, правая рука волочется. Одет он также как и амазонка в короткий складчатый хитон и мягкую шапку с длинными развивающимися клапанами. Этот персонаж, очевидно, представляет поверженную амазонку. Местом производства золотых накладок ножен мечей так называемой троянской серии считается Боспорское государство.

Рельефами со сценами амазономахии украшали также *доспех*. Известно несколько бронзовых пластин, украшавших наплечники кирас из коллекций Античного собрания Базеля, Британского Музея, Археологического музея Палестрины [Трейстер, 2001, рис. 4-6]. Композицию сцен, где задействованы два-три персонажа, обуславливала форма относительно узких прямоугольных пластин. Любопытно, что практически во всех случаях греческие воины показаны атакующими, а амазонки в позе защиты. Кроме того, на них присутствует так называемый «мотив хватания за волосы», призванный, очевидно, подчеркнуть всю безнадежность положения амазонки и характер исхода сражения.

Из числа недавних находок можно вспомнить *бронзовую накладку* со сценой амазономахии, случайно (?) обнаруженную в 2004 г. в Елизаветовском могильнике, в районе курганной группы Пять Братьев. Ныне хранится в Ростовском областном музее краеведения. На пластине представлены две пары воинов (рис. 25). В левой части, внизу, изображена поверженная на колени амазонка в коротком легком хитоне. Корпус ее откинут назад, с упором на правую руку, в поднятой левой руке она сжимает меч. Над ней буквально нависает обнаженный греческий воин со шлемом на голове и накинутым на леву руку плащом, свисающим широкими складками. В левой руке он держит круглый щит, а правую руку с оружием (очевидно, мечом) занес для финального удара. В правой части накладки симметричное изображение – сраженная амазонка фактически в той же позе, что и левая, с той лишь разницей, что занесенный для удара меч она держит в правой руке. Мужская фигура с поднятой правой рукой подалась вперед. Этот воин одет в короткий хитон, поверх которого металлический панцирь типа «мускульной кирасы», и плащ. Голову его защищает коринфский шлем. Защитный доспех дополняет большой круглый щит, который воин держит в левой руке. Стиль и характер батальной сцены позволил определить время ее изготовления второй половиной IV в. до н.э. [Копылов, 2008, рис. 1-2, с. 92]. Ассиметричность пластины, ее неровные края и небрежность расположения крепежных отверстий наводят на мысль о вторичном использовании возможно поврежденного предмета.

Складывается впечатление, что она вырезана из более крупного по размерам бронзового листа, декорированного многофигурной композицией на сюжет амазономахии. В результате отдельные детали рельефных изображений «уходят» за края пластины. Вероятно, именно поэтому часть головы левой амазонки, кисть правой руки правой амазонки и оружие в правой руке обнаженного греческого воина «не поместились» в пределах орнаментального поля.

На основании условий находки пластина интерпретирована как деталь конского убранства, точнее, накладка на нагрудный ремешок коня [Копылов, 2008, рис. 1-2, с. 93]. Позволю себе не согласиться с таким определением использования рассматриваемой пластины по двум причинам. Во-первых, размер пластины (11,8 x 9,0 см) явно не соответствует размерам ремня – пластина должна бы быть по крайней мере длиннее, равняясь приблизительно ширине груди коня. Во-вторых, пластина найдена вместе с семью бронзовыми круглыми бляхами с отверстиями вдоль их краев, предназначенными для крепления. Такие бляхи хорошо известны в погребальных памятниках скифов. Существует достаточно надежно аргументированная точка зрения, согласно которой подобные бляхи соотносятся с пологами повозок [Болтрик, Савовский, 1991, с. 107]. Думается, елизаветовская пластина имела непосредственное отношение к декору повозки – размещаясь либо в верхней («парадной») части полога, либо (что вероятнее) на деревянном борту повозки.

Мифологический сюжет, связанный с девятым подвигом Геракла, украшает *серебряный сосуд* из Рогозенского клада в Болгарии [Фол и др., 1988, с. 119, № 154]. Рисунок выполнен в невысоком рельефе (рис. 26). По сути, здесь представлены четыре персонажа – Геракл и Ипполита, взнузданный конь и рогатый грифон, размещенные по кругу. Человеческие фигуры составляют первый план, при этом сцена сражения повторяется трижды. На втором плане – протомы вздыбленных животных, которыми фактически заполнено свободное пространство между основными фигурами. Безбородый Геракл обнажен, спину его, очевидно, покрывает плащ из львиной шкуры, который виднеется под согнутой левой рукой, сжимающей дубинку. Правой рукой он срывает с Ипполиты пояс. Фигура героя передана в движении влево (от амазонки), хотя он еще как будто оглядывается на нее, но цель поединка уже достигнута – пояс в его руке. Царица в коротком развивающемся хитоне, босая, с распущенными рассыпавшимися за спиной длинными волосами, двумя руками держит короткое копьё, направленное на противника. Ее фигура, как будто отпрянувшая назад, опирается на правую ногу, при этом согнутая в колене левая нога поднята. Таким образом мастер, вероятно, пытался передать динамику и напряжение поединка. При этом фигура и голова Ипполиты развернуты к зрителю (в сторону от противника). В качестве аналогий из круга фракийских памятников можно привести близкое изображение Геракла, украшавшее бронзовый шлем 4 в. до н.э., найденный близ с. Гърло (Брезнишко) [Велков И., 1938, с. 434]. Фигура сражающейся амазонки, датирующаяся III в. до н.э.,

найдена в Несебре [Фол и др., 1988, с. 124]. Орнамент рогозенского сосуда подтверждает, что мифы об амазонках были хорошо известны на периферии греческого мира и за его пределами, в данном случае на территории Фракии [Маразов, 1985]. Интересующий нас серебряный сосуд, безусловно, принадлежит к числу работ фракийских мастеров IV в. до н.э. и представляет вариант греческого мифа о похищении пояса Ипполиты в местной фракийской обработке.

Как видно из перечисленных произведений торевтики, изображениями сражающихся амазонок украшались не только вещи, непосредственно связанные с мужчинами-воинами – оружие, доспех и уздечные уборы коней, но и бесспорно женские вещи – головные уборы, зеркала, парадная столовая посуда. Таким образом, речь идет о предметах, несомненно, престижного характера. При этом хорошо известны случаи вторичного использования рельефов со сценами амазономахии (вследствие их поломки или по иным причинам). Примером тому могут служить упоминавшаяся выше бронзовая накладная пластина из Елизаветовского могильника, серия зеркал, их крышек и футляров, украшенных пластинами от нашечников шлемов и проч., относящихся к периоду раннего эллинизма [Сапн, 1989, с. 25; Трейстер, 2001, с. 245]. С учетом композиционного построения, изображения сцен амазономахии на произведениях античной торевтики представлены двумя основными вариантами – двухфигурными и трех-четырефигурными композициями [Treister, 2004, с. 197]. В то же время выбор варианта композиции обуславливала форма и размеры рельефов, безусловно зависевшие от назначения украшенного ими изделия.

9. Изображения батальных сцен с участием амазонок запечатлены и на *тканях*. В собрании Эрмитажа (Санкт-Петербург) (Инв. № Пав.-13; Пав.-14) хранятся несколько кусков шерстяной ткани, объединяющихся в два фрагмента. Они найдены в каменной гробнице № 2 Павловского кургана близ Пантикапея (некрополь Юз-Оба), внутри деревянного саркофага с захоронением женщины в богатом погребальном уборе [ОАК за 1859, с. 6-15]. Фиолетовую ткань полотняного переплетения украшал рисунок, вышитый гладью и тамбурным швом желтыми, зелеными и черными нитями. На одном из двух фрагментов изображена конная амазонка [ОАК за 1878—1879, табл. III; Richter, 1960, fig 491; 1966, fig. 590; Герцигер, 1973, рис. 10]. Всадница в коротком хитоне и высоких сапогах в поднятой руке держит копьё. Позади нее, очевидно, была вышита вторая фигура, от которой сохранилась лишь поднятая кверху рука. С учетом стилистических особенностей рисунка, ткань датируется приблизительно серединой IV в. до н.э. [Артамонов, 1966, с. 52]. На основании сходства орнаментальных мотивов на втором фрагменте павловской ткани с декором боспорских ювелирных изделий, настенных росписей склепов и различных резных деревянных изделий предполагается пантикапейское происхождение обоих фрагментов ткани [Блаватский, 1964, с. 84; Герцигер, 1973, с. 80]. Соответствия Павловскому экземпляру в тканевом решении не известны.

10. Пожалуй, наиболее ярко представлены вооруженные девы в греческой *вазовой живописи*. Образ амазонки вазописцы стали использовать с конца VII в. до н. э., к середине VI в. до н. э. он становится в один ряд с наиболее популярными [Bothmer, 1957, p. 1-2]. Таким образом, вазовая живопись свидетельствует о существовании предания об амазонках в Северном Причерноморье на полтора столетия раньше его первой записи, которая относится к середине V в. до н.э. [Скржинская, 1998, с. 223]. Изображения амазонок помещаются мастерами на сосуды разных форм – от изящных небольшого размера киликов, скифосов и алабастров (рис. 27) до крупных сосудов типа ойнохой, пелик, кратеров (рис. 28), амфор. Серии таких сосудов представлены в коллекциях многих музеев мира. На вазах более раннего периода мастера предпочитали изображать многофигурные сцены амазономахии. Нередко встречаются и сцены сражения одного из популярных героев (Ахилла, Геракла или Тесея) с царицей амазонок, где задействованы только два или три персонажа. В IV в. до н.э. на сосудах появляются изображения битвы амазонок и аримаспов с грифонами – так называемые сцены грифономахии. К этому же времени относятся «портретные» рисунки голов амазонок либо чередующихся с фигурами грифонов, либо на фоне головы коня, как бы удерживаемого под уздцы, и головы грифона (рис. 29). Думается, описывать в данном контексте росписи конкретных vaz не имеет смысла, поскольку значительная их часть уже введена в научный оборот [Richter, 1936; Кобылина, 1951; Beazley, 1956; 1963; Bothmer, 1957; Cook, 1960; Горбунова, 1961; Arias, 1962; Сидорова и др., 1985; Boardman, 1988; 1989; 1998; 2001; Simon, 1997; Шталь, 2000; 2004; Fless, 2002; Вдовиченко, 2008; Фиалко, 2009; серия CVA и другие].

Росписи vaz на амазонские сюжеты позволяют утверждать, что наряду с хорошо известными в литературных источниках темами, вазописцы иллюстрировали и те произведения эпохи архаики, что были со временем утрачены [Скржинская, 1986, с. 94]. На ранних, в особенности чернофигурных, вазах костюмы и вооружение амазонок фактически не отличались от греческих. Костюм составляют легкая короткая туника, подпоясанная узким поясом, и сандалии с изящной шнуровкой. Со временем их одежда выглядит более пышной и в то же время приобретает плавные контуры, что вероятно обусловлено ведением преимущественно конного боя. С конца VI в. до н.э., с проникновением мифов о переселении амазонок в причерноморские степи [Скржинская, 1998-а, с. 22], их облик стал ближе геродотовским персонажам, одетым в скифский костюм. Одежда явно тканая, и часто цветная и расписная, что явно подчеркивалось мастерами. Как правило, юная дева одета в «мужской» костюм так называемого восточного типа – одежда (кафтан и узкие штаны с лампасами) облегает стройную фигуру; ступни ног либо босые, либо в мягких коротких сапожках, так называемых скификах; на голове (иногда сползшая на плечи) мягкая шапочка в форме колпака (типа кидария) со свисающими сзади и по обеим сторонам защитными «клапанами». Как безусловный

признак и атрибут амазонок выступает оружие – чаще это копье или дротик и изящный боевой топор, гораздо реже – лук и колчан со стрелами. Элементы защитного доспеха встречаются на изображениях крайне редко. Это может быть низкий нагрудный панцирь (изредка на более поздних образцах царицы изображались в орнаментированных кирасах), поножи и шлем. На ранних росписях изображали высокие шлемы типа Минервы с защитным гребнем и плюмажем. Позднее они производят впечатление более легких, сделанных по форме головы, а затем напоминают легкие кожаные шлемы (типа чешуйчатых скифских уборов, но без металлической защиты). Нередко амуницию дополняет щит характерной серповидной формы с тремя выступами-вершинами на вогнутой стороне (типа пельты). Зачастую именно изображение легкого щита специфической формы позволяет определить персонаж как амазонку. Хотя встречаются изображения амазонок и с овальными или округлыми щитами.

Даже беглый обзор произведений античного искусства свидетельствует о широком распространении мифов об амазонках в Северном Причерноморье. Популярность этого персонажа подтверждает значительное увеличение сосудов с их изображениями – только пелик в музеях Украины насчитывается около 200 экземпляров [Вдовиченко, 2008, с.110]. Следовательно, сюжеты с участием амазонок были любимы, модны и потому столь востребованы.

Древние мастера, работавшие в разных направлениях художественной культуры (соответственно в различной технике и стилях), обращались главным образом к мифологическим сюжетам или темам, связанным с мемориальными задачами. К числу часто повторявшихся относятся эпизоды, связанные с главными героями эллинических мифов, иллюстрации Троянской войны. И среди самых примечательных сюжетов – изображения вооруженных женщин. Участвующие в баталиях персонажи имеют различное облачение. Амазонки всегда одеты. Чаще их костюм составляет легкий хитон (иногда обнажающий правую грудь), перехваченный на талии поясом. Иногда его дополняют шлем, полотняный панцирь и высокие сапожки со шнуровкой. Реже (преимущественно в эллинистический период) их убор напоминает мужской наряд восточного (скифского) типа. Воительницы представлены в идеально красивых формах женщины, без каких-либо физических изъянов и с весьма развитыми мускулами. Мужские персонажи часто представлены нагими. Считается, что так греческие воины демонстрировали врагу свое мужество и презрение к смерти. При этом часто в одной сцене сражения обнаженные воины показаны вместе с одетыми. Последние облачены в характерный длинный хитон и защитный доспех – полотняный или металлический панцирь, металлический шлем, дополненные щитом [Никулина, 1994, рис. 2-14]. Подходить к такому смешению обнаженных и одетых воинов только с позиции героизации вряд ли возможно. Интересны изображения беотийских воинов последней четверти V – первых десятилетий IV в. до н.э.: на надгробных рельефах и расписных сосудах гоплиты показаны полуобнаженными, одетыми только в плащ и шлем,

но при этом обутыми. Поскольку предметы снаряжения подробно детализированы, можно рассматривать их как реальные изображения действительности. Вероятно, так была снаряжена только наиболее знатная часть гоплитов, тогда как остальные были одетыми. В то же время греки презирали варваров, которые не занимались физическими упражнениями и имели незакаленные тела (Хеп. Ages. 1, 28). Поэтому обнаженные греческие гоплиты уверенностью в себе могли вселять страх в противников-азиатов [Нефедкин, 2003, с. 151-170].

Хронология и география распространения произведений искусства с сюжетами амазономахии довольно широки и отражают художественные ориентиры и пристрастия как эллинов и римлян, так и варварского (в нашем случае скифского) населения. Сюжеты грифономахии более характерны для произведений художественной культуры периферии античного мира. Здесь амазонки воспринимались как служительницы Великой богини и олицетворяли связи с загробным миром [Шауб, 1993, с. 85; Мачинский, 1998, с. 114]. Вероятно, эти изображения иллюстрировали какие-то местные варианты мифов об амазонках, не сохранившиеся в нарративных источниках.

Примечательно, что со временем интерес к амазонкам как персонажам произведений искусства не ослабевает. Их изображают мастера римского времени, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные мраморные копии бронзовых статуй, массивные мраморные саркофаги с пышными многофигурными орнаментальными фризами, красочные мозаики. Скульпторы и живописцы периода средневековья, нового времени и современности вновь и вновь обращаются к хорошо известным сюжетам, связанным с прекрасными воительницами (рис. 30). Это объясняется не только периодически возрождающимся интересом к античной литературе и изобразительному искусству, но, вероятно, и определенными событиями, происходившими в разные исторические отрезки времени на различных территориях. Соответственно времени и модным веяниям менялся и облик воительниц, тяготевший, впрочем, по-прежнему к античной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган 4 в. до н.э.). Киев, 1991.
- Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага-Ленинград, 1966.
- Атлас к ОАК за 1865 г. – СПб., 1866.
- Бергман И. «Смешанный» стиль поздней классики или эллинистическая традиция изображения битвы? О стилистике и типологии рельефа со сценой сражения с Таманского полуострова // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С. 118-143.
- Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964.
- Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила // Курганы Степной Скифии. – К., 1991. С. 98-107.
- Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М, 2001.
- Бунятян К.П., Фялко О.Е. Скифский курган з розмальованим саркофагом // Археологія. № 3. – 2009. С. 55-69.

- Вахтина М.Ю.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII-IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб., 2005. – С. 297-399.
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). Симферополь, 2008.
- Велков И.* Новооткрыти старини // ИАИ. № 12. – 1938. – С.433-449.
- Герцигер Д.С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. – С. 71-100.
- Горбунова К.С.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.
- Энциклопедия на изобразителните изкуства в България.* Т. 1. София, 1980.
- Иванова А.П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
- Кастания Е.Г.* Амазономахия на мозаике Аполлонии Илирийской // Культура античного мира. М., 1966. С. 83-91.
- Кнауэр Э.Р.* О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С. 200-215.
- Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. – 1951. № 19. С. 136-170.
- Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М, 1972.
- Копылов В.П.* Накладка со сценой амазомахии из Елизаветовского могильника // РА. – 2008. № 4. С. 91-96.
- Леви Э.* Греческая скульптура. – Пг., 1915.
- Лосева Н.М., Сидорова Н.А.* Искусство Этрурии и древней Италии. М, 1988.
- Мальберг В.К.* Воин, защищающий павшего товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула. – Харьков, 1914. – С. 1-10.
- Маразов Пв.* Амазонката и самодивата // Митология, изкуство, фолклор. № 1. – София, 1985. – С. 90-117.
- Матковская Т.А.* Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э.–II в. н.э. // Археология и искусство Боспора. Сообщения государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 10. – М, 1992. С. 387-407.
- Матковская Т.А.* Памятники боспорянам – защитникам Отечества (по материалам Керченского лапидария) // *Боспорские исследования.* Вып. 9 2005. С. 89-102.
- Мачинский Д.А.* Пектораль из Толстой Могилы и Великие женские божества Скифии // Культура Древнего Востока. Древность и Раннее Средневековье. – Л., 1978.
- Мачинский Д.А.* Страна аримаспов, простор ариев и «скифские» зеркала с бортиком // Проблемы археологии. – Вып. 4. – СПб., 1998.
- Мирошина Т.В.* Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. – 1983. № 174. – С. 10-17.
- Нефедкин А.* Нагота греческого воина: героика или реальность? // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2003. С. 151-170.
- Никулина Н.М.* Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. – М, 1994.
- Ольховский В.С.* Рельеф с поселения Юбилейное 1: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М, 2001. С. 144-181.
- ОАК за 1859.* СПб., 1862.
- ОАК за 1864 г.* – СПб., 1865.
- ОАК за 1878—1879.* СПб., 1881.
- Опайко Н.А.* Раскопки Аполлонии Илирийской в 1959-1960 гг. // КСИА – 1963. Вып. 95. С. 72-78.
- Пругло В.И.* К вопросу о дате кургана Большая Близица // СА. – 1974. № 3. – С. 64-77.
- Раевский Д.С.* Эллинические боги в Скифии? (к семантической характеристике греко-скифского искусства // ВДИ. – 1980. № 1. – С. 49-71.
- Ротери Г.К., Беннет Ф.М.* Золотой век амазонок. М, 2004.
- Русяева А.С., Супруненко А.Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно-политические контакты и взаимодействия). – К., 2003.

- Русяева М.* Образотворче та вжиткове мистецтво // Історія Українського мистецтва. У п'яти томах. Т. 1. Мистецтво первісної доби та стародавнього світу. – К., 2008.
- Саверкина И.* Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. Оригиналы и римские копии. Л., 1986.
- Савостина Е.А.* Античное поселение Юбилейное 1 на Тамани (предварительные итоги изучения) // РА – 1987. № 1. – С. 58-71.
- Савостина Е.А.* Многоярусные стелы Боспора. Семантика и структура // Археология и искусство Боспора. Сообщения государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 10. 1992. С. 57-386.
- Савостина Е.А.* «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М., 2001. С. 284-323.
- Селиванова Л.Л.* Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки? // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2008. С. 43.
- Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С.* Аптичная расписная керамика из собрания ГМИИ. М., 1985.
- Скряжнская М.В.* Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII-VI вв. до н.э. // ВДИ – 1986. № 4. С. 84-94.
- Скряжнская М.В.* Изображения иноземцев на аттических вазах из Северного Причерноморья // *Vorysthenika*. – Тезисы юбилейных чтений (к 70-летию В.В. Лапина). К., 1998-а. С. 21-22.
- Скряжнская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Соколов Г.И.* Акрополь в Афинах. М., 1968.
- Соколов Г.И.* О фронтовой скульптуре Боспорского царства // Искусство. №11. – 1989. С. 60-66.
- Сокольский Н.И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ. Вып. П1-17. – Москва, 1969.
- Трейстер М.Ю.* Тема амазомахии в торевтике поздней классики и раннего эллинизма (к вопросу о фаларах из кургана Большая Близица) // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С. 243-263.
- Тугушева О.В.* Сцены амазомахии на боспорских пеликах // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С. 216-242.
- Фармаковский Б.В.* Мраморная стела Херсонского музея из Ольвии // ИАК. – 1915. Вып. 58. С. 82-133.
- Фиалко Е.Е.* Серия расписных сосудов с изображениями амазонок из собрания Музея искусства и ремесла в Гамбурге // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Вип. XV. Запоріжжя, 2009. С. 193-200.
- Фол А., Николов Б., Машов С., Иванов П.* Тракийското съкровище от Рогозен. София, 1988.
- Чубова А.П., Копькова Г.И., Давыдова Л.И.* Античные мастера. Скульпторы и живописцы. – Л., 1986.
- Шaub И.Ю.* Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства (некоторые сюжеты боспорских пелик) // *Consilium Eirene* XVI. – Vd. 2. Praha, 1983. – С. 70-73.
- Шaub И.Ю.* Погребения кургана Большая Близица как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. – 1987. № 191. С. 27-33.
- Шaub И.Ю.* Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Материалы конференции, посвященной памяти академика М.И. Ростовцева. – Новочеркасск, 1993. – С. 85.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. – М., 2000.
- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы и ойнохои. IV в. до н.э., керченский стиль. – М., 2004.
- Штуттерих Р.* Рельеф с изображением битвы скифов, найденный на Таманском полуострове // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С.74-117.

- Andronicos M.* Thessalonike Museum. Athens, 1994.
- Arias P.E.* A History of Greek vase painting. London, 1962.
- Beazley J.D.* Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.
- Beazley J.D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford, 1963.
- Bielefeld E.* Amazonomachie. Leipzig, 1951.
- Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. N.Y., 1988.
- Boardman J.* Athenian Red Figure Vases. The Classical Period. – London, 1989.
- Boardman J.* Early Greek Vase Painting. – N.Y., 1998.
- Boardman J.* The History of Greek Vases. London, 2001.
- Bothmer D.* Amazones in Greek Art. Oxford, 1957.
- Cahn D.* Waffen und Zaumzeug: Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig. – Basel, 1989.
- Charbonneaux J., Martin R., Villard F.* Grèce classique (480-330 avant J.-C.). Gallimard, 1969.
- Cook R.M.* Greek painted pottery. – London, 1960.
- Fless F.* Rotfigurige Keramik als Handelsware. Erwerb und Gebrauch attischer Vasen im mediterranen und pontischen Raum während des 4. Jhs. v. Chr. Randen-Westfalen, 2002.
- Fornasier J.* Jagddarstellungen des 6.-4. Jhr. v. Chr. Eine ikonographische und ikonologische Analyse. Münster, 2001.
- Hamiaux M.* Louvre. Les sculptures grecques II. Paris, 1998.
- Haynes S.* Etruscan bronze utensils. The British Museum. London, 1965.
- Heres H., Kästner V.* The Telephos Frieze. Antikensammlung Pergamonmuseum. Berlin, 1997.
- L'art des etrusques.* Introduction de M.Pallottino. Paris – Zurich, 1955.
- Overbeck J.* Geschichte der griechischen Plastik. Bd. I. Leningrad, 1870.
- Pallottino M.* La peinture etrusque (Les grands siecles de la peinture). Geneve – Paris – Neu-York, 1952.
- Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. Bd. II. München, 1923.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986.
- Richter G.* Red-figured Athenian vases in the Metropolitan Museum of art. – New Hawen, 1936.
- Richter G.* A Handbook of Greek Art. London, 1960.
- Richter G.* The Furniture of the Greeks and Romans. London, 1966.
- Robert C.* Die antiken Sarkophagreliefs. Bd. I. Berlin, 1890.
- Rodhen H.V., Winnefeldt H.* Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit. Berlin, 1911.
- Santangelo M.* Musees et monuments etrusques // Musei e monumendi d'Italia. № 3. Novara, 1963.
- Simon E.* (Hrsg.) Mythen und Menschen. Griechische Vasenkunst au seiner deutschen Sammlung. – Mainz, 1997.
- Sokolov G.* Antique art on the Nothern Black sea Coast. Leningrad, 1974.
- The Metropolitan Museum of Art.* Greece and Rome (Edd. J.O'Neill). – New York, 1987.
- Treister M.* The Theme of Ama // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. – Colloquia Pontica. – Vol. 9. Brill Leiden-Boston, 2004. – P.195-211.

О.Е. Фіалко

АМАЗОНКИ В ПАМ'ЯТКАХ АНТИЧНОГО МИСТЕЦТВА

Резюме

До числа найбільш популярних персонажів античного мистецтва, починаючи з доби архаїки, належать амазонки. Відомі окремі зображення озброєних жінок та батальні сцени з їхньою участю. До образу амазонок звертались скульптори, живописці, мозаїсти, торевети, вишивальниці та вазописці. В античному мистецтві вирізняються два іконографічні типи амазонок – грецький та варварський (скіфський).

Хронологія та географія розповсюдження творів мистецтва з сюжетами амазономахії відображають художні орієнтири та вподобання як еллінів та римлян, так і варварського (у нашому випадку скіфського) населення. Сюжети грифономахії є більш

характерними для витворів художнього мистецтва периферії античного світу. Ці зображення ілюстрували, вірогідно, певні місцеві варіанти міфів про амазонок, які не збереглися в літературних джерелах.

Интерес до амазонок як персонажів творів мистецтва не вичерпується. Скульптори та художники періодів середньовіччя, нового часу та сучасності знову і знову звертаються до загально відомих сюжетів, пов'язаних з прекрасними воївницями.

Е.Е. Фиалко

АМАЗОНКИ В ПАМ'ЯТНИКАХ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА

Резюме

К числу наиболее популярных персонажей в античном искусстве, начиная с эпохи архаики, относятся амазонки. Известны отдельные изображения вооруженных женщин и батальные сцены с их участием. К образу амазонок обращались скульпторы, живописцы, мозаисты, тореуты, вышивальщицы, вазаписцы. В античном искусстве выделяется два иконографических типа амазонок – греческий и варварский (скифский).

Хронология и география распространения произведений искусства с сюжетами амазономехии отражают художественные ориентиры и пристрастия как эллинов и римлян, так и варварского (в нашем случае скифского) населения. Сюжеты грифonomехии более характерны для произведений художественной культуры периферии античного мира. Эти изображения иллюстрировали, вероятно, какие-то местные варианты мифов об амазонках, не сохранившиеся в литературных источниках.

Интерес к амазонкам как персонажам произведений искусства не ослабевает. Скульпторы и живописцы периода средневековья, нового времени и современности вновь и вновь обращаются к хорошо известным сюжетам, связанным с прекрасными воительницами.

Е.Е. Fialko

THE AMAZONS IN THE ANCIENT ART

Summary

Among the most popular characters in the ancient art beginning from the Archaic period are the Amazons. There were individual images of armed women and battle scenes with their participation. Great variety of sculptors, painters, mosaic and toreutics masters, embroiders, vase painters accessed to the Amazons. There are two types of iconography of the Amazons in the ancient art - Greek and barbarian (Scythian) ones.

Chronology and geography of the dissemination of works of art with amazonomachia subjects show the artistic orientation and preferences of not only the Greeks and the Romans, but also the barbarian (in our case, the Scythian) population. Scenes of grifonomachia are more typical for the works of art culture of the periphery of the ancient world. These images illustrated, probably some local versions of the myths about the Amazons, which are not preserved in literature.

Interest in the Amazons as the characters of the pieces of art does not weaken. Sculptors and painters of the Middle Ages, the New times and present time turn to the well-known subjects, related to the beautiful female warriors again and again.

1

2

Рис. 1. Фрагмент восточного фриз мавзолея в Галикарнасе. Британский музей.

1. Работа Скопаса. 2. Работа Тимофея.

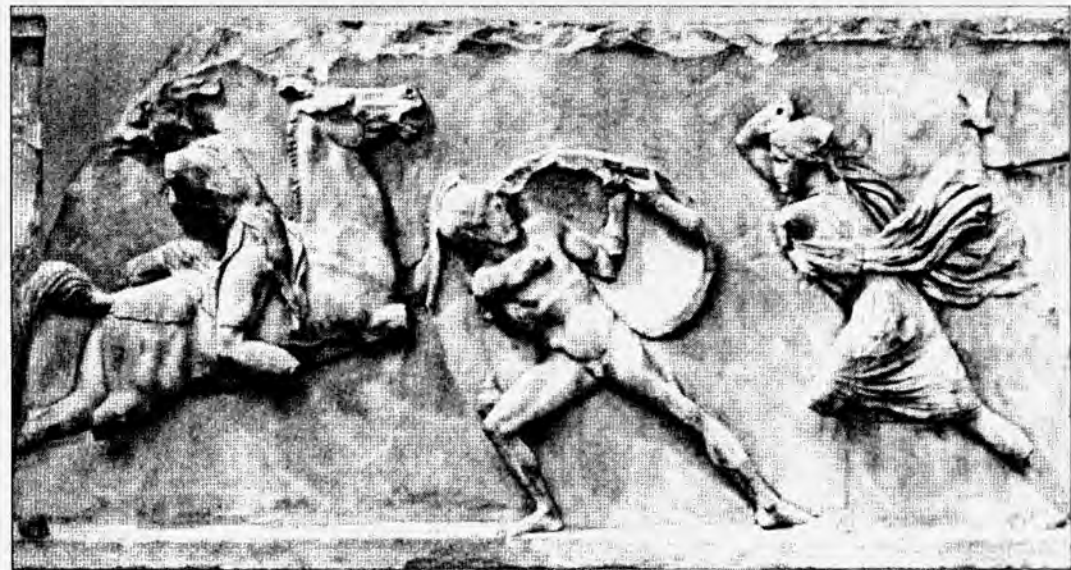

Рис. 2. Фрагмент восточного фриз мавзолея в Галикарнасе. Скопас. Британский музей.

Рис. 3. Храм Гекаты в Лагине (Археологический музей, Стамбул).

Рис. 4. Эфес. Музей г. Сельджук, Турция.

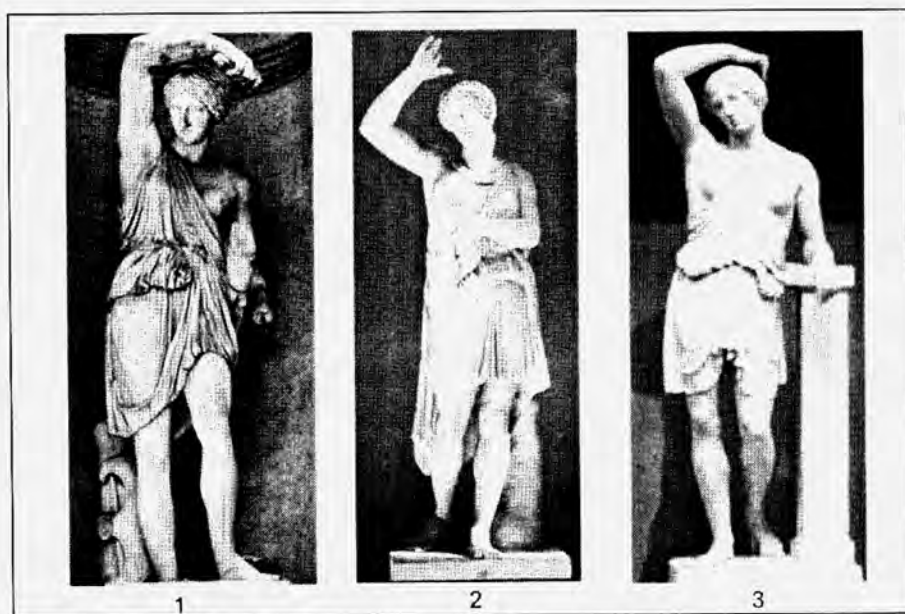

Рис. 5. Статуи амазонок. Мраморные копии.

Рис. 6. Амазонка. Фрагмент мраморной статуи от фронтонной группы. Керченский историко-археологический музей.

Рис. 7. Амазонка на коне с западного фронтона храма Асклепия. Национальный музей, Афины.

Рис. 8. Павшая амазонка, мраморная копия. Национальный музей Неаполя.

Рис. 9. Боспорский рельеф. Поселение Юбилейное-1. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва.

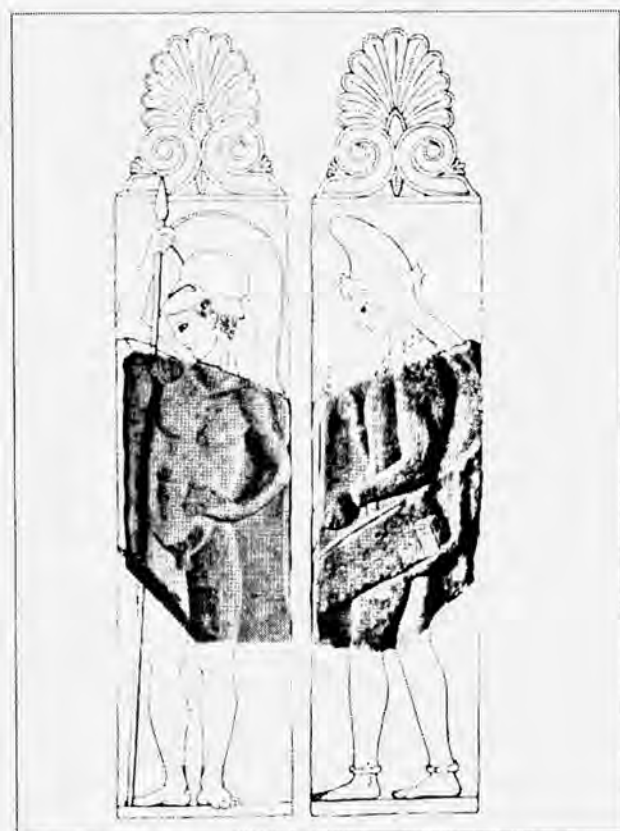

Рис. 10. Мраморная стела Леокса из Ольвии. Херсонский музей.

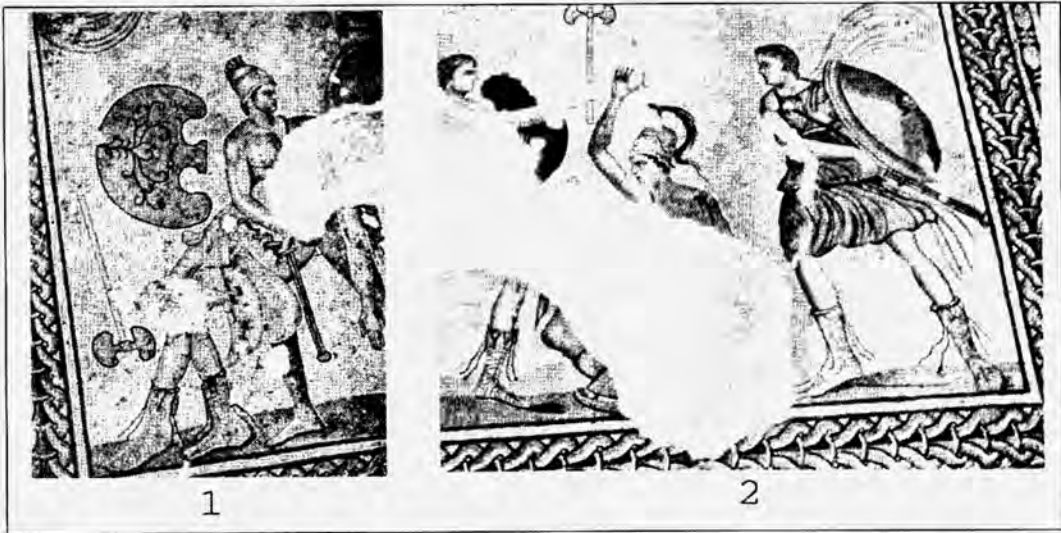

Рис. 11. Мозаичный пол аподитериума в одном из зданий Аполлонии Иллирийской.

Рис. 12. Фрагмент росписи саркофага амазонок. Археологический музей Флоренции.

Рис. 13. Мраморный саркофаг. Музей в Салониках Греция.

Рис. 14. Сцены амазонахмии на мраморных саркофагах.

15

16

17

Рис. 15. Крышка расписного деревянного саркофага из скифского кургана близ с. Марьевка (Украина).

Рис. 16. Бронзовая статуэтка из городища близ г. Евпатории. Эрмитаж, СПб.

Рис. 17. Амазонка. Фрагмент декора бронзового диноса. Капуя. Британский музей.

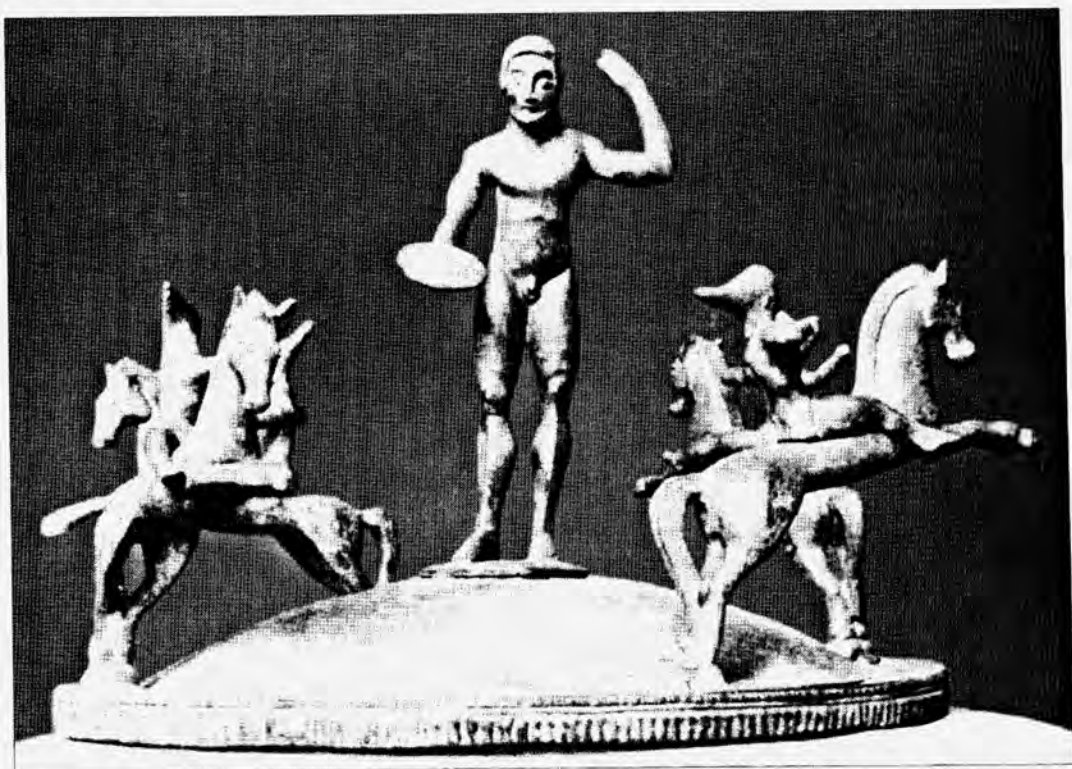

Рис. 18. Верхняя часть бронзового диноса. Метрополитен Музей.

Рис. 19. Бронзовая статуэтка павшей амазонки из кургана с. Могилово. Археологический музей Пловдива (Болгария).

Рис. 20. Калаф из кургана Большая Близница. Эрмитаж, СПб.

Рис. 21. Бронзовый фалар № 1 из кургана Большая Близница. Эрмитаж, СПб.

Рис. 22. Бронзовый фалар № 2 из кургана Большая Ближница. Эрмитаж, СПб.

Рис. 23. Бронзовый фалар № 3 из кургана Большая Ближница. Эрмитаж, СПб.

Рис. 24. Золотая обкладка ножен меча из скифского кургана Чертолык. Эрмитаж, СПб.

Рис. 25. Бронзовая накладка из Елизаветовского могильника.

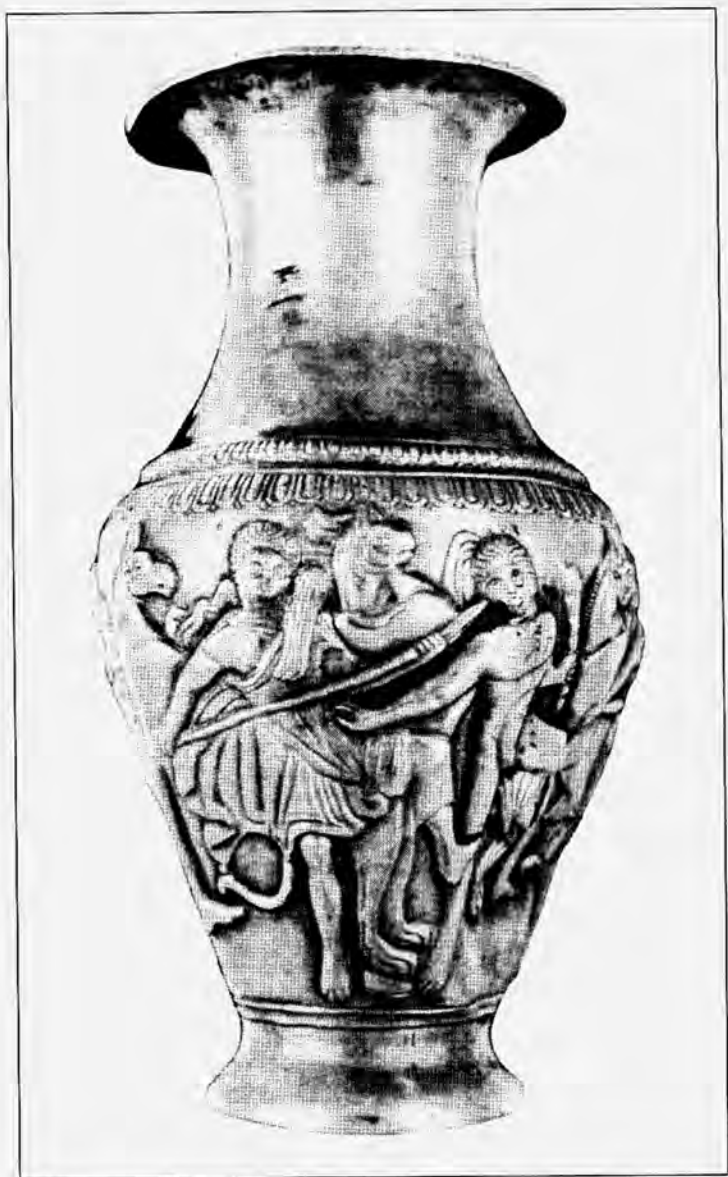

Рис. 26. Серебряный сосуд из Рогозенского клада. Болгария.

Рис. 27. Краснофигурный алабастр Псиакса, конец VI в. до н.э. Одесский археологический музей.

Рис. 28. Краснофигурный кратер Мастера Берлинской гидрии, 460 г. до н.э. Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

Рис. 29. Краснофигурная пелика круга мастера Грифонов, 360 г. до н.э. Ялтинский историко-литературный музей.

Рис. 30. Мраморная статуя Пенфесилеи. Г. Дюбрей (19 в.). Лувр.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ И РЕЛИГИИ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Каждый эллин с детских лет имел определенные представления о разнообразных фантастических существах и в той или иной мере верил в их реальность. Они издавна играли заметную роль в греческом фольклоре и литературе, а их изображения часто встречались в монументальном и прикладном искусстве. Так было и в античных городах Северного Причерноморья. В школе каждый мальчик учил поэмы о Троянской войне и судьбе ее героев; в них появлялись сирены, nereиды, кентавры и другие не встречавшиеся в реальной жизни персонажи; в популярном у всех эллинов цикле мифов о Геракле герой сражался с кентаврами, в рассказах о богах сатиры сопровождали Диониса, а грифоны служили Аполлону. Народная фантазия составляла эти существа из частей тела человека и животного или соединяла в целое не совместимые в реальности части разных зверей.

Подобно настоящим животным, они обитали на суше, небе и в воде, но не в пределах хорошо известной ойкумены, а на неизведанных окраинах земли у границы с потусторонним царством или в обществе небесных и подземных богов. В представлении эллинов это давало таким существам возможность служить некой связью между реальным и потусторонним мирами; поэтому легенды о многих фантастических существах вспоминали во время погребальных обрядов, и не случайно множество интересующих нас произведений искусства находились в некрополях.

В уцелевших эпитафических и письменных источниках о Северном Причерноморье фантастические существа практически не упоминаются, но многочисленные их изображения на местных и привозных памятниках показывают, что в культуре и религии им уделялось здесь не меньше внимания, чем в Элладе и других ее колониях. Поэтому записи ряда древних авторов можно привлечь для исследования этой темы и для интерпретации смысла, заложенного художниками в их произведения. Среди изображений, привлеченных для предлагаемой статьи¹, первое место по количеству занимает свита Диониса.

¹ Смотри приложенный в конце работы каталог изображений фантастических существ на памятниках искусства из Северного Причерноморья.

вии, о чем известно из «Истории» Геродота (IV, 79). Со слов ольвиополитов он записал новеллу о скифском царе Скиле, имевшем собственный дом в Ольвии; царь был посвящен в таинства Диониса и в вакхическом истступлении ходил по улицам города в процессии адептов бога. Во время подобных шествий и других праздничных ритуалов их участники восклицали *εὐαί*. Этот возглас, известный по упоминаниям античных авторов, звучал и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют два граффити на зеркале из Ольвии, и на сосуде из Феодосии [Скржинская, 2009, с. 129, 133].

Многие мужчины и женщины на праздниках Диониса, надевая маски и костюмы спутников бога, чувствовали себя вакхантами, перевоплотившимися в этих персонажей, и вели себя так же раскованно и безумно, как об этом рассказывалось в мифах о сатирах, силенгах и менадах. Круг этих преданий в Северном Причерноморье можно в общих чертах представить, используя многочисленные археологические находки из раскопок Боспора, Херсонеса, Ольвии, Тиреи и Никонии.

Старый Силен был любимым спутником Диониса. С ним, согласно разным преданиям, была связана жизнь бога с младенческих лет. В одном из вариантов мифа о детстве Диониса рассказывалось, что Зевс велел Гермесу отнести новорожденного сына на гору Ниса и передать на воспитание Силену и нимфам. Сюжет этого мифа пользовался популярностью в античном искусстве. Сохранились аттические вазы с подобной росписью [Boardman J. 1997, № 22, 126] и несколько римских копий с исполненной в III в. до н. э. статуи Силена с маленьким Дионисом на руках (рис. 1; Виппер, 1972, с. 257). Эта композиция изображена на терракотовой статуэтке, найденной в окрестностях Ольвии, и на крышке краснофигурной леканы из Пантикапея (№ 15, 24). В других сказаниях говорилось, что Силен постоянно сопровождал своего воспитанника и даже помог ему во время битвы богов с гигантами (Eur. Cycl. V. 1-8; Diod. Sic. IV, 4).

Силены известны по произведениям античных писателей и художников с начала VI в. до н. э. Они были богами плодородия и стихийных сил природы и имели миксантропический облик: торс человека с конскими ногами и хвостом. Их безобразные лица отличались приплюснутым носом, толстыми губами, глазами навыкате и звериными остроконечными ушами. Постоянным признаком служил также большой фалос, символ плодородия; он напоминал многочисленные рассказы о взаимоотношениях силенов и нимф. В приписанном Гомеру гимне Афродите (IV, 262-263) говорится, что силены в своих пещерах заключают в объятия горных нимф; Пиндар (fr. 156) описывал их взаимоотношения с нимфами и любовь к танцам. Этому соответствуют многочисленные совместные изображения этих персонажей, но лишь на вазе Франсуа, сделанной в 70-е годы VI в. до н. э., есть надпись, указывающая их наименование [Hedreen, 1994, p. 47-48]. Вазописец Клитий нарисовал трех силенов и четырех нимф, следующих за Гефестом, который в сопровождении Диониса и его свиты возвращается на Олимп. Художник изобразил силенов

бородатыми с лошадиными ногами и хвостами и с большим торчащим фаллосом. Один из них тащит на спине мех с вином, другой играет на аулосе, третий несет на руках нимфу (Boardman, 1985, № 46, 7; LIMC, Vd. 8, S. 1113, № 22). Подобные изображения силенов встречаются и на памятниках искусства из Северного Причерноморья. Силен с нимфой на руках украшает печать из агата, принадлежавшую жителю Пантикапея в VI в. до н. э. (№ 6)², а бегущий силен с мехом за плечами нарисован на тулове чернофигурной ольпы из Ольвии (№ 3; рис. 2).

Во второй половине VI в. до н. э. многие художники уже не снабжали силенов звериными ногами, оставив им лишь хвосты и большие уши. Судя по сохранившимся памятникам искусства, греки в Северном Причерноморье представляли силенов именно такими, потому что так они выглядели на привозных расписных вазах, монетах, терракотах и украшениях (№ 1-29). По большей части Силену представляли одного. Греки считали его большим любителем вина, поэтому изображали либо с винным мехом (№ 3), либо наливающим или пьющим вино из чаши или прямо из амфоры (№ 5, 12, 14). Иногда его рисовали пьяным, лежащим в изнеможении (№ 9; рис. 3); от пьянства и старости он плохо держался на ногах и потому ездил на муле и на козле (№ 7, 25).

Силены были героями нескольких мифов и постоянно появлялись на сцене греческих театров в сатирических драмах V-IV вв. до н. э. По уцелевшим произведениям античной литературы сейчас известны мифы о силене-музыканте Марсии, о мудром Силене в гостях у царя Мидаса и о Силене, воспитателе и спутнике Диониса. Иллюстрации этих мифов есть на аттических вазах, расписанных выдающимися художниками. Их покупали зажиточные граждане Ольвии, Херсонеса и Боспора, и это показывает, что здесь знали упомянутые мифы.

Сцены из предания о Марсии, осмелившимся состязаться с Аполлоном, украшают две вазы из Пантикапея и Херсонеса. В античной литературе с некоторыми вариантами рассказывается о том, как Афина изобрела аулос, духовой музыкальный инструмент, состоявший из двух трубок и по звучанию похожий на современный гобой. Богиня, увидев, что при игре на нем некрасиво искажается лицо, бросила неудачный инструмент, и его подобрал Марсий. Он научился прекрасно на нем играть и, считая себя замечательным музыкантом, вызвал на состязание Аполлона, но судьи отдали первенство богу. Аполлон же в наказание за дерзость казнил Марсия (Apollod. Bibl. I, 4, 2; Paus. I, 24, 1; II, 22, 9; Diod. Sic. III, 58; Ov. Met. VI, 382). Так утверждалось превосходство спокойной струнной музыки, исполнявшейся эллинским богом, по сравнению с экстатическим характером пришедших с востока мелодий; они сопровождали празднества Диониса и Кибелы, в свиту которых входили силены. Однако мелодии для аулоса, авторство которых приписывалось Марсию, пользовались успехом в V-IV вв. до н. э. (Plat. Symp. 215 e).

² Здесь и далее указаны номера помещенного в конце каталога.

Краснофигурная пелика из Пантикапея с картиной состязания Аполлона и Марсия (№ 17) расписана в третьей четверти IV в. до н. э. выдающимся не известным по имени художником; его кисти принадлежат несколько ваз, и в научной литературе он получил по этому произведению наименование Мастера Марсия. В центре композиции стоит нарядно одетый Аполлон, к нему подлетает Ника, символизирующая победу бога, а рядом сидит Марсий, уронив свой аулос (рис. 4). На фрагменте кратера из Херсонеса победивший силена Аполлон представлен играющим на лире (№ 18).

В других преданиях у силена нет особого имени. Элиан в «Пестрых рассказах» (III, 18) со ссылкой на Феопомпа, хиосского историка IV в. до н. э., изложил легенду о фригийском царе Мидасе, который велел поймать Силена, и тот рассказал ему об удивительных странах, расположенных за пределами греческой ойкумены. Здесь Силен предстал мудрым и осведомленным во многих областях знаний. Недаром философа Сократа, некрасивого и похожего на изображения силена, сравнивали с этим мифическим персонажем (Plat. Symp. 215 a; Xen. Symp. IV, 19). Следуя этой давней традиции, Вергилий в шестой Эклоге вложил в уста Силена историю древней космогонии.

Рисунки на вазах показывают, что подобные рассказы о Мидасе и Силене появились в архаический период. На чернофигурной пелике из Пантикапея (№ 1) представлен связанный Силен, которого воины ведут к Мидасу (рис. 5). У ног Силена находится пантера, священное животное Диониса, она напоминает о тесной связи Силена с Дионисом. О том же говорят изображения на чернофигурных лекифе, килике и ольпе из Ольвии (№ 2, 8, 10), где Силен сопровождает Диониса (рис. 6).

Уже в архаический период образы силенов и сатиров, также входивших в свиту Диониса, стали объединяться. Об их тождестве можно судить по одной из глав «Пира» Платона (221 e), называвшего Сократа то силеном, то сатиром. Павсаний (I, 23, 5) писал, что силенами называют сатиров, достигших преклонного возраста. В эллинистический период дорожную мебель часто украшали костяными пластинками с изображением головы пожилого силена (№ 23). Такие пластинки есть в коллекциях материалов из раскопок Пантикапея, Нимфея, Тиритаки и Кеп (рис. 7). Здесь найдены также заготовки для этих украшений, поэтому можно утверждать, что их изготавливали на Боспоре [Финогенова, 1984, с. 174-175].

В сатиловских драмах часто участвовал Паппосилен, «отец сатиров». На дионисийских праздниках в V-IV вв. до н. э. после трагедий разыгрывали такие пьесы; в них хор всегда состоял из сатиров, а корифеем часто выступал Силен. Он был активным действующим лицом в единственной полностью сохранившейся подобной пьесе «Циклоп» и, обращаясь к хору сатиров, называл их своими детьми (Eur. Cycl. v. 82, 97). Этот персонаж, в числе других спутников Диониса, изображен на фрагменте мраморного фриза, вероятно украшавшего театр в Пантикапее (№ 19).

Костюм Паппосилена хорошо известен по изображениям на вазах [Simon, 1982, p. 142]. Один из лучших рисунков такого рода представлен на вазе Пронома, расписанной в начале IV в. до н. э. [Simon, Hirmer, 1981, S. 151-158]. Вазописец нарисовал актеров, готовящихся играть сатиrowsкую драму под аккомпанемент знаменитого музыканта Пронома (рис. 8). Его имя, известное по упоминанию Павсания (IX, 12, 4), написано на вазе, и поэтому сейчас она носит такое название. Судя по картине на лицевой стороне сосуда, в пьесе показывали какой-то эпизод из жизни Геракла. Актер, исполнивший его роль, наряду с маской, имел характерные атрибуты этого героя: дубинку и наброшенную на плечи шкуру льва.

Рядом с этим артистом стоит исполнитель роли Паппосилена. В руке у него маска с седыми волосами и бородой, а сам он одет в характерный косматый костюм, закрывающий все тело, а на плечо наброшена шкура пантеры, священного животного Диониса, ставшая атрибутом его спутников (рис. 9). В подобном костюме изображен силен на упомянутом мраморном рельефе из Пантикапея (рис. 10). Несколько артистов на вазе Пронома входили в состав хора сатиров. Их обнаженные тела прикрывают лишь меховые набедренные повязки с привязанными впереди кожаным фаллосом, а сзади – хвостом. Один из них, надев маску, исполняет буйный танец сатира, остальные беседуют между собой, держа маски в руках (рис. 9).

Картины на двух аттических вазах IV в. до н. э. из Пантикапея также связаны с сатиrowsкими драмами. На краснофигурной ойнохое нарисован сатир, подкрадывающийся к нимфе, беседующей с ребенком-сатиром (№ 55). Сюжет о детстве Диониса из другой пьесы того же жанра украшает крышку краснофигурной леканы (№ 15; рис. 11). На то, что это не просто иллюстрация мифа, указывает фигура музыканта, играющего на аулосе. Он облачен в длинный нарядный хитон, характерную одежду аккомпаниатора в театре. Близкую параллель этой фигуре можно увидеть на мозаике II в. до н. э. со сценой обучения актеров, одетых сатирами [Pfuhl, 1923, S. 302, Fig. 686]. Музыкант стоит в той же позе в фас к зрителю и играет на таком же длинном аулосе; он одет в похожий ниспадающий до пола узорчатый наряд, имеющий длинные рукава и круглый открытый ворот, и голова его увенчана пышным венком.

Сюжет пьесы, вдохновившей вазописца, заимствован из мифа о детстве Диониса. Художник изобразил силену, передающего младенца нимфе и рядом поместил атрибуты бога пантеру и виноградную лозу. Остальные персонажи представляют традиционные для вазописи сцены преследования нимф сатирами. Эти мотивы разнообразно обыгрывались на сценах античных театров. Древние художники не воспроизводили в точности ту или иную драматическую сцену, но импровизировали на тему определенной пьесы и связанного с ней мифа. Поэтому наряду с актерами и музыкантами вазописцы включали в свои картины мифических персонажей без театральных костюмов и масок.

В Северном Причерноморье найдено немало терракотовых копий театральных масок силенов и сатиров, и зачастую их трудно разделить. Такие

маски, использовавшиеся в различных религиозных ритуалах, были сделаны не только иноземными, но и местными мастерами. Это подтверждается находками в Ольвии и в Херсонесе форм для терракотовых масок и фигурок силенов (№ 22) и подобными изделиями из боспорской глины.

Греки вспоминали одну из ипостасей Диониса в контексте погребального культа, а иногда считали даже владыкой подземного царства [Shauenberg, 1953, S. 41-46]. В фольклорных рассказах боги плодородия погибают и воскресают подобно умирающим растениям, которые возрождаются из зерен. Так и душа человека, по распространенным у эллинов верованиям, после смерти возрождалась в потустороннем мире. Эти верования, в частности, отражались в том, что в могилы клали изображения Диониса и его спутников, кроме того, их фигурами и масками украшали саркофаги. Таковы многочисленные расписные вазы с дионисийскими сюжетами, найденные в некрополях античных городов Северного Причерноморья, херсонесские мраморные саркофаги римского времени (рис. 12) или набор масок в погребении III в. до н. э. [Белов, 1948, с. 76, табл. 11].

В вазовой живописи сатиры встречаются чаще прочих спутников Диониса. Обычно их включали в декор сосудов для вина. Античные авторы с осуждением отмечали неспособность сатиров трудиться (Hes. fr. 198, 2), их стремление только развлекаться и удовлетворять непомерные сексуальные желания. Последнее указывает на происхождение сатиров из представлений о демонах плодородия. Дионис также имел функцию бога производящих сил природы, так что сатиры в его свите появились не случайно. Они, по словам Диодора Сицилийского (IV, 5), доставляют богу много радости и удовольствия своими танцами и песнями, а также вызывающими смех повадками.

Эта характеристика сатиров находит множество иллюстраций на вазах из раскопок в Северном Причерноморье. Мы видим сатиров вместе с Дионисом, они играют на разных музыкальных инструментах, чаще всего на аулосе, и танцуют одни или вместе с вакханками (№ 30, 35). Эллины полагали, что сатиры были прекрасными музыкантами, неслучайно на одной амфоре мастера Смикра около фигуры сатира написано слово *τέρταυλος* (зачаровывающий игрой на аулосе) [Лиссарт, 2008, с. 130, рис.96]. Музыка, исполнявшаяся на аулосе, сопровождала дионисийские праздники и представления в театре, проходившие во время подобных торжеств. К лучшим подобным изображениям относятся кратер из Никония с картиной дионисийского шествия (№ 46; рис. 13) и пелика из Пантикапея, на которой нарисован Дионис и его свита (№ 56; рис. 14). Но иногда сатиров изображали со струнными инструментами, например, на чернофигурном скифосе из раскопок Березани сатир аккомпанирует на лире танцу двух вакханок (№ 39), а на картинах двух кратеров, найденных на Боспоре, сатир играет на барбитоне (№ 47, 48).

Первоначально греки представляли сатиров с безобразными лицами густо обросшими волосами, со звериными ушами, ногами и хвостом. Но уже

в VI в. до н. э. их изображения утрачивают многие зооморфные черты. Обязательным остается лишь хвост, кроме того, у них часто бывают острые звериные уши и небольшие рожки. В V в. до н. э. появляются молодые безбородые сатиры и их маленькие дети. Павсаний (I, 20; 43) описал три статуи юных сатиров, которые в IV в. до н. э. сделал знаменитый скульптор Пракситель. Его мраморный отдыхающий сатир пользовался громкой славой в Элладе и в Риме. До настоящего времени сохранилось несколько десятков копий этой статуи, представлявшей юношу с накинутой на плечи шкурой пантеры и с аулосом в руке (рис. 15). Многие жители Северного Причерноморья регулярно ездили в Элладу с политическими и торговыми целями; и они несомненно видели эту скульптуру и ее копии. Не только у Праксителя, но и у большинства других художников молодые сатиры утратили безобразные черты лица; лишь острые уши и хвост отличали их от человека. Это можно наблюдать на рисунках ваз из раскопок Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Среди рассматриваемых изображений сатиров особенно следует выделить золотые, серебряные и медные монеты Пантикапея и Фанагории, выпускавшиеся в IV-III вв. до н. э. (№ 58). Штамп для золотых статеров с головой бородатого сатира в фас на аверсе и грифоном на реверсе был сделан превосходным мастером, возможно, специально приглашенным в Пантикапей из Эллады (рис. 16). Первые выпуски монет с изображением сатира ассоциировались не только с этим фантастическим персонажем, но и с именем боспорского царя Сатира правившего на рубеже V-IV вв. до н. э. [Шеллов, 1956, с. 144] При нем и его наследниках культ Диониса на Боспоре занимал выдающееся место в государственной религии, так что изображение сатира, постоянного спутника Вакха, символизировало этого бога. На монетах в течение почти двух столетий появлялись разнообразные головы бородатых и безбородых сатиров, по большей части увенчанных венками из плюща, священного растения Диониса. Лица сатиров представлены чаще всего в профиль и наделены гротескными чертами: широким носом, круглыми глазами, наростом на лбу (рис. 17).

В V в. до н. э. к спутникам Диониса эллины присоединили Пана [Boardman, 1997, p. 227, 230, № 168, 382], единственное миксантропическое существо, которое причисляли к младшим богам (Her. II, 145). В сборнике гомеровских гимнов, воспевающих разных богов, один обращен к Пану, названному «козлоногим, двурогим, шумливым», он играет на свирели и танцует в развевающейся рысьей шкуре (XIX, 2, 24). Это соответствует его многочисленным древним изображениям, представляющим человека, одетого в шкуру и имеющего козлиные рога, бороду, ноги и хвост. Считалось, что подобно другим спутникам бога, Пан любит танцевать, но делает это неуклюже, топая ногами, а нимфы смеются, говоря, что он скачет выше, чем нужно, брыкается и прыгает, как козел, но им нравилось танцевать под его музыку (Hom. Hymn. XIX, 19 -23; Philostr. Im. II, 11). Вот как Платон написал об этом в одной из своих эпиграмм (AP. IX. 823):

Тише, источники скал и поросшая лесом вершина!
 Разноголосый, молчи, гомон пасущихся стад!
 Пан начинает играть на своей сладкозвучной свирели,
 И, окружив его роем, спешат легконогие нимфы,
 Нимфы деревьев и вод, танец начать хоровой.

Перевод Л. Блуменау

По преданию, Пан родился в Аркадии, обитал в горных лесах и был покровителем в первую очередь пастухов, а также охотников и рыболовов. Как и прочие божества плодородия, он обладал повышенной сексуальностью и часто преследовал нимф, но они из-за его безобразного вида в большинстве случаев не отвечали взаимностью. Так неудачей закончилась погоня Пана за нимфой Сирингой, которая предпочла превратиться в тростник, чем оказаться в объятиях козлоногого рогатого божества (Ov. Met. I, 689- 712). Из этого тростника он сделал свирель, состоящую из разновеликих полых тростниковых трубок, скрепленных воском, назвал ее по имени нимфы сирингой и постоянно на ней играл (Hom. Hymn. XIX, 45- 46). Греческая пастушья свирель стала атрибутом Пана, она присутствует на многих его изображениях. Эллины рассказывали, что Пан, виртуозно играя на сиринге, решился вступить в музыкальное состязание с Аполлоном. Одним из судей этого соревнования был фригийский царь Мидас; зачарованный игрой Пана он отдал ему первенство, за что Аполлон наградил царя ослиными ушами (Ov. Met. XI, 153-179; Hyg. Fab. 191). Некоторые вазописцы, иллюстрируя этот миф, рисовали у Мидаса ослиные уши [Boardman, 1997, № 139]. Однако, играть на свирели, как Пан, в древности было для исполнителя высокой похвалой (Theoc. I, 2-3).

Сведения о Пане в античных государствах Северного Причерноморья основываются лишь на его немногочисленных изображениях, которые иллюстрируют круг известных здесь преданий об этом божестве. Древнейший известный нам памятник относится к V в. до н. э.; это костяная статуэтка из Нико́ния (№ 63). Ее вид соответствует описанию внешности Пана в упомянутом гомеровском гимне и у других древних авторов. На голове у него рога, козлиные ноги покрыты густой шерстью, а на груди узлом завязаны концы накинутой на тело шкуры; в правой руке он держит плохо сохранившийся предмет, скорее всего сирингу. Статуэтка, вероятно, служила украшением шка­тудки [Секерская, 1989, с. 109, рис. 65]. К раннему эллинистическому периоду относится серебряный браслет из Ольвии с фигуркой Пана, играющего на сиринге (№ 64). Ряд памятников искусства показывает, что греки на северном краю ойкумены знали о включении Пана в свиту Диониса. Таковы картины на двух пеликах и крышке леканы из Пантикапея. Композиция из трех фигур на аттической пелике представляет Пана, танцующего вместе с менадой и сатиром (№ 52), а вторая пелика расписанная боспорским масте­ром, украшена фигурами играющего на аулосе Пана и двух вакханок, одна из которых держит тимпан (№ 65). Крышка леканы снабжена росписью

способствовали вхождению в транс. В мифах архаического времени спутницы Диониса назывались нимфами (Hedreen, 1994, p. 47- 49). Начиная с V в. до н. э., они постоянно именовались вакханками. Неслучайно Еврипид назвал одну свою трагедию «Вакханки», и в ее тексте это слово звучит намного чаще, чем менады. Существовали мифы о дружеских и враждебных отношениях вакханок с сатирами, силенами и Паном. Поэтому на памятниках искусства эти женщины то танцуют с ними (№ 30, 84), то убегают и обороняются от их притязаний (№ 15, 41, 43, 53).

Исходя из сказанного, спутницы Диониса, изображенные на вазах архаического периода, должны называться нимфами, а на памятниках искусства более позднего времени этих женщин следует именовать вакханками или менадами. Исследователи античного искусства заметили, что на вазах до конца VI в. до н. э. наблюдаются мирные отношения нимф, сатиров и силенов, а позже появляются сцены преследования вакханок, которые либо убегают, либо обороняются от неугодных поклонников. Возможно, это были иллюстрации сюжетов сатирических драм, в которых юмористически обыгрывались сексуальные притязания сатиров. Неслучайно на некоторых картинах такого рода нарисован музыкант в одеянии аккомпаниатора во время драматических представлений [Hedreen, 1994, p. 67]. Подобное изображение авлета имеется на одной лекане из Пантикапея (№ 15; рис. 11).

В разных греческих городах поклонницы Диониса объединялись в религиозные союзы для совершения таинств в честь Вакха (Diod. Sic. VI, 3). Наличие таких союзов в Милете [Иванов, 1923, с. 50], метрополии Тире, Ольвии и Пантикапея позволяет с определенной уверенностью думать, что в Северном Причерноморье также были подобные объединения, и здесь вакханки появлялись на дионисийских праздниках.

Мифические сюжеты о безумных поступках почитательниц Диониса известны по произведениям разных древних писателей; наиболее подробный и яркий рассказ такого рода изложен в трагедии Еврипида «Вакханки». Там Дионис наказывает фиванского царя Пенфея за критическое отношение к его культу; ведь царь осуждал поведение поклонявшихся богу менад, которые пьют вино, носят по лесам и рощам, разрывают диких зверей и «бегут с мужчиной ложе разделить» (Eur. Bacch. v. 215- 262). Дионис устроил так, что в вакхическом безумии мать царя вместе другими поклонницами бога разорвала на части Пенфея, приняв его за льва, и затем после отрезвления в ужасе поняла, что убила сына.

Живые юные поклонницы Вакха служили натурой для скульпторов и художников. Выдающийся мастер Скопас в IV в. до н. э. изваял из мрамора статую танцующей неистовой менады; она восхищала греков в течение нескольких столетий, о чем свидетельствует эпиграмма, написанная Главком в I в. до н. э. (AP. IX, 774):

Камень паросский – вакханка. Но камню дал душу ваятель,
И, как хмельная вскочив, ринулась в пляску она.

Эту фиаду создав, в иступление, с убитой козою,
 Боготворящим резцом чудо ты сделал, Скопас.

Перевод Л. Блуменау.

Знаменитая в древности статуя известна сейчас по описаниям древних авторов и по частично поврежденной небольшой копии, находящейся в музее Альбертинум в Дрездене. Скульптор изобразил молодую женщину во время пляски, она закинула назад голову, ее лицо выражает экстаз, волосы разметались по спине, а развевающийся хитон обнажает половину тела. В одной руке менада держит нож, в другой козленка, животное, традиционно приносимое в жертву Дионису. Подобные моменты ритуалов, совершавшихся вакханками, можно видеть на золотых серьгах из Пантикапея (№ 81) и на бляшках, украшавших парадный костюм боспорской жрицы Диониса, похороненной в кургане Большая Близница недалеко от Фанагории. На рельефе одной бляшки менада держит нож и жертвенного ягненка (№ 85), на других украшениях она танцует под аккомпанемент тимпана, античного бубна, в который ударяет либо сама, либо сопровождающий ее сатир (№ 84).

Вакханок часто изображали с ударными инструментами, тимпанами (№ 67, 87; рис. 21) или с кроталами, аналогами современных кастаньет (№ 39, 73, 76, 77). Тело поклонниц Диониса покрывала небрида, шкура молодого оленя или пантеры, голову украшали венки из плюща (№ 78, 87), а в руках они держали тирс, характерный для изображений Вакха посох, увитый плющом и виноградом и увенчанный на конце шишкой (№ 46, 81, 83). В мифологических сценах вакханки изображались вместе с укрощенными Дионисом пантерами. Среди золотых бляшек из кургана Большая Близница есть фигурка женщины, едущей на пантере; в руке у нее канфар, кубок, из которого обычно совершались возлияния на алтарях Диониса (№ 82). А на краснофигурной вазе из Пантикапея вакханка едет на колеснице, запряженной двумя пантерами (№ 80).

Участие вакханок в религиозных церемониях на празднике Ленеи можно представить по рисунку на вазе IV в. до н. э. из Пантикапея (№ 78). Название этого дионисийского праздника, вероятно, происходит от одного из редких наименований менад $\lambda\eta\nu\alpha\iota$ или от винного чана $\lambda\eta\nu\acute{o}\varsigma$, а сам сосуд редкой формы, называемый стамносом, использовался именно на Ленеях. Месяц Ленеон, во время которого отмечали этот праздник, существовал в милетском календаре, им всегда пользовались в Ольвии и Тире, а на Боспоре до начала I в. до н. э. [Скржинская, 2009, с. 298, 299]. находка стамноса дает основание считать, что его использовали для священнодействий, во время которых в Пантикапее совершались ритуалы, сходные с изображенными на этой вазе [Лосева, 1974, с. 130-132].

На лицевой стороне вазы изображена женщина в дорическом хитоне с канфаром в руке; она подходит к стамносу, стоящему на столике с тремя ножками, заканчивающимися львиными лапами. Церемония возлияния сопровождается пляской вакханки в длинном хитоне, поверх которого на-

брошена шкура пантеры. Танцу аккомпанирует на аулосе третья женщина, одетая в хитон с темной каймой и с плюшевым венком на голове (рис. 20).

Оборотная сторона стамноса расписана более небрежно; композиция картины также составлена из трех женских фигур. Одна вакханка с тирсом идет, закинув назад голову, вероятно, выражая такой позой вакхический экстаз. Навстречу ей движутся две закутанные в плащи женщины; ближайшая к вакханке несет в руке факел (может быть, он указывает, что действие происходит ночью), у другой на голове надет венок из плюща, указывающий на ее причастность к дионисийскому культу.

Археологи находят множество обломков расписных сосудов при раскопках городов и поселений в Северном Причерноморье. Наиболее ранние образцы посуды с танцующими сатирами и нимфами были привезены в VI в. до н. э. на Березань, в Ольвию и Пантикапей из Клазомен и острова Хиоса (№ 30- 33), позже их вытеснили афинские чернофигурные, а затем краснофигурные вазы [Копейкина, 1986, с. 33, 39; Сидорова, 1984, с. 115, 155]. Важно отметить, что местные мастера тоже обращались к изображениям спутников Диониса и делали это в русле сложившейся в Элладе традиции. Большинство сохранившихся подобных изделий относятся к боспорскому производству: в их число входят расписные вазы (№ 65), терракотовые маски и статуэтки из местной глины (№ 87; рис. 21), монеты с головой сатира на аверсе (№ 58; рис. 16, 17), костяные украшения мебели (№ 23; рис. 7) и известняковые рельефы (№ 70- 72). Херсонесская и ольвийская формы для отливки терракот силена (№ 22) показывает, что подобные изделия производились и в других государствах Северного Причерноморья.

Завершая анализ письменных и изобразительных источников о спутниках Диониса, можно прийти к следующим выводам об их роли в жизни населения античных государств Северного Причерноморья.

Все члены свиты бога плодородия и виноградарства первоначально были персонажами народных мимических игр с участием лиц, наряженных зверями; они у многих народов сопровождали земледельческие культы. Подобные праздники, призванные стимулировать животворящие силы природы, сопровождались разгульным поведением, обильной едой и половой разнузданностью. Но только в Элладе эти фольклорные образы получили широкую известность в древней литературе и стали действующими лицами во время театральных представлений, а в изобразительном искусстве выработался общий узнаваемый тип каждого из этих персонажей.

Диониса сопровождали сатиры, силены и Пан, имевшие полузвериный облик. В этом плане они родственны другим миксантропическим существам, таким как кентавры, сирены и сфинксы. Но уже в конце VI – V вв. до н. э. сатиры и силены все больше становятся похожи на обычных людей. Обязательной чертой остается лишь хвост, а звериные ноги и большие рога остаются только у Пана; безобразными лицами наделяют лишь пожилых сатиров, молодые же красивы, как прочие божества.

и философ VI в. до н. э., назвал сражения греческих героев с кентаврами «вымыслом прежних времен» и призывал не увлекаться рассказами на пирах о подвигах в этих боях (Xenophon. Fr. 1. v. 20-24). Это косвенно указывает на древнее происхождение таких мифов и на их широкую популярность, что подтверждается многочисленными изображениями кентавров в искусстве VI-V вв. до н. э. Сюжеты росписей с участием кентавров на сосудах, входивших в парадные сервизы для приема гостей, подтверждают слова Ксенофана о том, что во время симпозиума вспоминали рассказы и стихи о сражениях Геракла и других героев с этими фантастическими существами. О том, что так было и в античных городах Северного Причерноморья, свидетельствуют расписные вазы для вина из раскопок в Ольвии, Борисфене и Пантикапее (№ 89-102).

Согласно преданиям, кентавры обитали в горах и были грубыми похотливыми существами с буйным нравом и необузданными страстями; в греческом языке имелось даже прилагательное *кентаврикός* (дикий или грубый, как кентавр). В античной литературе сохранилось множество имен кентавров, которые в архаический период выступали героями многих мифов, но большинство этих сказаний известно лишь по кратким упоминаниям античных авторов (Diod. Sic. IV, 12; Apollod. Bibl. II, 5, 4; Ov. Met. XII, 220-465; Ael. Var. Hist. XIII, 1) или по иллюстрациям на памятниках искусства. Например, в начале V в. до н. э. мастер Клеофрада представил на краснофигурном скифосе эпизод из неизвестного нам мифа, в котором кентавр хватал вестницу богов Ириду [Boardman, 1985, № 139].

В более позднее время популярностью пользовались лишь несколько сказаний с участием кентавров; рассказы о них входили в жизнеописания Пеллея и Фетиды, родителей Ахилла, а также в циклы мифов о подвигах Геракла и Тесея. Среди множества кентавров только двое – Фол и Хирон – считались мудрыми и благожелательными к людям. Первый был другом Геракла, а второй считался воспитателем нескольких греческих героев, в первую очередь Ахилла, и славился как искусный лекарь, знавший целебные свойства разных трав и умевший делать хирургические операции (Hygin. Fab. 274).

Миф о свадьбе Перифоя, которая закончилась дракой гостей, принадлежал к наиболее известным во всем греческом мире сказаниям с участием буйных кентавров. Перифой, царь лапифов, обитавших на севере Эллады в Фессалии, пригласил на многолюдное празднество своих друзей Тесея и Кеней, а также кентавров, родственников жениха, а по другим вариантам мифа родичей невесты (Diod. Sic. IV, 70; Apollod. Epit. 21). Во время свадебного застолья опьяневшие кентавры напали на невесту и присутствовавших на пиру женщин. Тогда вместе с лапифами Тесей и Кеней вступили в борьбу с насильниками; многие кентавры и лапифы погибли, а побежденные кентавры были вынуждены бежать в другие области Греции. На основании древних сказаний Овидий в «Метаморфозах» (XII, 210-536) подробно описал свадьбу Перифоя и разыгравшийся там бой. Это предание, известное сейчас в изложениях авторов I в. до н. э. – II в. н. э., было популярно задолго до этого времени. Достаточно

напомнить, что в Афинах рельефы с единоборствами лапифов и кентавров украшали 24 метопы Парфенона, щит огромной статуи Афины Промехос и фриз храма Гефеста на агоре [Колобова, 1961, с. 226, 227]. Сражение на свадьбе Перифоя было изображено на западном фронте храма Зевса в Олимпии, на фризе храма Аполлона в Аркадии на плоскогорье Бассы и на картине в афинском храме Тесея [Paus. I, 17, 28; V, 10; Виппер, 1972, с. 169, 204-206, рис. 186, 216-219].

Иллюстрация этого мифа нарисована на чернофигурной амфоре из Пантикапея (№ 95). На одной стороне вазы представлен эпизод расправы кентавров с Кенеом. Так как он был бессмертным и его нельзя было убить никаким оружием, кентавры зарыли его в землю и завалили огромными деревьями (Ov. Met. XII, 490-520). Вазописец изобразил двух кентавров, зарывающих Кенея в землю, а на другой стороне амфоры нарисовал воина, который поражает копьем кентавра, замахнувшегося камнем. Зритель на свое усмотрение мог считать воина Тесеем или лапифом, вступившим за честь приглашенных на свадьбу женщин.

В мифах о рождении и детстве Ахилла кентавр Хирон выступал помощником отца героя Пелея. Сначала Хирон дал ему совет, как усмирить строптивую невесту Фетиду, затем кентавр присутствовал на свадьбе и подарил жениху копье, которое в дальнейшем вошло в вооружение Ахилла. Вскоре после рождения сына, Пелей накануне отъезда в Колхиду вместе с аргонавтами решил отдать Ахилла на воспитание мудрому Хирону (Apollod. Bibl. III, 13). Иллюстрация этого эпизода украшает чернофигурный килик из Ольвии, на котором изображен Пелей, вручающий своего маленького сына Ахилла в руки кентавру (№ 96; рис. 22). В связи с этим стоит напомнить о сделанных греческими мастерами вещах, обнаруженных в скифском кургане Огуз. В комплект конской сбруи входили серебряные нащечники с позолотой. Изготовленные в IV в. до н. э., эти предметы попали к скифам через посредничество ольвиополитов или боспорян; по-видимому они украшали своих коней подобными изображениями, и вид такой сбруи понравился варварам. Рельеф на нащечниках состоял из фигур женщины с ребенком на руках и стоящего на задних ногах кентавра. По убедительному толкованию Е.Е. Фиалко, здесь представлены Хирон и его жена нимфа Харикло, держащая на руках Ахилла. Они, как написано в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (ст. 553-558), пришли на морское побережье проводить Пелея, отплывавшего вместе с другими аргонавтами за золотым руном [Фиалко, 1993, с. 85-90].

На большинстве предметов искусства из Северного Причерноморья иллюстрируются мифы о злых и диких кентаврах. Судя по росписям привозных ваз, сказания с участием этих фантастических существ колонисты знали с самого начала своей жизни на новой родине. Больше всего интересующих нас изображений сохранилось на импортных вазах из Афин второй половины VI-IV вв. до н. э. К эллинистическому периоду относятся немногочисленные фигуры на мегарских чашах (№ 105), инталиях (№ 104) и на уникальных свин-

цовых пластинках местного производства из Ольвии (106, 107), а в римское время они появляются в декоре светильников и саркофагов (№ 108, 109).

Многие изображения кентавров сохранились на осколках ваз, поэтому нельзя решить, какую роль они играли на этих частично уцелевших картинах. Кроме широко известных мифов зритель мог вспомнить менее распространенные варианты сказаний, например, о том, как кентавры Гилей и Рек пожелали овладеть замечательной охотницей Аталантой, но оба погибли от ее метких выстрелов из лука (Ael. Var. Hist. XIII, 1).

На нескольких вазах по характерным атрибутам можно определить Геракла, сражающегося с кентавром. Так на чернофигурном лекифе дубинка в руках мужчины, противостоящего кентавру, указывает зрителю на миф о подвигах Геракла (№ 94; рис. 23). В обширном цикле мифов о герое кентавры появлялись неоднократно. В античной литературе наиболее обстоятельно освещен сюжет о том, как Геракл посетил пещеру кентавра Фола. Рассказ включался в описание задания Эврисфея привести к нему живым страшного Эриманфского вепря. По пути Геракл зашел к Фолу и тот его радушно принял. Кентавр накормил гостя мясом и неохотно, по просьбе героя, открыл заветный сосуд с вином. Привлеченные его запахом, сбегались дикие кентавры, и Гераклу пришлось сражаться с ними. После поражения уцелевшие кентавры были вынуждены покинуть места своего прежнего обитания и разбежались в разные стороны (Diod. Sic. IV, 12; Apollod. Bibl. II, 5, 4).

Другой эпизод столкновения Геракла с кентавром относится к рассказу о переправе через реку Эвен. Там кентавр Несс за плату перевозил путников с берега на берег. Геракл поручил ему перевезти свою жену Деяниру, а сам самостоятельно переплыл реку. Очарованный красотой Деяниры, Несс попытался ее изнасиловать, но муж, услышав крик жены, поспешил на помощь и смертельно ранил кентавра. Умиравший Несс сказал Деянире, что его кровь, смешанная с его семенем, может стать надежным приворотным средством, если ей понадобится вернуть любовь Геракла, обратившего внимание на другую женщину. Через много лет Деянира, узнав о молодой сопернице, пропитала зельем Несса одежду мужа. На деле снадобье оказалось мезтью кентавра: оно было ядом и послужило причиной смерти Геракла и самоубийства Деяниры, пришедшей в ужас от того, что погубила мужа (Soph. Trach. 283; Diod. Sic. IV, 36; Apollod. Bibl. II, 7).

Сцены с фигурами Геракла и кентавров могут относиться к названным мифам, а также к тем, которые кратко упомянуты античными авторами. Дидор Сицилийский писал, что герой расправился с кентавром Гомадом за насилие, учиненное над сестрой Эврисфея Алкионой, освободил дочь царя Дексамена от насильственного брака с Эврителином и нечаянно убил Хирона, а Филострат привел стихотворение, где сказано, что Геракл распял и повесил на сосне тело Асвола (Diod. Sic. IV, 12, 33, 36; Apollod. Bibl. II, 7, 6 Philostr. Her. XIX, 17). Серия подобных преданий послужила для образования одного их эпитетов знаменитого героя – кентаврубийца (κενταροφόνοϛ – Theocr. XII, 20).

В римский период изображения кентавров в античных городах Северного Причерноморья встречаются редко. Определенно можно сказать, что тогда на Боспоре были известны мифы об этих фантастических существах, так как их фигуры украшали светильники и саркофаги (№ 108, 109). В более ранние времена местные греки знали разнообразные предания о кентаврах; в Ольвии и городах Боспора охотно приобретали предметы искусства с их иллюстрациями, а в Тире и Херсонесе, судя по имеющимся археологическим находкам, к таким изображениям не проявляли особого интереса.

Минотавр и речное божество Ахелой представляли существа из соединения частей тела быка и человека. Бык с человеческим лицом и бородой обычно отождествляется с Ахелоем. Его изображения имеются на кизикинских статерах, найденных в Мирмекии и в Ольвии (№ 111), а также на золотых подвесках к ожерелью из Пантикапея (№ 113).

Минотавр представлялся грекам человеком с головой быка. Он обитал в построенном Дедалом лабиринте на острове Крит, и туда ему ежегодно (или раз в несколько лет) доставляли на съедение семь афинских юношей и девушек. Тесей добровольно вызвался войти в число жертв, отправлявшихся из Афин. Герой сумел убить Минотавра и выбраться из лабиринта с помощью нити, данной ему царевной Ариадной (Apollod. Bibl. III, 1, 3- 4; Diod. Sic. IV, 61; Hug. Fab. 40- 42). Сражение Тесея с Минотавром изображено на чернофигурном лекифе из Пантикапея (№ 110), а один Минотавр представлен на терракотовой статуэтке из Ольвии (№ 112). Сказания о Минотавре входили в цикл мифов о подвигах афинского героя Тесея, поэтому не случайно находки с иллюстрациями этих преданий относятся к периоду наиболее интенсивных контактов Боспора и Ольвии с Афинами.

Женские миксантропические существа

В античном фольклоре, литературе и искусстве сирены, сфинксы и горгоны, хорошо известные, начиная с эпохи архаики, были наиболее распространенными среди женских миксантропических существ.

Сирены

Сирены – фантастические существа с человеческой головой и телом птицы появились в греческом искусстве в конце VIII в. до н. э. [Buitron, Cohen, 1992, p. 108], а древнейшее в литературе упоминание о них содержится в «Одиссее» Гомера (XII, 166-200). Этот образ эллины заимствовали у восточных соседей. В народных преданиях сирены были демонами смерти; очарованные их пением моряки следовали за ними и попадали на остров мертвых, где на лугах белеют человеческие кости (Od. XII, 45-46). Облик сирен отражал представление о душе, отлетающей от тела умершего в образе птицы, а пение реальных птиц преобразилось в народной фантазии в изумительные песни сирен.

Греки рассказывали, что мало кому удавалось избежать смерти, приблизившись к сладкоголосым сиренам. Аргонавты счастливо миновали остров

Одиссея и трех сидящих на скале сирен, одна из них держит в руках лиру [ABF. № 286]. Ведь греческие певцы обычно сопровождали себя на струнных инструментах или пели в сопровождении аулоса. Поэтому сирен стали представлять с различными музыкальными инструментами как в литературных произведениях (Eur. El. 168-175; Apollod. Epit. VII, 18), так и на памятниках искусства [ЛМС, Bd. 8, Suppl. 1997, Taf. 736-738, 743]. На сохранившихся изображениях из Северного Причерноморья сирены с музыкальными инструментами встречаются, начиная с конца V в. до н.э. Они играют на лирах (№ 135, 141, 145), аулосах (№ 134, 136, 137), ударяют в бубны и кимвалы (№ 134), а кроталы в руках одной сирены позволяют думать, что она еще и танцует (№ 132).

Постепенно в изобразительном искусстве у сирен все большая часть тела становится человеческой, и к концу V в. до н. э. они становятся прекрасными молодыми женщинами с крыльями, птичьими ногами и хвостом. Таковы эти фантастические существа, изображенные на форме для рельефного украшения сосудов боспорского производства (№ 135), на упомянутом выше привезенном из Афин фигурном лекифе из Фанагории (№ 132) и на золотой подвеске к серьгам из кургана Зеленская гора на Тамани (№ 137). Фигурка на подвеске отличается тонкой ювелирной работой; она представляет играющую на двух длинных трубках аулоса крылатую обнаженную женщину с петушиными ногами (рис. 29). Чтобы подчеркнуть неотразимую силу чарующих человека сирен, художники изображали их не только с красивыми лицами, но и украшенными диадемами, ожерельями и браслетами (№ 132, 135).

Сирены у греков олицетворяли вестниц смерти. Сначала они представлялись эллинам злыми демонами, а, начиная с V в. до н. э., стали играть роль утешительниц в горе по умершему, которые оплакивают печальную участь покойного и исполняют погребальные песни. В трагедии Еврипида «Елена» (ст. 167-178) хор так утешает героиню, узнавшую о смерти близких:

Девы крылатые!

Дети Земли, сюда!

Сюда, о, сирены, на стон

Песни надгробной, девы,

С флейтой ли Ливии,

Иль со свирелью вы –

Слезного дара жду

Скорби взамен моей;

Муку за муку мне

В сладком созвучии!

Пусть Персефона примет от нас

В темном чертоге своем

Жертву рыданий для милых,

Милых усопших.

(перевод И. Анненского).

ную роль в погребальных обрядах вплоть до римского времени. В VI-IV вв. до н. э. сирены выступали в роли апотропеев, охраняющих владельцев их изображений. Начиная с классического периода, сирены олицетворяли прекрасное пение, и это представление дожило до наших дней.

Сфинксы

Сфинкс или Сфинга, фантастическое создание женского пола, впервые в античной литературе встречается в «Теогонии» Гесиода (стих. 326-327); и в том же VII в. до н. э. она появляется в росписях ионийских ваз (№ 150). Наименование чудовища эллины считали происходящим от глагола σφιγγω (душить, сжимать) и намекающим на способ расправы сфинкса со своими жертвами. Греки представляли ее существом с женской головой и грудью, присоединенным к телу льва. Античные авторы неоднократно упоминали один миф об этом чудовище, известный во всей Элладе, а памятники искусства свидетельствуют, что это предание знали и на северной окраине греческой ойкумены. В мифе рассказывалось, как Гера в наказание царю Лаю послала Сфинкс в его владения. Расположившись на горе около города Фивы, она задавала всем проходящим к ней загадку и пожирала не сумевших дать верный ответ. Так погибли многие фиванцы, в том числе и Гемон, сын царя Креонта. Лишь Эдип сумел ответить на вопрос: кто утром ходит на трех, днем на двух, а вечером на трех ногах; это человек в младенчестве, в дальнейшей жизни и в старости. После того, как загадка была разгадана, сфинкс в отчаянии бросилась со скалы и погибла, а по другой версии мифа Эдип ее убил (Soph. Oid. Tyr. 1198; Diod. Sic. IV, 64, 4; Apollod. Bibl. III, 5, 8; Hyg. Fab. 67).

Безусловно, в архаический период существовали разные предания о деяниях Сфинкс. Об этом свидетельствуют многочисленные рисунки на вазах, изготовлявшихся во многих ионийских городах; сюжеты их росписей не относятся к упомянутому мифу. Некоторые версии мало известных мифов кратко упомянул Павсаний (IX, 26, 2-4). На трех пеликах из Пантикапея сохранились иллюстрации самого известного сказания о Сфинкс (№ 189, 190). На двух она задает юноше вопрос, а на третьей хватает молодого человека, чтобы убить его, не сумевшего отгадать загадку.

Первоначально греки, вероятно, думали, что существовало нескольких сфинксов, так как на вазах их рисовали по два или три. Наверное, они, подобно сиренам, были демонами смерти [Фармаковский, 1921, с. 31]. Поэтому Еврипид назвал Сфинкс порождением и посланницей Аида (Eur. Phoen. 810, 1019-20), а Эсхил именовал ее Керой, богиней насильственной смерти (Aesch. Sept. 539, 776).

Вместе с другими миксантропическими чудовищами сиренами и горгонами, изображения сфинксов служили их владельцам оберегами от злых сил. Поэтому греки в Северном Причерноморье носили перстни (№ 174, 193), резные печати (№ 171, 192), серьги и браслеты (№ 185, 187, 188) с фигурами сфинксов (рис. 30, 31), нашивали на одежду и покрывала бляшки с их изображениями (№ 180, 186), а также приобретали зеркала (№ 179),

бронзовую (№ 194, 195) и глиняную посуду с подобными украшениями. Сфинксы нарисованы на керамике самых разнообразных форм, в основном на сосудах для вина (№ 153-155, 159, 162-170, 172, 193, 194) и масла (№ 161, 176, 178, 181, 183, 191), иногда на туалетных вазах (№ 156, 157, 160), на гуттусах для питания младенцев (№ 184).

Образ фантастических сфинксов сопровождал эллинов с первых лет жизни на северном краю ойкумены, то есть со второй половины VII в. до н. э. (№ 150). Сначала рисунки сфинксов появились здесь на привозной восточнореческой керамике (№ 150-157, 159, 165, 166), а со второй половины VI в. и в V–IV вв. до н. э. подобные рисунки встречаются на вазах, доставленных из Аттики (158, 160-164, 167-170). Сфинксы были излюбленными персонажами хиосских вазописцев (рис. 32); образцы таких росписей мы видим на крышках сосудов, леканах, пиксидах и на кубках из Борисфена и Кеп (№ 151, 154-157). На хиосских и аттических вазах сфинксы могут находиться рядом с хищными животными, например, со львами (№ 156, 160) и пантерами (№ 175), или с другими фантастическими существами – сиренами (№ 159) и грифонами (№ 183). Зачастую один сфинкс занимал все поле картины на вазе, например, на клазоменских амфорах, найденных в Ольвии и на Тамани (№ 165, 166).

Наибольшее количество изображений сфинксов сохранилось в Ольвии, что говорит об особой популярности этого мифического образа в среде ольвиополитов в VI–V вв. до н. э. Только за период раскопок 1954-1974 гг. археологи обнаружили там более 50 фрагментов аттической керамики с изображениями сфинксов, и это несравнимо больше, чем в любом другом городе Северного Причерноморья [Шауб, 1979, с. 60-65]. Здесь же найден обломок мраморной скульптуры сфинкса (№ 177). Геродот (IV, 79) писал, что большой дом царя Скила в Ольвии украшали каменные статуи грифонов и сфинксов, которые, по-видимому, были призваны отвратить зло от хозяина дома [Доватур и др., 1982, с. 319]. Вероятно, подобные статуи находились и около других богатых ольвийских домов, с которых скифский царь взял пример для своего жилища. Упомянутый фрагмент скульптуры обычно называют грифоном [Доватур и др., 1982, с. 319; Штительман, 1977, № 30], но на нем можно различить начало женской груди, так что это, скорее всего, сфинкс.

Самые ранние аттические сосуды с фигурами сфинксов относятся к первым партиям расписной керамики, привезенной из Афин в Северное Причерноморье в первой половине VI в. до н. э. Таковы, например, кратер из Ольвии и лекиф с Березани с изображением двух сфинксов, сидящих в геральдической позе (№ 161, 162), или ольвийский кратер, на котором мастер нарисовал три фигуры в плащах, стоящие между двумя сфинксами, и украсил их изображениями ручки вазы (№ 163; рис. 33). На других чернофигурных сосудах сфинксы также обрамляют стоящие человеческие фигуры, а иногда находятся по обеим сторонам многофигурных сцен сражений греческих воинов (№ 169) или битв эллинов с амазонками (№ 167, 168).

В V в. до н. э. сфинксы, подобно сиренам и горгонам, перестали привлекать внимание вазописцев, а на рубеже V-IV вв. до н. э. они вновь начинают их рисовать (№ 181, 184, 189-190). Лучшее изображение сфинкса сохранилось на фигурном лекифе из Фанагории. Это редчайший образец вазы, на которой хорошо уцелела первоначальная раскраска, и она справедливо считается шедевром античного прикладного искусства (№ 176). Здесь сфинкс, как и другие миксантропические существа в этот период, уже не грозное чудовище, а прекрасная фантастическая женщина. У нее золотые волосы, украшенные венцом с золотыми розетками; на щеках красавицы играет румянец, стройную шею обвивают три ряда золотых бус, белое тело было оттенено крыльями с ярко голубыми, теперь позеленевшими, перьями. Над спиной высится венчик с ручкой краснофигурного лекифа, а постамент статуэтки раскрашен розовой и голубой красками (рис. 34). Б.В. Фармаковский заметил, что создатель фигурной вазы рассчитывал на определенный ракурс, с которого надо смотреть на статуэтку. Небольшой лекиф естественно разглядывать, подняв его за ручку на уровень лица, поэтому он лучше всего выглядит с этой точки зрения. Тогда Сфинкс своим чарующим взором смотрит прямо в глаза зрителя; пропорции ее тела воспринимаются как вполне гармоничные, а в иных положениях шея кажется слишком удлиненной, а грудь несколько сдавленной [Фармаковский, 1921, с. 31]. Эти наблюдения показывают, что лекиф изготовлен как дорогой туалетный флакон, а не специальный сосуд для погребального обряда.

Итак, памятники искусства с изображением сфинксов могли служить оберегами, они также напоминали сюжеты мифов, зачастую связанных с загробным миром. Поэтому их нередко помещали в могилы, а вазы с такой росписью иногда использовались в качестве погребальных урн [№ 159; Алексеева, 1997, с. 21].

Горгоны

Наименование горгон происходит от греческого прилагательного γοργός, означающего нечто страшное или ужасное. Такими были устрашающие маски, называемые горгонейонами. Их часто рисовали на керамических сосудах периода архаики, и там они служили апотропеями, защищавшими от злых сил. Такая маска возникла в глубокой древности, и в ней сочетались черты человека и зверя. Предание об ужасном взоре подобного чудовища, превращающего человека в камень, имело в основе чувство оцепенения от страха при встрече со страшными дикими животными. Единый тип горгонейона (маски горгоны) установился в греческом искусстве в VII в. до н. э. Лицо чудовища имело выпученные глаза, открытый рот с огромными клыками и высунутым языком, а на голове вместо волос извивались змеи [Howe, 1954, p. 215].

Горгонейон часто служил украшением расписных сосудов эпохи архаики, и его изображение греки считали оберегом от злых сил. В Северном Причерноморье древнейший образец относится к сороковым годам VII в. до н. э.: это фрагмент ионийской тарелки из раскопок Березани (№ 196). В Борисфене, Ольвии, и на Боспоре вино часто пили из аттических киликов, на дне которых нарисована

маска горгоны (№ 198, 201-203, 205, 206; рис. 35), реже ее помещали на стенку сосуда, например, на тулово скифоса, найденного на Березани (№ 204; рис. 36). В эллинистический период рельефные маски горгон входили в декор так называемых мегарских чашек (№ 231, 232) и иногда украшали туалетные сосуды (№ 223). По верованиям греков, подобное изображение могло защитить от несчастья как отдельного человека, так и город. Такой цели служил позолоченный рельеф с головой Медузы-горгоны на южной стене Акрополя (Paus. I, 21, 4). Сходную функцию несли маски горгоны на архитектурных деталях храмов в Ольвии, Пантикапее, Нимфее и Феодосии (№ 199, 216, 221, 222, 228, 230). О вере в силу такого изображения красноречиво свидетельствует неумело прочерченный жителем Ольвии рисунок маски на сероглиняном сосуде (№ 214).

То же значение имела горгона и на ювелирных изделиях, найденных в Тире, Ольвии и на Боспоре. Ее рельефные маски украшали камен (№ 241) и медальоны (№ 234), а обнаруженное в Ольвии одно из лучших греческих зеркал архаического времени имеет на круглом окончании ручки лицо горгоны (№ 200; рис. 37). Особо следует выделить горгонейоны на защитных доспехах воинов и убранстве боевых коней. Начиная с архаического времени, эллины широко использовали маски горгон в декоре доспехов [Трейстер, 2009, с. 122]. Изображения служили апотропеями, охранявшими бойца, напоминали об убийственном взгляде этих чудовищ на их противников и таким образом помогали одержать победу. На Боспоре маски горгон украшали панцири (№ 210, 219), поножи (№ 218) и конскую сбрую (№ 235). Бронзовый нагрудник панциря, находившегося в кургане у станицы Елизаветинской в Прикубанье исполнен мастером, подражавшим архаическим образцам. Устрашающее лицо горгоны имеет выпученные глаза, оскаленные зубы и высунутый большой язык; оно во многом сходно с маской на поножах из Пантикапея, сделанных в первой половине V в. до н. э. (№ 219). Однако серьги и бусы горгоны указывают, что панцирь изготовили на рубеже V-IV до н. э., а не в архаический период, как предполагали некоторые исследователи [Трейстер, 2009, с. 122-127]. Этот панцирь и поножи из Пантикапея долгое время служили не одному владельцу, потому что поножи попали в погребение не менее чем через 50-70 лет после их изготовления, а панцирь неоднократно ремонтировался [Трейстер, 2009, с. 130, 131].

Художники довольно редко показывали горгон в полный рост; подобные фигуры на предметах искусства из Северного Причерноморья относятся к VI-V вв. до н. э. (№ 197, 207, 208, 215). Великолепный образец такого изображения принадлежал жителю Пантикапея (№ 208); оправленная в золото голубая халцедоновая инталия служила ее владельцу оберегом и печатью (рис. 38). В начале V в. до н. э. выдающийся мастер вырезал на камне истинный шедевр [Неверов, 1983, с. 34]. Голова горгоны представляет традиционную маску; изящное молодое женское тело этой фантастической женщины, вызывавшей, подобно сиренам, ужас и восхищение, облачено в полупрозрачную одежду и снабжено четырьмя серповидными крыльями; такие же крылья, но мень-

ших размеров, прикреплены к сапожкам на ногах. Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреклоненного бега» в сочетании с крыльями, по-видимому передает полет этого фантастического существа.

Три горгоны, рожденные морскими божествами Форкием и Кето, обитали, по верованиям греков, у Океана на границе с потусторонним миром. Две из них Стено (сильная) и Эвриала (далеко прыгающая), были бессмертными, а третья Медуза (владычица) не обладала этим качеством, поэтому в самом знаменитом мифе о Горгонах погибает третья сестра. По преданию, Персей неосторожно пообещал царю Полидекту подарить на свадьбу голову горгоны. Боги Афина и Гермес помогли Персею справиться с этой труднейшей задачей, указав, как добыть для ее исполнения волшебные предметы: крылатые сандалии, чтобы пролететь над океаном, сумку для своей добычи и шапку-невидимку. Избегая убийственного взора горгоны, Персей отрубал голову Медузы, глядя на ее отражение в своем щите. Из обезглавленного тела выпрыгнули ее сыновья от Посейдона – Хрисаор и крылатый конь Пегас. Герой сложил голову горгоны в сумку и двинулся в обратный путь. Стено и Эвриала бросились преследовать убийцу сестры, но он, надев шапку-невидимку, легко скрылся от них. Затем Персей отдал Гермесу крылатые сандалии и волшебную сумку, а голову Медузы вручил Афине, которую она поместила на свой щит (Hes. Theog. 276-278; Pind. Pyth. X, 43- 48; Apollod. II, 4, 2- 4).

Иллюстрации этого сюжета сохранились на нескольких памятниках искусства VI-IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья, что свидетельствует о знании здесь этого мифа. На одной пелике из пантикапейского некрополя нарисован Персей, отсекающий голову Медузе (№ 226). Следующий этап мифа изображен на чернофигурном скифосе, найденном на Березани (№ 207). Там нарисованы три крылатые горгоны в коротких хитонах; у средней нет головы, а две другие в позе коленипреклоненного бега, наверное, спешат догнать убийцу (рис. 39), но его не видно, потому что Персей успел надеть шапку-невидимку. Около горгон находится дельфин, напоминающий об их связи с морской стихией. Идентичная по содержанию сцена украшала костяную облицовочную пластинку, обнаруженную близ Горгииппии (№ 215). На ее обломке уцелела фигура поверженной Медузы и ее бегущей сестры.

В первоначальном варианте мифа Афина поместила голову Медузы на свой щит. Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» изложил эту версию, опираясь на какой-то древний источник. С середины VI в. до н. э. в Афинах стали считать, что горгонейон украшал эгиду Афины [Marx, 1993, p. 238]. На памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья первый вариант изображений (№ 213) встречается гораздо реже, чем второй (№ 209, 220, 227, 233, 239), и большинство их происходит из Ольвии. Там выделяли особо важную роль Афины в предании о Медузе горгоне и рассказывали о чудесных защитных свойствах ее головы. Отражением таких

представлений ольвиополитов стали маски чудовища на местных монетах V-IV вв. до н. э. [№ 217; Русяева, 1992, с. 92].

Неслучайно именно в Ольвии найден штамп для производства бляшек с головой горгоны (№ 224). Подобные золотые и бронзовые украшения V-IV вв. до н. э. на одежде и покрывалах найдены во многих погребениях разных греческих некрополей в Северном Причерноморье (№ 211, 212, 225, 229); возможно, такие бляшки нашивали только на ткани, использовавшиеся в погребальном обряде. Памятуя о связи горгон с потусторонним миром, художники рисовали их маски на стенах пантикапейских склепов (№ 237, 240) и украшали их масками саркофаги, найденные в разных некрополях Боспора (№ 238).

Рассмотренные произведения искусства охватывают почти весь период существования античных городов в Северном Причерноморье. Это свидетельствует о том, что предания о горгонах всегда входили в круг известных здесь мифов. Большинство рассмотренных памятников привезены из Эллады. К работам местных мастеров относятся ольвийские монеты (№ 217), росписи пантикапейских склепов (№ 237, 240), некоторые рельефные нашивные бляшки и ольвийский штамп для их производства (№ 224).

Вероятно, надо считать ошибочным широко распространенное в научной литературе отождествление почти всех горгонейонов с Медузой. Конечно, именно Медуза изображена на иллюстрациях мифов о Персее и на щите или эгиде Афины. Однако маски, имевшие апотропеическое значение, относятся вообще к горгонам, которые все три имели одинаково страшный вид и взор, обращавший все живое в камень. В искусстве эллинистического периода все фантастические существа стали утрачивать свой первоначальный ужасный вид. Это коснулось и горгон, их лица перестали отличаться от обычных человеческих, а змеи лишь намечались в волосах. Такое изменение в облике горгон можно видеть и на памятниках искусства из Северного Причерноморья эллинистического и римского времени (рис. 40).

Прорастающая дева

По сравнению с сиренами, сфинксами и горгонами, так называемая прорастающая дева встречается в античном искусстве гораздо реже. Ее описание и роль в древнем фольклоре и литературе отсутствует в письменных источниках, так что можно лишь догадываться о смысле подобного образа. Сейчас признаны несостоятельными попытки отождествить ее со змееной богиней из Скифского рассказа Геродота, так как ни на одном ее изображении нет змей. Эта дева имеет вместо ног растительные побеги, расходящиеся из обращенного вниз куста аканфа, составляющего нижнюю часть ее туловища (рис. 41). Фантастическая женщина бывает крылатой (№ 242-244) и бескрылой (№ 245), концы ее крыльев и конечностей из растительных побегов могут оканчиваться головами птиц или грифонов, которых раньше ошибочно принимали за змей [Буйских, 2006, с. 137-138].

В основе подобных изображений лежал заимствованный эллинами из Пе-

редней Азии образ богини Владычицы зверей. Греки могли отождествлять ее с разными божествами, чаще всего, наверное, с Артемидой. Как и в других греческих государствах, в Херсонесе и на Боспоре «прорастающая дева» появляется в искусстве эпохи раннего эллинизма. Ее изображали и местные мастера, о чем свидетельствует декор капители из Херсонеса (№ 244; рис. 49), а также некоторые золотые бляшки и другие ювелирные изделия, служившие украшениями не только у греков, но и у их соседей варваров [Трейстер, 2001, с. 151]. На Боспоре эта фигура встречается и в римское время (№ 245).

Морские фантастические существа

Море всегда играло огромную роль в жизни эллинов. По нему пролегли пути сообщения между большинством греческих городов, которые имели торговые и военные корабли, плававшие в разные, порой весьма отдаленные страны. Греки добывали из моря рыбу и моллюсков, составлявших важную часть их питания. В морских сражениях решались судьбы многих античных государств. Все это способствовало тому, что в устных преданиях и литературе появлялось множество рассказов о владыке моря Посейдоне и фантастических обитателях морских глубин; среди них были морские нимфы nereиды, тритоны, морские драконы, кони и даже кентавры.

Греки считали, что у «морского старца» Нерея и океаниды Дориды было пятьдесят дочерей, которых по имени отца называли nereидами (Hom. II. XVIII 39-49; 141; Hes. Theog. 240-242; Hyg. Fab. Praef. 8). Древние авторы назвали несколько десятков имен nereид; часто они означали разное состояние моря. Например, Галена олицетворяла чистое спокойное состояние воды (Hom. Od. VII, 319; X, 94), имя Амфитриты (оглашающая окрестности шумом волн) в поэзии могло означать само понятие море. По верованиям греков, nereиды обычно благожелательно относились к людям и помогали вызывающим к ним во время морских бедствий (Eur. Hel. 1584-87; Ant. Pal. VI, 349; Ant. Anab. I, 11, 6). Например, Геродот (VII, 191) пишет о том, что во время Греко-персидской войны страшная буря утихла после жертвоприношения Фетиде и другим ее сестрам nereидам.

Фетида, мать Ахилла, и Амфитрита, супруга Посейдона, выступали героинями мифов чаще остальных своих сестер. По легенде, они обе не желали выходить замуж. Амфитрита укрылась от преследований жениха в гроте, но там ее нашел посланный на поиски дельфин и доставил к Посейдону. Иллюстрация этого сказания нарисована на краснофигурной пелике из Пантикапея (№ 257). Вазописец изобразил nereиду на спине дельфина, подплывающего к сидящему с трезубцем Посейдону (рис. 42).

В подводном дворце вместе с Посейдоном и Амфитритой жил их сын Тритон (Hes. 930-933; Hyg. Fab. Praef. 18). Он имел облик человека с туловищем, переходящим в чешуйчатое тело рыбы или морской змеи; его хвост оканчивается раздвоенным плавником или двумя клешнями рака. В Северном Причерноморье древнейшие изображения Тритона относятся ко второй половине

VI в. до н.э. Тогда в Мирмекии обращались кизикийские статеры с рельефом бородатого Тритона (№ 247), его изображение украшало дно килика в сервизе, принадлежавшем ольвиополиту (№ 246).

Тритон и nereиды, плывущие на морских конях, присутствуют на рыбных блюдах с иллюстрацией мифа о похищении Зевсом финикийской царевны Европы (№ 252; рис. 43). Многочисленные осколки и шесть полностью сохранившихся блюд с такой росписью найдены исключительно на Боспоре, поэтому можно заключить, что афинские вазописцы в первой четверти IV в. до н.э. специально расписывали эти блюда для боспорян. Конечно, все персонажи, участвовавшие в мифе, были хорошо известны заказчикам. Несколько десятков фрагментов подобных изделий обнаружено в насыпях курганов, в гробницах и местах заупокойной трапезы и лишь два обломка в городских слоях. Это показывает, что их использовали преимущественно для погребальных ритуалов, и спутники Европы имели отношение к потустороннему миру. Путешествие царевны из родного дома через море на Крит для свадьбы с Зевсом мыслилось как символ перехода души из мира живых в мир мертвых, а nereиды и Тритон были проводниками в потусторонний мир, лежавший где-то за океаном, омывающим землю [Barringer, 1991, p. 662-666; Скржинская, 2005, 364-373]. Это свойство nereид нашло отражение в том, что их изображали в декоре саркофагов (№ 257).

В эллинистический период фигура Тритона приобрела у художников декоративный характер, и их стали изображать по несколько в одной картине. В составе свиты Посейдона и его супруги они сопровождали бога и трубили в большие морские раковины. Так была украшена шкатулка с накладными костяными пластинками, принадлежавшая жителю Тиритаки (№ 263). В это же время иногда появляются женские соответствия тритонов. Их можно увидеть на позолоченных удилах, которые входили в убранство коня на азиатской части Боспора (№ 260) и в декоре саркофага из некрополя Горгииппии (№ 259).

Морской конь гиппокамп представлен в античной литературе и искусстве в основном как животное, перевозящее Посейдона и nereид. Это фантастическое существо имело голову и тело коня, переходящее в рыбий хвост, оканчивающийся таким же плавником или клешнями рака, как у Тритона и морского дракона (рис. 44). В культуре Посейдона конь играл заметную роль. Недаром в гомеровском гимне (XXII, 6) бог назван укротителем коней, а одна из эпиклез бога Гиппий прямо указывала на его покровительство и связь с лошадьми (Paus. VIII, 25, 3; 37, 7). Это способствовало появлению представления о том, что Посейдону и nereидам служат морские кони. В знаменитом святилище Посейдона на мысе Микале в Малой Азии находилась статуя бога с гиппокампом в руке (Strab. VIII, 7).

Эти образы были хорошо известны в античных государствах Северного Причерноморья. На чернофигурном лекифе из Пантикапея Посейдон нарисован едущим на гиппокампе (№ 248), а nereиды, сидящие на гиппокампах,

украшают расписные вазы, золотые подвески и саркофаги из раскопок Боспора (№ 251, 254, 258) и терракоту из Ольвии (№ 249). Иногда nereиды плывут на иных фантастических существах: морских драконах и кентаврах. Гиппокентавр в изобразительном искусстве встречается редко, а в Северном Причерноморье, насколько мне известно, присутствует лишь на одном саркофаге IV в. до н. э. (№ 258). По упоминанию Платона (Phaedr. 229e) о «нелепых чудовищах», в числе которых назван гиппокентавр, можно заключить, что он фигурировал в мифологии эллинов V-IV вв. до н. э., то есть как раз в то время, когда был сделан упомянутый саркофаг.

Гиппокампы и морские драконы иногда встречаются и как отдельные персонажи. Их фигурами украшали колесницы (№ 261), кольца, диадемы, нашивные бляшки (№ 250, 251, 253, 262). Прототипом морского дракона, вероятно, был морской конек. Его узкая морда иногда увенчивалась рогом, шея снабжалась перепончатым гребнем, чешуйчатое змеиное тело могло иметь крылья или плавники (рис. 44-46). К древнейшим изображениям морского дракона в Северном Причерноморье относятся золотые бляшки конца V в. до н.э. из кургана Куль-Оба; бляшки с подобным изображением были нашиты на одежду и покрывала в могилах курганов Большая и Малая Близница (№ 250). Лучшие изображения этого фантастического животного сохранились на перстне из Павловского кургана (№ 253) и на диадеме из некрополя Пантикапея (№ 262). Синяя стеклянная вставка в золотой перстень изображает море, по которому плывет золотой дракон в окружении рыб (рис. 45). На украшенной гранатами золотой диадеме два дракона обрамляют центральную фигуру крылатой богини (рис. 46). Из-за отсутствия такого сюжета в письменных источниках смысл этой композиции сейчас едва ли поддается убедительному толкованию.

Среди изображений nereид, плывущих на морских фантастических существах, определенно можно выделить лишь Фетиду. Жители Северного Причерноморья нередко вспоминали мифы об этой nereиде. Ведь она несколько раз появляется в поэмах Гомера, известных с детских лет каждому греку (Il. I, 538; VI, 135; XVIII, 35; Od. XXIV, 75). Кроме того, Фетида была героиней нескольких мифов об острове Белом (по-гречески Левке), лежащем в море близ устья Дуная. Его открыли милетские мореходы, покоря неизведанные просторы Черного моря, которое первоначально казалось частью океана, омывающего всю сушу. Моряки, считая, что они подошли к пределам ойкумены, приняли необитаемый островок за мифическую Левку, населенную духами героев, среди которых находился сын Фетиды Ахилл. Уже в VI в. до н.э. там появилось святилище Ахилла, и остров получил второе наименование по имени героя [Охотников, Островерхов, 1993, с. 104-117].

Одна из древнейших записей легенд о присутствии Фетиды в Причерноморье сохранилась в трагедии Еврипида «Андромаха» (ст. 1237-1238): nereида говорит, что она похоронила сына на Белом острове, и теперь там обитает его дух. В одной из версий мифа об Ахилле на Левке рассказывалось,

Причерноморье большинство греческих поселений, и колонисты вместе с другими мифологическими персонажами принесли на новую родину образ фантастического грифона. Его наименование заимствовано эллинами из семитских языков, а сюжеты в литературе и искусстве первоначально опирались на ближневосточные мифы и изображения [Яйленко, 1990, с. 214, 223]. Подобно прочим заимствованиям у других народов, эллины со временем творчески переработали этот образ, так что грифон органично вошел в ряд греческих сказаний и стал частым мотивом декора в монументальном и прикладном искусстве. Достаточно напомнить, что Фидий украсил фигурами грифонов шлем Афины на статуе, стоявшей в Парфеноне (Paus. I, 24, 6). Об этом хорошо знали боспоряне, даже не бывавшие в Афинах, ведь в IV в. до н. э. в Пантикапее, Нимфее и в святилище на Тамани пользовались позолоченными вотивными медальонами с изображением головы прославленной статуи богини (№ 286). С Боспора в курган Куль-Оба попали две крупные золотые подвески с лучшим из сохранившихся изображений головы фидиевской скульптуры Афины в шлеме с отогнутыми нащечниками, украшенными грифонами (№ 285).

По сравнению с немногими сюжетами в уцелевшей античной литературе памятники искусства отразили гораздо большее количество иллюстраций мифов с участием грифонов. Археологические находки из античных городов Северного Причерноморья позволяют познакомиться с некоторыми из этих мифов и распознать в них общегреческие и местные черты.

Краткие описания грифонов вполне соответствуют их изображениям, исполненным греческими мастерами. Как и в литературе, древнейшие памятники искусства с такими персонажами относятся к VII-VI вв. до н. э. Некоторые из них привозили в Северное Причерноморье, из чего можно заключить, что зрительный образ грифона сопровождал колонистов с самого начала жизни на новой родине. К таким свидетельствам относятся найденный в Ольвии фрагмент ионийской вазы третьей четверти VII в. до н. э. (№ 295), обломки ионийской ойнохой и аттических чернофигурных сосудов VI в. до н. э. из раскопок Березани и Пантикапея (№ 274, 275).

Изображения грифонов традиционно разделяют на львиноголовых и орлиноголовых; первые имеют вид крылатого льва с длинными рогами на голове, обращенной в анфас к зрителю (рис. 48). Редкий случай изображения двух таких грифонов в профиль сохранился на капители, найденной в Херсонесе (рис. 49; № 272). Древние авторы не упоминали о львиноголовых грифонах, а в искусстве они встречаются реже орлиноголовых. У последних такое же тело с крыльями на спине, более длинная шея с зубчатым гребнем, а узкая голова в профиль снабжена стоячими ушами и оканчивается либо клювом (рис. 54, 55, 60), либо сходна с тупой мордой ящера (рис. 50). О последнем завершении головы редко упоминается в научной литературе, однако на ряде памятников это четко видно, например, на известняковых рельефах из Пантикапея (№ 288, 292). В архаический период у грифонов

вдоль шеи вились локоны, а серповидные крылья оканчивались закруглением, не имеющим аналогов в природе. Такие крылья изображали и у других фантастических существ, сирен, медуз, сфинксов, крылатых коней и др. В классический период художники начали всех их снабжать крыльями, более похожими на птичьи: они имеют угловатый излом и острое окончание (рис. 54-57, 60, 62). Однако давняя традиция представлять грифонов с серповидными крыльями не была полностью отвергнута в эллинистическое и даже в римское время; хорошие примеры такого рода представляют рельефы на капители известняковой колонны (№ 272; рис. 49) и на стенке мраморного саркофага из Херсонеса (№ 294; рис. 51).

По памятникам искусства можно заключить, что в ряде преданий грифоны служили богам. Они ездили на них верхом или запрягали в свои колесницы. Страбон (VII, 12; С. 343) писал, что в святилище Артемиды на Пелопоннесе близ устья Алфея есть знаменитая картина «Артемиды, уносящаяся на грифоне». Греческая Артемиды имела многие черты древней малоазийской богини Владычицы зверей, поэтому в фольклоре возникло представление о подчинении ей свирепых грифонов. Древнюю богиню изображали женщиной, имеющей вместо ног расходящиеся в разные стороны растительные побеги. Такая фигура между двумя грифонами (№ 272; рис. 49) находилась на упомянутой капители какого-то монументального здания в Херсонесе.

На аттических вазах Афродита иногда нарисована едущей на колеснице, запряженной грифонами. Ваза с такой росписью найдена в Пантикапее (№ 299). По верованиям эллинов, Афродита с помощью внушаемых ею любовных желаний усмиряла даже диких зверей и чудовищ, и в число последних входили грифоны. В письменных источниках эти предания не сохранились.

Аполлон чаще прочих богов имел своим спутником грифона, который иногда служил символом этого бога [Виноградов, Шауб, 2005, с. 220-221]. Наиболее яркий пример такого символа – львиноголовый грифон на пантикапейских золотых статерах IV в. до н. э. (№ 271; рис. 48). Видимо, то же значение имели орлиноголовые грифоны на других монетах, выпущенных в Пантикапее, Синдской гавани и в Херсонесе (№ 281, 287, 291).

В одном древнем предании об Аполлоне рассказывалось, что раз в несколько лет бог посещал сказочную страну гипербореев (Diod. II, 47), обитающих где-то далеко на севере за пределами северного ветра борей (Her. IV, 13). Аполлон летел туда по воздуху на грифоне или на лебедь. Древнейшее известное сейчас изображение Аполлона с грифонами найдено на острове Делосе, считавшемся родиной бога. Туда, согласно легенде, гипербореи ежегодно отправляли свои дары Аполлону (Her. IV, 33; Callim. Hymn. IV, 292; Paus. I, 31, 2). На острове у знаменитого во всем греческом мире храма справлялись Аполлонии, панэллинские празднества, в которых принимали участие ольвиополиты, херсонеситы и боспоряне [Граков, 1939, № 21-28]. Милетяне также считали грифона одним из символов Аполлона, поэтому изображения львиноголо-

вых и орлиноголовых грифонов входили в декор милетского храма этого бога [Heres, 1970, S. 149- 162; Charbonneaux, 1970, p. 30, fig. 24].

Афинские вазописцы иногда изображали Аполлона едущим на грифоне (LIMC, Bd. 1, 1985, S. 414- 415). Килик с таким рисунком, исполненным в IV в. до н. э., найден на хоре Херсонеса (№ 300). В IV-II вв. до н. э. выпускались херсонесские монеты с грифоном, символом Аполлона, на одной стороне и изображением его сестры Артемиды на другой (№ 291). Поэтому можно заключить, что в Северном Причерноморье издавна знали о грифоне как спутнике Аполлона. Подобное представление сохранялось и в первые века нашей эры, о чем свидетельствует фреска в пантикапейском склепе; там нарисован Аполлон с лирой, едущий на грифоне (№ 306; рис. 52).

Дионис был еще одним богом, которому покорялись грифоны. На одной краснофигурной вазе, хранящейся в Лувре, изображен Дионис на колеснице, которую везут его священные животные пантера, бык и грифон (Boardman, 1997, № 379). Эти звери служили также сатирам и менадам, спутникам бога, о чем также знали в Северном Причерноморье. Например, кожаный калаф, венчавший голову жрицы, похороненной в IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшали золотые рельефные фигурки трех сатиров и шести менад. Одна из них едет на грифоне (№ 304; рис. 53), другая – на пантере.

Дионис верхом на грифоне изображен на многих вазах из некрополя Пантикапея (№ 301) и на двух пеликах из погребений Феодосии и Херсонеса (№ 302, 303). Так определил этого всадника К. Шефолд, крупнейший знаток ваз «керченского стиля», к которым относятся рассматриваемые сосуды [Schefold, 1934, № 404, 409, 410, 454, 457, 539]. Некоторые ученые видят в этом персонаже Аполлона, так как он чаще других богов изображался с грифоном [Кобылина, 1951, с. 146; Онайко, 1977, с. 43]. Есть предположение, что это синкретическое божество, объединившее черты обоих богов [Шталь, 1994, с. 114]. Все современные исследователи признают названные вазы предназначенными специально для помещения в могилы так же, как и сосуды со сценами сражений грифонов с аримаспами и амазонками.

У греков издавна существовала традиция делать сосуды специально для похоронных ритуалов. Широко известны так называемые белые лекифы, производившиеся в V в. до н. э. в афинских керамических мастерских; картины на них иллюстрируют мифы о смерти и обряды на могилах [Petraikos, 1998, p. 171, fig. 149-150]. В античных государствах Северного Причерноморья также существовала подобная традиция. Например, в ольвийском погребении эллинистического времени находилась расписанная местным художником амфора со сценой прощания матери с дочерью и переправой души на лодке Харона [Зайцева, 1976, с. 98-99]. Наиболее выразительно этот обычай прослеживается на Боспоре. Сюда в IV в. до н. э. по специальному заказу доставляли из Афин множество ваз с особой росписью для использования во время тризны и для помещения в могилы. Во время поминок еду подавали на рыбных блюдах

со сценой похищения Европы, а затем их разбивали и оставляли в насыпи кургана [Скржинская, 2005, с. 364-375]. А в могилы ставили преимущественно пелики, двуручные вазы с сильно расширяющимся книзу туловом. В росписях таких ваз нередко встречаются грифоны. Они сражаются с амазонками (№ 316-326; рис. 54) и с аримаспами (№ 338-348; рис. 55) или везут на себе грозного всадника, преследующего женщину. Такие сюжеты с участием грифонов, по наблюдениям археологов, украшали вазы в мужских погребениях [Шталь, 1989, с. 146; Schefold, 1934, S 147-148].

Тимпан у женщины, убегающей от всадника на грифоне, плющ и другие символы Диониса часто присутствуют на рассматриваемых вазах [Фомина, 1996]. Поэтому во всаднике на грифоне естественно видеть именно этого бога; здесь он выступает в своей хтонической ипостаси. Ей посвящался заключительный день дионисийского праздника Антестерий [Латышев, 1997, с. 137]. Тогда закрывали все храмы, вспоминали умерших, и дома для них варили ритуальное кушанье из всевозможных злаков. Известен миф о смерти и возрождении Диониса: в орфических гимнах пели о том, как титаны растерзали бога, а затем он воскрес (Diod. Sic. V, 75, 4). Греки верили, что, подобно возродившемуся Дионису, умерший человек начнет свое новое существование в загробном мире. Этим объясняется, почему изображения и символы Диониса находят в некрополях Северного Причерноморья. В ольвийских могилах обнаружено много свинцовых букраниев, изображающих череп быка или барана, украшенный листьями плюща и гроздьями винограда, а в погребениях Херсонеса и Боспора постоянно встречаются глиняные копии театральных масок, использовавшихся на дионисийских праздниках [Русяева, 2005, с. 392]. Эти маски в погребальном обряде знаменовали переход покойного в новое состояние.

Один лекиф из Пантикалея украшает иллюстрация сказания о грифонах, охраняющих золото, которое символизируют три золотых шарика у ног животного. В фигуре его противника, я полагаю, надо признать амазонку, а не аримаспа, как сказано в публикации сосуда (№ 320). У этой фигуры лицо и руки выделены белой краской, что делалось только у женщин. Таким образом, можно заключить, что в греческих сказаниях амазонки наряду с аримаспами пытались отнять золото у грифонов. В древней литературе этот сюжет не уцелел. Видимо, он возник в конце классической эпохи, потому что тогда появляются его иллюстрации на аттических вазах. Один из лучших образцов сохранился на кратере из Лувра [Boardman, 1997, № 414], там представлены грифоны, нападающие на пеших амазонок и на амазонку на боевой колеснице (рис. 56). Сцены сражений амазонок с грифонами встречаются на пеликах из Тиры и Херсонеса (№ 317, 321, 323), но они получили особую популярность на Боспоре: здесь найдены не только вазы (№ 316, 319, 320, 322), но и ювелирные изделия с таким сюжетом (№ 325, 326).

Часто трудно решить, изображена ли на вазе битва грифонов с конными и пешими аримаспами или с амазонками, так как мастера краснофигурной вазаписи в отличие от своих предшественников, рисовавших в чернофигурном

стиле, редко пользовались белой краской для выделения открытых частей тела женщин, а выпуклость груди у амазонок вазописцы не рисовали. Например, одна пелика из Пантикапея украшена рисунком с редкой композицией: два грифона сражаются с возницей, управляющим боевой колесницей. К. Шефолд называет его аримаспом, а М.М. Кобылина амазонкой (№ 324). Мне кажется предпочтительным последнее толкование, ведь на вазах IV в. до н. э. в битвах с грифонами амазонки иногда выступают на боевых колесницах (рис. 56), а убедительных параллелей для подобного изображения аримаспов найти не удастся.

С уверенностью можно считать амазонками фигуры с открытыми частями тела, окрашенными белым цветом. Аримаспы безусловно определяются, когда у них на голове нет шапки и видна короткая мужская прическа (рис. 55), как на пеликах из Нимфея и Пантикапея (№ 338, 342). В прочих случаях, возможно, амазонку от аримаспа отличали выбивающиеся из-под шапки пряди волос [Кобылина, 1951, с. 142, 143, рис. 4, 10].

Рассказы о сражениях с грифонами пользовались столь большой популярностью на Боспоре, что их иллюстрации заказывали не только вазописцам. Золотой калаф жрицы, погребенной в конце IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшен подобным сюжетом (№ 325). На рельефе этого головного убора противники грифонов определяются в научной литературе то как аримаспы, то как амазонки. На мой взгляд, это несомненно амазонки, так как одна фигура изображена в фас и имеет оба глаза (рис. 57), а отличительной чертой аримаспов было наличие одного глаза. На рельефном украшении бронзового таза, найденного в одном погребении на Тамани, изображен грифон, терзающий поверженную амазонку (№ 62). У нее длинные волосы, а хитон не закрывает женскую грудь, поэтому нет сомнений, что это не аримасп. В обеих композициях заметно, что преимущество на стороне грифонов.

Отсутствие в уцелевших письменных источниках сюжета о борьбе амазонок с грифонами до сих пор продолжает оказывать влияние на интерпретацию смысла некоторых произведений искусства. Например, на мраморном трофее с острова Родос представлена хорошо известная по вазописи группа: амазонка в греческом хитоне между двумя грифонами; однако в описании памятника сказано, что это аримасп [Ridgway, 2002, p. 80], хотя лицо изображено в фас и имеет два глаза.

В мифах об аримасах говорилось не только об их сражениях с грифонами, но и о том, что чудовище можно приручить, если поймать его детенышем (Ael. De nat. Anim. IV, 27). Вероятно, это предание было знакомо художнику, расписавшему пелику из Пантикапея с изображением аримаспа верхом на грифоне (№ 347).

В некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса нередко встречаются пелики и леканы, украшенные головами коня или грифона рядом с женской головой (рис. 58) в греческом чепце, либо в скифской шапке (№ 327-337). Скорее всего, это амазонки [Schefold, S. 147-148], так как тип изображения

голов сходен с рисунками амазонок на других вазах, а кони и грифоны присутствуют в сценах амазономахнии. Обычно же рядом с амазонкой одна голова коня, либо грифона (№ 327, 329-331), есть росписи, где показаны сразу амазонки, грифоны и кони (№ 332-331), или композицию из трех голов представляет амазонка в центре между грифонами (№ 337), а на крышках лекан рядом с головой амазонки бывает помещен лежащий грифон (№ 328).

Грифоны в греческом искусстве нередко стоят или сидят в ряду реальных зверей (№ 296-298) и птиц (№ 295); вместе со встречающимися в природе хищниками эти чудовища нападают на травоядных животных (№ 306-315). Это косвенно указывает на веру эллинов в реальное существование грифонов.

Сцены терзания с участием грифонов встречаются на расписных вазах и ювелирных украшениях, на металлических сосудах и в декоре парадного оружия, а также на украшениях саркофагов (рис. 59). Жертвами грифонов бывают быки (№ 314, 315), кони (№ 307, 308, 311, 313), лани (№ 306, 309). Видимо, в этом был заложен символический смысл, хорошо понятный тем, кто приобретал вещи с такими композициями. Ведь в сознании большинства эллинов, как и многих древних народов, в частности скифов, жизнь и смерть не противопоставлялись друг другу, а находились в единстве и рассматривались как необходимые элементы бытия. Смерть в роли условия постоянного обновления и омоложения включалась в жизнь и определяла ее вечное движение [Бахтин, 1990, с. 59]. Таким образом, мотив терзания хищниками разных животных обладал метафорическим обозначением смерти и возрождения. Объясняя смысл подобных сцен в изобразительном искусстве, Д.М. Раевский писал: «Терзаемое существо как бы погибает заживо, до последнего мгновения оставаясь живой плотью, а поедающий его зверь – это живая могила. Именно такой вид смерти, когда умирающее существо в то же время как бы и не умирает, а остается жить в проглотившем его животном, наиболее соответствует идее смерти во имя сохранения жизни» [Раевский, 1985, с. 226, прим. 29].

Итак, образ грозного грифона, обитающего на границе с потусторонним миром, вошел в круг греческих представлений о смерти. Именно поэтому в погребения помещали вазы с изображением сражений аримаспов и амазонок с грифонами, а саркофаги украшали фигурами грифонов (рис. 51, 54, 55).

Кроме того, греки видели в грифоне бдительного стража. Эта его функция отразилась на памятниках, связанных не только со смертью, но и с ежедневной жизнью. Сидящий грифон на стенке мраморного саркофага из Херсонеса (№ 294) сторожит покой усопшего (рис. 51), а фигура идущего грифона (рис. 50) на известняковой плите, вставленной в стену Пантикапея, охраняла город (№ 288). Ювелирные изделия с фигурами грифонов играли роль оберега своих владельцев. Таковы головы грифонов на золотых серьгах из Нимфея и Херсонеса (№ 278, 289), золотые бляшки для украшения одежды из боспорской мастерской (№ 284), печати на перстнях из Пантикапея (№ 279, 280; рис. 60).

Лекиф афинского мастера Ксенофанта, найденный на Боспоре (№ 267),

дает нам возможность узнать об одном неизвестном теперь мифологическом сюжете с участием грифонов [Скржинская, 1999, с. 128-129]. Ваза украшена фигурами двенадцати охотников, поражающих орлиноголового и львиноголового грифонов, а также двух кабанов и лань (рис. 61). Около семи персонажей написаны их имена: пять персидских и два греческих. Это указывает, что перед нами иллюстрация литературного произведения, а не устного предания, так как в фольклоре собственными именами наделяются обычно лишь два-три главных героя. Из описания охоты Ксенофант выбрал пять эпизодов, среди них Артамис убивает орлиноголового грифона, а Сейсам львиноголового. Присутствие фантастических животных явно указывает на мифологический сюжет, а не на изображение реальной охоты, как полагали некоторые исследователи [Блаватский, 1953, с. 268].

В исследовании, посвященном этому замечательному лекифу, Ю.А. Виноградов утверждает, что в декоре вазы отразилось представление эллинов о загробной жизни; все детали многообразных верований скомпонованы самим древним художником, а основные моменты композиции были воплощением желаний боспорянина, который заказал мастеру этот дорогой сосуд [Виноградов, 2007, с. 41-42]. Мне кажется, трудно представить, как заказчик и исполнитель собрали для своего замысла в одной композиции героев из разных времен, причем преимущественно персов: Абраком, сатрап Сирии, стал почему-то центральной фигурой, хотя естественнее в таком случае были бы цари Дарий или Кир, оказавшиеся на втором плане; Артамиса и Сейсама вспомнили из трагедий Эсхила, а греческих героев взяли из второстепенных лиц в сказаниях об аргонавтах.

Гораздо вероятнее поставить декор лекифа Ксенофанта в ряд иллюстраций мифов, известных в устном изложении или литературной обработке, где все эти герои объединялись в одном сюжете. На вазах V-IV вв. до н.э. часто использовали готовые композиции из крупных картин, приспособляя их к возможности отобразить на сосуде [Горбунова, Передольская, 1961, с. 104; Виппер, 1972, с. 142, 143, 147]. Скорее всего, Ксенофант, возможно по желанию своего заказчика, воспроизвел на лекифе понравившуюся ему картину; ведь в IV в. до н. э. многие боспоряне ездили в Афины. Конечно, художник и покупатель знали содержание литературного произведения об охоте персидских и греческих героев на грифонов и других зверей.

Важно отметить, что грифон в Херсонесе и на Боспоре чаще прочих фантастических существ появлялся на местных произведениях искусства. К древнейшим памятникам такого рода относятся монеты. Старшие из них чеканилась в Синдской гавани в конце V в. до н. э., на них представлен орлиноголовый грифон с серповидными крыльями, сидящий перед хлебным колосом (№ 281). В IV в. до н. э. выпускались знаменитые золотые статеры Пантикапея с головой сатира на аверсе и львиноголовым грифоном на реверсе (№ 271; рис. 48). Перья его крыльев имеют серповидное завершение, однако орлиноголовый грифон на других пантикапейских монетах того же века снабжен острыми крыльями,

сходными с теми, которые мы видим на росписях ваз и ювелирных изделиях этого времени. Монеты Херсонеса несут изображения только орлино-головых грифонов (№ 291); их чеканили в последней трети IV-II вв. до н.э.

Из местных произведений с изображениями грифонов назовем еще известняковые плиты из Пантикапея (№ 288, 291) и капитель из Херсонеса (№ 272), золотые бляшки, сделанные в боспорской мастерской (№ 268, 284), мозаичный пол богатого ольвийского дома (№ 298), роспись пантикапейского склепа (№ 305).

Грифон издавна входил в круг персонажей скифского фольклора [Михайлин, 2003, с. 98-100, 123, 153], о чем свидетельствуют его изображения в скифском «зверином стиле» [Степи европейской части СССР, 1989, табл. 37]. Созданный в греческом искусстве классического времени образ орлиноголового грифона с большими птичьими крыльями существенно повлиял на изменение зрительного представления об этом чудовище у варваров. Греческие мастера иллюстрировали скифские сказания, но облик их персонажей передавали в своей манере. В IV-III вв. до н. э., когда импорт произведений прикладного греческого искусства в Скифию был наиболее интенсивным, население Восточной Европы представляло грифонов, если так можно сказать, глазами эллинов. Примером этого служат сцены терзания грифонами разных зверей на золотой пекторали из Толстой могилы, на знаменитой серебряной вазе (рис. 62) и обкладках меча из кургана Чертомлык, на браслете из кургана Куль-Оба и др.

Анализ памятников изобразительного искусства в сочетании с немногочисленными античными письменными источниками приводит к следующим выводам о роли грифонов в представлении греков, живших в Северном Причерноморье.

В греческом фольклоре и литературе грифон занимал более скромное место, чем в изобразительном искусстве. Мифы о грифонах колонисты принесли в Северное Причерноморье из Милета, своей метрополии. В ряде преданий грифоны выступали спутниками богов Диониса, Артемиды, Афродиты, но чаще всего Аполлона. На Боспоре в классический период грифон стал одним из главных атрибутов Аполлона, верховного бога местного пантеона.

Грифон в мифологии эллинов описывался как бдительный страж, поэтому его изображения на ювелирных украшениях служили оберегами их владельцев, а в монументальном искусстве он мог выступать как хранитель города.

В рассказах о грифонах ареал их обитания находился на рубеже с потусторонним миром, где они сражались с мифическими амазонками и аримаспами. Вазы с иллюстрациями этих сказаний помещали в могилы; ведь, по верованиям эллинов, душа умершего должна была перейти в тот мир, на границе с которым жили грифоны. Эти предания пользовались наибольшей популярностью на Боспоре.

Греческие колонисты с первых лет жизни на новой родине и до конца античности знали мифы о грифонах. Однако, их количество, роль и значение были не одинаковыми в каждом государстве. Все стороны разнообразной семантики образа можно проследить на Боспоре и в Херсонесе, но у херсонеситов грифон занимал более скромное положение, чем у боспорян. В ми-

фологии ольвиополитов грифон не играл заметной роли, и его не выделяли здесь как атрибут Аполлона. О Тире трудно сказать что-либо определенное из-за отсутствия достаточного количества археологических материалов.

Созданный в искусстве эллинов образ орлиноголового грифона в IV-III вв. до н. э. существенно повлиял на зрительные представления скифов об этом чудовище.

Крылатые кони и другие фантастические звери

В середине и второй половине VI до н. э. клазоменские вазописцы часто рисовали на вазах взлетающего крылатого коня [Копейкина, 1979, с. 17, 18]. Амфоры с такой росписью охотно покупали в Ольвии, Борисфене и Пантикапее (№ 349-351). Может быть, на этих вазах нарисовано рождение Пегаса, но вполне вероятно, что крылатые кони в архаический период были персонажами теперь не известных мифов, и клазоменские художники имели в виду какой-то неизвестный сейчас сюжет.

Начиная с V в. до н. э., изображение крылатого коня уверенно отождествляется с Пегасом. Наиболее известное предание с его участием относится к циклу сказаний о Беллерофонте. Греки называли Пегаса сыном Посейдона и Медузы и считали, что боги Посейдон или Афина подарили эту сказочную лошадь Беллеронту (Scol. Hom. II. VI, 155; Paus. II, 4, 1). В других версиях мифа герой сам ловил и укрощал Пегаса (Pind. Ol. XIII, 60; Strab. VII, C. 379). Он совершил несколько подвигов, выполняя труднейшие задания Иобата, царя Ликии. По его велению, Беллерофонт вступил в бой с Химерой. Ее тело состояло из соединения голов и туловищ льва, козы и змеи. Трехглавая огнедышащая Химера обитала в горах Ликии и наводила ужас на людей, опустошая окрестности. К ней невозможно было подойти, так как одна из ее голов изрыгала пламя. Беллерофонт смог одержать победу с помощью крылатого коня Пегаса, который вознес своего седока высоко над землей, и оттуда, стреляя из лука, герой убил чудовище. (Hes. Theog. 319-325; Apollod. Bibl. II, 3, 2).

О Пегасе существовали и другие мифы. На горе Геликон в Беотии он ударом копыта выбил источник Гиппокрену, дарующий вдохновение поэтам (Paus. I, 31, 9; IX, 31, 3), а на Олимпе этот чудесный конь доставлял Зевсу громы и молнии (Hes. Theog. 284-286).

Привозные кизикинские статеры второй половины V в. до н. э. (№ 357) и более поздние местные монеты Пантикапея и Херсонеса (№ 361, 364, 366) определенно свидетельствуют о знании мифов о Пегасе в Северном Причерноморье. В богатой семье на азиатской стороне Боспора приобрели дорогой серебряный килик с иллюстрацией мифа о Беллерофонте. На дне сосуда выгравирована фигура сидящего на Пегасе героя в момент его борьбы с Химерой (№ 355). Крылатый конь, изображенный на вазах (рис. 63) и ювелирных изделиях, мог отождествляться не только с Пегасом, но также символизировать необыкновенную быстроту или быть каким-то архаическим демоническим

«Федр» (229 е) причислил химер, пегасов и гиппокентавров к прочим нелепым чудовищам, «существование которых вряд ли можно объяснить». В I в. до н. э. Диодор Сицилийский посвятил изложению мифов большой раздел «Исторической библиотеки». По его словам, многие древние сказания вызывали недоверие, например, современники писателя не верили в возможность появления даже в далеком прошлом таких созданий, как кентавры (Diod. Sic. IV, 8, 4).

Изобразительное искусство в настоящее время оказалось главным источником наших знаний о месте фантастических существ в культуре, религии и устных рассказах греков, живших в Северном Причерноморье. Археологические материалы дают возможность лучше всего осветить эту тему в отношении Боспора, достаточно много узнать об Ольвии и Херсонесе и совсем мало о Тире.

В иллюстрациях того или иного мифа художники выбирали один особо важный момент, полагая, что зритель знает все прочие подробности. В ряде случаев иллюстрация могла вызывать ассоциации с разными мифами. Например, Геракл неоднократно сражался с кентаврами, так что изображение героя рядом с кентавром соответствовало разным мифологическим сюжетам.

В религии Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора некоторые фантастические существа играли определенную роль. В VI-III вв. до н. э. маски Горгон украшали храмы в Ольвии, Нимфее и Феодосии. Всюду во время дионисийских празднеств появлялись ряженые в костюмах сатиров и вакханок, а на боспорских праздниках Аполлона вспоминали грифона, священное животное этого бога. Ольвиополиты использовали в качестве вотивов свинцовые пластинки с изображением сирен и кентавров.

Присутствие разнообразных фантастических существ на росписях многих сосудов, составлявших часть парадного сервиза в домах греков, указывает на то, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре рассказы о них звучали во время застолий. Их изображения на посуде и на ювелирных изделиях играли роль распространенного в VI-III вв. до н. э. декора и служили также апотропеями. Они выступали в роли персонажей гомеопатической магии. Согласно древней поговорке *similia similibus curantur* (подобное излечивается подобным), считалось, что вид страшных чудовищ отвращал от владельца подобного изображения действия злых сил.

Почти все фантастические существа включались в рассказы о потустороннем мире. Их изображения сопровождали покойного в последний путь, о чем свидетельствуют помещенные в могилы расписные вазы, ювелирные изделия, а также украшения саркофагов и надгробий.

Археологические находки дают представление о большой серии общегреческих мифов, которые знали в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. К ним относятся предания о сатирах и силенах, веселых спутниках Диониса, о музыкальном состязании Аполлона и силена Марсия, о сражениях грифонов с аримаспами и амазонками, а также цикл мифов об участии кентавра Хирона в судьбе Пелея и Фетиды и их сына Ахилла, рассказы о сладкоголосых

сиренах, об ужасных горгонах, о битвах Геракла с кентаврами, о населяющих морские глубины тритонах и гиппокампах и некоторые другие.

Человеческие черты миксантропических существ отражались не только в их облике, но и в действиях, на которые способны лишь люди. Так сатиры, силены и Пан виртуозно играли на музыкальных инструментах и умели танцевать, а сирены кроме этих способностей еще обладали даром изумительного пения; кентавр Хирон славился как воспитатель греческих героев и искусный лекарь.

Особый интерес вызывают иллюстрации мифов, не известных по целевским письменным источникам. К ним относятся особо популярные на Боспоре предания о сражении амазонок с грифонами, о прорастающей Деве, о морских драконах. Следует отметить, что все эти персонажи встречаются на привозных изделиях, так что они были известны и за пределами Северного Причерноморья. Вообще не удается выделить какие-либо мифы или особые представления о фантастических существах, характерные только для местных жителей. Возможно, только сказание о путешествии Европы на остров Крит было своеобразно истолковано боспорянами как переход души в иной мир и проводниками туда были избраны Тритон и nereиды; однако сюжет и участники местного варианта мифа не отличались от известных литературных изложений, появившихся в других греческих городах.

Есть немало изображений фантастических существ, роль которых не ясна. С этим сталкиваются не только современные исследователи. Павсаний, описывая различные произведения искусства, неоднократно отмечал несоответствия известных мифов с их иллюстрациями, например, картины Полигнота на темы Троянской войны отличались от описания соответствующих эпизодов в широко известных поэмах «Киприи» и «Малая Илиада» (Paus. X, 25, 26).

Предметы массового местного производства показывают, насколько широко в повседневной жизни распространялись представления о фантастических существах. На монетах Боспора и Херсонеса чеканили фигуру грифона, пантикапейские монеты долгое время украшала голова сатира, а ольвийские – маска горгоны. Формы и штампы свидетельствуют о том, что в Херсонесе отливали терракотовые маски спутников Диониса, в Фанагории украшали сосуды рельефом сирены, а в Ольвии производили бляшки с головой горгоны. Во многих городах Боспора пользовались мебелью, украшенной изготовленными местными мастерами костяными вставками в виде головы силены и приносили в дар богам терракотовые статуэтки фантастических существ, сделанные из местной глины.

В Северном Причерноморье представления о фантастических существах развивались в русле присущей всем грекам традиции. Однако, как и в других государствах, мифы об этих созданиях пользовались разной степенью популярности в каждом городе и его округе. Например, грифоны играли важную роль в мифологии боспорян и занимали заметное место в Херсонесе, а в Ольвии и Тире ими интересовались заметно меньше. Зато в архаический период в Ольвии горгонам и сфинксам уделялось гораздо больше внимания, чем в прочих полисах этого региона.

Каталог³

Спутники Диониса

Силены

1. Воины, ведущие связанного Силена к царю Мидасу. Чернофигурная пелика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1911, с. 26, рис. 42; ИАРК, с. 262.
2. Силен рядом с Дионисом, стоящим около Аполлона. Чернофигурный лекиф. Последняя треть VI в. до н. э. Ольвия. ИАК, 1906, с. 156, рис. 104; АНО, с. 38, № 9.
3. Бегущий Силен с большим мехом вина на спине. Чернофигурная ольпа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 64, № 79.
4. Силен, преследующий нимфу. Чернофигурный скифос. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 96, № 123.
5. Пирующий Силен. Ионийский кратер. VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964, с. 14, рис. 10.
6. Силен, несущий нимфу. Инталия на агате. VI в. до н. э. Пантикапей. АГСП, 1984, табл. 159, 2.
7. Силен на муле. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 39, № 10.
8. Силен, Дионис и вакханка. Чернофигурная ольпа. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 38, № 8.
9. Полулежащий на подушке Силен между двух танцующих вакханок. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 52, № 50.
10. Силен и Дионис. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 66, № 82.
11. Бегущий Силен. Медальон чернофигурного килика. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 95, № 140.
12. Силен, пьющий вино из амфоры. Кизикинский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 35; Абрамзон и др., 2006, № 48.
13. Сидящий Силен. Кизикинский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад. 2004, № 38; Абрамзон и др., 2006, № 46.
14. Силен, наливающий в канфар вино из амфоры. Кизикинский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 39; Абрамзон и др., 2006, № 47.
15. Силен с маленьким Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Крышка краснофигурной леканы. 360 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861, с. 28, табл. 2; UKV, № 18.
16. Танцующий Силен, играющий на аулосе. Бронзовый перстень. Первая половина IV в. до н. э. Горгиппия. Трейстер, 1982, с. 67, рис. 10.
17. Силен Марсий в сцене состязания с Аполлоном. Краснофигурная пелика. Пантикапей. 340-330 гг. до н. э. ДБК, табл. 57; UKV, № 370; Музы и маски, 2005, № 32.
18. Силен Марсий в сцене состязания с Аполлоном. Краснофигурный кратер. IV в. до н. э. Херсонес. ОАК 1904, с. 68, рис. 104; LIMC, Bd. 6, S. 372. № 34.
19. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф. IV в. до н. э. Пантикапей. Гайдукевич, 1949, с. 162, рис. 27.

³ В каталоге указано место находки предмета, даны ссылки на его издание и датировка по этому изданию; это представительная, но, конечно, не полная подборка изображений фантастических существ на предметах искусства из античных государств Северного Причерноморья.

20. Силен. Терракотовая маска. Конец IV-III в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 97.
21. Силен. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов, 1948, с. 83, табл. 11.
22. Силен. Формы для отливки терракот. III в. до н. э. Ольвия, Херсонес. Леви, 1970, с. 46, табл. 22; АП, № 74.
23. Силен. Рельеф на костяных пластинках местного производства. Эллинистический период. Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Фанагория, Кепы. Сокольский, 1971, табл. 4; Финогенова, 1984, с. 175.
24. Силен с маленьким Дионисом на руках. Терракотовая статуэтка. Хора Ольвии. Щеглов, 1970, с. 56.
25. Силен верхом на козле. Терракота II-I вв. до н. э. Мыс Зюк (Боспор). Масленников 2006, с. 29, рис. 8.
26. Лысый Силен. Терракотовая маска. I в. н. э. Мирмекий. Денисова 1981, с. 66, табл. 21 ж.
27. Маски Силен, Диониса, Сатира и вакханки. Мраморный рельеф на стенке саркофага. II в. н. э. Херсонес. АП, № 179; АСХ, № 459, рис. 182, 183.
28. Маска Силен. Фрагмент мраморного рельефа. II в. н. э. Херсонес. АСХ, № 18, рис. 16.
29. Маска Силен. Украшение мраморной архитектурной детали римского времени. Мирмекий. АП, № 130.

Сатиры

30. Танцующие сатиры и нимфы. Хиосский динос. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1986, с. 33.
31. Сатир и козел. Клазоменская амфора. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Леви, 1972, с. 48, рис. 14, 3.
32. Танцующие сатиры. Клазоменская амфора. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968, с. 115, рис. 6.
33. Два сатира. Хиосский канфар. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1968, с. 155, рис. 106.
34. Три сатира и нимфа на плече у сатира. Чернофигурный лекиф. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972, с. 52, рис. 15.
35. Два танцующих сатира перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 28, рис. 4.
36. Сатир и козел. Чернофигурный лекиф. VI в. до н. э. Ольвия. Скуднова, 1958, с. 128, рис. 6.
37. Сатир, нимфа и Дионис. Чернофигурная амфора. Рубеж VI-V вв. до н. э. Ольвия. ОАМ, № 50.
38. Сатиры и Дионис. Два чернофигурных килика. Рубеж VI-V вв. до н. э. Ольвия. АНО, с. 64, № 82; с. 95, № 140.
39. Сатир с лирой и две нимфы с кроталами. Чернофигурный скифос. 500 г. до н. э. Березань. ББ, № 149.
40. Сатир с кифарой и убегающая вакханка. Чернофигурный скифос. 480 г. до н. э. Нимфей. Горбунова, 1983, № 154.
41. Сатир, преследующий вакханку. Краснофигурная ойнохоя. 470 г. Пантикапей. Передольская 1967, с. 138.
42. Сатир. Терракотовая статуэтка. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Силантьева, 1972, с. 45, рис. 9.

43. Сатир и защищающаяся тирсом вакханка. Краснофигурный килик. 460 г. до н. э. Пантикапей. Передольская, 1967, с. 131, № 148.
44. Сатир с тирсом. Краснофигурный кратер. 440-430 гг. до н. э. Херсонес. Зедгенидзе, 1978, с. 69, рис. 1.
45. Сатир, наливающий вино в ритон. Краснофигурный аск. 430 г. до н. э. Нимфей. Vickers, 2002, p. 28, pl. 8.
46. Сатир, играющий на аулосе, и вакханка с тирсом и факелом в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская, 1989, с. 99-100, рис. 64.
47. Сатир с барбитоном в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н. э. Синдская гавань. Шедевры, 1987, с. 108, рис. 9.
48. Сатиры, играющие на аулосе и барбитоне в сцене встречи Аполлона с Дионисом. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861, табл. 2-4.
49. Актеры с масками сатиров и Паппосилена. Краснофигурная ойнохоя. Рубеж V-IV вв. до н. э. Фанагория. Музы и маски, 2005, № 29.
50. Сатир, вакханка и Дионис. Краснофигурный кратер. Рубеж V-IV вв. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962, с. 175, рис. 4, 2.
51. Сатир, две вакханки и Дионис. Краснофигурный кратер. Рубеж V-IV вв. до н. э. Херсонес. ОАК 1904, с. 38, рис. 55; Белов, 1948, табл. 4.
52. Танцующие сатир, Пан и вакханка. Краснофигурная пелика. 370-360 гг. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 31.
53. Сатир, преследующий вакханку. Краснофигурная пелика. 370-360 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003, с. 90, № 52.
54. Сатир, Дионис и вакханка. Апулийский кратер. Вторая четверть IV в. до н. э. Боспор. Вдовиченко, 2003, с. 87, № 45.
55. Сцена из сатирической драмы. Краснофигурная ойнохоя IV в. до н. э. Пантикапей. Передольская, 1967, с. 63.
56. Сатир с аулосом, аккомпанирующий танцующей вакханке. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849, с. 23; ДБК, табл. 63.
57. Головы сатиров. Золотое ожерелье. IV в. до н. э. Курган Большая Близица. Артамонов, 1966, № 306.
58. Сатир. Монеты Пантикапея и Фанагории. IV – III вв. до н. э. Зограф, 1951, с. 173; БЦ, табл. 1, 2; Анохин, 1986, табл. 3.
59. Молодой сатир. Терракотовая маска. Херсонес. III в. до н. э. Белов, 1948, табл. 11.
60. Сатир. Терракотовая маска. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 98.
61. Молодой и старый сатир. Две терракотовые маски эллинистического времени. Ольвия. Русяева, 1979, с. 85.
62. Молодой сатир. Терракотовые маски местного производства. I-II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены, 2002, № 223-226.

Пан

63. Пан. Костяная статуэтка. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская, 1989, с. 109, рис. 65, 5.
64. Пан, играющий на сиринге. Украшение серебряного браслета. IV в. до н. э. Ольвия. Alexander, 1928, p. 39. tab. 84.

65. Пан, играющий на аулосе и две вакханки. Полихромная пелика III в. до н. э. Пантикапей. АГСП, 1955, с. 382, рис. 20.
66. Пан рядом с Дионисом. Рельеф на терракотовом алтарике. III в. до н. э. Ольвия. Леви, 1970, табл. 21.
67. Пан. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов, 1948, табл. 11.
68. Пан. Терракотовая маска. I в. до н.э. – I в. н. э. Пантикапей. Музы и маски, 2005, № 99.
69. Пан. Терракотовая маска. I в. н. э. Мирмекий. Денисова, 1981, табл. 21 е.
70. Пан. Надгробная известняковая плита. I в. н. э. Фанагория. Кобылина, 1973, с. 176-177.
71. Пан и силен. Рельефное украшение храма Диониса. Первые века н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997, с. 100-103, 237.
72. Пан и силен. Рельеф из некрополя Нимфея. II в. н. э. АГСП, 1955, с. 315, рис. 31.

Вакханки

73. Вакханка с кроталами и бородатый Силен перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI – V вв. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 28, рис. 3.
74. Две танцующие вакханки на фоне виноградных лоз. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 37, № 6.
75. Танцующая вакханка перед сидящим Дионисом. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С.124. № 192.
76. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 28, рис. 9.
77. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Краснофигурный кратер. 480-475 гг. до н. э. ОАК. 1903. С. 120. Рис. 51; Передольская, 1967, с. 57. № 58, табл. 38.
78. Вакханки на празднике Леней. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1984, с.125-132.
79. Вакханка с пантерой. Обломок краснофигурного сосуда. Первая половина IV в. до н. э. Ольвия. Брашинский, 1965, с. 98, рис. 35, 7.
80. Вакханка на колеснице, запряженной двумя пантерами. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1959, с. 74, табл. 3.
81. Вакханки с тирсом, ланью и пантерой. Пара золотых серег. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, № 141.
82. Вакханки, едущие на пантере и на грифоне. Золотые бляшки в декоре диадемы. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов, 1966, № 286, 288.
83. Вакханка с тирсом и бегущий сатир. Золотая бляшка в декоре диадемы. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов, 1966, № 290.
84. Танцующая вакханка и сатир с тимпаном. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов, 1966, № 310, 311.
85. Вакханка с ножом и ягненком в руках. Золотая бляшка. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов 1966. № 289.
86. Вакханка. Терракотовая маска. III в до н. э. Херсонес. Белов, 1948, табл. 11.
87. Вакханка в плющевом венке с тимпаном над головой. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски, № 116.
88. Вакханка. Мраморный рельеф. II – III вв. н. э. Херсонес. АСХ, № 13.

Кентавры

89. Геракл, преследующий кентавра. Чернофигурный лекиф. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО, с. 97, № 144. 2.

90. Кентавр с камнем в руке. Обломок клазоменского сосуда. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1914-15, с. 85, рис. 134; Книпович, 1955, с. 362, рис. 7.
91. Кентавр с камнем в руке. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Горбунова 1976. С. 95. Рис. 1; Она же. 1982. С. 40. Рис. 3.
92. Скачущий кентавр. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972, с. 52, рис. 15.
93. Сражение с кентаврами. Краснофигурный килик мастера Эпиктета. 520-510 гг. до н.э. Березань. Ильина 2000, с. 147, рис. 4.
94. Борьба кентавра с Гераклом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Тамань. ИАК, № 56, с. 28; На краю ойкумены, 2002, № 12.
95. Сражение кентавров и лапифов. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1914-15, с. 85, рис. 134; Книпович, 1955, с. 362, рис. 7.
96. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. 500 г. до н.э. Ольвия. АП, № 31; ОАМ, № 51; LIMC, Bd. 1, S. 46, № 59.
97. Кентавр с камнем и два воина. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО, с. 138, № 219. 11.
98. Кентавр, Геракл и Деянира (?). Чернофигурный лекиф. 500-490 гг. до н.э. Ольвия. АНО, с. 99, № 148.
99. Кентавр, хватающий женщину. Краснофигурная чаша мастера Мидия. Пантикапей. Последняя четверть V в. до н. э. ОАК 1869, табл. 4.
100. Кентавр Несс, похищающий Деяниру (?). Обломок краснофигурной вазы. Первая половина. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869, с. 187, табл. 14.
101. Геракл, спасающий Деяниру (?) от кентавра Несса. Краснофигурная пелика. 350-340 гг. до н. э. Большая Близица (Тамань). ОАК 1865, с. 107-110, табл. 4; UKV, № 396; ГЗ, с. 184, рис. 57.
102. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика. 340 г. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 53; UKV, № 365; LIMC, Bd. 3, S. 359, № 5.
103. Кентавр, борющийся с хищным животным. IV в. до н. э. Костяная пластинка. Пантикапей. Финогенова. 1984, с. 174, рис. 3.
104. Кентавр. Сердоликовая инталия. Конец IV – начало III в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875, с. 32, табл. 2; Неверов 1975, с. 39, рис. 5.
105. Кентавр. Мегарская чаша. II в. до н. э. Тира. Самойлова 1984, с. 121, рис. 1.
106. Кентавр. Свинцовая пластинка эллинистического времени. Ольвия. Зайцева 2004. С. 146. Табл. 11.
107. Кентаврида. Свинцовая пластинка эллинистического времени. Ольвия. Зайцева 2004, с. 146, табл. 11.
108. Кентавр. Рельеф на двух краснолаковых светильниках римского времени. Пантикапей, мыс Зюк. ОАК. 1913-15, с. 96, рис. 162; Сокольский 1969, с. 71.
109. Кентавры. Украшения двух деревянных саркофагов. Конец I – начало II в. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, табл. 39, 3- 4; 43, 1.

Ахелой и Минотавр

110. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1912, рис. 38, 2; Борисковская, 1997, с. 27, рис. 8.
111. Бык с человеческим лицом (Ахелой?). Кизикийские статеры. 460-400 гг. до н. э. Ольвия, Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 87-89; Абрамзон и др., 2006, с. 23, 24, 28.

112. Сидящий Минотавр. Терракотовая статуэтка. V в. до н. э. Ольвия. Леви, 1970, с. 40, № 17, табл. 12, 4.
113. Мужская голова с рогами (маска Ахелоя). Золотые подвески к ожерелью. 400-380 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ, № 94.

Женские миксантропические существа

Сирены

114. Сирены и львы. Крышка хиосского сосуда. 600-575 гг. до н. э. Березань. Ильина 2005. С. 106. № 149; VI в. до н. э. ББ, № 98.
115. Сирена и пантера. Крышка чернофигурной леканы. 560-550 гг. до н.э. Березань. Горбунова, 1982, с. 40.
116. Сирена и пантера. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1982, с. 41.
117. Сирена. Коринфский арибалл. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Корпусова, 1987, с. 56, рис. 21.
118. Сирены и пантеры. Крышка чернофигурной леканы. Вторая четверть VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин, 1951, с. 123, рис. 34.
119. Идущие друг за другом сирены. Клазоменская гидрия. Вторая четверть VI в. до н. э. Тамань. ИАРК, с. 260.
120. Сирена. Ионийский кратер. Первая половина VI в. до н. э. ББ, № 33.
121. Две сирены. Амфора стиля Фикеллура. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. Корпусова, 1987, с. 47, рис. 19.
122. Сирена. Чернофигурный килик мастера Тлесона. 540 г. до н. э. Березань. Скуднова, 1957, с. 45.
123. Сирена. Клазоменская гидрия. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. Брашинский, 1965, с. 97, рис. 35.
124. Сирена. Два клазоменских сосуда. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1979, с. 12, 13, рис. 5.
125. Сирена. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. ББ, 2005, № 140.
126. Сирена. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Нимфей. Худяк, 1962, с. 248.
127. Сирена. Два чернофигурных килика и крышка леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1984, с. 88, рис. 11; Она же, 1992, с. 189, рис. 10; с. 213, рис. 8.
128. Сирена. Клазоменская амфора 520 г. до н. э. Ольвия. ОАК 1913-15, с. 29, рис. 25; Копейкина, 1979, с. 12, рис. 6; АНО, с. 163, № 253.
129. Сирены и сфинксы. Курильница из алабастра. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. с. 4, табл. 4, 5; АНО, с. 107, № 12.
130. Сирена. Украшение ручки бронзового ситечка. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. АХБ, № 39.
131. Сирена. Украшение ручки бронзовой гидрии. Вторая четверть V в. до н.э. Пантикапей. АХБ, № 34.
132. Сирена с кроталами. Полихромный аттический фигурный лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. Фармаковский, 1921, с. 20; АП, № 45.
133. Сирена. Навершие известнякового надгробия. Первая половина IV в. до н.э. Пантикапей. Сорокина, 1960, с. 86; На краю ойкумены, 2002, № 359.
134. Сирены, играющие на аулосе, тимпане и кимвалах. Пластинки из слоновой кости,

украшавшие саркофаг в кургане Большая Близница (Тамань). Вторая половина IV в. до н. э. ДБК, табл. 79, 80; ОАК 1866, с. 8, № 28-30.

135. Сирена с лирой. Форма для отливки рельефного украшения керамического сосуда. Фанагория. IV в. до н. э. Кобылина 1967, с. 169.
136. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 7, 16.
137. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Курган Зеленская гора (Тамань). ГЗ, № 114.
138. Сирена. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Ольвия. ДБК, табл. 7, 14.
139. Сирена. Серебряное украшение женской обуви. Нимфей. IV в. до н. э. Зинько, 2003, с. 121.
140. Сирена. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875, с. 34, табл. 1; АХБ, с. 33, № 93.
141. Сирена, играющая на лире. Украшение золотой диадемы. Начало III в. до н. э. Херсонес. ГЗ, № 131.
142. Сирена. Роспись саркофага. Рубеж IV – III вв. до н. э. Херсонес. Стржелецкий, 1969, с. 80-81.
143. Сирены. Изображения на архитектурных деталях IV – III вв. до н. э. Пантикапей. Сорокина, 1960, с. 95.
144. Две сирены. Боспорская акварельная пелика. IV – III вв. до н. э. Боспор. Сорокина, 1960, с. 95.
145. Сирена с лирой. Свинцовая пластинка местного производства. III в. до н. э. Ольвия. Зайцева, 2004, с. 144, табл. 11.
146. Сирена. Навершие мраморного надгробия эллинистического времени. Херсонес. АСХ, № 86.
147. Сирена. Глиняные пластинки. I – II вв. н. э. Пантикапей, Херсонес. Сорокина, 1960, с. 96.
148. Сирена. Надгробие. I – II вв. н. э. Тамань. Сорокина, 1960, с. 96.
149. Сирена. Гипсовое украшение саркофага. I – II вв. н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 76, 8.

Сфинксы

150. Сфинкс. Родосско-ионийская тарелка. 640 г. до н. э. Березань. Копейкина, 1982, с. 26, рис. 20.
151. Сидящие сфинксы. Крышки хиосских сосудов. 600-560 гг. до н. э. Березань. Ильина, 2005, с. 107-111, № 158, 165.
152. Сфинксы и львы. Крышки хиосских сосудов. Начало VI в. до н. э. Березань. Ильина, 2005, с. 110-111, № 168-170, 172, 175.
153. Сфинксы. Фриз родосско-ионийского диюса. Начало VI в. до н. э. Березань. Скуднова, 1960, с. 164, рис. 13; ББ, № 36.
154. Сфинкс. Четыре хиосских кубка. 580-550 гг. до н. э. Березань. ББ. № 91, 92; Ильина, 2005, № 54, 57, 58, 69.
155. Сфинкс. Хиосский кубок 560 г. до н. э. Кепы. Кузнецов, 1992, с. 35, рис. 4.
156. Сфинксы и львы. Крышка хиосской леканы. Середина VI в. до н. э. Березань. Скуднова, 1957, с. 137, рис. 10.
157. Сфинксы и львы. Крышка хиосской пиксиды. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1986, с. 134, рис. 4.
158. Женщина между двумя сфинксами. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Горбунова, 1982, с. 36.

159. Сфинкс и сирена. Клазоменская амфора. Середина VI в. до н. э. Синдская гавань. Алексеева 1997, с. 21, рис. 14.
160. Сфинксы и львы. Крышка чернофигурной леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб, 1979, с. 60.
161. Два сфинкса, сидящие друг против друга. Чернофигурный лекиф. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. ББ, № 155.
162. Два сфинкса, сидящие друг против друга. Чернофигурный кратер. 540 г. до н. э. Ольвия. Шауб 1979, с. 60, рис. 1.
163. Два сфинкса, обрамляющие фигуры мужчин в плащах и украшающие ручки чернофигурного кратера. 540- 530 гг. до н. э. Ольвия. АНО, с. 172, № 266.
164. Сфинкс между фигурами в плащах. Чернофигурный килик. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО, с. 62, № 74.
165. Сфинкс. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Тамань. Энман, 1912, с. 96, табл. 10.
166. Сфинкс. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Корпусова, 1987. С. 52.
167. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греков с амазонками. Чернофигурный скифос. Последняя четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992, с. 228, рис. 17.
168. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греков с амазонками. Чернофигурный килик. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб, 1979, с. 64.
169. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греческих воинов. Чернофигурный килик. 530-550 гг. до н. э. Ольвия. Козуб, 1987, с. 64, рис. 23.
170. Сфинкс. Два чернофигурных скифоса. 510-500 гг. до н. э. Пантикапей. CVA Russia 1996, p. 46, pl. 49.
171. Сфинкс. Сердоликовая печать. VI в. до н. э. Ольвия. АГСП, 1984, с. 350, табл. 169, 3.
172. Два сфинкса по бокам фигуры в плаще. Чернофигурная ойнохоя. 500 г. Ольвия. АНО, с. 156, № 237.
173. Сфинкс. Украшение ручки бронзового зеркала. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. Скржинская, 1984, с. 124, № 13; Treister, 2003, Abb. 4.
174. Сфинкс. Золотой перстень. Вторая четверть V в. до н. э. Нимфей. Vicers, 1979, p. 38, tab. 6.
175. Сфинксы и пантеры. Краснофигурный аск. Последняя треть V в. до н. э. Херсонес. Белов, 1976, с. 113, рис. 1.
176. Сфинкс. Полихромный фигурный аттический лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. Фармаковский, 1921, с. 29-34; АП, № 47; GRA, № 59.
177. Сфинкс. Фрагмент мраморной скульптуры. Конец V в. до н. э. Ольвия. АМ, № 30; ГСА, № 90.
178. Сфинкс с поднятой лапой. Краснофигурный лекиф. 410-400 гг. Нимфей. ДГН, № 62.
179. Сфинкс. Золотые кизикинские статеры. V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 2, 3, 36, 72.
180. Сфинкс. Золотые бляшки. Нимфей. Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 4; с. 71. рис. 38.
181. Сфинкс. Три краснофигурных лекифа. Рубеж V – IV вв. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2003, p. 49, pl. 45.
182. Сфинкс. Гравированное изображение на пластинке из слоновой кости. Рубеж V – IV вв. до н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997, рис. 11.
183. Два сфинкса и два грифона. Краснофигурный аск. Начало IV в. до н. э. Херсонес. Зедгнидзе 1978, с. 74, рис. 4.

184. Сфинкс. Краснофигурный гуттус. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2003, pl. 67.
185. Два сфинкса. Золотой браслет. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ГЗ, № 83.
186. Сфинксы. Золотые бляшки боспорского производства. Середина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ДБК, табл. 22; Копейкина, 1986, с. 57.
187. Сидящая сфинкс. Золотые серьги. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. АМ, № 160: АП, № 26.
188. Сидящая сфинкс. Золотые серьги. Вторая половина IV в. до н. э. Феодосия. ДБК, табл. 12.
189. Сфинкс, задающая загадку молодому человеку. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1908, с. 113, рис. 112; БЦ, с. 85, рис. 6; ПБП, с. 148; UKV, № 481, 501.
190. Сфинкс, хватающая юношу. Краснофигурная пелика. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. АДЖ, табл. 28; GCA, p. 44, № 49; Вдовиченко, 2003, с. 449, № 104.
191. Сидящая сфинкс. Три краснофигурных лекифа. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863, с. 152, № 41-43.
192. Ахеменидский сфинкс. Халцедоновая инталия. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1907, с. 79, рис. 68; Неверов, 1976, № 49.
193. Сфинкс. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1976, с. 22.
194. Сфинкс. Рельефное украшение бронзового сосуда. II – I вв. до н. э. Тамань. На краю ойкумены, 2002, № 632.
195. Сфинкс. Гравированное украшение медальона бронзовой чаши. I в. до н. э. Тамань. На краю ойкумены, 2002, № 623.

Горгоны

196. Маска Горгоны. Ионийская тарелка. 640-е гг. до н. э. Березань. Копейкина, 1970, с. 199; ББ, № 14.
197. Бегущая Горгона. Чернофигурный кратер. Первая половина VI в. до н. э. Ольвия. Копейкина, 1986, с. 37.
198. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Первая половина VI в. до н. э. Ольвия. Копейкина, 1986, с. 40, рис. 7.
199. Голова Горгоны. Терракотовое украшение фронтона храма Аполлона. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Древнейший теменос, 2006, с. 103.
200. Маска Горгоны. Украшение ручки бронзового зеркала. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1984. С. 124. № 12; Treister 2003. Abb. 8.
201. Маска Горгоны. Медальоны чернофигурных киликов. Последняя треть VI в. до н. э. Березань. Козуб 1987, с. 64, рис. 22; ББ, № 138.
202. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. 530-520 гг. до н. э. Гермонасса. Финогенова, 2005, с. 427, рис. 3.
203. Маска Горгоны. Медальоны четырех чернофигурных киликов. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Древнейший теменос, 2006, с. 171, рис. 182.
204. Маска Горгоны. Чернофигурный скифос. 510 гг. до н. э. Березань. Горбунова, 1982, 45, рис. 10; Козуб, 1987, 65, рис. 23.
205. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. CVA 1996, p. 59, pl. 64.

206. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Мирмекий. Виноградов, 1992, с. 106, рис. 4.
207. Три бегущие Горгоны. Чернофигурный скифос. 500 г. до н. э. Березань. ББ, № 152.
208. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия. Начало V в. до н.э. Пантикапей. ОАК. 1860, с. 88, табл. 4; Неверов, 1976, № 16; GRA, № 63.
209. Голова Медузы на эгиде Афины. Краснофигурная амфора. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. ОАМ, № 58.
210. Голова Медузы. Украшение бронзового панциря. Четвертый Семибратний курган. (Тамань). 460 г. до н. э. АХБ, № 75.
211. Голова Горгоны. Золотые бляшки. Вторая четверть V в. до н. э. Нимфей. Силантьева, 1959, с. 74, рис. 38.
212. Голова Горгоны. 14 золотых бляшек. 450-425 гг. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). ОАК 1876, табл. 3; ГЗ, № 74.
213. Голова Медузы на щите Афины. Панафинейская амфора. Конец V в. до н. э. Тамань. Пиотровский, 1924. С. 32; Галанина 1962, с. 7, рис. 2.
214. Маска Горгоны. Рисунок на сероглиняном сосуде. V в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1992, с. 34-35.
215. Бегущая и поверженная Горгоны. Костяная пластинка. V в. до н. э. Горгиппия. Алексеева, 1997, с. 14, 241, рис. 4, 5.
216. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. V в. до н. э. Нимфей. Крыжицкий, 1993, с. 52, рис. 23.
217. Маска Горгоны. Ольвийские медные монеты. V – IV вв. до н. э. Анохин 1989. С. 13-15. № 12, 14, 26; Русяева, 1992, с. 92.
218. Голова Медузы. Украшение бронзовых поножей. Первая половина V в. до н. э. Пантикапей. АХБ, № 77; Трейстер, 2009, с. 128-130.
219. Голова Медузы. Украшение бронзового нагрудника панциря. Конец V – первая четверть IV в. до н. э. Тамань. АХБ, № 76; Трейстер, 2009, с. 120-130, рис. 1, 2.
220. Голова Медузы на эгиде Афины. Краснофигурный кратер. Рубеж V – IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. Shefton, 1982, S. 149.
221. Маска Горгоны. Терракотовое украшение четырех архитектурных деталей. V – IV вв. до н. э. Ольвия. Крыжицкий, 1993, с. 74, рис. 41.
222. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. IV в. до н. э. Феодосия. Крыжицкий, 1993, с. 52, рис. 23.
223. Маска Горгоны. Рельефное украшение пиксиды. V в. до н. э. Боспор. Zervoudaki, 1968, S. 44, № 108.
224. Маска Горгоны. Штамп для производства бляшек. IV в. до н. э. Ольвия. Парович-Пешикан, 1974, с. 165-166.
225. Маска Горгоны. Восемь золотых бляшек. Ольвия. IV в. до н. э. Фурманська, 1958, с. 53.
226. Персей, отсекающий голову Медузы. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 63 а; UKV, № 382.
227. Голова Медузы на эгиде Афины. Мраморная статуэтка IV – III вв. до н.э. Ольвия. АГСП, 1984, с. 213, табл. 102; Саверкина, 1986, с. 54-55.
228. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали храма. Эллинистический период. Ольвия. Древнейший теменос, 2006, с. 115, рис. 123.
229. Маска Горгоны. Золотые бляшки. Эллинистический период. Херсонес. Пятышева 1956, с. 13, табл. 6.

230. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. III в. до н. э. Пантикапей. АМ, № 74.
231. Маски Горгоны. Рельефное украшение мегарских чашек. II в до н. э. Ольвия. Vogel, 1908, S. 31, № 279; Древнейший теменос, 2006, с. 179, рис. 194.
232. Маски Горгоны. Рельефное украшение мегарской чашки. II в до н. э. Херсонес. Хлыстун, 1996, с. 154.
233. Голова Медузы на эгиде Афины. Позолоченный медальон на дне чаши. II в до н. э. Ольвия. Штительман, 1965, с. 223- 227.
234. Голова Медузы. Костяной медальон позднеэллинистического времени. Тира. Самойлова и др., 2002, с. 238.
235. Голова Медузы. Серебряный медальон в парадном убранстве коня. I в. до н. э. Тамань. GRA. № 101.
236. Голова Горгоны. Крупный глиняный медальон местного производства. I в. н. э. Нимфей. Грач, 1999, с. 57, рис. 19.
237. Голова Горгоны. Роспись склепа. Конец I–II в. н.э. Пантикапей. АДЖ, табл. 65.
238. Голова Медузы на эгиде Афины. Мраморный вотивный рельеф II в. н. э. Ольвия. Русяева 1992, с. 95, рис. 28.
239. Маска Горгоны. Украшение саркофагов из некрополей Пантикапея, Кеп и Тузлы. I–II вв. н.э. Сокольский, 1969, № 102, 108, 177, 180, 181, 182, табл. 43.
240. Голова Горгоны. Роспись склепа. Первая половина II в. н. э. Пантикапей. АДЖ, табл. 71.
241. Голова Горгоны. Камея из сардоникса. Первые века н. э. Тира. Островерхов, Батизат, 2002, с. 114, рис. 1.

Прорастающая дева

242. Крылатая прорастающая дева. Золотые бляшки и костяные фигурки. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). АГСП, 1955, с. 429, рис. 25; ГЗ, № 204, 205.
243. Крылатая прорастающая дева. Золотые бляшки. Конец IV – начало III в. до н. э. Херсонес. Вахтина, 2005, с. 363, рис. 37.
244. Крылатая прорастающая дева между двумя грифонами. Известняковая капитель. Конец IV – III в. до н. э. Херсонес. Буйских, 2006, с. 134, рис. 2.
245. Прорастающая дева. Известняковый антефикс. I в. н.э. Пантикапей. АП, № 135.

Обитатели морских глубин

Тритоны, гиппокампы и морские драконы

246. Тритон. Медальон чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н.э. Ольвия. Леви, 1964, с. 322, рис. 2, 2.
247. Тритон. Два кизикийских статера. Конец VI – первая половина V в. до н.э. Мирмекийский клад, № 40, 56.
248. Посейдон верхом на гиппокампе. Чернофигурный лекиф. 470 г. до н. э. Пантикапей. Борисковская, 1997, с. 35, рис. 26.
249. Фетида на гиппокампе. Терракота. Рубеж V – IV вв. до н. э. Ольвия. Русяева, 1982, с. 92.
250. Морской дракон. Золотые бляшки V – IV вв. до н. э. из боспорских курганов Куль-Оба, Большая и Малая Близницы. ДБК, табл. 20, 14; Артамонов, 1966, № 275, 296; Копейкина 1986, с. 47.

251. Гиппокамп. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Артамонов 1966, № 256.
252. Тритон и nereиды на гиппокампах в свите Зевса и Европы на пути на Крит. Краснофигурные рыбные блюда. Первая треть IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Фанагория. ОАК 1882, с. 106-109; Циммерман, 1979, с. 63, 66, табл. 1, 2; Скржинская, РА. 2002, с. 33-34; Barringer 1991, p. 658-659.
253. Морской дракон среди рыб. Стекловая вставка в золотой перстень. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Керчи. ГЗ, № 108.
254. Две nereиды на гиппокампе и морском драконе. Краснофигурная пелика. 340-330 гг. до н. э. Пантикапей. РД, с. 70, рис. 95; Силантьева, 1959, с. 48.
255. Тритон и nereида с дельфином. Фрагмент краснофигурного оксибафа. Ольвия. IV в. до н. э. ИАК, 1906, № 13, с. 188, рис 144.
256. Фетида на гиппокампе. Две парные золотые подвески к головному убору. 330-300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК 1865, с. 41-48, табл. 2; ГЗ, с. 186, 267, № 120, 202.
257. Амфитрита, плывущая на дельфине к Посейдону. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 61; UKV, № 413.
258. Nereиды на гиппокампах, морских драконах и гиппокентавре. Резные позолоченные украшения деревянного саркофага. Конец IV – III вв. до н. э. Горгиппия. ОАК. 1882-1888, табл. 3; Иванова, 1958, с. 99-100, рис. 4, 5, 7; Сокольский, 1969, с. 30, табл. 12, 3; 13, 2 и 3.
259. Тритонида, везущая nereиду. Две позолоченные фигурки из декора деревянного саркофага. Конец IV – III вв. до н. э. Горгиппия. Иванова, 1958, с. 99-100, рис. 5.
260. Тритониды. Украшения на позолоченных удилах. Начало III в. до н. э. Курган Васюринина гора (Тамань). Власова, 2004, с. 168, рис. 24.
261. Морской дракон. Две бронзовые фигурки от украшения колесницы. Первая половина III в. до н. э. Курган Васюринина гора (Тамань). Власова, 2004, с. 166, рис. 19, 20.
262. Два морских дракона. Золотая диадема. Первая половина II до н. э. Пантикапей. Derpert-Lippitz, 1985, S. 275, Taf. 28.
263. Тритон, трубящий в раковину. Костяная пластинка от украшения шкатулки. I в. н. э. Тиритака. АГСП, 1984, с. 318, табл. 127, 2.
264. Гиппокампы. Украшение деревянного саркофага. Конец I – начало II в. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, с. 67, табл. 38, 1.

Крылатые звери

Львиноголовые грифоны

265. Грифон. Фрагмент покрывала из 6-го Семибратнего кургана на Тамани. Начало IV в. до н. э. ОАК, 1878-79, С. 120 Табл. 4; Герцигер, 1973. С. 76-77. Рис. 4.
266. Сражение грифона с амазонками. Краснофигурная пелика. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 141, рис. 3, 1; Вдовиченко, 2003, № 1058.
267. Львиноголовый и орлиноголовый грифоны в сцене охоты. Аттический лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 г. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; Скржинская, 1999, с. 121-130; Виноградов, 2007, с. 23-24.
268. Два грифона. Золотая бляшка из боспорской мастерской. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина, 1986, с. 49.
269. Два грифона. 3 краснофигурных аска из Пантикапея и 1 из Фанагории. Вторая четверть IV в. до н. э. CVA Russia, 2003, p. 71, tab. 63, 1-5.

270. Два аримаспа, убегающие от грифона. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV, № 360, 381; Шталь, 1989, с. 145.
271. Грифон, идущий по пшеничному колосу. Золотые монеты Пантикапея. IV в. до н. э. БЦ, с. 582-583, табл. I, 16, 20; Виноградов, Шауб, 2005, с. 219-223.
272. Два грифона около богини с побегами аканфа, заменяющими ее ноги. Антовая известняковая капитель монументального сооружения. IV- III вв. до н. э. Херсонес. Буйских, 2006, с. 130, рис. 2.
273. Головы грифонов. Застежка золотого ожерелья. II в. до н. э. Артюховский курган на Тамани. Максимова, 1979, с. 54, рис. 10.

Грифоны с головами птиц и ящеров

274. Грифон. Обломок ионийской ойнохои. Первая половина VI в. до н. э. Березань. ББ, 2005, № 18.
275. Сидящий грифон. Обломки двух чернофигурных сосудов. VI в. до н. э. Пантикапей. Толстиков, 1992, рис. 10.
276. Грифон. Семь электровых монет Кизика. 500-460 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 4, 57, 64-66, 73-75; Абрамзон и др., 2006, с. 16.
277. Грифон. Фрагмент мраморной статуи. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. АГСП, 1984, табл. 98, 1.
278. Голова грифона. Золотые серьги. Вторая половина V в. до н. э. Нимфей. Depert-Lippitz, 1985, S. 148, Abb. 97.
279. Грифон. Печать из агата. Последняя четверть V в. до н. э. Пантикапей. Неверов, 1973, с. 60, рис. 2, 7; АГСП, 1984, табл. 169, 6.
280. Грифон. Скарabeoid из горного хрусталя. V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1864, с. 100; Мирмекийский клад, 2004, № 158.
281. Грифон, сидящий перед хлебным колосом. Золотые и серебряные монеты синдвов. Конец V – начало IV в. до н. э. БЦ, табл. I, 9, 10.
282. Два грифона. Краснофигурный аск. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2003, pl. 63.
283. Грифон. Краснофигурные аски. Вторая четверть IV в. до н. э. Китей. Шталь, 2004, № 12, 13.
284. Грифон. Золотые бляшки из боспорской мастерской. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина, 1986, с. 50, 61.
285. Грифон. Украшение шлема Афины. Золотая подвеска. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ГЗ, № 87.
286. Грифон. Украшение шлема Афины. Позолоченные терракотовые медальоны. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Тамань. Силантьева, 1959, с. 35, рис. 13, 1; Онайко, 1979, с. 394; Завойкин, 2003, с. 94-95.
287. Грифон. Медные монеты Пантикапея. Середина IV в. до н. э. Зограф, 1951, табл. XL, 12, 14, 16, 18; Табл. XLI, 18; БЦ, табл. I, 18.
288. Грифон. Известняковая плита. 350-300 гг. до н. э. Пантикапей. АМ, № 127; Тункина, 2002, с. 213, рис. 77.
289. Головы грифонов. Декор золотых серег «роскошного» стиля. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Саверкина, 2000, с. 18, рис. 7.
290. Головы грифонов. Скульптурные украшения саркофагов. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. Артамонов, 1966, № 312.

291. Грифон. Монеты Херсонеса. Последняя треть IV – II вв. до н. э. Анохин, 1977, с. 138, № 60-76; с. 142. № 125, 126; с. 145. № 159, 160.
292. Грифон. Известняковая плита. IV – III вв. до н.э. Пантикапей. Античная скульптура 2004. С. 138. № 78.
293. Голова грифона. Украшение позолоченного конского налобника. Начало III в. до н.э. Курган Васюрина гора на Тамани. Власова, 2004, с. 165, рис. 9.
294. Грифон. Рельеф на мраморной стенке саркофага. II в. н.э. Херсонес. АП. № 183; АСХ, № 501.

Грифоны вместе с реальными животными

295. Грифон и гусь. Обломок родосско-ионийского диноса. Третья четверть VII в. до н. э. Ольвия. Фармаковский, 1914, с. 16, табл. I; Копейкина, 1976, с. 137, рис. 4.
296. Охота на грифонов, кабана и ланей. Аттический лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 г. до н. э. Пантикапей. ДБК, табл. 45, 46; Скржинская, 1999, с. 121-130; Виноградов, 2007, с. 23-24.
297. Два грифона и львица. Роспись саркофага IV – III вв. до н. э. Херсонес. Стржелецкий, 1969, с. 80-81, рис. 40.
298. Грифоны, львы, кабаны и пантеры. Фриз на мозаичном полу андрона. III в. до н. э. Ольвия. Леви, 1985, с. 43, рис. 26.

Божества, едущие на грифонах

299. Афродита на колеснице, запряженной двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Первая четверть V в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 137-138, рис. 1.
300. Аполлон на грифоне. Краснофигурный килик. Рубеж V – IV вв. до н. э. Хора Херсонеса. Горбунова, 1977, с. 41-45; АГСП, 1984, табл. 143, 5.
301. Дионис верхом на грифоне. Двадцать краснофигурных пелик. Пантикапей. IV в. до н.э. UKV, № 404, 407, 409, 410, 438, 454, 457; ПБП, с. 146, рис. 4-6; Шталь, 2000, табл. 3, I; 4, I; 7, 2; Фомина, 1996, с. 61- 62; Вдовиченко, 2003, № 1-4, 98.
302. Дионис верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Феодосия. IV в. до н. э. Вдовиченко, 2003, с. 488, № 970.
303. Дионис верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Херсонес. IV в. до н. э. Вдовиченко, 2003, с. 488, № 542.
304. Менада на грифоне. Золотая бляшка на калафе жрицы. Курган Большая Близница на Тамани. IV в. до н.э. РД, с. 51, рис. 67; Артамонов, 1966, № 288; Емец, 2002, с. 101.
305. Аполлон на грифоне. Роспись склепа. Пантикапей. Первые века нашей эры. РД, с. 34, рис. 38.

Грифоны, терзающие зверей

306. Грифон, нападающий на пятнистую лань. Фрагмент краснофигурного ритона. 425-420 гг. до н. э. Фанагория. Лосева, 1968, с. 91-92, рис. 3; CVA Russia, 2003, tab. 37.
307. Грифон, терзающий коня. Электровый перстень. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. ОАК 1877, с. 261, табл. 5, 12; Силантьева, 1959, с. 46, рис. 19; АГСП 1984, табл. 170, 6.
308. Грифоны, терзающие коня. Две краснофигурные пелики. Пантикапей. 370-350 гг. до н. э. UKV, № 536; ПБП, с. 137, рис. 2, I; Шталь, 2000, с. 64, № 103, 104.
309. Два грифона, терзающие лань. Две краснофигурные пелики. Середина IV в. до н. э.

- Пантикапей. UKV, № 537; ПБП, с. 140, 152, рис. 2, 4; 10, 2; На краю ойкумены, 2002, с. 28. № 38.
310. Грифоны и львы, нападающие на лань, быка и лошадь. Крышка краснофигурной леканы. 360 г. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861, с. 28, табл. 2, 2; UKV, № 18.
311. Грифоны, нападающие на разных животных. Позолоченные деревянные фигурки на продольных стенках саркофага. IV в. до н. э. Курган Мирзы Кекуватского в некрополе Пантикапея. БЦ, с. 255; Сокольский, 1971, с. 232, табл. 35, 8.
312. Грифон, терзающий пантеру. Золотая бляшка. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. Емец, 2002, с. 104.
313. Грифон, терзающий коня. Деревянный саркофаг. Вторая половина IV в. до н. э. Гермонасса. ОАК 1869, с. 176-178; Сокольский, 1969, с. 23, табл. 7, 3.
314. Грифон, терзающий быка. Мраморное надгробие римского времени. Фанагория. Кузнецов, 2007, с. 10, рис. 8.
315. Грифон, терзающий быка. Украшение деревянного саркофага. Первая половина II в. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, с. 67, табл. 42, 2.

Грифоны, сражающиеся с амазонками

316. Поединок грифона и амазонки. Фрагмент краснофигурного кратера. Начало IV вв. до н. э. Горгиппия. Цветаева, 1980, с. 85, рис. 7.
317. Амазонки, сражающиеся с грифонами. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003, с. 490, № 1000.
318. Поединок амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Северное Причерноморье. ПБП, с. 141, рис. 3, 1, с. 153, рис. 10, 4.
319. Поединок амазонки и грифона, сторожащего золото. Краснофигурный лекиф. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ГЗ, с. 159, рис. 49.
320. Поединок копейной амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962, с. 178, рис. 6; Вдовиченко, 2003, с. 452, № 199.
321. Копейная амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003, с. 468, № 550.
322. Сражение двух амазонок с грифоном. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 157, рис. 11, 1; 12, 2; На краю ойкумены, 2002, с. 29, № 40.
323. Пешая амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003, с. 468, № 566, 571.
324. Сражение амазонки на биге с двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 144; UKV, № 453.
325. Сражение амазонок с грифонами. Золотой калаф. 330-300 гг. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ, № 203.
326. Грифон и поверженная амазонка. Рельефное украшение бронзового таза. Эллинистический период. Тамань. Анфимов, 1966, с. 19.

Протомы амазонок, коней и грифонов

327. Голова амазонки и грифон. Две крышки краснофигурных лекан. Середина IV в. до н. э. Тиритака. Шталь, 2000, № 64, 67.
328. Голова амазонки и лежащий грифон. Крышка краснофигурной леканы. Вторая четверть IV в. до н. э. Херсонес. Шталь, 2004, № 66.

329. Головы амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 153, рис. 10; с. 144, рис. 6.
330. Две головы амазонок и две головы грифонов. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Пантикапей. АМ, № 51.
331. Головы амазонки и грифона. Обломок крышки краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Поселение на м. Зюк (Боспор). Шталь, 2004, № 63.
332. Головы амазонок, грифона и коня. 16 краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 139, рис. 2, 2; с. 158, рис. 11; АРК, № 52; Вдовиченко, 2003, с. 445-448, № 31-40, 78, 81, 87, 91.
333. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика 350-325. Нимфей. Силантьева, 1959, с. 47, рис. 22; ДГН, № 72; UKV, № 464.
334. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Мирмекий. Вдовиченко, 2003, с. 446, № 63.
335. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003, с. 487, № 960.
336. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Оливия. Вдовиченко, 2003, с. 492, № 1030.
337. Голова амазонки между обращенных к ней в профиль грифонов. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Шталь, 2000, с. 67, № 106.

Грифоны, сражающиеся с аримаспами

338. Грифон, нападающий на конного аримаспа. Краснофигурная пелика. 360-350 гг. до н. э. Нимфей. ДГН, № 75.
339. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Одиннадцать краснофигурных пелик. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 141, рис. 4; АРК, № 51; UKV, № 411, 456, 545; Вдовиченко, 2003, с. 445, № 15-22, 101.
340. Пеший аримасп, сражающийся с грифоном. Четыре краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП, с. 144, рис. 6, 4; UKV, № 420-423.
341. Три аримаспа, сражающиеся с грифоном. Краснофигурная пелика. 350-330 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003, с. 490, № 1002.
342. Пеший аримасп без шапки, сражающийся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330-320 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003, с. 490, № 1001.
343. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003, с. 488, № 965.
344. Два грифона, нападающие на конного аримаспа. Три краснофигурные пелики. 330-320 гг. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко, 2003, с. 444, № 8-10.
345. Грифон, обороняющийся от нападения двух пеших аримаспов. Три краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV, № 408, 539; Вдовиченко, 2003, с. 445, № 25.
346. Грифон, обороняющийся от нападения двух аримаспов. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Горгиппия. UKV, № 455.
347. Аримасп верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849, т. 3, № 18; ОАК 1861, табл. 2.
348. Аримасп, сражающийся с грифоном. Обломок краснофигурной пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова, 1983, с. 156, рис. 3, 1.

Крылатые кони и кабаны, львы и змеи

349. Взлетающий крылатый конь. Целая клазоменская амфора и обломки стенок семи подобных амфор. Середина VI в. до н. э. Березань. Книпович, 1927, табл. 12; Копейкина, 1979, с. 17-18, рис. 16, 18.
350. Взлетающий крылатый конь. Обломки стенок трех клазоменских амфор. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Книпович 1927, с. 92; Леви, 1972, с. 47-48, рис. 14.
351. Взлетающий крылатый конь. Клазоменская амфора. 520 г. до н. э. Пантикапей ОАК 1902. С. 54. Рис. 91. Книпович, 1927, с. 90, табл. 11; Копейкина, 1979, с. 18, рис. 17.
352. Пегас на щите Афины. Панафинейская амфора. 515-510 гг. до н. э. Пантикапей. ИАК № 45, 1912, с. 77, табл. 5.
353. Крылатый конь. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Березань. ББ, 2005, № 134.
354. Два крылатых коня. Чернофигурный киаф. 500-490 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова, 1983, № 176.
355. Беллерофонт на Пегасе. Серебряный килик. 460 г. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). Горбунова, 1971, с. 23-26, рис. 6.
356. Крылатые змеи, везущие Триптолема. Два кизикинских статера. 460-400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 22, 23.
357. Пегас. Кизикийский статер. 460-400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад, 2004, № 85.
358. Пегас. Золотая серьга. 400-350 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ, № 101.
359. Крылатый лев. Золотая монета. 379-369 гг. до н. э. Пантикапей Анохин 1986, с. 140, № 92.
360. Крылатый кабан. Золотые бляшки. Первая половина IV в. до н. э. Курганы Куль-Оба и Второй Семибратний на Тамани. Артамонов, 1966, рис. 49; Копейкина, 1986, с. 58.
361. Пегас. Медная монета Пантикапея. Середина IV в. до н. э. БЦ, с. 582, № 19, табл. 1, 19.
362. Пегас. Круглые золотые бляшки для подвешивания к ожерелью. Старший Трехбратний курган близ Нимфея. Вторая половина IV в. до н. э. АП, № 23; Трейстер 2006, с. 171, рис. 14.
363. Пегас. Подвеска из слоновой кости к ожерелью эллинистического времени. АГСП, 1955, с. 428, рис. 27.
364. Пегас. Медная монета Херсонеса. III в. до н. э. Анохон, 1977, с. 144, № 155.
365. Крылатый лев. Украшение серебряного конского наносника. Курган Васюрина гора (Тамань). III в. до н. э. Власова 2004, с. 168, рис. 26.
366. Пегас. Медная монета Пантикапея. 47-30 г. до н. э. АГСП, 1984, табл. 78, 38.
367. Пегас. Украшение деревянного саркофага. I – начало II вв. н. э. Пантикапей. Сокольский, 1969, табл. 39, 6.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2006.
- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985 (АРК)
- Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)
- Античная скульптура. Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004.
- Античная художественная бронза. Л., 1973. (АХБ)
- Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955. (АГСП 1955)
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. (АГСП 1984)
- Анфимов Н.В.* Комплекс бронзовых предметов из кургана близ станции Тамижбекской // Культура античного мира. М., 1966.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа. Прага - Ленинград, 1966.
- Ашик А.* Боспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
- Белов Г.Д.* Керамика конца V-IV века до н. э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ. № 17. 1976.
- Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. (ИАРК)
- Борисковская С.П.* Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28.
- Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005. (ББ)
- Браишечкий И.Б.* Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960-1962 гг. // КСИА. 1965. № 103.
- Буйских А.В.* Sofa- капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Вып. 11. Симферополь - Керчь, 2006.
- Вдовиченко И.И.* Керченские вазы // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Т. 3.
- Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003.
- Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* О семантике изображений на золотых статерах из Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12.
- Виноградов Ю.А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.
- Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- Винокуров Н.И.* Античная виноторговля в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2002.
- Виттер Б.Р.* Искусство Древней Греции. М., 1972.
- Власова Е.В.* Курган Васюринна гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., Л., 1949. (БЦ)
- Галанина Л.К.* Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.
- Герцигер Д.С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- Горбунова К.С., Передольская А.А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. (МГВ)
- Горбунова К.С.* Аттические вазы в форме человеческих голов из собрания Эрмитажа // ТГЭ. 1962. Т. 7.

- Горбунова К.С.* Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.-Л., 1964.
- Горбунова К.С.* Чернофигурный кратер мастера Лидоса // СА. 1964. № 3.
- Горбунова К.С.* Самосская амфора с комастами // СГЭ. 1966. № 27.
- Горбунова К.С.* Килик Олтоса из раскопок Ольвии в 1968 г. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1970. № 19.
- Горбунова К.С.* Килик с комастами из раскопок Березани // СА. 1970. № 4.
- Горбунова К.С.* серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Горбунова К.С.* Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
- Горбунова К.С.* Фрагменты аттических чернофигурных чаш Тлесона с острова Березань // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Горбунова К.С.* Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М., 1977.
- Горбунова К.С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Горбунова К.С.* Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962-1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- Горбунова К.С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
- Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. (МИС)
- Грач Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л., 1981.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова Н.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской.* Симферополь, 2006.
- Древности Боспора Киммерийского.* СПб., 1854. (ДБК)
- Емец И.А.* Греко-варварские религиозные взаимоотношения на Боспоре Киммерийском. М., 2002.
- Зайцева К.И.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М. 1976.
- Зайцева К.И.* Свинцовые изделия IV–II вв. до н. э. местного производства Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Завойкин А.А.* Керамические вотивы из святилища «Береговой» 4 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003.
- Зедгендзе А.А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА, 1978. № 156.
- Зицько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея. Симферополь - Керчь, 2003.
- Зограф А.Н.* Античные монеты. МИА № 16. М.-Л., 1951.
- Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.
- Иванова А.П.* Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. 1958. Вып. 2.
- Ильина Ю.И.* Хиосская керамика конца VII – начала VI века до н.э. из раскопок на острове Березань // ТГЭ. 1997. № 28.
- Ильина Ю.И.* Ранняя краснофигурная керамика Березани // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Ильина Ю.И.* Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. С. 70-173.
- Кириллин Д.С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Кишпович Т.Н.* Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // Известия ГАИМК. 1927. Т.5.
- Кишпович Т.Н.* Художественная керамика // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955.

- Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики. МИА. № 19. 1951. (ПБП)
- Кобылина М.М. Милет. М., 1965.
- Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1.
- Кобылина М.М. Пан на надгробной плите из Фанагории. // СА. 1973. № 3.
- Козуб Ю.И. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
- Копейкина Л.В. Фрагмент родосско-ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань // СА. 1970. № 3.
- Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Копейкина Л.В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. и ее значение для изучения раннего этапа существования Березанского поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- Копейкина Л.В. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологический сборник. № 27. Л., 1986.
- Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986.
- Корпусова В.Н. Восточно-греческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кузина Н.В. Культ Диониса и его роль в идеологии античных государств Северного Причерноморья // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008.
- Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепах в 1984-89 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Кузнецов В.Д. Фанагория. История исследования и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992.
- Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.
- Латышев. В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997.
- Леви Е.И. Материалы Ольвийского теменоса; Керамический комплекс III – II вв. до н.э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия. Теменос и агора. М-Л., 1964.
- Леви Е.И. Описание терракот теменоса Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. САИ, 1970.
- Леви Е.И. Арханчская керамика из раскопок Ольвийской агоры // КСИА. 1972. № 130.
- Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Лиссарт Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира. М., 2008.
- Лосева Н.М. Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938-1962 гг. // Сообщения ГМИИ. 1968. Вып. 4.
- Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.
- Лосева Н.М. Аттический краснофигурный стамнос из Керчи // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.
- Макимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Мащевич А.П. Березанская амфора // ИГАИМК. 1927. Т. 5.
- Мащевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.
- Масленников А.А., Розов В.Н. Расписная керамика с мыса Зюк // КСИА. 1990. № 197.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.
- Мирмекийский клад. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Мирошина Т.В. Греческие украшения Северного Причерноморья // КСИА, 1983. № 174.
- Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы. Пектораль из Толстой могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля. // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2003.
- Музы и маски. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2005.

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.

Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.

Неверов О. Я. Перстни // Античное художественное серебро. Каталог выставки. Л., 1985.

Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья. // Античная торевтика. Л., 1986.

Онайко Н.А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М., 1977.

Онайко Н.А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змсином). Киев, 1993.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.

Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Пиотровский А.И. Панафинейская амфора из Елисаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. № 13.

Пятьшева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956.

Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. № 4.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. (АДЖ).

Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.

Саверкина И. И. Греческая скульптура. Л., 1986.

Саверкина И. И. Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000.

Савостиин Е.А. Эллада и Боспор. Историко-культурные связи и греческий импульс в развитии пластики Северного Причерноморья. Диссертация на соискание уч. степ. доктора искусствоведения. М. 2004.

Самойлова Т.Л., Кожжакару В. и др. Исследования античной Тиры и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 2000 – 2001 рр. Київ, 2002.

Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI – IV вв. до н. э. Киев, 1989.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1968. № 4.

Сидорова Н.А. Черноразовая керамика из Пантикапея (раскопки 1959-1969) // Сообщения ГМИИ. 1984 № 7.

Сидорова Н.А. Черноразовая керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1992. № 10.

Силаштьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3.

Скржинская М.В. Иллюстрации литературных приведений на аттических вазах из раскопок Боспора // РА. 2002. № 1.

Скржинская М.В. Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. Сборник научных трудов СТЕФАНΟΣ. М., 2005.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладe и в Северном Причерноморье. Киев, 2009.

Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березань // СА. 1957. № 11.

Скуднова В.М. Родосская керамика с Березани // СА. 1960. № 2.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)

Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)

- Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской федерации и стран СНГ (леканы, аски, лекифы, ойнохои IV в. до н. э. Керченский стиль). М., 2004.
- Штительман Ф.М.* Медальон с изображением Афины из Ольвии. // СА. 1965. № 4. С 223- 237.
- Штительман Ф.М.* Античне мистецтво. Київ, 1977. (АМ)
- Щеглов А.Н.* Терракоты Ольвии // ТС. 1970.
- Зима Н.А.* Навкратийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 1912. № 40.
- Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. Л., 1990.
- Alexander Ch.* Jewellery. The art of the goldsmith in classical times. New- York, 1928.
- Barringer J.M.* Europa and the Nereids: Wedding or Funeral? // AJA. 1991. № 4
- Beazley J.D.* Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963. (ARV)
- Boardman J.* Athenian Red-Figure Vases. The Archaic Period. London, 1985.
- Boardman J.* Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.
- Boardman J.* Athenian Red Figure- Vases. The Classical Period. London, 1997.
- Buitron D., Cohen B.* Syrens // The Odyssey and Ancient Art. New- York, 1992.
- Charbonneaux J.* Grèce Hellénistique. Paris, 1970.
- Corpus vasorum antiquorum.* Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996, 2003.
- Deppert – Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.
- Hedreen G.* Silens, Nymphs and Maenads // JHS. V. 114. 1994.
- Heres G.* Gfeifenprotomen aus Milet // Klio. 1970. Bd. 52.
- Howe T.* The Origin and Function of the Gorgon Head // AJA. 1954. № 58. 3.
- Marx P.A.* The Introduction of the Gorgoneion to the Shield and Aegis of Athena and the Question of Aedoiou // Revue archeologique, 1993. Fasc. 2.
- Kaposhina S.I.* A Sarmation Royal Byrial at Novocherkassk // Antiquity. 1963. V. 37.
- Petrakos B.* National Museum. Athens, 1998.
- Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923.
- Ridgway B.S.* Hellenistic Sculpture III. The Styles of 100-31 B.C. London, 2002.
- Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV)
- Shauenberg K.* Pluton and Dionysos // Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Instituts. Berlin, 1953.
- Shefton B.* The Krater from Bakxy // The Eye of Greece. Cambridge. 1982.
- Simon E.* Satyr-plays on Vases in Time of Aeschylus //The Eye of Greece. London, 1982.
- Simon E., Hirmer A.* Die griechischen Vasen. München, 1981.
- Stäler K.* Tierbilder // Griechische Vasen aus Vestfälischen Sammlungen. Münster, 1984.
- Treister M.* Ein spätarchaischer Handspiegel des olbischen Typus // Anlässlich der Winkelmannsfeier des Instituts für klassische Archäologie der Universität Leipzig. Leipzig AM 15. Dezember 2003.
- Vickers M.* Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979.
- Vogell A.* Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A. Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.
- Zervoudaki E.A.* Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr.// Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. 1968. № 83. (ARC).

ФАНТАСТИЧНІ ІСТОТИ В КУЛЬТУРІ, МИСТЕЦТВІ Й РЕЛІГІЇ АНТИЧНИХ ДЕРЖАВ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Стаття присвячена з'ясуванню ролі фантастичних істот у культурі, мистецтві й релігії греків, що жили на Боспорі, в Херсонесі, Ольвії й Тірі. Для висвітлення цієї мало дослідженої теми використані головним чином пам'ятки мистецтва, виявлені при розкопках античних міст і некрополів у Північному Причорномор'ї. Вони дають уявлення про популярні тут міфи, персонажами яких були напівлюди-напівзвірі й фантастичні істоти. У північних грецьких колоніях розповідали відомі в усій Елладі перекази про сатирів і силенів, веселих супутників Діоніса, про музичні змагання Аполлона і Марсія, про битви Геракла з кентаврами, про грифонів, що бились з аримаспами і амазонками, про тритонів і гіппокампів, які населяли морські глибини, та ін. Ці міфи зажили найбільшої популярності в VI – IV ст. до н. е., та не забувались і в перші століття нашої ери.

Маски горгон, що прикрашали храми Ольвії, Херсонеса і Феодосії, а також ольвійські вотивні пластинки із зображеннями сирен і кентаврів, свідчать про певну роль фантастичних істот в релігії греків Північного Причорномор'я. Є підстави вважати, що тут під час Діонісії деякі учасники одягали костюми сатирів, силенів і вакханок, а на боспорських святах Аполлона згадували про грифона, одну з священних тварин бога.

Персонажі, що прикрашали речі масового місцевого виробництва (монети, теракоти, керамічні й кістяні вироби), свідчать про широке розповсюдження різних уявлень про фантастичних істот у щоденному житті античних держав Північного Причорномор'я. В древності вважалось, що вигляд страшних чудовиськ може відвернути нещастя від власника їх зображень, тому на розписному посуді і на ювелірних виробах часто зустрічаються фігури різних фантастичних істот, які мали поряд із декоративною функцією значення апотропеїв.

Майже всі фантастичні істоти включались до розповідей про потойбічний світ. Їх зображення супроводжували померлого в останній шлях, про що свідчать знайдені в могилах розписні вази, ювелірні вироби, а також прикраси саркофагів і надгробків.

У Північному Причорномор'ї уявлення про фантастичних істот розвивались у річичі притаманній всім грекам традиції. Однак, як і в інших державах, міфи про ці істоти користувались різною мірою популярності в кожному місті та його окрузі. Наприклад, грифони відігравали важливу роль у міфології боспорян і посідали помітне місце в Херсонесі, а в Ольвії та Тірі ними цікавились помітно менше. Зате в VI – V ст. в Ольвії горгонам і сфінксам приділялось набагато більше уваги, ніж в інших полісах цього регіону.

«ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ И РЕЛИГИИ
АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ»

Резюме

Статья посвящена выяснению роли фантастических существ в культуре, искусстве и религии греков, живших на Боспоре, в Херсонесе, Ольвии и Тире. Для освещения этой малоисследованной темы использованы главным образом памятники искусства, обнаруженные при раскопках античных городов и некрополей в Северном Причерноморье. Они дают представление о популярных здесь мифах, в которых принимали участие полулюди-полуживотные и фантастические животные. В северных греческих колониях рассказывали известные во всей Элладе предания о сатирах и сиренах, веселых спутниках Диониса, о музыкальном состязании Аполлона и Марсия, о грифонах, сражающихся с аримаспами и амазонками, о битвах Геракла с кентаврами, о сладкоголосых сиренах, об ужасных горгонах, о населяющих морские глубины тритонах и гиппокампах и др. Эти мифы пользовались наибольшей популярностью в VI–IV вв. до н. э., но не забывались и в первые века нашей эры.

Маски горгон, украшавшие храмы Ольвии, Херсонеса и Феодосии, а также ольвийские вотивные пластинки с изображением сирен и кентавров, свидетельствуют об определенной роли фантастических существ в религии греков Северного Причерноморья. Есть основания считать, что здесь во время Дионисий некоторые участники облачались в костюмы сатиров, силенов и вакханок, а на боспорских праздниках Аполлона вспоминали о грифоне, одном из священных животных бога.

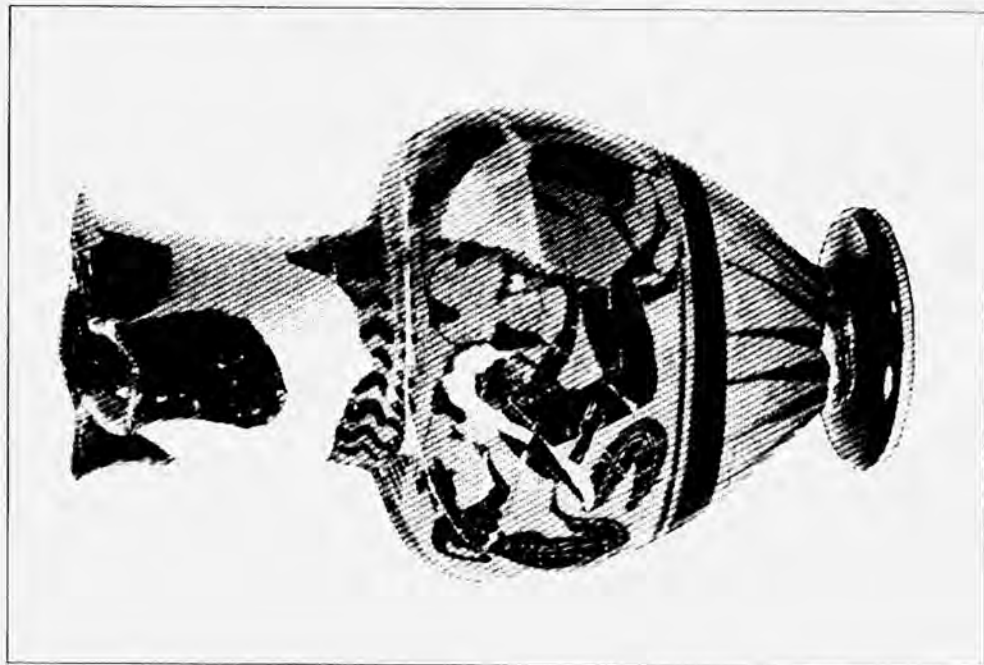
Персонажи, украшавшие предметы массового местного производства (монеты, терракоты, керамические и костяные изделия), свидетельствуют о широком распространении различных представлений о фантастических существах в повседневной жизни античных государств Северного Причерноморья. В древности считалось, что вид страшных чудовищ может отвлечь несчастье от владельца их изображений, поэтому на расписной посуде и на ювелирных изделиях часто встречаются фигуры разнообразных фантастических существ, имевших наряду с декоративной функцией значение апотропеев.

Почти все фантастические существа включались в рассказы о потустороннем мире. Их изображения сопровождали покойного в последний путь, во чем свидетельствуют найденные в могилах расписные вазы, ювелирные изделия, а также украшения саркофагов и надгробий.

В Северном Причерноморье представления о фантастических существах развивались в русле присущей всем грекам традиции. Однако, как и в других государствах, мифы об этих созданиях пользовались разной степенью популярности в каждом городе и его округе. Например, грифоны играли важную роль в мифологии боспорян и занимали заметное место в Херсонесе, а в Ольвии и Тире ими интересовались заметно меньше. Зато в VI–V вв. до н. э. в Ольвии горгонам и сфинксам уделялось гораздо больше внимания, чем в прочих полисах этого региона.

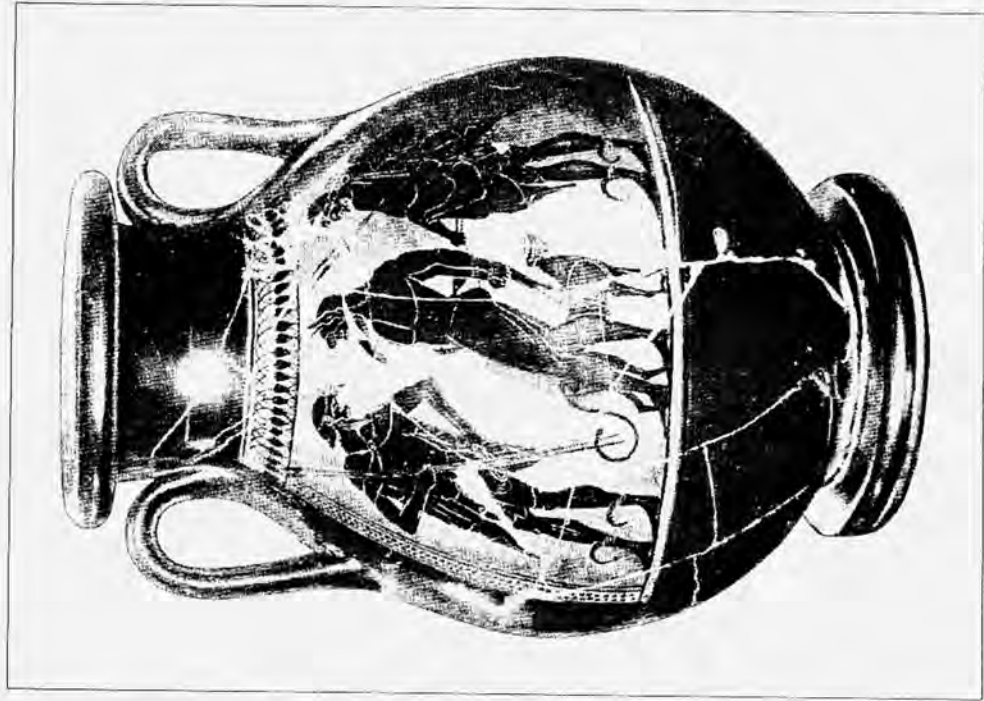
1. Статуя Силена с Дионисом на руках. Римская копия с греческого оригинала. III в. до н. э.

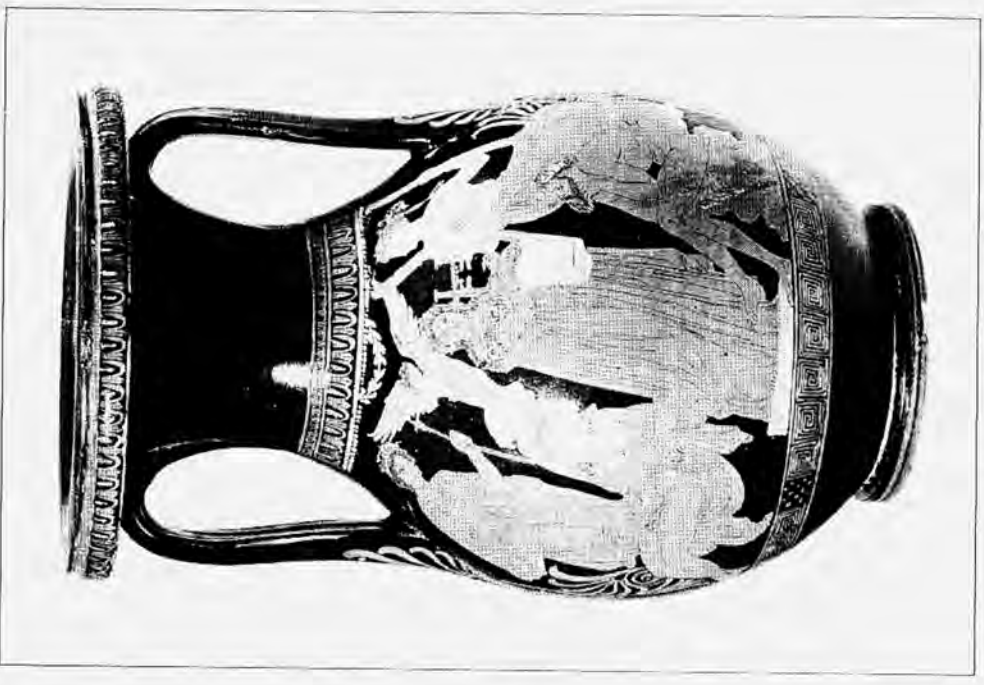
3. Лежащий Силен между двух танцующих нимф. Чернофигурная ойнахоя из Ольвии. Начало V в. до н. э.

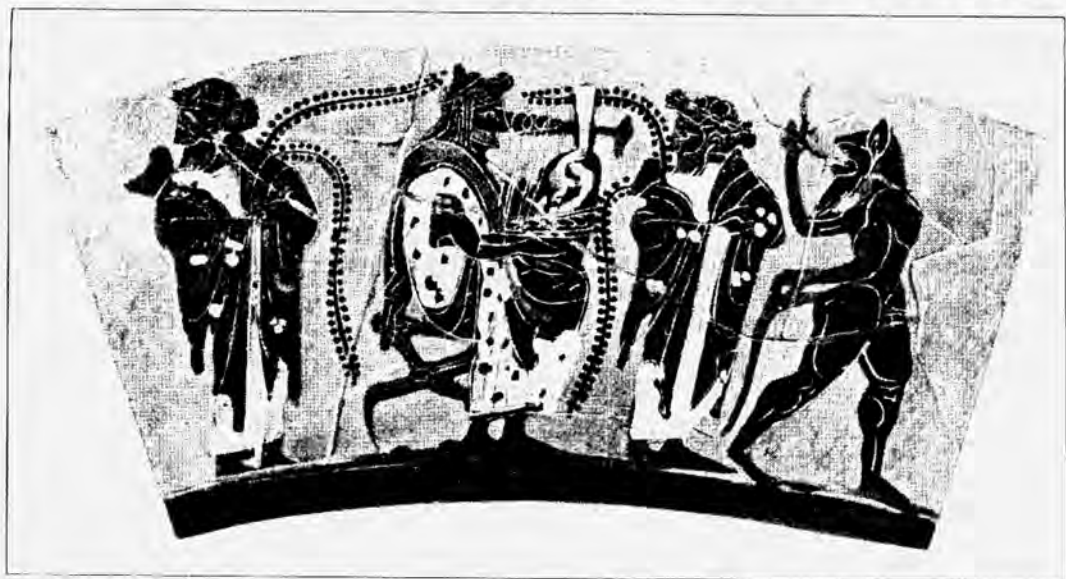
2. Силен с винным мехом на плечах. Чернофигурная ольга из Ольвии. Конец VI в. до н. э.

5. Воины, ведущие связанного Силена к царю Мидасу. Черно-фигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина VI в. до н. э.

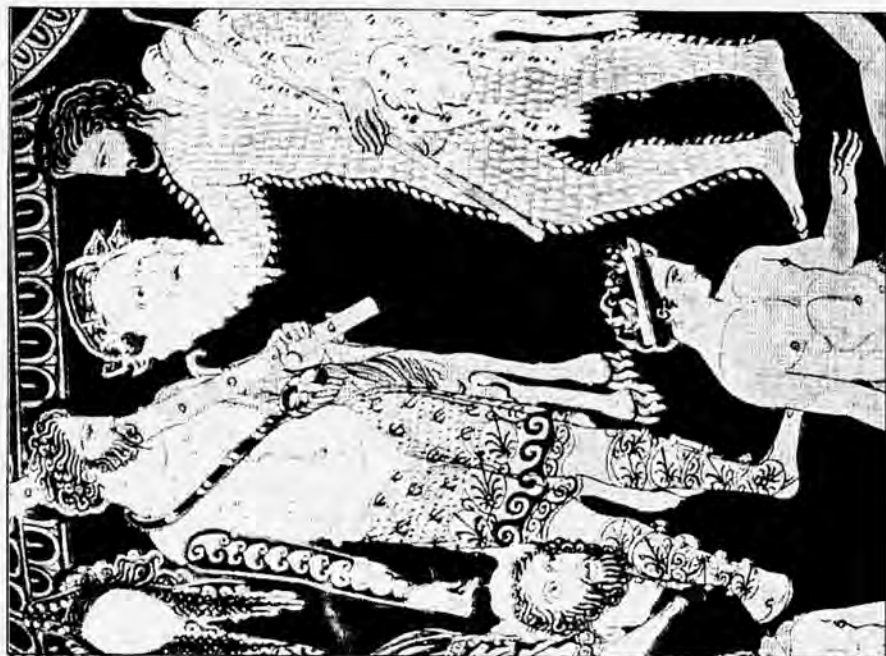
4. Состязание Аполлона и Марсия. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340-330 гг. до н. э.

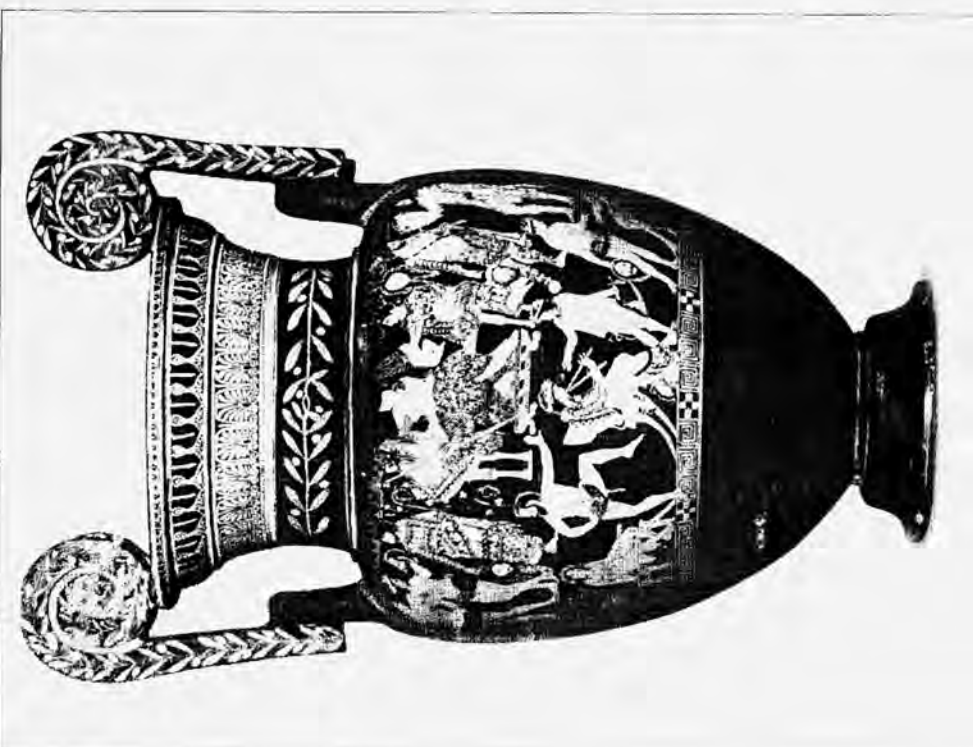
6. Силен рядом с Дионисом, стоящим около Аполлона, играющего на кифаре. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.

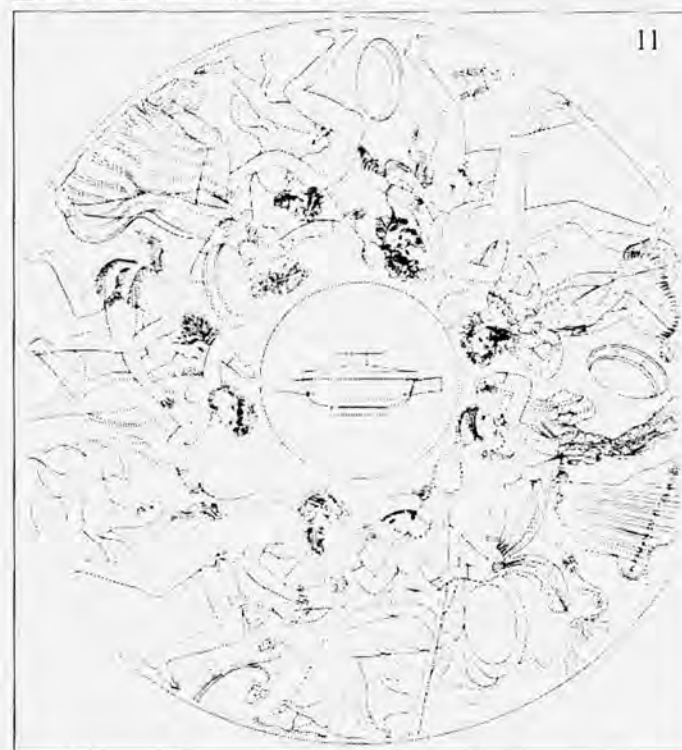
7. Силен. Рельефная костяная пластинка для украшения мебели из Пантикапея. III – II вв. до н. э.

9. Актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Часть росписи краснофигурного кратера Пронома из Руво. Начало IV в. до н. э.

8. Актеры, исполнявшие роли в сатиrowsкой драме. Краснофигурный кратер Пронома из Руво. Начало IV в. до н. э.

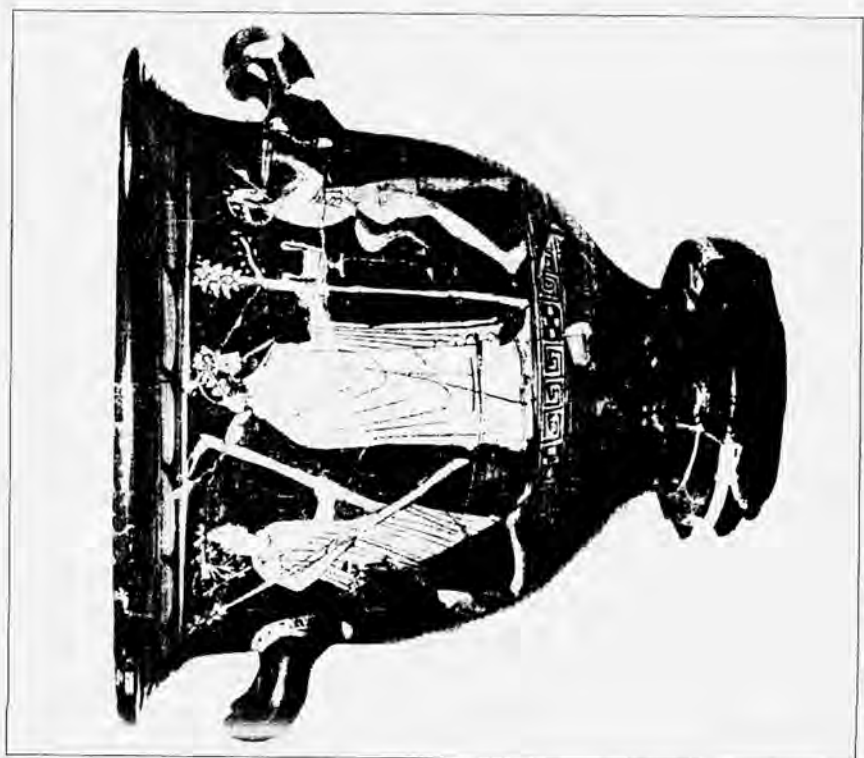
10. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф из Пантикапея. IV в. до н. э.

11. Силен с Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Краснофигурная лекана из Пантикапея. IV в. до н. э.

12. Маски Диониса и Силена. Рельеф на стенке мраморного саркофага из Херсонеса. II в. н. э.

14. Сатир, аккомпанирующий на аулосе танцу вакханки. Краснофигурная пелика из Херсонеса, IV в. до н. э.

13. Шествие Диониса в сопровождении сатира и вакханки. Краснофигурный кратер из Никония. Вторая половина V в. до н. э.

15. Отдыхающий сатир. Римская копия с оригинала Праксителя. IV в. до н. э.

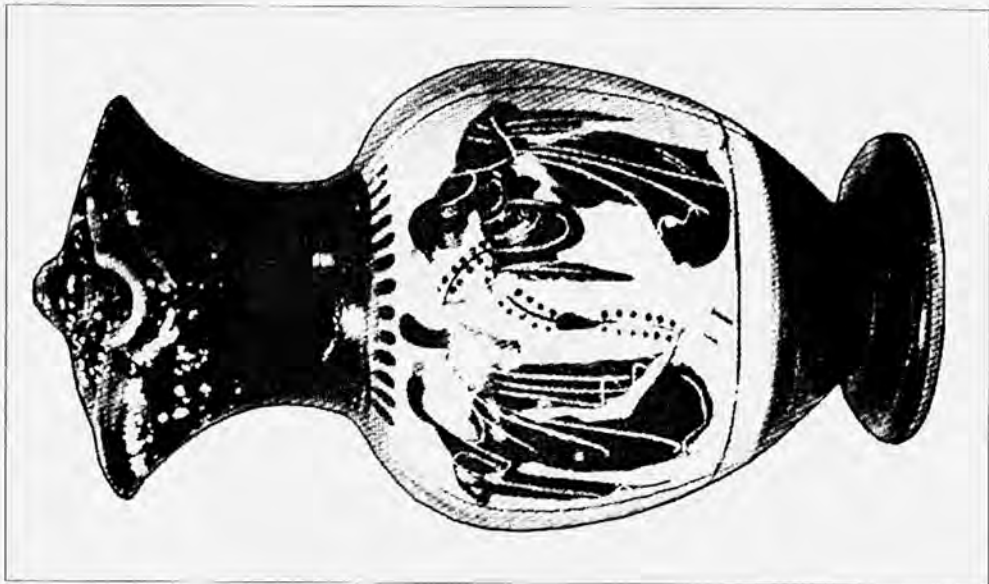
16. Сатир. Золотой пантикапейский статер. Первая половина IV в. до н. э.

17. Сатир. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э.

18. Пан и сатир. Терракотовые маски из Пантикапея и Херсонеса. III в. до н. э.

19. Танцующие вакханки. Чернофигурная ойнохоя из Ольвии. Начало V в. до н. э.

20. Поклонницы Диониса на празднике Лений. Краснофигурный стамнос из Пантикапея. Середина V в. до н. э.

21. Вакханка с тимпаном над головой. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э.

22. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик из Ольвии. Рубеж VI – V вв. до н. э.

23

23. Сражение кентавра с Гераклом. Чернофигурный лекиф из раскопок на Таманском полуострове. Конец VI в. до н. э.

24. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от брака с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340 г. до н. э.

24

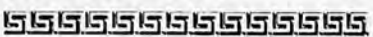
25. Сирена с лирой. Оттиск формы для украшения керамических сосудов из Фанагории. IV в. до н. э.

26. Две сирены. Амфора стиля Фикеллура из раскопок на о. Березань. Вторая половина VI в. до н. э.

27. Сирена. Фрагмент чернофигурного килика из раскопок на о. Березань. Третья четверть VI в. до н. э.

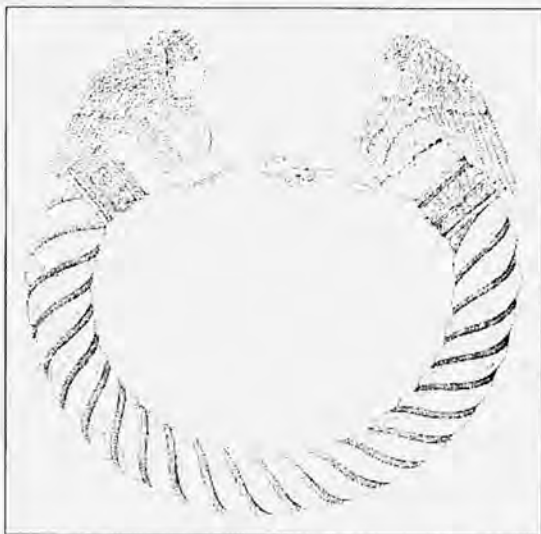
28. Сирена. Клазоменская амфора из Ольвии. 520 г. до н. э.

29. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге из кургана Зеленская гора на Тамани. Конец IV в. до н. э.

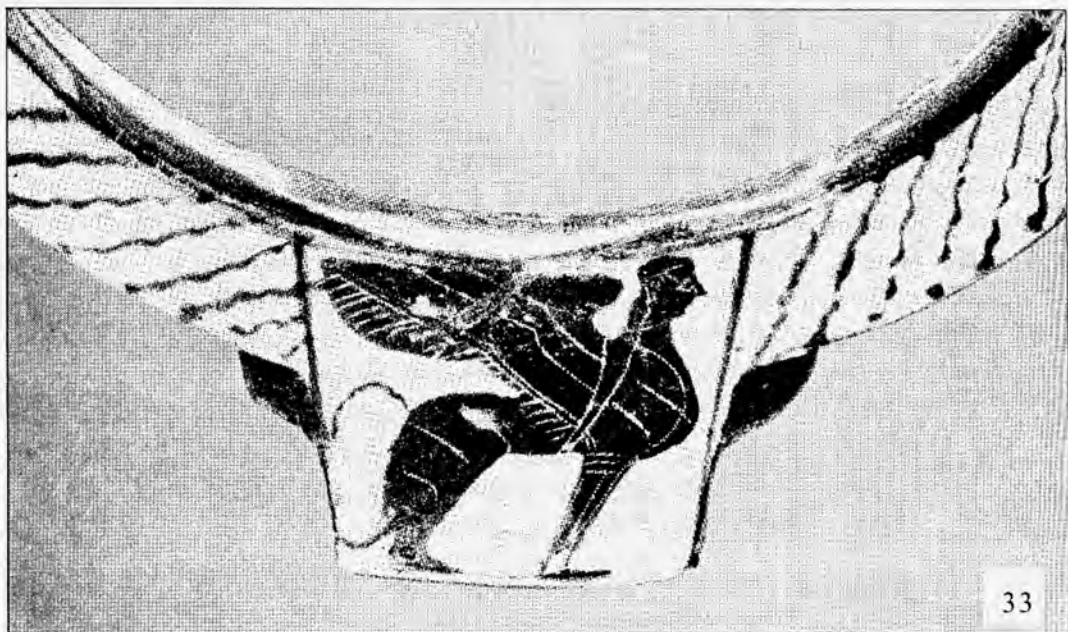
30. Сфинкс. Золотые серьги из Нимфея. Вторая половина IV в. до н. э.

31. Два сфинкса. Украшение золотого браслета из кургана Куль-Оба. Первая половина IV в. до н. э.

32. Сфинкс. Хиосский кубок из раскопок на о. Березань. Первая половина V в. до н. э.

33

33. Сфинкс. Рисунок на ручке чернофигурного кратера из Ольвии. 540-530 гг. до н. э.

34. Сфинкс. Полихромный фигурный сосуд из Фанагории. Конец V в. до н. э.

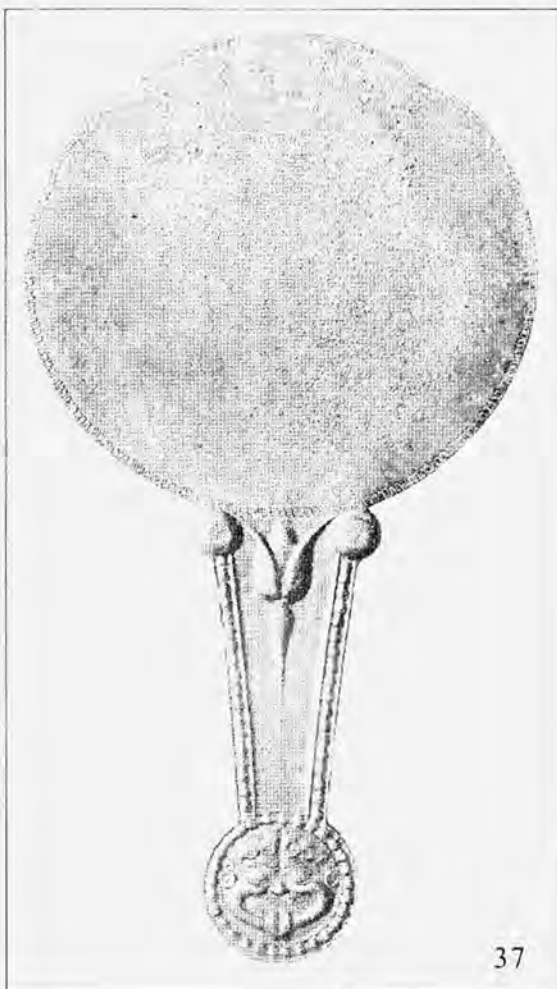
34

35

36

37

35. Маска Горгоны. Медальоны чернофигурных киликов из раскопок на о. Березань. Последняя треть VI в. до н. э.

36. Маска Горгоны. Чернофигурный скифос из раскопок на острове Березань. 510 г. до н. э.

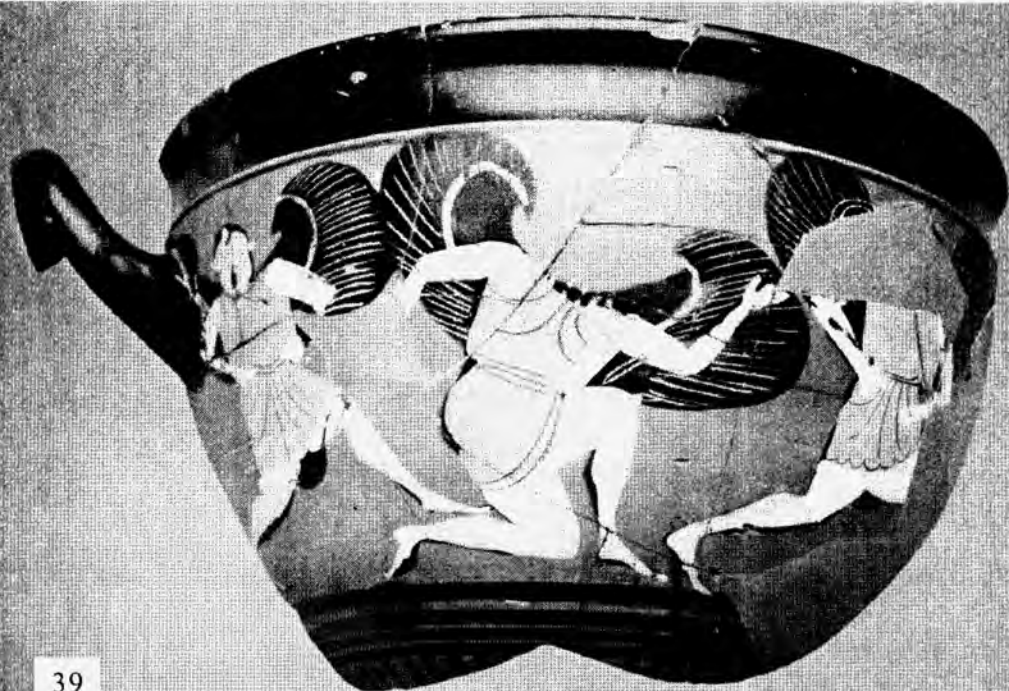
37. Маска Горгоны. Украшение ручки бронзового зеркала из Ольвии. Вторая половина VI в. до н. э.

38

38. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия из Пантикакпея. Начало V в. до н. э.

39. Три бегущие Горгоны. Чернофигурный скифос из раскопок на острове Березань. 500 г. до н. э.

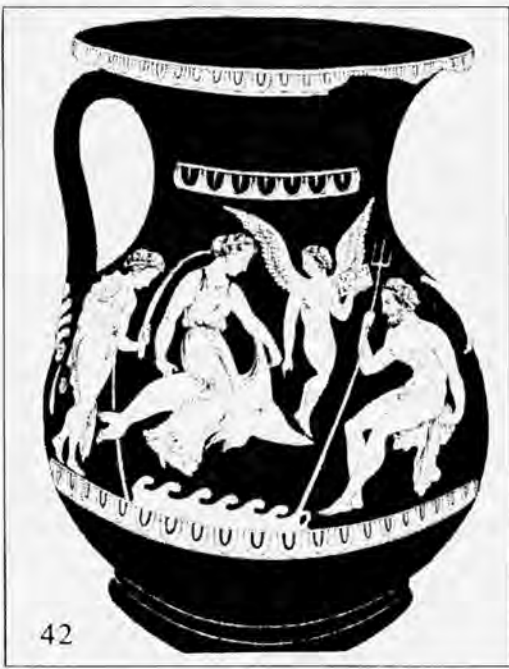
39

40. Голова Горгоны. Золотая бляшка из боспорского погребения. Середина IV в. до н. э.

41. Прорастающая Дева. Деталь известнякового декора здания из Пантикапея. I в. н. э.

42

44

43

42. Дельфин, везущий Амфитриту к Посейдону. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

43. Тритон и nereиды в свите Европы, плывущей на Крит. Краснофигурное рыбное блюдо из Нимфея. Первая треть IV в. до н. э.

44. Нереиды на гиппокампах и морском драконе. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

45. Морской дракон среди рыб. Перстень из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

46. Морские драконы в декоре золотой диадемы из Пантикапея. Первая половина II в. до н. э.

45

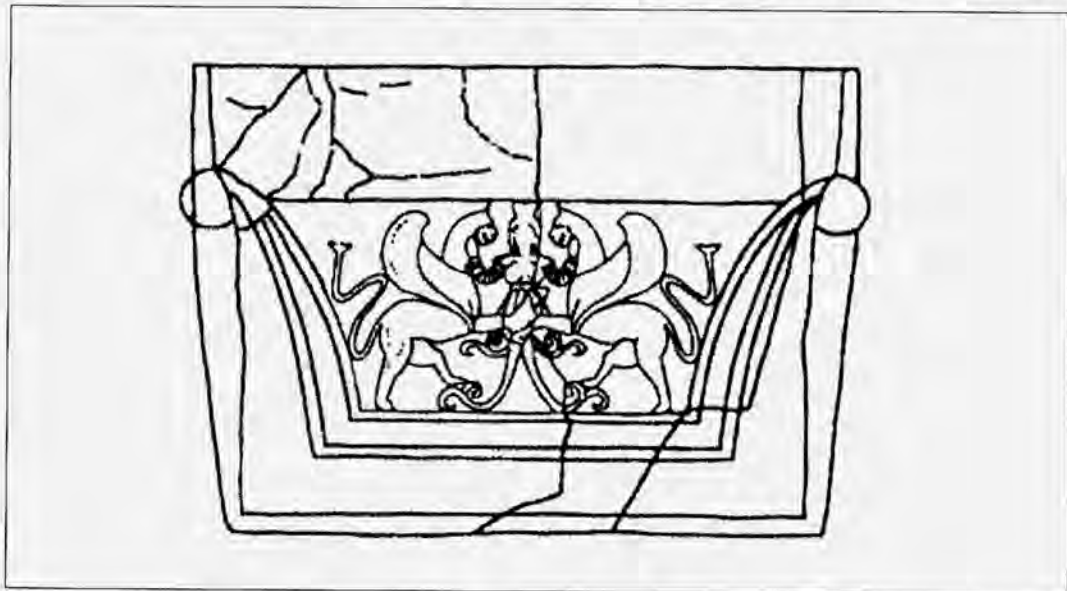
46

47. Фетида на гиппокампе. Золотая подвеска к женскому головному убору из кургана Большая Близица. Последняя треть IV в. до н. э.

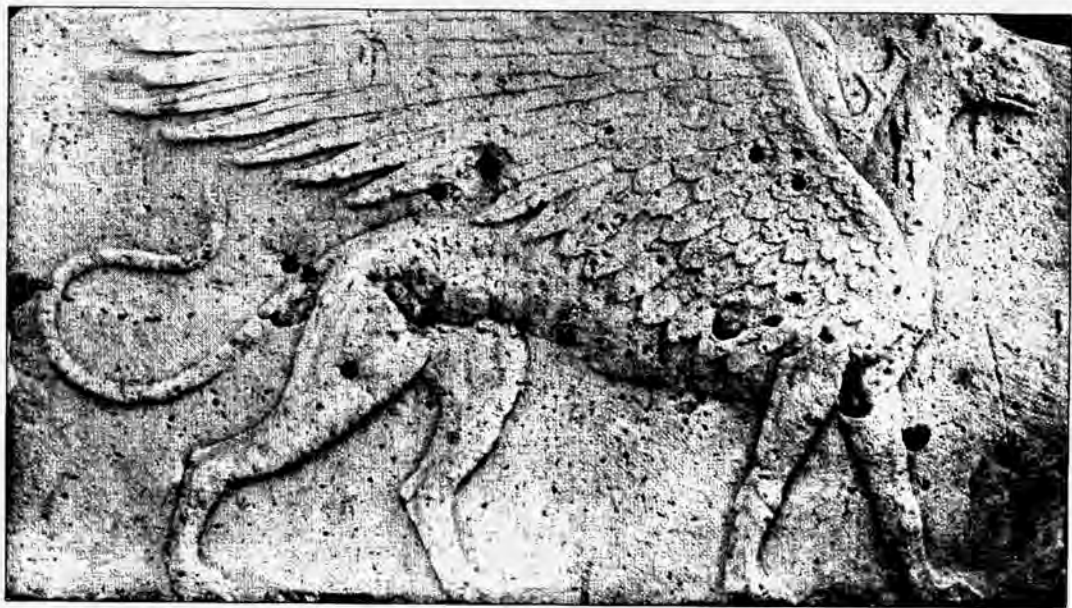

48. Львиноголовый грифон. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э.

49. Грифоны рядом с богиней. Известняковая капитель из Херсонеса. IV – III вв. до н. э.

50. Грифон. Известняковая плита из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н. э.

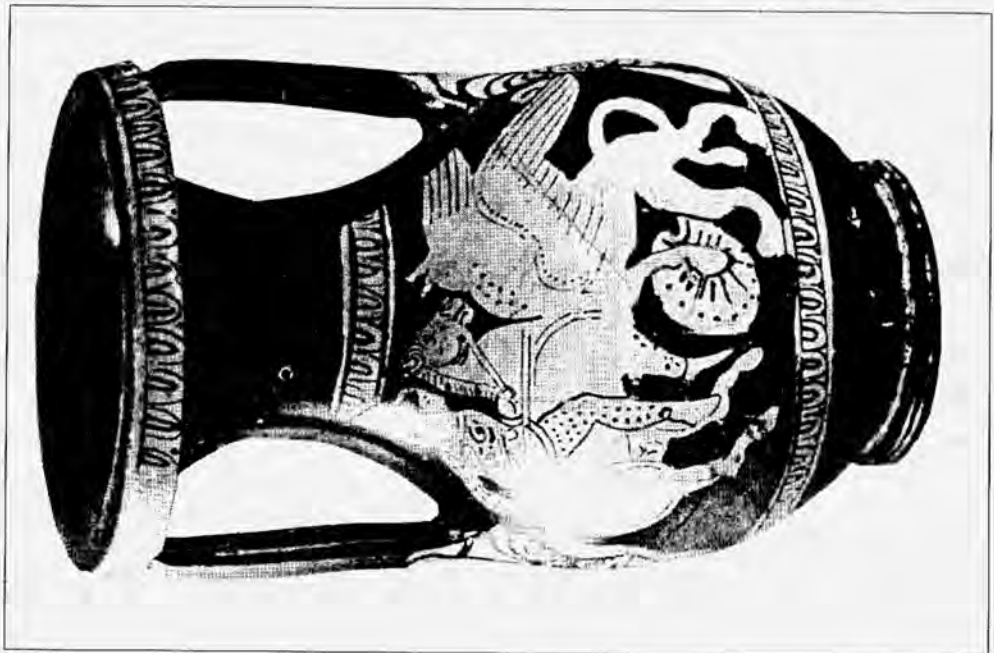
51. Грифон. Рельеф на стенке мраморного саркофага из Херсонеса. II в. н. э.

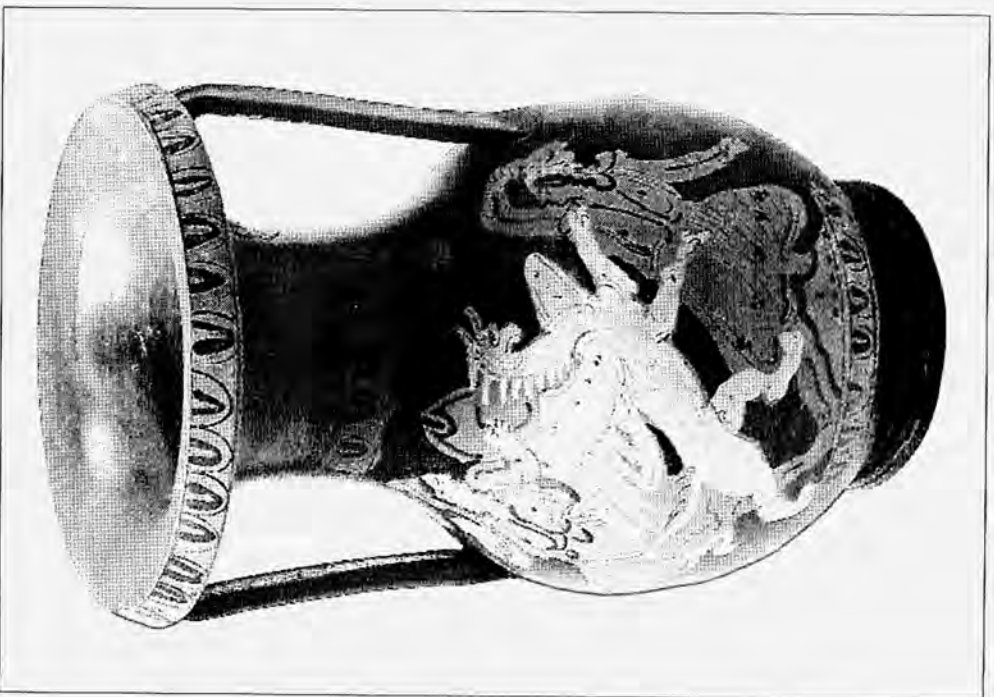
52. Аполлон на грифоне. Роспись пантикапейского склепа римского времени.

53. Вакханка, едущая на грифоне. Золотая бляшка из погребения на Тамани. IV в. до н. э.

55. Сражение грифонов с аримастами. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

54. Сражение грифонов с амазонками. Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

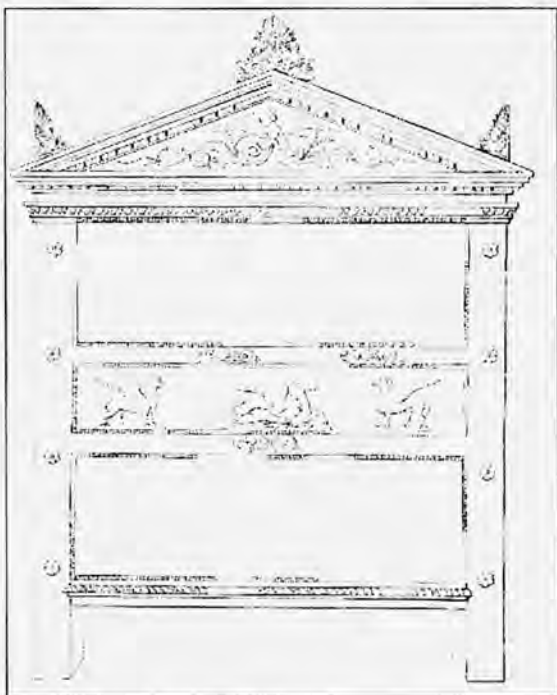
56. Сражение грифонов с самозонками. Краснофигурный кратель из собрания Лувра. Конец V в. до н. э.

57. Сражение грифонов с амазонками. Прорисовка части рельефа на золотом уборе жрицы из кургана Большая Близнаца. Последняя треть IV в. до н. э.

58. Голова грифона, амазонки и коня. Красно-фигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

59. Грифон в декоре деревянного саркофага из некрополя Пантикапея. IV в. до н. э.

60. Грифон. Хрустальная инталия из Пантикапея. V в. до н. э.

61. Охота на грифонов. Прорисовка изображения на лекифе из Пантикапея. 380 г. до н. э.

62. Грифоны, терзающие коня. Рельефное украшение серебряной вазы из кургана Чертомлык. IV в. до н. э.

63. Пегас. Чернофигурный киаф из Ольвии. Начало V в. до н. э.

В.А. КУТАЙСОВ

ПРИРОДА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Северо-Западный Крым на современной географической карте полуострова занимает территорию от современного города Евпатория на юге и до побережья Каркинитского залива на севере, то есть в пределах нынешних районов Сакского, Черноморского и Раздольненского – административной зоны названного курорта. В геологическом строении данный регион полностью совпадает с так называемым Тарханкутским складчатым поднятием или Евпаторийским плато (возвышенной равниной) Северо-Крымской степной области, границы которой проходят по широте Бакальской косы или южного края Каркинитской впадины, на востоке по Чатырлыкской балке или одноименной реки – сухоречья, на юге – по северным берегам Сасыкского озера или соответствующему краю Альминской впадины (Сакской мульды), четко фиксируемого на дне Евпаторийской бухты резким сбросом неогеновых известняков. Западную часть рассматриваемого поднятия занимает Тарханкутский полуостров, заканчивающийся двумя самыми крайними мысами Крыма – Тарханкутским и Карамрум (ныне Прибойный) [Фохт, 1889, с. V; Дзенс-Литовский, 1938, с. 5 – 68; Подгородецкий, 1959, с. 19 – 33; 1979, с. 7 – 14; 1988, с. 22 – 24; 1994, с. 11 – 29].

В границах описываемой подобласти П.Д. Подгородецкий выделяет четыре физико-географических района: Тарханкутский, Бакальский, Донузлав-Сасыкский и Самарчак-Чатырлыкский [Подгородецкий, 1961, с. 39 – 41; 1962, с. 14 – 20]. Основным приоритетом в аграрной колонизации, хотя и периферийной, интересующего нас региона являлась коммуникативность, то есть развитость транспортной системы, обеспечивающей возможность экспорта сельскохозяйственной продукции. Все сказанное объясняет топографию античных объектов, располагающихся вдоль достаточно узкой прибрежной полосы: всего 15–20 км. Именно это предопределяет наш пристальный интерес приморскому побережью трех из перечисленных районов.

Для каждого из названных районов характерна своя форма поверхности: Бакальский и Сасык-Сивашский – это слабо наклоненные к морю низменности; Тарханкутский – возвышенная складчатая равнина. Ландшафт Тарханкута определяется тремя простирающимися с юго-запада на северо-восток увалами (антиклиналями) [Дзенс-Литовский, 1936, с. 87; 1938, с. 5, сл.]: Меловой

Лиманы. 1984, с. 16, 61]. Однако нам представляется более справедливым было бы отнесение крымских водоемов к закрытым лиманам, лишенным речного стока. Следовательно, глубина озер в какой-то степени может свидетельствовать об определенных этапах ускорения повышения морского уровня, когда на дне лиманов просто не успевали накопиться илстые отложения. По мнению А.И. Дзенс-Литовского, во времена древнегреческой колонизации на месте некоторых озер были морские заливы и глубокие удобные бухты – прекрасные гавани для стоянки судов и ловли рыбы, которые позднее отделились от моря песчаными косами. Входы в заливы защищали расположенные по обе стороны укрепления, обращенные своими бойницами в сторону современных пересыпей [Дзенс-Литовский, 1936, с. 54 – 55; 1938, с. 35].

Своей исключительностью выделяется узкое озеро Донузлав, протяженностью в глубину полуострова 27 км, максимальной глубиной 27 м, протяженностью песчаной пересыпи около 9 км и шириной в центральной части около 0,5 км. «По своим очертаниям – как считали ведущие гидрогеологи Советского Союза, – оно больше напоминает многоводную степную реку» [Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Равич, 1936, с. 96]. Морфологические особенности Донузлавского озера – писал А.Ф. Слудский – «Его очертания и характер его берегов не оставляют сомнения в том, что мы имеем здесь дело с низовьями древней глубоко разработанной речной долины» [Слудский, 1953, С. 33]. В.П. Зенкович из-за больших глубин относил этот бывший залив к бухтам риасового типа [Зенкович, 1960, с. 156]. Подобная схожесть была еще более выражена в античное и в более ранние времена, когда приморская часть залива была не столь широкой. О том, в частности, говорит факт возвышения над поверхностью воды в западном рукаве устья насыпи кургана [Дашевская, Голенцов, 1999]. Притом надо иметь в виду, что его местоположение само по себе не определяет границу озера той эпохи, ведь шахта центрального погребения опускалась на какую-то глубину от древней дневной поверхности. К тому же, нередко во время зимних штормов пересыпь прорывалась морскими волнами и озеро соединялось с морем через промоины. Затем через какое-то время образовавшееся гирло заиливалось.

То, что Донузлав еще в весьма недавнее время представлял собой открытую морскую бухту у геологов не вызывает сомнения [Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Равич, 1936, с.90]. Для нас же принципиальным вопросом является геоморфология озера в античное время и, прежде всего, потому, что некоторые авторы отождествляли Донузлав с упоминаемой Геродотом рекой Гилакирисом, возле которой и располагали древнегреческий город Каркиниту, или более поздними авторами рекой Каркинит [Романченко, 1907, с. 187; Дашевская, 1970, с. 122 – 123]. Весьма разумное возражение такого отождествления (которое мы полностью разделяем) высказал достаточно давно А.Н. Щеглов. По его мнению, отсутствие античных поселений по берегам Донузлава красноречиво говорит о полной замкнутости водного бассейна [Щеглов, 1961, с. 75; 1978, с. 22–23].

результате затопления устьев долин и балок в ходе продолжающего повышения уровня мирового океана с последующим отделением их от моря песчаными пересыпями? Решение данного вопроса в первую очередь зависит от анализа результатов бурения водоемов (там, где оно проводилось) и от археологического контекста. На основании сказанного можно уверенно утверждать, что в интересующий нас период тут существовали Кизил-Ярское, Сакское, Сасык-Сивашское, Биук-Мойнакское, Ойбурское, Донузлавское озера.

На месте озера Панское, по крайней мере, в V – III вв. до н.э. существовала приморская низменная долина с развитой системой балок, устьевая часть которых представляла собой узкие извилистые заливы. На дне озера на одном из выступов между затоками располагалось поселение Панское IV, залегающее ныне на глубине 3 м от современного уровня. Одна из усадеб поселения Панское I (У14) затоплена водами озера [Щеглов, 1979, с.22; Підгородецький, 1961, с. 181 – 183; Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Равич, с. 108 – 110; Blagovolin, Ščeglov, 2002, .3. 285 – 299, pl. 186].

Как показали результаты изучения донных отложений и бурения, так называемое «Караджинское озеро» (на современных картах обозначено под названием как оз. Лиман) еще относительно недавно было заливом, свободно соединяющимся с морем [Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Равич, 1936, с. 162 – 164; Зенкович, 1960, с. 146 – 150]. О том достаточно красноречиво свидетельствуют отложения морского песка под тонким слоем черного ила в стратиграфическом разрезе донных наслоений. Сказанное также косвенно подтверждается фактом расположения на северо-восточном берегу озера одного из крупнейших городищ побережья, поскольку каждое значительное древнегреческое поселение, как правило, имело собственную гавань [Кутайсов, 2006, с. 6]. Появление песчаной пересыпи, отделившей озеро от моря, по всей видимости, относится к джеметинскому этапу черноморской трансгрессии [Невесский, 1967, с. 20, 220].

В свое время Н.Ф.Романченко высказал предположение о том, что Б.Мойнакское озеро во времена существования Керкинитиды образовывало удобный залив, на берегу которого и располагалось античное поселение [Романченко, 1896, с. 227]. Однако, как показали последующие разыскания, древнегреческая колония и ее некрополь размещались чуть менее 3 км восточнее упомянутого водоема. Как видно на стратиграфических разрезах донных отложений водоема, действительно на раннем этапе своего формирования озеро являлось морским заливом, о чем свидетельствует морской песок, залегающий под темно-серым и серым илом [Сагайдачный, 1936, с. 65 – 66, фиг. 5 – 7]. Более того, по мере повышения морского бассейна песчаная пересыпь перемещается в сторону лимана. Против существования здесь бухты в античную эпоху указывают результаты бурения на пересыпи Биук-Мойнакского озера, где в скважинах илы не морского происхождения залегают на глубинах с 2,5 и до 5,2 м. Иными словами озеро уже длительное

ществования здесь даже мелководного залива [Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Равич, 1936, с. 107 – 108].

Итак, все озера западного побережья Крыма делятся на три типа: лиманные, лагунные и риасовое [Дзенс-Литовский, 1938, с. 23 – 26]. Последние представлены всего одним примером – Донузлавским озером. Только те озера когда-то в древности были морскими заливами, в которых под илистыми отложениями залежали слои морского песка. Те же водоемы, в которых илы залегают непосредственно на твердых материковых породах, никогда не являлись морскими заливами [Зенкович, 1960, с. 158]. Те случаи, когда под песчаными пересыпями буровыми скважинами были вскрыты слои ила, свидетельствуют о том, что прибрежные бары в процессе морской трансгрессии перемещались вглубь суши. Характерной чертой лиманов является то, что их длинная продольная ось почти всегда перпендикулярна морскому берегу (Б.Отар-Мойнаки, Сасык-Сиваш, Сакское, Кизил-Яр, Караджа, Джарылгач). Напротив у лагун, расположенных между песчаными пересыпями и суглинистыми шлейфами, продольная ось направлена параллельно берегу моря (Тереклы-Конрат, Аирчи, Аджи-Бейчи, Ойбурское) [Курнаков, Кузнецов, Дзенс-Литовский, Равич, 1936, с. 16]. В таких озерах как Тереклы-Конрат и Ойбурское от водоемов вглубь суши простираются заливы. Сасык-Сивашское озеро образовалось в результате подтопления прибрежной части сразу нескольких лучеобразно расходящихся балок

Берега. Морфология берегов Северо-Западного Крыма определяется особенностями рельефа местности. В пределах этой области В.П.Зенкович выделяет три береговых района: 1 – Тарханкутский полуостров; 2 – Евпаторийский (от Донузлавского озера до Евпатории) и 3 – от Евпатории до Севастополя [Зенкович, 1960, с. 135]. В верховьях Каркинитского залива на крымском берегу расположена Бакальская коса, состоящая из двух смыкающихся ветвей, образующих треугольник, направленный своей вершиной к северу. Внутри нее заключено большое лагунное озеро [Зенкович, 1958, с. 137 – 141]. По данным Е.Н. Невесского, около 2500 лет назад (то есть во время древнегреческой колонизации) упомянутый залив перегораживался двумя расположенными на противоположных берегах песчаными косами, которые не соединялись между собой. Таким образом Джарылгачская и Бакальская пересыпи образовывали полузамкнутую акваторию, которая, как нам представляется, не была судоходной [Невесский, 1967, с. 149, 156]. Последнее обстоятельство практически исключает возможность возникновения на побережье полуострова какого-то достаточно крупного древнегреческого поселения.

На протяжении всей суши указанного района по существу находилось только четыре более или менее удобных бухты: вполне отвечающая своему названию Прекрасная Гавань (Ак-Мечетская бухта – ныне Узкая), Ярылгачская, Караджинская и Евпаторийская бухты. Второй из названных заливов – мелководен; его очертания при более низком уровне моря значительно

ми раскопками – к античному святилищу II в. до н.э. [Дзенс-Литовский, 1936, с. 110; Зенкович, 1958, с.146 – 147; 1960, с. 14; Щеглов, 1988, с. 274 – 275].

Поверхность плато изрезана глубокими балками, плавно спускающимися к морю и заканчивающиеся бухтами и небольшими заливами, нередко с «сивашиками». Среди них с юго-запада на северо-восток: Очеретай (Чоротай), Малый и Большой Кагель, Кипчак, Камыш, Абузлар. Неудивительно поэтому, что в каждой из них находятся античные объекты. Те же из них, в которых таковые не обозначены, будут обнаружены в дальнейшем.

В самой западной точке Крыма между мысами Тарханкут и Карамрун (на современных картах Прибойный) расположена Караджинская бухта, в глубине которой в настоящее время находится соленое озеро, в античную эпоху не существовавшее. Однако она широко открыта в сторону моря (около 4,5 км между упомянутыми выступами), и в ней не могут укрываться от штормов морские суда. К тому же, залив имеет очень сложный фарватер, из-за скального кряжа, простирающегося на одну милю к западу от Тарханкутского мыса [Лоция, 1892, с. 203]. При более низком уровне черноморского бассейна бухта была более узкой, но, тем не менее, не достаточно удобной для стоянки кораблей. Несмотря на все вышесказанное, бухта использовалась древнеэллиническими мореходами, коль на ее берегах располагалось одно из самых крупных античных поселений побережья.

Между мысами Тарханкут и Ойрат берег представляет собой сплошной скальный обрыв лишь местами разорванный балками и заливами. Причудливые формы вертикальным обрывам придают образовавшиеся в результате абразии нависающие карнизы, ниши, гроты, большие пещеры, арки, сквозные ворота и туннели. По берегам в результате разрушительной деятельности прибоя сформировались террасы, уступы, рифы и морские останцы [Шустов, 1928, с. 7; Дзенс-Литовский, 1936, с. 87; 1948, с. 64 – 66]. Особенно эффектно огромные отдельно стоящие каменные глыбы-останцы, так называемые кекуры. Большинство балок имеют висячие устья, врезанные в плоскости клифов. Только некоторые из них доходят до моря и образуют небольшие заливы, где, по всей видимости, можно предполагать наличие древних поселений.

От мыса Ойрат до северо-западной оконечности озера Донузлав берег представляет собой открытую к югу дугу, протяженностью около 20 км. Абразиционный клиф, высотой до 10 – 12 м, сложен из красно-бурых глин, перекрытых желто-бурыми суглинками. На дне моря или у самого уреза воды проступают известняки. Прибрежная полоса суши разрезана короткими, но крутыми и глубокими оврагами, врезанными в толщу глины до кровли известняков [Шустов, 1928, с. 7; Зенкович, 1960, с. 7 – 8]. Смыкающиеся своими устьями овраги образуют в прибрежной части глинистые останцы. На таковых расположены античные городища Джан-Баба и Акчи-сарай (Пристань № 15) с юго-запада и северо-востока от современного села Марьино (бывш. Джан-Баба). Причем в первом случае останец вытянут параллельно обрыву, во втором – перпендикулярно.

черноморского бассейна на отметках минус 9 – 10 м [Арсанов, Балабанов, Гей и др., 1982, с. 150; Шилик, 1972, с. 1157 – 1159; 1975, с. 6; 1977, с. 229]. Анализируя донные отложения, Е.Н. Невесский полагал, что на этапе фангорийской регрессии море располагалось на 2– 3 м ниже современного [Невесский, 1967, с. 229]. Любопытно также замечание В.П. Зенковича о том, что за время образования пересыпи Донузлавского озера уровень моря поднялся минимум на 3 – 4 м [Зенкович, 1960, с. 156].

На основании изучения археолого-геоморфологических данных Н.С. Благоволин и А.Н. Щеглов определяют уровень черноморского бассейна во время основания Херсонеса в V в. до н.э. на отметках 2 – 3 м ниже нынешнего [Благоволин, Щеглов, с. 1968, с.54]. По мнению П.Д. Подгородецкого, уровень Черного моря в V – II вв. до н.э. был ниже современного не более чем на 2 м [Подгородецкий, 1994, с. 23]. Факт существования фангорийской регрессии отрицается некоторыми современными учеными, по мнению которых на протяжении последних тысячелетий наблюдается непрерывное повышение мирового океана, который ранее никогда не превышал современного уровня [Квасов, 1975, с. 217; Подгородецкий, 1994, с. 23 – 24].

Поверхность суши Северо-Западного Крыма имеет разное движение в тектоническом отношении. Тарханкутское поднятие испытывает повышение, а фланкирующие его Альминская и Каркинитская впадины – соответственно понижение. Кроме того, на самом Тарханкуте антиклинали и синклинали движутся в разных направлениях. Все сказанное нашло отражение в современном состоянии археологических памятников. Так повышение уровня моря привело к подтоплению до 1,7 – 1,8 м нижнего яруса культурных напластований прибрежной части Керкинитиды, абразии приморской части античных поселений, расположенных на берегу берегового клифа (Маслины, Гроты, Калос Лимен, Тарпанчи, Джан-Баба, Кульчук, Аирчи). Поселение Панское IV было зафиксировано на глубине 3,5 м на дне одноименного озера. Кроме того, не менее 2 га западной части поселения Панское I погружено названным водоемом. Следовательно, в IV в. до н.э. уровень воды в озере был минимум на 4 – 5 м ниже, чем сейчас. Сказанное, однако, объясняется активным погружением Джарылгачской синклинали, прибрежной частью которой и является озеро Панское [Blagovolin N.S., Ščeglov, 2002, P. 285 – 299]. Уровень Черного моря у берегов Западного Крыма, по мнению А.Н. Щеглова, в античную эпоху был минимум на 4 м ниже современного [Щеглов, 1979, с. 17].

Керкинитида расположена, как считает П.Д. Подгородецкий, на устойчивой положительной геологической структуре, что позволяет определить направленность, скорость и продолжительность эвстатических колебаний черноморского бассейна [Подгородецкий, 1994, с. 17]. В результате геологического бурения на западной окраине древнегреческого города на глубине – 1,6 – 2,0 м от уровня грунтовых вод были вскрыты серо-фиолетовые тугопластичные вязкие илы, отложившиеся на дне расположенного с этой стороны

среднесарматских известняков. Такая структура обрывов определяла различную скорость их разрушения. Так, интенсивность ежегодного отступления скальных берегов Тарханкута по наблюдениям 1931 – 1945 гг. А.И. Дзенс-Литовского составляет 10 – 20 см [Дзенс-Литовский, 1948, с. 66]. С последним категорически не согласился В.П. Зенкович, измерявший скорость абразии названного полуострова всего несколькими миллиметрами в год [Зенкович 1960, с. 151]. По расчетам А.Н. Щеглова береговой глинистый клиф городищ Аирчи и Тарпанчи высотой до 4 – 6 м, разрушается со скоростью 5 – 10 см в год, а известняковый в районе бухты Ветреная – 7 – 12 см [Щеглов, 1967, с. 244; 1979, с. 18 – 19]. Однако все эти выкладки основаны на наблюдениях за слишком короткие промежутки времени и не могут быть признаны объективными. Как известно, береговая абразия – процесс не перманентный, а дискретный. После очередных обвалов морскому прибою необходимо еще много лет для полной выработки обвалившегося грунта и скальных глыб.

Как полагает А.Н. Щеглов, с античного времени море затопило полосу суши от нескольких десятков до нескольких сотен метров [Щеглов, 1978, с. 18]. К примеру, И.В. Бруяко и В.А. Карпов предлагают перенести древнюю береговую линию в северо-западной части черноморского бассейна на несколько километров (от 1 – 2 – 5 и более км) [Бруяко, Карпов, 1992, с. 89]. М.В. Агбунов предлагает все палеогеографические реконструкции проводить по 5-метровой изобате, а “при 10-метровой отметке они будут тем более действительны” [Агбунов, 1982, с. 242; 1984, с. 126]. Последнее, однако, совсем неприемлемо для северо-западного края крымского полуострова, литосфера которого имеет различную геологическую структуру. Ответить на данный вопрос нам может помочь современное состояние прибрежных археологических памятников, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем.

В настоящее время активной абразии подвергаются древние поселения, расположенные на высоком береговом клифе, такие как Аирчи, Кульчук, Лазурное, Окуневка I, Акчи-сарай (Пристань № 15), Марьино I, Джан-Баба Ойрат, Ветреная, Гроты, Маслины и др. К сожалению, получить точные исходные репера для определения древней береговой линии удастся только на некоторых упомянутых объектах, исходя из их общей планировки. Так северный угол усадьбы у бухты Ветреная должен был располагаться на расстоянии 7,5 м далее современного скального обрыва [Щеглов, 1967, рис. 9], а северная угловая башня поселения Маслины – в 20 метрах от нынешнего глинистого клифа [Латышева, 1985, рис. на с. 100]. На городище Джан-Баба в береговом обрыве выступают крупные блоки противотаранного пояса башни, длиной 12,35 м, обращенного внутрь сохранившейся части памятника [Павленков, 2004, с. 53, рис. 7]. Скопления отесанных больших блоков видны сейчас на морском дне, напротив поселения. Таким образом не только квадратная в плане башня, но, вероятно, и вся укрепленная часть городища (а это не менее 50 м суши), уничтожена абразией.

Западная оконечность Калос Лимена, как уже сказано выше, проходила в 25 – 50 м от теперешней кромки воды, а у Керкинитиды – на расстоянии 20 – 30 м от современного берега на глубине 1,5 м обнажены известняки, которые далее опускаются в море под углом 1°. Античные строительные остатки и, прежде всего, крепостные стены с целью предотвращения их размыва волнами, особенно во время сильных осенних и зимних штормов, должны были располагаться на некотором удалении от уреза воды (минимум 20 – 30 м, а, скорее всего, значительно более). Следовательно, берег моря мог проходить на удалении 50 – 100 м от современного. Отодвигать урез воды на значительно большее расстояние (1 км и более) вряд ли возможно, так как одним из условий существования древнеэллинических поселений являлась близость к морским коммуникациям.

Кульчукское городище расположено на сильно абразированном вертикальном обрыве морского побережья высотой до 11 м. Последний сложен из красно-бурых глин и суглинков. В настоящее время мысовое положение объекта выражено достаточно невыразительно. Однако учитывая активное разрешение городища в процессе продолжающейся сейчас трансгрессии черноморского бассейна можно уверенно утверждать, что в начальный период освоения данной территории Херсонесским полисом во второй половине IV в. до н.э. укрепление было возведено на выступающем к югу мысу. Не будет большой ошибкой утверждать, что интенсивность разрушения обрыва по мере его сокращения уменьшалась. По всей видимости первоначальная площадь поселения превышала современный памятник, по крайней мере, в два раза. С проблемой борьбы с размывами клифа пришлось столкнуться еще первоначальным обитателям населенного пункта.

Почвы и растительность. Первая почвенная карта Евпаторийского уезда была составлена в 1907 г. Н.Н. Клепининым на основании исследований личных и Т.Л. Левандевского, которая ныне находится в научной библиотеке “Таврика” Центрального музея Тавриды (рис. 1). В соответствии с ней на увалах Тарханкута распространена щебенистая известковая почва и “грубая” по склонам. На ней впервые отмечена одна весьма важная деталь, подтвержденная на всех остальных схемах, включая современные: в центре полуострова двумя пятнами обозначен чернозем южнорусский слабогумусированный [Грунти Кримської області, 1967, № 69; Атлас АРК, 2003, с. 30]. Первое из них находится между с. Оленевка (б. Караджа) и с. Красносельское (б. Кунан), второе – к юго-востоку от Калос Лимен. Площадь первого из названных участков удивительным образом совпадает с границами выявленной по материалам аэрофотосъемки границей ортогональной межевой системы в западной части Тарханкутского полуострова [Ščeglov, 1980, p. 63, fig. 14; Čhtčheglov, 1992, p. 252 – 253; Смекалова, 2006. – с. 415, рис. 5; Smekalova, Smekalov, 2006, p. 236? Fig. 14]. В северо-восточном углу данной территории в 2009 г. впервые была открыта античная укрепленная усадьба IV – II вв. до н.э., примыкающее к ней селище и некрополь (№№ 42, 85-86)

[Смекалова, Столба, 2009, рис.20, 30-31; Смекалова, 2010, с. 49 – 50, рис. 87, 112]. Во втором месте – такие объекты пока не известны. По сторонам описанной возвышенности основными почвами являются поодаль от моря каштановый суглинок, вдоль берега – светло-каштановый суглинок мергелистый, вдоль соляных озер – солонцовый суглинок.

Значительно позже уже известный ученый Н.Н. Клепинин привел более подробную характеристику Тарханкутского района. Юго-западная часть его носит характер горной степи, местами напоминающая каменистую яйлу с лесовидными суглинками с небольшим количеством щебня на наиболее ровных участках, наиболее пригодных для *овцеводства*. Все склоны покрыты пятнами сильно щебенистой глины или более крутые места – щебнем. В первом случае при ориентации на запад они весьма пригодны для *виноделия*. На пологих склонах и ровных повышенных пространствах развиты глубокие черноземные почвы, местами обычного “южного” чернозема, толщиной 34-40 – 65-75 см. Они весьма пригодны для выращивания *зерновых культур*.

Наиболее благоприятным для выращивания ценных сортов *винограда* и ряда других теплолюбивых культур является терраса вдоль южного побережья Тарханкута от мыса Ойрат и до северного берега оз. Донузлав (совр. села Медведево, Знаменка, Громово, Окуневка, Марьино), защищенная от северных ветров самым высоким Меловым увалом. Почва здесь представлена черноземами – южными слабогумусированными мицелярно-карбонатными и мицелярно-высококарбонатными [Грунты Крымской области, 1967, с. 71; Атлас, 2003, с. 30]. Добавим к этому сравнительную легкость обработки почвы благодаря ее не тяжелому механическому составу [Клепинин, 1935, с. 82 – 85]. В настоящее время в с. Марьино (б. Жан-Баба) произрастает искусственно высаженный инжир. Иными словами, столь подробное почвенное районирование изначально предполагает (с учетом климатических условий и гидроресурсов) определенную сельскохозяйственную специализацию отдельных территорий внутри небольших территорий. Остается только надеяться, что в будущем сказанное здесь найдет археологическое, палеоботаническое и палеозоологическое подтверждение.

Наиболее подробная и детальная почвенная карта Евпаторийской группы соленых озер (рис. 2) на основании собственных полевых исследований 1931 и 1933 гг. в составе Гидрогеологической экспедиции АН СССР была составлена и подробно проанализирована Н.Н. Дзенс-Литовской [Дзенс-Литовская, 1935, с. 95 – 116]. Основное место на плато под современными пашнями занимают карбонатные темно-каштановые слабосолонцеватые почвы, развитые на загипсованных суглинках [Природа УССР, 1986, с. 127]. На современных мелких без детальной проработки картах они называются карбонатными маломощными южными черноземами, пригодными для злаковых культур [Половицкий, Гусев, 1987, с. 19, рис. 2; с. 133 – 136, рис. 3]. По склонам и террасам всех больших и малых балок, впадающих в озера,

В настоящее время Северо-Западный Крым во всех изданиях включается в степную зону полуострова. Однако такое положение сложилось в достаточно недавнее время. Прежде всего, до начала XX столетия леса распространялись с юга до Сасык-Сивашского озера, где располагалось “Лесничество Кара-Тобе”, обозначенное на всех военно-топографических картах. Древесная растительность была выведена во времена Первой мировой и гражданской войн [Дзенс-Литовская, 1935, с. 114 – 115].

Н.Н. Клепинин выделял на Тарханкуте помимо представителей обычной степной флоры ясно выраженные элементы лесостепи [Клепинин, 1935, с. 82]. Джангульские оползневые террасы и балки полуострова являются в настоящее время обедненным фрагментом прежней лесостепи, подобной растительности предгорного Крыма [Вшивков, Подгородецкий, 1961, с. 256; Подгородецкий, 1961, с.40; 1961, с. 39 – 43; 1962, с. 9]. Предположения географов были полностью подтверждены анализом палеоботанических материалов, собранных в культурных напластованиях античных памятников рассматриваемого региона (Панское, Ветреная, Чайка) и из ила со дна Сакского озера [Борисов, 1956, с. 525; Левковская, 1970, с. 102 – 108; Маслов, Филин, 1976, с. 175 – 182; Щеглов, 1979, с. 24 – 25]. В данных образцах были собраны пыльца и остатки древесины, прежде всего, широколиственных пород и в первую очередь дуба, вяза, клена, бука, а также тополя, лещины, ольхи, каштана. Вызывают определенный интерес находки на двух расположенных на относительно большом расстоянии друг от друга объектах остатков столь теплолюбивого вида, как древесины-можжевельника. Складывается впечатление, что оба образца были завезены сюда морем. Вопрос о наличии в описываемом районе зарослей сосны из-за летучести ее пыльцы остается открытым. Если к сказанному добавить находки костей благородного оленя, косули, кабана, медведя, то у нас отпадут последние сомнения в том, что северо-западный Крым, по крайней мере в античную эпоху, представлял собой лесостепь. Причем в своей южной части она практически почти смыкалась с лесами вокруг Сасык-Сивашского и Сакского озер. Следовательно, в первую очередь синклинальные прогибы, впадины, долины были облесены. Станным является отсутствие в палеоботанических пробах пыльцы серебристого лоха (дикой маслины) наиболее адаптированной к засоленным почвам и пересыпам озер. Они превосходно растут даже рядом с буграми добываемой соли [Дзенс-Литовский, 1935, с. 34].

Все авторы считают решающей причиной исчезновения лесов хозяйственную (вернее, бесхозяйственную) деятельность человека, а не потепление климата [Ср.: Смекалова, 2010, с. 13]. Имея в виду водоохранное значение лесов в Крыму, есть основания предполагать, что многие современные сухоречья и временные водотоки были постоянно обводнены, микроклимат был более мягким и благоприятным для сельскохозяйственной деятельности, чем сейчас. На карте 1790 г., составленной Федором Черным, у д.Чокрак обозначена река Карамули. Она брала свое начало у подножия Тарханкутского увала

ны на крайне ограниченных данных и вряд ли могут быть распределены на длительную историческую эпоху. Изучение ископаемых насекомых из колдца на городище “Чайка” привело авторов к выводу о том, что климатические условия конца IV – начала II вв. до н.э. мало отличались от современных [Антипина, Назаров, Маслов, 1991, с. 160].

Основываясь на анализе археологических и исторических данных и в соответствии с предложенной выше схемой А.В. Шнитникова, П.Д. Подгородецкий выделил в климате Тарханкута две прохладно-влажные фазы (VI – I вв. до н.э. и XIII в. – до наших дней) и две жаркие и сухие (XVII – VII вв. до н.э. и I – XI вв. н.э.). Причем на первые приходится наиболее интенсивное хозяйственное использование земель, на вторые – значительное обезлюдение территории [Подгородецкий, 1973, с. 9].

У нас имеются конкретные факты, свидетельствующие об определенных изменениях климата во второй половине I тысячелетия до н.э. Первое потепление климата произошло, вероятно, уже на рубеже IV – III вв. до н.э. Оно было отмечено переходом от яровых к озимым посевам мягко-карликовой пшеницы, выходом в чистые посевы такого ранее сорного растения как рожь, с достаточно широким по сравнению с предыдущим периодом распространением виноделия и виноградарства и другими индикаторами [Кутайсов, 2004, с. 27 – 28]. Фаза с III в. до н.э. до начала нашей эры характеризуется по наблюдениям В.И. Турманиной холодными зимами и сухим жарким летом, что отразилось на резком снижении урожайности и сокращении экспорта зерна [Турманина, 1985, с.62]. Второе потепление относится ко II – I вв. до н.э., когда на протяжении 150 – 175 лет установился исключительно сухой и жаркий климат, а на дне Сакского озера образовались мощные отложения корневой соли. Именно этим и объясняется, по мнению А.И. Дзенс-Литовского, прекращение жизни в расположенных здесь античных поселениях [Дзенс-Литовский, 1936, с. 53 – 54]. Хронограмма донных отложений Сакского озера была разработана В.Б. Шостоковичем [1935, с. 255 – 272.]

Низменные участки описываемой равнины, равно как пологие склоны увалов Тарханкута, низовья его сухоречий и балок были вполне пригодны для выращивания здесь зерновых культур, в первую очередь мягко-карликовой пшеницы, ячменя, а позднее и ржи. Склоны антиклиналей названного полуострова с южной и юго-западной экспозицией благоприятствовали выращиванию здесь винограда. Наиболее оптимальной для виноградарства являлась прибрежная терраса между морем и северным берегом озера Донузлав, закрытая от северных ветров Тарханкутской возвышенностью, что вместе взятое создавало на этой весьма ограниченной территории особый микроклимат с положительными температурами практически на протяжении всего года. Однако основной специализацией Северо-Западного Крыма все же было производство зерна, столь необходимого в первую очередь самому Херсонесу для достижения полисом, выражаясь современным языком, продовольственной безопасности. Отсюда –

одно из основных требований присяги весь хлеб с равнины свозить и продавать только в самом Херсонесе [IosPE, II, 401]. Интенсивное виноградарство было широко развито на ближайшей херсонесской хоре, ландшафт и почвы которой лучшим образом подходили для выращивания культуры.

Из полезных ископаемых население северо-западной части полуострова было в избытке обеспечено строительными материалами, за исключением строительного леса. Для возведения фортификационных и жилых сооружений широко использовался практически выходящий на поверхность или залегающий неглубоко сарматский известняк, который легко подвергался обработке (обколке, отеске, распилке). Для изготовления сырцовых кирпичей тут в избытке находились красно- или желто-бурые глины, не говоря уже о песке, гравии и гальке. Для изготовления замазки, известково-цемянковых растворов, например в андронах, на побелку мог использоваться белый пишущий мел, обнажения которого вскрыты у мыса Ойрат.

В прибрежных озерах (Бакал, Донузлав, Ойбурское, Мойнакское, Сасык-Сивашское, Сакское, Кизил Яп и др.) добывалась поваренная соль и гипс [Двойченко, 1914, с. 58 – 59], который кроме строительного дела необходим в качестве добавок в виноделии. Трудно также исключать возможность применения в оздоровительных целях лечебных грязей в первую очередь Сакских и Мойнакских. Пересыпи минеральных озер служили неисчерпаемым источником добычи строительных илов, гравия, гальки и, конечно, собственно песка [Дзенс-Литовский, 1933, с. 586]. Прекрасным моющим средством служили килоподобные глины, встречающиеся на северо-западном берегу Тарханкута. Они так же могли использоваться в виноделии для осветления вин [Подгородецкий, 1979, с. 16].

Основную роль в водообеспечении населения играют подземные воды [Подгородецкий, 1962, с. 11]. Значительной водообильностью отличаются сарматские отложения в синклиналиях Тарханкутского полуострова. На Евпаторийском побережье (шириной 5 – 7 км и протяженностью до 40 км) там, где сарматские известняки и грунтовые воды залегают ниже уровня моря, последние характеризуются засоленностью. То же самое можно сказать и для участка берега от Ярылгачской бухты и до Бакальской косы [Гидрогеология СССР, 1970 с. 159, 164]. Проблемы с обеспечением пресной водой стали все острее ощущаться по мере сокращения лесостепных массивов. Тем не менее, относительно неглубокое залегание грунтовых вод, особенно в тальвегах балок, позволяло решать эту проблему благодаря рытью многочисленных колодцев до водоносного слоя, расположенного приблизительно на уровне моря того времени [Бильде и др., 2007, с. 1].

Таким образом северо-западное побережье тогдашней Таврики представляло собой не голую нынешнюю степь, а вполне уютный лесостепной уголок полуострова, достаточно обводненный, с типичной дикой фауной. Древесно-кустарниковая растительность рассматриваемого региона была унич-

тожена в процессе плохо контролируемой деятельности человека. Сказанное, прежде всего, относится к периоду наиболее активного освоения данной территории Херсонесским полисом во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э. В это время все побережье и прилегающая к нему прибрежная полоса были покрыты густой сетью различных по величине населенных пунктов, сельскохозяйственных объектов, пахотных и пастбищных угодий, общей численностью около двух сотен. Такая антропогенная нагрузка нарушила устойчивое экологическое равновесие, а острая необходимость в строительной древесине привела к незначительной вырубке растительности, представляющей какой-либо интерес в строительном деле. Пагубно так же сказались сплошная распашка некогда целинных земель и выпас на непригодных для земледелия территориях скота. Трудно, однако, согласиться с А.Н. Щегловым в том, что деревья и кустарники вырубались и выжигались преднамеренно с целью расчистки земельных участков под зерновые и виноградники [Щеглов, 1978, с. 28]. В условиях лесостепи в этом просто не было никакой необходимости: степных пространств здесь было более чем достаточно, а лимит целинных земель не был израсходован на протяжении всей античной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Агбунов М.В.* Проблемы и перспективы изучения произведений античных авторов о Причерноморье // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 239 – 246.
- Агбунов М.В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. – 1984. – № 4. – С. 124 – 141.
- Апштина Е.Е., Назаров В.И., Мислов С.П.* Насекомые из колодца на винодельне поселения «Чайка» // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 155 – 161.
- Арсанов Х.А., Балабанов И.П., Гей Н.А. и др.* Методы и результаты картирования и геохронологической привязки древних береговых линий на суше и шельфе Черноморского побережья Кавказа и Керченско-Таманского района // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М.: Наука, 1982. – С. 144 – 150.
- Атлас. Автономна Республіка Крим. – Київ-Сімферополь, 2003. – 80 с.
- Басаргина Е.Ю.* Историко-археологическая экспедиция в трапезунд (1916 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: Наука, 1991. – Том XXIII. – С. 295 – 306.
- Благоволин Н.С., Щеглов А.И.* Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в юго-западном Крыму // Известия АН СССР. Серия географическая. – 1968. – № 2. – С. 49 – 57.
- Божич П.К.* К изучению движения береговых наносов Черного моря // Известия центрального гидрометеорологического бюро. – 1927. – № 7. – 209 – 252.
- Борисов В.В.* О колебаниях климата Крыма за историческое время // Известия Всесоюзного географического общества. – 1956. – Том 88, – Вып. 6. – С. 532 – 541.
- Брюжко И.В., Карпов В.А.* Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. – 1992. – № 2. – С. 87 – 97.
- Бучинский И.Е.* Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. – Киев: Гос-ное изд-во с/х лит-ры УССР, 1963. – 308 с.
- Варущенко С.И.* Анализ позднеплейстоценовой и голоценовой истории развития природной среды северо-западного шельфа Черного моря // Колебания уровня мирового океана и вопросы морской геоморфологии. – М.: Наука, 1975. – С. 50 – 61.

лиманов // Водные богатства недр земли на службу социалистическому строительству. Первый Всесоюзный гидрогеологический съезд. Л., 25 – 31 декабря 1931 г. Сб. № 5. – Минеральные Воды – М. – Л. – Новосибирск Гос.-ное научно-техн. Горно-геолого-нефт. Изд-во, 1934. – 1934. – С.169 – 177.

Дзенис-Литовский А.И. Гидрогеологические условия Евпаторийской группы крымских соляных озер // Там же. – 1934 а. – С. 178 – 197.

Дзенис-Литовский А.И. О гидрологических условиях минеральных озер Тарханкутского полуострова в Крыму // Материалы Центрального научно-исследовательского гидро-разведочного института. Гидрогеологический сб. – 1934. – № 3. – С. 33 – 35.

Дзенис-Литовский А.И. Геология района Сакского озера // Саки-курорт. Материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района. – Симферополь: Гос. Изд-во Крым. АССР, 1935. – С. 31 – 94.

Дзенис-Литовский А.И. Методы гидрогеологического изучения минеральных озер и лиманов // Методика комплексного изучения минеральных озер. – Л.– М.: Главная ред-ция геолого-разведочной и геофизической лит-ры, 1935 а. – С. 6 – 39.

Дзенис-Литовский А.И. Морские каменные котлы на берегу Тарханкутского полуострова в Крыму // Природа. – 1936. – № 4. – С. 87 – 90.

Дзенис-Литовский А.И. Оползни Джангульского побережья Тарханкутского полуострова в Крыму // Природа. – 1936 а. – № 6. – С. 106 – 110.

Дзенис-Литовский А.И. Геологический возраст донных солевых отложений минеральных озер // Природа. – 1936 б. – № 12. – С. 42 – 57.

Дзенис-Литовский А.И. Белый пишущий мел на Тарханкутском полуострове в Крыму // Социалистическая экономика и культура Крыма. – 1936 в. – № 3. – С. 62 – 69.

Дзенис-Литовский А.И. Пересыпи и лиманы Азово-Черноморского побережья и степного Крыма // Природа. – 1938. – № 6. – С. 22 – 36.

Дзенис-Литовский А.И. Тарханкутский полуостров (географическое положение, геологическое строение и геоморфологические условия) // Очерки по физической географии Крыма. Вып. 2. – Л. – М.: Изд-во Главной ред-ции горно-топливной и геолого-разведочной лит-ры, 1938 а. – С. 5 – 68.

Дзенис-Литовский А.И. Штормовые каменные валы // Природа. – 1948. – № 10. – С. 64 – 67.

Дзенис-Литовский А.И. Морская абразия, ее типы и формы // Вопросы формирования подземных вод // 1955. – С.

Дзенис-Литовский А.И., Мешер В.В. Выходы меловых отложений на Тарханкуте в степном Крыму // Природа. – 1937. – № 1. – С. 85 – 87.

Дзенис-Литовский А.И., Пастак С.А. Курорт Саки и его окрестности. – М.: ОГИЗ физ-ра и туризм, 1934. – 79 с.

Драган Н.А. Почвы Крыма. – Симферополь, 1983. – 95 с.

Драган Н.А. Почвенные ресурсы Крыма. – 2-е изд., доп. – Симферополь: «Доля», 2004. – 2008 с.

Долуханов П.М. Палеогеоморфологическая характеристика городища Чайка // КСИА. – 1970. – № 124. – С. 99 – 101.

Зенкович В.П. Строение берега Западного Крыма у Евпатории // Вопросы географии. – 1948. – № 7. – С. 179 – 186.

Зенкович В.П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. – М.: Изд-во АН СССР. – 1960 – Том II. – 216 с.

Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. – М.: Изд-во географ. лит-ры, 1958. – 374 с.

Карбасников М.Н. Результаты обследования донных пород Евпаторийской бухты // Известия центрального гидрометеорологического бюро. – 1926. – № 6. – С. 184 – 202.

Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. – Л.: Наука, 1975. – 250 с.

Клепишин Н.Н. Крым. Геологический очерк. – Симферополь: Крымиздат, 1929. – 32 с.

Клепишин Н.Н. Почвы Крыма. – Симферополь: Гос. Изд-во Крым. АССР, 1955. – 123 с.

- Кураков Н.С., Кузнецов В.Г., Дзене-Литовский А.И., Равич М.И. Соляные озера Крыма. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 278 с.
- Кутайсов В.А. Культурно-историческая стратиграфия Керкинитиды // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наук. думка, 1988. – С. 5 – 16.
- Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды. – Киев: Наук. думка, 1990. – 176 с.
- Кутайсов В.А. Керкинитиды / Археологические памятники Крыма. – Симферополь: Таврия, 1992. – 192 с.
- Кутайсов В.А. Керкинитиды в античную эпоху. – Киев: «Корвин пресс», 2004. – 326 с.
- Кутайсов В.А. Караджинское городище в северо-западном Крыму // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 15. – С. 5 – 15.
- Лапцов С.Б. О границах территории Херсонесского государства на рубеже IV – III вв. до н.э. // Херсонесский сборник. – 2004. – Вып. XIII. – С. 121 – 153.
- Лапцов С.Б. П.Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV – III вв. до н.э. // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). – Симферополь, 2004 а. – С. 58 – 68.
- Лапцов С.Б., Колтухов С.Г., Ульенцев В.Б., Грацианская Л.И. Работы Донузлавской экспедиции КФ ИА НАНУ в 2006 г. // АДУ. – 2005–2007 рр. – Київ – Запоріжжя: Дике Поле, 2007. – С. 257 – 260.
- Левковская Г.М. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным споропыльцевого анализа // КСИА. – 1970. – Вып. 124. – С. 102 – 108.
- Лоция Черного моря. 2-е издание. – Николаев, 1867. – 244 с.
- Лоция Черного и Азовского морей. – Николаев: Издание дирекции маяков и лоций Черного и Азовского морей, 1892. – 487 с.
- Лоция Черного и Азовского морей. 4-е издание. – СПб.: Издание Главного гидрографического управления морского министерства, 1903. – 539 с.
- Львова Е.В. Четвертичные отложения северной части степного Крыма. Автореф. дисс. канд. географ. наук. – Киев, 1955. – 15 с.
- Львова Е.В. Равнины Крыма. – Симферополь: Таврия, 1982. – 80 с., илл.
- Маслов С.П., Филин В.Р. К вопросу о природных условиях окрестностей городища «Чайка» (Евпаторийское побережье Крыма) в античное время и средневековье // История биогеоценозов СССР в голоцене. – М.: Наука, 1976. – С. 175 – 182.
- Наливкина М.А. Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – №№ 9 – 10. – С. 161 – 165.
- Невесский Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. – М.: Наука, 1967. – 254 с.
- Олиферов А.Н., Тимченко З.В. Реки и озера Крыма. – Симферополь: «Доля», 2005. – 216 с.
- Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии. – М., 1990. – С. 98 – 115.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н.э. – М., 1994. – 187.
- Островский А.Б. Регрессивные уровни Черного моря и связь их с переуглублением долин Кавказского побережья // Известия АН СССР. Серия география. – 1967. – № 1. – С. 30 – 40.
- Островский А.Б., Измайлов Я.А., Балабанов П.П. и др. Новые данные о палеогидрологическом режиме Черного моря в верхнем плейстоцене и голоцене // Палеогеография и отложения плейстоцена южных морей СССР. – М.: Наука, 1977. – С. 131 – 140.
- Павленков В.И. Костный киоф с поселения на пересыпи озера Донузлав (из находок экспедиции В.Д. Блаватского) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. – М.: ИА РАН, 1999. – с. 88 – 89.
- Подгородецкий П.Д. Тарханкутское складчатое степное поднятие (физико-географическая характеристика) // Известия Крымского педагогического инст-та. – 1959. – Том XXIV. – С. 19 – 34.
- Подгородецкий П.Д. Находка раннечетвертичной фауны позвоночных на Тарханкутском

полуострове и ее значение для палеогеографии Крыма // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. – 1961. – № 6. – С. 31 – 44.

Подгородецкий П.Д. Физико-географические районы и типы местности Тарханкутского поднятия // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. – 1961 а. – Вып. 7. – С. 39 – 43.

Подгородецкий П.Д. До сучасних тектонічних рухів на Тарханкутському півострові // Географічний збірник. – Київ: Видавництво АН УРСР. – 1961 б. – Вил. 4. – С. 181 – 183

Подгородецкий П.Д. Особенности природных условий и физико-географическое районирование Тарханкутской возвышенной равнины. – Автореф. дисс. канд. географ. наук. – К, 1962. – 22 с.

Подгородецкий П.Д. Тарханкут (историко-физико-географическая характеристика) // Территориальные системы природы и хозяйства Крыма. – Д.: Географическое общество СССР, 1975. – С. 4 – 16.

Подгородецкий П.Д. Северо-Западный Крым: Краеведческий очерк. – 2-е изд. доп. – Симферополь: Таврия, 1979. – 128 с., ил.

Подгородецкий П.Д. Крым: Природа: Справ. Изд. – Симферополь: Таврия, 1988.

Подгородецкий П.Д. Природа Западного Крыма в античную эпоху // Северо-Западный Крым в античную эпоху. – Киев: Киевская Академия наук, 1994. – С. 11 – 29.

Половицкий И.Я., Гусев П.Г. Почвы Крыма и повышение их плодородия: Справ. Изд. – Симферополь: Таврия, 1987. – 152 с.

Полизовский А. Соляные ресурсы Крыма. – Симферополь: Крым, 1965. – 164 с.

Попова Е.А., Егорова Т.В. Исследование западной окраины позднескифского поселения на городище Чайка в Евпатории // АДУ. – 2005 – 2007 рр. – Київ – Запоріжжя: Дике Поле, 2007. – С. 313 – 314.

Придчев С.В. Работы Западно-Крымской экспедиции в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні, 2002-2003 рр. – Київ, 2004. С. 50 – 54.

Природа Украинской ССР. Почвы. Отв. Ред. Тома П.Б.Вернандер, Д.А.Тютюнин. – К.: Наук. думка, 1986. – 216 с.

Романченко Н.Ф. К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории // Археологические известия и заметки. – М., 1894. – № 1. – С. 9 – 15.

Романченко Н.Ф. Таврическая губерния. Материалы по археологии Евпаторийского уезда // ЗРАО. – 1896. – Том 8. – Вып. 1 – 2. – С. 219 – 236.

Романченко Н.Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИАК. – 1907. – № 25. – С. 172 – 187.

Рудмель В.Ю. Джарылгачский залив. Евпатория. Севастополь // Материалы для описания русских коммерческих портов и история их сооружения. – СПб, 1899. – Вып. XXVII. – 217 с.

Сагайдачный А.Ф. Годовой режим Мойнакского озера // Мойнакское озеро и его грязи / Труды соляной лаборатории. Вып. VIII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 62 – 66.

Серебрянский Д.Р. Колебания уровня Черного моря в последлениковое время и их сопоставление с историей оледенения высокогорного Кавказа // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М.: Наука, 1982. – С. 161 – 167.

Слудский А.Ф. Древние долины реки Салгира // ИКОГО – Крымиздат. – 1953. – Вып. 2. – С. 51 – 38.

Смекалова С.Л. Крымский полуостров на картах XVIII – XX веков. – СПб., 2004. – 146 карт.

Смекалова Т.Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский полуостров) // Древности Боспора. – М., 2006. – № 10. – С. 389 – 409.

Смекалова Т.А. Русские топографические карты XVIII – XX веков как источник по изучению археологических памятников западного и восточного Крыма // Боспорские исследования. – Симферополь – Керчь, 2007. – С. 78 – 94.

Смекалова Т.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: каталог. – Симферополь: Изд-во «Доля», 2010 – 204 с., илл.

античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Часть III. – Симферополь, 1988. – С. 273 – 275.

Blagovolin N.S., Ščeglov A.N. Archaeological, Palaeogeographic, and Geomorphological Researches in the Lake Sasyk (Panskoye) Region // Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N. Panskoye I. - Aarhus: Aarhus University Press, 2002. Vol. 1. – P. 285 – 302.

Smekalova T.N., Smekalov S.L. Ancient Roads and Land Division in the Chorai of the European Bosphoros and Chersonesos on the Evidence of Air Photographs, Mapping and Surface Surveys // Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective Black Sea Studies. № 4. – Aarhus Aarhus University Press? 2006. – p.207 – 248.

Архивные материалы

Mouseev Л.А. Отчет о руководимой им экспедиции в Ак-Мечеть в 1929 г. // НА НЗХТ, № 1588. – 1930. – 15 л.

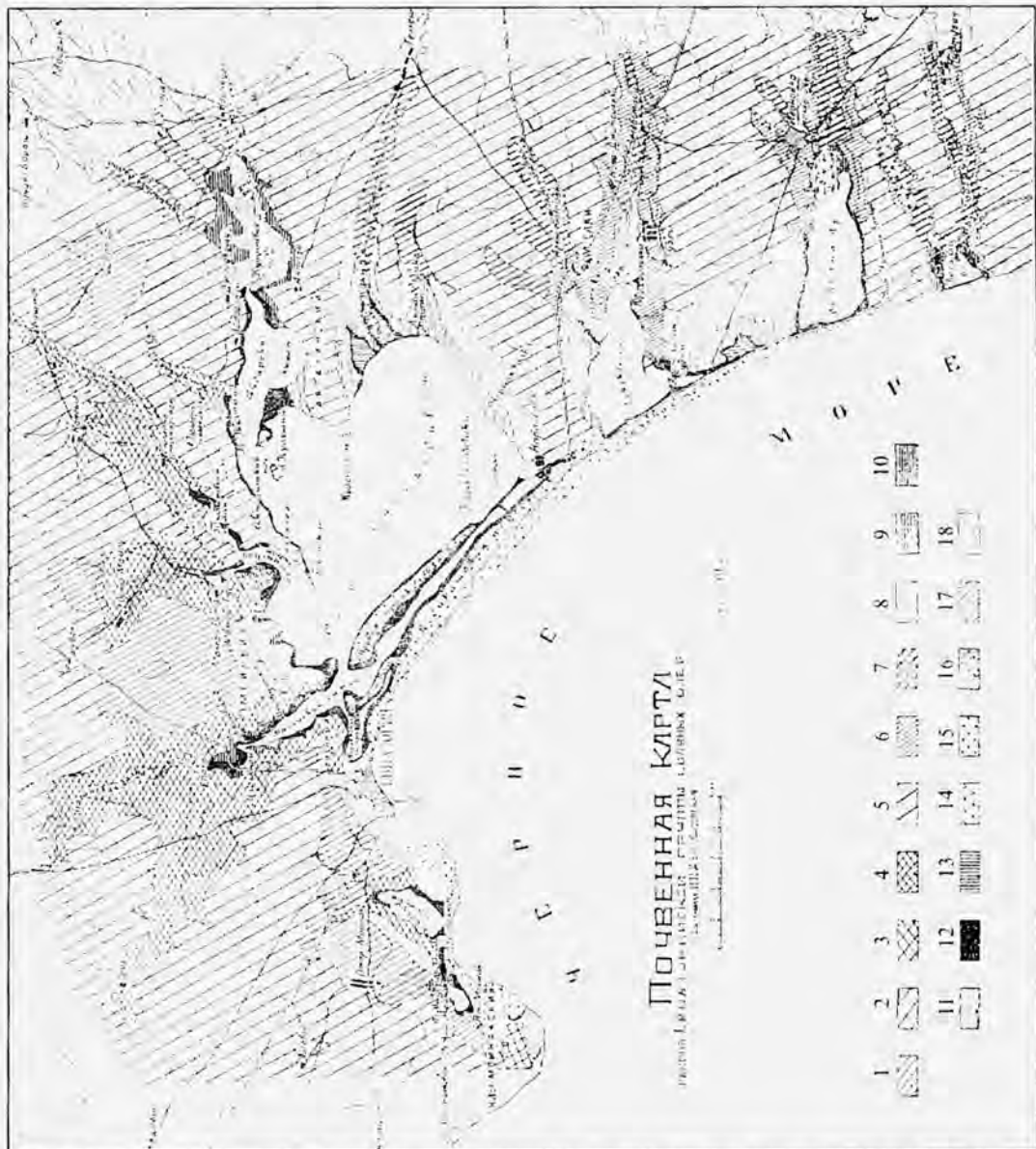
Mouseev Л.А. Отчет о раскопках в Евпатории 1929 г. // НА ГАИМК, 1930. – ф. 2, д. 130, оп. 1. – 16 л.

В.О. Кутайсов

ПРИРОДА ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО КРИМУ В АНТИЧНУ ЕПОХУ

Резюме

В статті на основі аналізу палеогеографічних, палеокліматичних, палеоботанічних та археологічних даних реконструюється середовище проживання давніх еллінів та пізніх скіфів, які мешкають на північно-західному узбережжі півострова у VI ст. до н.е. – II ст. н.е. На початку давньогрецької колонізації регіону у середині I тисячоріччя до н.е. клімат був більш прохолоднішим та вологим, рівень моря знаходився на більш низьких відмітках – мінус 2 м. Трансгресія чорноморського басейну супроводжувалась формуванням абразійних терас, утворенням берегових обривів та заток у результаті затоплення гирлі долин та балок. Всі ці геоморфологічні елементи зафіксовані на описуваній території Криму. Весь північно-східний простір півострова уявляв собою у класичний та елліністичний час не голий теперішній степ, а цілком сприятливий для мешкання лісостеп, достатньо обводнений з типовою дикою фауною. Деревно-чагарникова рослинність була знищена в процесі погано контролюємої господарської (скоріш, безгосподарської) діяльності людини. Особливо негативно антропогенний вплив пов'язан з активним засвоєнням цієї території Херсонеським полісом наприкінці IV – першої третини III ст. до н.е., що порушило стійку екологічну рівновагу, а гостра необхідність в будівельній деревині привела до недбайливої вирубки деревної рослинності.

ПОЧВЕННАЯ КАРТА
 РИОНА БУРГУЗСКОГО РАЙОНА БОСПОРСКОГО ПЛУВА

1. Сильно карбонатные светлослабые почвы на пористых известняках (пониж. яруса) в комплексе с карбонатными каштановыми почвами темного оттенка на розовых мерзлах на водоразделах под пашками.
2. Слабокарбонатные темнокрасные почвы на пористых известняках (выс. ярус) в краевой части плато под пашками с участками ковыльно- и злаковополюсных степей.
3. Карбонатные темнокрасные почвы, развитые на красноцветных известняках и известняках в краевой части плато с болотом приречной долины.
4. Комплекс карбонатных каштановых почв различной мощности и механического состава, развитых на глинах и известняках и на жестобурных суглинках по склонам и террасам балок.
5. Карбонатные темнокрасные слабо-солончатые почвы, развитые на красных и желтобурых глинистых суглинках и известняках.
6. Комплекс карбонатных каштановых степно-таежных почв различной мощности и из слабосолончатых районов, развитых на конусах по склонам балок и в прибрежной полосе плато под разломами по линиям степей.
7. Комплекс карбонатных каштановых степно-таежных почв различной мощности и из слабосолончатых районов, развитых на конусах по склонам балок и в прибрежной полосе плато под разломами по линиям степей.
8. Солончаково-солончатые темнокрасные почвы, развитые на жестобурных суглинках, в прибрежной полосе плато под разломами с участками солончатых полевых степей.
9. Солончаковые солончи на жестобурных солончатых засоленных глинах в прибрежно-приливной полосе с участками степной растительности.
10. Солончаково-солончатые солончи и солончаково-солончатые солончи в поймах рек, в прибрежной полосе плато под разломами с участками солончатых полевых степей.
11. Темнокрасные луговые солончаково-солончатые почвы до poziomu лимна в низовьях балок на озеро-оркайной части балок.
12. Сильно засоленные солончаки на солончаково-солончатых глинах и солончаково-солончатых глинах с дождевой растительностью.
13. Коричневые солончаки на сухих озерных донках и лиманах.
14. Кочковатые болота, залежные солонные водноболотные угодья.
15. Слабогумусированные и малогумусированные пелюшко-гравельные почвы морских побережий.
16. Комплекс солончаковых степных почв по берегам впади и темнокрасных луговых солончаковых почв на западных склонах в прибрежной полосе.
17. Солончаковые луговые почвы на песчаных озерах-морях от впадини лимна до впадини моря.
18. Проморщенные почвы, прилегающие к морю.

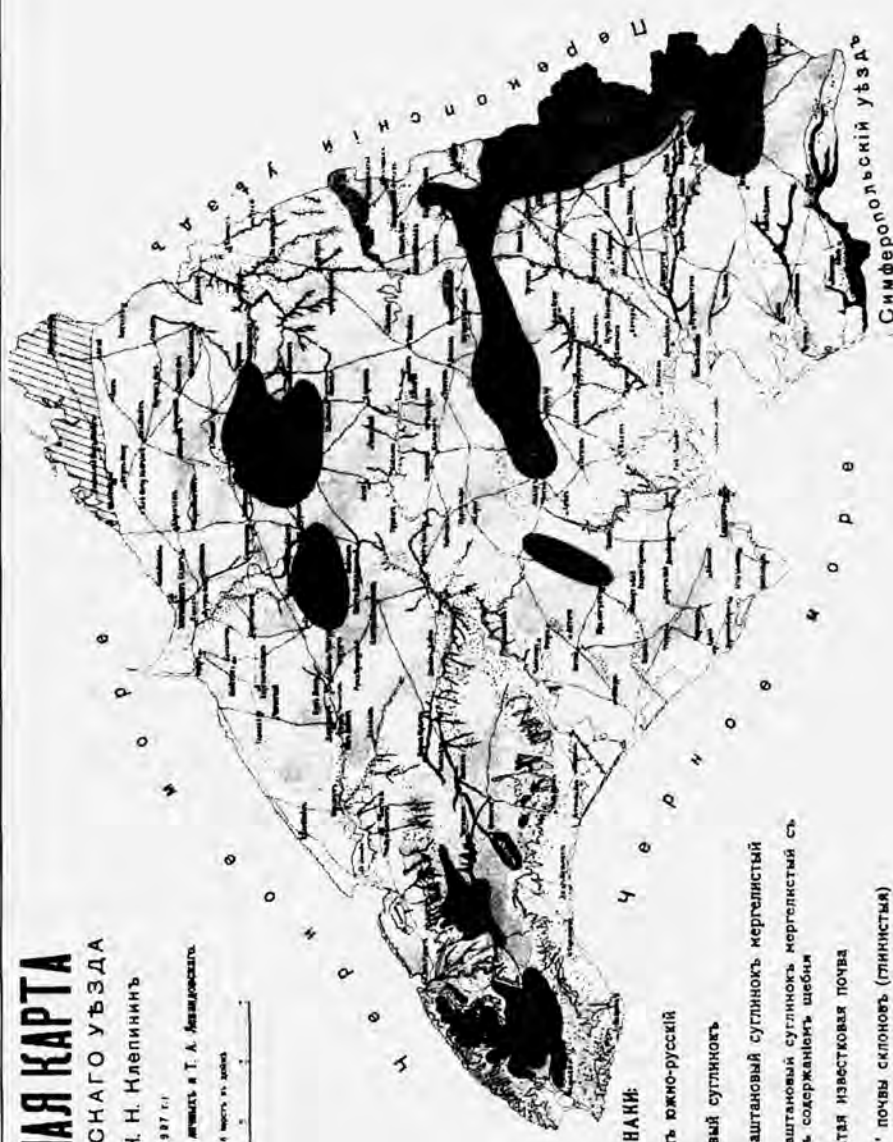
ПОЧВЕННАЯ КАРТА ЕВПАТОРИЙСКОГО УЕЗДА

составил Н. Н. Клепининъ

1927 г.

на основании исследований академика и Т. А. Левицкого

Масштаб 1 верста в дюйм

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- Чернозем южно-русский
- Каштановый суглинок
- Светло-каштановый суглинок мергелистый
- Светло-каштановый суглинок мергелистый с большим содержанием щебня
- Щебенчатая известковая почва
- „Грубая“ почва склонов (глинистая)
- Солонцовые суглинки
- Солончи
- Красно-бурые щебенчатые суглинки на известняках

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГИИ

УЧЕТ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В 1881 г. Д.Ф. Жаринцев попытался рассмотреть возможные причины отсутствия описания Таманского залива в той части сочинения Страбона, в которой характеризуются наиболее важные географические объекты и населенные пункты восточного побережья Меотийского озера и Киммерийского Боспора [Жаринцев, 1887, с. 123]. Эти опорные ориентиры использовались мореплавателями античного периода в прибрежном плавании на пути от Танаиса до Понта Эвксинского. Д.Ф. Жаринцев, вслед за И.Е. Забелиным, критиковал гипотезу определяющей роли продуктов извержения грязевых вулканов и геологических процессов в трансформации рельефа побережья Таманского залива, речной системы Кубани [Забелин, 1878, с. 9]. Однако имеющиеся данные свидетельствуют, что роль геологических процессов в эволюции рельефа полуострова всегда была велика.

На плане Фанагорийского рейда 1812 г. коса Фанагорийская, ныне Маркитанская, имела оконечность гораздо большей длины, чем в настоящее время [План Фанагорийского рейда..., 1812]. На карте Керченского пролива 1828 г. косы Маркитанская и Рубанова перекрывают вход в Таманский залив на 1/5 длины, тогда как их подводные отмели, оконтуренные изобатой 3-3,6 м, практически полностью перегораживают акваторию залива [Пролив Керченский..., 1828]. Анализ данных дешифрирования аэрофотоснимков разных лет съемок, включая перспективные, выполненные В.Л. Болдыревым в 1954 г., позволяют высказать предположение, что косы Рубанова и Маркитанская являются своего рода аккумулятивными обрамлениями кальдер грязевых вулканов. Их не заполнили песчано-раковинные наносы даже по прошествии более 180 лет, хотя при сильных западных штормах подтапливаются нагонными водами.

На литологических разрезах есть указания на наличие солочных брекчий и грязей на линии косы Маркитанская – коса Рубанова [Шнюков и др., 1974, с. 46]. И на подводном склоне существует ряд грязевых вулканов, в частности, кальдера, расположенная в нескольких километрах западнее упомянутого пролива между косами. Ее округлая конфигурация прорисована изобатами 4 и 5 м, правильные очертания которых существенно не менялись на батиметрических картах последних 50-60 лет.

Активизация грязевых вулканов может происходить в том числе и под воздействием внешних факторов. Ингрессия больших масс черноморских вод в Керченский пролив на начальной фазе нимфейской трансгрессии (I в. н.э.) стала спусковым механизмом вулканической деятельности. При этом произошло резкое возрастание динамической и статической нагрузок на осадочные толщи и коренные породы дна, разбитые разломами на множество разновеликих блоков. Существуют природные факты, подтверждающие подобное развитие событий. Например, в техническом отчете о результатах изысканий по проекту реконструкции Темрюкского порта отмечается: «Замечено было, что извержения [грязевых] сопков усиливаются при нагонных ветрах и подъеме воды в Азовском море и ослабевают при верховых [сгонных] ветрах» [Руммель, 1896, с. 210].

Если активизация грязевулканической деятельности в восточной части Керченского пролива привела к появлению хотя бы нескольких грязевых островов и банок, подобных тем, которые периодически возникают в пределах Голубицкого и Темрюкского подводных вулканов (Темрюкский залив), их могло бы оказаться вполне достаточно для возникновения сплошного песчано-раковинного барьера. Аккумулятивная форма должна была на длительное время отделить Киммерийский Боспор от Таманского залива. При этом барьер не препятствовал водообмену между «озером» и Керченским проливом в связи с высокими фильтрационными свойствами песчано-раковинных отложений.

Представление автора об устойчивости упомянутой формы основывается на твердо установленном факте быстрого развития биоценозов высокопродуктивного моллюска *Cardium edule* (сердцевидка) в условиях ингрессии соленых средиземноморских вод [Артюхин, Алексеев, 1989]. На этой фазе биоценоз неизбежно должен был поставлять на берег огромные массы прочных и крупных раковин. Стоило в горловине Таманского залива появиться даже маломощной перемычке, поставка раковинного материала обеспечила бы ее длительную сохранность и высокие отметки над средним уровнем моря. Таким образом, не утверждая однозначно, что барьер между Корокондамским заливом и Киммерийским Боспором в эпоху Страбона существовал, признаем природную возможность такой изоляции. Вероятно, именно в этом причина именования древними Корокондамского залива «озером» и его выпадения из лоции Страбона.

Рельеф Таманского полуострова западнее линии Витязево – Джигинская – Темрюк сформирован сложной системой антиклинально-синклиналильных складок, простирающихся с северо-востока на юго-запад и разделенных разломами [Шарданов, Пекло, 1961, с. 209]. Упомянутыми авторами тектонические структуры прослежены только в пределах суши. Выполненное нами сопоставление батиметрических материалов за период 1871–1974 гг. выявило пространственные особенности деформаций рельефа дна Таманского залива. Изолиниями значений деформаций оконтурены участки устойчивого погружения дна, в пределах которых наращивание отметок за счет осадко-

накопления значительно меньше темпов углубления, контролируемого нисходящими тектоническими движениями. В частности, установлено, что южный берег залива располагается в пределах Фанагорийской антиклинальной зоны. Ее внешняя граница, приуроченная к глубинному разлому, примерно совпадает с изобатами 3-3,5 м, причем на участке восточнее пос. Приморский практически сливаясь с береговой линией.

Северное побережье Таманского залива приурочено к Ахтанизовской синклинали. Обрамляющий ее внешний Ахтанизовский разлом проходит южнее Фонталовской гряды и купола горы Горелой. На подводном склоне другой разлом приурочен к зоне глубин 2-3 м. Его пространственное положение неплохо прослеживается по смене знака вертикальных деформаций дна. Внутри синклинали преимущественно фиксируются суммарные темпы деформаций дна от -0,2 до -1,7 м за столетие. Ниже по подводному склону, за пределами разлома, отделяющего упомянутую синклиналь от антиклинали Цымбалы, выявлены нулевые или положительные значения деформаций.

Вместе с тем, на подводной части синклинали установлены участки дна с аномальным тектоническим режимом. Так, например, восточнее с. Гаркуша, почти до створа горы Круглой (отметка 89,5 м), фиксируется участок воздымания. Подобная же аномалия прослежена и для участка на западной окраине пос. Волна Революции, вплоть до тальвега балки Волкодава. Эти аномалии обусловлены существованием в пределах синклинали относительно более приподнятых блоков, обособленных локальными поперечными разломами. Аномальные черты тектонического режима прослеживаются и в пределах территории, примыкающей к вулкану горы Горелая.

Судя по тектонической схеме [Трещев, Авенариус, 1982] и материалам украинских геологов [Шнюков и др., 1981, с. 16], в пределах Таманского залива и центральной части Керченского пролива существуют и глубинные субмеридиональные разломы. На востоке залива подобный разлом совпадает с простиранием береговой линии у пос. Сенной. Западнее пос. Приморский, от пересыпи лагуны Шимарда, другой разлом идет на северо-запад и сечет берег залива западнее окраины пос. Гаркуша, выходя в Динской залив. Короткий разлом маркирует простираение участка берега от корня косы Рубанова на северо-запад. Это означает, что положение косы предопределено тектоническими структурами. Парные разломы второго порядка ограничивают с двух сторон местоположение косы Маркитанской. Разломы первого порядка обособляют участок берега между горой Лысой на западной окраине Тамани и корнем косы Тузла.

Судя по схеме тектонических структур, западная часть глубоководья Таманского залива погружается в 1,5 раза медленнее, чем восточная [Трещев, Авенариус, 1982]. В этом одна из причин расположения части территории Фанагории ниже уровня моря.

Пространственное положение разлома, разделяющего Гаркушинско-Юбилейную синклиналь (на тектонической схеме Шарданова и Пекло она

не имеет названия) и антиклинальную зону Цымбалы, совпадает с местоположением Киммерийского вала, выявленного геофизическим зондированием северного подводного склона Таманского залива [Абрамов и др., 2004, с. 20]. Вывод о наличии субширотного тектонического разлома, проходящего вдоль мелководья северного берега Таманского залива, не отвергает гипотезу существования «Киммерийского вала». Нельзя исключать, что вертикальное смещение береговых пород, обусловленное разнонаправленными тектоническими движениями блоков, использовали колонисты античного времени. Правда, выявленное природно-техногенное сооружение скорее можно рассматривать как гидротехническое, а не оборонительное. У боспорийцев в I в. н.э. более насущной была задача защиты строений и коммуникаций от наступающего в результате трансгрессии моря.

Предположение об использовании древними греками естественных форм рельефа в хозяйственных целях подтверждается и данными А. В. Кондрашева, описавшего стену в зоне мелководья Холодной балки (южная часть Таманского берега Керченского пролива) [Кондрашев, 1995, с. 17]. Зарисовки кладки, возведенной на монолитном основании, ясно показывают наличие абразионной ниши, характерной для поверхности скалистого обвального берега, лишённого пляжа и подвергавшегося волновой абразии. То есть кладка явно предназначалась для отражения воли. На космическом снимке участка прослеживаются два крыла сложной, вероятно, синклинальной структуры, образованной вложенными друг в друга пластами песчаника или известняка. Внутренняя, мелководная, часть пласта синклинали содержала описанную кладку, тогда как внешняя располагалась гораздо мористее. При этом оба пласта имели в плане очертания треугольника.

Анализ рельефа дна Черноморского побережья Таманского полуострова, проведенный нами, показал наличие большого числа естественных гряд, в том числе и вертикальных, разной конфигурации (прямолинейных, зигзагообразных и округлых) [Артюхин и др., 2008]. Некоторые из них могли представлять интерес для античных колонистов при защите ценных объектов и территорий от стихийных явлений. Но возможность использования подобных естественных образований следует рассматривать с большой осторожностью во избежание ошибочного причисления их к рукотворным объектам.

Эндогенные явления, в частности землетрясения, сыграли важную роль в препарировании культурного облика Таманского и Керченского полуостровов. Аксиоматичным является землетрясение 63 г. до н.э., выявленное археологами при изучении античных памятников Пантикапея и впоследствии используемого геологами в качестве примера деформации геологической среды на рубеже эпох [Ананьин, 1966]. Эпицентр располагался на дне Керченского пролива, на пересечении двух субмеридиональных и одного субширотного глубинных разломов. По расчетам океанологов, очаг восьмибального землетрясения, вызвавшего цунами высотой 3 м, находился не-

сколько юго-западнее мыса Тузла [Соловьева, Кузин, 2005, с. 835]. Хотя вероятность возникновения цунами перед началом трансгрессии не доказана.

Подобные очаги землетрясений не исчезают бесследно, а эпизодически активизируются, особенно в условиях геодинамического взаимодействия структур Крыма и Кавказа, что будет показано далее. Возможно, именно из-за возникновения сейсмических волн в пределах этого эпицентра длительное время поддерживается неустойчивость прикорневой части косы Тузла на что указывают старинные карты [Визе, 1927]. В XVIII-XX вв. проявился еще более мощный фактор – техногенный, приведший к масштабному размыву косы Тузла и других форм пролива [Артюхин, 2008]. Нельзя исключать и того, что из-за сейсмического воздействия в XVII в. была повреждена или даже разрушена турецкая крепость Тузла, хотя Э. Челеби приписывал это действие казакам [Челеби, 1979].

Рассматривая гидротехнические усилия турок по сужению Керченского пролива в конце XVII – начале XVIII вв. с целью недопущения выхода русского флота в Черное море, В.Ю. Визе показал не только нереализуемость подобного мероприятия, но и желание османов решить эту проблему с помощью мощных фортификационных объектов [Визе, 1927]. Ю.Л. Белик охарактеризовал географические условия строительства крепости Ени-Кале, в том числе обилие на этом побережье рыхлых оползневых склонов [Белик, 2005]. Автор настоящей статьи в 70-х годах XX в. при разработке «Схемы защиты берегов Украины» занимался инженерно-геоморфологическим анализом устойчивости абразионных берегов Керченского региона. Наблюдения на реперных створах показали, что на высоких откосах развивались глубокие оползни, обвалы даже в условиях сочетания бытовых штормов и сильных дождей. Сейсмические же воздействия вызывали значительную их активизацию.

А.А. Никоновым обнаружен план крепости Ени-Кале 1707 г. со следами сейсмических деформаций сооружения [Никонов, 1987, с. 33]. Учитывая, что смежные участки побережья представляют собой систему оползневых массивов, можно быть уверенным, что землетрясение в начале XVIII в., вызвавшее разрушение уже построенной цитадели, способствовало деформациям обвальных и оползневых склонов всего побережья. В этих условиях строительство новых фортификационных объектов потребовало бы несоизмеримо больших затрат и времени, что и опрокинуло военно-инженерные планы Османской империи в Керченском проливе.

Резонной представляется точка зрения, что столь же негативную роль для православных монастырей и крепостных сооружений Тмутараканского княжества сыграло землетрясение около 1094 г. [Захаров, 2002]. Сейсмические явления, развивающиеся на фоне извержения грязевых вулканов, вертикальных и горизонтальных тектонических движений в прошлом повлияли на плановые очертания Таманского полуострова, как это происходит и в настоящее время. Исследователи при анализе природных условий античной колонизации

этого региона в основном отталкиваются от современных карт. Между тем, очертания рассматриваемого побережья существенно отличались от нынешних.

Палеогеографическими и геоморфологическими построениями достаточно надежно установлено, что Голубицкий останец (возвышенность в пределах ст. Голубицкой) к началу нимфейской трансгрессии был выдвинут на 200-300 м мористее, чем в настоящее время. Скорее всего, существовал полуостров, объединявший отмели, на которых располагались Голубицкий, а возможно, и Темрюкский подводные вулканы. От этого абразионного останца на восток отходила равновесная аккумулятивная дуга [Павлидис, 1961; Артюхин и др., 1989]. Судя по всему, аккумулятивное тело вместе с останцом просуществовало, по крайней мере, до начала итальянской колонизации Азово-Черноморского побережья. Впоследствии дуга начала деградировать, причем не последнюю роль в этом процессе играло не столько волновое разрушение глинистой толщи, сколько тектоническое погружение северного фланга останца.

Анализ ориентации береговых морфоструктур и строения донной толщи позволяет также предположить, что западнее современного Пересыпского гирла (пос. Пересыпь) существовала подводная гряда, лежащая на продолжении оси антиклинальных структур Тиздар и Синяя балка. Там и поныне волнением и ледовыми подвижками выдавливаются на дневную поверхность скопления крупных глыб глинисто-мергелистого конгломерата, весьма устойчивого в зоне прибоя. Вероятно, последняя гряда смыкалась с Голубицким останцом, образуя треугольный мыс, делавший невозможным гидравлическую связь Меотийского озера-моря с внутренними акваториями в центральной части Таманского полуострова.

Таким образом, северный берег Таманского полуострова между мысом Ахиллеон и современным устьем Кубани представлял собой систему аккумулятивных дуг, разделенных мысовидными участками, выдвинутыми на север, к оси Индоло-Кубанского прогиба гораздо ближе, чем ныне. В этих условиях и была возможна хорошая сохранность древнеазовской террасы, на которой греки основали Тирамбу. Уничтожение мысов в результате погружения и лишь отчасти волнового размыва к XV – XVII вв. обусловило масштабный переыв террасы, а с ней Тирамбы и ее морской инфраструктуры.

В контексте гипотезы определяющей роли погружения Голубицкого останца следует более пристально рассмотреть сомнения, высказанные Н.Я. Данилевским: «Ахтанизовский лиман [Страбоном] не только пропущен, но косвенным образом совершенно устранен из описываемого пути, так как... остров, где лежала Фанагория, ограничен Таманским заливом, Азовским морем и рекою Антикитесом без упоминения Ахтанизовского лимана» [Данилевский, 1869, с. 61]. Отмеченный автор пытался объяснить отсутствие лимана в описаниях Страбона ролью заиления. Но если принять во внимание, что крупный блок суши, на котором располагался Голубицкий останец со смежными грязевулканическими очагами, в прошлом был приподнят на

более высокие отметки, чем в настоящее время, нетрудно представить себе, почему могло не быть Ахтанизовского лимана. На этом месте располагалось русло рукава Кубани Антикитес, вероятно, впадавшего в Таманский залив. Признаки эрозионных террас отчетливо фиксируются южнее пос. Пересыпь и ст. Сенная при дешифрировании снимков 1947 г., то есть тогда, когда уровень техногенного препарирования рельефа вблизи ст. Сенной был незначителен. С последующим тектоническим погружением Голубицкого останца и его окрестностей произошло образование сравнительно глубокой котловины, позже превратившейся в Ахтанизовский лиман. Д.Ф. Жаринцев весьма скептически отнесся к сообщениям местных жителей и сведениям, собранным Н.Я. Данилевским, об аномальной глубине Ахтанизовского лимана – до 12,6 м. По его промерам в 1881 г. глубина не превышала 2,7 м [Жаринцев, 1887, с. 126]. Вероятно, глубина в 6 саж. была чрезмерной, но по всем признакам этот лиман был наиболее глубоким и наиболее странным в гидрологическом отношении. Так, например, в конце XIX в. в местной кубанской печати неоднократно появлялись сведения не только о значительной глубине Ахтанизовского лимана, но и более высоком уровне воды, чем в р. Кубань, Курчанском лимане и даже в Азовском море [Темрюк..., 1882]. Объяснить подобный феномен можно только сочетанием нисходящих тектонических движений и слабым водообменном с соседними акваториями. Если подобный водоем подвергается сейсмическому воздействию, то нетрудно представить себе, что возникшая волна типа цунами способна распространиться через перемычку в Таманский залив, уничтожив следы предшествующей деятельности речного русла Атикитеса.

В докладе И.Е. Забелина обращает на себя внимание фраза: «Здесь от мыса Тузлы до мыса Панагия и далее от мыса Кишлы и до Бугоза весь берег осыпался в море, быть может на версту, если не на две, в ширину» [Забелин, 1878, с. 11]. Выполненное нами совмещение среднемасштабных карт 1871 и 1974 гг. показало, что за этот период кромка берегового обрыва отступила не более чем на 40-100 м. Проведенный анализ натуральных наблюдений за абразией этого берега также выявил незначительные темпы – от 0,4 до 1 м/г [Артюхин и др., 2008]. Мониторинг в 2002-2007 гг. береговой зоны до глубины 5 м по сетке закрепленных поперечных профилей позволил установить, что значительное влияние на масштабы разрушения высоких береговых обрывов оказывают сейсмические явления. Восточнее м. Панагия зафиксирован факт сброса в море значительного по объему блока береговых пород в условиях слабого волнения. В этот же период Анапской сейсмостанцией зафиксировано в регионе несколько толчков силой до 4 баллов. Именно поэтому сведения, изложенные И.Е. Забелиным, не кажутся фантастическими, хотя и требуют уточнения. Геометрические построения на основе береговых профилей с морфометрической и литологической нагрузкой позволяют предположить, что к моменту начала нимфейской трансгрессии подошва береговых холмов

Черноморского побережья Таманского полуострова располагалась на удалении 1,2-1,5 км от современного уреза. Причем плановые очертания берега были не столь выровнены, как в настоящее время. Мыс Железный Рог простирался восточнее и западнее, вплоть до тальвега балки Куцей. Мыс Панагия располагался юго-западнее и западнее, имея лопастные очертания. Бухты на северо-западной и юго-восточной частях мыса могли использоваться на морской стадии развития берега для стоянки судов. Поэтому здесь находят большое количество античных якорей [Кондрашев, 1995, с. 60].

Без учета геологических факторов невозможно раскрытие проблемы «Таманского архипелага». Пространство между Анапой, лиманами Цокур и Ахтанизовским представляет собой зону активного прогиба. Для него характерна высокая степень расчлененности подстилающих коренных пород тектоническими структурами разного порядка. Это обстоятельство всегда играло значительную роль, учитывая сложный характер взаимодействия описанной территории Западно-Кубанского периклинального прогиба со структурами Русской платформы и Крымской горной страны.

Геодинамическими исследованиями, в том числе основанными на глобальной системе спутникового позиционирования GPS, установлено, что структуры Крыма смещаются на восток относительно Черноморского побережья Кавказа с темпом 20 мм/г, одновременно разворачиваясь против часовой стрелки [Машимов, 1995]. При этом структуры периклинального прогиба под действием Черноморской плиты (дно Черного моря) смещаются на северо-запад, одновременно разворачиваясь по часовой стрелке [Илюхин, Шестопапов, 2007]. В результате сложных взаимодействий может наблюдаться как поперечная, так и продольная неустойчивость структур Анапско-Кизилташской зоны. На первую указал еще В.Г. Рихтер, заметивший, что на пространстве между Кизилташским, Ахтанизовским и Курчанским лиманами может происходить поперечный шарнирный перекося [Рихтер, 1960]. Однако он эту идею никак не конкретизировал, что способствовало торжеству мнения о решающей роли прокладки казаками каналов в изменении направления течения Кубани из лиманов Черного в Азовское море. В реальности же подобное мероприятие не имело бы успеха, если бы тектонические процессы не предопределили перекося структур на север.

Для проверки этой гипотезы выполнено изучение изменений площадей дельт разных рукавов Кубани в Темрюкском заливе, Курчанском, Ахтанизовском и Кизилташском лиманах, поскольку хорошо известно, что активному их росту способствуют нисходящие тектонические движения. Оценены изменения площадей Чайкинского мелководья (Малой дельты Кубани в Темрюкском заливе – 1900-2008 гг.), дельт в Ахтанизовском (1850-1980 гг.) и Кизилташском (1800-1980 гг.) лиманах. Анализ показал, что начиная с конца XVIII – середины XIX вв., сток рукавов Старая Кубань и Джига в Кизилташский лиман стал сокращаться. В.Ю. Руммель, обобщив данные ряда исследователей, отмечал, что если в 1865 г. Кубань сбрасывала в Кизилташский лиман 20% всего объема жидкого стока реки,

то в 1873 г. уже только 5,6%, а в 1893 г. – не более 1-2% [Руммель, 1896, с. 208]. Соответственно, стала убывать площадь дельты со 120 до 56 млн. м². Дельта в Ахтанизовском лимане начала формироваться на рубеже XVIII – XIX вв. Ее площадь в 1850 г. составляла 4 млн. м², тогда как к 1930 г. достигла 75 млн. м². Чайкинское мелководье оформилось в виде Малой дельты Кубани с 1906-1910 гг. [Артюхин, Федорова, 2007, с. 64]. Менее чем за 100 лет ее площадь непрерывно нарастала несмотря на то, что Краснодарское водохранилище в 1973 г. перехватило свыше 80% всего объема влекомых наносов.

Имеющихся картографических данных недостаточно для более широких обобщений. Однако комплексный анализ позволяет подтвердить факт существенных перестроек дневного рельефа восточной части Таманского полуострова в результате именно перекоса структур на север, на фоне нисходящих тектонических движений. На это же явление указывает и статистика извержений грязевых вулканов. Д.А. Лилиенберг, обобщив данные по водо- нефтеотдаче скважин Апшеронского полуострова, доказал, что на фазах восходящих тектонических движений дебит падает, на фазах нисходящих – возрастает [Лилиенберг, 1985, с. 27]. Именно такая закономерность прослеживается на северном побережье Таманского полуострова. Извержения множества грязевых вулканов наблюдалось в 1774 г. (корень Маркитанской косы), 1789 г. (ст. Голубицкая), 1799 г. (г. Темрюк), 1814, 1818, 1835 (ст. Голубицкая, Персыпское гирло, гора Бориса и Глеба, гора Карabetова). Голубицкая группа подводных вулканов активно извергалась в 1880, 1882, 1906, 1914, 1924, 1951 гг., а в 60-80-е годы через каждые 2-3 года. Этот процесс продолжается, что зафиксировано в 1994, 2000, 2008 гг. Активность же вулканов южной части полуострова была несоизмеримо меньше.

Таким образом Таманский полуостров превращался в архипелаг на фазах определенного тектонического развития. Скорее всего, при одном режиме открывались гирла и протоки, связывающие внутренние акватории с Черным морем, при другом – с Азовским. Могли существовать и продольные тектонические перестройки, которые стимулировали перекоса структур и следовательно, речной системы на запад, в сторону Таманского залива. Каковы хронологические границы этих событий и какой была частота циклов воздымания и опускания в историческом прошлом на данном этапе исследований определить невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П., Васильев А.Г., Копейкин В.В., Морозов П.А. «Киммерийский вал». Новые данные // ДБ. М., 2004. Т. 7.
- Апатын И.В. Сейсмичность Западного Кавказа, восточной части Черного моря и связь ее с внутренним строением земной коры. В кн.: Строение Черноморской впадины М., 1966.

- Артюхин Ю.В. Кроссавквальные литодинамические связи как фактор эволюции береговых зон узких мелководных морских акваторий // Вестник ЮНЦ РАН. 2008. Т. 4. № 1.
- Артюхин Ю.В., Алексеев В.В. Бентогенная аккумуляция на берегах и шельфе морей. Апатиты. КНЦ АН СССР, 1989.
- Артюхин Ю.В., Федорова С.И. Пространственно-временные черты эволюции морского края дельты р. Кубани и природные аспекты некоторой ее гидротехнической корректировки // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2007. № 10.
- Артюхин Ю.В., Грудникова Л.Я., Обуховская И.А. Равновесные береговые формы как основа для палеогеографических реконструкций // Изв. АН СССР, сер. геогр. 1989. № 3.
- Артюхин Ю.В., Федорова С.И., Сидоренко Л.А., Артюхина О.И. Развитие береговой зоны бухты Панагия-Кишла в условиях подъема уровня Черного моря и техногенного воздействия // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2008. № 9.
- Белик Ю.Л. Роль географического фактора при возведении крепости «Ени-Кале» // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X.
- Визе В.Ю. Историческое прошлое наносных образований в Керченском проливе, в особенности косы Тузлы // Изв. Центр. Гидрометеобюро. 1927. Вып. VII.
- Данилевский Н.Я. Исследования о Кубанской дельте // Записки РГО. СПб., 1869. Т. 2.
- Жаринцев Д.Ф. Археологическая топография Таманского полуострова. Тр. V археологического съезда в 1871 г. М., 1887.
- Забелин И.Е. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского. Тр. III археологического съезда в августе 1874 г. Киев, 1878.
- Захаров В.А. Тмутараканское княжество // Сб. Русского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152).
- Илюхин С.Р., Шестопалов В.Л. Исследования геодинамики региона Крым – Западный Кавказ методами GPS-измерений // Изв. ВУЗов. Геодезия и картография. 2007. № 3.
- Кондрашев А.В. Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1995. Вып. 2.
- Лилиенберг Д.А. Современная геодинамика Альпийского орогенного пояса Южной Европы // Геоморфология. 1985. № 4.
- Машилов. Геодезия, тектоника, сейсмология: предметы и проблемы их взаимодействия // Геодезия и картография. 1995. № 11.
- Никонов А.А. В поисках неизвестного землетрясения // Знание сила. 1987. № 10.
- Павлидис Ю.А. Новейшая история развития Темрюкского побережья Азовского моря // Тр. ИО АН СССР. 1961. Т. 49.
- План Фашагорийского рейда. Сочинен при Черноморском депо карт в 1812 г. капитан-лейтенантом и кавалером Будишевым. РГАВМФ. ф. 1331, опись 4, дело 445.
- Пролив Керченский, в древности Боспор Киммерийский. Составлен капитан-лейтенантом Е. Манганари в 1828 г. РГАВМФ. ф. 1331, опись 9, дело 63.
- Рихтер В.Г. Значение тектонического фактора в образовании и эволюции речных дельт // Изв. АН СССР, сер. географ. 1960. № 3.
- Руммель В.Ю. Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории сооружения. СПб. 1896. Вып. 20.
- Соловьева О.Н., Кузин И.П. Сейсмичность и цунами северо-восточной части Черного моря // Океанология. 2005. Т. 45.
- Темрюк, его географические, экономические и бытовые условия. Кубанские областные ведомости, 1882. № 21.
- Трещев А.А., Авенариус И.Г. Схематическая карта блоковых морфоструктур Кавказского шельфа. М. Мингео. 1982.
- Челеби Э. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. 1979. Вып. 2.
- Шардинов А.Н., Пекло В.П. Новые данные о тектонике западного погружения Кавказа и Тамани // Тр. Краснодарского филиала ВНГНИИ. 1961. Вып. 6.
- Шюков Е.Ф., Орловский Г.Н., Усенко В.П. и др. Геология Азовского моря. Киев, 1974.
- Шюков Е.Ф., Алейкин В.М., Путь А.Л. и др. Керченский пролив. Киев, 1981.

Ю.В. Артюхин

ОБЛИК ГЕОЛОГИЧНИХ ФАКТОРІВ ПРИ ВИВЧЕННІ ІСТОРІЇ АНТИЧНОЇ ТА
СЕРЕДНЬОВІКОВОЇ КОЛОНІЗАЦІЇ ТАМАНСЬКОГО ПІВОСТРОВА

Резюме

Показана важливість обліку геологічних факторів при вивченні природних умов античної та середньовікової колонізації Таманського півострова. Запропоновано пояснення можливих причин відсутності в описах Страбона Таманської затоки та Ахтанізівського лиману. Обговорюється роль сейсмічних явищ у зруйнуванні деяких історичних об'єктів, моделюванні планових обрисів Таманського півострову. Розглянуті тектонічні механізми, які дозволяють Таманському півострову виглядати в очах спостерігачів минулого то в вигляді архіпелагу, то єдиним півостровом.

Ю.В. Артюхин

УЧЕТ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ И
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Резюме

Показана важность учета геологических факторов при изучении природных условий античной и средневековой колонизации Таманского полуострова. Предложено объяснение возможных причин отсутствия в описаниях Страбона Таманского залива и Ахтанизовского лимана. Обсуждается роль сейсмических явлений в разрушении некоторых исторических объектов, моделировании плановых очертаний Таманского полуострова. Рассмотрены тектонические механизмы, позволявшие Таманскому полуострову выглядеть в глазах наблюдателей прошлого то в облике архипелага, то единым полуостровом.

Y.V. Artyukhin

APPLICATION OF GEOLOGICAL FACTORS IN STUDYING THE HISTORY
OF ANCIENT AND MEDIEVAL COLONIZATION OF THE TAMAN PENINSULA

Summary

It is shown that the inclusion of geological factors in the study of natural conditions of ancient and medieval colonization of the Taman Peninsula is very important. Explanation of the possible reasons for the lack of Taman bay and Akhtanizovsky estuary in the descriptions of Strabo is proposed. The role of seismic phenomena in the destruction of some historical sites and modeling plan outlines of the Taman Peninsula is discussed in the article. We consider the tectonic mechanisms that allow the Taman Peninsula to look in the form of the archipelago, then in the form of the unified peninsula in the eyes of some observers of the past.

В.В. КРАПИВИНА

**ОПЫТ МУЗЕЕФИКАЦИИ
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ
В ОЛЬВИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТКА Р-25)¹**

Целью данной публикации является необходимость подведения итогов того, что было сделано за последние двадцать лет по музеефикации на участке Р-25 в Ольвии, который является одним из основных объектов работ Ольвийской экспедиции Института археологии НАН Украины. При этом надо подчеркнуть, что проведенные нами работы по музеефикации раскрытых объектов следует рассматривать в качестве предварительных консервационных мероприятий, выполненных силами экспедиции и НИАЗ «Ольвия» НАН Украины при минимальном финансировании. Сейчас, когда вопрос о необходимости консервации памятников исследователями стоит достаточно остро, наш опыт может быть полезен коллегам.

В соответствии с Законами Украины «Об охране культурного наследия» (2000 г.) и «Об охране археологического наследия» (2004 г.) одним из ведущих направлений государственной политики в сфере охраны культурного наследия должны быть меры по консервации и музеефикации памятников. Они, наряду с другими, являются составляющими понятия «охрана культурного наследия». При этом под консервацией понимается совокупность научно обоснованных мероприятий, позволяющих защитить объекты культурного наследия от дальнейших разрушений и обеспечивающих сохранение их аутентичности с минимальным вмешательством в их существующий облик; музеефикация – совокупность научно обоснованных мероприятий по приведению объектов культурного наследия в состояние, пригодное для экскурсионного посещения (ст.1) [Манаев, 2007, с. 28].

Археологические исследования стационарных памятников, особенно тех, которые являются заповедниками, требуют повышенной ответственности от исследователей. Здесь особенно важно проведение необходимых консервационных мероприятий с целью обеспечения сохранности раскрытых объектов, а, по возможности, и введение их в экспозицию.

Заповедная территория античной Ольвии, как известно, в настоящее время составляет порядка 270 га. Она представлена городищем (немногим бо-

¹ Публикация подготовлена в рамках украинско-российского проекта «Греко-варварские памятники Северного Причерноморья (Опыт методики российско-украинских полевых исследований)».

лее 30 га) и некрополем (240 га), кроме того, свыше 20 га городища затоплены водами Бугского лимана. Здесь существует Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины. Ольвия не была застроена ни в средневековое, ни в новое и новейшее время, более того, здесь не выявлены остатки и времени, предшествовавшего древнегреческой колонизации региона. По сохранности античных слоев Ольвия является эталонным памятником классической археологии, который просуществовал почти тысячу лет – с рубежа первой – второй четверти VI в. до н. э. до последней четверти IV в. н. э. Территория ольвийского некрополя является еще и ландшафтным заповедником, это уголок 2000 лет не паханной и потому сохранившейся украинской степи со своей микрофлорой и микрофауной.

Фактически Ольвия – это музей под открытым небом, что диктует особую ответственность при ее археологическом исследовании. Работы Ольвийской археологической экспедиции Института археологии НАН Украины, особенно в последние тридцать лет, направлены в основном на проведение охранных раскопок с последующей консервацией и, по возможности, музеефикацией, раскрытых строительных остатков. В связи с этим основными объектами работ экспедиции стали участки, расположенные в наиболее разрушаемых эрозией и оползневыми процессами зонах Ольвии. Кроме того, на состоянии памятника отрицательно отразился антропогенный фактор как в новое, так и новейшее время, что ставит дополнительные задачи при его музеефикации.

Одним из главных условий введения участка в экспозицию заповедника «Ольвия» является то, что его площадь должна быть достаточно большой, для того, чтобы была возможность показать объекты целиком, в том числе – различных строительных периодов и исторических этапов (как, например, участки И, НГС – рис. 1).

Наиболее сложные и трудоемкие работы связаны с консервацией и музеефикацией архитектурно-строительных остатков, находящихся под открытым небом и составляющих основную экспозицию заповедника. В связи с этим следует сказать, что до 1970-х гг. кладки в заповеднике укреплялись только с помощью контрфорсов и обмазок их фасадов цементным раствором. Оба способа нарушают восприятие раскопанных объектов и, более того, фактически способствуют разрушению кладок. Последнее связано со свойствами цементного раствора, который не пропускает влагу и она, попадая в швы кладки, рвет последнюю. В 1970-е – 1980-е годы были проведены значительные работы по консервации и музеефикации в Ольвии [Крапивина, 1992, с. 13-14]. Был восстановлен первоначальный околокурганый ландшафт Зевсова кургана, начаты работы по исследованию крепиды кургана над склепом Евресивия и Ареты с целью восстановления его первоначального вида². Путем

² Работы по восстановлению кургана и крепиды вокруг него были выполнены в 2005-2006 гг., в результате чего объект стал одним из наиболее зрелищных в экспозиции заповедника.

крытия вертикальных плоскостей. Эти работы были проведены на южной оборонительной башне Западных ворот. Наружная поверхность железобетонного футляра толщиной до 10-15 см была решена с использованием красителей в виде чередующихся полос желтого и серого цвета, имитирующих полосы слоистых оснований. Объект приобрел экспозиционный вид, а подлинные слоистые основания оказались защищены⁸. Этот же метод был использован при восстановлении гидросистемы в районе здания дикастерия⁹ [Крапивина, 1992, с. 15].

На участке АГД в Ольвии был открыт квартал землянок и полуземлянок архаического времени. Это был прекрасный экспозиционный объект, однако, музеефицировать его не представлялось возможным, и с целью консервации все землянки и полуземлянки были засыпаны грунтом. Только одна круглая полуземлянка была оставлена для экспозиции, а для сохранения стены ее были обложены древним известняковым камнем. Применение этого камня, который не диссонирует с окружающими строительными остатками, тем не менее, привело к необходимости объяснения экскурсантам, что это не древние стены.

Еще одна методика, состоявшая в использовании при консервации кладок цементно-коллоидных клеев¹⁰, была апробирована на нескольких небольших кладках Центрального квартала. Однако спектр применения этой методики ограничен, она может быть использована только в кладках из камней правильной формы и требует их перекладки, т.е. нарушения раскрытых остатков. Не ясно было, как поведет себя камень, скрепленный цементно-коллоидным клеем, под воздействием атмосферных осадков. В этом случае есть опасность разрушения кладок не по швам, а по камню [Крапивина, 1992, с. 15].

Наиболее приемлемой для античных памятников представляется методика, примененная в 1990 г. на участке НГС группой реставраторов из Горгиппийской экспедиции АН СССР, а в 1991-1992 гг. – на участке Р-25 сотрудниками МХТИ им. Д.И. Менделеева¹¹. Эта методика была разработана в МХТИ им. Д.И. Менделеева специально для античных памятников и апробирована в течение десятка лет в Горгиппии¹². Ее основной принцип – максимальное сохранение раскрытых строительных остатков в первоизданном виде, без перекладки камней. Несомненным ее достоинством является то, что обработке поддаются не только кладки из прямоугольных плит и блоков, но и иррегулярные, сложенные из бутового камня, спасти которые до сих пор практически было невозможно. Обрабатываются они следующим образом: земля или глинистый раствор из швов между камнями постепенно, без передвижения

⁸ В дальнейшем они сильно пострадали в результате грабительских раскопок и последовавшего воздействия атмосферных осадков.

⁹ Работы проводились под руководством С.Д. Крыжицкого и А.С. Беляева.

¹⁰ Работы проводились под руководством автора этой методики – Б.С. Гребенникова.

¹¹ Работы проводились под руководством О. Беляевской и Н. Румянцевой.

¹² Она была одобрена Всесоюзным методическим советом СССР по реставрации и признана одной из лучших в Союзе.

последних, заменяется специальным, подобранным по цвету раствором, в состав которого входит также и цемент. Прочность этого раствора должна быть чуть меньше прочности камней кладки. Иначе разрушаться в будущем будут не швы, которые всегда можно заполнить новым раствором, а сами камни, что приведет к безвозвратной утере кладки. После введения раствора в швы и восполнения лакун кладки камнем, аналогичным применяемому в ней, она целиком пропитывается специальными составами, обеспечивающими полимеризацию на 5 см вглубь. Согласно опыту Горгиппийской экспедиции, применение этой методики целесообразно, прежде всего, на вновь раскрываемых участках, т.к. позволяет сохранить для экспозиции практически все виды строительных остатков, раскрываемых археологами, частично уже утраченных на старых раскопах. В лабораториях МХТИ им Д.И. Менделеева под руководством профессора В.А. Осипчика были разработаны также растворы, при ежегодной пропитке которыми можно сохранить для экспозиции глинобитные строительные остатки (например, очаги, уровни полов и пр.). Была предпринята, в частности, попытка музеефикации нижней части глинобитного гончарного горна на участке Р-25. Стенки горна были пропитаны специальными укрепляющими составами, после чего горн был подсыпан речным песком. По рекомендации специалистов, с целью длительного сохранения, над горном должен был быть сделан навес. Горн сохранялся под открытым небом несколько лет, однако затем все же был разрушен природными факторами, потерял экспозиционный вид и был разобран нами с целью полного исследования его конструкции [Крапивина, 1992, с. 16].

К сожалению, в 1990-х годах эти работы были прекращены в связи с отсутствием финансирования¹³.

Участок Р-25 располагается в юго-восточной части Верхнего города Ольвии, вдоль береговой линии лимана, по оси северо-восток-юго-запад, в зоне, подвергающейся значительным эрозионным и оползневым процессам (подробнее см. Крапивина, 2009, с. 233-239). Кроме того, он сильно пострадал в результате варварских грабительских раскопок, которые имели место в Ольвии до появления здесь постоянной охраны в 2003 г. Работы здесь проводились в 1979 и 1982-2009 гг. с целью выяснения археологической и исторической топографии этой, разрушаемой, части города и спасения возможно большего числа движимых и недвижимых артефактов. В настоящее время площадь участка составляет свыше 4000 кв. м. Результатом проведенных исследований явилось не только значительное уточнение археологической топографии, но также и отдельных этапов истории Ольвии, особенно наиболее раннего и позднего. Кроме того, собрана значительная коллекция находок, часть из которых является уникальной. Жизнь в этой части города продолжалась на протяжении всего пери-

¹³ Несколько позднее по той же причине прекратила свое существование и вышеупомянутая лаборатория МХТИ.

ода его существования – со второй четверти VI в. до н.э. по третью четверть IV в. н. э., т.е. здесь представлен практически весь археологический срез истории античной Ольвии. Результаты исследований неоднократно публиковались [см., например: Крапивина, 2002, с.140-151; 2008, с. 95-110; Крапивина, Буйских, 1997, с. 122-127; 2006, с. 230-237]. Выявлены самые разные категории разновременных строительных остатков: оборонительных сооружений, улиц и площадей, культовых построек, жилых домов (наземных и заглубленных в землю), производственно-хозяйственных комплексов, располагающихся на нескольких террасах. Все это делает необходимым проведение работ по обеспечению их сохранности, а, по возможности, и музеефикации.

Большая площадь участка дает возможность показать разновременные комплексы. Не всегда легко найти при этом оптимальное решение, так как реальные объекты часто располагаются так, что их исследование приводит к нарушению заранее запланированной схемы экспозиции. Ситуация усугубляется тем, что границы террас различных этапов не совпадают друг с другом. В подобных случаях решение принимается в зависимости от конкретной ситуации и, как научной, так и экспозиционной необходимости.

Значительную часть объектов, раскрываемых археологами, составляют земляные сооружения. Они могли быть выполнены из земли полностью или частично, однако, проблема их сохранения существует независимо от этого. На участке Р-25 открыто большое количество подобных сооружений. К ним относятся землянки, полуземлянки, погреба, ямы различного назначения, очаги, печи, глинобитные полы, трамбовки, сырцовые стены и проч. После неудачи спасения путем специальных пропиток слоевых оснований башен Западных оборонительных ворот и гончарного горна на участке Р-25 (см. выше), с сожалением следует констатировать, что пока мы не можем должным образом музеефицировать земляные сооружения и вынуждены консервировать их, засыпая грунтом (рис. 2-5). Не исключено, в будущем будут разработаны химические составы, способные надежно закреплять грунт на длительное время. Тогда будет вполне возможно освободить от засыпи законсервированные земляные сооружения и музеефицировать их. Именно по этой причине богатый на разнообразные земляные сооружения как погребального, так и культового назначения, некрополь Ольвии фактически не имеет экспозиции. В настоящее время известен практически единственный способ сохранения и музеефикации земляных сооружений – это создание над ними павильонов. Однако, это достаточно дорогостоящее мероприятие и, к тому же, сопряженное со сложностью введения павильона в общую экспозицию памятника [Крапивина, 2005, с. 44-45]. В связи с этим уникальная по конструкции и сохранности печь, раскрытая в одном из помещений дома IV в. н.э., была засыпана после исследования речным песком¹⁴, а затем перекрыта

¹⁴ Эта методика была предложена ранее химиками – реставраторами из МХТИ им. Д.И. Менделеева, в связи с тем, что песок является прекрасным абсорбентом влаги.

клифа, сохранилась крайне фрагментарно, в основном в виде развалов камня и выборков нового времени, однако, отдельные ее части прослеживаются на протяжении порядка 100 м. Северная часть раскрытой стены обрушилась в лиман в результате оползневых процессов, спасти ее было невозможно. В средней части стены выявлены остатки двухкамерной башни, сохранившимися размерами: 18,25 (север-юг) x 8,55 (запад-восток) м. Она была построена на стыке двух куртин, южная из которых поворачивала к западу. Северное помещение башни располагалось на уровне материка, который был специально для этого подрезан, южное было спущено вниз на 2 м, в естественную балку. Северное помещение сохранилось частично, полностью разрушена его восточная часть. От южного помещения сохранилась трамбовка, ограниченная с севера и востока кладками, с запада – траншеей с остатками кладки, с юга – траншеей. Единственная возможность сохранить башню и ввести ее в экспозицию состояла в том, чтобы поднять стены южного помещения на необходимую для этого высоту. При этом северная и западная стены были частично восстановлены до уровня подошвы северного помещения башни, а южная и восточная – до уровня внутренней трамбовки южного (рис. 8-10).

Близкая ситуация наблюдалась при раскрытии подпорных стен террас, помещений домов I-II вв. н. э. и конца II-III вв. н. э., винодельни I-II вв. н. э. Подпорные стены террас были дополнены на высоту, необходимую для сохранения расположенных выше остатков, т.е. до верхней террасы. Из помещений домов конца II-III вв. н. э. особый интерес представляло хозяйственное помещение, выявленное ниже домашнего святилища. Его восточная и частично южная стены сохранились на высоту свыше 2 м, западная была разобрана частично, а северная – полностью. С целью сохранения объектов, расположенных вокруг этого помещения, и введения его в экспозицию, все стены были восстановлены до высоты 2 м. Аналогичные работы были проведены при введении в экспозицию двух подвальных помещений дома I-II вв. н. э. Их стены были частично выбраны в новое время и сохранились на различную высоту. Стена, разделявшая помещения, была сильно наклонена и почти полностью обрушилась в процессе исследования. Западная стена совпала с бортом раскопа, северная и частично восточная ограничивали материковые борта котлована, южная была прослежена от уровня древнего гумуса, до уровня которого кладки и были восполнены. Юго-восточный угол был сооружен в культурном слое и кладки в этой части были решены в виде штробы. Стена, разделявшая помещения, не была восстановлена полностью, ее выложили в плане (рис. 13, 14). Впервые в Ольвии в экспозицию были введены помещения дома I-II вв. н. э. Все ранее открытые, крайне немногочисленные, остатки домов этого времени музеефицированы не были.

Стенки резервуара винодельни I-II вв. н.э. сохранились частично, были вырыты в материке и, если бы не были восстановлены, то разрушились бы полностью в результате природных воздействий, а это повлекло бы разрушение

ные полы помещений, окаймленные вместо стен траншеями. Ширина траншей – от 1,10 до 2,45 м, глубина – до 1-2 м. Никогда ранее в Ольвии дома этого времени не были выявлены более полно, что диктовало необходимость введения раскрытого объекта в экспозицию. В связи с дефицитом древнего камня, для обкладки глинобитных оснований помещений был использован современный местный пиленный известняк, который по своей структуре идентичен древнему, положенный в один слой. Внутренняя часть траншей была заполнена древним известняковым бутом. По верху, на ширину траншей, вся эта конструкция была перекрыта древним камнем (рис. 18). Таким образом, объект был сохранен и введен в экспозицию.

Траншеи от северной и западной стен винодельни совпали с бортом раскопа и постоянно разрушались. Их также укрепили кладками из современного известняка. Подпорные стены террасы были сооружены по этой же системе. Только так можно было предотвратить разрушение архитектурно-строительных комплексов, располагавшихся на верхней террасе. При этом следует подчеркнуть, что все кладки-новоделы были возведены только по линии траншей, образовавшихся в результате разборки древних стен. В том месте, где место подпорной стены террасы установить не удалось в результате сильного разрушения культурного слоя грабителями, с целью сохранения объектов на верхней террасе был сделан откос из мелкого и среднего известнякового бута, засыпанного отработанным грунтом. С целью спасения некоторых кладок, подрывных грабителями, были сделаны небольшие подпорные стены, примыкающие к их фундаментным рядам, которые затем также были перекрыты отработанным грунтом.

Следует отметить, что некоторые кладки, имеющие сильные выпучивания или уклон, превышающий допустимый, были переложены. Работы выполнялись в соответствии с рекомендациями, полученными ранее от химиков-реставраторов из МХТИ им. Д. И. Менделеева.

В целом используются следующие методы консервации. Во избежание усадки кладки, которая кладется по древним выборкам, делается неглубокий фундамент, который закрепляется цементным раствором, и на нем сооружается кладка стен. При этом по возможности, особенно при восполнении кладки, используются такие камни, которые по фактуре, форме, размерам соответствуют древним. Применяется только обрубка камней топором. Кладка делается насухо. Кроме того, что камни держатся за счет своей тяжести и тщательной подгонки друг к другу, с тыльной стороны они закрепляются цементным раствором. Затем делается забутовка из нескольких слоев, каждый из которых закрепляется раствором. Таким образом, кладка делается монолитной. Для предотвращения разрушения от погодных условий необходимо, чтобы она имела замкнутую форму [Беляев, 2005, с. 19].

Большой интерес представляют экспериментальные работы по консервации улицы-лестницы I в. н. э. и более ранних кладок, использованных при ее

сооружении, проведенные в Нижнем городе Ольвии, на участке НГФ (рис. 19). Для укрепления строительных остатков был применен рецепт раствора на основе песка, глины и цемента. Глину для раствора готовили следующим образом: сначала измельченную спондиловую (лиманную) глину заливали водой на сутки (из расчета одна часть глины, три части воды). После этого хорошо вымешивали и оставляли еще на 5-6 часов. Раствор готовили из расчета: два ведра речного песка с ракушками, половина ведра цемента, одно ведро вымешанной глины. Приготовленным раствором с добавлением фрагментов мелкодробленой керамики и мелкого известнякового бута были заделаны и замазаны швы между плитами и камнями ступенек. На вышеописанном растворе, мелким и средним известняковым бутом, фрагментами керамики были дополнены выбранные части ступенек. Этим же раствором промазаны швы кладки, подпирающей лестницу с северной стороны и перпендикулярной ей кладки¹⁸.

Итак, Ольвийской экспедицией Института археологии НАН Украины и НИАЗ «Ольвия» НАНУ проводится большой объем работ по консервации и, по возможности, музеефикации раскрываемых архитектурно-строительных остатков. В частности, на участке Р-25 введены в экспозицию под открытым небом следующие разновременные объекты: восточное помещение металлообрабатывающей мастерской V – третьей четверти IV вв. до н. э., план храма, сооруженного в последней четверти IV в. до н. э., две винодельни – I-II вв. н. э. и III в. н. э., подпорные стены террас I-III вв. н. э., помещения жилых домов I-IV вв. н. э., здание общественного назначения конца III в. н. э., участок оборонительной стены с башней конца II-III вв. н. э. Однако это только предварительная музеефикация участка. Полная его музеефикация предполагает проведения реставрационных работ специализированными реставрационными учреждениями в соответствии с Законами Украины «Об охране культурного наследия» (2000 г.) и «Об охране археологического наследия» (2004 г.) и требует специального финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев А.С.* Из опыта консервационно-реставрационных работ в Ольвии // Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов. Материалы международного colloквиума. – Керчь, 2005. – С. 14-18.
- Крапивина В.В.* Консервация и музеефикация памятников Нижнего Побужья. Состояние и проблемы // Материалы заседаний координационного совета «Ольвия и ее сельская округа» в 1991 г. Препринт. - Николаев, 1992. – С. 11-18.
- Крапивина В.В.* Краткие итоги работ на участке Р-25 в Ольвии в 2000-2001 годах // Археологічні відкриття в Україні у 2000-2001 рр. - Київ, 2002. – С.140-151.

¹⁸ Работы проводились под руководством скульптора-керамиста И.Васильева (г. Санкт-Петербург, Россия).

- Крапивина В.В.* К проблеме сохранения и музеефикации земляных сооружений // Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов. Материалы международного коллоквиума. – Керчь, 2005. - С. 44-45.
- Крапивина В.В.* Металлообрабатывающая мастерская в Ольвии и ее связь со святилищем Афродиты // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений. – Керчь, 2007. – С. 188-194.
- Крапивина В.В.* Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии // Понтика 2006. Новейшие исследования греческих колоний Северного Причерноморья. Краков, 2008. – С. 95-110.
- Крапивина В.В.* О природном разрушении южной части Верхнего города Ольвии и перспективах ее исследования // «X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы». Керчь, 2009. — С. 233-239.
- Крапивина В.В., Буйских А.В.* Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982-1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья.- Одесса, 1997.– С. 122-127.
- Крапивина В.В., Буйских А.В.* Исследования в юго-восточной части римской цитадели Ольвии (участок P-25) в 2004-2005 гг. // АДУ 2004-2005 рр. – Київ-Запоріжжя, 2006. – С. 230-237.
- Мацаев А.Ю.* Музеефикация и консервация объектов культурного наследия в современной законодательной базе Украины // Античный город: проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов. Материалы II Международного коллоквиума. – Керчь, 2007. - С. 28-31.

В.В. Крапивіна

ДОСВІД МУЗЕЄФІКАЦІЇ АРХІТЕКТУРНО-ПОБУТОВИХ КОМПЛЕКСІВ В ОЛЬВІЇ (НА ЗРАЗКУ ДІЛЯНКИ P-25)

Резюме

Археологічні дослідження стаціонарних пам'яток, особливо тих, які є заповідниками, потребують високої відповідальності від дослідників. Тут особливо важливо проведення необхідних консерваційних заходів з метою забезпечення збереження відкритих об'єктів, а, по можливості, і введення їх в експозицію.

Роботи Ольвійської археологічної експедиції Інституту археології НАН України, особливо в останні тридцять років, спрямовані в основному на проведення охоронних розкопів. В зв'язку з цим основними об'єктами робіт експедиції стали ділянки, розташовані в найбільш зруйнованих ерозією та процесами зсуву зон Ольвії, в тому числі і ділянка P-25. Вона розташовується в південно-східній частині Верхнього міста Ольвії, вздовж берегової лінії лиману, частина оборонних споруд вже порушена обривом берегового клифу. Площина ділянки складає біля 4000 кв. м, тут розкриті різноманітні будівельні залишки від VI ст. до н.е. до IV ст. н.е. Разом з польовими дослідженнями проводиться великий об'єм робіт по консервації та, по можливості, музеефікації розкритих об'єктів. Зокрема, вже введені в експозицію під відкритим небом слідує об'єкти: східні приміщення металообробляючої

майстерні V – IV ст. до н.е., план храму, спорудженого в останній чверті IV ст. до н.е., дві виноробні – I-II ст. н.е. та III ст. н.е., підпірні стіни терас I-III ст. н.е., приміщення житлових домів I-IV ст. н.е., будівля громадського призначення кінця III ст. н.е., ділянка оборонної стіни з баштою кінця II-III ст. н.е. Однак це тільки попередня музеефікація ділянки.

В.В. Крапивина

ОПЫТ МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ОЛЬВИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТКА Р-25)

Резюме

Археологические исследования стационарных памятников, особенно тех, которые являются заповедниками, требуют повышенной ответственности от исследователей. Здесь особенно важно проведение необходимых консервационных мероприятий с целью обеспечения сохранности раскрытых объектов, а, по возможности, и введение их в экспозицию.

Работы Ольвийской археологической экспедиции Института археологии НАН Украины, особенно в последние тридцать лет, направлены в основном на проведение охранных раскопок. В связи с этим основными объектами работ экспедиции стали участки, расположенные в наиболее разрушаемых эрозией и оползневыми процессами зонах Ольвии, в том числе и участок Р-25. Он располагается в юго-восточной части Верхнего города Ольвии, вдоль береговой линии лимана, часть оборонительных сооружений уже нарушена обрывом берегового клифа.

Площадь участка составляет порядка 4000 кв. м, здесь раскрыты разнообразные строительные остатки от VI в. до н. э. по IV в. н. э. Вместе с полевыми исследованиями проводится большой объем работ по консервации и, по возможности, музеефикации раскрываемых объектов. В частности, уже введены в экспозицию под открытым небом следующие объекты: восточное помещение металлообрабатывающей мастерской V – третьей четверти IV вв. до н. э., план храма, сооруженного в последней четверти IV в. до н. э., две винодельни – I-II вв. н. э. и III в. н. э., подпорные стены террас I-III вв. н. э., помещения жилых домов I-IV вв. н. э., здание общественного назначения конца III в. н. э., участок оборонительной стены с башней конца II-III вв. н. э. Однако это только предварительная музеефикация участка.

V.V. Krapivina

MUSEUM CONSERVATION OF ARCHITECTURAL AND ENGINEERING FACILITIES EXPERIENCE IN OLBIA (FOR EXAMPLE, PLOT R-25)

Summary

Archaeological investigations of stationary monuments, especially those which are reserves, demand increased accountability from researchers. It is particularly important to undertake the necessary conservation measures to ensure the safety of uncovered objects, and, if possible, to introduce them to the exposition.

Work of Olbian archaeological expedition of the Archaeological institute of the National Academy

of Sciences of Ukraine, especially in the last thirty years, has been primarily directed at the security excavations. In this regard, the main objects of the expedition were plots located in the most destroyed by erosion and landslide processes zones of Olbia, including plot R 25. It is located in the southeastern part of the Upper Town of Olbia, along the coastline of the estuary. Steep coastal cliffs have already destroyed a part of the defensive structures. The area of the plot is about 4,000 m². Various building remnants from the 6th century BC up to the 4th century AD have been disclosed there. Large amount of conservation work and, if possible, museum conservation of uncovered objects is being held in conjunction with field studies. In particular, following facilities have been introduced in the exposition already: east building of a metal workshop dating to the 5th century – the third quarter of the 4th century DC, the plan of the temple built in the last quarter of the 4th century BC, two wineries dating to the 1st – 2nd cc. AD and the 3rd century AD, retaining walls of terraces dating to the 1st – 3rd cc. AD, dwelling houses facilities dating to the 1st – 4th cc. AD, a public building dating to the end of the 3rd century AD, a part of a defensive wall with the tower dating to the end of the 2nd – the 3rd cc. AD. However, this is only a preliminary museum conservation of the plot.

Рис. 1. Общий вид Ольвии с вертолета, на переднем плане участки И, НГС (фото А. Кремко).

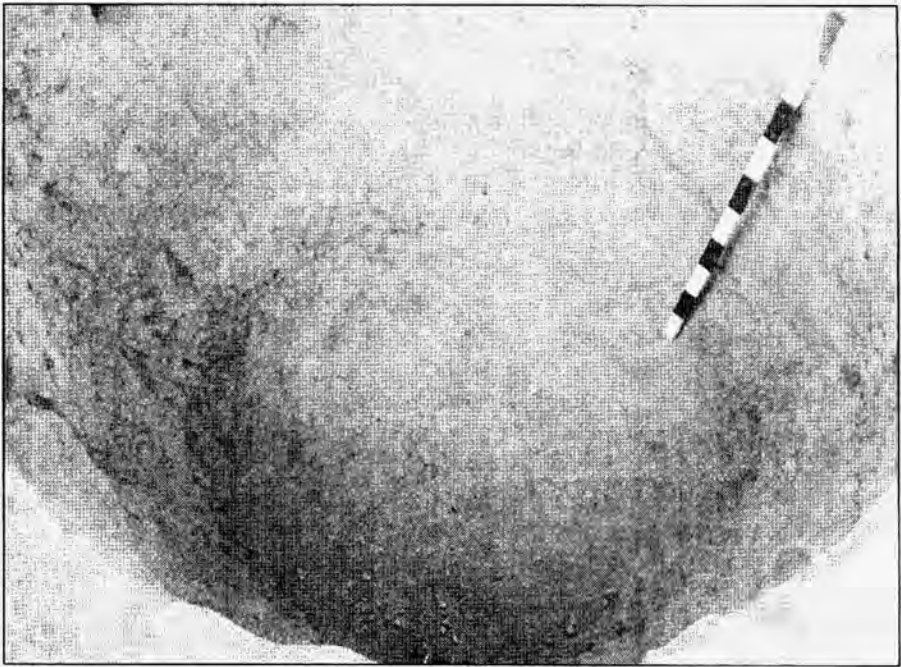

Рис. 2. Ольвия, участок Р-25, зерновая яма I – начала II вв. н. э. до консервации.

Рис. 3. Ольвия, участок Р-25, зерновая яма I – начала II вв. н. э. после консервации.

Рис. 4. Ольвия, участок Р-25, ямы I и III вв. н. э. до консервации.

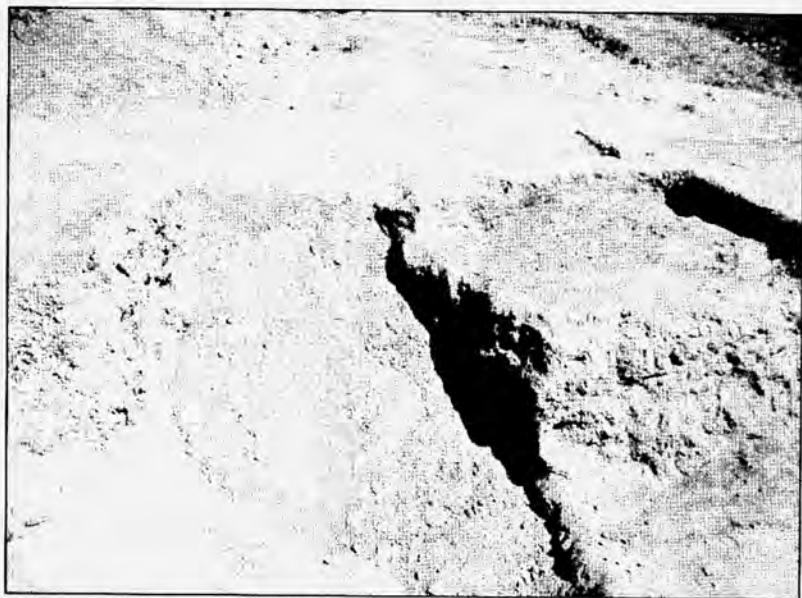

Рис. 5. Ольвия, участок Р-25, ямы I и III вв. н. э. после консервации.

Рис. 6. Ольвия, участок Р-25, консервация землянки VI в. до н. э., вырытой от уровня древнего гумуса и борта раскопа.

Рис. 7. Ольвия, участок Р-25. Вымостка Главной улицы III-IV вв. н. э. и ограждающие ее камни.

Рис. 8. Ольвия, участок P-25, остатки южного помещения оборонительной башни конца II-III вв. н. э. до консервации.

Рис. 9. Ольвия, участок P-25, остатки южного помещения оборонительной башни конца II-III вв. н. э. после консервации.

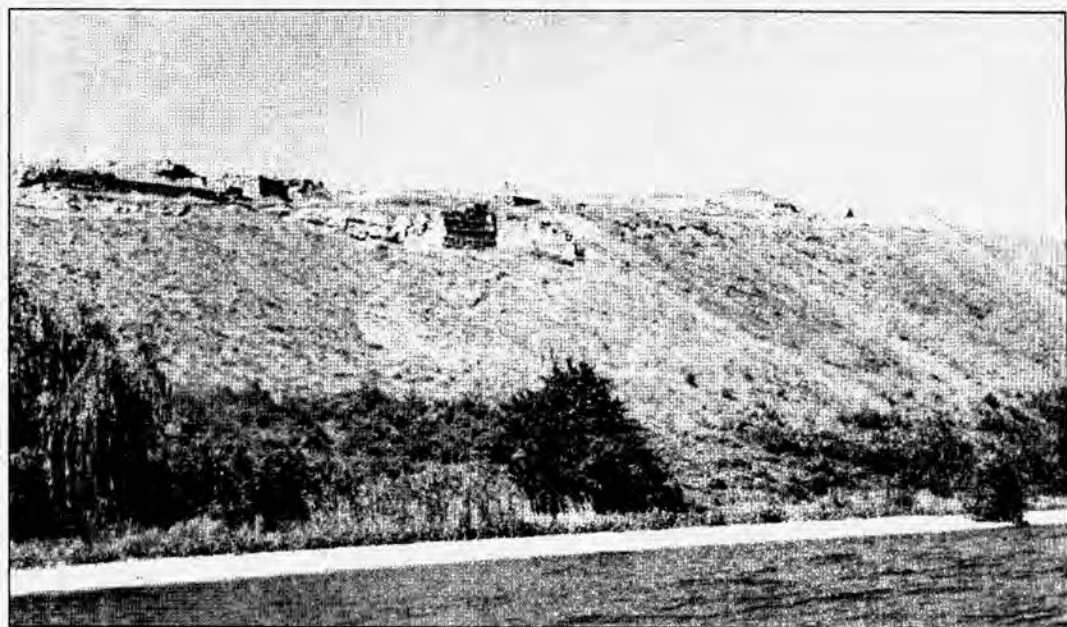

Рис. 10. Олевия, участок Р-25, общий вид с лимана.

Рис. 11. Олевия, участок Р-25, общий вид северной части Верхней террасы в процессе исследования.

Рис. 12. Ольвия, участок P-25, общий вид северной части Верхней террасы после консервации.

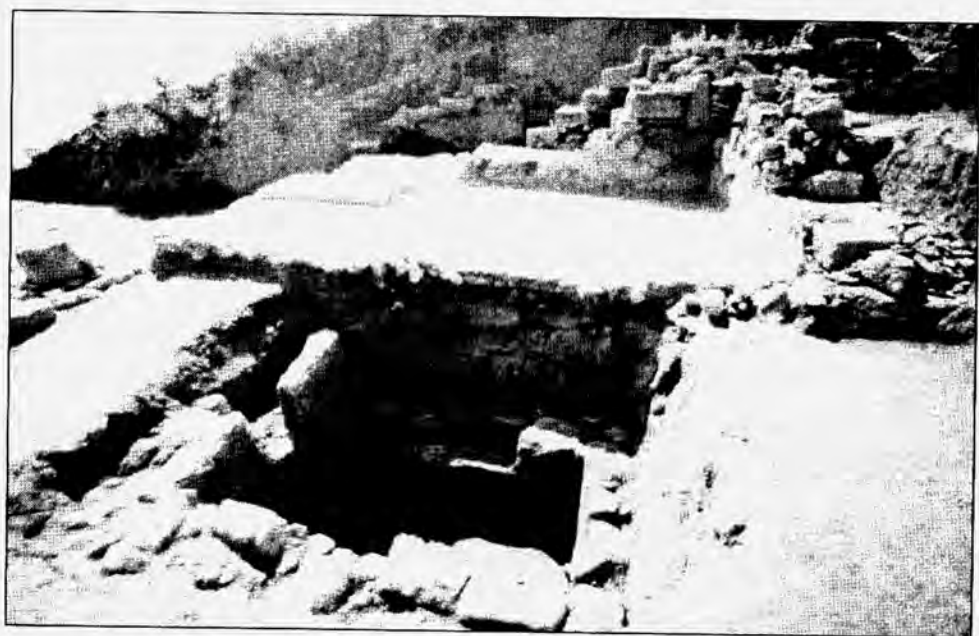

Рис. 13. Ольвия, участок P-25, винодельня I-II вв. н. э. до консервации.

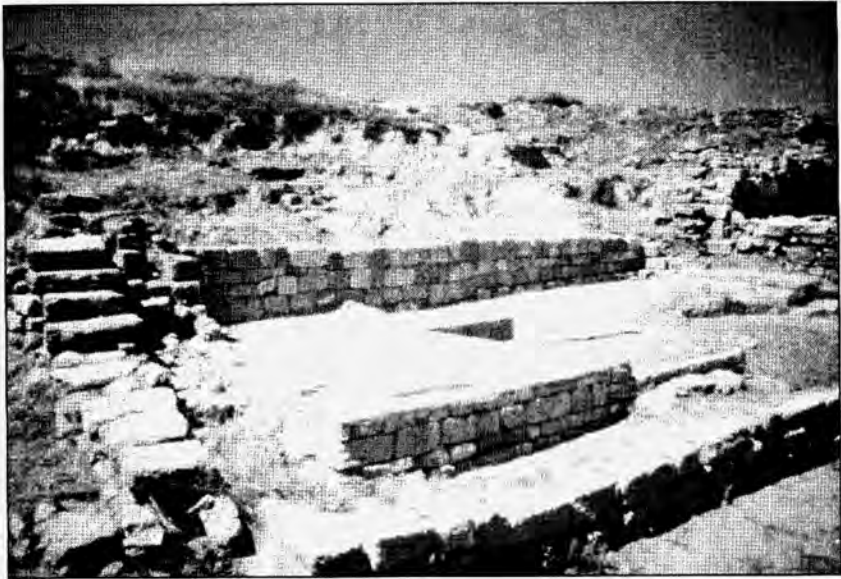

Рис. 14. Ольвия, участок Р-25, винодельня I-II вв. н. э. после консервации.

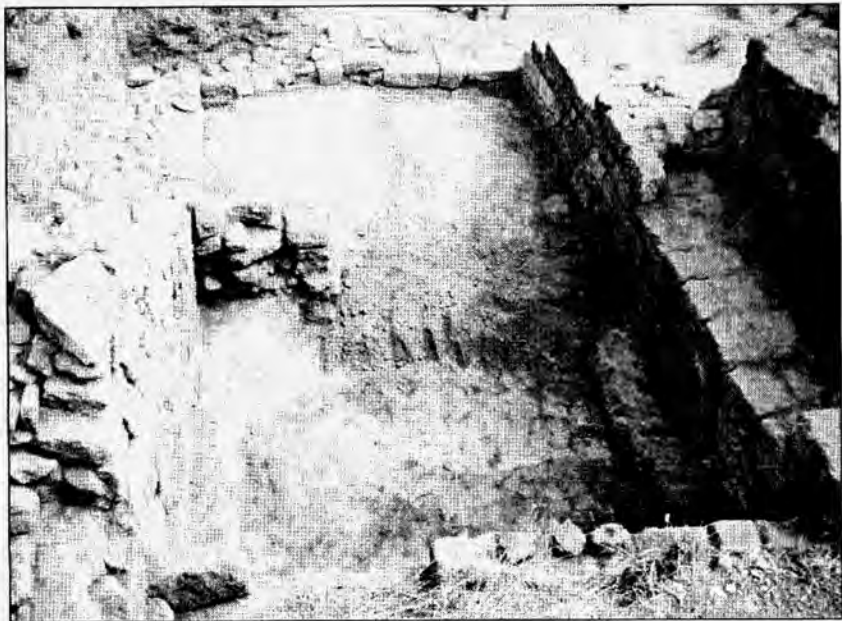

Рис. 15. Ольвия, участок Р-25, подвальные помещения дома I-II вв. н. э. до консервации.

Рис. 16. Ольвия, участок P-25, подвальные помещения дома I-II вв. н. э. после консервации.

Рис. 17. Ольвия, участок P-25, остатки дома IV в. н. э. до консервации.

Рис 18. Ольвия, участок P-25. остатки дома IV в. н. э. после консервации.

Рис. 19. Ольвия, участок НГФ. Кладка лестницы I в. н. э. после консервации.

С.Д. КРЫЖИЦКИЙ, Н.А. ЛЕЙПУНСКАЯ

ОБОСНОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПЛАНИРОВКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ДОМОВ НА УЧАСТКЕ НГС В ОЛЬВИИ¹.

Участок НГС находится в северо-восточном углу Нижнего города Ольвии, подверженном плохо прогнозируемым оползневым процессам. При совпадении действия неблагоприятных факторов климатического или тектонического происхождения здесь в любой момент могут произойти разрушения культурного слоя и гибель строительных остатков. Это и определило необходимость проведения здесь охранных раскопок.

Работы проводились на всей площади оползневой зоны, не доходя на западе нескольких метров до тылового шва оползня. Дальнейшее продолжение раскопок в западном направлении было признано нецелесообразным в связи с возникающей в этом случае угрозой разрушения террасной части Ольвии. Это обусловило то, что западные части кварталов, примыкающие к подножию террасного города, были раскопаны только частично.

В результате работ на этом участке в 1985-2006 гг. под руководством Н.А. Лейпунской, раскоп протянулся вдоль берегового клифа на 90 м (рис. 1)². Здесь, примерно на одной трети гектара, открыты многочисленные строительные остатки, главным образом, эллинистического времени. Более ранние кладки стен, вымостки и полы, датируемые, в основном, IV в. до н.э., реже – V в. до н.э., раскопаны только под полами некоторых наземных и подвальных помещений эллинистического времени, не подлежащих сносу в связи с их важностью для экспозиции. Планировочная сетка этих ранних остатков не всегда совпадает с эллинистической, а сами они настолько фрагментарны, что не дают возможности для какой-либо реконструкции их планов. Кроме того, на участке раскрыты остатки также двух полуземлянок, датирующихся не позднее, чем началом V в. до н.э. Одна из них находилась под юго-восточным подвалом дома IV – 4 (центральный квартал), вторая – в квартале V (восточный квартал). Крайне разрознены и принципиально отличны от классико-эллинистических

¹ Полное издание реконструкций домов участка НГС с учетом их пространственной структуры и характеристика сопровождающего их археологического материала планируется в совместном украинско-датском проекте, где Украину представляет Институт археологии НАН Украины, а Данию anish National Research Foundation's centre for Black Sea Studies при университете Орхуса.

² Все обмерные планы подготовлены А.В. Карякой.

слоев строительные остатки первых веков н.э. Это вторжения неустановленного назначения, развалы камня, незначительные фрагменты кладок и вымосток, остатки печины и т.п. Лучше других сооружений этого времени сохранились поды двух печей, являвшихся, скорее всего, зерносушилками, располагавшимися в северной части участка рядом с северной оборонительной стеной.

Исходя из сказанного, становится очевидным, что получить более или менее полное представление о планировке кварталов и домов рассматриваемого участка можно только для эллинистического времени, чему и посвящена настоящая работа.

Из исследованных шести кварталов эллинистического времени (рис. 1а) только 2: центральный (IV) и северный (II) раскопаны полностью. Северная треть северного квартала³ уничтожена оползнем и частично береговым клифом. С восточной стороны северного квартала сохранился фрагмент вымостки восточной продольной улицы только у его юго-восточного угла. Южный квартал (VI), уходящий в западный борт раскопа, где почти сразу же начинается крутой подъем террасной части города, раскопан почти целиком. Два квартала – северо-западный (I) и западный (III) раскопаны лишь частично. Восточный квартал (V) почти полностью уничтожен в результате разрушения берегового клифа и эрозии примыкающей к нему территории, явившейся следствием разрушения окопов Второй мировой войны. Сохранились лишь узкой полосой вдоль восточной продольной улицы, начиная примерно от середины центрального квартала и далее к югу, крайне разрозненные строительные остатки – фрагменты стен и полов подвалов эллинистического времени, не позволяющие в какой-либо степени реконструировать планировку существовавшей здесь некогда застройки. Поэтому установить размеры восточного квартала и определить, располагался ли здесь один или несколько кварталов, невозможно.

Кварталы разделялись тремя поперечными (запад-восток) и двумя продольными (север-юг) улицами. Одна из них, – западная продольная, – в плане имеет уступ: ее южная часть, расположенная между западным и центральным кварталами, сдвинута примерно на 7 м к востоку относительно северного отрезка, проходящего между северо-западным и северным кварталами. Ширина улиц различна: 1,5-2,7 м (до 3,6 м) и не одинакова на протяжении каждой отдельной из них. Вымостки состоят из битой керамики, местами дополняются щебнем и бутом. Продольные улицы располагаются параллельно основанию восточного склона террасной части города, имея азимут в пределах в основном 25 - 30° N-O.

³ Продольные улицы имеют отклонение от строго северной ориентации к востоку примерно на 30°. Соответственно на близкую величину отклоняются от восточной ориентации к югу поперечные улицы. Здесь и ниже, в целях упрощения изложения касаясь определения той или иной стороны кварталов, домов, ориентации входов и т.п., мы будем упоминать только основные направления – север, юг, запад, восток.

Дома северо-западного квартала (I).

Здесь открыты наземные остатки четырех домов, относящихся к трем строительным периодам квартала в целом (рис. 2). Среди них только дом I – 1 функционировал на протяжении всего эллинистического этапа. Одновременно с ним был возведен дом I – 2 (помещения № 119, 150). Глубины заложения полов обоих домов примерно совпадают. Однако, их планировочные сетки повернуты одна относительно другой на 10° . Ко второму строительному периоду квартала относится дом I – 3 (помещения № 46, 49). Стены его комнат подходят вплотную к северной стене № 44 дома I – 1. Разница в глубине заложения полов этих домов различна (в доме I – 3 они залегают почти на полметра выше, чем в доме I – 2). Ориентация планировки дома I – 3 соответствует дому I – 1. В третьем строительном периоде квартала строится дом I – 4, от которого сохранились остатки только одного помещения № 125а. Уровень его полов выше дома I – 3 на метр с лишним. В этом помещении сохранились остатки вымостки, что позволяет предполагать возможность его использования в качестве двора.

Первый строительный период квартала относится к III в. до н.э., второй – к концу III – началу II вв. до н.э. и третий – к II – началу I вв. до н.э. Среди перечисленных строительных остатков частичной реконструкции поддается планировка только дома I – 1.

Дом I – 1 (первоначальное наименование НГС-2)⁴.

От дома до нас дошли остатки относительно хорошо сохранившихся практически всех наземных стен. Находится на перекрестке западной продольной и северной поперечной улиц. Раскопана наземная восточная часть дома с внутренним двором (№ 9) и тремя помещениями (№ 36, 10, 98). Южная и восточная наружные границы дома определяются улицами, северная проходит по кладке № 44. Два крытых слегка заглубленных помещения располагаются к северу от внутреннего двора, вымощенного необработанным камнем. Вход в восточное помещение вел из двора. Оба помещения соединялись между собой дверным проемом. К западу от помещения № 10, в борт раскопа, уходит еще одно помещение – № 98. В юго-восточном углу двора находилась небольшая хозяйственная пристройка № 97 площадью около 2 кв. м, возможно, для содержания домашнего скота. В первом строительном периоде вход во двор располагался в южной стене дома, в ней прослежен заклад дверного проема (рис. 3). Во втором строительном периоде дома вход во двор был устроен с востока – с западной продольной улицы.

Площадь дома, исходя из раскрытой части его северной стены, была не менее 90 кв. м, от которой двор занимал около 23 %. По-видимому, во время функционирования этого дома его площадь была больше на четверть или треть, учитывая то, что помещение № 98 уходит в борт раскопа и в пользу чего могут косвенно свидетельствовать примерные пропорции ольвийских эллинистических домов (рис. 4).

⁴ Индексация домов дана исходя из анализа, проведенного после завершения их раскопок.

Дом был обычным жилым домом, очевидно, не очень зажиточного хозяина – об этом говорит относительно небольшая площадь дома, отсутствие подвалов, небольшие размеры помещений, посредственное качество конструкций.

Дома северного квартала (II).

Квартал отличается, особенно в его восточной половине, весьма разрушенным состоянием и малым количеством наземных строительных остатков. Взаимное расположение внутренних дворов и «длинных» (общих для смежных домов) стен, дает основания предполагать, что квартал делился на три части (рис. 5): южную (дом НГС-1 по первоначальному наименованию), которая имела ширину (по линии север-юг) 13-16 м, центральную (дом НГС-3 по первоначальному наименованию) шириной около 13 м, и северную (дом НГС-4 по первоначальному наименованию), в которой строительные остатки сохранились на ширину до 11 м (северный край квартала уничтожен оползнем).

Крайняя фрагментарность строительных остатков в северной трети квартала (помещение № 214, вымостка № 166, кладки стен №№ 167, 168, 193, 194 и др.) не дает возможности предложить реконструкцию планировки домов, находившихся здесь. Можно только предполагать, что на севере квартал доходил непосредственно до северной оборонительной линии, уничтоженной вплоть до слоевых оснований, по-видимому, еще в древности. Теоретически здесь могли располагаться один или два дома (II – 1 и II – 2).

Северная и центральная трети квартала разделялись кладками №№ 122, 172 и 161 (рис. 5). Разница в глубине заложения каменных вымосток, расположенных к югу (№ 78) и северу (№ 166) от этой границы, составляет около 0,4 м. В центральной трети выделяется два дома – II – 3 и II – 4⁵. От южной трети квартала западная половина средней части отделяется по линии стен №№ 114, 102, 91, 65, а восточная – по створу с перечисленными стенами. Наличие здесь границы между домами находит подтверждение также в том, что помещения №№ 53, 58, 67 имеют дверные проемы, выходящие на север – во двор дома II – 3.

В отличие от центральной части квартала (там в связи с хорошей сохранностью остатков третьего строительного периода нижележащие слои почти не исследовались) в его южной трети в связи с высокой степенью руинизации наиболее поздних строительных остатков удалось исследовать и более ранние слои на относительно большой площади. Это дало возможность выделить дома всех трех строительных периодов, хотя восстановление их границ и внутренней планировки возможно только частично. К первому, наиболее раннему, строительному периоду квартала относится дом II – 5. Следующим за ним по времени, судя по уровням полов и вымосток, явился дом II – 6. Не исключено, что он, возможно, сосуществовал какое-то время с более ранним домом II – 5. Наиболее поздним, перекрывшим остатки двух предыдущих домов, стал дом II – 7. Разница в высотных отметках между алтарной площад-

⁵ Предполагаемые дома в северной трети условно обозначены как II – 1 и II – 2.

кой дома II – 5, а также полом его наземного помещения № 294 и вымосткой двора дома II – 7, составляет около 0,8 м. Промежуточное положение между этими двумя уровнями занимает дневная поверхность дома II – 6.

Следует подчеркнуть, что происходившие при перестройках изменения были весьма существенными и свидетельствуют об отсутствии преемственности в планировке при последующих перестройках. Так, например, под домом наиболее позднего периода II – 7 в его юго-западном углу не сохранились вообще какие-либо строительные остатки первого или второго строительных периодов квартала. Иначе говоря, здесь могло быть вообще незастроенное пространство. На месте подвала № 390 дома II – 5, относящегося к первому строительному периоду квартала, в позднее время появился большой двор дома II – 7 с каменной вымосткой № 1. Планировка же последнего в его восточной части коренным образом отличается от планировочной сетки предшествующего ему дома II – 6. Все это нетипично для ольвийского жилищного строительства и дает существенные основания предполагать, что в данном случае мы имеем дело не с перестройкой одного и того же дома, а со строительством разных домов.

Дом II – 3 (первоначальное наименование НГС-3, западная часть)⁶.

Вход в дом вел с западной продольной улицы, с которой попадали во внутренний двор по небольшой лестнице через протирон. Позднее, когда дом, по-видимому, уже прекратил свое существование и на его остатках появились разрозненные постройки, дверной проем и северная стена (№ 122) были перекрыты каменным закладом. Западная часть дома в результате оползневых процессов просела с уклоном к западу, что хорошо прослеживается по подвалам №№ 89 и 92, стены которых наклонены к западу. На востоке дом примыкал к соседнему дому II – 4. Граница между этими домами проходила по кладкам №№ 130 и 184. Южной границей дома являются кладки № 114, 102, 91 и 65 (рис. 5).

Северную границу дома образовывала стена № 141. В пользу этого свидетельствуют обнаруженные у стены № 161 (находившейся в створе с кладкой № 122, параллельной стене № 141), разделяющей дома II – 2 и II – 4, остатки ложа канала № 162 и водостока № 215. Водосток проходил под стеной № 161 и отводил воду из предполагаемого дома II – 1 в сторону упомянутого канала. Расположение этих объектов дает основание предполагать, что между домами II – 1,2 и II – 3,4, аналогично домам Олинфа, мог существовать узкий промежуток для отвода атмосферных осадков. В пользу этого косвенно говорит следующее: наличие водостока № 215, отводившего воду из домов северной части квартала в этот промежуток; наличие ряда плит № 162, которые продолжают направление водостока № 215 и напоминают по своему устройству ложе канала; близкое расположение к стене, разделяющей дома II – 4 и II

⁶ Предполагаемые дома 1 (или 1 и 2) здесь не рассматриваются ввиду фрагментарности их остатков и лишь частично открытой площади.

– 2, северной стены № 241 первого периода существования подвала № 243 (этого расстояния недостаточно для устройства еще одного помещения, но вполне хватает для ливнеотвода и северной стены дома II – 4).

Стена № 141 сохранилась только лишь на длину протирона. Ее остатки отсутствуют и на территории дома II – 4. Однако, в пользу того, что она действительно здесь в античное время проходила, помимо сказанного, свидетельствует то, что на всем протяжении стены № 161 (а это около 10 м) отсутствуют какие-либо остатки кладок, подходивших к ней с юга. Иначе говоря, продолжение к востоку стены № 141, вместе с синхронными ей остатками, было полностью уничтожено. Полоса уничтожения шириной местами до 4 м захватила и северную часть дома II – 4. Наличие такого санитарного промежутка между домами северной и центральной частей квартала находит косвенное подтверждение и при анализе возможной ориентации скатов крыш расположенных рядом домов.

Двор № 78, мощеный камнем, находился почти в центре дома. К западу и юго-западу от него располагались помещения над подвалами №№ 89 и 92 (рис. 6). С юга – помещения №№ 59, 58, 67. Первоначально помещения №№ 58 и 67 были разделены, а впоследствии объединены в одно целое. Их полы были примерно на три десятка сантиметров заглублены относительно двора. Каждое из них имело самостоятельный выход во двор. С востока двор ограничивали помещения № 129 и располагавшиеся к северу от него еще одно-два помещения. Эти комнаты, синхронные помещению № 129, не сохранились, но в пользу того, что они действительно существовали, свидетельствуют остатки стены № 109, расположенной в створе с западной стеной помещения № 129, и заменившее их в третьем строительном периоде помещение № 144. От него сохранились остатки двух стен №№ 90 и 110, расположенные таким образом, чтобы обеспечить возможность устройства выхода во двор из помещения № 129.

Имеются основания предполагать, что к северу от двора мог находиться портик. В этом месте вымостка двора № 78 не выходит к северу за пределы створа с южной стеной протирона № 131. Отсутствуют и какие-либо строительные остатки в пространстве между вымосткой № 78 и северной стеной дома, проходившей в створе с кладками №№ 122, 161. Это говорит о том, что в данном месте могло находиться крытое помещение или портик. В пользу последнего говорят вытянутые пропорции этого помещения и в особенности его небольшая ширина, равная примерно 2,5 м. Расположение такого портика с северной стороны двора вполне логично и отвечает греческой традиции, тем более, если учесть отсутствие с этой стороны обычных жилых комнат. Следует, однако, иметь в виду, что термин «портик» в данном случае несколько условен, поскольку он вряд ли имел обычное для греков архитектурное ордерное воплощение. Никаких находок архитектурных деталей здесь сделано не было (их и на всем участке было найдено всего шесть). Это мог быть навес, открывающийся на юг в сторону двора и опирающийся на деревянные стойки.

К наиболее раннему строительному периоду относятся подвальное помещение № 89, лестница № 142, северные (№№ 141, 122) и южные (№№ 91, 65) наружные стены дома. Ко второму – подвал № 92, южная и восточная стены подвала № 92 (№№ 114, 54), наземные кладки №№ 74, 109. Как уже отмечалось, два строительных периода прослежено в помещении № 58-67, которое в первом периоде было разделено кладкой № 66 на две части, а во втором периоде компартименты №№ 58 и 67 были объединены. К третьему – остальные строительные остатки, показанные на плане, в частности, помещение № 144⁷. Однако, все эти перестройки носили преемственный характер – более ранние стены или их части продолжали использоваться и позднее. Это, учитывая датировку сопровождающего материала, дает основания предполагать одновременность функционирования на определенном отрезке времени перечисленных выше элементов.

Прямые данные о функциональной связи между собой отдельных помещений – остатки дверных проемов – сохранились только в помещениях №№ 59 и 58-67. Сохранность западной стены помещения № 59 и восточной стены помещения № 58-67 на высоту до полуметра говорит о том, что помещение над подвалом № 92 сообщалось с двором через помещение № 89, а комната № 129 непосредственно выходила во двор. Остальные дверные проемы в реконструкции намечены условно, исходя из косвенных соображений.

В рассмотренном доме не совсем обычно расположение основной группы жилых помещений №№ 89, 92 – они находятся к западу от двора. К северу же от него размещался, как уже говорилось, скорее всего, портик (в силу малых размеров вряд ли здесь могло находиться обычное жилое помещение). Тем не менее, по остальным своим характеристикам дом вполне отвечает категории безордерных жилых домов малой площади типичной схемы с равнозначно параллельным принципом планировки (рис. 7).

Дом, очевидно, принадлежал достаточно зажиточному хозяину. Об этом говорит как довольно большая площадь дома – около 190-200 кв. м, так и большой двор (19-20% от площади застройки) с навесом-портиком, значительное число помещений – около 10, в том числе два подвала, различный характер использования помещений и разделение их хозяйственных функций, возможное использование одного из подвалов не только как хозяйственного, но и для ритуальных трапез, наличие довольно большого количества импортной посуды, металлических изделий, монет.

Дом II – 4 (первоначальное наименование НГС-3, восточная часть).

⁷ На территории этого дома были обнаружены еще более поздние, чем помещение № 144, весьма фрагментированные строительные остатки (кладки №№ 95 и 79, располагавшиеся на вымостке № 78, развал кладки над восточными концами стен №№ 122 и 141 и др.). Однако, полное несовпадение их планировки (в том числе поворот планировочной сетки) с более ранними остатками и более высокое стратиграфическое положение позволяет отнести их возникновение к первым векам н. э. Конкретной интерпретации они не поддаются.

На участке, на котором находятся остатки дома II – 4, прослеживается значительное число оползневых трещин, а для кладок стен характерны деформации в виде вертикальных трещин и расслоения. Восточная треть дома разрушена береговой абразией, не сохранились строительные остатки и в его южной и центральной частях – они были уничтожены выборками новейшего времени и окопами во время Второй мировой войны. Среди объектов, которые можно связать с этим эллинистическим домом, имеются остатки наземных помещений №№ 176, 220, подвала № 243 (второй период), вымостки двора № 177, наземной западной стены дома № 130, каменного ложа канала № 162. Кладка № 182 относится к более раннему времени (IV в. до н.э.), остатки полукруглого сооружения № 189 и кладки № 226 – к более позднему. Перечисленные конструкции все же позволяют определить наружные границы дома и местоположение его внутреннего двора.

Западная граница дома проходила по кладкам №№ 130, 184, северная – по створу со стеной № 141 (в доме II – 3), вдоль южного края ложа канала № 162. С восточной стороны дом ограничивался восточной продольной улицей, которая в месте расположения дома уничтожена береговой абразией. Однако западную красную линию улицы можно установить по створу с восточной стеной № 160 подвалов №№ 195, 202, принадлежавших дому II – 6 и расположенному южнее в этом же квартале. К востоку от этих подвалов были выявлены остатки вымостки восточной продольной улицы. То, что эта улица к северу от упомянутых подвалов на протяжении северного квартала не меняла своего направления, находит косвенное подтверждение в относительной параллельности меридиональных стен практически всех домов квартала, в том числе и помещения № 176, а также подвала № 243 дома II – 4. В реконструкции планировки дома подвал № 243 передвинут на 0,4 м к западу (относительно изображения на обмерном чертеже). Это сделано с целью компенсировать суммарную деформацию от широких трещин в грунте оползневого происхождения между подвалом и помещением № 176.

Южная граница дома могла располагаться в промежутке между стенами №№ 145 и 145а, принадлежавшими соседнему дому II – 6, и створом с кладками №№ 91, 65. Однако ее точное местонахождение установить невозможно, поскольку в образованном этими двумя граничными линиями промежутке строительные остатки полностью уничтожены окопом. На основании косвенных данных нам представляется более вероятным предполагать, что южная граница дома проходила в створе со стенами №№ 91, 65. В пользу этого говорит местоположение вымостки № 104, принадлежащей соседнему дому II – 5. Эта вымостка синхронна южной стене дома II – 4 (кладка № 65) и располагается поперек створа с западной стеной дома II – 4 (кладка № 130). Иначе говоря, западная стена дома II – 4 не могла продолжаться далее к югу, она доходила только до вымостки № 104, вдоль которой с севера проходила южная стена дома II – 4. Образующийся в этом случае между домами II – 4 и II – 6

переулок-тупик, по-видимому, объясняется необходимостью устройства прямого прохода к дому II – 5 (об этом см. ниже). Подобный проход был обнаружен, в частности, в верхнем городе Ольвии в центральном квартале в районе агоры [Крыжицкий, 1971, рис. 30].

Местоположение на местности вымостки № 177, помещения №№ 176, 220 и подвала № 243 (от второго строительного периода подвала сохранились только фрагмент его северной стены № 241, основание под южную стену и подрезка котлована под западную стену) дают основания считать, что внутренний двор должен был располагаться в юго-западной части дома, а крытые помещения – к северу и, возможно, к востоку от двора. В связи с этим отметим, что южная стена подвала № 243 находится в створе с южной стеной помещения № 176, таким образом, северная группа помещений на всем протяжении дома с запада на восток имела одинаковую ширину. Учитывая типичные для Ольвии пропорции и размеры жилых комнат, помещения этого северного блока располагались в два ряда, как это имело место не только в других домах участка (IV – 2 и VI – 3), но и в ольвийских домах Верхнего города А-2 3,10, 3К-2, Е-2 [Крыжицкий, 1971, рис. 16, 30].

С севера двор ограничился южной стеной № 175. Судя по местонахождению восточного фрагмента вымостки № 177, двор выходил за пределы этого помещения к востоку, по меньшей мере, на два с лишним метра⁸ и, скорее всего, продолжался на всем протяжении также и помещения № 220. В этом случае его длина составляла не менее 6,5 м. Вход в дом находился, скорее всего, с южной стороны. Площадь застройки дома 160-180 кв. м, от которой двор мог занимать 17-19%.

Дом II – 5 (*первоначальное наименование: дом НГС-1, южная половина*).

Северная граница дома проходила по линии стен №№ 114, 91, 65, которые отделяли его от соседнего дома II – 3, южная – вдоль северной стороны северной поперечной улицы (кладки № 313, 80). Местоположение западной границы определяется западной стеной подвала № 116. Синхронных рассматриваемому дому строительных остатков в его юго-западном углу не сохранилось. Исключением является фрагмент стены № 51, которая в третьем строительном периоде была прорезана подвалом № 20, поэтому его западная и южная границы реконструируются в этом месте гипотетически. Подобное решение находит косвенное подтверждение в том, что в противном случае северный квартал приобрел бы форму прямоугольника с прямоугольным врезом в его юго-западном углу. Последнее для античного градостроительства нетипично. Восточная граница дома проходила, скорее всего, в створе с кладками №№ 295 (восточная стена наземного помещения № 294), 183 (западная стена подвала № 186). К востоку от этой линии строительных остатков, синхронных

⁸ Выступающий к югу за пределы помещения № 176 конец кладки восточной стены № 174 при устройстве вымостки двора был разобран.

первому строительному периоду квартала, не обнаружено. Они, однако, могли быть уничтожены при строительстве подвалов №№ 186,260,195,202, относящихся к среднему строительному периоду квартала.

До нашего времени дошли остатки подвала № 116 и двух смежных подвалов №№ 390,311, а также наземных помещений № 294, 62 и вымостки № 71, на которой находился алтарь (рис. 8). Кроме того, открыты фрагменты наземных кладок №№ 51,80,295,91,145,312 (наземная часть). Центральная часть дома состояла из двора с алтарем. К югу от двора располагался большой подвал № 390 размерами 4,8 x 7,2 м. Между подвалом № 390 и северной поперечной улицей находились подвал № 311 и расположенное рядом с ним наземное помещение № 294. Следует отметить, что в помещении № 294 выявлены строительные остатки, которые относятся ко второму строительному периоду квартала. Здесь появились каменная вымостка и стена, разделившая (и так небольшое – около 8 кв. м) помещение на две части, а в углу восточной части – фрагмент канала водостока (сечение канала: 15-20 x 3-4 см), проходившего через южную стену № 80. Сказанное позволяет предполагать размещение здесь сугубо утилитарного сантехнического устройства.

От алтаря, кроме алтарной плиты антропоморфной формы, сохранились алтарная площадка № 71, выложенная из относительно прямоугольных, крупных камней (рис. 9), и вымостка № 104. На алтаре были обнаружены три большие гальки и каменная чаша на расширенной ножке с перехватом (чаша сделана, по-видимому, из барабана небольшой колонны – на ее наружной поверхности сохранились следы каннелюр). Очевидно, с алтарем было связано и небольшое сооружение № 62, располагавшееся к западу от него на расстоянии около 1 м. От этого сооружения сохранился угол, образованный двумя кладками №№ 61,63, и печь, в заполнении которой находилось большое количество золы, листового грунта, керамики, металлических изделий (!), костей животных, рыбьей чешуи. В пользу синхронности существования алтаря и описанного сооружения свидетельствует то, что при столь близком расположении этих объектов разница высотных отметок алтарной площадки и пода печи составляет всего несколько сантиметров. Учитывая небольшую толщину стенок сооружения № 62 (0,35-04 м), не исключено, что это был просто небольшой легкий навес.

Вход в дом вел из восточного переулка, о котором шла речь при описании дома II – 4. Здесь между алтарной площадкой и северной стеной № 91 дома имелся проход шириной немногим более метра, от мощения которого сохранилась массивная плита (№ 71-а). Учитывая расположение алтаря, есть основания предполагать, что этот вход был связан с какими-то культовыми церемониями и, следовательно, в доме должен был иметься еще один вход с западной или южной стороны дома.

Площадь застройки 270 кв. м, от которой двор занимал всего 9%.

Внутренняя планировка этого дома не типична для ольвийских жилых домов (рис. 10). Это проявилось, прежде всего, в том, что крытые помеще-

ния расположены в два ряда к югу от двора. Помещения же №№ 311 и 294, примыкающие к улице, имели явно подсобное назначение, по-видимому, связанное с обслуживанием подвала № 390. В противоположность им подвал № 390 имел необычно большие размеры (в Ольвии до сих пор такие большие подвалы не встречались), тщательную кладку стен из плотно притесанных по месту плит и блоков, уложенных по однорядной постелистой и частично орфостатной системе. Очагов на полу рассматриваемого подвала не обнаружено, очевидно, для его отопления использовались жаровни. К северу от этого подвала на вымостке двора располагался описанный выше алтарь.

Все это может указывать на необычную жилую функцию этого комплекса. Деятельность хозяев дома была, скорее всего, связана с отправлением каких-то культов. Судя по тому, что вход к алтарю был доступен не только с площади самого дома, но и с улицы, ограничивающей квартал с востока, возможно, он был не только сугубо домашним святилищем, но играл роль культового места более широкого масштаба [Лейпунская, 2005, с. 177-179].

Дом II – 6 (первоначальное наименование НГС-1, восточная половина).

Раскопаны остатки подвалов № 186, 186в (под этим подвалом сохранились незначительные остатки подвала № 260, восстановить планировку которого невозможно), №№ 202 и 195. В пространстве между подвалами №№ 202, 195 и № 186в с севера на юг строительные остатки эллинистического горизонта в значительной степени выбраны при рытье траншеи во время Второй мировой войны. Здесь частично сохранились только вымостка № 127 и каменный развал № 208 продолжения стены № 145а. Вымостка трехслойная. Ее верхний горизонт относится к последнему строительному периоду квартала, а нижний, залегающий на 0,5 м глубже верхнего, сопоставим со вторым строительным периодом. Южным фасадом дом выходит на северную поперечную улицу, восточным – на восточную продольную. Конкретное местоположение южной границы дома определяется кладкой № 201 подвала № 195, восточной – стеной № 160 подвалов №№ 195 и 202. На севере дом оканчивался стеной № 145а подвалов № 186 и 186в. Об этом говорит относительно большая протяженность стен №№ 145, 145а, находящихся в створе, и отсутствие к северу от них строительных остатков. Западная граница была смежной с домом II – 5 и располагалась в створе стен № 183 подвала № 186 (на севере) и № 295 помещения № 294 дома II – 5 (на юге). В связи с этим отметим, что какое-то время дома II – 5 и II – 6 сосуществовали. Следы перестроек, синхронных второму строительному периоду квартала в доме II – 5 без изменения его планировки, прослежены в подвале № 311 и помещении № 294, о чем говорилось выше.

Крытые помещения над подвалами располагаются «Г»-образно относительно внутреннего двора, который находится в юго-западной части дома. От двора сохранилась вымостка № 127 (нижний горизонт) и остатки водосточка № 153, отводившего атмосферные осадки на поперечную улицу. Площадь застройки 160 кв. м. Судя по относительно большому проценту площади

(24-33%), которую занимает двор, не исключено, что в доме могло быть еще одно крытое помещение, возможно, в юго-западном углу двора. Какие-либо синхронные строительные остатки (включая и вымостку двора) здесь не сохранились. В этом случае двор приобретает «Г»-образную форму, а его площадь сокращается примерно на полтора десятка метров (до 24%).

Дом II – 7 (первоначальное наименование НГС – 1).

Возникновение этого дома относится к третьему строительному периоду квартала, когда южная треть квартала была целиком перестроена. Новый дом перекрыл руины более ранних домов. В отличие от более раннего дома II – 5, по поводу которого у нас есть основания предполагать, что к западу от него располагалась небольшая незастроенная территория, дом II – 7 вполне определенно доходил до створа с западной границей всего северного квартала.

Остатки рассматриваемого дома сохранились весьма фрагментарно и главным образом только в его центральной и западной частях (рис.11). В центре находился большой, вымощенный каменными плитами двор № 1 размерами 13 x 3,7-4,2 м (ширина двора в его западном конце на 1 м больше). С четырех сторон он был окружен крытыми помещениями. Помещения, располагавшиеся к северу от двора, уничтожены почти полностью, и установить хотя бы их количество практически невозможно. Единственное, что можно определить – их размер по направлению север-юг. Исходя из местоположения кладки № 73, он составлял около 4 м. Эта величина говорит в пользу того, что к северу от двора располагались именно закрытые помещения, а не портик – для портика небольшого жилого дома такой пролет слишком велик. Судя по сохранности стен соседних домов, северную границу дома II – 7 образовывали южные стены домов II – 3 и II – 4.

С западной стороны двора № 1 сохранились подвал хозяйственного назначения № 20 и наземные кладки №№ 15, 30, позволяющие реконструировать здесь три помещения. Одно – на месте подвала второго строительного периода № 116, второе – над подвалом № 20, третье – юго-западное между стенами №№ 15 и 30. Юго-западный угол последнего помещения был уничтожен, по-видимому, обильными ливневыми водами, протекавшими по западной продольной улице в южном направлении. В пользу наличия здесь сильных потоков говорит устройство большого водостока № 100 и, в частности, полуэллипсоидного в плане отбойника № 27, предохранявшего выступ дома I – 1 от воздействия воды.

Особо следует отметить помещение № 116. Его и западная, и восточная стены были полностью выбраны. Однако с восточной стороны предполагаемого местоположения восточной стены обнаружены выложенные из плит каменные площадки прямоугольной в плане формы, располагающиеся на расстоянии 0,8 м друг от друга (рис. 12). Северная площадка имеет размеры 59 x 80 см, южная – 76 x 78 см. Площадки сделаны из прямоугольных, хорошо выкадрованных известняковых плит вторичного использования. Толщина плит около 10 см. Какая-либо профилировка на них отсутствует. Расположение, форма и размеры площадок говорят о том, что они явно предназначались для устройства плос-

кого портика, обрамляющего вход в помещение. Это свидетельствует о неординарном назначении данного помещения. Вряд ли это мог быть протирон, поскольку помещение выходит не во двор, а в крытые помещения. Не совсем обычно для протиронов и акцентирование их входов со стороны двора. Учитывая это, рассматриваемое помещение представляется, вероятнее всего, связывать с культовыми действиями. В последнем случае вполне возможна и какая-то функциональная преемственность с предшествовавшим дому II – 7 домом II – 5.

Почти не сохранились остатки помещений, располагавшихся к югу от двора № 1. От них дошли фрагменты северных стен, выходящих во двор, №№ 23, 11 и перпендикулярных им поперечных стен №№ 30, 42, 55. Здесь надежно выделяется только одно помещение – № 32-а. Количество помещений к востоку от него установить затруднительно. Учитывая местоположение фрагмента южной стены № 53 помещения № 56, вероятнее всего, их было не менее двух-трех. Остатки вымостки и водостоков северной поперечной улицы позволяют наметить крайнее местоположение южной границы дома примерно там же, где квартал оканчивался и ранее. Однако нельзя исключать, что, по крайней мере в западной части, эта граница могла отступать к северу на полтора-два метра. Об этом косвенно может свидетельствовать фрагмент кладки (?) № 147. Состояние этого объекта, однако, таково, что позволяет определить его, как кладку, лишь предположительно.

Строительные остатки третьего строительного периода с восточной стороны дома не дают возможности наметить его восточную границу. Ясно только, что она не могла проходить западнее восточной стороны двора № 1. Не исключено, что помещения, ограниченные кладками №№ 137, 154, 147, а также верхний горизонт вымостки № 127 и угол помещения № 216 могли принадлежать дому II – 7, поскольку планировочная сетка этих остатков несколько повернута и сдвинута относительно более раннего дома II – 6. Однако более основательные убедительные аргументы для такого утверждения отсутствуют. Площадь застройки около 280 кв. м, от которой двор занимает 18 %.

По своей планировочной схеме дом выделяется среди остальных жилых домов как довольно значительными размерами, так и величиной и пропорциями двора, а также сдвигом планировочной сетки относительно планировки предшествовавших ему домов (рис. 13). Кроме того, в нем практически отсутствуют подвалы. Единственный принадлежавший ему небольшой подвал из-за малой глубины был нежилым и имел, очевидно, складское назначение. Возможно, как и предшествовавший ему дом II – 5, он имел, помимо жилой функции (сопровождающий материал из слоя⁹ типичен для жилых домов), еще и какую-то иную.

Дома западного квартала (III).

Квартал ограничен западной продольной, северной и центральной поперечными улицами (рис. 14). Раскопана его восточная часть. Здесь открыты как подвальные, так и наземные помещения трех домов.

⁹ Закрытые комплексы в этом доме отсутствовали.

Граница между домом III – 3 и домами III – 1, 2 проходит по кладке № 256, разделяющей почти пополам раскопанный участок квартала на северную и южную половины. В северной половине квартала располагались два дома – III – 1 и III – 2, разделяемых стеной № 42. В пользу такого разделения свидетельствует тот факт, что кладка № 42 при довольно значительной сохранившейся высоте (до полутора метров) не имеет дверных проемов – помещения дома III – 2 – №№ 255, 164 и 52 не имели функциональной связи с домом III – 1. В раскопанной части прослежено два строительных периода квартала. К более раннему из них относятся дома III – 1 и III – 3. Затем дом III – 1 прекратил свое существование. Его восточную треть, где были открыты остатки двух подвалов, разделенных стеной с дверным проемом, перекрыл дом III – 2, оставшаяся территория представляла собой пустырь с полуразрушенными постройками. Одновременно со строительством дома III – 2 была перестроена восточная стена дома III – 3, составившая единое целое с восточной стеной вновь построенного дома (кладка № 51)¹⁰. План дома III – 2 был повернут под небольшим углом относительно плана дома III – 1, а его тыльная стена № 42 прошла поперек раннего подвала № 388+744.

Дом III – 1 (первоначальное наименование НГС-5, западная половина).

Раскопана только центральная часть дома (рис. 15). На западе дом уходит в борт раскопа, на востоке перекрыт домом III – 2. Северной границей дома являлась стена № 76, восточная располагалась, очевидно, вдоль красной линии застройки западной продольной улицы и проходила почти параллельно восточной стене подвала № 388+744. Двор находится в южной половине раскопанной части дома. Вход в него вел с северной поперечной улицы через мощный камень протирон. К северу от двора располагалось крытое наземное помещение № 734. Площадь застройки дома в первом периоде составляла не менее полуторасот кв. м.

Во втором строительном периоде, как уже отмечалось, на месте этого дома образовался пустырь, на который вел свободный проход с северной поперечной улицы. Позднее этот проход был заложен кладкой № 75, а к северу от двора на остатках помещения № 734 появилась печь № 329.

Печь с юга и севера была, очевидно, огорожена кладками – от них остались завалы камней. На части камней заметны следы огня. От печи остались фрагменты прокаленной печины, беспорядочно залегающие в серозолистом, очень рыхлом грунте с очень большим содержанием мелких рыбных костей, на площади 3,00 x 3,50 м, расплывы желтой глины, обожженные мелкие бутовые камни. Некоторые фрагменты печины имеют бортики. Рядом с печью была

¹⁰ Наружные восточные стены помещения № 278 дома III – 3 и помещения № 255 дома III – 2 представляют собой единую конструкцию, связанную в переплет с поперечными стенами № 256 и 165. Связаны в переплет и северная стена дома III – 3 (№ 256), и западная стена дома III – 2. А это свидетельствует о том, что оба дома строились одновременно и, скорее всего, принадлежали одному владельцу.

вырыта прямоугольной формы в плане ямка, заполненная серозолистым рыхлым грунтом. Эта печь одновременна печи 372 в помещении 278 (см. ниже). Площадь раскопанной части 180 кв. м, от которой двор занимает 12 %.

Дом III – 2 (*первоначальное наименование НГС-5, восточная часть*).

Состоял из трех крытых помещений, располагавшихся в один ряд вдоль западной улицы (рис. 15,16). В строительном отношении, учитывая перевязку всех кладок, представлял собой единое домовладение. Однако в функциональном отношении делился на две части, каждая из которых имела самостоятельный выход на улицу. Южная из них – однокомнатная (№ 255) – с каменными ступенями для выхода на улицу. Северная – двухкомнатная – имела с улицы один вход (возле стены № 165) в помещение № 164. Устройство в этом помещении подвала дает основания предполагать, что лестница для выхода на улицу была деревянной, а не каменной, как в помещении № 255. Помещения № 164 и 52 сообщались между собой через дверной проем, сохранившийся в стене № 163. Площадь застройки 75 кв. м.

Отсутствие внутреннего двора, устройство входов непосредственно с улицы, свидетельствуют в пользу того, что данная постройка не могла быть обычным жилым домом. Косвенным подтверждением этому служат случайный характер сопровождающего материала и отсутствие очагов. В свете сказанного представляется возможным предполагать его, скорее всего, торговое или связанное с иным обслуживанием населения назначение [Лейпунская, 2005, с. 178-179]. Подобные встроенные в жилые дома помещения известны в античном мире, в частности, в Приене, где они тракуются именно как лавки [Hoepfner, Schwandner, 1986, S. 180,181, Abb. 147]. Одно такое встроенное в обычный жилой дом помещение было обнаружено и в Ольвии в доме А-3 [Крыжицкий, 1971, с. 37], однако и там конкретное использование этого помещения неизвестно. Не противоречит нежилому назначению дома III – 2 и наличие подвалов. В Ольвии известны подвалы под лавками восточного и западного торговых рядов агоры [Леви, 1956, с. 53 и сл.], а также под зданием нежилого (скорее всего, административного) назначения у юго-западного угла агоры [Славин, 1964, с. 208 и сл., Крыжицкий, 1985, с. 118, 119].

Дом III – 3 (*первоначальное наименование НГС-7*).

Дом ограничивается на юге средней поперечной, а на востоке западной продольной улицами, с севера – стеной № 256. Западная часть дома уходит в борт раскопа.

Сохранившиеся остатки дверных проемов позволяют восстановить функциональную связь помещений. Дом делился на две половины – восточную и западную. Восточная состояла из внутреннего двора № 332 и двух крытых помещений, располагавшихся к северу (№ 278) и югу (№ 359) от него. Под северным помещением находился подвал № 368. Вход во двор, от которого сохранилось несколько ступенек, вел с западной продольной улицы.

Эта часть дома представляет интерес, в первую очередь, тем, что в ней

был устроен андрон (помещение № 359) (рис. 17). Здесь, вдоль восточной, южной и западной стен, обнаружены слегка повышенные (на 0,15 м) относительно центральной части пола панели шириной 0,9-1,0 м для установки лож. Бортики панелей закреплены камнем. И пол, и панели глинобитные. В отличие от андронов ольвийских богатых домов (дома из раскопок у Зевсова кургана и на участке НГФ в Нижнем городе [Фармаковский, 1906, 43,44; 1913, 67; Крыжицкий, 1971, 55,56,85; 1993, рис.111] в данном случае галечные вымостки отсутствуют. В этом помещении обращает на себя внимание несоблюдение прямых углов в планировке, как андрона в целом, так и боковых панелей.

Западный комплекс раскопан частично. В его центре находился двор № 331. К северу от него располагались два крытых помещения №№ 328 и 362. Помещение № 328 сообщалось непосредственно с двором через дверной проем в стене № 330. К югу от двора строительные остатки, синхронные времени его существования, не сохранились. С учетом сказанного ниже, есть основания считать, что западная половина дома имела самостоятельный выход на среднюю поперечную улицу, в частности, во втором строительном периоде.

Обе части дома сообщались друг с другом через помещение № 278, в западной стене которого № 298 был устроен дверной проем. Не исключено, что могла быть функциональная связь и непосредственно между обоими дворами №№ 331,332. Часть кладки № 298, разделяющей дворы №№ 331,332, подходит к северной стене андрона № 340 впритык. Здесь, очевидно, имели место какие-то перестройки, в ходе которых дверной проем (если он действительно здесь был) был ликвидирован.

Сказанное позволяет прийти к следующим выводам. Наличие дверных проемов, через которые осуществлялась связь между помещениями №№ 278, 328 и связанными с ними дворами №№ 331, 332, свидетельствует о том, что западная и восточная части дома были связаны функционально и составляли единое домовладение. С другой стороны, учитывая наличие в восточной половине дома андрона и четкое разделение обеих частей дома, есть основания считать, что дом делился на две половины – мужскую (с андроном) и женскую. Эта планировка относится к первому строительному периоду и дома, и квартала и соответствует времени существования соседнего дома III – 1. Во втором строительном периоде закладывается дверной проем в стене № 298, чем прекращается функциональная связь между помещениями №№ 278,328, перестраивается наружная восточная стена № 51 дома в целом, объединяющая его с домом III – 2, дворы №№ 331,332 разделяет стена № 298 (каких-либо остатков дверного проема в ней во дворе № 332 не обнаружено). Таким образом две функционально связанных между собою части дома в первом периоде, во втором периоде становятся самостоятельными в функциональном отношении, не зависимыми друг от друга.

В сохранившейся части площадь застройки 130 кв. м, от которой двор занимает 20%.

Дома центрального квартала (IV).¹¹

Здесь, в отличие от рассмотренных выше кварталов, сохранились, главным образом, остатки подвалов. Наземные объекты – фрагменты кладок и вымосток – единичны и маловыразительны.

Анализ характера и взаимного расположения строительных остатков, а также сопровождающих материалов, проведенный после завершения раскопок, дал основания считать, что в центральном квартале располагалось четыре дома. В пользу выделения четырех домов свидетельствуют в первую очередь наличие четко выделяющихся четырех отдельных блоков подвалов и особенности их взаимного расположения. Это, прежде всего, устройство подвалов в северных частях домов. В связи с этим подчеркием, что и в большинстве других ольвийских эллинистических домов блоки подвалов размещались в их северных частях. Такими, в частности, дома А-2, А-3, А-10, Е-1, Е-2, НГФ-1, НГФ-2 [Крыжицкий, 1971, 32-48, 62-87]. Вторым важным моментом является смещение и сдвиг планировочных сеток одного дома относительно другого. Так, в частности, подвалы №№ 280 и 302 смещены примерно на 3 м к югу от подвалов №№ 253, 257; подвалы № 353, 351 – на полтора метра к востоку относительно западной стены подвала № 280. В свою очередь подвал № 343 примерно на 2 м сдвинут к югу от подвала № 353. Отсутствие же функциональной связи подвалов №№ 353 и 351 с находящимся к северу от них двором находит подтверждение в том, что вход в эти подвалы располагался с юга. Здесь, в подвале № 353, были обнаружены остатки лестницы. Таким образом, имеются достаточно веские основания считать, что квартал состоял из четырех близких по размерам домов.

Дом IV-1 (*первоначальное наименование НГС – 6, западная половина*). Крытые помещения располагались «Г»-образно относительно внутреннего двора, имели южную и восточную ориентацию (рис. 18). Вход с запада. Площадь застройки дома – 116 кв. м, от которой двор занимал 11-19 %.

Дом IV-2 (*первоначальное наименование НГС-6, восточная половина*). Расположение крытых помещений «Г»-образное с южной и западной ориентацией (рис. 19). Особенностью является расположение помещений северного блока в два ряда. Вход с востока. Площадь застройки 144 кв. м, от которой двор занимает 26 %.

Дом IV-3 (*первоначальное наименование НГС-8, западная часть*). Крытые помещения дома, как и в предыдущем случае, располагались в два ряда к северу от двора и в один ряд к востоку. Вход с запада. Площадь застройки 135 кв. м, двор занимает 14 %.

Дом IV-4 (*первоначальное наименование НГС-8, восточная часть*). Есть основания считать, что рассматриваемый дом имел не столько подвалы

¹¹ Подробное обоснование реконструкции планировки домов центрального квартала см.: С.Д. Крыжицкий. Опыт реконструкции жилых домов центрального квартала на участке НГС в Нижнем городе Ольвии // БИ. – 2009. – XXI. – С. 187 и сл.

(рис. 20), сколько полуподвалы. Существовал ли над ними еще один – надземный этаж, сказать трудно. Такой этаж мог ограничиваться только частью помещений и располагаться, например, только над северными полуподвалами №№ 353,351. Вход с юга. Площадь застройки 107 кв. м, двор – 20-25 %.

Все четыре дома были безордерными и относились к категории домов типичной схемы малой площади (рис. 21).

Дома южного квартала (VI).

Северная граница квартала определяется средней поперечной улицей, вдоль которой располагаются северные стены подвалов №№ 495, 489, 434, 410, 395 (рис. 22). Восточная – восточной продольной улицей, стеной № 492 подвала № 495, остатками кладок №№ 581,531,506. Южная – южной поперечной улицей и кладками № 647 и № 639 подвала № 641, а также водосток № 610. Западная граница квартала в пределах раскопа не обнаружена, она перекрыта западным бортом участка. Предположительно она может проходить не менее чем на полдесяток метров западнее стены № 380, уходящей в западный борт раскопа. В пользу этого говорит то, что пространство между домом VI – 2 и западным бортом раскопа составляет всего 5 м, чего явно недостаточно для размещения здесь еще одного домовладения. Поскольку размеры меньших сторон жилых домов всего участка НГС, в абсолютном большинстве, превышают десяток метров (только в двух случаях они меньше и составляют 8,5 и 9 м), у нас есть основания предполагать, что квартал продолжался к западу от западного борта еще примерно на полдесяток метров.

Сохранность строительных остатков плохая, особенно вдоль восточной стороны квартала и в его южной трети, где раскопки доведены в большей части до материка. Здесь открыто довольно много, но крайне незначительных, фрагментов наземных стен, вымосток, полов, которые невозможно увязать в единое целое, а стены двух сохранившихся подвалов №№ 641,661 (помещение № 661 было полуподвальным) разрушены почти до основания.

В отличие от этого, у подвалов, располагающихся у северной границы квартала, стены в основном сохранились относительно хорошо, иногда почти на всю высоту. Здесь четко выделяется два подвальных блока, принадлежавших разным домам. Это подвалы №№ 395,410 дома VI – 2 и №№ 434,489,495 дома VI – 3. В пользу различной принадлежности этих подвальных блоков, помимо однотипности планировочных приемов, говорят также небольшой поворот планировочных сеток, что хорошо прослеживается по северным стенам подвалов, и небольшой проход между восточной стеной подвала № 410 и западными стенами подвалов №№ 434 и 474. У нас также есть основания предполагать, что дому VI – 3 принадлежал и подвал № 495, поскольку он соединялся дверным проемом в своей западной стене № 487 с соседним подвалом № 489. Между упомянутыми блоками подвалов, с прилегающими к ним с юга внутренними дворами, и южной границей квартала остается узкий промежуток длиной порядка 23 м и шириной всего около 6 м. Этого явно недостаточно

для устройства здесь одного или двух самостоятельных жилых домов¹². До сих пор в Ольвии известен только один дом эллинистического времени, который в последнем строительном периоде сократился до 57 кв. м, однако, первоначально его площадь составляла 158 м.¹³ Отсутствуют в этом промежутке и подвалы (исключение – подвал № 641). Таким образом, у нас есть основания предполагать, что оба дома (VI – 2, VI – 3) доходили до южной поперечной улицы. С запада к подвалу № 395 примыкает вымостка двора еще одного дома – VI – 1, остатки которого уходят в западный борт.

Дом VI – 1 (первоначальное наименование НГС-9, западная часть).

С севера его ограничивает средняя поперечная улица, от которой в этом месте сохранился тщательно сделанный водосток № 358. Параллельная водостоку кладка № 348, располагающаяся к югу от него, являлась северной стеной дома VI – 1. Восточная граница дома проходила по кладкам №№ 379 и 428. В исследованной части частично раскопаны остатки каменной вымостки № 384 и к югу от нее – подвал № 479. Вымостка могла принадлежать двору (ее размеры 4х3,5 м). Продолжался ли дом к югу от южной стены подвала № 479 (кладка № 478), неизвестно. Какие-либо строительные остатки, синхронные времени существования дома, здесь не сохранились. Западная часть дома уходит в западный борт раскопа.

Дом VI – 2 (первоначальное наименование НГС-9, восточная часть).

Основной планировочный модуль образован двумя подвалами №№ 410 и 395 (рис. 78). К югу от них располагался двор, от которого обнаружены два фрагмента вымостки. Вымостка № 496 (к югу от подвала № 410) состоит из довольно больших каменных плит. Две крайние западные плиты, принадлежавшие, очевидно, ей же, располагаются напротив восточной части подвала № 395. Вторая вымостка № 480 располагается узкой (около полутора метров) полосой вдоль западной наружной стены дома к югу от западной части подвала № 395. Она состоит из щебня и битой керамики. Форма этой вымостки, ее размеры и материал, из которого она сделана, позволяют предполагать, что над ней мог находиться навес (портик). Подвалы разделены общей стеной № 377, что, в отличие от наземных помещений¹⁴, свидетельствует в пользу их принадлежности одному дому. Близкие аналогии этому видим в ольвийском строительстве, как в жилищном (например, дома А-2, Е-1 [Крыжицкий, 1971, рис. 26,32,41,43], так и в гражданском – в восточном [Леви, 1956, 53-59; 1985, 96,97] и западном [Славин, 1964, рис.15] торговых

¹² Такой ширины мог бы быть торговый ряд, как это имело место в западном квартале. Но для такого предположения какие-либо археологические данные отсутствуют.

¹³ Крыжицкий, 1971, рис.7, 20-22.

¹⁴ При строительстве подвалов в смежных помещениях расположенных рядом соседних домов каждый из подвалов обычно имел со стороны соседа собственную стену. Стена делалась однолицевой (т.е. имела только один фасад, ориентированный внутрь помещения) двуслойной. Слой, примыкающий к стенам котлована, состоял из бута.

рядах, в административном здании в районе агоры [Славин, 1964, рис. 15]. Максимальная сохранившаяся высота стен подвалов – около 2,05-2,10 м.

Судя по размерам и пропорциям в плане, конструктивным особенностям и сопровождающему материалу, функциональное использование подвалов было различным. Площадь квадратного в плане подвала № 410 достигала 25 кв. м. Он сообщался с двором с помощью каменной лестницы (рис. 24). Среди сопровождающего материала из заполнения найдены каменные заготовки для грузил и мельничное устройство. Сказанное, а также относительно большие размеры помещения и глубины его заложения, дают основания предполагать, что оно могло использоваться не только в качестве хозяйственного, но и жилого.

Иначе обстоит дело с подвалом № 395, который имел вытянутые пропорции при площади около 15 кв. м и сообщался с наземным этажом при помощи, очевидно, деревянной лестницы. В южной стене этого подвала, примыкавшей к внутреннему двору, на высоте 1,1 м от пола первого строительного периода подвала, были устроены два окна – шириной 1,15 м восточное и 1 м западное при сохранившейся высоте около 0,9 м (рис. 25). Восточный откос восточного окна и западный западного являлись продолжением продольных стен всего подвала. Подошва стены с окнами располагалась на 0,4-0,6 м выше пола первого периода. Синхронный ей пол не сохранился, но его наличие в древности вряд ли может вызывать сомнения. Это, с учетом сохранившейся максимальной высоты стены, разделявшей подвалы № 395 и 410 (абсолютная отметка верхнего уровня стены – 12,08), говорит о том, что минимальная высота подвала № 395 во время функционирования окон могла составлять 1,6-1,8 м. Во дворе возле окон с наружной (южной) стороны подвала были сделаны обложенные камнем приямки. Последнее исключает возможность трактовки этих проемов в качестве дверных.

Вытянутые пропорции подвала № 395, небольшая высота и, особенно, наличие окон выделяют его среди известных ольвийских подвалов. Сопровождающий материал не дает оснований предполагать культовое назначение этого помещения. Учитывая наличие и местоположение окон, а также устройство приямков, окна служили, очевидно, не только для дневного освещения подвала. В данном случае не исключено их использование в качестве приемного люка для загрузки и выгрузки из подвала тех или иных товаров. Аналогичное этому по идее устройство было обнаружено в Ольвии в подвале дома на участке Т-3.¹⁵ Там в стене подвала, выходившей во внутренний двор, был обнаружен оконный проем, размещавшийся в уровне вымостки двора, с наклонным внутрь подвала подоконником. Находки в этом подвале нескольких зернотерок и углублений в стене, служивших для крепления опор пандусного спуска, продолжавшего наклонный подоконник, позволяют считать, что подобное устройство предназначалось для спуска в подвал зерна. Так или иначе, подвал

¹⁵ Раскопки В.И. Назарчука.

№ 395, учитывая перечисленные особенности, вряд ли мог использоваться как обычная жилая комната. Подвал был перекрыт большим завалом черепицы.

Внутренний двор дома с севера ограничивался южными стенами подвалов №№ 395 и 410. На востоке он подходил к восточной стене дома (о местоположении этой стены см. ниже). На западе двор оканчивался западной наружной стеной № 428 дома, либо, скорее всего, восточным краем вымостки двора № 480 (о возможности устройства здесь портика говорилось выше). С южной стороны двора его граница находилась в интервале между краем вымостки № 496 и фрагментом пола, располагавшегося к югу от стены № 544. Более вероятным представляется, что двор оканчивался по южному краю обеих вымосток, поскольку на юге они обрываются примерно по одной линии. В этом случае двор занимает 22 % от площади застройки. В противном случае этот процент доходит до 37.

Западная граница дома проходит по кладкам №№ 379, 428. Северная определяется средней поперечной улицей. Восточная находилась между подвалами №№ 410 и 434 и проходила вероятнее всего по кладке № 435, в пользу чего говорит следующее. Между кладкой № 435 и крайним западным подвалом № 434 соседнего дома VI – 3 имеется свободное пространство шириной около 1,3 м (с учетом наличия двух самостоятельных стен), которое вполне реально могло использоваться в качестве протирона¹⁶. В связи с этим возникает вопрос, которому из этих смежных домов мог принадлежать этот протирон. Нам представляется, что, скорее всего, дому VI – 3, что косвенно подтверждается расположением каменной лестницы, ведущей в подвал № 410. Дело в том, что эта лестница вряд ли могла находиться посреди открытого пространства двора. Подобные лестницы в Ольвии во всех известных нам случаях размещались таким образом, чтобы одна из боковых сторон марша примыкала к наземной стене. Такое расположение имеют лестницы в домах А-2, Е-1, НГФ-1 [Крыжицкий, 1971, рис. 26-2, 32, 33, 43], а также и в доме IV – 4, рассмотренном выше. Это вполне логично, поскольку при размещении лестничного марша вдоль наземной стены значительно упрощается устройство над ним навеса и отпадает необходимость в устройстве перил. Исходя из этого, у нас есть основания считать, что наземная кладка, расположенная над подвальной стеной № 435, продолжалась и к югу от подвала № 410 и, таким образом, она являлась восточной стеной дома VI – 2. Протирон же принадлежал соседнему дому VI – 3. Последнее находит подтверждение также в том, что южная стена № 472 подвала № 474 дома VI – 3 продолжалась и к западу от подвала. Иначе говоря, площадь протирона принадлежала именно этому дому.

¹⁶ В пользу наличия здесь протирона свидетельствует относительно большая ширина свободного пространства. Если предположить, что вместо протирона по его продольной оси проходила стена, разделяющая два дома, то в этом случае между этой стеной и подвалами (т.е. между наземными помещениями и подвалами) образуются свободные промежутки шириной порядка 0,9 м с каждой стороны. Это для таких больших и тщательно выполненных подвалов, как № 410, не характерно.

Южная граница дома проходила, скорее всего, по южной поперечной улице. Помимо вышесказанного, в пользу такого решения говорит следующее.

Во-первых, к югу от внутреннего двора дома VI – 2 отсутствуют какие-либо остатки дворовых вымосток, а также подвалов, которые в случае их наличия можно было бы трактовать, как принадлежащие другому дому.

Во-вторых, если бы на оставшемся пространстве и мог бы разместиться еще один дом, то в этом случае планировка дома VI – 2 приобрела бы довольно необычные для жилых домов Ольвии черты. А именно – относительно большую величину двора (более сорока процентов от площади застройки) и несоответствие больших размеров крытых помещений малой площади застройки дома в целом. В общем случае, чем меньше дом, тем меньше в среднем и размеры крытых помещений (см., например, дома на участке «И» в сравнении с домами на участках АГД и НГФ в Ольвии [Крыжицкий, 1971, рис. 6, 16, 43]. Подобная зависимость, по нашему мнению, объясняется необходимостью сохранения функциональной дифференциации помещений при различных площадях застройки домов. Следует также принять во внимание необычное функциональное использование подвала № 395.

В-третьих, наличие водостока № 557, который шел с севера на юг и впадал в уличный водосток № 610, находившийся на южной поперечной улице. Расположение водостока в плане дома дает основания полагать, что он предназначался для отвода вод из двора дома. Открытие поблизости небольшого фрагмента каменной вымостки № 558 к северу от водостока и кладки № 578, параллельной ему, логично связывать с остатками здесь протирона.

Судя по наличию остатков пола № 544, в южной трети дома находились одно или два крытых помещения. Однако для реконструкции их планировки данных недостаточно.

Площадь застройки дома 165 кв. м, от которой двор мог занимать 22-37%.
Дом VI – 3 (первоначальное наименование «НГС-10»).

В северной части дома располагается четыре подвала №№ 434, 474, 489, 495 (рис. 26). Один из них – № 434 был построен, по-видимому, еще до строительства рассматриваемого эллинистического дома. К его второму строительному периоду, совпадающему с появлением подвалов эллинистического дома №№ 489 и 495, относится перестройка восточной стены № 438, в центре которой делается дверной проем (ширина 0,73 м), соединивший этот подвал с подвалом № 489. Позднее этот проем был заложен камнем. Подвалы №№ 489 и 495¹⁷ также соединялись между собой дверным проемом в кладке № 487. Все это, а также то, что северная стена подвала № 489 была связана в переплет с восточной стеной подвала № 434, говорит о синхронности

¹⁷ Подвал № 495 также пережил какие-то существенные перестройки. Сохранились остатки расположенной по оси север-юг двухлицевой кладки № 486, объяснить смысл появления которой мы затрудняемся.

функционирования перечисленных подвалов и принадлежности их к одному и тому же дому. Кроме того, с юга к подвалу № 434 был пристроен еще один небольшой подвал № 474, а к подвалу № 489 – наземное помещение № 477. Узкий промежуток между восточной стеной помещения № 477 и кладкой № 487, разделяющей подвалы №№ 489 и 495, мог использоваться для устройства нормальной лестницы в подвальные помещения.

Таким образом в северной части дома существовал фактически подвальный этаж. Причем наличие между подвалами №№ 434, 489 и 495 дверных проемов свидетельствует об их жилом или, по крайней мере, активном хозяйственном использовании. Небольшие размеры подвала № 474 позволяют предполагать его складское назначение. Судя по высотным отметкам, синхронным культурным напластованиям проходящей рядом восточной продольной улицы, подвалы северо-восточной части дома VI – 3 по сути частично могли быть полуподвалами. В связи с этим подчеркнем, что в Ольвии эллинистического времени уже известны жилые дома с подобными полуподвальными (дом И-6 [Крыжицкий, 1971, 28 рис. 14] или подвальными этажами (дома А-2,4,10, Е-1, НГФ-1,2 [Крыжицкий, 1971, рис. 26, 32, 43]).

Вся восточная часть дома была занята крытыми помещениями и двумя (кроме уже упоминавшегося подвала № 495) подвалами №№ 661, 641. В пользу принадлежности рассматриваемому дому этой группы помещений свидетельствует (как и в случае с домом VI-2) отсутствие к югу от печи № 561 каких-либо вымосток, которые можно было бы связывать с внутренним двором. Предполагать же возможность размещения здесь структуры аналогичной дому III-2, не имевшей собственного двора, оснований нет, как с точки зрения планировки, так и сопровождающего материала, в частности, из подвалов №№ 661, 641. Косвенно противоречит этой возможности и характер размещения в плане дома подвала № 661. Его северо-западный угол выступает к северу от возможной границы внутреннего двора примерно на 2 м. Т.е. в этом случае конфигурация границы между домами приобрела бы изломанный характер. С другой стороны вряд ли случайным является то, что западная стена подвала № 661 находится практически в створе с восточной стеной подвала № 477. Оба подвала имели, по-видимому, складское назначение. Об этом может свидетельствовать крайне низкое качество кладок их стен, не идущее ни в какое сравнение с качеством стен подвалов №№ 489 и 495. Они иррегулярны, выполнены крайне небрежно из мелких почти необработанных полигональных по форме камней. В то же время стены северных подвалов выполнены по однорядным постелистым системам из полигональных плит и блоков средних размеров.

Расположение подвалов дает основания для реконструкции в восточном блоке четырех крытых помещений, включая и комнату над подвалом № 495.

Наружные стены двух рассмотренных блоков крытых помещений – северного и южного – определяют внешние границы дома в целом. На севере

это средняя поперечная улица, на востоке – восточная продольная, на юге – южная поперечная, на западе – общая с соседним домом стена, располагавшаяся в створе с кладкой № 435 подвала № 410.

Вымостка внутреннего двора не сохранилась. Однако косвенные данные позволяют определить его местоположение. Это лишенное строительных остатков пространство к югу от подвала № 474 и помещения № 477¹⁸. Здесь находилась большая прямоугольная в плане печь № 561 размерами 1,65x0,65 м. От нее сохранились остатки лишь прямоугольной в плане камеры с глинобитными и сырцовыми стенками, а также уложенной с западной стороны керамида. С функционированием печи явно была связана и круглая в плане загородка, располагавшаяся с северной стороны вплотную к печи. Заполнение камеры – зола, рыба чешуя, кости. Конкретное функциональное назначение этой печи, помимо бытового, выяснить трудно. Однако, судя по ее размерам и не совсем обычной конструкции, она имела, очевидно, и какую-то дополнительную (а, возможно, и основную) функцию, возможно, связанную с копчением рыбы в упомянутой круглой загородке. Все это свидетельствует в пользу размещения печи не в крытом помещении, а во дворе. Последнее подтверждается также расположением здесь протирона, который вел прямо во двор. Таким образом, границами двора являлись западная стена дома, с северной стороны стены блока северных помещений №№ 472,470. На востоке двор ограничивался западной стеной подвала № 661. Южная граница двора проходила сразу за печью № 561. Начиная отсюда, и далее к югу, располагаются фрагментарные строительные остатки помещений, реконструкция планировки которых нереальна. Можно только предполагать, что, судя по наличию тут остатков стен №№ 563 и 589, здесь могло располагаться не менее трех помещений.

В намеченных границах площадь застройки дома VI – 3 могла составить около 250 кв. м, от которой двор занимал 17 %. Его же планировка в целом типична для обычных ольвийских жилых домов.

Такой в целом представляется планировка кварталов и домов эллинистического времени на участке НГС. Она своим разнообразием и в целом скромностью не отличается от домов на участке И в Верхнем городе Ольвии. Особо следует подчеркнуть существование здесь таких домов, как II – 5 с явной культовой функцией, III – I по-видимому с торговой или иной, но не жилой, функцией и III – 3 с явным разделением дома на две половины.

Как уже отмечалось, степень достоверности предлагаемых восстановлений различна, и только в двух случаях доходит до единицы, что в общем соответствует состоянию источника.

¹⁸ Располагавшееся к югу от него помещение № 512 относится к наиболее позднему времени, когда перестройки охватили почти всю территорию дома. Реконструировать планировку дома для этого времени невозможно.

№№ домов	Поправочные коэффициенты												К плана
	Стороны дома ¹⁹				Стороны двора ²⁰				Второстепенные элементы ²¹				
	К ₁	К ₂	К ₃	К ₄	К ₅	К ₆	К ₇	К ₈	К ₉	К ₁₀	К ₁₁	К ₁₂	
I-1	1,0	0,3	1,0	1,0	1,0	0,3	1,0	1,0	0,3	0,7	0,7	1,0	0,795
II-3	1,0	1,0	0,9	0,8	1,0	1,0	0,9	1,0	0,8	0,8	0,7	1,0	0,925
II-4	0,3	0,8	0,9	0,8	0,3	1,0	1,0	0,8	0,5	0,3	0,3	0,3	0,660
II-5	1,0	0,8	0,9	0,7	0,8	0,7	1,0	0,8	0,3	0,3	0,3	0,3	0,730
II-6	1,0	0,7	0,8	1,0	1,0	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,3	0,8	0,785
II-7	0,8	1,0	0,9	0,0	1,0	1,0	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,590
III-2	1,0	1,0	1,0	1,0	-	-	-	-	1,0	1,0	1,0	1,0	1,000²²
III-3в	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,000
III-3з	1,0	0,3	1,0	1,0	0,7	0,3	1,0	1,0	0,7	0,7	0,7	0,5	0,760
III-3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,880
IV-1	0,8	1,0	1,0	0,8	1,0	1,0	0,7	1,0	0,8	0,8	0,3	1,0	0,875
IV-2	0,8	0,8	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	0,7	0,8	0,8	0,3	0,7	0,860
IV-3	1,0	1,0	0,8	0,8	1,0	1,0	0,5	0,9	0,7	0,7	0,3	0,7	0,820
IV-4	1,0	0,8	0,8	1,0	1,0	1,0	1,0	0,5	0,7	0,7	0,3	0,8	0,835
VI-2	0,5	0,8	1,0	0,8	0,5	0,5	1,0	0,7	0,5	0,5	0,3	0,5	0,670
VI-3	0,5	0,8	1,0	0,8	0,5	0,8	1,0	0,5	0,5	0,5	0,3	0,7	0,690

¹⁹ К₁ – южная сторона; К₂ – западная сторона; К₃ – северная сторона; К₄ – восточная сторона. Значение каждого элемента – 0,1.

²⁰ К₅ – южная сторона; К₆ – западная сторона; К₇ – северная сторона; К₈ – восточная сторона. Значение каждого элемента – 0,1.

²¹ К₉ – количество помещений; К₁₀ – границы помещений; К₁₁ – взаимосвязь между помещениями; К₁₂ – местоположение входа в дом. Значение каждого элемента – 0,05.

²² Учитывая принципиальное отсутствие в этом доме двора и соответствие каждого из поправочных коэффициентов единице, мы принимаем коэффициент степени достоверности реконструкции плана равным также единице.

ЛИТЕРАТУРА

- Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии (IV-II вв. до н.э.). - Киев. - 1971.
- Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. - Киев. - 1985.
- Крыжицкий С.Д. Опыт реконструкции жилых домов центрального квартала на участке НГС в Нижнем городе Ольвии // БИ. - 2009. - XXI.
- Лейпунская Н.А. Функциональные различия домов в жилых кварталах Нижнего города Ольвии. Боспорские чтения 6. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. Сборник материалов конференции. - Керчь. - 2005.
- Левы Е. И. Ольвийская агора // МИА. - № 50. - 1956. - С. 35-118.
- Русяева А.С. Диатроптов П.Д. Два культовых комплекса Западного теменоса Ольвии // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. - Луцьк. - 1993. - С. 106-107.
- Славин Л. М. Раскопки западной части Ольвийской агоры (1956-1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора. - Москва-Ленинград. - 1964. - С. 189-224.
- Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. - ИАК. - 1906. - 13. - С. 1-305.
- Hoepfner W.& Schwandner E.L. Haus und Stadt im Klassischen Griechenland. - München. - 1986.

С.Д. Крижицкий, Н.О. Лейпунська

ОБГРУНТУВАННЯ ГРАФІЧНОЇ РЕКОНСТРУКЦІЇ ПЛАНУВАННЯ
ЕЛЛІНІСТИЧНИХ БУДИНКІВ НА ДІЛЯНЦІ НГС В ОЛЬВІЇ

Резюме

В ході розкопок околичного району Нижнього міста Ольвії були розкриті архітектурно-будівельні залишки елліністичного часу в п'яти житлових кварталах, два з яких відкриті повністю, а три, через об'єктивні причини, частково. Камеральний аналіз польової і звітної документації в сукупності за всі роки роботи на ділянці показав необхідність проведення додаткового підсумовуючого дослідження з метою обґрунтування реконструкції планування, розкопаних на ділянці НГС будинків. Це дозволило уточнити ряд позицій відносно кількості будинків, як самостійних домоволодінь, і, особливо, їх меж. Зокрема, представляється, що на ділянці НГС розташовувалися залишки, принаймні, півтора десятка будинків, а не десятка, як передбачалося раніше. Відповідно зазнали зміни і межі будинків. Ступінь достовірності пропонованих відновлень різна і знаходиться в основному в межах 0,66-0,88, тільки в двох випадках доходючи до одиниці, що, загалом, відповідає стану джерела.

С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская

ОБОСНОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПЛАНИРОВКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ДОМОВ НА УЧАСТКЕ НГС В ОЛЬВИИ

Резюме

В ходе раскопок окраинного района Нижнего города Ольвии были раскрыты архитектурно-строительные остатки эллинистического времени в пяти жилых кварталах, два из которых открыты полностью, а три, в силу объективных причин, частично. Камеральный анализ полевой и отчетной документации в совокупности за все годы работы на участке показал необходимость проведения дополнительного суммирующего исследования с целью обоснования реконструкции планировки, раскопанных на участке НГС домов. Это позволило уточнить ряд позиций в отношении количества домов, как самостоятельных домовладений, и, в особенности, их границ. В частности, представляется, что на участке НГС располагались остатки, по крайней мере, полутора десятка домов, а не десятка, как предполагалось ранее. Соответственно претерпели изменения и границы домов. Степень достоверности предлагаемых восстановлений различна и находится в основном в пределах 0,66-0,88, только в двух случаях доходя до единицы, что, в общем, соответствует состоянию источника.

S. D. Kryzhitsky, N.A. Leipunskaya

BASIS OF GRAPHIC RECONSTRUCTION OF HELLENISTIC BUILDINGS PLANNING AT THE LOW CITY SITE IN OLBIA

Summary

During archaeological digs of the Low city of Olbia borderland architectural – building remains of Hellenistic time were unearthed in five residential areas. Two of them were uncovered completely, but three ones were uncovered partially in view of some objective reasons. Paper analysis of field and accounting documents of all the years of work on the site in total made it clear to survey extra in order to find basis of reconstruction of planning of the buildings discovered at the Low city site. It has made possible to define some points concerning quantity of houses as separate houses and grounds, and especially their bounds more exactly. We suppose, in particular, there were at least remains of ten and a half of the houses at the Low city site, not ten ones as it was considered earlier. Consequently, the bounds of the houses have undergone changes. The degree of reliability of probable reconstructions varies. It is generally within the limits of 0.66 – 0.88. In two cases it reaches 1.0 which all in all corresponds to the condition of the source.

Рис. 1. Обмерный план участка НГС с показом топографии окружающей территории и нарушений культурных слоев в результате эрозии берегового клифа и рывья окопов во время Великой Отечественной войны.

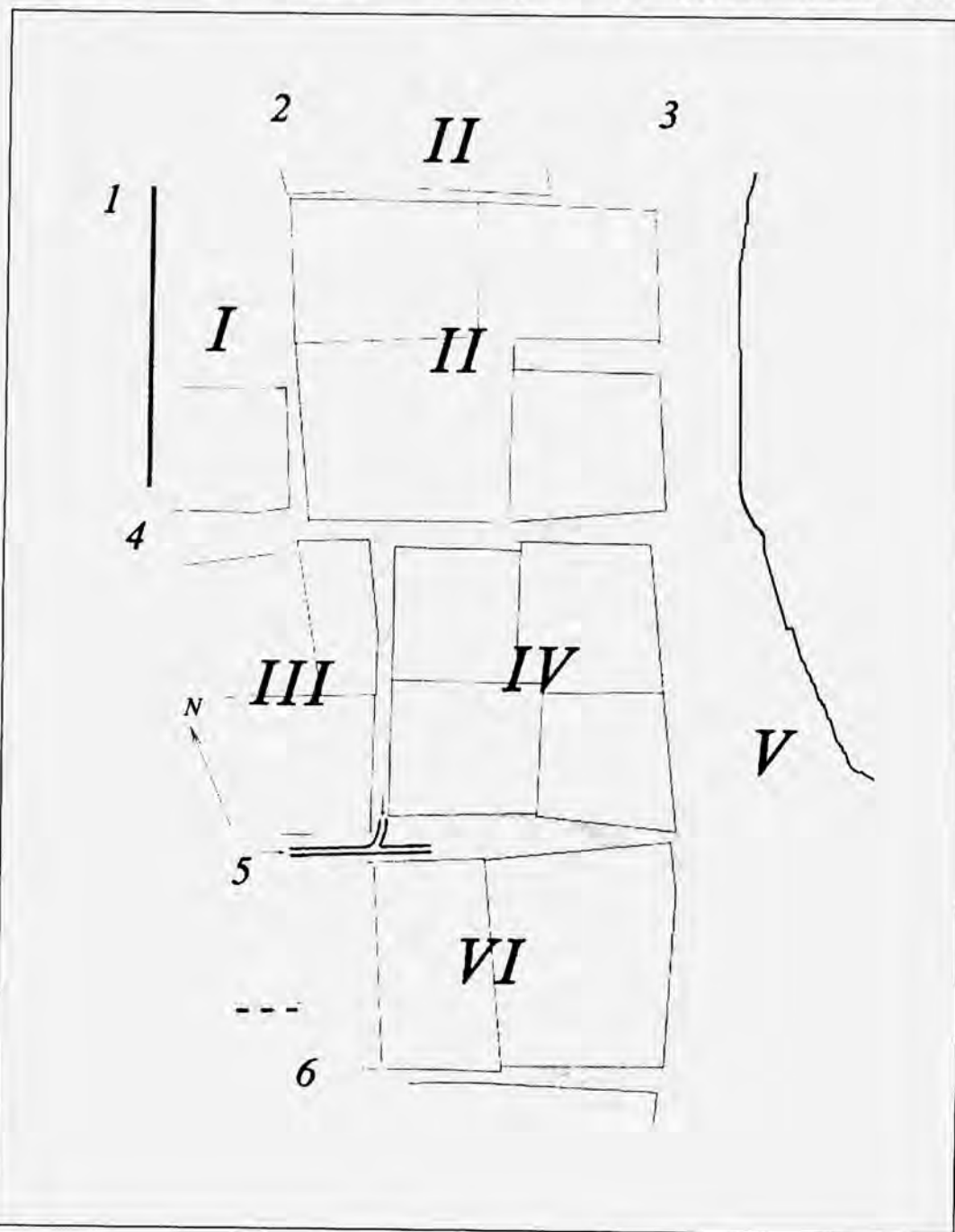

Рис. 1а. Схема расположения кварталов на участке НГС.

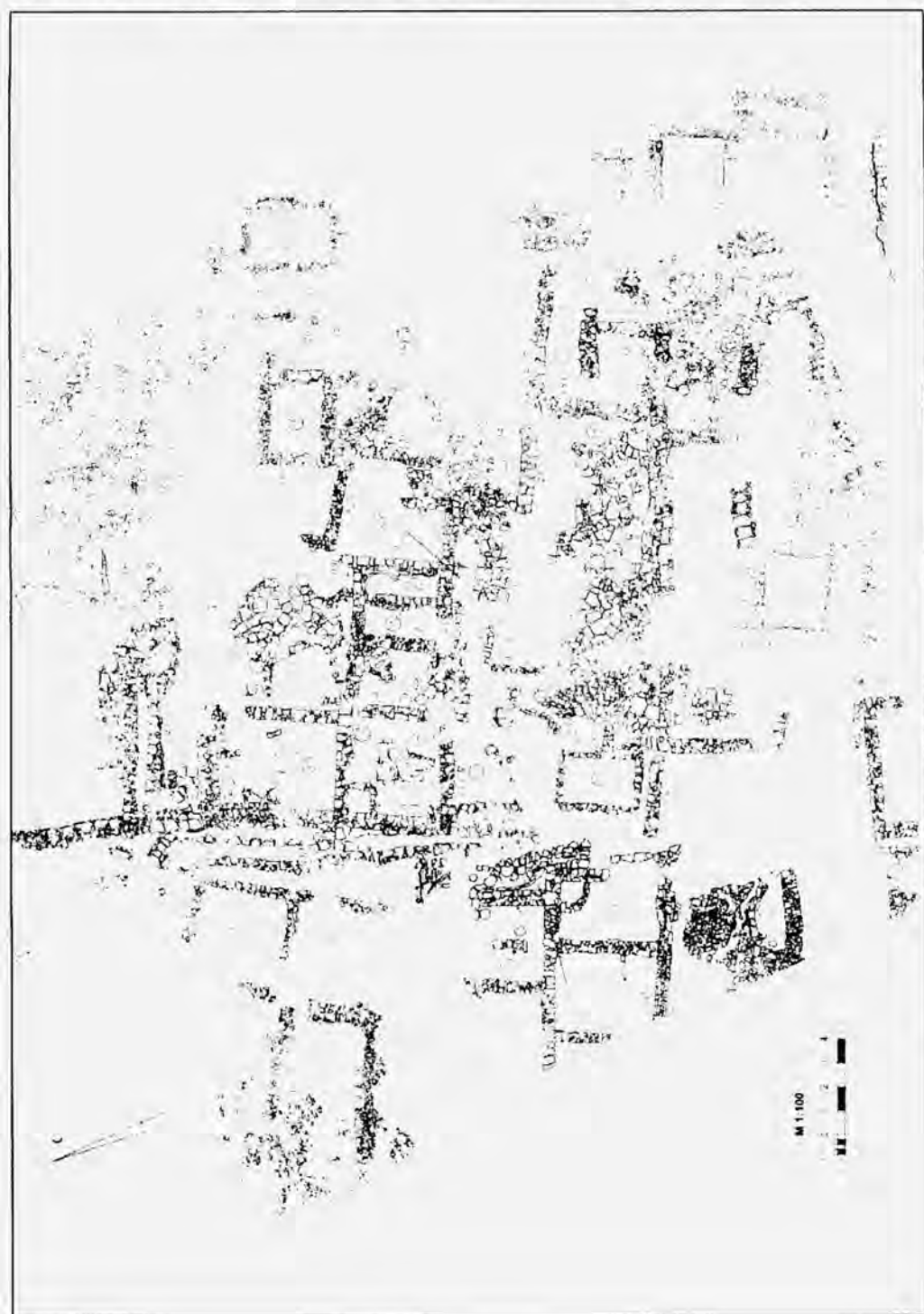

Рис. 2. Обмерный план северо-западного и северного кварталов (кварталы I, II).

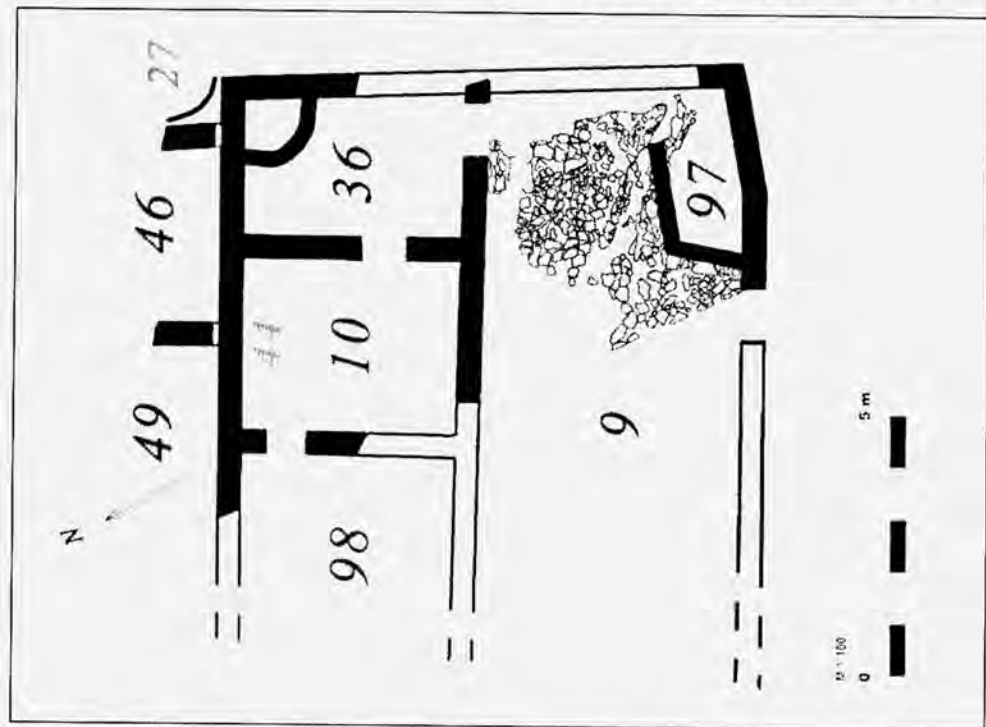

Рис. 4. План дома 1 – 1. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

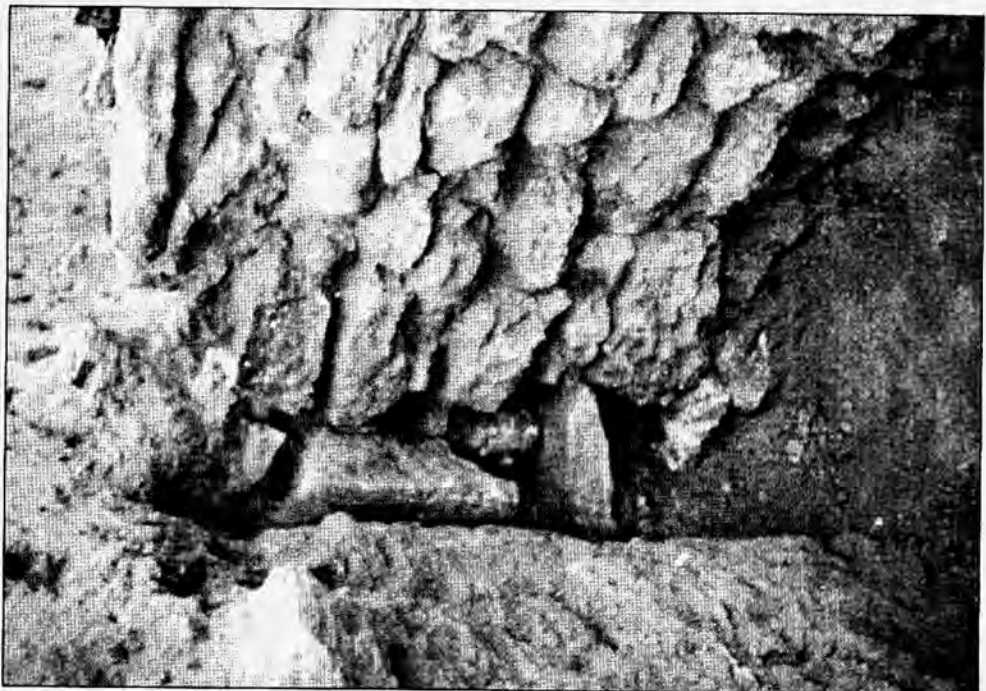

Рис. 3. Дом 1 - 1. Заклад дверного проема в южной наружной стене дома. Вид с юго-востока.

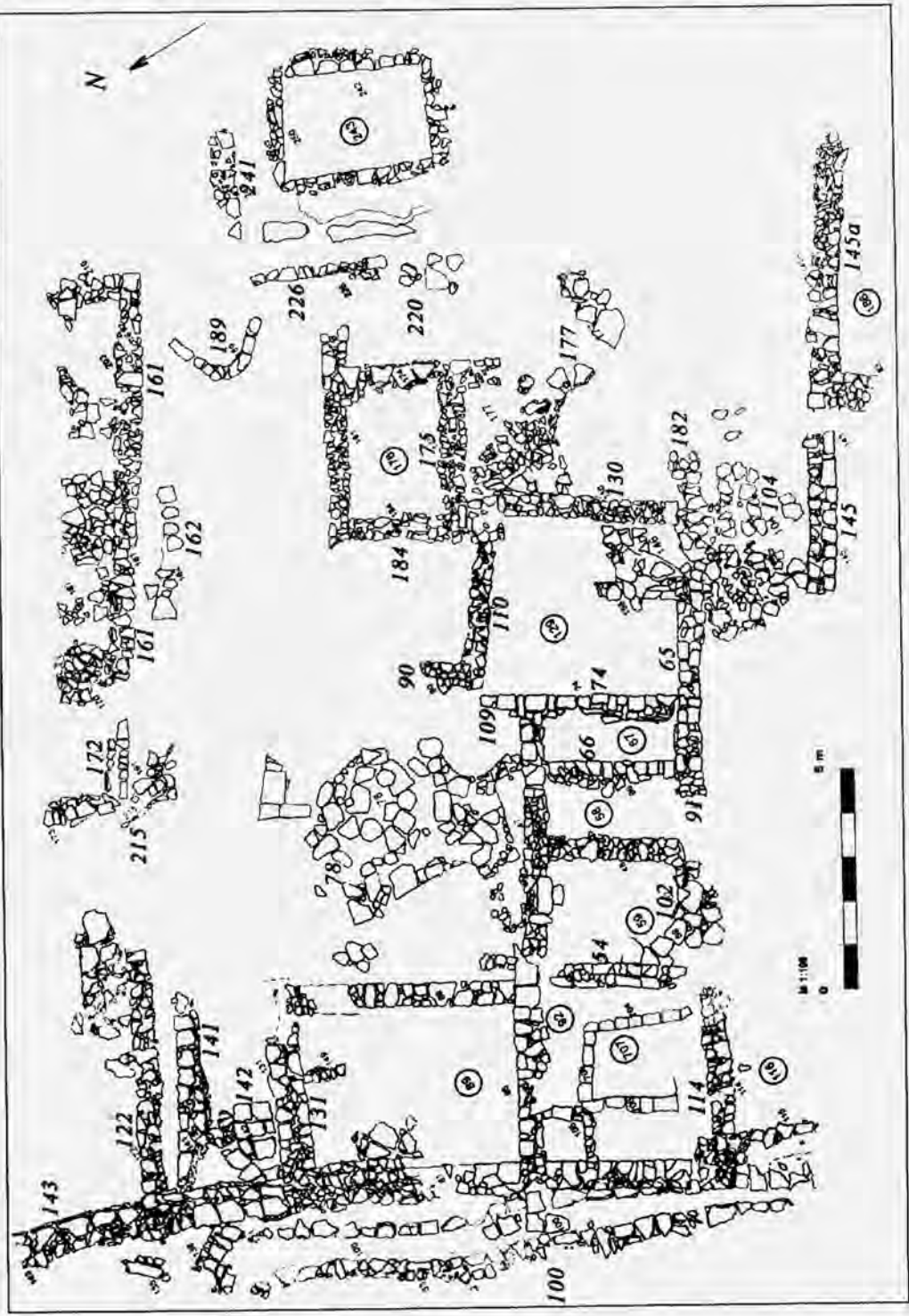

Рис. 5. Дома II - 3 и II - 4. Обмерный план.

Рис. 6. Дом II - 3. Слева - остатки вымостки двора, в центре подвальное помещение № 89. Вид с северо-востока.

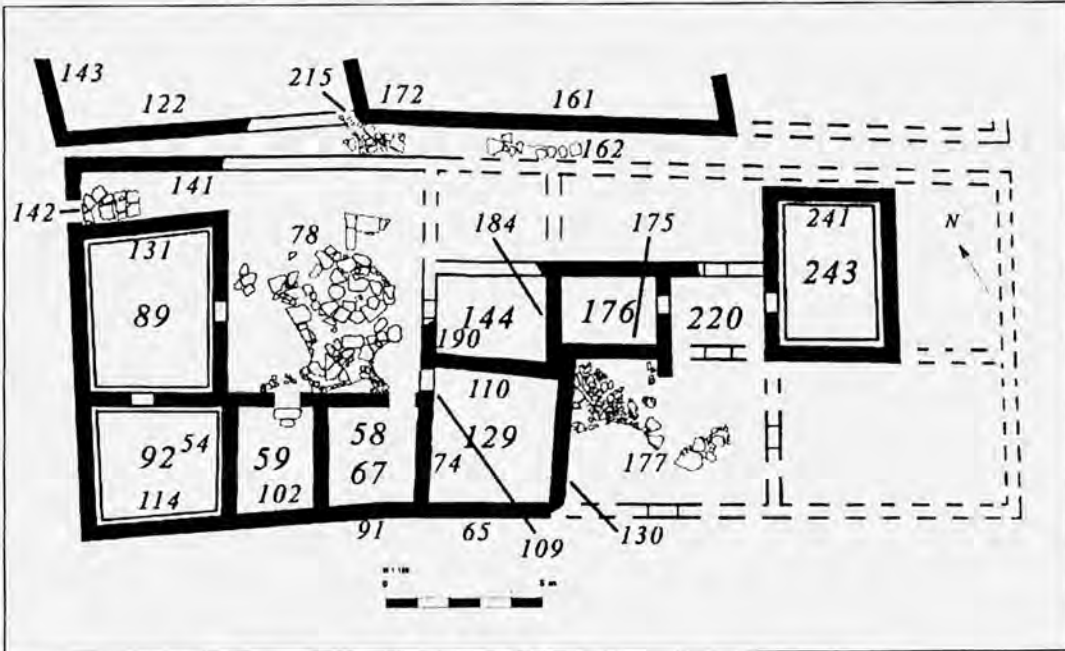

Рис. 7. План домов II - 3 и II - 4. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

Рис. 9. Дом II – 5. Алтарь и предалтарная площадка. Вид с востока (с севера).

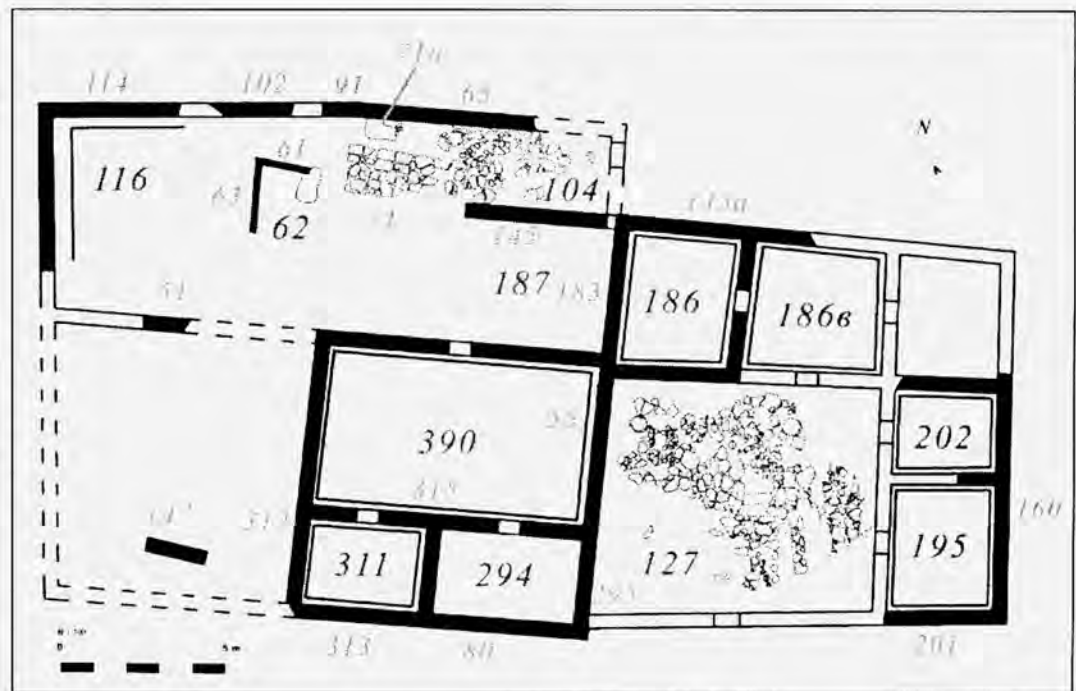

Рис. 10. План домов II – 5.6. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

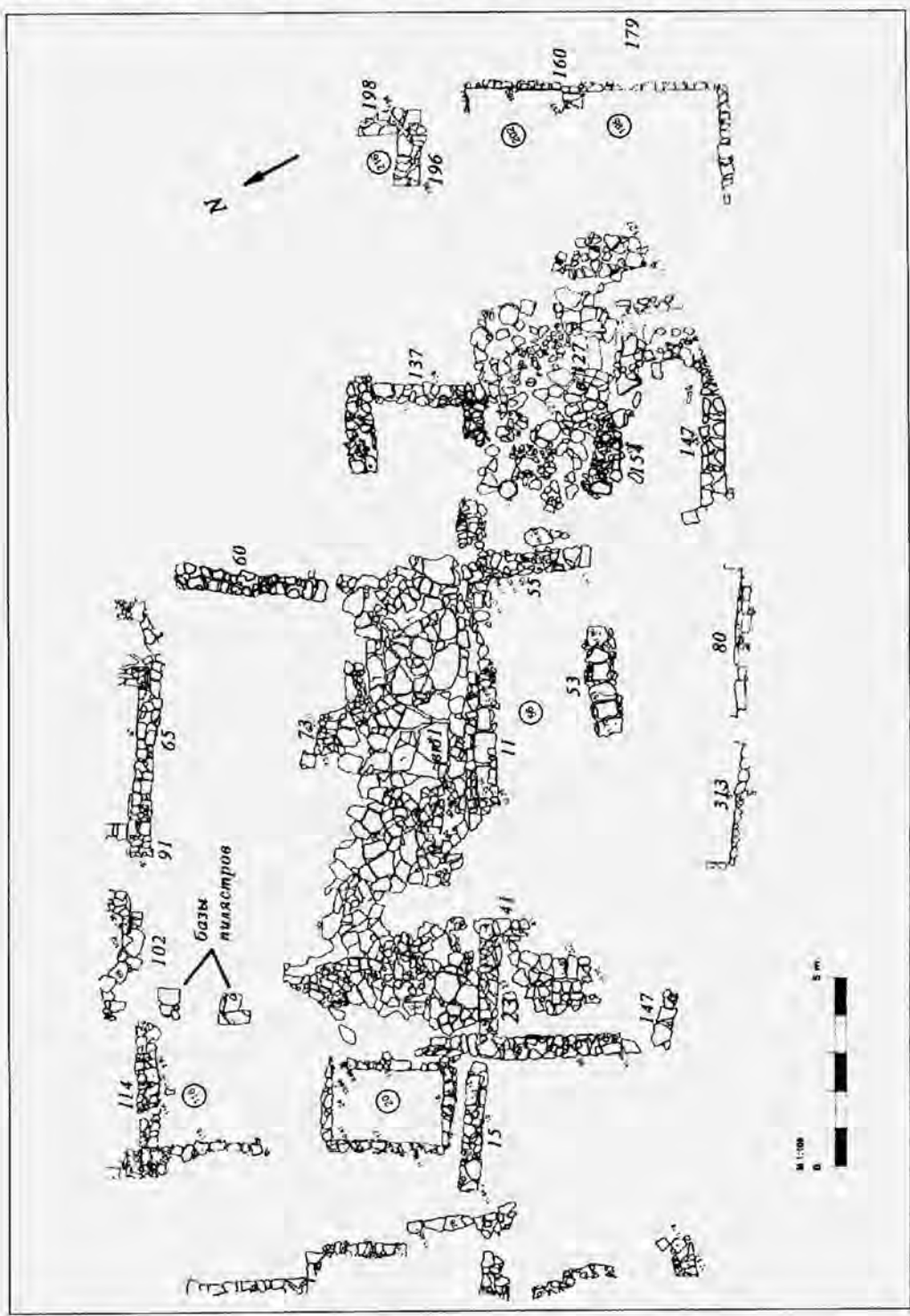

Рис. 11. Дом II - 7. Обмерный план.

Рис. 12. Дом II – 7. Основания пилястр. Вид с юга.

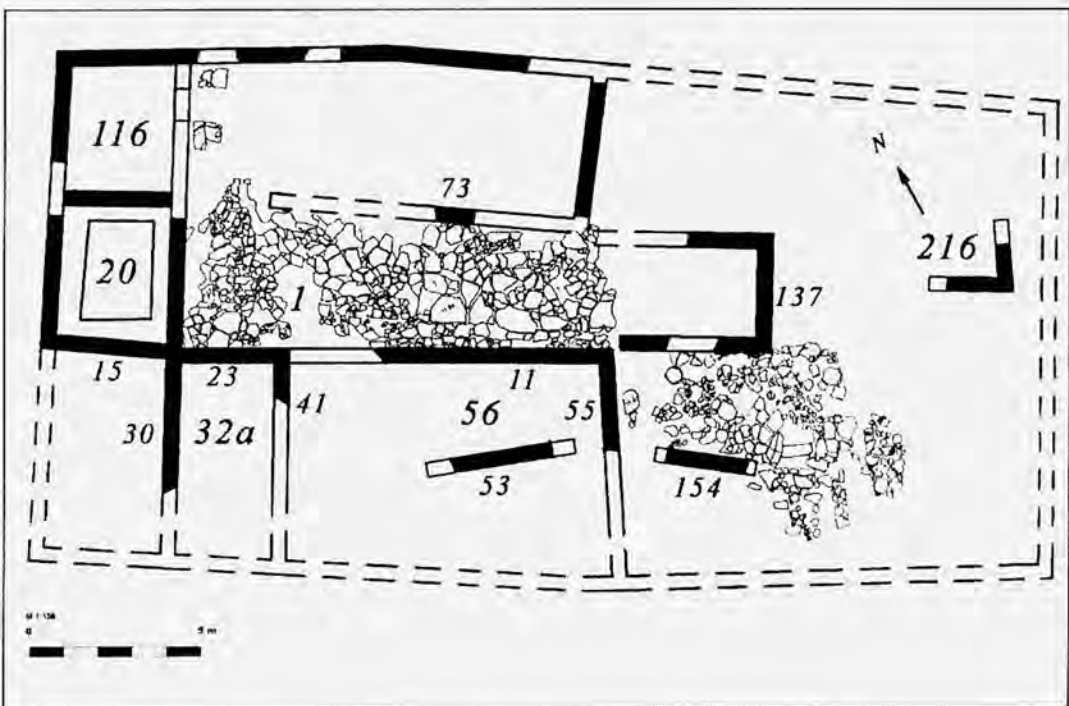

Рис. 13. План дома II – 7. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

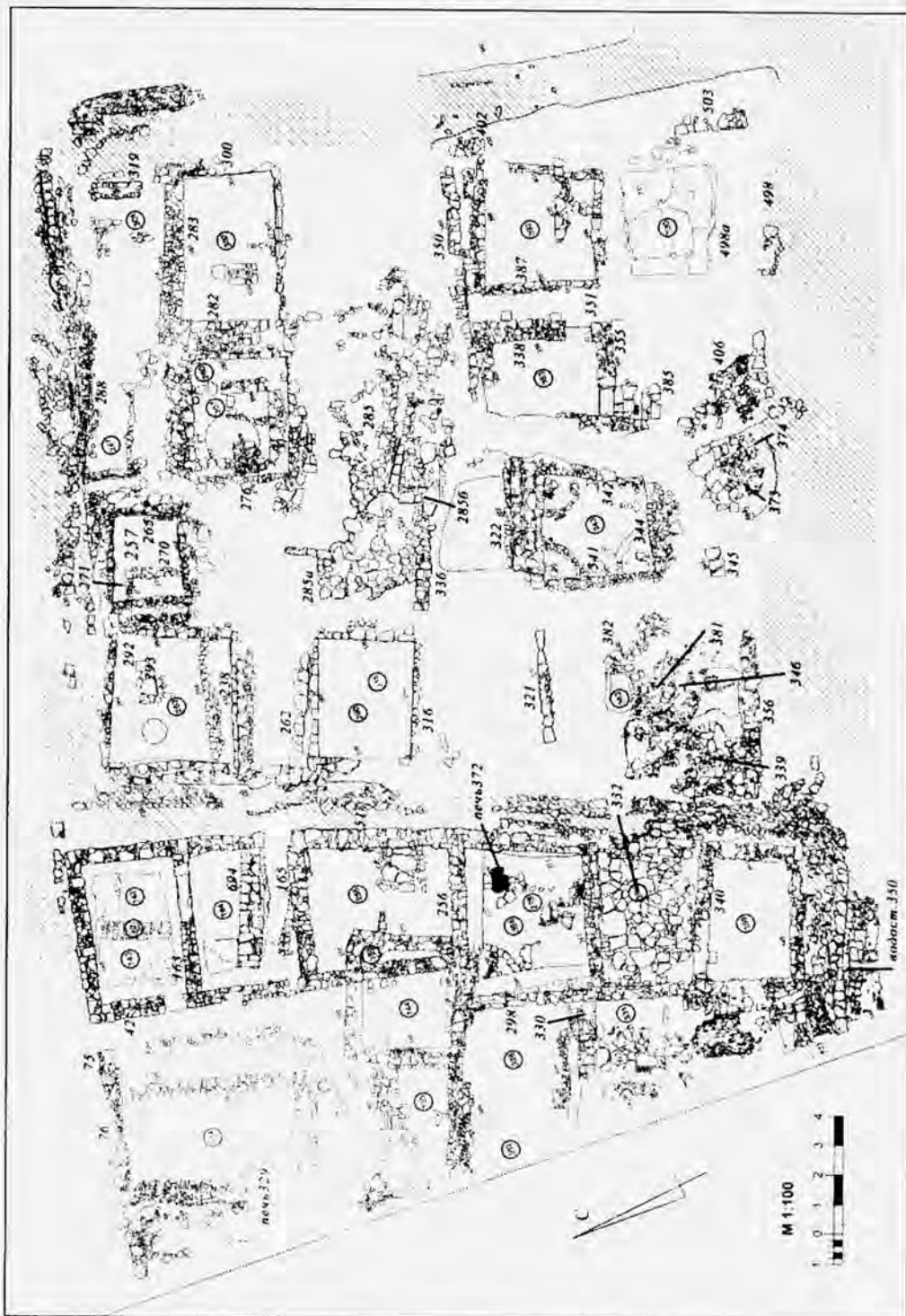

Рис. 14. Западный и центральный кварталы. Обмерный план.

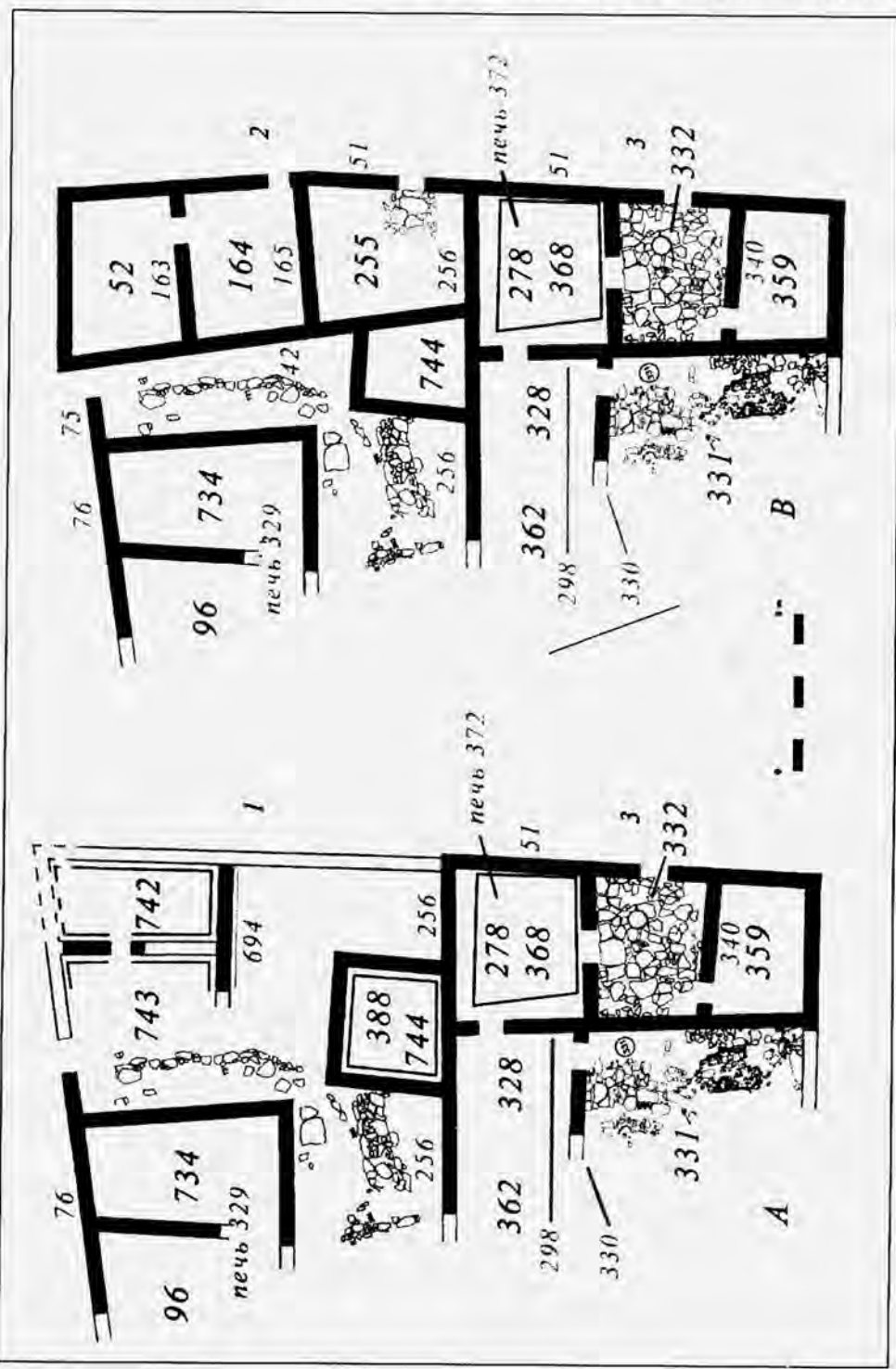

Рис. 15. План домов III - 2 и III - 3. А - ранний период, когда дом III - 2 отсутствовал; В - поздний период. 1 - 3 - номера домов. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

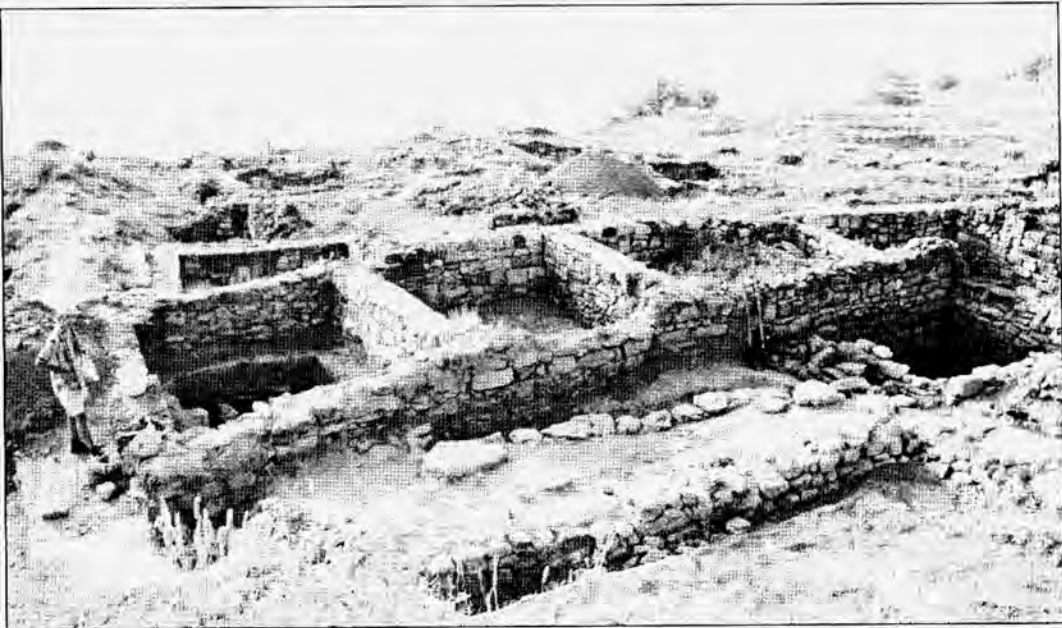

Рис. 16. Дом III – 2 после проведения консервации. Вид с северо-запада. На переднем плане остатки дома III – 1.

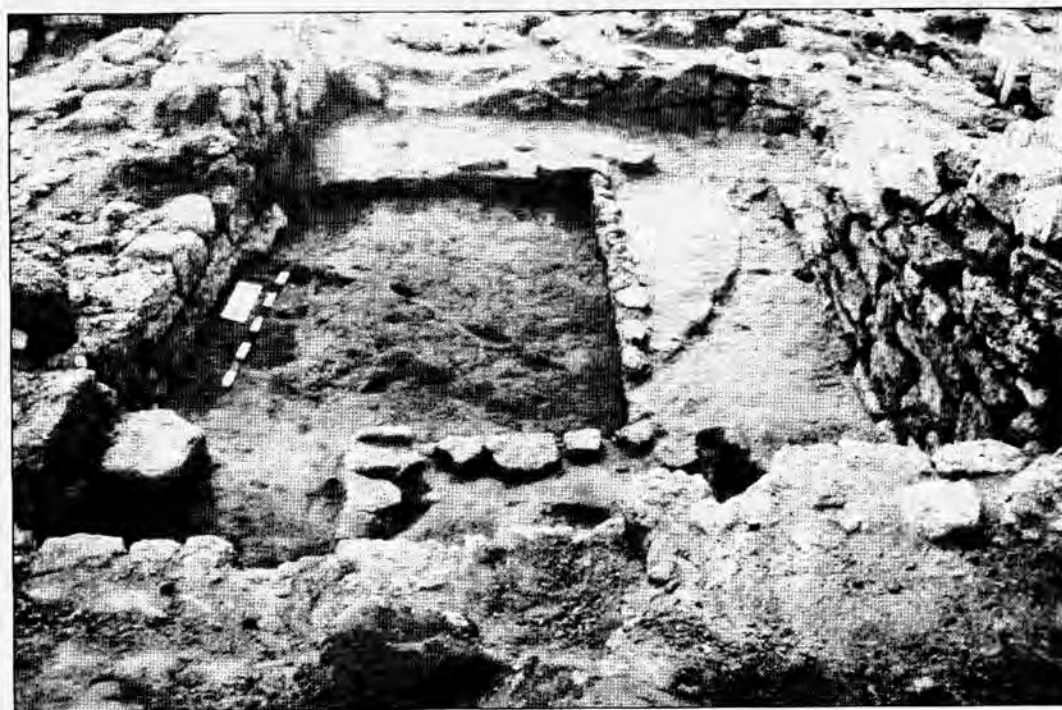

Рис. 17. Дом III – 3. Андрон. Вид с северо-запада.

Рис. 18. Вид с запада на дома IV-1, IV-2.

Рис. 19. Алтарь в помещении № 302.

Рис. 20. Восточная стена подвала № 353 с дверным проемом, ведущим в соседний подвал № 351.

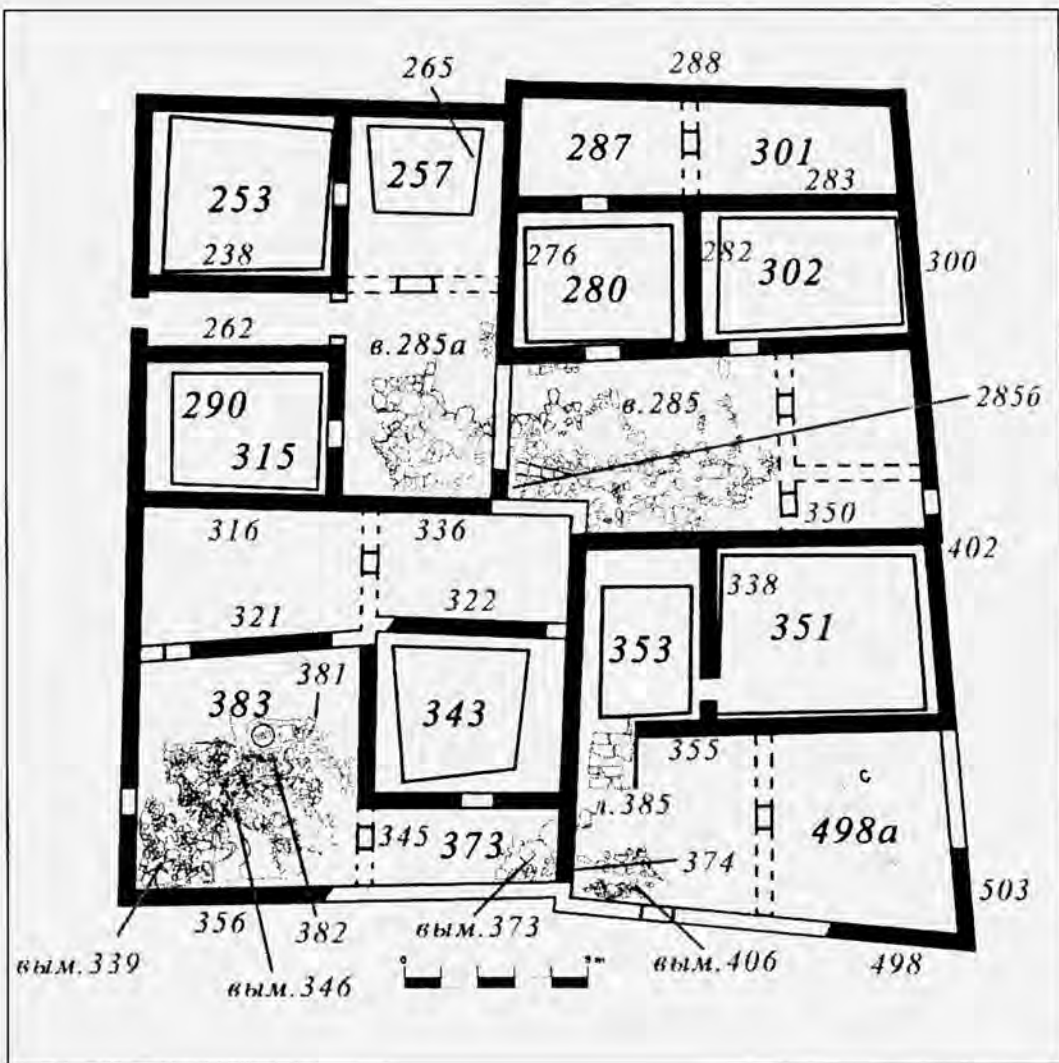

Рис. 21. План домов центрального квартала. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

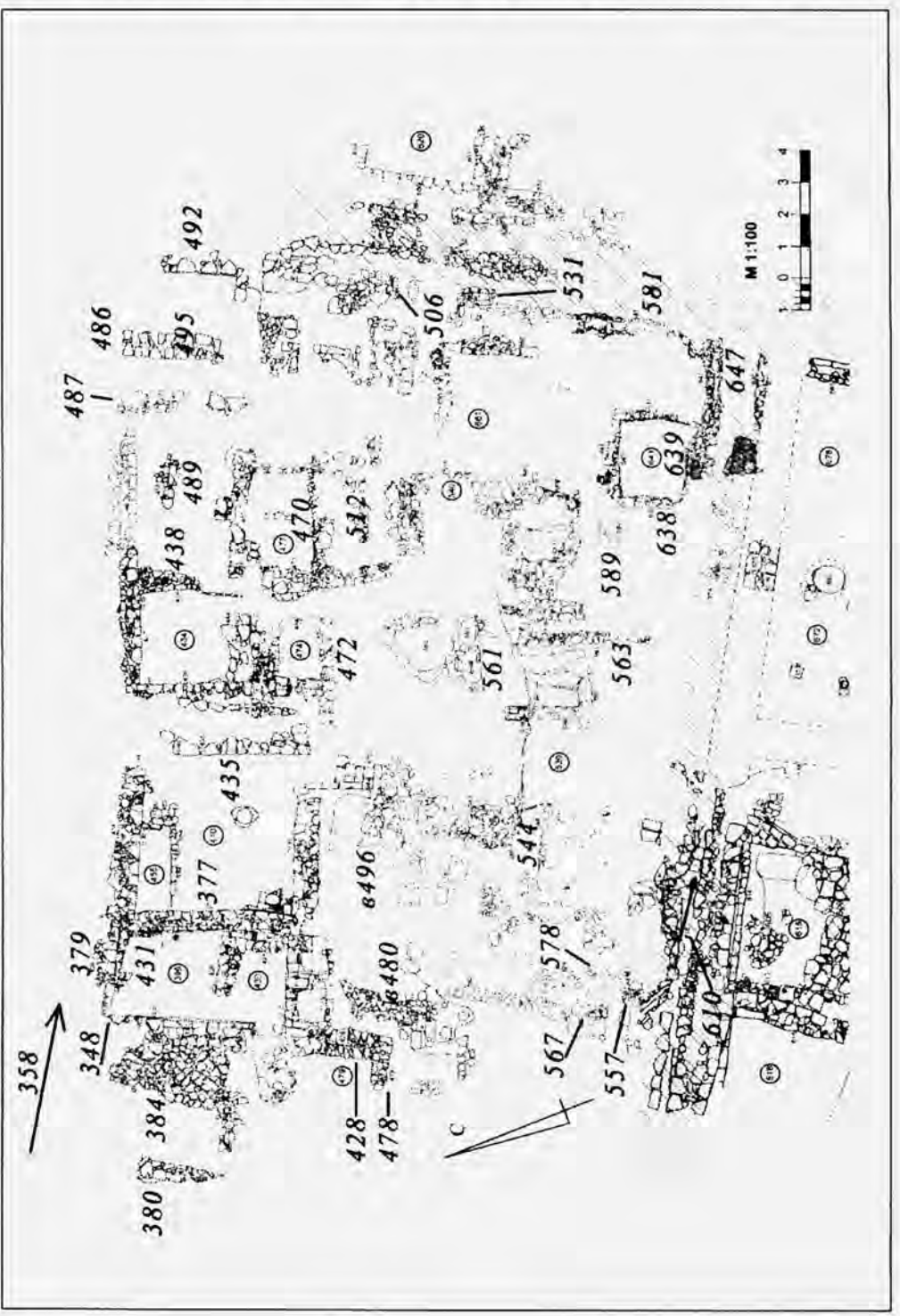

Рис. 22. Южный квартал. Обмерный план.

Рис. 23. Дом VI – 2. Вид с севера на подвалы №№ 395 и 410 после консервации.

Рис. 24. Дом VI – 2. Лестница в подвал № 410. Вид с северо-востока.

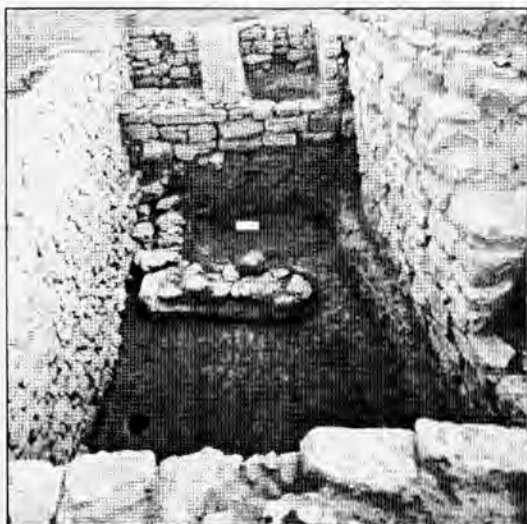

Рис. 25. Дом VI 2. Подвал № 395. Вид с севера.

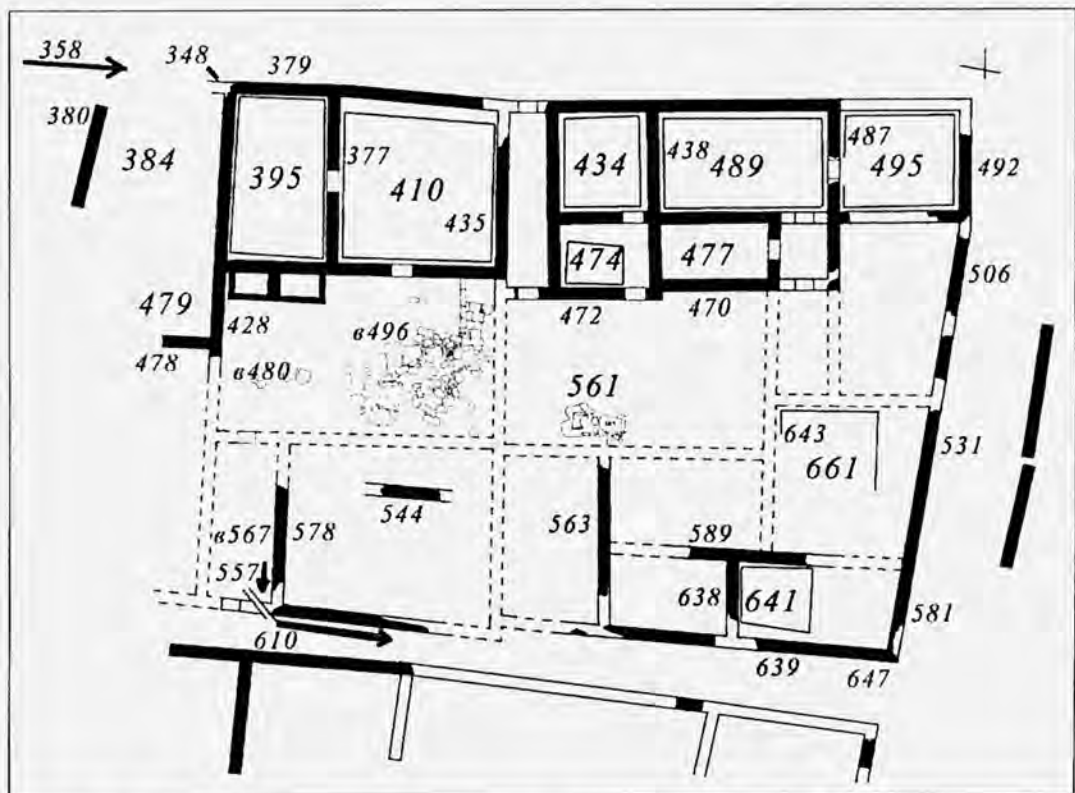

Рис. 26. Дома южного квартала. Реконструкция планировки С.Д. Крыжицкого.

Рис. 27. Дома участка НГС. Реконструкция планировки С.Д. Крыжицкого.

А.А. СТОЯНОВА

НАБОРЫ БУС В КОСТЮМЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА ВО II в. до н.э. – IV в. н.э.

Украшения из бус составляли неотъемлемую часть традиционного костюма населения предгорного Крыма античного времени. По количеству и разнообразию бус погребальные комплексы из этого района отличаются от остальных синхронных памятников полуострова. Бусы представляют собой специфическую категорию археологического материала. Сами по себе типы этих украшений малоинформативны, однако их сочетания в индивидуальном наборе могут выступать хронологическими реперами или отражать изменения в этнической структуре населения региона¹. Под индивидуальным набором мы будем понимать совокупность типов бус, зафиксированных *in situ* в индивидуальном захоронении. В отличие от индивидуального набора, набор бус из комплекса определяется совокупностью типов бус, найденных в одном погребальном сооружении с двумя или более захоронениями, и где не зафиксирована однозначная связь погребального инвентаря с конкретным погребенным.

На протяжении пяти веков, со II в. до н.э. и до конца III в. н.э., основу композиций составляли одни и те же типы бус, в частности, шаровидные и бочковидные из стекла с внутренней металлической прокладкой (типы 1-3²), шаровидные и бочковидные сердоликовые (типы 2, 3), округлые бусы из белого, красного, синего и зеленого стекла (типы 2, 3, 8 и 15), цилиндрические и ромбовидные пронизи из гагата (типы 26, 27 и 37) и фаянсовый короткоцилиндрический бисер (тип 7). Бусы этих типов присутствуют практически во всех погребениях рассматриваемого периода. Однако их количество и сочетания в наборах, а также расположение на костяке варьируется в комплексах разного времени.

¹ К сожалению, качество анализа бус в большинстве публикаций погребальных комплексов оставляет желать лучшего. Далеко не всегда на основании опубликованных материалов возможно определить типы найденных в комплексе бус, их количество и месторасположение, что существенно затрудняет изучение индивидуальных бусинных наборов. Представленные в настоящей статье наблюдения основаны, главным образом, на изучении коллекций бус из могильников Нейзац, Опушки, Фонтаны и Левадки, большая часть комплексов из которых еще не введена в научный оборот. В этой связи автор выражает благодарность И.Н. Храпунову и С.А. Мульду за возможность непосредственной работы с материалами из указанных памятников.

² Здесь и далее типы бус даны в соответствии с классификацией Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1975, 1978, 1985].

Самым проблематичным является вопрос о составе наборов бус позднеэллинистического времени. Комплексы конца III – II вв. до н.э. из предгорного Крыма немногочисленны. В основном, это подкурганые каменные склепы с коллективными захоронениями. Многократность погребений, качество полевой фиксации материала и его публикации не дают возможности даже в самых общих чертах судить о бусинных наборах в контексте одного погребального сооружения, не говоря уже о композициях бус в индивидуальном наборе [Дашевская, 1991, с. 23-25; Журавлев, Фирсов, 2001; Колтухов 2001; Труфанов, 2004]. Ко II – I вв. до н.э. относятся несколько земляных склепов из Восточного некрополя Неаполя скифского, однако в публикации отсутствует какая-либо информация о найденных в них бусах [Симонович, 1983, с. 30-31, 38, 42-43]. Составить некоторое представление о наборах бус этого времени позволяют только самые ранние погребения конца II – I вв. до н.э. в мавзолее Неаполя скифского [Погребова, 1961], захоронения в трех катакомбах из позднескифских могильников Левадки (№№ 17 и 18) и Фонтаны (№ 5) [Храпунов, Мульд, 2004; Храпунов, 2008, с. 7-12], и воинское погребение в кургане у с. Чистенькое [Зайцев, Колтухов, 2004].

Все эти комплексы содержали своеобразные бусинные наборы, не похожие друг на друга. Однотипные композиции зафиксированы в захоронениях в неапольском мавзолее. Их основу составляли шаровидные и бочковидные бусы из стекла с внутренней металлической прокладкой типов 1-3 по Е.М. Алексеевой, дополненные разнообразными полихромными, преимущественно, глазчатými, пронизями и бусами округлых форм из одноцветного стекла. Особенностью неапольских наборов, помимо наличия в них бус из золота, является достаточно большое число сердоликовых бус бочковидной формы, а также немногочисленные украшения из янтаря и горного хрусталя, которые не встречены больше ни в одном из перечисленных выше комплексов [Погребова, 1961, с. 164-169, 184-191]. Такое богатство в украшении костюма, очевидно, обусловлено социальным статусом погребенных в мавзолее людей. По доминированию в наборе позолоченных округлых бус к неапольским погребениям близки захоронения из катакомб № 17 и 18 из могильника Левадки [Храпунов, Мульд, 2004, с. 265]. При этом в южной камере могилы № 17 при численном преобладании шаровидных бус типа 1 единичны бочковидные пронизи типа 2. Противоположная ситуация зафиксирована в северной камере катакомбы № 17 и южной камере могилы № 18, в которых преобладают пропорциональные и поперечно сжатые бочковидные бусы типа 2 при незначительном количестве шаровидных изделий³. Примечательно, что такая же тен-

³ В публикации рассматриваемых комплексов все округлые бусы из стекла с внутренней металлической прокладкой, по всей видимости, ошибочно, отнесены к типу 1а по Е.М. Алексеевой (округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы) [Храпунов, Мульд 2004, с. 265; Алексеева 1978, с. 29]. Однако у бочковидных пронизей, в отличие от округлых (шаровидных), вокруг

денция в сочетании отмеченных типов наблюдается и в погребениях более позднего времени, за исключением позднескифских склепов I в. до н.э. – I в. н.э., где шаровидные и бочковидные позолоченные бусы, напротив, проявляют сильную взаимосвязь. Не характерно сочетание шаровидных и бочковидных позолоченных бусин и в погребениях III – I вв. до н.э. из некрополей античных центров – по данным Е.М. Алексеевой, комплексы, содержавшие изделия обоих типов, единичны [Алексеева, 1978, с. 29,30, тип 1а, 2а]. Наборы бус из северо-восточной и юго-западной камер могилы № 5 могильника Фонтаны при общем отличии состава, имеют, тем не менее, единую основу из стеклянных одноцветных яйцевидных бус в сочетании с такими же бусами с продольно-полосатым орнаментом [Стоянова, 2008, с. 23, табл. 5]. Такие комбинации пронизей яйцевидной формы наблюдаются и в комплексах IV – III вв. до н.э. некрополей греческих городов [Алексеева, 1978, с. 59], однако подобное сочетание не отмечено в захоронениях из предгорного Крыма.

Судить о способах использования бус в costume в позднеэллинистический период возможно лишь на основе единичных непо потревоженных захоронений. В большинстве случаев бусы располагались в районе грудной клетки, составляя небольшие ожерелья, иногда – на тазовых костях.

В раннеримское время количество бус в погребениях значительно увеличивается, появляется множество новых типов. Об этом свидетельствуют материалы позднескифских склепов с многократными захоронениями I в. до н.э. – I/первой половины II в. н.э. Нами были проанализированы такие склепы из могильников Левадки [Мульд, Масыкин, 2003], Кольчугино [Храпунов, Масыкин, Мульд, 1997] и Опушки [Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009]. К сожалению, из-за компактности размещения многочисленных погребений в склепах и перемещенности многих костей далеко не всегда возможно выявить индивидуальные наборы бус и их месторасположение на костяке. Тем не менее, характеризуя в целом бусы из рассматриваемых комплексов, можно отметить некоторые закономерности.

Наборы бус раннеримского времени отличаются яркой полихромией и разнообразным сочетанием типов. Практически во всех позднескифских склепах зафиксировано большое количество стеклянных шаровидных и бочковидных бус белого, синего и зеленого цветов типов 2, 8 и 15 [Алексеева, 1978, с. 63-65], шаровидных и бочковидных пронизей из стекла с внутренней металлической прокладкой типов 1 и 2 [Алексеева, 1978, с. 29, 30], шаровидных, короткоцилиндрических и усеченно-биконических пронизей из египетского фаянса типов 3, 9 и 11 [Алексеева, 1975, с. 31-33], цилиндрических гагатовых [Алексеева, 1978, с. 13-14, типы 26, 27] и округлых сердоликовых

каналов отверстий имеются ярко выраженные уплощения, свидетельствующие о применении дополнительных способов обработки изделия, возможно, с помощью щипцов [Алексеева 1975, с. 14] или прессования на плоскость [Львова 1979, с. 99, рис.2,166].

Масякин, Мульд, 1997, с. 122; Мульд, Масякин, 2003, табл. I; Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 27]. По всей видимости, такая ситуация объясняется тем, что небольшие по размеру полихромные бусы, так же как и большинство бус из других материалов, поступали к населению предгорного Крыма готовыми наборами, в то время как крупные пронизи из многоцветного стекла, прежде всего с глазчатым и сложно-составным орнаментом, приобретались поштучно и уже в зависимости от вкуса владельца формировались в ожерелья.

Для раннеримского времени характерно разнообразное использование бус для украшения костюма. Чаще всего бусы находились в районе шейных позвонков и грудной клетки погребенного. Они могли составлять остатки ожерелья или обшивки ворота платья. В некоторых случаях незначительное количество бус располагалось в районе кистей рук погребенных. Скорее всего, они составляли браслеты, так как практически во всех известных случаях бусы были зафиксированы только на одной руке. Браслеты обычно составлялись в тон ожерельям и содержали те же типы бус. Нередко в позднекифских склепах крупные скопления бус зафиксированы в районе берцовых костей погребенных. Считается, что ими расшивали нижний край одежды. Для этого применялись многочисленные мелкие бусы и бисер, главным образом однотипные фаянсовые и стеклянные.

В комплексах конца II – первой половины III в. н.э. содержатся наборы бус, свидетельствующие о некоторых изменениях, произошедших в традициях их составления. Интересные наборы бус зафиксированы в подбойных могилах этого времени из сармато-аланских могильников Нейзац, Дружное и Курское, позднекифских некрополей Левадки и Фонтаны и в могильнике Опушки. В большинстве случаев состав бус в погребальном комплексе соответствует индивидуальному набору, сопровождавшему захоронение, так как в отличие от склепов, в подбоях и грунтовых могилах этого периода совершались одиночные или парные погребения.

Количество бус в индивидуальных наборах этого периода увеличивается: если в раннеримское время их число в среднем составляло 100-110 экземпляров на одно захоронение, то в конце II – первой половине III в. н.э. оно возрастает до 400 экземпляров. Как и в более раннее время, преобладают бусы из одноцветного стекла. Наряду с шаровидными и бочковидными бусами становятся широко распространенными цилиндрические и граненые пронизи. Среди полихромных доминируют бусы со спиралевидным орнаментом. Существенно сокращается количество шаровидных и бочковидных бус из стекла с внутренней позолотой: в это время они обычно используются как дополнительные элементы бусинных наборов, а не в качестве их основы. Зато чрезвычайно многочисленными становятся цилиндрические пронизи из гагата и египетского фаянса – число последних в захоронении могло достигать 1,5 тысячи экземпляров. Характерной чертой погребений этого периода является многочисленность янтарных украшений по сравнению с более ранним временем.

Стоянова, 2005, с. 154-156; Стоянова, 2008, с. 26]. По всей видимости, такой же набор сопровождал погребенных в ограбленном склепе у с. Брянское [Труфанов, 1998, с. 141]. Чем была вызвана эта инновация в украшении костюма – технологическими новшествами и увеличением импорта бус новых типов или какими-то этнокультурными влияниями – ответить затруднительно.

Таким образом в начале позднеримского периода продолжали использоваться как зародившиеся ранее традиции составления бусинных наборов, отраженные в комплексах первой группы, так и новые, ранее неизвестные способы. Примечательно, что сочетание бус, отмеченное во второй группе погребений, характеризуется достаточно узким хронологическим диапазоном – содержавшие их комплексы относятся к концу II – первой половине III в. н.э. На их фоне выделяется могила № 139 из Нейзаца, в которой более 450 стеклянных цилиндрических и граненых пронизей совместно с бусами из стекла с металлической прокладкой были сконцентрированы в районе шеи и груди детского захоронения, отдельные экземпляры располагались в разных частях костяка. Выразительный сопровождавший захоронение инвентарь, среди которого – монета Рискупорида VI, датирует погребение первой половиной IV в. н.э. В отличие от остальных комплексов с такими наборами, в данном случае бусы либо образовывали ожерелье, состоявшее из нескольких нитей, либо были нашиты на верхнюю часть одежды [Храпунов, 2004а, с. 297].

Изменения в наборах бус наблюдаются в IV в. н.э. Значительно сокращается их количество в погребениях – в среднем на одно захоронение приходится около 40 бусин, что в несколько раз меньше, чем в погребениях более раннего периода. Практически исчезает традиция расширять одежду бисером, носить длинные яркие ожерелья и браслеты из бус. В погребениях этого времени очень редко встречаются изделия из египетского фаянса и гагата. Наиболее популярными в этот период становятся некрупные бусы из синего стекла. Сильную взаимосвязь в погребениях IV в. н.э. проявляют шаровидные синие бусы, цилиндрические и усеченно-биконические пронизи, преимущественно синих оттенков. В ряде случаев они сочетаются с янтарными бусами [Хайрединова, 1995, с. 82].

В основном бусы использовались в качестве ожерелий, составляя короткие нити, выдержанные в одной цветовой гамме и размерном диапазоне. Чаще всего их составляли синие пронизи указанных форм, иногда – мелкие округлые бусы из черного или зеленого стекла. В мужских захоронениях встречаются единичные крупные полихромные или янтарные пронизи, расположенные в области шейных позвонков или около тазовых костей. Они могли использоваться как пуговицы или подвески, служить украшением пояса [Хайрединова, 1995, с. 78]. У погребенного в склепе № 2 из могильника Озерное III две крупные пронизи располагались недалеко от рукоятей меча и кинжала [Лобода, 1977, с. 245]. Эта деталь неоднократно зафиксирована в воинских захоронениях позднесарматского времени, в которых крупные бусы могли являться элементами застежек портупейных ремней и фиксаторами ножен [Безуглов, 2000, с.172, 177-178].

- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1982.
- Безуглов С. И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. — Ростов-на-Дону, 2000.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. — М., 1991.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б.* Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г.* Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в Предгорном Крыму // Боспорские исследования. Вып. VII. — Симферополь-Керчь, 2004.
- Колтухов С. Г.* О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. — М., 2001.
- Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. 1977. № 1.
- Львова З. А.* Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. 1979. № 20.
- Мастыкова А. В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднееримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. — К., 1999.
- Мульд С. А., Масякиш В. В.* Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. Вып. X. — Симферополь, 2003.
- Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1961. № 96.
- Пуздровский А. Е.* Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА. 1992. № 2.
- Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. — Симферополь-Керчь 2004.
- Стоянова А. А.* Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. XI. — Симферополь, 2005.
- Стоянова А. А.* Бусы из могильника Фонтаны // Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000-2001 гг.). — Симферополь, 2008.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). — Киев, 1983.
- Труфанов А. А.* Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в юго-западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. IX. — Севастополь, 1998.
- Труфанов А. А.* Дополнения к опубликованным материалам гробниц в «Тавельских» курганах 1897 г. // У Понта Эвксинского. — Симферополь, 2004.
- Труфанов А. А.* Подбойные могилы III в. н.э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. Вып. I. — Киев-Судак, 2004а.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 2001-2002. № 4.
- Хайреддинова Э. А.* Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, 1995.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). — Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н.* Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. — Симферополь, 2003.
- Храпунов И. Н.* Подбойная могила позднееримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Вып. XIII. — Севастополь, 2004.
- Храпунов И. Н.* Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIII. — Симферополь, 2007.
- Храпунов И. Н.* Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000-2001 гг.). — Симферополь, 2008.
- Храпунов И. Н.* Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. — М.-Магнитогорск, 2008а.
- Храпунов И. Н., Масякиш В. В., Мульд С. А.* Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. — Симферополь, 1997.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А.* Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы филологии, истории и культуры. Вып. XIV. — М.-Магнитогорск, 2004.

- Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А.* Позднескифский склеп из могильника Опушки. — Симферополь, 2009.
- Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А.* Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. — Симферополь, 2001.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII — Севастополь, 2003.
- Tempelmann-Mączyńska M.* Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. — Mainz am Rhein, 1985.

А.А. Стоянова

НАБОРЫ НАМИСТ У КОСТЮМАХ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРЕДГІРНОГО КРИМУ У II ст. до н.е. – IV ст. н.е.

Резюме

В статті розглядаються набори намист, які використовувались для прикрас костюму населенням передгірного Криму з II ст. до н.е. до IV ст. н.е. На основі вивчення матеріалів з поховань представлені основні засоби використання намист у костюмі, означені типи намист, які складають основу наборів з намист на протязі всього періоду, вилучені сполучення намист у наборах різного часу.

А.А. Стоянова

НАБОРЫ БУС В КОСТЮМЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА ВО II в. до н.э. – IV в. н.э.

Резюме

В статье рассматриваются наборы бус, использовавшиеся для украшения костюма населением предгорного Крыма со II в. до н.э. до IV в. н.э. На основании изучения материалов из погребений представлены основные способы использования бус в костюме, определены типы бус, составлявшие основу бусинных наборов на протяжении всего периода, выявлены сочетания бус в наборах разного времени.

A.A. Stoyanova

SETS OF BEADS IN THE COSTUMES OF THE POPULATION OF THE PIEDMONT OF THE CRIMEA IN THE 2nd c. BC – 4th c. AD

Summary

Sets of beads used for decoration of costumes among the population of the piedmont of the Crimea since the 2nd c. BC, are discussed in this article. Based on the study of materials from the burials, the main ways of using beads in the costumes are presented in the study. Types of beads that formed the basis sets of beads throughout the entire period, and combinations of beads in sets of different times have been identified.

КАЛЕНДАРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ЗОЛЬНЫХ ХОЛМОВ АНТИЧНЫХ ГОРОДИЩ АРТЕЗИАН И БАГЕРОВО-СЕВЕРНОЕ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Исследователи многократно обращали внимание на изучение больших зольных холмов и аморфных зольных сбросов, типичных для многих античных и варварских поселений юга России и Украины. Такие зольники, как правило, располагались на периферии поселений, реже – внутри жилой застройки. В первые века нашей эры зольники в диаметре могли достигать нескольких десятков метров, а по высоте – двух-трех, пяти и более метров. При их интерпретации высказывались различные точки зрения и нередко случались диаметрально противоположные суждения. Большинство исследователей в настоящее время считает подобные объекты своеобразными культовыми комплексами [Гайдукевич, 1958; 1965, 34 и сл.; Кругликова, 1975, с. 106 и сл.; Русыева, 2004, с. 296 и сл.; Молева, 2009, с. 22 и сл.]¹. Хотя встречаются и другие точки зрения, исходящие из культово-утилитарной [Высоцкая, 1979, с. 70 и сл.; Масленников, 2007, с. 406 и сл.] или утилитарной трактовки зольных сбросов и насыпей [Бутягин, 2005, с. 101 и сл.]². Многообразие предмета исследования, отличия в функциональных назначениях зольников, путаница в терминах в отчетных материалах и публикациях усложняют и без того непростую

¹ Список литературы и детальный обзор мнений по рассматриваемой теме приведены в работах А. С. Русыевой [2005, 2006, с.95-103] и А. А. Масленникова [Масленников, 2007, с. 406-457].

² Наиболее спорным оказался вопрос о том, как относиться к этим зольным сбросам: как к свалкам бытового мусора, выбросам из печей и различных отходов жизнедеятельности или как к особым ритуальным объектам. Отсюда целые и фрагментированные артефакты, находимые в зольных напластованиях, трактовались сторонниками утилитарного, бытового характера происхождения зольников в качестве обычных включений в мусорный слой, как предметы, пришедшие в негодность или потерянные, а потом выброшенные вместе с другими отходами. Ученые, стоявшие на второй позиции, полагали, что находки в зольниках являлись остатками особых жертвенных подношений, попадание которых в зольники определялось особенностями религиозных воззрений жителей того или иного поселения. Именно в зольниках в гораздо большем количестве, чем в обычных слоях городища, концентрировались находки, связанные с культовыми традициями и религиозными церемониями, связанные с почитанием божеств, жертвоприношениями людей и животных, алтарные комплексы и ритуальные площадки. Закономерно, что сторонников сакрального подхода происхождения зольных холмов было больше. Ведь именно там в гораздо большем количестве, чем в обычных слоях городища, концентрировались находки, связанные с культовыми традициями и религиозными церемониями, связанные с почитанием божеств, жертвоприношениями людей и животных, алтарные комплексы и ритуальные площадки.

задачу понимания этих интересных объектов. Попытки отделить зольные холмы и сбросы сакрального характера от «типично» мусорных и бытовых свалок достаточно дискуссионные и весьма субъективны. Отнесение зольников к той или иной категории во многом зависит от понятийного аппарата, методики проведения раскопочных работ и дистанционных исследований, квалификации, научных приоритетов, материалистической или религиозной позиции того или иного автора.

Расплывшиеся под воздействием эрозионных факторов зольные насыпи очень сложны для проведения раскопочных работ. Многие зольные холмы, занимавшие доминантные высоты, зачастую изрыты поздними перекопами, норами животных и сильно пострадали в ходе боевых действий. Нарушенность зольных напластований – серьезная помеха для их понимания. Обычные приемы, которые применяются при археологическом изучении городищ и курганов, здесь не всегда удается использовать, так как зольные напластования быстро пересыхают, теряют устойчивость и цветность, часто становятся сыпучими и пылеватými. При жаркой погоде и сильных ветрах, характерных для южных районов в теплое время года, изучение таких объектов представляет опасность для здоровья, прежде всего для зрения и дыхательных путей землекопов, художников и архитекторов³.

Методика археологических работ. Зольные холмы и насыпи требуется сразу копать на снос, как курганы, фиксируя горизонтальную и вертикальную стратиграфию через каждые 0,05-0,15 м пройденного зольного слоя. Иногда, в ходе изучения зольных насыпей, удается выявить жертвенные площадки с оградами, алтарями, фависсами. Но, чаще всего, находят целые и фрагментированные артефакты, оставшиеся от жертвенных подношений и всесожжений, а также многие другие находки, которые не всегда можно связать с религиозными обрядами⁴. В любом случае, независимо от плотности

³ Работы на зольниках по правилам техники безопасности необходимо проводить в защитных очках и респираторах. К сожалению, часто этим пренебрегают.

⁴ В Северо-Западном Причерноморье в зольнике античного Кошарского поселения IV-III вв. до н. э. найдены на уровне слоя подсыпки (предматериковый слой) среди большого количества фрагментов различных артефактов, в том числе терракотовых зерен, часть протомы Коры-Персефоны, гальки, вотивные глиняные лепешки, кружки из стенок амфор, две крышки черепных коробок (определенные как закладная жертва), нижняя челюсть: в вышележащих напластованиях – фрагмент нижней челюсти, две залощенные большие берцовые кости, фаланги пальцев [Носова, 2002, с. 64 и сл.]. Этот зольник напоминает ольвийские зольники и, возможно, связан с дионисийским оргиастическим культом. Исследователь не склонна связывать останки людей с человеческими жертвоприношениями, но с захоронениями на некрополе, расположенном рядом. Последнее соображение может быть подвергнуто сомнению, так как целые или фрагментированные человеческие останки в синхронных зольниках, имевших ритуальный характер не могут быть случайными и, скорее всего, связаны с жертвоприношениями (см. также: Емец, 2002, с. 129 и сл.; Русанова, 1998). Не исключено, что ритуальным можно считать безынвентарное скорченное погребение, обложенное известняковыми камнями, расчищенное в «канаве», перекрытой полной зольника IV-III вв. до н. э. около ольвийского поселения Козырки 11 [Головачева, Рогов, 2002, с. 42].

грунта, в зольниках с точностью до сантиметров (оптимально с помощью профессионального GPS-оборудования) необходимо фиксировать не только кладки, отдельные камни и куски обожженной глины, микропрослойки и линзы углей, золы и глины, перекопы, но и любые изменения в микрорельефе напластований, выделяя уплотненные или утопанные горизонты с наиболее значимыми хронологическими индикаторами и другими артефактами. В рыхлых сыпучих грунтах лучше применять деликатные расчистки щетками, кистями, мехами или современными автономными воздуходувками⁸. Все целые и фрагментированные кости людей и животных из зольников следует строго фиксировать, статистически учитывать, обрабатывать с помощью опытных специалистов: антропологов и археозоологов. Для получения карпологических и палеоботанических материалов при исследовании зольников особенное внимание следует уделять промывкам образцов грунта из ям, ботросов и фависс, с поверхностей вымосток, утопанных площадок и пережженных точек, алтарей и загоронок. Весь удаляемый золистый грунт требует просмотра с помощью металлодетекторов и последующего тщательного просева на ручном или механическом грохоте через сетку с мелкими ячейками. Эти поисковые приемы сильно замедляют раскопочную работу, приводят к большим временным и трудовым затратам, но необходимы для воссоздания объективной картины бытования зольников и поиска мелких предметов, трудно заметных в золистых рыхлых отложениях.

Насыщенность находками, большие размеры зольников, ограниченные финансовые и людские ресурсы не позволяют многим экспедициям за один полевой сезон полностью раскопать зольные холмы. Частично вскрытые зольные насыпи привлекают мародеров и быстро разрушаются от непогоды. Раскопки сегментами, разведочными шурфами, стратиграфическими траншеями на зольниках категорически неприемлемы, так как наносят невосполнимый ущерб памятникам, затрудняют понимание и даже могут привести к неправильным интерпретациям найденного материала. По этой причине столь трудны для анализа и проверки материалы раскопок зольников, которые проводились в 50-70 гг. XX столетия. Возможно, по изложенным выше причинам полностью изученные зольники, несмотря на большой интерес к ним, единичны. Основные сложности в интерпретации боспорских зольников преодолеть без значимых археологических работ не удастся еще долгое время [Масленников, 2007, с. 454 и сл.]. Актуальны в этой связи масштабные археологические работы на широкой площади, исследующие на снос зольники наиболее значимых боспорских поселений, прежде всего, первых веков нашей эры. Для этого

⁸ Воздуходув – устройство с электрическим или бензиновым двигателем, позволяющее путем струи выдуваемого воздуха собирать легкий пылеватый грунт и мусор. Некоторые модели воздуходувов могут всасывать мусор, перемалывать его и аккумулировать в мусоросборник. Понятно, они использоваться на раскопках не могут.

требуется разработка специальной комплексной научной программы, рассчитанной на несколько лет работы, а также хорошо подготовленная группа специалистов, включающая не только ученых-археологов, но и почвоведов, антропологов, палеоботаников и археозоологов. На данном этапе изучения зольников гипотетических построений будет больше, чем реальной доказательной базы.

Особенности топографии.

Античное городище Артезиан расположено на мысу между двумя балками одноименного урочища. В его центре возвышается Цитадель⁶. По меньшей мере, городище и цитадель дважды претерпевали серьезную перестройку: в конце первого века до н. э. – на рубеже эр и середине первого века нашей эры – после боспоро-римской войны. В последнем случае укрепленная зона поселения увеличилась, по меньшей мере, вдвое. Однако правильная планировка поселения, изначально заложенная архитекторами и топографами, существенно не изменилась: лишь на несколько градусов был скорректирован вектор ориентации по сторонам света. Прямоугольные кварталы городища по-прежнему имели регулярный характер. Они остались вытянутыми с севера на юг и также располагались по уступам-террасам на склонах балок.

На городище Артезиан четыре больших зольных холма. Три зольника №1-3 расположены с его восточной стороны, один – зольник №4 – с западной. Можно ли в численном соотношении 3:1 видеть какую-то закономерность или некое сакральное сочетание, сказать сложно. Количество зольников вокруг боспорских поселений обычно находится в пределах от одного-двух до пяти, иногда и более. До восьми зольников насчитала И. Т. Кругликова для небольшого поселения Андреевка Северная площадью около 1 га [1975, с. 107 и сл.], до восьми-десяти(?) – А. А. Масленников на городище Багерово-Северное [2007, с. 437]. Впрочем, настоящее количество зольных холмов может не соответствовать древнему времени, да и исследователи могут ошибаться при визуальном осмотре поселений. Тем более что со временем природные и антропогенные разрушения могли привести к полному или частичному уничтожению зольных насыпей. Так на небольшом городище Золотое-Берег первых веков нашей эры, хорошо заметен единственный зольник в виде большой расплывшейся конической насыпи. Он расположен на северо-востоке от поселения.

⁶ Цитадель – античная крепость в центре городища возникла в I в. до н. э. – начале I в. н. э. В ходе раскопок прослежены два основных этапа формирования ее оборонительных сооружений – I в. до н. э. – 44/45 гг. н. э. и середины I-II вв. н. э. Ранняя цитадель городища Артезиан – мощный форт правильной прямоугольной или квадратной формы с толстыми и высокими стенами, четкой внутренней планировкой. Крепость была взята штурмом в 44/45 г. в ходе боспоро-римской войны и полностью сгорела. Толщина ее внутренних и внешних стен позволяет вполне обоснованно говорить о наличии нескольких этажей застройки. Пространство вокруг нее дополнительно защищалось рвом глубиной до 3,30 м при ширине до 7,60 м. Выявлен проезд через западную линию рва шириной до пяти метров. Внутренние помещения крепости заключены в пространство между двумя, реже – тремя параллельными стенами, внешняя из которых – собственно крепостная. Пока раскопано шесть помещений, в одном из них функционировало святилище.

Но по диагонали от него, за обрывом скального плато, видимо, был еще один(?) зольник. От него осталось только основание, перекрытое бетонными плитами современного пансионата. Верх зольника срезан в советское время бульдозером при сооружении площадки под застройку. Уничтоженный зольник находился с юго-запада от поселения. Площадь жилой застройки городища Золотое около 1-2 га, что в несколько раз меньше территории городища Артезиан. Соответственно меньше было и зольников. *Возможно, существовала некая взаимосвязь между числом зольников на поселении и его площадью, точнее - количеством проживающих на его территории человек.* Предполагалось, что зольники могли опосредованно или прямо соответствовать количеству основных семей⁷ (родов) или этнических (религиозных) групп, живущих на городище, или культов, особенно почитаемых его населением. Но это только на первый, упрощенный взгляд. Магический смысл размещения зольников на границах поселений, наверное, истолковать возможно, хотя сомнения в правильности выдвигаемых версий все же остаются [Кругликова, 1975, с. 109].

Восточные зольники городища Артезиан визуально преобладают над окружающим пространством и, судя по их настоящим размерам, могли соперничать высотой с крепостными стенами Цитадели. Северо-восточный зольник 1 – округлой формы, располагался в самой высокой точке, поэтому его размеры при обзоре выглядят наиболее впечатляюще. Сечение его основания – 71,1x82,80 м, высота – 3,30-3,60 м. Средний из восточных насыпей – зольник 2 – имеет форму овала, вытянутого по оси юго-запад-северо-восток. Он меньше по размерам. Его длина – 68,20 м, ширина – 44,00 м, высота – 3,40-4,00 м. Между зольниками №№ 1-2 проходила древняя дорога шириной около четырех метров. Интересно, что самый удобный подход к поселению имелся с наиболее безопасной (и с сакральной точки зрения?) восточной стороны. Следующий – юго-восточный зольник №3, меньше прочих. Он располагался вплотную к склону южной балки. Его насыпь вытянута с северо-запада на юго-восток на 49,5 м, при ширине 37,30 м. Высота его насыпи достигала 2,10-3,40 м. Разница в высотных характеристиках объясняется общим перепадом высот и местоположением зольников. Отметим, что верх восточных зольников 1-3 городища в настоящее время находится практически на одном уровне с основной центральной частью некрополя. Перепад высот в районе некрополя составляет с запада на восток до 3,5-4,2 м, что возвышает его над находящимся заметно ниже городищем (на 3,5-11,0 м).

На северо-западе от городища единственный западный зольник №4 расположен ниже уровня всех построек, он как бы «утоплен» на нижнем склоне балки. Он ограждает городище с наиболее опасного направления, откуда по дорогам со стороны степи или побережья – с запада и северо-запада – мог

⁷ И. Т. Кругликова одной из первой пыталась установить взаимосвязь числа боспорских зольников и количества социальных групп: родов, малых или больших семей, или иных коллективов родственников [1975, с. 108 и сл.].

приблизиться враг. Если провести прямую от вершины юго-восточного зольника 3 до верха северо-западного зольника 4, то она пройдет непосредственно через центр городища. Для нашего вопроса этот момент существенен, мы к нему еще вернемся, но немного позже. Зольник 4 отличается вытянутые с юго-запада на северо-восток пропорции. Длина его 112 м, ширина – около 55 м. Высота – 4,20-5,20 м. Он находится ниже зольника 1 на 10,40 м, зольника 2 – 9,10 м, зольника 3 – 7,20 м. С вершины зольника открывается прекрасный вид на все урочище, море и мыс Казантип, хорошо видный при нормальной погоде.

Наличие четырех монументальных зольников на городище Артезиан никак не помешало накоплению довольно мощных зольных сбросов в южной и северной окраинных частях городища. Кроме того, зольным грунтом во II-III вв. был полностью засыпан глубокий ров поздней Цитадели городища и весь внутренний периметр ее крепостных стен, уже частично разобранных. Скорее всего, эти зольные сбросы имели мусорный характер и их образование не было связано с функционированием зольников. Хотя полной уверенности в этом нет, так как находки votivных предметов в них – также не редкость. Сходная картина наблюдалась на многих боспорских поселениях и проблема, как соотнести между собой синхронные насыпные зольники и зольные сбросы, далека от разрешения [Масленников, 2007, с. 413, 441 и сл.].

Зольные холмы на городище Артезиан вынесены за пределы черты хозяйственно жилой застройки. На востоке они являют собой своеобразную границу между миром живым и миром мертвых⁸, зримо отделяя жилую зону городища от некрополя. Замечено, что зольники вписаны в планиметрию всего городища и соответствуют отдельным участкам некрополя поселения. Это не случайно. После основания крепости Артезиан, когда вдоль дорог за пределами линий ее обороны постепенно разрастался некрополь, он четко формировался по зонам, в центре которых располагались наиболее богатые каменные склепы. Концентрация могил вокруг склепов отражала определенную кланово-социальную и (или) религиозную стратификацию местного населения. Важным для исследуемого вопроса представляется, что каждому из участков некрополя соответствовал на окраине городища свой монументальный зольник, что предполагает сакрализацию освоенного антропогенного ландшафта и покровительство миру живых и миру умерших определенных божеств, которым поклонялись жители городища [Винокуров, 2006, с. 37 и сл.].

Цитадель, некрополь городища Артезиан, зольники, дороги, отходящие от него, были размещены на выбранном месте не случайно, не «естественным» путем, а целенаправленно – в ходе определенной землемерной разметки с учетом действия космогонических факторов. На месте городища располагался курганный некрополь энеолита бронзового века, спланированный в эллинисти-

⁸ Зольники в литературе достаточно давно рассматривались как древняя магическая заградительная линия (см. подробнее: Горончаровский, 2002, с. 169 и сл.).

ческое время при сооружении первых террас и построек. При этом не исключено, что зольники были при планировании топографических участков первичными точками отсчета. Они могли перекрыть и более ранние насыпи курганов. Хотя это принципиально важно, но доказательных данных в настоящий момент недостаточно, так как требуется детальная раскопка всех зольных холмов городища. В наших расчетах мы вынужденно исходим из положения небесных светил в I в. н. э. Но даже если зольники появились значительно раньше Цитадели, то смещения азимутов восхода и захода Солнца будут незначительны.

Методика и результаты астрономических измерений.

Давним желанием сотрудников нашей экспедиции было приступить к археологическим раскопкам зольников, но пока приходится ограничиваться дистанционными методами исследования, среди которых одним из перспективных представляется астроархеологический метод изучения. Зольник – видимый маркер религиозного моления, регулярных жертвоприношений, имевших определяющую роль в жизни древних социумов. Как известно, для земледельца, воина, охотника, скотовода, путешественника и морехода древности расположение небесных тел предопределяло и регламентировало течение всей жизни и хозяйственной деятельности. Солнце, луна и основные созвездия послужили основой для хронологических и пространственных вычислений и построения календарных систем древности, тесно увязанных с мифологическими и культовыми представлениями.

Мы изначально исходили из сакральной трактовки зольников и решили проверить расположение этих объектов на местности в зависимости от движения небесных светил, прежде всего, солнца. Предположение о связи зольников с движением солнца высказывалось уже давно. В свое время Т. Н. Высоцкая обратила внимание на связь зольников с культом солнца и огня, с древними астрокалендарными системами [Высоцкая, 2001, с. 77 и сл.]. При всей своей неоднозначности только астрономические методы исследования могли дать ответ относительно истинности или ошибочности данной гипотезы. Ее нужно подтвердить строгими математическими расчетами. Этому вопросу на примере отдельных памятников Европейского Боспора посвящена настоящая статья, основанная на измерении астрономических азимутов искусственных зольных холмов поселений Артезиан и Багеро-Северное, проведенных в 2007-2008 годах.

Для определения азимутов использовались секстанты «Kelvin & Hughes» и GPS приемники G-Sat BT-359W. При привязке объектов раскопов использовались следующие профессиональные GPS приёмники: Trimble 4600LS и Trimble R3, управление ими осуществлялось с помощью полевого компьютера Recon с ПО Trimble Digital Fieldbook⁹. Измерения азимутов зольников проводились

⁹ См. подробнее: «Опыт использования профессиональной GPS-аппаратуры для дистанционного исследования антропогенных структур в Крымском Приазовье» (Совместно с Д. А. Мызиным).

относительно *полуденной линии (центрального небесного меридиана)*. Углы отсчитывались от точки юга, причём, азимуты, расположенные к западу от этой точки, принятой за ноль, считались положительными, а к востоку – отрицательными. В результате были измерены пять азимутов: четыре азимута вершин зольников и азимут точки, расположенной на древней дороге между вторым и третьим зольниками. Кроме того, предварительный анализ топографического расположения зольников указывал на их явное расположение по окружности, центр которой, по-видимому, и являлся местом наблюдений за восходами светил над вершинами зольников (рис. 1).

Нахождение комплекса зольников поселения Артезиан в виртуальном круге и явное расположение двух из них в направлении на точки восхода и захода Солнца в дни солнцестояний позволили авторам не только вычислить положение гипотетического центра измерений, но и эмпирически удостоверить в правильности их предположений. Это же было подтверждено полевыми измерениями в 2008 году.

Если все четыре зольника лежат на одной окружности, то зольники №3 и №4, связанные с солнцестояниями, расположены на концах её диаметра. В прямоугольной декартовой системе координат на плоскости окружность описывается уравнением:

$$(x-x_0)^2 + (y-y_0)^2 = R^2,$$

где x, y — координаты точки на окружности (здесь — вершины зольника),

x_0, y_0 — координаты центра окружности,

R — радиус окружности.

Обозначив через $(x_1, y_1), (x_2, y_2), (x_3, y_3), (x_4, y_4)$ координаты вершин соответственно №1, №2, №3 и №4 зольников, получим систему из четырёх уравнений:

$$\left. \begin{aligned} (x_1 - x_0)^2 + (y_1 - y_0)^2 &= R^2 \\ (x_2 - x_0)^2 + (y_2 - y_0)^2 &= R^2 \\ (x_3 - x_0)^2 + (y_3 - y_0)^2 &= R^2 \\ (x_4 - x_0)^2 + (y_4 - y_0)^2 &= R^2 \end{aligned} \right\}$$

Кроме того, зольники №3 и №4 и центр окружности лежат на одной прямой. Это позволяет записать следующую систему уравнений:

$$\left. \begin{aligned} (y_3 - y_0) &= k (x_3 - x_0) \\ (y_4 - y_0) &= k (x_4 - x_0) \end{aligned} \right\}$$

где k — некий коэффициент. Данная система сводится к виду:

$$x_0 (y_4 - y_3) + (x_4 y_3 - x_3 y_4) = y_0 (x_4 - x_3)$$

В качестве начала координатной системы была принята точка, из которой проводились измерения азимутов в 2007 году. Относительно неё были определены координаты измеренных вершин зольников, которые были занесены в программу, искавшую по вышеприведённым формулам точку на местности, при наблюдении из которой ориентация зольников оставалась бы в пределах точности измерений, а отклонения от их расположения на одной окружности были бы минимальными.

В результате авторами был вычислен гипотетический центр наблюдений в древности. Согласно расчетам, он оказался в 5 метрах от точки измерений 2007 года и находился на участке раскопа № 3. Были измерены пять азимутов: четыре азимута вершин зольников и азимут точки, расположенной на древней дороге между вторым и третьим зольниками.

Объект	Азимут
Зольник № 1	-112°
Зольник № 2	-74°
Зольник № 3	-55°
Зольник № 4	+125°
Дорога на Пантикапей	-90°

Анализ полученных углов позволил установить, что при наблюдениях из опорной точки вершина зольника № 3 (с учетом прецессии земной оси) указывает на *восход Солнца в день зимнего солнцестояния* (22 декабря), а вершина зольника № 4 – на его заход в день *летнего солнцестояния* (22 июня). Величины склонения Солнца в эти даты равны углу наклона эклиптики к небесному экватору в эпоху наблюдений и отличаются только знаком. Это значит, что азимуты восхода Солнца в зимнее солнцестояние и захода в летнее – отличаются на 180°. Иными словами, для наблюдателя, стоящего лицом по направлению к точке восхода в день зимнего солнцестояния, точка захода в день летнего солнцестояния окажется точно за спиной. Обе точки и наблюдатель при этом располагаются на одной прямой.

С пространственным месторасположением северо-восточного зольника № 1 согласуется явление гелиакического¹⁰ восхода звездного скопления *Плеяды*. Для древних греков и римлян эта группа звезд была одним из самых главных календарных «ориентиров» (их восход и заход) при проведении календарных хозяйственных работ [Климишин, 1986, с. 195] и «занимают видное место в человеческой культуре» [Крапп, 1999, с. 456].

¹⁰ Гелиакический восход – первое появление светила в лучах утренней зари.

В эпоху возведения зольников Артезиана утренний восход Плеяд над вершиной зольника № 1 приходился на 13 мая. Об этой дате Овидий (I в. до н. э.) говорит следующее в своей календарной поэме «Фасты»:

*Всех ты увидишь Плеяд, сестер небесных седмицу,
Сразу, как только одной ночи не хватит до ид.
Тут, как от верных людей я узнал, начинается лето
И наступает конец времени теплой весны.*

(Овидий. Фасты. 599-602).

Примечательно, что здесь же Плеяды появлялись вместе с восходом Солнца в день летнего солнцестояния. Гесиод (VII в. до н. э.) советовал:

*«Лишь на востоке начнут всходить Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай...»*

(Гесиод. Труды и Дни. Ст. 383-384.)

Несколько обособленно расположен зольник № 2. Он не попадает на восход каких-либо культовых звезд, но солнце поднимается над ним 22 февраля. Эта дата, хотя и не связана с солнцестояниями и равноденствиями, тем не менее, является очень важной. Ответ мы находим у древних авторов. Гесиод говорит:

*Только лишь царственный Зевс шестьдесят после солноворота
Зимних отмеряет дней, как выходит с вечерней зарею
Из океанских священных течений Арктур светоносный
И в продолжение ночи все время сверкает на небе.
Следом за ним, с наступившей весной, является к людям
Ласточка-Пандионида с звенящею, громкою песнью;
Лозы подрезывать лучше всего до ее появления.*

(Гесиод. Труды и Дни. Ст. 564-570.)

Шестьдесят дней после зимнего солнцестояния – это 22 февраля. С этой датой греки и римляне соотносили возвращение из южных стран ласточек и начало весны. О том же свидетельствует Овидий в «Фастах» относительно этой даты:

*Мы ошибаемся? Или весны предтеча, касатка,
Не убоялась, что вновь может вернуться зима?*

(Овидий. Фасты. III. 853).

Между зольниками №1 и №2 в древности проходила дорога шириной около 4 метров, ведущая в столицу Боспорского царства Пантикапей (совр. Керчь). Она ориентирована строго на точку востока, где солнце восходило в дни *равноденствий*. Такая ориентация не случайна, поскольку Пантикапей, в сознании боспорских греков, являлся уже не просто столицей царства, а священным символом центра Вселенной (рис. 2.).

Точка восхода Солнца в день летнего солнцестояния отмечена древним курганом эпохи энеолита – бронзы. Над его вершиной солнце восходило в день *летнего солнцестояния*. Азимут кургана был измерен отдельно и дал значение – $125^{\circ 11}$. *Данный объект важен для нашей темы исследования, так как является зримой границей некрополя городища, определяя наиболее значимый ориентир при подходах к городищу с северо-востока и востока.*

Западный зольник № 4 в силу своего расположения вполне мог ассоциироваться с потусторонним миром, страной мертвых. Интересно, западный вектор оказал заметное воздействие на преобладающую ось ЮЗ-СВ, к которой тяготела ориентировка большей части погребений некрополя городища. Причем лица многих захороненных были направлены на юго-запад [Винокуров, Мащнев, Фесенко, 2007, с. 171 и сл.].

В 1995 г. в углублении на вершине западного зольника № 4 был найден при случайных обстоятельствах череп взрослого человека хорошей сохранности – результат жертвоприношения. Верхняя часть черепной коробки была аккуратно отсечена или спилена¹² и аккуратно приложена на место спила, нижней челюсти не было вовсе. Датировка ее проблематична. Хорошая сохранность костей и поверхностное залегание находки предполагают позднее происхождение захоронения – не ранее II-III в. н.э. Отсутствие должного археологического контекста, если не считать нескольких стенок керамики первых веков нашей эры, а также антропологического заключения, не позволили должным образом атрибутировать эту необычную находку, которая для зольников не является чем-то исключительным. Жертвоприношения людей и животных (в частности, собак) в зольниках – явление весьма распространенное. Возможно, его истоки лежат в предыстории многих индоевропейских народов. В зольниках различных эпох на территории Северного и Западного Причерноморья часто находятся целые скелеты¹³, черепа и отдельные человеческие кости. Среди таких находок заметно доминируют кости конечностей (плечевые и бедренные), нижние челюсти, фрагменты черепов или целые черепа без нижних челюстей¹⁴. Характерно, что отдельные черепа носят явные следы ритуальной казни с предварительным оглушением жертвы. Интерпретация таких действий, явно связанных с культовым бытованием зольников, весьма затруднена и порой приводит к противоречивым умозаключениям [Винокуров, 2004, с. 55 и сл.].

¹¹ На карте 1963 г. 1:25 000 курган обозначен как высота 56,9.

¹² Прямые аналогии этому обряду мне неизвестны. Возможно, это была частичная обрядовая декапитация. (См. подробнее: Винокуров, 2004, с. 55-87. Ср. также: Фрэйзер, 1986, с. 224 и сл., 635 и сл.; Медникова, 2001, с. 176 и сл.)

¹³ К примеру, в зольнике Зенонова Херсонеса, небольшого прибрежного городка, расположенного сравнительно неподалеку от городища Артезиан, было найдено захоронение IV-VI вв. н. э. двух женщин с сильно деформированными головами, а также более ранний костяк, сброшенный в зольные напластования в IVв. до н. э. [Масленников, 2007, с. 430 и сл.].

¹⁴ В настоящий момент этот материал, довольно обширный, требует специального обобщения и осмысления широким кругом заинтересованных специалистов.

Важно отметить, в этой связи, что над западным зольником солнце заходило в самый длинный день в году, достигая пика своего могущества. Поднимаясь очень высоко, оно в буквальном и переносном смысле было способно выжечь все живое, причем жар его, по представлениям древних, удваивался Сириусом, о чем упорно говорят все античные авторы, начиная от Гомера и Гесиода и заканчивая раннесредневековыми схолиастами. Кроме того, череп, голова – один из древнейших символов *солнца* и одновременно *семян*, животворящей, всевозрождающей силы вечной жизни. Нельзя исключать, что жертвоприношение черепа на вершине артезианского западного зольника могло быть связано с почитанием Солнца и с культовым календарем.

Все еще неясно, каким точно божествам посвящались боспорские зольники. Связь их с культом огня и домашнего очага, жертвоприношениями различным богам, сожжениями при отправлении религиозных служб, церемоний и празднеств не вызывает сомнений [Русяева, 2004, с. 300]. Не вполне понятно, служили ли зольники местом отправления почестей и жертвоприношений строго определенных божествам¹⁵, покровителям локальных социальных групп, героям, или имели многокультурную, синкретическую направленность [Масленников, 2007, с. 443 и сл.].

Обычной практикой греческих святилищ было почитание в одном культовом месте под эгидой главного божества других богов. Часто культы сливались и почитались в одном образе. С позднеэллинистического периода, и особенно с римского времени, когда в результате распространения большого количества культов различных божеств у верующих стало проявляться стремление к созданию единого бога. В связи с этим прежний упорядоченный мир богов с точным распределением функций нарушился и началась синкретизация божеств, наиболее ярко сказавшаяся в культах, олицетворявших производящие силы природы [Сон, 1993, с. 115]. Разнообразие терракотовых фигурок различных божеств, находимых в напластованиях зольников, допускает предположение, что они отражали весь спектр религиозных предпочтений жителей того или иного поселения. Вполне возможно, что отдельные ритуальные участки зольников были посвящены определенным божествам, что, впрочем, не исключает религиозного синкретизма зольного культового места, характерного для верований первых веков нашей эры, как и изменения с течением времени их культовой направленности. Априори можно предполагать, что объем аккумулированного в зольные холмы грунта свидетельствует об интенсивности их эксплуатации (равно и о религиозной активности местных жителей и возможных паломников).

¹⁵ Греческая нарративная традиция связывала формирование зольников с алтарями или святилищами, где почиталось определенное божество. По описаниям Павсания известен зольник-алтарь Зевса Ликейского в Олимпии, зольники в святилище Геры на Самосе, Геры и Геи в Олимпии (Paus., V.13.8-11; V.14.8; VIII.38.7).

Из артефактов сакрального назначения¹⁶ в культурных слоях Артезиана наиболее распространенными являются статуэтки Деметры и Кору¹⁷. Культ богини Матери и Девы был широко распространен в Причерноморье и Приазовье. Самыми известными мистериями в Древней Греции были Элевсинские, посвященные Деметре и Коре как божествам умирающей и воскресающей природы с выраженным хтоническим и сотерическими аспектами. На звездном небе образ Деметры олицетворяет созвездие Девы. Напомним, что образ женщины – носительницы плодородия – имеет истоки в матриархате и тесно увязан с традициями, сохраняющимися даже в классовом обществе. Этот образ характерен для культовой пластики от палеолита до раннеземледельческих обществ. Нам важно подчеркнуть, что на всех известных древних изображениях созвездий, Дева обязательно стоит с колосом в руках; это правомерно рассматривать как дублирование символа плодородия. Таким образом выбор богини-матери с колосом в руках как символа летнего плодородия в рамках общеиндоевропейской традиции представляется совершенно оправданным.

Лингвистически колос плодородия обозначен в созвездии Девы яркой звездой Спика (Spica – лат. Колос). Образ зерна совмещает в себе начало и конец, мать и дочь, и именно поэтому он выходит за пределы индивидуально-го к вечному и универсальному. Именно зерно всегда уходит в землю; гибнет, прорастая, но дает новую жизнь. Скошенный во время жатвы колос, когда он нальется золотом, остается целым – матерью и дочерью восдино.

Спика – одно из важнейших календарных светил. В I в. н. э. восход этой звезды в Артезиане происходил точно на востоке, а заход – точно на западе. Учитывая ориентацию городища Артезиан строго по сторонам света, мы можем предположить, Спика играла в этой ориентации особую роль. Тем более, что в день осеннего равноденствия она находится в соединении с солнцем. В Артезиане, как и на всем Боспоре, использовался македонский календарь, по которому новый год начинался именно в день осеннего равноденствия [Скржинская, 2010, с. 382.].

Нельзя не упомянуть в этой связи находку в жертвенном зольнике городища Илурат ритуального сосуда с изображением распаханного земельного надела и налепом в виде женщины с головой в виде конуса, с расходящимися

¹⁶ Своеобразный хронологический маркер религиозных предпочтений жителей городища представлен в горелом слое разрушения святилища ранней Цитадели в виде фрагментированных терракотовых фигурок Деметры, Кору, Кибелы, Афродиты с дельфином, Пенхей и Эрота, молодых девушек с дарами, Гермеса, Аттиса, пеших и конных воинских героических персонажей, молодых юношей с обнаженными торсами. Все они имели определенную культовую символику, связанную почитанием божеств греческого пантеона с заметным доминированием культа Деметры и Кору.

¹⁷ Истоки культа Деметры находятся в глубокой древности и не всегда связываются с индоевропейской традицией [Томсон, 1958, с. 246 и сл.]. Трудности и разногласия в интерпретации образа Деметры кратко рассмотрены И. Ю. Шаубом [2005, с. 65 и сл.]. См. также работу Н. В. Молевой [2009, с. 213].

лучами. И. Г. Шургая [1986] интерпретировал это изображение как персонифицированный хлебный колос, а лучи – как усики колосающейся пшеницы. Мы же, со своей стороны, учитывая синкретичность мышления древних боспорян, склонны видеть в этом изображении именно созвездие Девы и, конкретно, звезды Спика.

Другой важной календарной звездой в Деве является звезда Виндемиатрикс. Название этой звезды является феминизированной формой слова *Vindemiator*, латинского перевода её древнегреческого названия *Προτρυνήτης*, что можно перевести как «Сборщик винограда» (в феминизированной форме – «Виноградница»). В греческой мифологии в ней видели превращенного в звезду юношу Амπεла (Овидий. *Фасты*. III, 409-414). Однако античные источники это название объясняют тем, что эта звезда восходила в пору сбора винограда. Об этом прямо свидетельствуют схолии к поэме Арата Солийского: «На правом плече Девы расположена яркая звезда, называемая Виноградарь, ибо она восходит незадолго до времени сбора плодов» (*Schol. Arat.* 137). *Примечательно, что азимут восхода этой звезды совпадает с азимутом восхода солнца в день летнего солнцестояния, а азимут захода – с азимутом захода в тот же день над зольником № 4.*

В вычисленном центре древних наблюдений в результате проведенных раскопочных работ было раскопано святилище ранней Цитадели¹⁸. Причем направление каменной вымостки святилища *совпадает с направлением дороги от Цитадели в Паптикапей и к побережью Казантинского залива, ориентированных по линии Восток-Запад*. Важно отметить в этой связи, что две ямки из 14, найденных в святилище Цитадели, оказались четко ориентированными на зольник № 4, т. е. на точку захода Солнца в день летнего солнцестояния. Интересно, что только эти ямки содержали находки. В большей из них в золисто-коричневом горелом грунте обнаружена железная мотыжка. Кроме того, в другой, меньшей по размеру ямке, расположенной на одной оси с первой и зольником №4, выявлено аккуратно отбитое окончание ножки светлоглиняной амфоры. По нашему мнению, эти предметы связаны с земледельческими культами. Мотыжка могла выступать символом хтонических сил умирающей и воскресающей природы – Деметры и (или) Диониса. Ритуальный характер ее сокрытия – захоронения, вполне очевиден. Можно ли рассматривать нижнюю часть ножки амфоры в фависсе в дионисийском аспекте, сказать сложно. Она могла попасть в фависсу и случайно, но оформление ножек некоторых остродонных

¹⁸ *Прямоугольное помещение святилища* площадью 29,43 кв. м, вытянутое с запада на восток, располагалось в юго-западном углу Цитадели. Его надвое делила тонкая сырцовая перегородка. В западной части святилища имелся окомтуренный каменной кладкой алтарь (2,50x1,20 м), в восточной раскопано 14 ямок (предположительно фавис) неправильной округлой, чаще овальной формы, заполненных рыхлым золистым серо-коричневым грунтом с мелкими угольками. Они имели глубину до 0,40 м при диаметре от 0,12 до 0,50 м. Продольной осью ямки ориентированы необычно: по оси северо-запад-юго-восток, что не совпадает с планиметрией помещения I и всего крепостного комплекса, но вполне согласовано с движением солнца в день летнего солнцестояния.

транспортных амфор для вина в виде фалла, не было данью обычной традиции. Постановка такой амфоры нижней частью в землю могла символически означать акт оплодотворения и играть определенную роль в дионисийских ритуалах и являться частью обряда плодородия [Винокуров, 2007, с. 323].

Отсюда мы можем предполагать, что обнаруженное захоронение мотыги в святилище Цитадели в предвычисленной точке, как и весь культовый комплекс святилища, связаны с культом земледелия и календарно – с днем летнего солнцестояния, созвездием Девы-Деметры и звездой Виндемиатрикс.

Это символическое ритуальное сочетание символов Деметры и Диониса проявилось еще в одном случае: в винохранилище(?) Цитадели, в соседнем со святилищем помещении. Здесь было выявлено в яме из-под пифоса жертвоприношение двух шкатулок с боспорскими и римскими монетами, драгоценностями и женскими украшениями¹⁹. Обращает на себя внимание, что вторая шкатулка была закопана в овальном углублении почти посередине ямы из-под пифоса, занимая центр небольшого жженого точка, устроенного на необработанном блоке ожелезненного известняка полигональной формы (0,21/49х 0,34х0,16-0,24 м). Камень лежал горизонтально и, скорее всего, выполнял функции алтаря. От сожжения на его лицевой поверхности осталась тонкая горелая прослойка из мелких углей и черной жирной сажи с большим содержанием сгоревших зерновок (пшеницы?). Ее толщина не превышала 0,01-0,05 м. Зерновки прогорели полностью, но сохранили свою форму. Жертвоприношение зерен (Деметре?) происходило непосредственно на камне, обгоревшем с внешней стороны до красноты.

Рядом с алтарным камнем, с востока от него, на уровне его подошвы, обнаружены: небольшой заглаженный обломок (0,071х0,052 м) плиты зернотерки из песчаника, который какое-то время использовался как терочник или точильный камень, и небольшой выгнутый брусочек из железа, видимо, часть какого-то орудия, окисленного до неузнаваемости, а с запада – аморфный кусок природного кристаллического гипса средних размеров, скол с призматического нуклеуса серого цвета и кремневый отщеп без следов дополнительной ретуши. Вполне допустимо, что эти предметы вместе оказались

¹⁹ Можно ли видеть в двух шкатулках символы двух богинь: Деметры и Коры, а в яме из-под пифоса – образ Диониса, вопрос открытый для дискуссии. Но божественная триада: Деметры, Коры и Диониса, по нашему представлению, уже проявилась в этом жертвоприношении. Так, в первом кладе открыты три золотых перстня с женскими изображениями и 147 монет (составлявших 49 троек), во втором кладе – 108 монет, из которых 99 медных боспорских и 9 серебряных римских. Такая повторяемость троек отражает определенную закономерность [Завойкин, 2003, с. 104 и сл.]. Вряд ли эти числовые совпадения случайны. Возможно, здесь мы имеем дело со священным сочетанием троек или девяток (усиленных втрое троек), почитаемых чисел во многих культовых системах, в том числе в элевсинских таинствах. Кстати, в состав клада входила массивная костяная подвеска-оберег, обнаруженная рядом с двумя (!) ножными браслетами поверх скопления монет. Форма подвески в виде равностороннего треугольника (Sic!) с округло-сточенными углами находит известные параллели в половой культовой семантике.

не случайно. Зернотерка и железо – важные символы земледельческих культов, связанных с преобразованием природы и всего сухого, выполнявших для древних функции орудий смерти и одновременно – грядущей новой жизни. Кремь – понятный символ огня. Если добавить к этим предметам трут, то можно было с их помощью возжечь огонь. Для этого было достаточно использовать железное орудие как кресало для получения из песчаника или кремня зажигательных искр. Что касается гипса, то вполне допустимо, что его включили в жертвоприношение намеренно, как и кремни. Применение изделий из гипса характерно для погребальной обрядовой практики на Боспоре. Гипс, наряду с известью, был символом метаморфозы, очищения и возрождения. Беление лиц во время различных празднеств, особенно дионисийских, являлось одной из сторон этих культов с выраженной хтонической составляющей.

Нижняя часть камня, плита и железный обломок орудия покрывали тонкий, довольно вязкий слой чернозема с большим содержанием органики. Весь комплекс находок, связанный со второй шкатулкой, был засыпан очень рыхлым серым пеплом с золой и небольшими черными угольками, форма и размер которых показывают, что они остались от сгоревших тонких прутиков или веточек. Подобные угольки встречались и в сожжении зерен (можно предположить, что среди них могли быть и древки стрел, железные наконечники которых найдены в кладе). Пепел с золой образовали небольшой холмик – своего рода *миштанторный зольник* – высотой около 0,30-0,46 м, который частично закрывал алтарный камень и находившиеся на нем находки.

Камень, который выполнял функцию импровизированного алтаря под второй шкатулкой, ориентирован по линии ЮЗ-СВ, точно по линии солнцестояний, на которой расположены зольники №3 и №4. Показательно, что найденный в кладе 2 унгвентарий с рельефными изображениями женских лиц был ориентирован так же. Похожая ориентировка была и у расчищенного рядом с жертвенной ямой гладиуса. Только меч острием направлен к юго-юго-западу, а устье унгвентария – на северо-восток.

Ориентация гладиуса вызывает особый интерес. Его острие направлено по азимуту со значением + 25°. Эта пригоризонтная область примечательна тем, что здесь наблюдался заход звезд, обозначавшихся в античности как «Жало Скорпиона» [Псевдо-Эратосфен, 7; Гигин, III, 25]. Скорпион, как зодиакальное созвездие, наделялся мистическими свойствами. Солнце вступало в эту область неба поздней осенью, когда вся природа как бы умирала, чтобы снова возродиться, подобно Дионису, ранней весной следующего года [Мамуна, 1998, с. 194]. Считалось, что Скорпион осенью «жалит» Солнце, убивая его [Мамуна, 1998, с. 194]²⁰.

²⁰ В сохранившихся фрагментах календаря Демокрита, с этим созвездием связываются холода и листопад – зримые проявления умирания природы: «Солнце пересекает Скорпион в течение тридцати дней. На четвертый день, по Демокриту, с появлением утренней зари, заходят Плеяды. Большой частью дуют холодные ветра, также появляется иней. Дуновения ветра становятся

И, как мы уже отмечали, именно по направлению ЮЗ-СВ с небольшими отклонениями располагалась большая часть погребений некрополя городища, причем лица многих захороненных были направлены на юго-запад, где, скорее всего, размещалась страна мертвых. Сочетание огня, золы, углей, сгоревших зерен пшеницы (символа хтонической Деметры), куска зернотерки и железа (части какого-то сельскохозяйственного орудия?), чернозема – символа плодородия, наличие сосудов для возлияний и помещение шкатулок в полузасыпанную яму из-под пифоса (символа хтонического Диониса) – показательны. Они согласно свидетельствуют об экстраординарном характере религиозного действия. Расположение находок вокруг кладов в яме из-под пифоса позволяет предполагать, что меч и найденные рядом земледельческие орудия труда (мотыги, серп, виноградарские ножи – все предметы, ассоциируемые с соответствующими земледельческими культами), брошены не хаотично и случайно, а оставлены намеренно. Они, по всей видимости, фиксировали место и порядок ритуала последнего религиозного моления защитников крепости. Богатство и состав кладов говорят об обращении к подземным богам в минуту крайней опасности. Оставленные или намеренно положенные сельскохозяйственные орудия этому нисколько не противоречат. Возможно, это была не столько просьба – мольба жителей осажденной крепости к богам о пощаде и защите, сколько ритуал посвящения жизни просящих силам, которые покровительствовали миром потусторонним, без надежды на спасение в мире настоящем.

Учитывая тот факт, что из мужских божеств часто встречается в культурных напластованиях городища Артезиан целые и фрагментированные изображения Диониса, мы склонны связывать звезду Виндемиатрикс с культом этого бога. Известно, что культы Деметры и Диониса были связаны теснейшим образом. Они имели земледельческий характер с выраженной хтонической составляющей. Мистическое представление о сопрестольничестве в подземном и наземном мире Диониса, Деметры и Коры²¹ было в античном мире распространено с очень давнего времени [Иванов, 1994, с. 96 и сл.]. Эти персонажи соединяли два противоположных мира, не давая оборваться нити существования всего сущего. Хлебопроизводство было одним из основных занятий жителей городища Артезиан. Множество ям для хранения зерна, железные наконечники плугов, мотыги, серпы, остатки зерен злаковых растений – тому яркое свидетельство. Не менее значимы были виноделие и виноградарство. На городище найдены монолитные и композитные винодельни, остатки прессового давяльного оборудования, винохранилища, виноградарские

постоянными и с деревьев начинают опадать листья» [Petavius, p. 66.]. Однако, можно ли рассматривать острие гладиуса как символ жала и связывать его ориентацию с азимутом захода звезды «Жала Скорпиона»? Вопрос остается открытым.

²¹ В Элевсинских мистериях кроме двух богинь – Деметры и Коры – почитались Иакх, которого считали сыном Зевса и Деметры и отождествляли с Вакхом, затем Плутон, неизвестные Бог и Богиня, местные герои, среди них – Триптолем и брат его Эвбул [Латышев, 1997, с. 200].

ножи, зерна культурного винограда и винный камень. С этими находками вполне согласно коррелируют дионисийские терракотовые изображения и посвященные граффити находки вотивных тарапанов и виноградарских ножей.

Подобные астроархеологические исследования были проведены в соседнем с Артезианом городище Багерово-Северное, где также выявлены календарно-астрономические аспекты расположения зольников, но несколько отличные от артезианских.

На городище Багерово-Северное измерения азимутов зольных холмов производились по той же методике, что и в Артезиане – относительно полуденной линии. Согласно нашей гипотезе, расположение зольников в Багерово-Северное предполагало два пункта наблюдений за восходами и заходами светил в культово значимые даты. Вероятно, основным из них была цитадель – прямоугольный башнеобразный форт с пристройками, расположенными на доминантном холме.

Измерения азимутов зольников, произведенные из центра цитадели, показали, что зольники №1 и №2 находятся на линии солнцестояний, т.е. зольник №1 отмечает восход Солнца в день зимнего солнцестояния, а зольник №2 отмечает заход – в день летнего солнцестояния.

Особенно примечательны зольники, обозначаемые нами как №3, №4, №5. Они образуют треугольник. При наблюдении из центра цитадели, зольник №4 указывает на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Зольник №3 расположен в направлении точки восхода культовой звезды Арктур. Вероятно, важен был вечерний восход этой звезды, открывавший морскую навигацию, означавший прилет ласточек и начало весны. Ось, проходящая из цитадели через вершину зольника №5, отмечает точку восхода звездного скопления Плеяды. Как мы отметили выше, этот календарный момент был очень важен и для боспорян.

Отметим также, что эти зольники не вписаны в отрезок дуги окружности, обозначающей математический горизонт, как этого можно было ожидать (подобно зольникам №1, №2, №3 в Артезиане). Однако зольник №4 расположен дальше по отношению к цитадели, чем зольники №3 и №5. Все три холма образуют фигуру треугольника. Это обстоятельство наводит нас на мысль о существовании еще одного сакрального локуса, который располагался между зольниками №3 и №5. Подтвердить или опровергнуть это допущение могут только раскопочные работы. Но если наше предположение окажется верным, то зольник №4 укажет на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния, а зольники №3 и №5 расположатся на линии солнцестояний параллельно зольникам №1 и №2, отмечая восход солнца в день зимнего солнцестояния и закат в день летнего солнцестояния (рис. 3).

Наверное, правы исследователи (В. Ф. Гайдукевич, А. С. Русяева, А. А. Масленников и другие), предполагавшие, что зольники были связаны с определенными святилищами. Рядом с зольниками могли находиться жилые и хо-

зайственные постройки для жрецов и обслуживающего персонала. Характерно, что три основных зольника расположены на восточной окраине городища Артезиан – для встречи восходящего (рождающегося) солнца, а четвертый, меньший – на западной – для его проводов – похорон. Что касается городища Багерово-Северное, то картина здесь не столь однозначна, так как вся южная периферия городища была сnivelирована во время строительства аэродромной инфраструктуры. Тем не менее можно также говорить о преобладании зольников с восточных направлений по отношению к центру городища.

Таким образом следующие гипотезы, понимающие зольные холмы как родовые святилища, соответствующие количеству человек, посвященные определенному божеству, прародителю или покровителю конкретного рода или этнической (социальной) группы; или как просто святилища определенного культа, не носящие выраженную родо-племенную окраску; либо как святилища, подчиненные культам, связанным с движением солнца (то есть с неким астрономическим подтекстом), без проведения раскопок однозначно доказаны быть не могут. Понятно, что мы находимся в самом начале пути изучения зольных холмов и сбросов. Все значимые новые открытия, связанные с этими важными объектами, ждут нас впереди. При этом археоастрономический метод исследования представляется нам вполне перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

- Гесиод.* Труды и дни. Эллинские поэты. М., 1999.
- Гигин.* Астрономия // пер. с латинского и коммент. А. И. Рубан. СПб., 1997.
- Овидий.* Собрание сочинений в 2 томах. СПб., 1994.
- Псевдо-Эратосфен.* Превращения в созвездия (катастеризмы) // Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их восходах, заходах и приметах погоды / под ред. Н. А. Федорова и П. В. Щеглова. – М., 1992.
- Павсаний.* Описание Эллады. М. 1994.
- Petavius.* Uranologia. Lutetia Parisiorum. 1630.
- Бутыгин А. М.* К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005.
- Вишукоров Н. И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М. 1998.
- Вишукоров Н. И.* Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Москва. 2004.
- Вишукоров Н. И.* Особенности пространственной организации городища и некрополя Артезиан // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос // Материалы VII-х Боспорских чтений. Керчь. 2006.
- Вишукоров Н. И.* Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Керчь-Симферополь. 2007.
- Вишукоров Н. И., Мицнев Д. В., Фесенко А. В.* Сириус, созвездие Блинецов и сюжет божественной охоты в Крымском Приазовье (на примере некрополя городища Артезиан) // Боспорские исследования. Сборник научных трудов. Вып. XVI. Симферополь-Керчь. 2007.

- Высоцкая Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Симферополь. 1979.
- Высоцкая Т. Н. К вопросу о религиозных воззрениях поздних скифов // Донская археология. № 2-24. Ростов-на-Дону. 2001.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // Боспорские города. Т. 2. 1958.
- Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. Вып. 103. 1965.
- Головачева Н. В., Рогов Е. Я. Сельский храм и зольник у поселения Козырка 11 на хоре Ольвии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб. Ч. 2. 2002.
- Горючаровский В. А. Илуратские богини // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб. Ч. 1. 2002.
- Емец И. А. Греко-варварские взаимодействия на Боспоре Киммерийском. М. 2002.
- Завойкин А. А. ΘΘε: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // Древности Боспора. № 6. 2003.
- Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб. 1994.
- Климишин И. А. Календарь и хронология. М. 1986.
- Крафт Э. Астрономия: легенды и предания. М. 1999.
- Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М. 1975.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб. 1997.
- Мамуна Н. В. Зодиак мистерий. М. 1998.
- Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. М. 2007.
- Медникова М. Б. Трепанации у древних народов Евразии. М. 2001.
- Молева Н. В. Китейский зольник – городское святилище // Очерки истории сакральной жизни Боспора. Н. Новгород. 2002.
- Молева Н. В. Об иконографии Деметры и Великой Матери (Кибелы) в боспорской пластике // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб. 2009.
- Носова Л. В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Крыма (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб. Ч. 2. 2002.
- Русанова И. П. Культовые зольники скифского времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь. 1998.
- Русяева А. С. К истории изучения культовых памятников Боспора и Ольвийского полиса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы // Сборник научных материалов V-х Боспорских чтений. Керчь. 2004.
- Русяева А. С. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье // Российская археология. № 4. 2006.
- Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб. 2010.
- Сон Н. А. Тира римского времени. Киев. 1993.
- Толсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М. 1958.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М. 1986.
- Шауб И. Ю. О культе Деметры на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005.
- Шургая И. Г. Аграрная магия в Илурате // Проблемы античной культуры. М. 1986.

М.І. Вінокуров, Д.В. Мацнев, О.В. Фесенко

КАЛЕНДАРНІ АСПЕКТИ ПРОСТОРОВОГО РОЗТАШУВАННЯ ЗОЛЬНИХ ПАГОРБІВ АНТИЧНИХ ГОРОДИЩ АРТЕЗИАН ТА БАГЕРОВЕ-ПІВНІЧНЕ У КРИМСЬКОМУ ПРИАЗОВ'І

Резюме

В статті автори звертаються до актуальної та складної проблеми інтерпретації зольних пагорбів античних городищ Артезіан та Багерове-Північне. Різноманіття предмета дослідження, відмінності у функціональних призначеннях зольників, плутанина у термінах у звітних матеріалах та публікаціях ускладнюють і без того непросту задачу зрозуміння цих цікавих об'єктів. Спроби відокремити зольні пагорби та скиди сакрального характеру від «типових» сміттєвих та побутових звалищ достатньо дискусійні і вельми суб'єктивні. Основу гіпотези дійсного дослідження складає наукове припущення, згідно якому зольні пагорби, типові для багатьох боспорських городищ перших століть нашої ери, є сакральними об'єктами та маркують важливіші календарно-астрономічні явища, які відігравали виключну роль у духовному та практичному житті давніх соціумів. Вперше авторами були застосовані астрономічні та математичні методи дослідження подібних об'єктів.

Як докази залучені крім математичних та астрономічних розрахунків археологічні та нарративні джерела. У процесі дослідження автори приходять до висновку, що зольники Артезіану і Багерове-Північне виконували, в числі інших, функції пригоризонтних обсерваторій. Сходи та заходи культових, календарно-значущих світил (перш за все Сонця) визначали час релігійних свят та сільськогосподарських робіт. Отримані дані показали перспективність застосування археоастрономічних методів дослідження зольних пагорбів античних городищ Боспору.

Н. И. Винокуров, Д. В. Мацнев, А. В. Фесенко

КАЛЕНДАРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ЗОЛЬНЫХ ХОЛМОВ АНТИЧНЫХ ГОРОДИЩ АРТЕЗИАН И БАГЕРОВО-СЕВЕРНОЕ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Резюме

В статье авторы обращаются к актуальной и сложной проблеме интерпретации зольных холмов античных городищ Артезиан и Багерова-Северное. Многообразие предмета исследования, отличия в функциональных назначениях зольников, путаница в терминах в отчетных материалах и публикациях усложняют и без того непростую задачу понимания этих интересных объектов. Попытки отделить зольные холмы и сбросы сакрального характера от «типично» мусорных и бытовых свалок достаточно дискуссионные и весьма субъективны. Основу гипотезы настоящего исследования составляет научное допущение, согласно которому зольные холмы, типичные для многих боспорских городищ первых веков нашей эры, являются сакральными объектами и маркируют важнейшие календарно-

астрономические явления, игравшие исключительную роль в духовной и практической жизни древних социумов. Впервые авторами были применены астрономические и математические методы исследования подобных объектов.

В качестве доказательств привлечены помимо математических и астрономических расчетов археологические и нарративные источники. В процессе исследования авторы приходят к выводу, что зольники Артезиана и Багерovo-Северное выполняли, в числе прочих, функции пригоризонтных обсерваторий. Восходы и заходы культовых, календарно-значимых светил (прежде всего, Солнца) определяли время религиозных праздников и сельскохозяйственных работ. Полученные данные показали перспективность применения археоастрономических методов исследования зольных холмов античных городищ Боспора.

N.I. Vinokurov, D.V. Matsnev, A.V. Fesenko

CALENDAR ASPECTS OF THE SPATIAL LOCATION OF THE CINDER HEAPS
OF ANCIENT SETTLEMENTS OF ARTEZIAN AND BAHEROVO-SEVERNOYE
IN THE CRIMEAN AZOV SEA AREA

Summary

In the article, the authors turn to the urgent and complex problem of interpretation of the cinder heaps of the ancient settlements of Artezian and Baherovo-Severnoye. The variety of the subject of the study, differences in the functional assignment of cinder heaps, confusion in terms of reporting and publications complicate the already difficult task of understanding these interesting objects. Attempts to separate cinder heaps and discharges of sacred nature from the «typical» trash and household waste dumps are fairly debatable and very subjective. A basic hypothesis of this study is a scientific assumption that cinder heaps, being typical of many settlements of the Bosphorus in the first centuries of our era, are sacred objects and mark important calendar astronomical phenomena, play an exclusive role in the spiritual and practical life of ancient societies. The authors have applied astronomical and mathematical methods in the study of such objects for the first time.

As evidence, archaeological and narrative sources were involved in addition to mathematical and astronomical calculations. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the cinder heaps of Artezian and Baherovo-Severnoye performed, among others, functions of observatories. Sunrises and sunsets of religious calendar meaningful heavenly bodies (primarily, the Sun) determined religious festivals and agricultural work. The data showed promising application of archaeological methods of astronomical research of cinder heaps of ancient settlements of the Bosphorus.

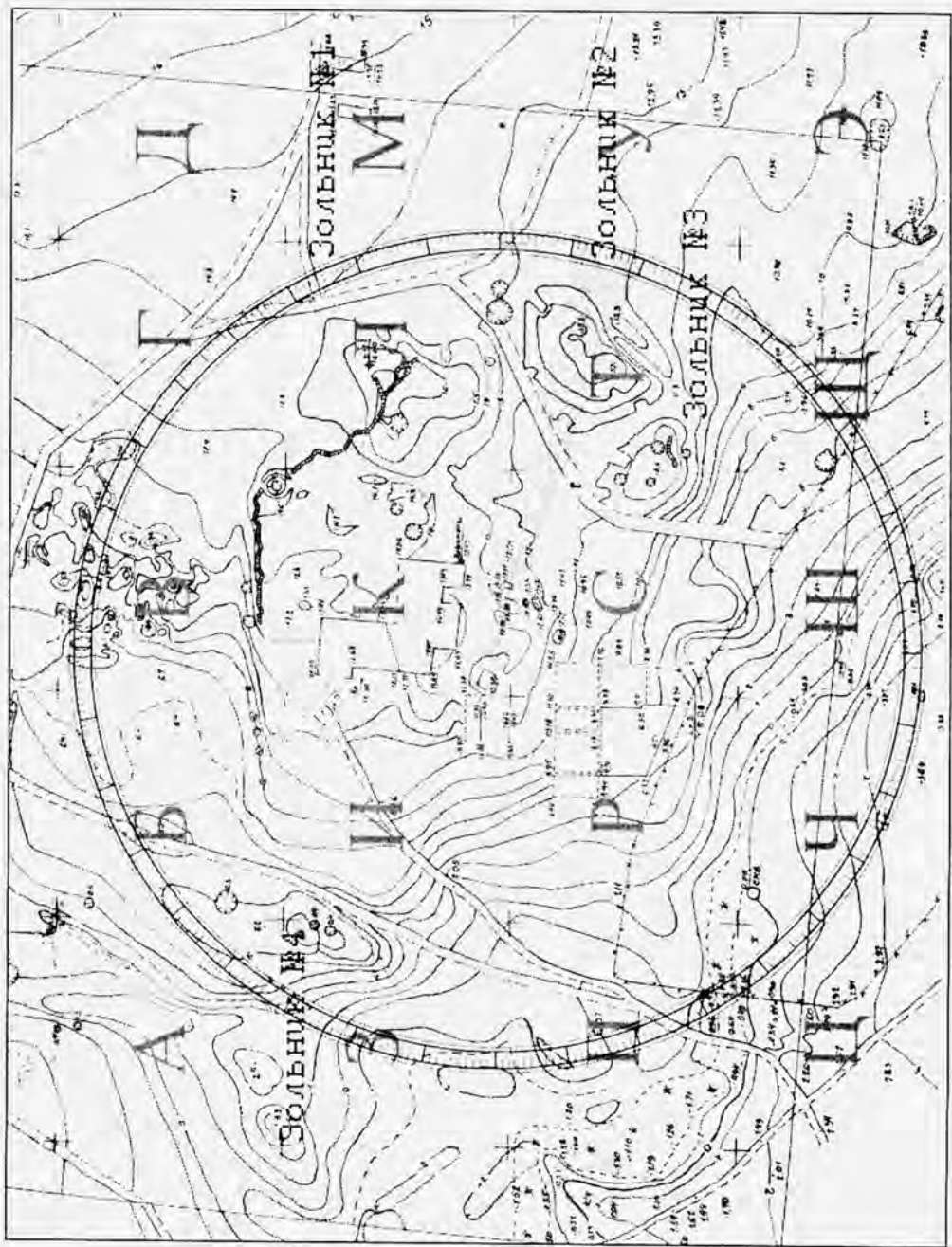

Рис. 1.

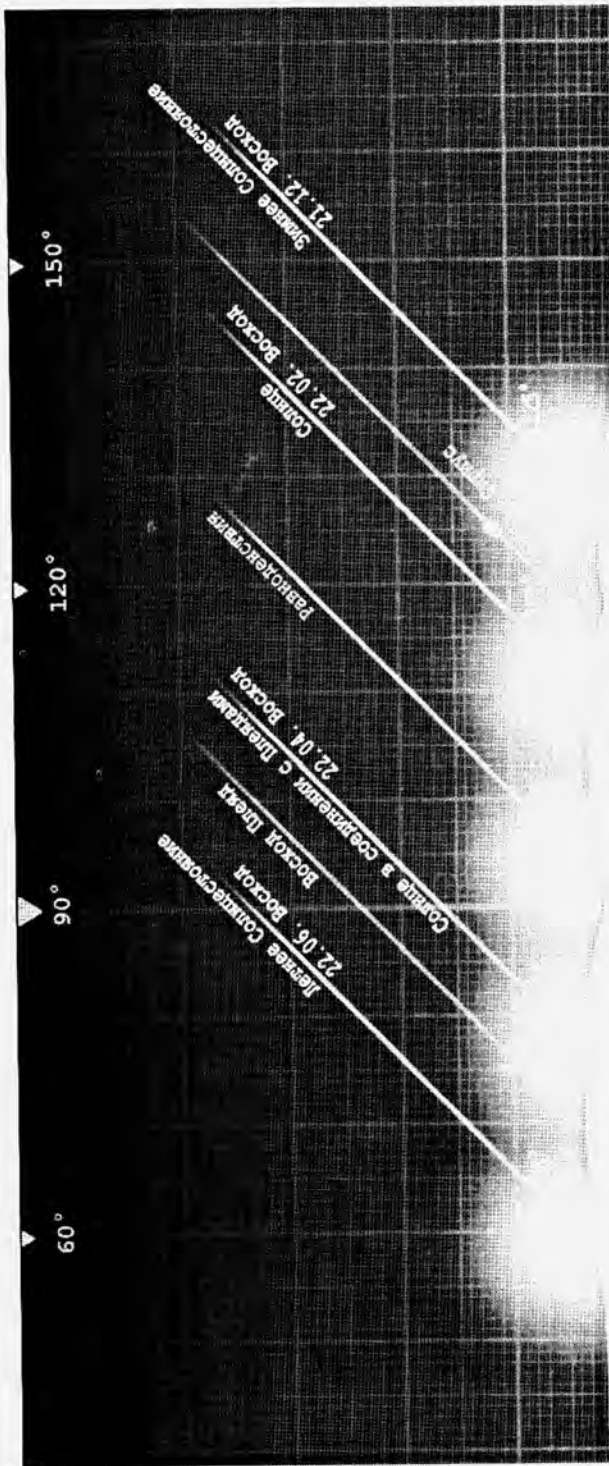

Рис.2.

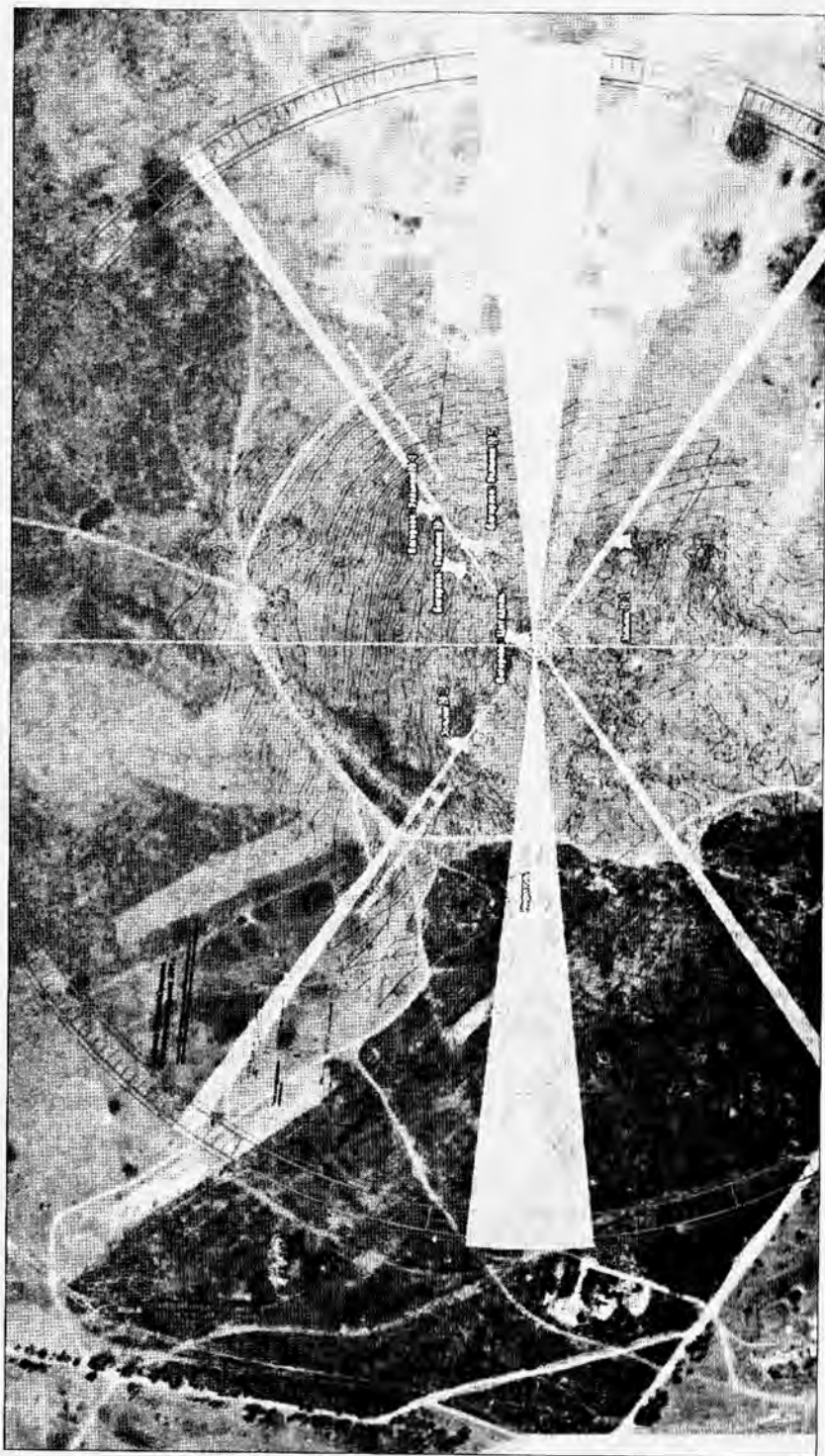

Рис. 3.

С. Б. СОРОЧАН

ЕЩЕ РАЗ О МОНУМЕНТАЛЬНОМ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ В ЮЖНОМ РАЙОНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Большой архитектурный комплекс ранневизантийского времени общей площадью около 1600 кв. м располагался недалеко от Южных ворот города и потестарного, церковного комплекса на месте античного театра Херсонеса, примыкая вплотную к протяженной оборонительной куртине 13 и башне XII. Он был предметом исследований первых раскопщиков города, этого замечательного центра античной и византийской цивилизации на крымской земле, А. Л. Бертъе-Делагарда и К. К. Косцюшко-Валюжинича, затем продолжал доследоваться Н. В. Пятышевой и Л. В. Седиковой. История его раскопок и интерпретаций достаточно хорошо известна, и нет нужды еще раз останавливаться на ее деталях [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.670- 675; Сорочан, 2004, с.59 - 65; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.203 - 214; Сорочан, 2005, с.961 - 980; Сорочан, 2006, с.100 - 114; Зубарь, Седикова, 2008, с.636 - 669; Буйских, 2008, с.219 - 225]. Прделанные изыскания, анализ полученных материалов ныне позволили установить, что комплекс включал три основные части, объединенные общим планировочным контуром: 1) западную, представленную многоэтажным зданием, красиво отделанным разноцветным мрамором, фресками, с застекленными окнами и тремя обширными залами с цемянковыми полами на нижнем этаже; 2) центральную, в виде обширного водохранилища-цистерны вместимостью около 1500 куб. м воды; 3) восточную, представлявшую собой крытую галерею вдоль оконечности куртины 13 с тремя амбразурами для стрельбы из небольших баллист или катапульта, стрелометов, к которой примыкали несколько обширных помещений, в том числе выложенных каменными плитами с так называемыми “водостоками-ваннами” и отгороженных стеной с пилястрами. С комплексом-системой водосток был связан расположенный неподалеку большой общественный туалет афедрон, сооружение прямоугольной формы (около 15 x 6,5 м) на 30 мест, которое явно было рассчитано на подачу воды из выше расположенной водонакопительной цистерны и обслуживало оживленный район около Южных ворот, район, где перекрещивались две крупные улицы Херсона и находились ранневизантийские общественные здания, в том числе с рядами лавок, эргастириев. Этот оживленный перекресток вполне подходил под название “малая агора”, известная из Житий св. епископов Херсонских как ориентир для нача-

ла восточной части города: отсутствие на этом месте городской площади в более раннее время ни о чем не говорит, а к ранневизантийскому времени здесь, безусловно, находился центр пересечения продольной улицы шириной около 7 м и широкой поперечной улицы, которая, согласно раскопкам К.К. Косцюшко-Валюжинича, шла к Южным воротам [Сорочан, 2005, с.691 - 701, рис.185; ср.: Буйских, 2008, с.206 - 208]. Продольная улица, проходившая через большую и малую агору города, явно имела самые крупные размеры (от 5,5 до 7,5 м ширины) по сравнению с прочими улицами, и ее пересечение с отрезком довольно широкой поперечной улицы у Южных ворот ничем не нарушало унаследованную позднеримским и византийским обществом Гипподамову систему планировки. Представление А.В. Буйских о возможности расположения малой агоры в портовом районе, у гавани может быть воспринято скептически, поскольку застройка портовых кварталов 1 - 2, как показали многолетние раскопки, была очень плотной, а за оборонительными стенами, на самом берегу бухты, размещать агору было опасно. Херсонесский опсолопион – рынок рыбных продуктов, устроенный во II в. на северном берегу города, имел здесь площадь и характерные постройки, обнаруженные в ходе раскопок Г.Д. Белова, но и они находились в пределах города, в месте удобном для подвоза с моря [Кадеев, Сорочан, 1989, с.91; Херсонес, 2004, с.196 - 197].

Общая планировка и техника строительства южного комплекса говорит о его единстве и, видимо, близком времени сооружения всех его частей, включая куртину 13: они были выложены из крупных камней, квадров, на известковом и известково-цемянковом растворе с использованием кладки *opus mixtum*, которая применялась в Херсоне преимущественно в ранневизантийское время и только при сооружении общественных построек. Во всяком случае большинство таких памятников города и его округа, которые удастся датировать, относятся именно к этому времени, преимущественно к VI в., хотя гипотетически нельзя исключить существование и более ранних образцов, III - IV вв. Ни доказать, ни опровергнуть это пока невозможно.

Проведенные изыскания позволили отказаться от предположения, высказанного уже К.К. Косцюшко-Валюжиничем и поддержанного Н.В. Пятышевой, о том, что в западной части комплекса находилась средневековая баня. Не выдержала проверки временем и гипотеза Н. В. Пятышевой о том, что мы имеем дело с остатками резиденции первого стратига Херсона, протоспафария Петроны Каматира., а само сооружение существовало во второй половине IX - X вв. Ошибочным оказалось и предположение В.И. Кадеева, предложившего интерпретировать весь архитектурный ансамбль как херсонесский гимнасий или палестру с термами, портиком и бассейном первых веков н.э., хотя недавно эта идея с некоторыми поправками и с акцентом на термы была реанимирована А. В. Буйских [Буйских, 2008, с.221, 222, 223]. Датировка комплекса теперь выглядит по другому, но назначение сооружения остается все же не совсем ясным и в свете предложенных новых трактовок требует уточнений.

В связи с этим начнем с предистории участка. Уже Н. В. Пятышева обнаружила в 1958 и 1960 гг., что на месте западной оконечности масштабного архитектурного комплекса, с внутренней стороны куртины 13, находились грунтовые могилы с погребальным инвентарем, краснолаковыми кувшинами, мисками, светильниками II - III вв. Это указывает на то, что постройки появились на этом окраинном участке города не ранее III - IV вв., а до этого здесь находился загородный некрополь, исчезнувший, точнее, сместившийся к югу после того, как античную оборонительную стену разобрали и южнее ее, на расстоянии примерно 5 м, выстроили новую [см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.209 - 210; Зубарь, Седикова, 2008, с.638 - 640, рис.6, 10].

Раскопки Л. В. Седиковой крайнего, северного зала "терм" площадью около 100 кв. м (помещения I) показали, что на его месте первоначально находилась жилая усадьба, поскольку под цемянковым полом помещения в скале, на которую он был уложен, были сделаны искусственные подрубки, в том числе круглая яма диаметром около метра, очевидно, для установки пифоса [Седикова, 1999, л.9, рис.32]. В глинистом слое толщиной до полуметра, подстилающем цемянковый пол, оказались обломки краснолаковой посуды II - III вв., стекла, амфор, которые не выходят за пределы III - первой половины IV вв. и которые определяют, таким образом, *terminus post quem* вышележащего сооружения [Ковалевская, Седикова, 2005, с.76 - 84, рис.4-6]. Самыми поздними являются венчик и ножка позднесинопских амфор, бытовавших вплоть до первой половины IV в. [Седикова, 1999, л.9 - 11; ср.: Внуков, 1993, с.207, тип II а]. Уже поэтому можно утверждать, что западная часть нашего комплекса могла быть выстроена никак не ранее середины III - начала IV вв., а, скорее, позже: о начале здесь строительства не позднее второй половины III в. говорить не приходится, а после середины III в. можно, хотя это определение "после" вполне подходит и для V - VI вв. [ср.: Буйских, 2008, с.221, 223].

Далее, судя по однородной кладке стен комплекса и куртины 13, почти одновременно, с небольшим временным разрывом строятся оборонительная стена и западная часть комплекса в виде здания, три нижних помещения которого представляли собой обширные залы с мощными цемянковыми полами, причем крайний южный, самый большой (помещение III), площадью около 180 м², имел экседру или апсиду с большим сводчатым окном, обращенным на запад, и шестью пристенными подставками неясного назначения, высотой больше метра, сложенных из крупных кирпичей. Это не могли быть термы - три печи, расположенные с юга, в узком простенке вдоль куртины 13, явно служили лишь для обогрева помещений в холодное время года: здесь не было гипокауста, слоя гари, сажи, свойственных для подпольного пространства терм, не было обязательных в таком случае ванн, облицованных толстым слоем гидрофобной цемянки. Цемянкой никогда не облицовывали подпольное пространство гипокауста. А.В. Буйских предположила, что здесь были неоднократно перестроенные термы, и остатки кирпичных подставок вдоль

стены экседры – это следы подпорок пола помещения кальдария [Буйских, 2008, с.222- 223, 225]. Если это и так, остается необъяснимым, зачем строители при столь кардинальной переделке сооружения оставили эти шесть подставок вдоль стены, которые не были встроены и легко разбирались. По необъяснимой логике они тщательно удалили все подпорные столбы гипокауста, обязательные для такого сооружения ванны с водостойкой обмазкой, убрали сажу, даже малейшие следы горения, копоти, которые неминуемо должны были остаться на стенах подпольного пространства, сделали новый мощный цемянковый пол, но оставили единственную “улику”, указывающую на то, что раньше здесь были термы. В любом случае, если признать, что такое могло быть, в перестроенном виде в ранневизантийское время сооружение уже не было баней, с чем согласилась исследовательница. Внушительная толщина стен, державших перекрытия типа византийских камар, позволяет предположить, что западное здание было двух или даже трехэтажным, что тоже не увязывается с обликом известных херсонесских терм, всегда одноэтажных [ср.: Сорочан, 2005 а, с.196 - 211]. Эти высказанные мной соображения получили поддержку В.М. Зубаря и Л.В. Седиковой [Сорочан, 2005, с.965 - 968; Зубарь, Седикова, 2008, с.664].

Поддержана была и предложенная датировка комплекса временем близким к концу правления Юстиниана I и его ближайших преемников, когда в Херсоне и его окрестностях в Юго-Западной Таврике наблюдался своеобразный “строительный бум” как общественного, так и частного характера [Сорочан, 2005, с.963 - 965, 970; Зубарь, Седикова, 2008, с.656, 664]. Для таких соображений действительно есть веские основания.

Так стены архитектурного комплекса, к которому примыкало городское водохранилище, типичное *castellum aquae* – накопитель воды, специально расположенный в высокой точке города, были сложены из тесаных камней, залитых крепким раствором из известки, песка и толченой керамики, а местами строители прибегли к использованию популярной в ранневизантийском Херсоне кладки *opus mixtum*. Причем по своим параметрам эта кладка ближе всего напоминает аналогичную кладку здания предполагаемой апофики в портовом районе, которая надежно датируется самым началом VII в. Есть у нее значительное сходство и с кладкой ранневизантийской базилики № 28 на большой агоре, хотя размеры плитки несколько отличаются. У Уваровской базилики №23, октогональной баптистерия на северном берегу (№24) и Северной базилики №22, толщина прослойки известково-цемянкового раствора на пару сантиметров больше, но, как известно, их тоже соорудили не раньше конца VI – начала VII вв. Явно в очень близкое время вместе с рассматриваемым южным комплексом возводилась соседняя куртина 13, кладка *opus mixtum* которой имеет повсюду четыре ряда и слой раствора, который почти равен толщине кирпича или несколько превышает его. Судя по этому признаку, постройка выглядит доюстиниановской, V – начала VI вв. Вместе с тем визуально видно, что южная, торцовая сторона водохранилища пристраивалась

к этой одной из самых протяженных куртин Херсона почти одновременно с ней, точнее, вслед ей. Она имеет длину около 110 м, тогда как соседние куртины вдвое короче. Видимо, это объясняется наличием мощной, высотой до 5, 5 м подстенной засыпи, снивелировавшей косогор, и устройством здесь *castellum aquae*, южная стена которого почти вдвое увеличила толщину куртины 13.

Как уже сказано, строительство было сопряжено с передвижкой всей оборонительной линии на этом участке. Прямоугольная башня XII предыдущего строительного периода, от которой уцелели остатки лестницы с северной стороны, была разобрана и перенесена к югу на несколько метров. К. Э. Гриневич верно заметил, что эта башня “чрезвычайно близка по размерам и кладке к башне XIV” и датировал ее “эпохой императора Феодосия или позже”, учитывая, что в засыпи башни XIV были найдены монеты Юстиниана I [Гриневич, 1959, с.85]. В целом, это совпадает с точкой зрения К.К. Косцюшко-Валюжинича, относившего время строительства прямоугольной башни XII и соседних куртин к “ранневизантийской эпохе” [Косцюшко-Валюжинич, 1905, с.106]. Но поскольку 13-я куртина сохранила с внутренней стороны обшивку плитами, она несомненно возводилась до устройства комплекса западных помещений с тремя залами, который поначалу не планировался, лишь несколько позже был пристроен к этой стене и закрыл ставшую ненужной обшивку [Извлечение, 1901, с.116, стена И]. Следует также учесть, что отрезок западной оборонительной стены у фланговой башни V, открытой в 1894 г., судя по характеру облицовочных камней, по способу их укладки и забутовки, нес следы строительной деятельности трех эпох: древнегреческой, римской и византийской, тем самым не отличаясь ничем от юго-восточного участка обороны у древнегреческих ворот. Здесь были такие же камни, обработанные рустом, и даже буквенные метки каменщиков, сделанные на облицовочных камнях, совпадали с такими же метками в куртине 16. Перестройку на западном, а значит, и на связанном с ним соседнем южном участке, Д.Н. Косцюшко-Валюжинич относил к I - II вв., отмечая новую кладку на извести [Косцюшко-Валюжинич, 1911, с.61 - 62]. Однако наблюдения за кладкой *opus mixtum* в 13 куртине позволяет сдвинуть эту дату к более позднему времени и видеть в ней следствие перестройки, передвижки оборонительной линии в VI в. Типично антично-ранневизантийская традиция крепления между собой некоторых известняковых плит куртины с помощью пиронов в виде “ласточкиного хвоста” не противоречит этому заключению [Зубарь, Седикова, 2008, с.648, 656, рис.20].

В силу своего расположения на возвышенной юго-западной части городища, вдоль линии водораздела плато Херсонесского мыса, сооружение являлось, наряду с теофаническим купольным мемориалом №47 перед Западными (Святыми) воротами, самой высокой доминантой города, видной издали. Уже первых раскопщиков поразило обилие остатков его богатой отделки, куски мрамора, возможно, от оконных наличников и дверных проемов, многочисленные обломки узких и тонких беломраморных карнизов, плиток, которыми, вероят-

но, были внутри облицованы стены, куски штукатурки с фресками, толстых, литых оконных стекол [Бертъе-Делагард, 1893, с.37; Косцюшко-Валюжинич, 1905, с.113 - 119]¹. При этом К.К. Косцюшко-Валюжинич счел необходимым сделать очень важное для нас замечание, что подобные же узкие карнизы были найдены в 1901 г. при исследовании Уваровской базилики – кафоликона (№23) и баптистерия (№24), причем в последнем такой обломок еще сохранился на своем месте [Отчет, 1903, л.46]. Разумеется, такие карнизы использовали при отделочных работах в интерьерах общественных сооружений уже с первой половины II в. [Буйских, 2008, с.223], но для нас важно, что баптистерий при Уваровской базилике надежно датируется временем не ранее последней четверти VI в. и, следовательно, наша постройка у куртины 13 могла иметь хронологическую близость с сакральным кафедральным центром конца VI в. на северном берегу [подр. см.: Сорочан, 2005, с.761 - 787]. Монеты, в свое время обнаруженные К.К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках западной части архитектурного комплекса в южном районе, тоже не противоречат этим выводам². Более того, их почти полное отсутствие для периода после Юстиниана I косвенно может свидетельствовать в пользу того, что сооружение наиболее интенсивно эксплуатировалось именно в это время и тщательно убиралось.

Приведенные мной наблюдения были подкреплены В.М. Зубарем и Л.В. Седиковой, заметившими, что техника кладки стен водохранилища представляла собой хорошо обработанные известняковые квадраты на известково-цемянковом растворе (*opus quadratum*), которые зафиксированы в крепостном строительстве в западных куртинах 1, 3, почти на всем протяжении юго-восточного участка обороны Херсона, а также на городище Эски-Кермен, Сюйренском укреплении, Чуфут-Кале, Мангупе и относятся к тому времени, когда масштабное строительство, очевидно, связанное с возросшей опасностью со стороны тюрков, особенно активно велось во второй половине VI - начале VII вв. [Зубарь, Седикова, 2008, с.660, рис.35 - 36]. Можно добавить, что херсонская крепостная куртина 1, судя по результатам раскопок И.А. Антоновой, была возведена не ранее правления Юстиниана I, о чем свидетельствуют найденные при раскопках монеты этого императора и поздняя краснолаковая керамика со штампами на дне, тогда как соседствующая с куртиной Западная базилика №13 (известный из агиографии “дом Св. Леонтия”) вошла в монастырский комплекс, воздвигнутый не ранее второй половины VI в.

¹ Только в отчете за 1898 г. указаны 14 карнизов, 18 обломков мраморных плиток и 135 кусков оконных стекол [Раскопки, 1901, с.11; Извлечение, 1901, с.116].

² В 1898 г. при раскопках всех трех залов “терм” были найдены 4 монеты Херсонеса “периода подчинения римским императорам”, то есть II - III вв., 1 боспорская, более 130 монет поздне-римских и византийских императоров, но плохой сохранности, 3 монеты Юстиниана I, 13 - Василия I, 5 - Льва VI и Александра, 10 - Романа I, 1 - конца X в. и далее вплоть до Василия II и монет с “ро”, когда ранневизантийский комплекс уже не существовал и над его низко сложенными стенами был выстроен “целый квартал верхнего города” [Отчет 1898, л.10 - 11, 14].

[подр. см.: Сорочан, 2005, с.827 - 849]. Важно также отметить, что во время раскопок Н. В. Пятышевой западной части комплекса с городским водохранилищем, в большом количестве встречались обломки стеклянных рюмкообразных сосудов, а также ранневизантийской краснолаковой столовой штампованной керамики, в том числе с крестами, которая уверенно датируется VI - первой половиной VII вв. [Зубарь, Седикова, 2008, с.642, 643, рис.13].

Исходя из особенностей этого укрепленного комплекса, наличия в нем мощных плинфой площадок для установок баллист, важного в военном, стратегическом, оборонительном отношении обширного резервуара для воды, расположение в наиболее безопасной, возвышенной части городища, откуда открывался прекрасный обзор, привели В.М. Зубаря и Л.В. Седикову к выводу о том, что мы имеем дело, скорее всего, с остатками мощного военно-административного сооружения, назначение которого состояло в контроле за стратегическим объектом – городским водохранилищем, и которое обслуживалось отрядом баллистариев, известных из херсонских источников, относящихся к ранневизантийскому времени [Зубарь, Седикова, 2008, с.657 - 659, 663, рис.30 - 32]. В какой-то степени тут виден возврат к давней концепции Н. В. Пятышевой, поддержанной Н. М. Богдановой, о том, что комплекс представлял собой византийский преторий, только с поправкой на время его функционирования не в IX - XIII вв., как думалось раньше, а в VI - VII вв. [ср.: Богданова, 1991, с.150, прим.34]. Следует заметить, что преторий, где размещались римские власти города, действительно был в Херсоне, только находился он в “цитадели” на юго-восточной оконечности городища и дважды полностью перестраивался: сначала около середины IX в., а затем в самом конце IX - начале X вв. [Антонова, 1997, с.21; Антонова, 1997 а, с.14 - 18; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.537 - 539; Сорочан, 2004 а, с.200 - 205; Сорочан, 2004 б, с.108 - 121; Сорочан, 2005, с.997 - 1006; Сорочан, 2008, с.253 - 258; Сорочан, 2008 а, с.257 - 262; Сорочан, 2008 в, с.167 - 173]. И все же видеть в нашем монументальном архитектурном комплексе прежде всего ранневизантийский военно-административный объект вполне возможно. Более того, я, как и В.М. Зубарь и Л.В. Седикова, отмечал со ссылкой на “Тактику” Льва VI Мудрого, что такие вместительные городские цистерны предусматривались требованиями византийского военного дела, причем в случае осады города рядом с ними выставлялся вооруженный пост – вигла и раздача питьевой воды производилась соответствующей меркой с целью контроля и экономии [Leonis Imperatoris Tactica, 1863, р.904 А, 5 - 9, 14 - 16 (XV, 62; 65)]. Подобное требование на три столетия раньше отразил и “Старетегикон” Маврикия, в котором речь шла о сменных сторожевых постах, которые должны были бдительно нести службу у мест хранения воды [Das Strategikon, 1981, р.476. 71 - 75 (X, 3)]. Нужда обзавестись подобным водохранилищем могла стать особенно настоятельной в условиях тюркской угрозы, нависавшей над городом в последней трети VI в. и сопряженной с падением Боспора в 576 г. В условиях вполне реальной

длительной осады такое гидротехническое сооружение было бы жизненно необходимым. Оно входило в перечень важнейших объектов градостроительства любого благоустроенного ранневизантийского полиса наряду с рынками, торговыми рядами, портиками, эргасториями, без которых не мыслилось, по словам Прокопия Кесарийского, “великолепие”, “достоинство”, “богатство”, “благосостояние”, “благополучие”, более того – “гордость”, “счастье” и “блеск” города [Procopii, 1913, II. 10. 22, II. 11. 4, IV. 10. 21, V. 4. 17, V. 5. 7, VI. 6. 16, p.241, 254, 302, 318]. Византийский Херсон и тут не стал исключением.

Сооружение прежде всего было связано с системой водоснабжения, даже с его крыши по проложенным в стенах гончарным трубам стекала вода, отводившаяся в дренажные колодцы и по водосточным каналам, шедшим к востоку, к Южным городским воротам, где эта проточная вода заодно обслуживала большой афедрон, находившийся в связи с комплексом. Разумеется, такой укрепленный, стратегический объект должен был тщательно охраняться. Но только ли чиновники, ромейские власти и солдаты размещались здесь?

Мною была замечена совершенно необычная для этого места предельно высокая концентрация находок, которые могли иметь отношение как к отпавлению христианского культа, так и к лечению, медицине, врачебному обслуживанию. Так в самом обширном зале III в западной части комплекса почти по центру помещения находился разбитый на четыре части мраморный “бассейн” диаметром 1,25 м, высотой 0,53 м и 0,27 м толщиной стенок, весьма напоминавший круглую купель для обмываний, уместную не только в кальдарии терм, но и в больничном отделении [ср.: Буйских, 2008, с.223]. При всей ее тяжести, такую ванну можно было двигать. Здесь же, вдоль западной стороны залов I - III проходила улица или находилась площадь, где во время раскопок были найдены многие десятки “обломков донышек, ручек и горл от флакончиков, ножек от широких рюмок и кусков от плоских сосудов” [Отчет за 1898 год, л.11 - 12; Извлечение, 1898, с.116]. Такие рюмки и плоские подносообразные сосуды находили применение во врачебной практике, служили для приготовления, хранения, дачи больным лекарств, микстур и скопление их на одном участке именно в этом районе не объяснишь лишь вывалом мусора во время последующих нивелировочных работ, когда в X в., после прекращения существования комплекса в первой половине IX в., его запустения и разрушения, здесь стали строить новые жилые и хозяйственные постройки из бута на глине. В любом случае источник такого скопления должен был находиться совсем рядом и, скорее всего, связан с интересующим нас комплексом. Обращает также внимание совершенно необъяснимая, необычная для других мест Херсона, многочисленность находок ступок именно при раскопках залов того, что К.К. Косцюшко-Валюжинич посчитал термами (двух мраморных и трех обломков от каменных ступок) [Извлечение, 1898, с.118]. Такого скопления ступок не зафиксировано в Херсоне больше нигде. Между тем ступки были совершенно необходимым инструментом в фармакологии, врачебном деле.

Раскопки Л.В. Седиковой в 1999 г. уточнили конструкцию пола нижних помещений. Он был уложен на слой мелкого бута толщиной 10 - 15 см, а сверху залит прочным известково-цемянковым раствором, содержащим мелкий щебень. По словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, открывшим его, он был весьма прочным, гладким и даже блестел. Общая толщина пола достигала 20 - 25 см, масса цемянкового раствора составляла 12,1 кг / кв. см, а пропорциональный состав включал 70% извести, 30% хорошего песка и истолченной керамики [Седикова, 1996, л.6; Седикова, 1999, л.8 - 9; Sedikova, 2002, p.35]. Цемянковые покрытия прослеживаются в некоторых помещениях римской вексилляции в Балаклаве и в помещении II в. н.э., раскопанном в 1997 г. на месте "Южной площади" в цитадели Херсонеса [Савеля, Филиппенко, 1992, л.8 - 10; Антонова, Сорочан, 1997]. Ввиду близости морской воды, залитые цемянкой полы были в жилых и вспомогательных помещениях для монашествующих при мемории Св. Климента на островке в Казачьей бухте [Отчет, 1888 - 1890, л.28, 42, 44]. "Пол, залитый бетоном," отмечал К.К. Косцюшко-Валюжинич в апсиде средневекового четырехстолпного храма № 6 с правой стороны главной улицы Херсона, в квартале ХС1 [Раскопки, 1893, с.9]. Бетонный, цемянковый пол толщиной 9 - 10 см встречается и в некоторых ранневизантийских церквях и помещениях, к ним примыкающих [Хрушкова, 2002, с.218, 220]. В банях он был редкостью, поскольку на гипокауст обычно укладывали каменное или плинфовое перекрытие, упроченное цемянкой. Следовательно, прочная отделка пола объяснима в том случае, если он предусматривал большую пропускную способность помещений и не просто соприкосновение с влагой, а частое, регулярное, тщательное мытье, влажную уборку. Последнее вполне подходит не только для административных, культурных, но и для больничных помещений, хотя до сих пор не удалось археологически зафиксировать ни одного ранневизантийского больничного учреждения, даже из числа тех, что хорошо известны из письменных источников.

Весь монументальный и вместе с тем трехсоставной, замкнутый в квадратный контур южный архитектурный комплекс (общественное здание на западе с анфиладой помещений, громадная водонакопительная цистерна, галерея и помещения к востоку от водохранилища включая афедрон) прожил долгую жизнь. Стены, отделявшие залы западной части, носят следы двух строительных периодов. Во время второго, более позднего, разрушенные участки стен закладывали бутовой кладкой на грязевом растворе, что отличает эту кладку от более ранней, из хорошо обработанных с лицевой стороны камней-квадров на известково-цемянковом растворе и с использованием *opus mixtum* [Седикова, 1898, л.6]. В свое время я предположил, что западное здание с тремя большими залами было возведено после строительства новой куртины 13, но, видимо, несколько раньше водохранилища, на что указывает водосток в среднем помещении (II), куда сливалась вода из керамических труб, проведенных с крыши в стенах здания [Сорочан, 2005, с.970 - 971, рис.355;

Сорочан, 2006, с.109, рис.17 - 20]. После завершения сооружения резервуара цистерны, как уже сказано, строившегося в свою очередь вслед за прилегавшей куртиной, этот водосток потерял значение. Вертикальные керамические трубы в стене, удалявшие воду с крыши западного здания, были устроены с восточной стороны цистерны, вдоль которой был проложен водосток из каменных плит. Единственная сохранившаяся здесь труба в стене имеет меньший диаметр, чем переставшие функционировать водосливные трубы на западной стороне. Избыток воды теперь сливался через стенные водостоки с восточной стороны бассейна. Еще раз надо подчеркнуть, что о одновременности сооружения всего комплекса и примыкающего к нему участка оборонительных сооружений можно говорить относительно: они были построены в близкое время, но по частям и с последующими переделками. Так городское водохранилище тоже пережило ремонт, в результате которого за счет облицовки из хорошо обработанных квадров на известково-цемянковом растворе была увеличена толщина стен (до 2,0 - 2,3 м), а выходы сливных гончарных труб, проходивших вертикально в стенах водохранилища, оказались перекрыты новой облицовкой [Седикова, 1987, л.4]. Объяснение увеличению толщины стен бассейна можно искать в том, что близость соседних с ним зданий, особенно западного, многоэтажного, вызвала трещины как в стене западного здания, так и в облицовке гидросооружения, что потребовало их усиления.

Раскопки засыпи главной городской водосборной цистерны, продолженные с 1987 г. Л.В. Седиковой, позволили установить, что это сооружение, вода из которого поступала в городской водопровод через водозаборное отверстие, расположенное около низа восточной стены сооружения, перестало действовать ко второй четверти IX в., причиной чему, скорее всего, явилось прекращение поступления воды из прежних загородных дальних источников, то есть нарушение природной экологии и водного баланса, структуры водоносных слоев, что изредка случалось в Крыму и раньше [Седикова, 1994 а, с.238 - 240; Седикова, 1995, с.170 - 177; Сорочан, 2005, с.971, прим 1097; Зубарь, Седикова, 2008, с.656]. Некоторое время огромный бассейн стоял не засыпанным: падала штукатурка, начала рушиться верхняя кладка стен. На это указывают кучи мелкого песка на дне вдоль стен, выше которых лежали строительные остатки – бутовые камни, куски раствора [Седикова, 1987, л.5, 11; Седикова, 1988, л.3; Седикова, 1989, л.3; Седикова, 1993, л.1 - 2; Седикова, 1994, л.4]. Учитывая, что деталей кровли не было найдено, она, если таковая была над цистерной, оказалась разобрана херсонитами, дорожившими древесиной и деревянными строительными конструкциями. Пример такой разборки и уноса деревянных частей здания являет загородный храм Св. Созонта, очевидно, незадолго до начала осады Херсона войсками князя Владимира [Романчук, 1990, с.165 - 171].

Едва ли засыпь возникла за короткий срок. Она представляет собой четырехметровый мусорный завал с многочисленными линзами под углом 30°

к центру. Засыпка гигантской цистерны велась со всех сторон, но большая часть мусорного грунта высыпалась со стороны наиболее монументальной западной части комплекса, который, следовательно, тоже перестал существовать. Подавляющее большинство керамики (более 40%) из этого мусора относится к амфорам причерноморского типа и сосудам с росписью ангобом, подобным найденным в гончарной мастерской середины – второй половины IX в. у Радиогорки [Седикова, 1987, л.8; ср.: Седикова, 1994 б, с.434 - 440; Седикова, 1995 а, с.170 - 177; Седикова, 1997, с.11]. Однако отсутствие среди этих материалов такой массовой, характерной для второй половины IX - X вв. керамики как высокогорлые кувшины с плоскими ручками позволяет уверенно датировать засыпь до этого времени [Седикова, 1988, л.10]. В поздневизантийское время, не ранее конца X в., над остатками помещений монументального комплекса строятся жилые дома из бутовой кладки на земляном растворе.

Итак, если роль огромного *castellum aquae*, главного резервуара – резервного водонакопителя, важного для водоснабжения в жизни достаточно многолюдного города вполне понятна (его полное опорожнение через единственное сливное отверстие 30 x 30 см занимало больше 20 часов и этого запаса в случае осады жителям 6-тысячного города при экономном использовании хватило бы на много дней), то назначение загадочного общественного сооружения, примыкающего к водохранилищу с запада, но не сообщавшегося с ним, остается открытыми. Ясно, что это не термы. Ссылки на наличие аналогичных и даже очень близких типовых планировочных схем, характерных для комплексов бань, гимнасиев и общественных туалетов греко-римских городов первых веков н.э., могут быть приняты во внимание, но в нашем случае их нельзя считать решающим аргументом [Буйских, 2008, с.222 - 224]. Сооружение несомненно действовало в ранневизантийское время, да и иметь столь огромную цистерну лишь для обслуживания терм и слива афедрона, пусть и крупного, провинциальный Херсонес едва ли бы позволил себе. Лишь одна из открытых в нем терм имела поблизости крытую подземную цистерну вместимостью около 180 куб м., которая располагалась на большой агоре города и, видимо, обслуживала не только термы, но и общественные здания, палатии и храмы агоры [Сорочан, 2008 б, с.91 - 114]. В случае с нашим комплексом все строилось, видимо, с не менее многгранными задачами, даже если признать, что цистерну посчитали необходимым включить в этот комплекс из-за прекращения существования к IV в. большой водосборной цистерны, на месте которой в 60-70-е гг. VI в. недалеко от оконечности продольной улицы и Западных ворот был построен тетраконхиальный храм №47, очевидно, меморий Св. Капитона [Буйских, 2008, с.224; ср.: Сорочан, 2005, с.851 - 857].

Если это только военно-административный объект, то требуют объяснения столь многочисленные находки здесь ступок, стеклянных флаконов, плоских сосудов-подносов, поздних краснолаковых тарелок, мисок именно с крестами на дне, а также рюмкообразных сосудов, которые в ранневизантий-

кое время, преимущественно до конца VIII в., использовали как для питья или индивидуального причащения, так и в качестве светильников-ламп (ладикин) [подр. см.: Сорокина, 1963, с.134 - 171; Sorochan, 2002, p.113; Шапова, 2005, с.198 - 210]. Они неким образом сочетаются с довольно многочисленными предметами культового характера, связанными с литургией и церковным бытом, которые нельзя отнести только к наличию где-то поблизости церкви, храма или молельни. Очевидно, дело в том, что многое из обнаруженного в засыпи западной части комплекса и водохранилища, тоже имеет отношение к медицинской практике, к лечению, которое, как известно, сочеталось у римлян, с церковной обрядностью.

Уже в 1898 г. во время раскопок одного из залов здания К. К. Косцюшко-Валюжинич наткнулся на глиняную форму для рельефных оттисков евлогиев диаметром 9 см с врезной надписью вокруг помещенного в центре продолговатого креста с расширяющимися к концам перекрестиями и буквами “альфа” и “омега” по сторонам. С обеих сторон креста были изображены две фигуры в длинных одеяниях: слева – с воздетыми руками, в позе оранта, справа – с нимбом над удлиненной головой и жезлом с крестом наверху, а по бокам от них — маленькие кипарисы [Раскопки, 1901, с.10 - 11, рис.6; Древности, 1899, с.34 - 41, № 43; Латышев, 1899, с.349 - 352]. Вполне вероятно, “изображение... Креста Господня с предстоящими святыми можно объяснить тем, что крест, как известно, был символом мученичества [Древности, 1899, с.37]. В восстановлении В. В. Латышева надпись, которую он датировал V - VI вв., не позже VII в., выглядела следующим образом: [Eulog]ia tou a(g)iou kai end(o)x[ou m]jegal[o u mart]y(ro)s [Georgiou]. Это подтверждало предложенный символический смысл трактовки, однако восстановление имени “святого и славного великомученика” вызывает сомнение, поскольку кроме Георгия по количеству букв к пропавшей части кружка подходят и другие варианты. Настораживает также и изображение на евлогии этого типа сразу двух фигур.

Среди великомучеников известны только два с одинаковыми именами – военные святые, малоазийские великомученики Феодор Тирон (новобранец, рекрут) (сожжен на костре в малоазийской Амасии в 306 г., мощи перенесены в Евхаит, город в Понте, память в первое воскресенье поста, 17 февраля) и Феодор Стратилат (уроженец Евхаит, начальник гарнизона Гераклеи Вифинской, казнен в 319 г.; память 8 февраля), а на евлогии по сторонам креста были представлены именно двое святых. Это позволяет думать, что на данном типе евлогии остановились не случайно, здесь подразумевались сразу оба великомученика Феодора, поскольку они были совместимы и даже взаимозаменяемы. Св. Феодора, особенно Тирона, изображали в образе воина-пехотинца, чем подчеркивали его скромное положение, едва ли не бедность, и весьма почитали на Южном Понте и Боспоре, с которыми был особенно тесно связан ранневизантийский Херсон, а в средневековой Таврике во имя Св. Феодора было освящено немало храмов [ср.: Юрочкин, Туровский, 2001, с.111 - 112;

Цукерман, 2003, с.80, прим.36]. Впрочем, стоит учесть, что почитание Феодора Стратилата получило распространение позже, с IX в., тогда как память о Феодоре Тироне активизировалась раньше, к рубежу V - VI вв., когда в Амасии на предполагаемом месте казни великомученика была построена базилика Св. Феодора, а на сосуде типа фляги из боспорской Тиритаки было процарапано соответствующее посвящение [Гайдукевич, 1958, с.174, рис.28, б; Емец, 2002, с.83 - 84; Kazdan, 1991, p.1374]. Возможно, выразительный рисунок удлинённого бородатого мужского лица с нимбом и вертикальной надписью ЕФО, нанесенный черной краской на лекифообразном сосуде из плитовой могилы не ранее второй половины VI в. на северо-восточном склоне керченской горы Митридат, можно тоже интерпретировать как проявление культа все того же святого [Блаватский, 1985, с.27 - 28.]³. Изображение Св. Феодора присутствует на херсонских моливдулах, где он представлен, как и на евлогии, с неизменным атрибутом – крестом в правой руке [Соколова, 1983, с.162, №49; Алексеенко, 1998, с.718, №20; Алексеенко, 2001, с.48]. Этого же великомученика можно встретить на стеатитовых иконах, где каждый раз его лик, в отличие от лика Св. Георгия, отличала длинная, сужающаяся на клин борода, что придавало голове святого характерный удлинённый вид [Византийские стеатитовые иконы, №1, 10]. Причем композиция стеатитовой иконы XII в. с изображением Феодора Стратилата тоже включала двух святых воинов, обращенных с молитвой к Христу [Византийские стеатитовые иконы, №10]. Таким образом есть основания подозревать, что обитатели здешнего района с его уникальным для города архитектурным комплексом особо чтити Св. Феодора, а сам евлогий с его именем имел прямое отношение к интересующему нас загадочному объекту. Такой евлогий можно было носить при себе, прикрепить к стене жилья, эргастерия, церкви, молельни, кельи или к надгробию, удобно использовать в качестве переносной иконы.

Подобные находки служат своеобразными индикаторами близости соответствующих харитарных учреждений, странноприимных домов, больниц или храмов, выдававших их. К примеру, находки керамического штампа и ототиска евлогиев птохиона Св. Фоки Навта в портовых кварталах 1 и 2 Херсона указывают на наиболее вероятное месторасположение этого приюта для бездомных и госпиталя для бедных, администрация которого организовывала также раздачу нищим [подр. см.: Сорочан, 2005, с.951 - 955]. Не случайно здесь, недалеко от берега Карантинной бухты, оказались обнаружены в 1892 - 1896 и 1902 - 1904 гг. остатки общественного здания с кладкой *opus mixtum*, много культовых вещей, церковных древностей, а также стеклянных и бронзовых разновесов, эксагиев, в том числе эталонных, официальных, с изображением храма и фрагментов неравноплечных весов кампанов, что может быть связано с особыми, специфическими ин-

³ О датировке ранних плитовых могил на Боспоре см.: Айбабин, 1993, с.128.

тересами и делами постояльцев птохиона, в массе своей, видимо, приезжих, торговцев, моряков.

В засыпи водохранилища, образовавшейся преимущественно из материалов разрушенного комплекса, тоже были специфические находки: четыре обломка простых гончарных тарелочек с соответствующими сакральными надписями, нанесенными до обжига; два обломка от крупной, глубокой миски диаметром 0,40 - 0,45 м, орнаментированной ангобом и налепами, с круговой надписью по сырой глине, призывавшей Бога, Богородицу или опять таки Св. Феодора и именем Константина монаха (+Theo[...][Kon]stantinoum); горшочек со словами псалма на стенке, еще один для сбора пожертвований, причем, вероятно, для больных лепрой; бронзовые подвески для лампад, глиняные курильницы, крышка от сосуда с крестами, шесть штампов для изготовления евхаристического хлеба и керамическая поминальная просфорка с надписью “Феодора, аминь” (Theood(o)rou ame(n) [Седикова, 1994, л.9; Седикова, 1995 б, л.7; Седикова, Сидоренко, 1996, с.106 - 110, рис.1 - 7; Романчук, Соломоник, 1987, с.98 - 99, №6, рис.2, 6 (издатели надписи необоснованно сочли ее относящейся к Константину Великому (megistou), хотя буквой “ми” было принято обозначать слово monachos); ср.: Гинькут, Алексеенко, 2003, с.67 - 71, рис.1]. Не исключено, что тарелочки с культовыми надписями, как и стеклянные подносообразные сосуды служили для приготовления лекарств, а тазообразная большая чаша, предназначенная Константину монаху, возможно, фельдшеру или флевотому, вполне годилась для операций по кровопусканию, чем и объясним выполненный на ней invocативный призыв небесной помощи. Вкупе с другими находками такую интерпретацию, при всей ее гипотетичности, нельзя отнести лишь к плоду игры “воображения исследователя”: вещи вполне реальны и, самое главное, имеют одну направленность, которую невозможно не почувствовать [ср.: Хрушкова, 2009, с.107].

К этому же кругу относится найденный по соседству в слое с материалами V - VIII вв. обломок керамической крышки диаметром 8,4 см, сохранившейся толщины 1,1 - 1,2 см, на которой читается рельефно оттиснутая по периметру часть надписи, заканчивающаяся словом “ладан” (libanos) в генетиве [Романчук, Соломоник, 1987, с.97, №3, рис.1,3]. Центр крышки был украшен изображением креста с трилистниками характерной яйцевидно-ланцетной формы в углах, напоминающей листья мирта. Издатели надписи сочли ее относящейся к некому Ливану, просящему помощи Господа ([Kuris boethe]i Libanou). Однако с не меньшим основанием можно предположить, что крышка предназначалась для сосуда, вмещавшего некие благовонные ингредиенты, эфирные масла, ароматические смолы, лекарства и в этом случае недостающая часть надписи могла читаться как указание на содержимое: [(pros) smyrnes ka]i libanou – “(для смирны) и ладана”. Следует учесть, что эти ценные вещества, миро, получаемое из мирта обыкновенного (*Myrtus communis*), и ладан (ливан), ромеи использовали не только в литургических или парфюмерных целях,

но и как составляющие лекарств антисептического и ранозаживляющего содержания, как вещества, которым приписывали апотропеическое действие, способность отгонять демонов [Кунцлер, 2001, с.203 - 204]. Был известен ладан нескольких сортов – белый, происходивший с палестинской горы Ливан, черный, который собирали в малоазийской Ликии, и кипрский [см.: Хожделение, 1997, с.31, 33, 99]. Какой-то из них был в нашей керамической пиксиде

Столь массовое количество таких весьма показательных, характерных находок в одном месте, на сравнительно небольшом участке, большая редкость для византийского Херсона. Это обстоятельство невозможно оставить без внимания или списать на одну лишь случайность многократно переотложенных материалов, попадавших в засыпи. Оно же позволяет не отказываться от высказанного мной предположения о существовании на месте помещений, примыкающих с запада к глухой, очень широкой стене водохранилища, ранневизантийской общественной больницы, которая находилась действительно при военно-административном комплексе, вероятно, входила в его состав и могла, как и сам комплекс, пользоваться небесным покровительством святого великомученика Феодора, воина и защитника, даже носить его имя⁴. Крест, как и жест молитвы, изображенные на евлогии, найденном при раскопках залов I - III, несли теургическую силу и подчеркивали силу заступничества, способную уничтожить любые враждебные силы, будь то военные враги или демоны хворей [см.: Ковальчук, 2002, с.238]. В связи с этим примечательно, что оба Феодора, Тирон и Стратилат, имели как военную, так и антидемоническую и целительную функции, вполне подходившие и для военно-административного объекта, и для общественной лечебницы [Алексеев, 2001, с.51]. Судя по внушительным размерам комплекса, замкнутого в практически квадратный контур, в свою очередь включенный в планировочную структуру Херсона, в нем было достаточно места не только для военной администрации, поста солдат, но и для устройства больницы, способной принять до двух десятков больных и иметь, как это было принято, несколько отделений, в том числе хирургическое. Исходя из ромейской практики, такому заведению полагалось иметь четырех врачей, шесть штатных и четырех сверхштатных помощника, а также четырех служителей [ср.: Каждан, 2002, с.146].

Подобные сооружения, чаще всего устраиваемые при церквях, храмах, либо обязательно имевшие часовню, молельню, были известны в ромейских городах, где их называли ятрина, иеранос или просто ксенон (*iatrina, ieranosos, xenon*) [Шандровская, 2002, с.47; Сорочан, 2001, с.252 (там же литература

⁴ Наличие одноименных храма, точнее, небольшого монастырского храмового комплекса, локализуемого в углу между куртинами 17 и 18 [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.78], и военно-административного комплекса с лечебницей и молельней у южной оборонительной стены, не должно рассматривать как противоречащее одно другому, поскольку это были разные по характеру общественные сооружения, к тому же не совпадавшие хронологически.

вопроса)]. По сути дела, они действительно представляли вариант ксенодохиона – приюта, в котором помещали и лечили занедуживших, тяжело больных, нуждавшихся в операции. Как и в случае с обычными странноприимными домами, о снабжении таких заведений всем необходимым проявляло заботу то лицо, которое само лично или через кого-либо основывало благотворительное учреждение. К примеру, византийским императорам случалось делать взносы-пожертвования опосредственно. В остальных случаях больницы и подобные им приюты попадали в ведение общественных организаторов харитарной деятельности – соответствующих церковных и казенных ведомств [Сорочан, 2001, с.255 сл.]. Нередко в них трудились иноки, подобные херсонскому Константину монаху, составлявшие лекарства, занимавшиеся кровопусканием и ухаживавшие за больными.

Достижения византийской медицины, ятрософистов – “ученых врачей” (iatrosophistes), “мудрецов врачебной профессии” (sophistes tes iatrikes epistemes), по выражению Феофилакта Симокатты, “людей, испытанных в искусстве Харона и Махааона” [Феофилакт, 1996, с.176 (VI. 11. 7); Theopanis, 1883, p.382; Georgii, 1904, p.145. 2; 182. 8; см.: Рудаков, 1917, с.93; Культура, 1989, с.322 - 330], воплощались в медицинских, фармакологических инструментах, среди которых были то и дело встречаемые в ходе раскопок ромейских городов каменные, мраморные и бронзовые ступы для растирания ингредиентов лекарств, мерные сосуды и склянки для изготовления, хранения и приема лекарств, тарелки с христианской символикой, надписями, ложечки, терочники, дощечки из порфира, ножи - скальпели, зонды, пинцеты [см.: Miller, 1985; Kislinger, 1986 - 1988, S.7 - 16]. Часть того, что было обнаружено при раскопках военно-административного, общественного комплекса около большой водосборной цистерны Херсона, недалеко от главной продольной улицы, общественного афедрона, Южных ворот и, вероятно, малой агоры города, тоже может иметь прямое отношение к этой врачебной деятельности.

Возражение, что такое расположение больницы рядом с хранилищем водных запасов было бы “антисанитарно”, несовместимо с требованиями гигиены [Зубарь, Седикова, 2008, с.663], несостоятельно по причине того, что представления об инфекции, патогенных микроорганизмах, гигиенических нормах, требования стерильности, асептики, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мер не были присущи ни греко-римскому, ни византийскому обществу и не осознавались вплоть до нового времени: известный трактат прославленного римского врача Галена “О гигиене” исходил из гуморальной теории происхождения болезней, касался, скорее, вопросов нормальной пищи, питья, сна [Horden, 2008] и лишь в первой трети XI в. далеко на Востоке, в Средней Азии, уникальный для своего времени ученый энциклопедист, экспериментатор, практикующий врач Абу-Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах Ибн Сина (980 - 1037) в четвертой книге своей фундаментальной медицинской энциклопедии “Канон врачебной науки” (Китаб-ал-Канун фи-т-Тибб) выдвинул гипотезу о невидимых

глазом возбудителях лихорадочных (инфекционных) заболеваний, передающихся не только посредством воды, но и через почву и воздух [Ибн Сина, 1954; Ибн Сина, 1957, с.25; Кары-Ниязов, 1958, с.32; Вороновский, 1958, с.63; Сагадеев, 1985, с.26]. Слухи об этом, как и о самом сочинении Ибн Сины, проникли в Европу, по-видимому, не раньше времен крестовых походов, а первый перевод “Канона” совершил Герард из Кремоны в 1179 г. [Вороновский, 1958, с.65; Шидфар, 1981, с.182]. Спустя три столетия, в XVI в., Джироламо Франкасторо обосновал учение о контагии – заразности и контагиозных болезнях, но истинная природа инфекционных болезней была раскрыта вообще в XIX в. в связи с успехами бактериологии, достижениями микробиологии и иммунологии и тогда же стали осуществлять мероприятия по охране поверхностных вод и источников [подр. см.: Давыдовский, 1956; Санитарное просвещение, 1965; Бароян, 1971]. Поэтому такие, кажущиеся ныне элементарными, соображения не могли смущать умы ромейских строителей архитектурного комплекса и его пользователей, на протяжении более двух столетий интенсивно эксплуатировавших просторный сложносоставной объект (военно-административный, водоснабжающий, культовый и лечебный). В любом случае мы имеем дело с редкостным сооружением, не знающим полных аналогов среди известных византийских памятников всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбаши А.И.* Могильники VIII - начала X в. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып.3.
- Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики X - XI вв. // МАИЭТ. 1998. Т.6.
- Алексеевко Н.А.* Христианские сюжеты на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.
- Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. ст. Симферополь, 1997.
- Антонова И.А.* Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989 - 1993 гг.) // X. сб. 1997 а, Вып.8.
- Антонова И.А., Сорочан С.Б.* Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса на участке “Цитадель”, 1997 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3351 / I - II.
- Бароян О.В.* Судьба конвенционных болезней. М., 1971.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12.
- Блаватский В.Д.* Сосуд с надписью ЕФО // Античная история и археология. М., 1985.
- Богданова Н.М.* Херсон в X - XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Буйских А.Б.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып.5. Симферополь, 2008.
- Византийские стетативные иконы.* Буклет / Т. Яшаева. Серия “Херсонесская экспозиция”.
- Внуков С.Ю.* Новые типы позднесинопской амфорной тары // РА. 1993. № 3.

- Вороновский Д. Г.* Канон медицинских знаний Ибн Сины // Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилея Ибн Сины. Ташкент, 1958.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946 - 1952 гг. // МИА. М.: Л., 1958. №85.
- Гишкун Н. В., Алексеевко Н. А.* Чаша с инвокативным обращением из раскопок Херсонеса // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2003.
- Гришневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч.3: Южная и Западная линия обороны // Х. сб. 1959. Вып.5.
- Давыдовский И. В.* Учение об инфекции. М., 1956
- Древности Южной России.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895 - 1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева // МАР. СПб., 1899. № 23.
- Емец И. А.* Посвящение св. Феодору из Тиритаки // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Зубарь В. М., Седикова Л. В.* История археологических исследований и некоторые итоги изучения южного района Херсонеса-Херсона // СС. 2008. Вып.3.
- Ибн Сина.* Канон. Ташкент, 1954. Т.1 - 2
- Ибн Сина.* Даниш-намэ. Сталинабад, 1957.
- Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г.* К.К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
- Кадеев В. И., Сорочин С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.
- Каждан А. П.* Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
- Кары-Ниязов Т. Н.* Великий ученый и мыслитель // Ибн Сина. Материалы научной сессии АН УзССР, посвященной 1000-летию юбилея Ибн Сины. Ташкент, 1958.
- Ковалевская Л. А., Седикова Л. В.* К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. 2005. Вып.11.
- Ковальчук Н. Д.* К вопросу о литургическом устройстве храма (на примере Святой Софии Киевской) // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. 1905. Вып.16.
- Косцюшко-Валюжинич Д. Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. 1911. №45.
- Культура Византии: вторая половина VII - XII в.* М., 1989.
- Куцлер М.* Літургія Церкви. Львів, 2001.
- Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1899. Т.6.
- Отчет о раскопках в Херсонесе. 1888 - 1890 годы* // Архив НЗХТ. Д. №1.
- Отчет за 1898 год* // Архив НЗХТ. Д. № 7.
- Отчет за 1903 год* // Архив НЗХТ. Д. № 12.
- Раскопки в Таврической губернии 1) в Херсонесе* // ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
- Раскопки в Херсонесе Таврическом* // ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
- Романчук А. И.* Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т.51.
- Романчук А. И., Соломонок Э. И.* Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т.48.
- Рудаков А. П.* Черки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917.
- Савель О. Я., Филитенко А. А.* Раскопки в Кадыковке / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3123.
- Сагадеев А. В.* Ибн Сина (Авиценна). М., 1985.
- Санитарное просвещение.* М., 1965.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке "водохранилища" в Херсонесе в 1987 году // Архив НЗХТ. Д. № 2758.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке древнего водохранилища Херсонеса в 1988 году // Архив НЗХТ. Д. № 2857.

- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1989 году // Архив НЗХТ. Д. № 2900.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив НЗХТ. Д. № 3151.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1994 году // Архив НЗХТ. Д. №3216. Л.4.
- Седикова Л. В.* Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994 а
- Седикова Л. В.* Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. 1994 б. Вып.4.
- Седикова Л. В.* Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. №2.
- Седикова Л. В.* Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995 а. №2.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1995 (б) году // Архив НЗХТ. Д. № 3251 / 1.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1996 году // Архив НЗХТ. Д. № 3301.
- Седикова Л. В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук / ИА РАН. М., 1997.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1998 году // Архив НЗХТ. Д. № 3392.
- Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 году // Архив НЗХТ. Д. №3434.
- Седикова Л. В., Сидоренко В. А.* Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып.5.
- Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.
- Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Сорочан С. Б.* Византия IV - IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 2001.
- Сорочан С. Б.* Больница в ранневизантийском Херсоне // Древности 2004. Харьков, 2004.
- Сорочан С. Б.* Об архитектурном комплексе византийского претория в Херсоне // Россия - Крым - Балканы: диалог культур. Науч. докл. международ. конф. (Севастополь, 6 - 10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004 а.
- Сорочан С. Б.* Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2004 б. Вып.35.
- Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч.2.
- Сорочан С. Б.* Бани византийского Херсона (VI - X вв.) // Древности 2005. Харьков, 2005 а.
- Сорочан С. Б.* Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском Херсоне // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006.
- Сорочан С. Б.* О предварительных результатах исследования ранневизантийского претория в "цитадели" Херсонеса // Кондаковские чтения - 2. Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы Международной науч. конф. Белгород, 2008.
- Сорочан С. Б.* О византийских преториях в "цитадели" Херсона // IX Боспорские чтения "Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria". Керчь, 2008 а.
- Сорочан С. Б.* Об алтаре византийского Херсона, ее церквах и палатиях // БИАС. 2008 б. Вып.3
- Сорочан С. Б.* Византийский преторий IX в. в "цитадели" Херсона // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир, 2008 в.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.

- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес - Херсон - Корсунь. К., 2003.
- Феофиликт Симокатта / Пер. С.П. Кондратьева. История. М., 1996.
- Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. - VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- Хождение игумена Даниила / Подгот. текста, пер., коммент Г.М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. М., 1997. Т.4: XII в.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV - VII века). М., 2002.
- Хрушкова Л.Г. [Рец.] // Археология. 2009. №2 (С.Б. Сорочан. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.)). Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч.1 - 2. 1644 с.).
- Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. 2003. №1.
- Шандровская В.С. Благотворительные учреждения в Византии по данным печатей // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002.
- Шидфар Б.Я. Ибн Сина. М., 1981.
- Щапова Ю.Л. Стекланные потиры: археологический аспект истории священных сосудов // ВВ. 2005. Т.64 (89).
- Юрочкин В.Ю., Туровский Е.Я. Лекифы с ликами святых из Северного Причерноморья (к вопросу идентификации образов) // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001.
- Georgii monachi chronicon / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1904. Vol. I.
- Das Strategikon des Maurikios / Ed. G. Dennis, Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981.
- Horden P. Hospitals and Healing from Antiquity to the Later Middle Ages. London, 2008.
- Kazdan A.A. Military Saints // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol.2.
- Kislinger E. Xenon und Nosokomeion – Hospitäl in Byzanz // Historia Hospitalium. 1986 - 1988. T.17.
- Leonis Imperatoris Tactica, sive de re militari liber (Ta en polemois taktika) // PG. 1863. T.107.
- Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore; London, 1985
- Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Hauriy. Lipsiae, 1913. Vol.3. Pars 2.
- Sedikova L. Conservation of the Cistern Complex of Chersonesos // The Study of Ancient Territories. Chersonesos. Metaponto. 2002 Annual Report. Institute of Classical Archaeology the University of Texas. Austin, 2002.
- Sorochan S. Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. Oxford, 2002.
- Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Bonnae, 1883. Vol. I.

С.Б. Сорочан

ЩЕ РАЗ ПРО МОНУМЕНТАЛЬНИЙ АРХІТЕКТУРНИЙ КОМПЛЕКС В ПІВДЕННОМУ РАЙОНІ ВІЗАНТІЙСЬКОГО ХЕРСОНУ

Резюме

В статті розглядається великий архітектурний комплекс біля Південних воріт міста та куртини 13. Він складався з трьох частин західного багатопверхового будинку, в якому могла розташовуватися візантійська адміністрація Херсону та військовий загін; водозбірної цистерни (castellum aquae); східного комплексу приміщень з галереєю для баліст. Всі три частини монументального комплексу були споруджені майже одночасно наприкінці другої половини VI ст. і проіснували до початку IX ст. Багаточисельні знахідки предметів, які могли мати відношення до християнського культу та лікування, вказують, що до комплексу входила лікарня (ятрина), яка, можливо, мала назву Св. Феодора.

С.Б. Сорочан

ЕЩЕ РАЗ О МОНУМЕНТАЛЬНОМ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ
В ЮЖНОМ РАЙОНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Резюме

В статье рассматривается крупный архитектурный комплекс около Южных ворот города и куртины 13. Он состоял из трех частей – западного многоэтажного здания, в котором могла размещаться византийская администрация Херсона и военный отряд; водосборной цистерны (*castellum aquae*); восточного комплекса помещений с галереей для метательных машин. Все три части монументального комплекса были возведены почти одновременно не позже второй половины VI в. и просуществовали до начала IX в. Многочисленные находки предметов, которые могут иметь отношение к христианскому культу и лечению, указывают, что в комплекс входила больница (*yatrina*), возможно, носившая имя Св. Феодора.

S.B. Sorochan

AGAIN ON THE MONUMENTAL ARCHITECTURAL COMPLEX
IN THE SOUTHERN REGION OF BYZANTINE CHERSON

Summary

The article deals with a large architectural complex near the southern gate of the city and the curtain 13. It consisted of three parts – the western high-rise building in which the Byzantine administration of Cherson and the military unit could be located, the catchment tanks (*castellum aquae*), and the eastern complex space with a gallery for the catapults. All three parts of the monumental complex were built almost at the same time, not later than the second half of the 6th century. Numerous finds of the objects that may be relevant to the Christian cult and treatment, indicate that the complex included a hospital (*yatrina*), possibly bearing the name of St. Theodore.

О.Б. БУБЕНОК

ХАЗАРЫ И БРУТАХИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В середине XIII в. католический автор Плано Карпини среди завоеванных монголами народов упоминал как хазар, так и народ «Брутахии (Brutaques)», которые, по его словам, являлись иудеями. При этом «Брутахиев» в одном списке народов он поместил между команам (половцами) и мордвою: «... Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кипчиты, Команы, *Брутахии, которые суть Иудеи*, Мордвы, Турки, Хозары...» [Карпини, 1957, с. 57]. В другом же списке Плано Карпини расположил упомянутую этническую группу среди народов Кавказа: «С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркасы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахии, которые слышат иудеями — они бреют голову, — также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков». [Карпини, 1957, с. 57]. Однако этим католическим автором не было отмечено, что хазары — это иудеи, а это позволяет видеть в них именно хазар-мусульман из нижневолжского Саксина. На этот пассаж еще в XVIII в. обратил внимание Н.М. Карамзин, который был склонен видеть в потомках «Брутахиев» народ «Буртаны», который проживал на Северо-Западном Кавказе. В качестве аргумента этого он привел следующие доводы: «Доныне находится много Жидов в земле Черкесской; и Буртанами называется теперь особенный, неизвестного происхождения народ между Кубанью и Актаром, богатый медью и серебром». [Карамзин, 1992, с. 34, прим. 61].

Действительно, в пользу отождествления «Буртанов» со средневековыми «Брутахиями» может свидетельствовать как внешнее сходство этнонимов, так и локализация и тех, и других на Кавказе. Однако Н.М. Карамзин не написал ничего определенного о религии современных ему «Буртанов», а лишь указал на нахождение по соседству евреев. Более того, исследователь, учитывая лишь внешнее сходство этнонимов, считал «Брутахиев—Буртанов» буртасами, о которых писали русские летописи при описании состава войск Мамайя во время Куликовского сражения. Так во фрагменте своей «Истории государства Российского», где перечислены наемники Мамайя под 1380 г., историк упомянул вместо буртасов «Буртанов»: «... он (Мамай. — О. Б.) долго медлил, набирая войско из Татар, Половцев, Хазарских Турков, Черкесов, Ясов, *Буртанов или Жидов Кавказских*, Армян и самих Крымских Генуэзцев:

одни служили ему как подданные, другие как наемники» [Карамзин, 1992, с. 34]. С тех пор мнение о тождественности «Буртанов—Брутахийев—Буртасов» получило распространение среди многих исследователей. Так Н.П. Шастина в своих комментариях к тексту Плано Карпини данный пассаж объясняла следующим образом: «... под Брутахиями следует подразумевать буртасов, завоеванных монголами во время похода последних на Волжскую Болгарию. Буртасы обитали на правом берегу Волги, в среднем ее течении, и были связаны с булгарами. В IX в. буртасы были данниками хазаров, среди которых было широко распространено иудейство, которое могло попасть и к буртасам» [Карпини, 1957, с. 57, прим. 139]. В то же время некоторые исследователи были склонны локализовать буртасов не только на Средней Волге, но и на Кавказе. Основанием для этого, например, стали уже упомянутые сведения русских летописей под 1380 г. о нахождении буртасов в войске Мамая среди кавказских народов [Попов, 1973, с. 115]. Предположение о тождественности «брутахийев» и части прикавказских буртасов может выглядеть приемлемым в последнее время, когда все чаще высказывается мнение о буртасах, как о части средневековых аланов. Необходимо отметить, что, по данным письменных источников, в раннее и развитое средневековье аланы-ясы проживали не только на Центральном Кавказе, но и на Северо-Западном.

Однако в свое время М.И. Артамонов, и не без оснований, высказал довольно оригинальное предположение: «Плано Карпини в 1245 г. упоминает, наряду с аланами и черкесами, на Северном Кавказе хазар (брутахии), придерживающихся иудейства. На этом сведения о хазарах обрываются. Отрезанные от Руси половцами, они постепенно слились с последними и исчезли как самостоятельная величина» [Артамонов, 2001, с. 611]. Относительно ассимиляции остатков хазар половцами найдутся определенные возражения, в то же время, когда связь хазар с «брутахиями»-иудеями вполне очевидна. В данной ситуации обращает на себя внимание то, что «брутахии» Плано Карпини отождествляются не только с буртасами, которых традиционно локализируют на правобережье Средней Волги, но и с той группой населения, которая проживала на Западном Кавказе между аланами, обезами, кахами, иберами и армянами, т. е. там, где буртасы никогда не фиксировались письменными источниками. Поэтому логично считать, что под «брутахиями» Плано Карпини следует видеть не волжских буртасов, а другую этническую группу, местом обитания которой были земли Западного Кавказа. Необходимо учесть, что этническое название «Брутахии (Brutaques)» созвучно не только этнониму «Буртас», но и названию народа «Брухи», о котором в VI в. писал Прокопий Кесарийский как об этнической группе именно Западного Кавказа: «За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зихи» [Прокопий, 1959, с. 383]. Созвучие названий народов «Брухи» и «Зихи» позволяет говорить о связи первых с народами абхазо-адыг-

кой группы. Следовательно, в хазарское время «Брухи» должны были проживать вблизи евреев и хазар-иудеев Таманского полуострова.

Земли Северо-Западного Кавказа и связанного с ним территориально Таманского полуострова издавна привлекали внимание еврейских купцов. Об этом могут свидетельствовать еврейские надгробия первых веков нашей эры из Фанагории на Таманском полуострове. Данные письменных источников позволяют считать, что и в хазарское время евреи продолжали проживать там. Так Феофан, описывая ситуацию в Восточном Приазовье в конце VII в., отметил, что «у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов» [Чичуров, 1980, с. 60].

После принятия хазарами иудаизма иудейское население на Таманском полуострове и на прилегающих землях должно было увеличиться, в первую очередь, за счет хазар-иудеев. По крайней мере, данные «Письма Иосифа» и «Кембриджского документа» свидетельствуют о постоянном нахождении хазар на Северо-Западном Кавказе вплоть до крушения Хазарского каганата во второй половине X в. Так в Пространной редакции хазарского царя Иосифа перечислены хазарские крепости, находившиеся в западной части Хазарского каганата, включая восточное побережье Черного моря, где упомянута хазарская крепость «С-м-к-р-ц» (С-м-к-рай), в которой многие современные исследователи склонны видеть Тмутаракань—Таматарху—Матарху: «С западной стороны — Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины...» [Коковцов, 1932, с. 102]. Весьма характерно, что крепость «С-м-к-рай» еще в середине X в. управлялась хазарской администрацией, во главе которой стоял «Булшци». Об этом анонимный автор документа Шехтера сообщает следующее: «Сверх того, Роман [злодей] послал большие дары HLGW, царю RWSY, побуждая его на его собственную беду; он пришел ночью к городу SMKRYU (С-м-к-рай) и взял его воровским способом, потому что его начальника, вождя войска, тогда там не было. Когда это стало известно BWLŠŠY, то есть Песаху HMQR, он пошел в гнев на города Романа и губил и мужчин, и женщин». [Голб, Прицак, 1997, с. 141]. Эта же крепость фигурирует в сочинении Ибн ал-Факиха «Книга стран» (X в.) под названием «Самкуш-еврейский» в том фрагменте, где описывается маршрут из Черного моря в Каспийское: «Сакалиба едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до *Самкуша еврейского*; далее они направляются в страну сакалиба или переходят из моря сакалиба в ту реку, которую называют река Сакалиба, с тем, чтобы пройти в залив (халидж) Хазарский (ал-хазар), и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хазарскому...» [Гаркави, 1870, с. 251; Калинина, 1986, с. 75]. В связи с этим следует обратить внимание на замечание А.А. Тортики, согласно которому в данном случае «использование определения «еврейский» можно понимать и как осведомленность арабского автора

об иудаизме хазар, и как сообщение о наличии значительной иудейской общины в этом городе в хазарское время» [Тортика, 2006, с. 240]. Следовательно, в IX—X вв. в крепости «С-м-к-р-ц» на Таманском полуострове иудейское население было представлено как хазарами-иудеями, так и еврейскими купцами, которые в иудейский период истории Хазарского каганата слились в одну общину. По крайней мере, письменные источники не отделяли хазар от евреев в районе Таманского полуострова. И такая ситуация сохранялась в послехазарский период.

«Повесть временных лет», следуя средневековой литературной традиции, под 6494 (986) г. упоминает о религиозном диспуте, который устроил киевский князь Владимир накануне принятия Русью христианства. При этом было отмечено: «Се слышавше Жидове Козаристии приидоша, ркуше: «слышахомъ, яко проиходиша Болъгаре и Хрестьяни, учаще тя каждо ихъ вере своей...»» [Повість врем'яних літ, 1990, с. 140—141]. Вопрос состоит в том, о каких хазарах-иудеях идет речь?

Мусульманские авторы Димашки, Ибн ал-Асир, Ибн Мискавейх и др. сообщают, что после крушения Хазарского каганата в 965 г. хазары вернулись на Нижнюю Волгу и попали под протекторат мусульманского Хорезма, результатом чего стал переход этой части хазар из иудаизма в ислам [Захoder, 1962, с. 152—157]. О том, что в XII в. хазары-мусульмане продолжали проживать на Нижней Волге в г. Саксин, свидетельствует мусульманский путешественник ал-Гарнати: «И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки. И на ней находится город Саджисин (*Саксин*. — О. Б.). В нем сорок племен (родов. — О. Б.) гуззов, и у каждого племени (рода. — О. Б.) — отдельный эмир. У них [гуззов] большие дворы, а в каждом дворе — покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек. А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба — тысячи, не счесть их числа. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление *хазары*, которых тоже несколько племен. А в середине города живет эмир жителей Булгара. У них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара», она тоже многочисленна...» [Гарнати, 1971, с. 27—30]. Следовательно, как иудеи, на Руси хазары были известны из других мест бывшего Хазарского каганата. Вполне возможно, что в «Повести временных лет» под 986 г. фигурировали хазары из Киева.

По этому поводу еще более ста лет назад в своей специальной статье «Болгары и Хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом» П. Голубовский отметил следующее: «Летопись в своем повествовании о крещении русской земли рассказывает, что к князю Владимиру приходили миссионеры из Болгарии волжской, из Хазарии, от немцев и греков. До сих пор

еще не решен окончательно вопрос, действительно ли были присылаемы к русскому князю посольства из этих стран. Возможно, что представители всех этих народов, жившие по торговым делам в Киеве, старались склонить князя к принятию исповедуемой каждым из них религии, что конечно, повлекло бы за собой значительные выгоды и могло сильно послужить их торговым интересам» [Голубовский, 1888, с. 26].

Данные так называемого «Письма киевских евреев» свидетельствуют о том, что даже в X в. в состав иудейской общины города Киева еще входили потомки хазар, о чем свидетельствуют некоторые тюркские по происхождению имена в конце «Письма» [Голб, Прицак, 1997, с. 53–61]. О физическом присутствии хазар в пределах исторического города могут свидетельствовать названия урочищ: *Козары*, *Козаровищина*, *Копирев конец* [Голб, Прицак, 1997, с. 77–80; Сухобоков, 2004, с. 171]. Однако не стоит упускать из вида, что на Руси после успешной антихазарской кампании Святослава в 965 г. могли быть хорошо известны хазары также из района Таманского полуострова. По этому поводу П. Голубовский отметил следующее: «После этого разгрома Хазария уже не оправлялась. Правда, у нее оставались еще значительные владения по берегам Черного и Азовского морей, но и их она постепенно теряет. При Владимире св. в Тмутаракани (Фанагории) образуется русский княжеский удел, куда Владимир сажает своего сына Мстислава» [Голубовский, 1888, с. 26]. Действительно, это может подтвердить сообщение «Повести временных лет» под 988 г., в котором говорится, что в удел Мстиславу досталась Тмутаракань [Патриаршая или Никонова летопись, 1965, с. 51; Лаврентьевская летопись, 1965, с. 121; *Повість врем'яних літ*, 1990, с. 188–189].

Древнерусские летописи, в связи с известиями о Тмутараканском княжестве, неоднократно упоминали хазар, как непосредственных участников бурных событий на Северо-Западном Кавказе. Тмутаракань в древнерусских летописях упоминается при описании событий 988 (6496), 1023 (6531), 1064 (6572), 1065 (6573), 1066 (6574), 1077 (6585), 1078 (6586), 1079 (6587), 1083 (6591) и 1094 (6602) гг. При этом тмутараканские хазары упоминаются лишь под 1023 г., 1079 г., 1083 г., а после 1094 г. исчезают сведения о самой Тмутаракани и о живших в ней хазарах. Однако имеются основания полагать, что тмутараканские хазары также фигурируют в сочинении Иакова-мниха «Память и похвала князю русскому Владимиру» (XI в.), где говорится о походе киевского князя Владимира против хазар за несколько лет до 988 г.: «Тако же пребывающю князю Володимерю в добрых делех, благодать божия просвещаше сердце его, и рука господня помагаше ему. И побежаше вся врагы своя, бохутся его вси. Идеже идяше, одолеваше Радимици победы и дань на них положи, Вятичи победы и дань на них положи на обоих, и Ятьвягы взя, и серебряныя Болгары победы, и на *Казары* шед, победы я и дань на них положи. Умысли же и на Гречки и град Корсунь...» [Зимин, 1963, с. 71]. «Повесть временных лет» не сохранила указания о походе именно против хазар. Однако имеются

основания считать, что эти события были связаны с сообщением древнерусских летописей о событиях 985 г.: «Иде Володимер на болгары с Добрынею, уем своим, в лодьях, а торки берегом приведе на коних, и так победи болгары» [ПВЛ, 1950, с. 59]. Относительно комментирования данного пассажа мнения исследователей разделились. Так С.А. Плетнева считала, что киевский князь Владимир воевал против волжских булгар, а торки-огузы во время этого похода двигались на север вдоль левого берега Волги [Плетнева, 1990а, с. 23]. Академик П.П. Толочко считает, что Владимир совершил поход на Волжскую Болгарию. Относительно участия в этом походе торков он высказал мнение, согласно которому в данном походе принимали участие «саркельские гузы» [Толочко, 1999, с. 80]. В связи с этим особый интерес представляет мнение А.П. Новосельцева, который считал, что киевский князь совершил нападение на приазовских болгар, а не на волжских [Новосельцев, 1989, с. 227]. Следовательно, торки-огузы должны были проживать в Приазовье. В ситуации с фрагментом из сочинения Иакова-мниха смущает лишь использование им термина «сребные Болгары», под которым обычно подразумевают волжских булгар. Однако не стоит исключать возможность авторской конъюнктуры, в результате чего болгары первоначального источника в сочинении Иакова-мниха предстали уже как «сребные». Таким образом имеются основания считать, что Владимир вместе со своими союзниками, приазовскими торками, совершил поход на Северо-Западный Кавказ именно в 985 г. и в результате этого покорил не только приазовских болгар, но и тмутараканских хазар. Поэтому можно полностью согласиться со следующим мнением А.В. Гадло: «Поход Владимира на козар, а под этим этнонимом летопись понимает не только тмутараканских иудеев, но и все коренное население тмутараканской общины, привел к установлению в конечном итоге русского протектората над городом и прилегающей к нему округой» [Гадло, 1994, с. 81]. И уже вскоре тмутараканские хазары начали принимать активное участие в политических событиях, которые начали сотрясать Русь после смерти Владимира.

Так хазары из Тмутаракани впервые упоминаются в связи с походом тмутараканского князя Мстислава против киевского князя Ярослава в 1023 (6531) г.: «В лето 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего. Ярослав же бе тогда в Новгороде» [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265]. Во второй раз тмутараканские хазары упомянуты под 1079 (6587) г. в связи с междоусобной борьбой между князьями Южной Руси. В то время тмутараканский князь Роман Святославич появился у границ Переяславского княжества, но половцы изменили ему и, заключив мир с его врагом Всеволодом, по наущению хазар убили Романа на обратном пути. В результате этого хазары захватили оставшегося в Тмутаракани Олега Святославича и отправили его в Византию. Всеволод же прислал в Тмутаракань своего посадника Ратибора: «В лето 6587. Приде Романъ с Половце к Воию, Всеволод же ставъ у Переяславля и створи миръ с Половце; и възвратися Романъ въспять, і бывшу ему, убиша

и Половце Романъ, месяца августа 1 день; и суть кости его и до сего лета тамо лежаче, сына Святославля, і внука Ярославля; а Ольга емше Козаре поточиша [за] море Царюгороду. Всеволодь же посади посадника Ратибора Тмутараканю» [Повість врем'яних літ, 1990, с. 314—315]. Однако расплата для хазар за содеянное наступила уже 1083 (6591) г., ибо тогда Олег Святославич вернулся из византийского плена в Тмутаракань, изгнал сидевших там Давида и Володаря и наказал хазар за убийство его брата и злой умысел против него самого: «В лето 6591. Приде из Греков Олег Тмутараканю, и ять Давыда и Володаря, и седе Тмutorокане; и изсече Козары, иже беша советници на убиение брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти» [Воскресенская летопись, 1856, с. 3].

Относительно позиций хазарского элемента в Тмутаракани нельзя не согласиться с мнением М. И. Артамонова, который отметил следующее: «Можно допустить, что именно хазары держали в своих руках торговлю этого города, а вместе с тем, что в какой-то своей части они состояли из евреев, издавна обосновавшихся в нем и после принятия хазарами иудейской религии считавшихся хазарами. Впрочем, в Тмутаракани могло быть немалое количество и хазар по происхождению, на которых еврейско-хазарское купечество и опиралось как на свою реальную силу» [Артамонов, 2001, с. 607].

Под 1094 (6602) г. в последний раз упоминается в древнерусских летописях Тмутаракань и поэтому сведения о живших в ней хазарах исчезают из наших летописей навсегда [Патриаршая или Никонова летопись, 1965, с. 123; Лаврентьевская летопись, 1965, с. 226; Повість врем'яних літ, 1990, с. 342—343]. В более позднее время этот город был известен в письменных источниках как Матарха, но хазар в нем уже не было [Артамонов, 2001, с. 608—609]. Однако это вовсе не означает, что в XII в. хазары не оставались в Восточном Причерноморье. Данное предположение подтверждают сведения ал-Идриси.

В XII в. арабский географ ал-Идриси уже в предисловии к своему сочинению «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Отрада страстно желающего пересечь мир») указал на нахождение страны хазар на восточном берегу Черного моря (Нитас): «Море Нитас простирается на восток, омывая на юге землю Хараклийа (Гераклея. — *О.Б.*), землю Аструбули (Триполи. — *О.Б.*), берега Атрабзунда (Трапезунд. — *О.Б.*), землю Ашкала, землю Ланийа (Алания. — *О.Б.*). Крайний предел этого залива доходит там до [земли] *ал-Хазарийа*. Оттуда берег моря поворачивает вспять к Матрахе, продолжается до страны ар-Русийа, страны Бурджан (Дунайская Болгария. — *О.Б.*), устья реки Данабрис, минует устье реки Дану, доходит до узкого входа в канал [города] ал-Кунстантина...» [Коновалова, 2006, с. 108]. Как отметила в своих комментариях переводчик текста ал-Идриси — И. Г. Коновалова, «можно заключить, что и в данном случае под словом „ал-Хазарийа“ подразумевается название страны, а не города» [Коновалова, 2006, с. 133, прим. 17].

Далее, в описании 6 секции 6 климата, где речь идет о маршруте от Трапезунда до городов Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, ал-Идриси

уже упоминает город хазар: «От города ал-Ланийа до города Хазарийа, по которому именуется хазары, сорок пять миль. Это большой цветущий город, обильно орошаемый водами. Он стоит на реке. От города ал-Хазарийа до города Кира двадцать пять миль, а от последнего до [города] Куманийа, по имени которого названы куманы и [сам] этот город именуется Черной Куманией, — двадцать пять миль» [Коновалова, 2006, с. 118]. Относительно данного пассажа И. Г. Коновалова сделала не вызывающий возражений комментарий: «По всей вероятности, здесь речь идет о каком-то городе Северного Кавказа, не слишком хорошо известном информатору ал-Идриси, коль скоро само название города он связывал с этнонимом. Название города ал-Хазарийа ал-Идриси мог взять из сочинений более ранних арабских географов, где ему имеются аналогии. Так у ал-Хваризми среди городов VI климата упоминается город *ал-Хазар*. Указание ал-Идриси на то, что ближайшими к *ал-Хазарийи* пунктами являются, с одной стороны, аланский, а с другой — куманский (половецкий) город, позволяет локализовать город *ал-Хазарийа* где-то в западной части Северного Кавказа. В подтверждение данного предположения можно сослаться на статью Лаврентьевской летописи, отмечающей под 1083 г. хазар в районе Тмутаракани» [Коновалова, 2008, с. 84].

Пожалуй, эти сведения ал-Идриси, относящиеся к XII в., представляют собой самое последнее прямое упоминание о хазарах в районе Северо-Восточного Причерноморья. Дальнейшую информацию об их судьбе в данном районе могут дать сведения Плано Карпини, относящиеся к первой половине XIII в. Характерно, что в первом списке народов Плано Карпини поместил хазар и брутахиев-иудеев среди народов Поволжья: «...Кипчиты, Команы, *Брутахии*, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары...» [Карпини, 1957, с. 57]. В другом же списке Плано Карпини уже расположил упомянутые этнические группы среди народов Кавказа: «С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркассы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахии, которые слывут иудеями — они бреют голову, — также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков» [Карпини, 1957, с. 57]. Следовательно, в первом случае католический автор под хазарами подразумевал мусульманское население области Саксин в низовьях Волги, а брутахиев отождествил с буртасами правобережья Средней Волги. А во втором случае вполне реально упоминание об иудейском населении Северо-Западного Кавказа, которое было представлено не только хазарами, но и брутахиями-брухами. Если сведения Плано Карпини о брутахиях-иудеях трактовать буквально, то ситуация должна была бы выглядеть следующим образом.

После падения Тмутараканского княжества в конце XI в. евреи и хазары должны были уйти из Тмутаракани в горы и поселиться там среди брухов. Логично предположить, что брухи могли от хазар воспринять иудаизм. Именно эта община и была зафиксирована в XIII в. Плано Карпини как «Брутахии (*Brutaques*)», которые являлись иудеями. Однако есть не-

которые моменты, которые не позволяют безоговорочно принять данное предположение. Это касается сведений о буртанах, в которых имеет резон видеть потомков «брутахиев» Плано Карпини.

Весьма характерно, что сведения Н. М. Карамзина о буртанах и их соседях-евреях полностью подтвердил во второй половине XVIII в. Тунманн в своем описании Крымского ханства. Так, описывая население Северо-Восточного Причерноморья, он отметил: «Кроме ногаев и черкассов в стране живут еще авхассы в области Бешлибай на р. Лабе и в областях Шапсих, Шаши, Убух и Туби у Черного моря, к западу от Капети; донские казаки, называемые здесь сарикамыш-казалер (казаки с желтого тростника), а также сари инад; *буртани*, свободный, независимый народ, живущий оседло, из неизвестной мне поныне группы народов; евреи, которых здесь очень много; армяне и греки, живущие здесь главным образом ради торговли, цыгане и пр.» [Тунманн, 1991, с. 65—66]. Особый интерес представляют также данные Тунманна о том, кто в его время проживал на север от Кубани: «1) Б у р т а н и, или Бриттани, племя, отличающееся от черкассов и от ногайцев. Они живут между Кубанью и Актаром, свободны и независимы, остаются на одном месте и имеют в изобилии серебро и медь.

2) А к т а р, городок у Азовского моря, с гаванью и якорным грунтом; Актарский лиман соединяется здесь с упомянутым морем. На этом лимане находится остров Санет» [Тунманн, 1991, с. 70]. Таким образом, сведения Тунманна позволяют видеть в современных ему буртанах и евреях не только две отдельные общины Северо-Западного Кавказа, но в то же время доказывают хронологическую преемственность носителей этнонимов: *брухи* (VI в.) — *брутахии* (XIII в.) — *брутани* (*британи*) — *буртаны* (XVIII в.).

Следовательно, сведения о нахождении большого числа иудеев в земле брухов, которых Плано Карпини назвал «брутахиями», дали основания католическому миссионеру посчитать всех брутахиев-брухов иудеями. При этом сходство этнонимов «брутахии» и «буртасы» позволило Плано Карпини в одном случае предположить, что эти названия являются обозначением для одного и того же народа. Об этом может свидетельствовать то, что «Брутахиев» в одном списке народов католический автор поместил между команам (половцами) и мордвою, хотя в другом списке он локализовал их на Кавказе. При этом второй список народов позволяет считать, что непосредственными соседями брутахиев были вышедшие из Тмутаракани хазары. По-видимому, в XIV—XV вв. во время переселения черкесов из гор Северо-Западного Кавказа на Предкавказскую равнину с ними в район Актара, в Восточное Приазовье, переселились потомки брутахиев — буртаны, а также евреи, в которых следует видеть потомков тмутараканских хазар-иудеев и евреев.

Именно территориальная близость и общность судьбы иудеев и брутахиев-буртанов Северо-Западного Кавказа позволили не только Плано Карпини, но Н. М. Карамзину увидеть в этих двух общинах один народ и назвать

вторых иудеями. Однако создается впечатление, что Н. М. Карамзин не ошибся, когда во фрагменте своей «Истории государства Российского», где перечислены в составе войск Мамая наемники под 1380 г., упомянул вместо буртасов «Буртанов», в коих он увидел «Жидов Кавказских» [Карамзин, 1992, с. 34]. Действительно, если рассмотреть список наемников в войске Мамая в 1380 г., то там можно увидеть «Буртасов» именно среди народов Северо-Восточного Причерноморья, где до этого и после этого буртасы никогда не фиксировались письменными источниками. Так Воскресенская, Софиевская, Никаноровская, Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг., а также другие позднесредневековые русские летописи, повествуя о составе войска Мамая во время Куликовской битвы, упомянули буртасов и другие народы в такой последовательности: «понаймовал Бесермены, и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы...» [Софиевская л., 1853, с. 90; Воскресенская л., 1856, с. 34; Никаноровская л., 1962, с. 71; Сокращенный летописный свод 1493 г., 1962, с. 252; ; Сокращенный летописный свод 1495 г., 1962, с. 331]. Следовательно, русский летописец ошибался и назвал малоизвестных ему буртанов Северо-Западного Кавказа хорошо известным в России названием народа — «Буртасы».

Таким образом, еще в XVIII в. потомки иудеев Северо-Западного Кавказа — хазар и евреев из Тмутаракани, могли быть известны Н. М. Карамзину и Тунманну как евреи, а потомки не перешедших в иудаизм брухивеи-брутахивеи — как «Буртаны».

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. История хазар. М., 2001.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856.
- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб, 1870.
- Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О. Г. Большаков, А. Л. Монгайт. М., 1971.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иерусалим, 1997.
- Голубовский П. Болгары и Хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина. Т. XXII. К., 1888.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. М., 1962.
- Зимин А. А. Память и похвала Иакова мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843.
- Калишита Т. М. Торговые пути Восточной Европы в IX в.: по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха // История СССР. 1986. № 4.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т.V–VIII. М., 1992.
- Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина, под ред. Н. П. Шастиной. М.–Л., 1957.

- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Коповалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.
- Коповалова И. Г. Сведения о Хазарии в арабской географии XII—XIV вв. // Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Сб. науч. статей памяти проф. В. М. Бейлиса. Луганск, 2008.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1962.
- Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. М.—Л., 1962.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Т. X. М.—Л., 1965.
- Плетнева С. А. Половцы. Москва, 1990.
- ПВЛ. — Повесть временных лет / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. М.—Л., 1950.
- Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатським списком). К., 1990.
- Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973.
- Прокотий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1959.
- Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. М.—Л., 1962.
- Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. М.—Л., 1962.
- Софиевская летопись // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853.
- Сухобоков О. В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережної провської лісостепової України (археологічний аспект) // Хазарский альманах. Т. 3. К.—Харьков, 2004.
- Толочко П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999.
- Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Тулгани. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

О.Б. Бубенок

ХАЗАРИ І БРУТАКІ НА ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОМУ КАВКАЗІ

Резюме

У XIII столітті н.е. східноєвропейський мандрівник Плано Карпіні згадував брутаків, які були іудеями серед народів, завойованих монголами. Більш того, він знав, що хазари іудеями не були. На жаль, вчені не можуть визнати походження брутаків. Деякі з них вважають, що брутаки були етнічною групою буртазів, які жили на середній Волзі. Інші вірять у хазарське походження брутаків та їх розселення на північно-західному Кавказі. Згідно з думкою М.М. Карамзіна буртани, які мешкали там у XVIII столітті, були нащадками брутаків. Однак вони не були іудеями; євреї жили поряд з ними. Таким чином, останній народ міг походити від хазар з Тьмутаракані. Так у XII - XIII ст. н.е. хазари та іудеї прийшли з Тьмутаракані до брутаків, і в результаті всі вони стали мешкати на спільній території. Отже, Плано Карпіні співвідносив брутаків з євреями. Це було помилкою. Можливо у російських літописах буртанів вважали буртазами до 1380 р. н.е., тому що вони певне згадувались поряд з іншими народами північно-західного Кавказу. Це також могло бути помилкою.

О.Б. Бубенок

ХАЗАРЫ И БРУТАКИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Резюме

В XIII веке н.э. западноевропейский путешественник Плато Карпини упоминал Брутаков, которые были иудеями, среди народов, завоеванных монголами. Более того, он знал, что хазары иудеями не были. К сожалению, ученые не могут определить происхождение брутаков. Некоторые из них считают, что брутаки являлись этнической группой брутазов, живших на средней Волге. Другие верят в хазарское происхождение брутаков и их расселение на северо-западном Кавказе. Согласно мнению Н.М. Карамзина, буртаны, которые проживали там в XVIII веке, были потомками брутаков. Однако они не были иудеями; евреи жили рядом с ними. Таким образом последний народ мог происходить от хазар из Тьмутаракани. Так в XII - XIII вв. н.э. хазары и иудеи пришли из Тьмутаракани к брутакам, и в результате все они стали проживать на общей территории. Следовательно, Плато Карпини соотносил брутаков с евреями. Это было ошибкой. Возможно, в русских летописях буртанов считали буртазами до 1380 г. н.э., потому что они определенно упоминались наряду с другими народами северо-западного Кавказа. Это также могло быть ошибкой.

O.B. Bubenok

THE KHAZARS AND THE BRUTAQUES IN THE NORTH WESTERN CAUCASUS

Summary

In the 13th century AD a Western European traveler Plano Carpini mentioned the Brutaques who were the Jews among the peoples conquered by the Mongols. Moreover, he knew the Khazars as not Jews. Unfortunately, scientists can not determine the origin of the Brutaques. Some of them think that the Brutaques were ethnic group of Burtases who lived in the Middle Volga. Others believe in Khazarian origin of the Brutaques and locate them in the north western Caucasus. According to the opinion of N.M. Karamzin, the Burtans, who lived there in the 18th century, were the descendants of the Brutaques. However, they were not the Jews; the Hebrews lived near them. Therefore the recent people can be the descendants of the Khazars from Tmutarakan. So, in the 12th-the 13th cc. AD the Khazars and the Hebrews came from Tmutarakan to the Brutaques, and as the result all of them lived in their common territory. Thus, Plano Carpini knew the Brutaques as the Jews. It was a mistake. Maybe the Russian Chronicles knew the Burtans as the Burtases before 1380 AD because they were mentioned exactly among the peoples of the north western Caucasus. It could also be a mistake.

ПУБЛИКАЦИИ

А.Н. ШАМРАЙ

АНТИЧНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ЯКОРЯ Т- ОБРАЗНОГО ТИПА ИЗ КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА*

(каталог находок)

Частые находки древних якорей в Северном Причерноморье заметно повысили интерес к якорю как историческому и археологическому источнику [Кондрашов, 2003, с. 55 – 67; Назаров, 1993, с. 15 – 41; Охотников, 1993, с. 104 – 105; 1998, с. 75 – 79; Огороков, 1996, с. 172 – 195; Писаревский, 1999, с. 108 – 109; 2001, с. 47 – 58; Шаповалов, 1990, с. 120 – 121; 2002, с. 277 – 293; Шамрай, 1993, с. 29 – 41; 2002, с. 277 – 290]. Большинство из перечисленных публикаций отражают археологические обстоятельства находок древних якорей или их элементов. В единичных случаях работы посвящены отдельным вопросам типологии или хронологии данной категории находок, и совсем отсутствуют в публикациях материалы источниковедческого характера. Опыт отечественной археологии в изучении тех или иных археологических и исторических проблем показывает, что основой аналитических разработок должна быть источниковедческая база. В области изучения древних якорей этому вопросу не уделяется должного внимания. Настоящей работой выражен авторский подход к проблеме формирования источниковедческой базы о древних якорях. За предмет изучения принят один из типов железных якорей, конгломератные оболочки которого в значительном количестве обнаружены в акватории Керченского пролива – Боспора Киммерийского (Рис. 1).

География находок. На дне Керченского пролива при проведении промысловых работ, археологических разведок и краеведческих наблюдений обнаружено множество разнообразных форм железных якорей римского и византийского времени. Среди них заметное место занимают железные якоря, по форме напоминающие перевёрнутую латинскую букву Т (Рис. 2). Известен 21 якорь подобного типа, что составляет более 20 % всех обнаруженных в проливе древних железных якорей. В основном это якоря небольших размеров, а соответственно и малого веса, который не превышал 50 - 70 кг. Исключение представляли только три якоря (Рис. 4, 19, 24), вес которых приближался к 100 кг.

Наибольшее распространение якорей (62 % всех находок) отмечено вдоль юго-западного берега пролива. Более половины из них (7 экз.) приходилось

* В основу данной работы положен доклад, представленный автором на конференции в г. Запорожье. [Шамрай, 1991, с. 15 – 16].

археолог Герхард Капитан, довольно бегло касаются вопросов появления и развития данного типа якоря. Так Г. Шмидт констатирует факт существенного изменения форм всех элементов византийского якоря, по сравнению с классическим железным якорем римской эпохи, но всё же склоняется к тому, что его происхождение имеет древние корни. При этом автор отмечает, что все последующие находки таких якорей тяготеют к Восточному Средиземноморью, а переходных и надёжно датированных форм от римского якоря к византийскому под водой до сих пор не найдено [Schmidt, 1982: 49 – 53].

Напротив, Г. Капитан показывает со ссылками на источники, что такие переходные формы известны, и они гармонично заполняют лакуны, предложенной им общей типологической классификации древних железных якорей. Основным отличительным признаком одного типа якоря от другого автор считает форму рогов, при этом отмечает, что одной из причин изменений этой формы являлась потребность в таком якорю, который обеспечил бы лёгкий подъём его с морского дна [Kapitan, 1984: 43]. Приведённые выше высказывания зарубежных специалистов относительно развития и причин появления Т-образного типа якоря в большей степени определяют их логические умозаключения или догадки. Для доказательства этих идей необходима аргументация, основанная на разностороннем источниковедческом материале о железных якорях. В первую очередь, это должен быть анализ их морфологических и метрических данных, особенно тех, что определяют отличительные признаки внутри типологического ряда или переходные формы от одного типа к другому. Нельзя сказать, что материалы такого характера в зарубежной литературе отсутствуют – они известны, но в большинстве своём относятся к элементам деревянных якорей античного времени. Железный якорь среди них занимает весьма скромное место. Возможно поэтому обобщающая работа Г. Капитана по типологической классификации якорей, особенно в части железных якорей, создаёт впечатление технологической схемы последовательного эволюционного развития предмета.

На некоторые вопросы развития Т-образного якоря получены ответы при изучении кораблекрушений византийских кораблей у Франции [Jonchtray J.-P., 1975, 4: 91 – 140; 1977, 6: 3 – 7] и Израиля [Wachsmann S., Roven K., 1980, 9: 260; 1984, 13: 223]. Достоверно подтверждён факт широкого применения подобных якорей на небольших торговых судах. В сопоставлении с якорями из Ясси-Ада, выяснено изменение поперечных форм основных частей якоря во времени [Окороков, 1993. с. 185]. Уточнён нижний порог датировки якоря – это вторая половина IV в. н.э. Отмечено также, что на одном корабле могли использоваться якоря одного типа, но разных вариантов. Они отличались друг от друга только формой лопасти рога якоря и её окончанием – носком [Jonchtray J.-P., 1977, 6: 7]. Количество якорей одного типа на одном судне, но с разными формами элементов, соотносилось как 1 к 3. Этот факт свидетельствовал о применении на одном судне якорей различного предназначения.

Последнее определялось условиями якорных стоянок, по всей видимости, связанных с разными донными грунтами. На Украине известны работы запорожского историка Г. Шаповалова, который касается вопросов ареала распространения якорей данного типа в Северо-Западном Причерноморье и их археологической датировки [Шаповалов, 1990, с. 259 – 260; 1990а, с. 120 – 121; 1991, с. 1027 – 1028; 2002, с. 277 – 293]. По находкам отдельных фрагментов подобных якорей при археологических раскопках портовой части Херсонеса, автором обоснована стратиграфическая датировка верхнего предела применения Т-образного якоря – XIV в. [Золотарёв, Шаповалов, 1991, с. 14 – 15].

В России на якорь, как исторический источник, впервые обратил внимание писатель-маринист Лев Скрягин (Скрягин, 1961, 1973, 1979). Основы изучения древних якорей заложил московский архитектор А.В. Огороков, который составил «Рекомендации по обмерам древних якорей» [Огороков, 1982] и «Методические рекомендации по выявлению, отбору и научному описанию памятников науки и техники в собраниях музеев – *Якоря корабельные*» [Огороков, 1986]. Этому же автору принадлежит первая работа по хронологической классификации древних железных якорей, найденных в Чёрном море и Керченском проливе [Огороков, 1993, с. 172 – 195]. В ней рассматриваемый нами тип якоря определён по классификации Г. Капитана как византийский – Тип D. На основе зарубежных археологических источников автор выделяет в упомянутом типе якоря три хронологические группы, в которых Т-образные якоря отличаются друг от друга по формам сечений основных частей: веретена и рогов [Огороков, 1993, с. 184 и сл.].

В целом работа А.В. Огорокова – это определённый шаг по пути систематизации и хронологической классификации древних железных якорей, найденных на Боспоре и в Средиземноморье, но некоторая небрежность автора в исполнении графики и описании публикуемых материалов, а также методологические упущения, снижают качество всей работы. Так, упомянутый в этой статье якорь, найденный нами у мыса Панагия в 1981 г. [см. Кислый, Шамрай, 1981, Рис. 126], отнесён автором [Огороков, 1993, с. 180, Рис. 6. 2] к якорям, обнаруженным в гавани античного поселения Акра. Ошибка возникла вследствие того, что при работе с архивным источником автор не обратил внимания на то, что в отчёте К. К. Шилика [Шилик, 1984, Рис. 10.1] приведены не рисунки обнаруженных в гавани якорей, а только ссылочные иллюстрации, которые демонстрировали подобие форм найденных якорей с якорями из юго-восточной части пролива. Об этом в тексте источника сделана ссылка на отчёт за 1981 г. [Шилик, 1984, с. 4]. В настоящей работе эта неточность устранена, оболочка якоря (Рис. 10) публикуется в соответствии с местом и условиями её обнаружения. Ещё ряд упущений допущены автором в публикации чертежа якоря из Ясси-Ада по Г. Шмидту [Огороков, 1993, Рис. 4]. Графическое изображение якоря не соответствует в деталях не только ссылочному изданию [Schmidt, 1982: 52], но и описанию в тексте самой работы. В первом

случае на чертеже якоря показаны разные сечения рогов – на одном оно круглое, а на другом квадратное, а во втором – на чертеже круглая в сечении пятка якоря, в тексте трактуется как квадратная [Окороков, 1993, с. 185]. Здесь же, без достаточного исторического и источниковедческого обоснования, автор относит нижний предел применения Т-образного якоря к I в. н. э. [Окороков, 1993, с. 187, табл.1, п.5]. Отмеченные выше технические неточности указывают на определённую степень увлечённости исследователя аналитическими разработками, которые должны бы были предваряться публикациями источниковедческого материала и его критикой. Публикации такого характера позволили бы научно оценить материал и, может быть, в полной мере решить важный для формирования источниковедческой базы вопрос – унифицировать язык описания якорей. Автором такая попытка предпринималась [Окороков, 1986, с. 5], однако, не была доведена до логического конца, когда требовалось принять полный, а не урезанный перечень названий частей якоря по русскому образцу XVIII в. (см. Рис. 2). Решение этого вопроса позволило бы автору избежать смысловой неопределённости в названии одного из элементов рога якоря – лопасти. В одной работе он называл её «характерным окончанием» или «завитком» рога [Окороков, 1982, рис. 13, п. 6], в другой – «изогнутыми частями» рогов [Окороков, 1986, с. 26], в третьей – «загибами» рогов [Окороков, 1993, с. 184]. Подобная смысловая пестрота в названии одной части предмета не совсем корректна с точки зрения перспектив комплексного изучения археологического материала [см. Щеглов, 1986, с. 245].

Некоторые проблемы изучения якоря. До настоящего времени на основные вопросы развития якоря рассматриваемого типа ответов нет. Нам неизвестно, существовала ли эллинистическая традиция применения подобных якорей; какими причинами и где обусловлено появление его формы: приспособлением к определённым условиям якорных стоянок за счёт потери универсальности, функциональной деградацией или, может быть, этнической культовой символикой? Насколько широко он использовался и был ли он унифицированным или сосуществовал с другими формами железных якорей? Изменялись ли его элементы во времени и в разных географических условиях бытования? Каковы ареалы и время его распространения?

Решение этих вопросов, несомненно, потребует поэтапного накопления определенного вида информации об эволюции якоря с привлечением разностороннего источниковедческого материала, среди которого на первом этапе изучения якоря главное место должна занимать наиболее полная морфологическая и метрическая информация о самом предмете изучения.

Работу с якорями, найденными независимо от среды, надлежит начинать с исчерпывающего описания форм его частей и их элементов, а также обмеров. На этом этапе формирования источниковедческой базы, на наш взгляд, существует одна трудность, обусловленная спецификой современного состояния оболочки якоря, пролежавшей в морской среде от 2 до 1 тыс. лет и разрушающейся

вопрос о пропорциональной зависимости между судном и якорем в какой-то мере может быть решён только через определение весового стандарта якоря и в конечном итоге – его удерживающей силы. Мы предлагаем «взвешивать якорь» путём вычисления объёма предмета и умножения его на усреднённый эталон плотности кузнечной стали ($7,425 \text{ гр/см}^3$). Этот приём применён в исчислении веса всех показанных ниже якорей.

При изучении якоря, помимо общих морфологических отличий от эталона, необходимо обратить внимание на различие форм его отдельных элементов и их детальные метрические параметры. По ним, со временем, очевидно, можно будет проследить не только функциональное предназначение предмета для тех или иных природных условий якорных стоянок, но и региональные отличия в технологии изготовления данного якоря в узких хронологических рамках.

Таковы основные методологические принципы, по которым необходимо ориентироваться в изучении не только рассматриваемого типа якоря, но и всех открытых в проливе античных и средневековых якорей, а также их элементов.

В данной работе публикуются якоря Т-образного типа, найденные в проливе за период с 1979 г. по 1993 г. Полнота и точность представленной информации зависит от степени первичной изученности предметов, которая, в свою очередь, определялась возможностью работать с ними в привычной обстановке на суше или непосредственно под водой. В последнем случае метрические данные и морфологические описания необходимо воспринимать с определенной степенью осторожности, особенно это касается описания скрытых толстой корой конкреций сложных по форме элементов якоря, таких как шейма или лопасть, это же касается и их размерных данных.

Якоря юго-восточного побережья пролива

1. Конгломератная оболочка рогов железного якоря комбинированного вида* (Рис. 4) (реконструкция автора - Рис. 5**) обнаружена и поднята автором с глубины 7 м в 1,5 км к северо-западу от оконечности Тузлинского рифа в 1979 г. Предмет залегал на однородном песчано-раковинном грунте отсутствующим веретеном на юг. Ко времени обнаружения предмета его материал (железо) окислился полностью. Пустотелая форма была заполнена рыхлыми окислами железа. Толщина слоя окаменелости предмета со стороны соприкосновения с грунтом – 60 мм, а со стороны поверхности дна 30 мм, верхняя сторона была сильно окатанна.

* Комбинированный вид якоря – это якорь, который сочетает в себе формы рогов не менее двух типов железных якорей. В данном случае соединены в одну формы рогов Т и V-образных типов якорей.

** Отсутствующая часть веретена якоря воссоздана по оттиску подобного якоря на бронзовой медали III – IV вв. н.э. из римских катакомб (см. Скрягин, 1979, с. 63. Рис. 52).

Веретено якоря обломано в месте его соединения с рогами (под мышкой). Под местом соединения рогов с веретеном – воротом – имелась выступающая книзу пятка прямоугольного сечения высотой 70 мм. Рога якоря, в сечении прямоугольные, со сторонами 70 x 50 мм и соединялись с веретеном под прямым углом. Длина одного рога от оси веретена до места изгиба его второй половины 300 мм. Вторая половина рога – лопасть – изогнута к рогу под углом 130°. Её длина до изгиба лапы 300 мм. Сечение лопасти прямоугольное 70 на 40 мм, несколько уменьшающееся к лапам. Лапы выполнены в виде удлинённой в плане трапеции с заострённым на одну сторону прямым носком. Они согнуты к лопастям под углом 135°, их длина 150 – 170 мм, ширина 80 мм, толщина в месте изгиба 40 мм и 30 мм на конце. При соотношении величины размаха рогов к величине веретена 1:2, длина последнего могла быть, примерно, 2500 мм. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 12250 см³, при этом вес якоря был около 91 кг, что соответствовало 278 римским фунтам, или приближалось к стандарту в 300 римских фунтов (1 фунт - *libra* = 327,4 грамма).

2. Конгломератная оболочка Т-образного якоря изображенного на рис. 6 (реконструкция автора – Рис. 7), обнаружена и поднята автором на западной оконечности Тузлинского рифа в 1979 г. [Шамрай, 2003, Рис. 6.7]. Обломки якоря находились в расщелине на вершине подводной скалы веретеном на юго-запад, где глубина составляла 3,6 м. Скала располагалась в 200 м к востоку от гидрографического буя – вехи, отмечавшей навигационную опасность рифа. Материал предмета (железо) окислился полностью. Пустотелая оболочка была разломлена на две части, а окислы металла вымыты водой.

Веретено якоря имело длину 1340 мм. Сечение веретена по всей его длине одинаковое – это скругленный на гранях квадрат со сторонами 60 мм. В верхней части веретена (шейме) находилась проушина под рым. Диаметр рыма 240 - 260 мм. Ниже проушины прослежено отверстие диаметром около 50 мм под деревянный шток. Расстояние между центрами двух отверстий, примерно, 200 мм.

Рога якоря в сечении – скругленный на гранях квадрат со сторонами 40 - 50 мм. Они соединены с веретеном под прямым углом. Ниже ворота (перекрестия рогов с веретеном) выступает пятка овальной в плане формы, также квадратного сечения, и высотой 50 мм. Длина одного рога якоря от оси веретена до места сгиба лопасти 350 мм. Лопасть длиной 200 мм согнута к рогу на 120°. Она имела в плане форму удлинённой трапеции, расширенной к плоскому носку. Сечение лопасти ниже носка прямоугольное 60 x 20 мм. Одна из лопастей якоря разогнута. Размах рогов якоря 850 мм, что соотносится с длиной веретена как 1: 1,6. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 8000 см³, вес якоря составлял 59 кг, или 180 римских фунтов.

3. Конгломератная оболочка рогов Т-образного якоря комбинированного вида на рис. 8 (реконструкция автора – Рис. 9) обнаружена в 1980 г. и поднята

автором с глубины 8 м. Фрагмент якоря находился в центральном районе рифа Трутаева у м. Панагия, и залегал у основания каменной гряды веретеном на восток. Материал предмета (железо) окислился, превратившись в рыхлый грязно-жёлтый порошок. Веретено якоря сохранилось на длину 600 мм. На месте разлома оно имело прямоугольное сечение со сторонами 40 x 30 мм. В 70 мм ниже слома на веретене наблюдалось утолщение в виде шаровидного наплыва.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Книзу от ворота выступает прямоугольная пятка высотой 100 мм, её сечение, возможно, такое же, как и веретена. Длина одного рога от оси веретена до места изгиба лопасти 150 мм. Лопасть длиной 250 мм изогнута к рогу на угол 135°. Концы лопасти на длину 150 мм откованы в виде заострённого четырёхгранного клина с прямоугольным сечением у его основания, где стороны 25 x 15 мм. Размах рогов якоря 600 мм. Допуская соотношение длины веретена якоря к величине размаха рогов как 2:1, можно восстановить длину веретена, равную 1200 мм. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 2550 см³, вес якоря составлял около 20 кг, или 57 римских фунтов.

4. Конгломератная оболочка Т-образного якоря комбинированного вида (Рис.10) (реконструкция автора – Рис. 11) обнаружена и поднята автором в 1981 г. [Кислый, Шамрай, 1981, Рис. 126] у мыса Панагия. Якорь залегал у южного основания каменной гряды в центральной части рифа Трутаева веретеном на север (350°) на глубине 9 м. За время пребывания под водой железо якоря окислилось полностью. Веретено якоря имело длину 1200 мм. Его сечение по всей длине круглое, диаметром 60 мм. В верхней части веретена имелась проушина под рым, диаметр которого 300 мм. На расстоянии 300 мм от проушины наблюдалось утолщение веретена с признаками отверстия диаметром 40 – 50 мм под вставной деревянный шток. В нижней части веретена на расстоянии 100 мм от ворота имелось коническое утолщение, вероятно, технологический узел сковки (кузнечной сварки) веретена и рогов якоря при условии, что их изготовляли раздельно. Книзу от ворота якоря выступает пятка высотой 100 мм, возможно, как и веретено, круглого сечения.

Рога якоря в сечении круглые диаметром 60 мм, они соединены с веретеном под тупым углом 105°. Длина участка рога с этим углом посадки 200 мм, далее, на длину 150 мм, рога выправлены под прямым углом к веретену. Лопасти загнуты к рогам под углом 120° на длину 200 мм. На лопастях имелись уплощённые лапы трапециевидной в плане формы с заострёнными носками. Размах рогов якоря 850 мм, что соотносится с длиной веретена как 1:1,5. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 6400 см³, вес якоря составлял 48 кг, или 145 римских фунтов.

5. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 14, прорисовка автора по Окороккову А.В.) обнаружена, обмерена и зарисована в масштабе московским аквалангистом А.В. Окорокковым в 1982 г., где-то на рифе Трутаева у мыса Панагия. Якорь на поверхность не поднимался. Более точное

местоположение якоря и условия его залегания на дне не известны [Окороков, 1993, с. 180, Рис. 7.1, табл. 2, 7.1]. Веретено якоря имело длину 1500 мм. В его верхней части – шейме – сохранилась проушина для рыма и сам рым диаметром около 220 мм. На расстоянии 100 мм от проушины прослежены признаки ещё одного отверстия, в которое устанавливался деревянный шток. Сечение веретена по всей длине круглое – диаметром 60 – 70 мм. Ниже ворота якоря веретено имело продолжение в виде небольшой овальной пятки высотой около 50 мм.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Длина рога от оси веретена до места его изгиба на лопасть 400 мм. Лопасть длиной 200 мм согнута к рогу на 130° и, возможно, имела в плане форму удлинённой трапеции, расширенной к плоскому и прямому носку. Сечение рогов якоря квадратное со стороной 50 – 60 мм. Размах рогов 1000 мм, что соотносилось с длиной веретена как 1 : 1,5. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 9100 см^3 , вес якоря составлял 68 кг, или 200 римских фунтов.

6. Конгломератная оболочка Т-образного якоря комбинированного вида (Рис. 12) (реконструкция автора – Рис. 13) обнаружена автором в 1985 г. [Шилик, 1985, Рис. 10] у мыса Панагия. Якорь залегал на западной оконечности рифа Трутаева у западного основания подводной скалы веретеном на восток, где глубина составляла 10 м. На дне якорь лежал разломленным на две части. Одна часть, это фрагмент половины веретена без шеймы и рыма, а другая – половина веретена и рога якоря (конец одного рога отсутствовал). В местах слома оболочки сечение веретена круглое диаметром 60 мм. Две сохранившиеся части веретена якоря имеют длину 1000 мм. Вместе с шеймой его размер, очевидно, не превышал 1200 – 1300 мм.

Рога якоря по всей длине откованы с небольшим изгибом и соединены с веретеном под прямым углом. Их сечение – это скругленный на гранях прямоугольник со сторонами 80 x 40 мм. Ниже ворота якоря выступает пятка высотой 80 мм, возможно, круглого сечения. Конструкцию носка рога проследить не удалось, но, очевидно, он клиновидной остроконечной формы. Размах рогов якоря 650 мм, что соотносится с восстановленной длиной веретена как 1 : 2. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 6200 см^3 , вес якоря составлял 46 кг, или 140 римских фунтов.

7. Конгломератная оболочка Т-образного железного якоря (Рис. 15 – прошивка автора по Кондрашову А.В.) обнаружена аквалангистами экспедиции Краснодарского музея-заповедника под руководством А.В. Кондрашова в 1992 г. у мыса Панагия [Кондрашов, 1993, с. 6, Илл.10]. Предмет находился у одной из подводных скал на западной оконечности рифа Трутаева. Разломленный на две части якорь залегал у подошвы скалы среди камней на ровной площадке веретеном к северо-востоку. Якорь располагался на глубине 8,6 м в плоскости грунта, и наполовину был затянута песком. Предмет на поверхность не поднимался, положение его на грунте не нарушалось. Изучение проводилось непосредственно под водой.

У веретена якоря отсутствовало ухо вместе с рымом, а в верхней трети имелось удлиненное утолщение размером 30 x 8 см, возможно, остатки рыма или штока. К сожалению, по имеющимся на рисунке якоря конфигурациям сечений веретена невозможно судить о форме его истинного сечения и размерах. Вполне возможно, веретено якоря имело круглое сечение в верхней части и переходило в квадратное или прямоугольное ближе к вороту. Предположительные размеры сторон сечения веретена в нижней части 40 x 60 мм. Длина веретена без уха и проушины составляла 1400 мм, а в восстановленном варианте, возможно, была 1450 – 1500 мм.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом, один рог наполовину обломан. Лопасти рогов якоря плавно изогнуты вверх под углом 135°. Длина прямой части рога 200 мм, изогнутой – 100 - 200 мм, их сечения прямоугольные, размером по окаменелости 90 x 120 мм у мышки и 70 x 90 мм на носке лопасти. Конструкция носка лопасти не прослежена. Ниже ворота якоря выступает широкая квадратная в сечении пятка высотой 70 мм. Размах рогов якоря 600 мм, что соотносится с восстановленной длиной веретена как 1:2,5. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 7500 см³, вес якоря составлял 56 кг, или 170 римских фунтов.

8. Конгломератная оболочка Т-образного железного якоря комбинированного вида (Рис. 16* – прорисовка автора по Кондрашову А.В.) обнаружена аквалангистами экспедиции Краснодарского музея-заповедника под руководством А.В. Кондрашова в 1992 - 97 г.(?) [Кондрашов, 1998, Рис. 9а]. Якорь найден на южном склоне рифа Трутаева у мыса Панагия, где глубина составляла 6 - 10 м (?). У якоря были обломаны концы рогов. На месте залегания якоря они отсутствовали. Изучение предмета проводилось под водой. Положение якоря на грунте не нарушалось.

Веретено якоря сохранилось полностью, его длина 1500 мм. В верхней части веретена – шейме – имеются два отверстия, первое большего диаметра под установку штока, а второе – проушина, в которой закреплён рым диаметром 250 мм и сечением 25 – 30 мм. Расстояние между отверстиями 150 мм. Сечение самого веретена, определённое по конфигурации оболочки, скорее всего, прямоугольное со сторонами 50 x 70 мм. Продолжением веретена ниже ворота являлась пятка якоря высотой 80 мм, её сечение, возможно, также прямоугольное, со сторонами 40x60 мм.

Рога якоря соединены с веретеном под углом 95°, их сечение квадратное 50 x 50 мм. Размах рогов якоря, восстановленный по значению той же величины подобных якорей (см. Рис. 25), очевидно, составлял 1000 мм. Эта величина относится к размеру веретена как 1 : 1,5. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 8600 см³, вес якоря составлял 64 кг, или 196 римских фунтов.

* Этот якорь выполнен в сочетании форм рогов Т и У-образных типов и, возможно, представляет собой поздний переходный вид якоря от формы Т к форме У.

Якоря юго-западного побережья пролива

9. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 17 – масштабная контурная прорисовка автора) обнаружена автором в 1984 г. [Шамрай, 1993, Рис. 3] в гавани античного поселения Акра. Якорь залегал на глинисто-каменистом грунте веретеном на северо-восток (35°) у одной из плоских каменных глыб, где глубина составляла 5,6 м. У якоря были обломаны и отсутствовали один рог и верхняя часть веретена – шейма вместе с рымом. Якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

Фрагмент веретена имел длину 1400 мм. По овальной конфигурации его поперечной формы, предположительно определено, что сечение было прямоугольным, скорее всего 50×60 мм. Длина всего веретена, восстановленная по соотношениям элементов подобных якорей (к примеру, Рис. 6, 14), возможно, равнялась 1500 – 1600 мм. Продолжением веретена ниже ворота являлась пятка якоря высотой 100 мм, её конфигурация не выявлена. Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Сечение рогов прямоугольное 60×40 мм. Длина рога от оси веретена до изгиба лопасти 300 мм. Лопасть длиной 200 мм изогнута к рогу на угол 130° и на всю длину выполнена уплощённым четырёхгранным клином, который завершается остроконечным носком. Размах рогов якоря 800 мм, что соотносится с восстановленным размером веретена как 1:2. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 6660 см^3 , вес якоря составлял 50 кг, или 150 римских фунтов.

10. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 19 – масштабная контурная прорисовка автора) обнаружена автором в 1984 г. [Шамрай, 1993, Рис. 5] в гавани античного поселения Акра. Якорь залегал на глинисто-каменистом грунте веретеном на север (350°), где глубина составляла 6 м. У якоря отсутствовала верхняя часть веретена – шейма и рым. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

Фрагмент веретена имел длину 1950 мм. По форме окаменелостей определено, что сечение веретена, скорее всего, круглое диаметром 60 – 70 мм, к вороту оно несколько утолщалось. Длина всего веретена, восстановленная по соотношениям элементов якорей подобных размеров (к примеру, Рис. 3), возможно, составляла 2000 – 2300 мм. Продолжением веретена ниже ворота являлась массивная пятка прямоугольного или круглого сечения высотой 150 мм.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Сечение рогов прямоугольное со сторонами 70×50 мм. Длина рога от оси веретена до изгиба лопасти 450 мм. Обе лопасти якоря покрыты толстым слоем окаменелостей, что, вероятно, свидетельствует о наличии на якоря лап. Одна лопасть длиной 250 мм отогнута к рогу на угол 120° и деформирована с частью рога назад-вниз, а другая разогнута параллельно рогу. Размах рогов якоря 1100 мм, что соотносится с восстановленной длиной веретена как 1 : 2. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 12140 см^3 , вес якоря составлял 90 кг, или 275 римских фунтов.

11. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 18 – масштабная контурная прорисовка из *Архива автора*) обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса на каменистом склоне гряды веретеном на запад, где глубина была 7,2 м. У якоря отсутствовала верхняя половина веретена. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

Фрагмент веретена имел длину 700 мм. По разлому оболочки определено его круглое сечение диаметром 60 мм. Длина всего веретена, восстановленная по соотношениям элементов якорей подобных размеров (к примеру, Рис. 6, 14), возможно, составляла 1250 – 1450 мм. Продолжением веретена ниже ворота являлась пятка высотой 50 мм, конфигурацию которой выяснить не удалось.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Сечение рогов прямоугольное со сторонами 60 и 40 мм. Длина рога от оси веретена до изгиба лопасти 300 мм. Одна лопасть длиной 150 мм согнута к рогу на угол 90°, другая той же величины – на угол 120°. Лопасть, возможно, выполнена в удлиненной трапецевидной в плане форме с заостренным плоским носком (см. Рис. 7). Размах рогов якоря 800 мм, что соотносится со средней восстановленной длиной веретена в 1350 мм как 1 : 1,7. Объем железа якоря такого размера равнялся, примерно, 5350 см³, вес якоря составлял 40 кг, или 121 римский фунт.

12. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 20 – масштабная контурная прорисовка из *Архива автора*) обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса на каменистом склоне гряды веретеном на юго-запад (215°), где глубина была 7 м. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

У якоря отсутствовала большая часть веретена. Фрагмент нижней части, от пятки до места слома, имел длину 380 мм. В 150 мм от мышки на веретене прослеживалось утолщение, характерное для железных якорей римского периода I-х вв. н. э. По разлому оболочки определено круглое сечение веретена, диаметром 50 мм. Пятка якоря, возможно, имела треугольную в плане форму, а в сечении, вероятно, повторяла прямоугольную форму рогов.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Сечение рогов прямоугольное со сторонами 50(?)x35(?) мм, которое уменьшалось к лопасти. Длина рога от оси веретена до изгиба лопасти 300 мм. Лопасть длиной 200 мм согнута к рогу на угол 135°. Форма лопасти, возможно, выполнена в виде остроконечного клина. Размах рогов якоря 700 мм, что соотносится со средней восстановленной длиной веретена в 1350 мм как 1 : 2. Объем железа якоря такого размера равнялся, примерно, 3980 см³, вес якоря составлял 30 кг, или 90 римских фунтов.

13. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 21 – масштабная контурная прорисовка из *Архива автора*) обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса на каменистом склоне гряды веретеном на 70°, где глубина составляла 8 м. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

У якоря отсутствовала верхняя половина веретена. Фрагмент нижней части якоря, от пятки до места слома, имел длину 780 мм. По слому веретена определено его круглое сечение диаметром 55(?) или 65(?) мм. Массивная пятка якоря высотой 50 мм, очевидно, имела квадратное сечение.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом. Сечение рогов прямоугольное со сторонами 60(?) и 40(?) мм. Длина рога от оси веретена до изгиба лопасти 400 мм. Лопасть длиной 200 мм согнута к рогу на угол 130 – 135°. Форма лопасти, возможно, выполнена в виде удлинённой трапеции с плоским заострённым носком (см. Рис. 7). Размах рогов якоря 1000 мм, что соотносится со средним восстановленным значением длины веретена в 1350 мм (по якорю Рис. 6) как 1 : 1,7. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 6700 см³, вес якоря составлял 50 кг, или 152 римских фунта.

14. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 22 – масштабная контурная прорисовка из *Архива автора*) обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса на каменистом склоне гряды веретеном на юго-запад (210°), где глубина была 6 м. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

У якоря отсутствовали один рог и верхняя часть веретена – шейма с рымом. Фрагмент веретена от пятки до места слома имел длину 960 мм. По поперечному слому определено прямоугольное сечение веретена 60(?)x40(?) мм. К вороту сечение веретена заметно увеличивается. Пятка якоря выполнена в форме треугольника с большим отверстием, которое повторяет форму самой пятки.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом, их сечение прямоугольное со сторонами 60(?)x40(?) мм. Длина рога, от оси веретена до изгиба лопасти, 300 мм. Лопасть длиной 100 мм изогнута к рогу на угол 135°. Сама лопасть, возможно, выполнена в форме изогнутого четырёхгранного клина с острым носком. Размах рогов якоря 700 мм, что соотносится со средним значением восстановленной длины веретена в 1350 мм (по якорям Рис. 6, 10, 12) как 1 : 2. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 4900 см³, вес якоря составлял 36,5 кг, или 111 римских фунтов.

15. Конгломератная оболочка Т-образного якоря (Рис. 23 – масштабная контурная прорисовка из *Архива автора*) обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса у основания каменной гряды веретеном на восток (80°), где глубина была 8,2 м. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

Веретено якоря было сломано ниже середины, и отсутствовала его верхняя часть – шейма вместе с рымом. Два фрагмента веретена имели длину 1150 мм. По слому оболочки веретена определено его круглое сечение диаметром 60(?) мм. Пятка якоря высотой 150 мм, очевидно, имела также круглое сечение. Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом, их сечение прямоугольное со сторонами 60(?)x40(?) мм. Длина рога от оси веретена до изгиба

лопасти 350 мм. Лопасть длиной 120 мм изогнута к рогу на угол 120° . Она, возможно, выполнена в форме четырёхгранного клина с остроконечным носком.

Размах рогов якоря 800 мм, что соотносится со средним восстановленным значением длины веретена в 1350 мм (по якорям Рис. 6, 10, 14) как 1:1,7. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 5750 см^3 , вес якоря составлял 43 кг, или 130 римских фунтов.

16. Конгломератная оболочка Т-образного якоря комбинированного вида обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса на склоне каменной гряды веретеном на восток (85°), где глубина была 6,5 м. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

Веретено якоря было сломано несколько выше середины, обломок лежал в полуметре от его основной части рымом к югу. Внешний диаметр рыма около 250 мм. Длина веретена, от пятки до уха, 1600 мм. По слому оболочки веретена определено его круглое сечение диаметром 80(?) – 90(?) мм. Пятка якоря имела высоту около 80 мм, её сечение не определено, но по степени обрастания можно предполагать, что её размеры были несколько меньше сечения веретена. Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом, их сечение прямоугольное со сторонами 80(?)x60(?) мм. Длина рога от оси веретена до плавного изгиба на лопасть 300 мм. Лопасть длиной 250 мм изогнута к рогу на угол 135° , она, возможно, выполнена в виде удлинённой изогнутой трапеции с плоским заострённым носком. Размах рогов якоря 900 мм, что соотносится с длиной веретена как 1: 1,8. Объём железа якоря такого размера равнялся, примерно, 12725 см^3 , вес якоря составлял 95 кг, или 290 римских фунтов.

17. Конгломератная оболочка Т-образного якоря позднего комбинированного вида (Рис. 24 – масштабная контурная прорисовка из *Архива автора*) обнаружена автором в 1986 г. у мыса Такиль. Якорь залегал к северо-востоку от мыса у основания каменной гряды веретеном на восток (85°), где глубина была 7,8 м. Во время изучения якорь на поверхность не поднимался, его положение на грунте не нарушалось.

Длина веретена якоря от пятки до уха 1300 мм. На верхнем конце веретена сохранилась большая часть окаменелостей рыма диаметром около 250 мм. В 150 мм ниже проушины находилось отверстие под установку съёмного деревянного штока. По поперечной конфигурации наслоений на веретене определено его круглое сечение диаметром 50(?) – 65(?) мм. Книзу диаметр веретена заметно увеличивался и за воротом переходил в массивную пятку высотой 100 мм, которая, по всей видимости, имела квадратное сечение.

Рога якоря соединены с веретеном под прямым углом, но несколько отогнуты назад-вниз на 95° – 100° , их сечение прямоугольное со сторонами 70(?) и 30(?) мм. Длина рога от оси веретена до изгиба лопасти 400 мм. Лопасть длиной 150 мм изогнута к рогу на угол 120° , она, возможно, выполнена в виде

многообразие их видов, а с другой стороны – ограниченность их весовых стандартов. Последние не выходят за рамки 100 кг. Судя по этому, суда, на которых применялись подобные якоря, были небольших размеров (10-11 м длины и 4-5 м ширины), а соответственно, и малой грузоподъёмности. Прямое подтверждение этому выводу можно найти в размерах четырёх якорей небольшого судна, затонувшего у Дромонда [см. Jonchtray J.-P., 1975, 4: 91–140; 1977, 6: 7; Parker, 1992, p. 168 – 169].

Множество видовых различий в одном типе якоря, по всей видимости, связано с влиянием на его эволюцию форм других типов якорей, которые применялись в морском деле параллельно (синхронно) с Т-образным типом якоря. Подобное взаимовлияние могло сказываться, как на протяжении всего периода сосуществования типов, так и на относительно коротких отрезках времени их совместного бытования в одном культурном ареале. Надо думать, что в основе этого взаимопроникновения в большей степени лежит поиск мастерами форм якорей, удовлетворяющих различным условиям якорных стоянок и, в меньшей степени, условиям обслуживания якоря на судне.

В общих чертах типологический (или видовой) ряд Т-образного якоря можно представить в комбинации с морфологическими отличиями нескольких других типов древних железных якорей.

Вид 1 – якорь, выполненный в эталонной Т-образной форме (Ясси-Ада, Дромонд, Дор/Тантура, Керченский пролив – Рис. 6, 14, 17 – 23, 26).

Вид 2 – якорь, выполненный в сочетании форм Т и V-образных типов (Рис. 4, 8).

Вид 3 – якорь, выполненный в сочетании форм Т и U-образных типов (Рис. 15, 24).

Вид 4 – якорь, выполненный в сочетании форм Т и W-образных типов (Рис. 10, 12).

Вид 5 – якорь, выполненный в сочетании форм Т и Y-образных типов (Рис. 16, 25).

Вполне может быть, что такая дробность типологического ряда позволит в ближайшей перспективе выйти на другие уровни изучения Т-образного якоря.

ЛИТЕРАТУРА

- Басс Д.* Подводная археология. Древние народы и страны / Пер. с англ. О.И. Перфильева. – М. - 2003.
- Золотарёв М.И., Шаповалов Г.И.* Новые данные для датировки византийских якорей в Северном Причерноморье // Тезисы Всесоюзного научного семинара «Международные связи в средневековой Европе». – Запорожье. - 1991.
- Кислый А.Е., Шамрай А.Н.* Отчёт о подводных разведках у мысов Тузла и Панагия в 1981 г. // Архив КГКИЗ, Оп. 2, Ед. хран. № 767.

- Шилик К.К.* Отчёт о работе у села Заветного Ленинского района Крымской области и у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 13312
- Шилик К.К.* Отчёт о работе на Таманском полуострове у мысов Тузла и Панагия (Темрюкский район Краснодарского края) в 1985 г. // Архив ИА АН СССР, Ф. 1, Р. 1, № 12312
- Bass G. F. & van Doorninck, F.H., Jr.* *Yassi Ada, Volume 1. A Seventh - Century Byzantine Shipwreck* (The Nautical Archaeology Series 1, College Station) Texas, 1982.
- Jonchtray J. -P.* Une epave du bas-empire: Dramont F. Cahiers d' Archeologie Subaquatique (1975) 4.
- Jonchtray J. -P.* Wreck F from Cape Dramont (Var), France // The International Journal of Nautical Archaeology (1977), 6.
- Kapitan G.* Ancient anchors – technology and classification // The International Journal of Nautical Archaeology (1984), 13.
- Haldane D.* The 7th-century Yassi Ada chip anchors. INA Newsletter (1985), 12.
- Parker A. J.* Ancient Shipwrecks of the Mediterranean & the Roman Provinces. BAR International Series 580 (1992).
- Schmidt G.* Der Schiffsanker im Wandel der Zeiten. VEB Hinstorff Verlag - Rostok. 1982. 80 с.
- Wachsmann S., Roven K.* Dor/Tantura (Notes and News) // The International Journal of Nautical Archaeology (1980), 9.
- Wachsmann S., Roven K.* A concise nautical history of Dor/Tantura // The International Journal of Nautical Archaeology (1984), 13.

О.М. Шамрай

АНТИЧНІ ТА СЕРЕДНЬОВІКОВІ ЗАЛІЗНІ ЯКОРЯ Т-ПОДІБНОГО ТИПУ З КЕРЧЕНСЬКОЇ ПРОТОКИ (КАТАЛОГ ЗНАХІДОК)

Резюме

Античні та середньовікові залізні якоря Т-подібного типу, знайденні у Керченській протоці, з одного боку показують різноманіття їх видів, а з другого – обмеженість їх вагових стандартів. Останні не виходять за рамки 100 кг. Виходячи з цього, судна, на яких застосовувались подібні якоря, були невеликих розмірів (10-11 м довжини та 4-5 м ширини), а відповідно, і малої вантажопідйомності. Пряме підтвердження цьому висновку можна знайти у розмірах чотирьох якорів невеликого судна, затонулого у Дромонду.

В цілому типологічний (або видовий) ряд Т-подібного якоря можна уявити у комбінації з морфологічними відмінностями декількох інших типів давніх залізних якорів.

Вид 1 – якір, зроблений в еталонній Т-подібній формі (Яси-Ада, Дромонд, Дор/Тантура, Керченська протока. (Мал. 6, 14, 17-23, 26).

Вид 2 – якір, зроблений в сполученні форм Т і V- подібних типів (Мал. 4, 8).

Вид 3 – якір, зроблений в сполученні форм Т і U-подібних типів (Мал. 15, 24).

Вид 4 – якір, зроблений в сполученні форм Т і W-подібних типів (Мал. 10, 12).

Вид 5 – якір, зроблений в сполученні форм Т і Y-подібних типів (Мал. 16, 25).

Цілком може бути, що така дрібність типологічного ряду дозволить в найближчій перспективі вийти на інші рівні вивчення Т-подібного якоря.

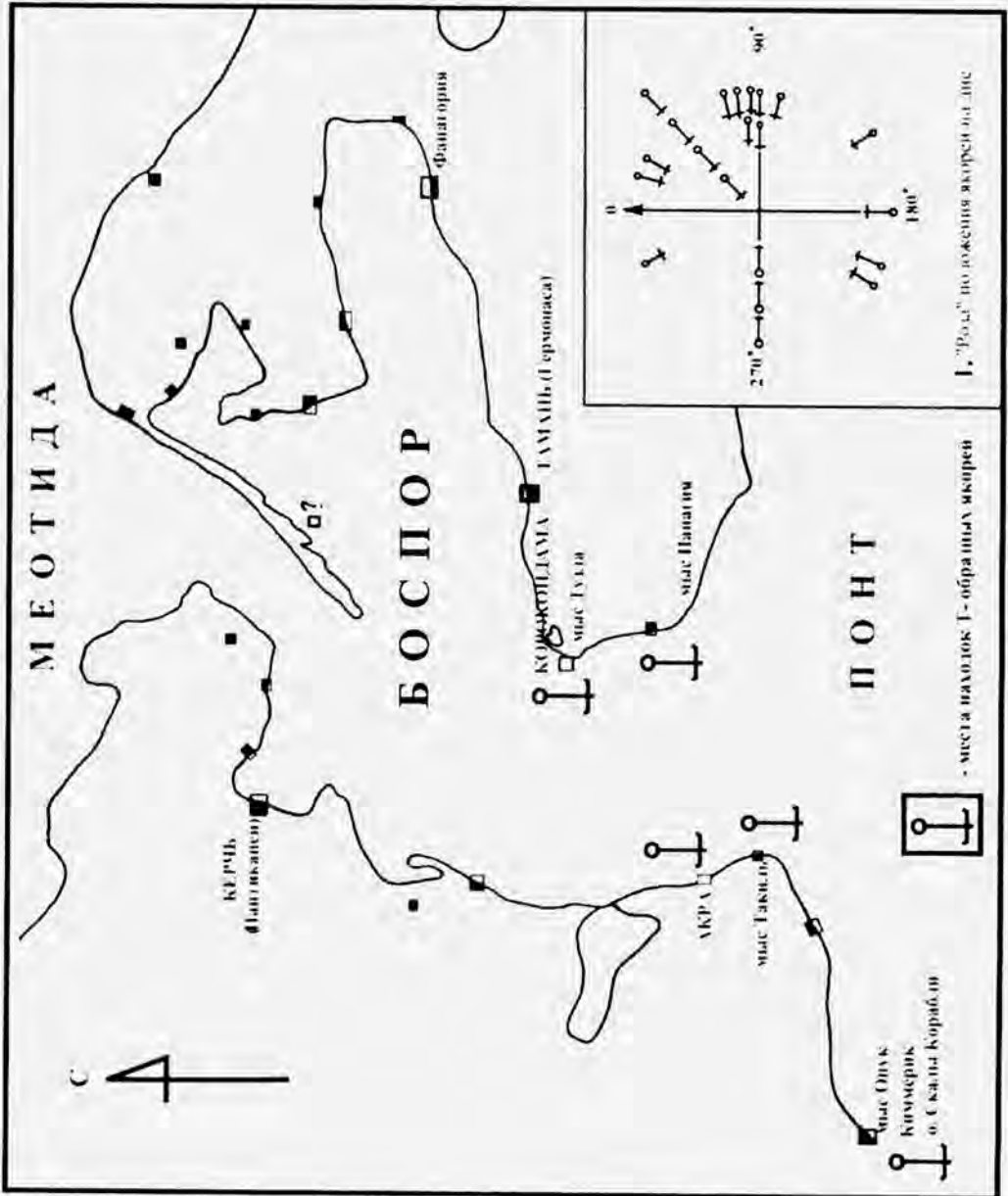

Рис. 1

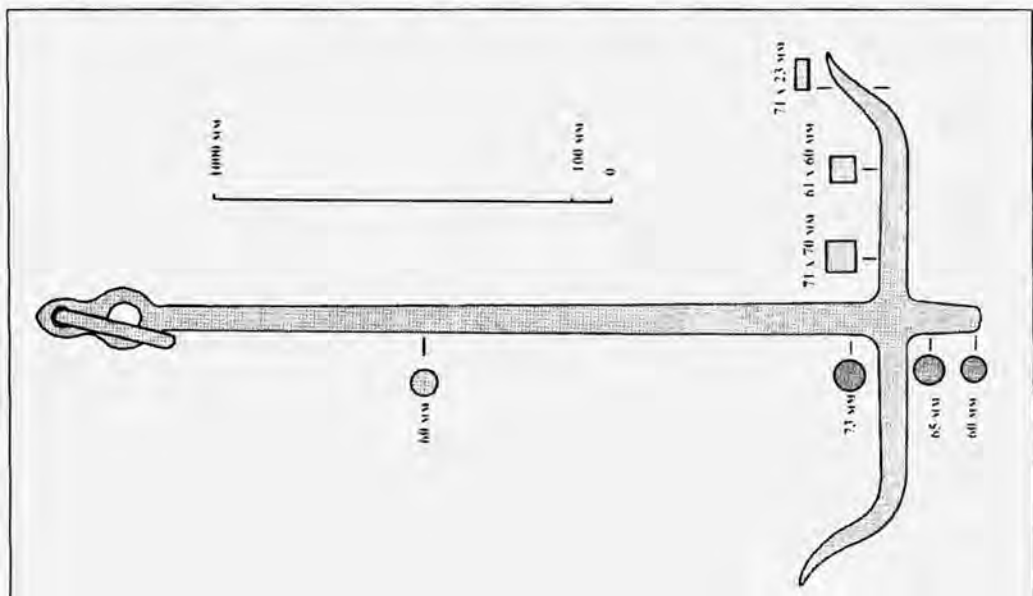

Рис. 3

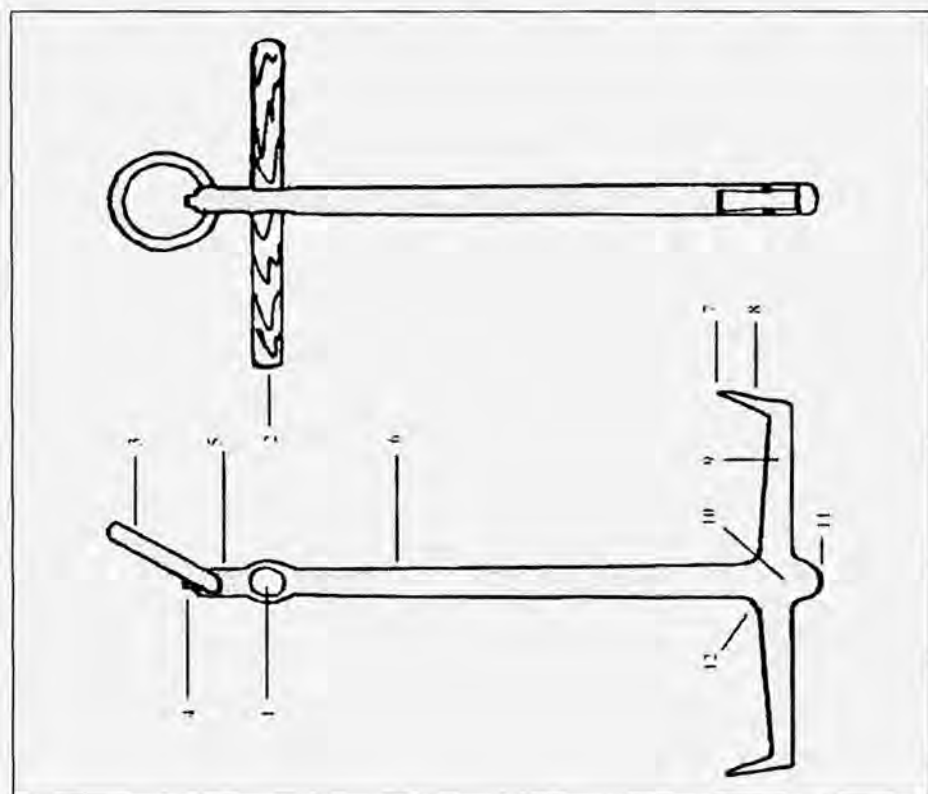

Рис. 2 Названия частей (морфология) T - образного якоря: 1 – отверстие для штока, 2 – деревянный шток, 3 – кольцо (рым), 4 – ухо, 5 – шейка, 6 – веретено, 7 – носок, 8 – лопасть, 9 – рог (плечо), 10 – ворот (лоб), 11 – пятка, 12 – мышка.

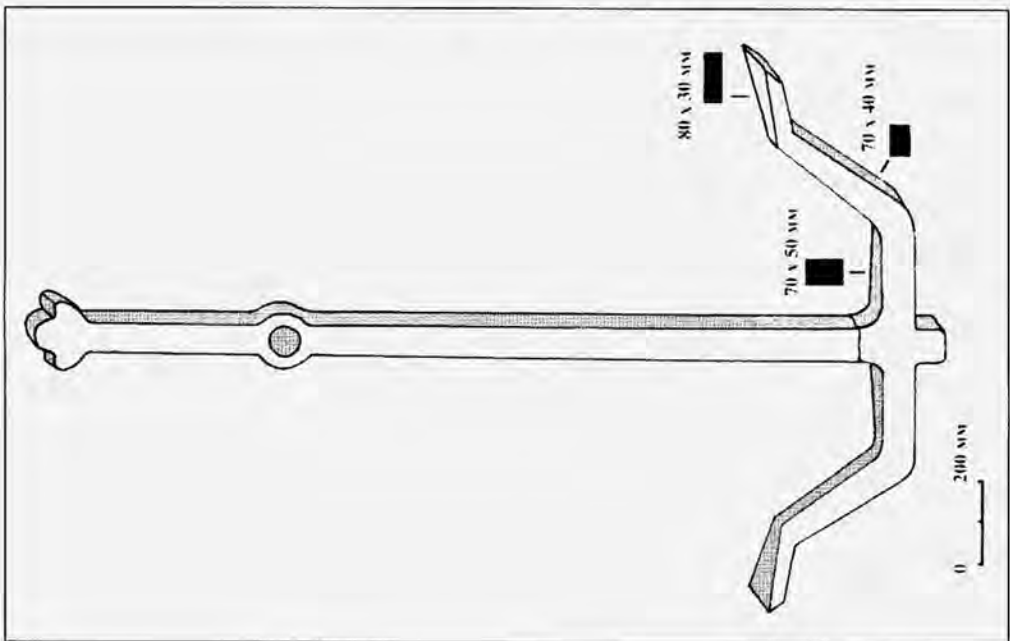

Рис. 5

Рис. 4

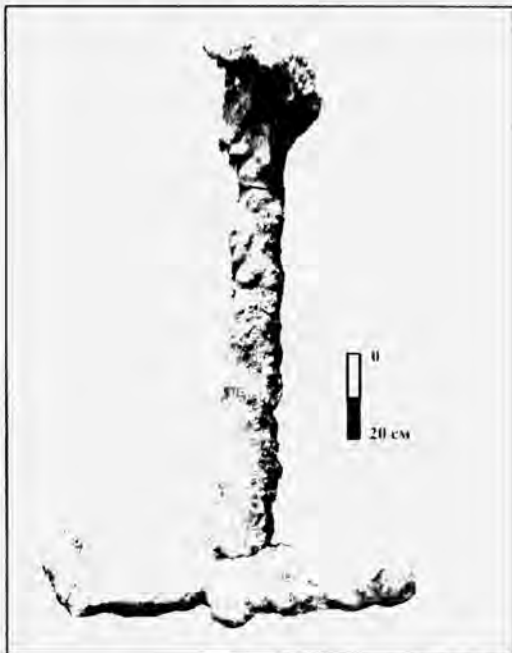

Рис. 6

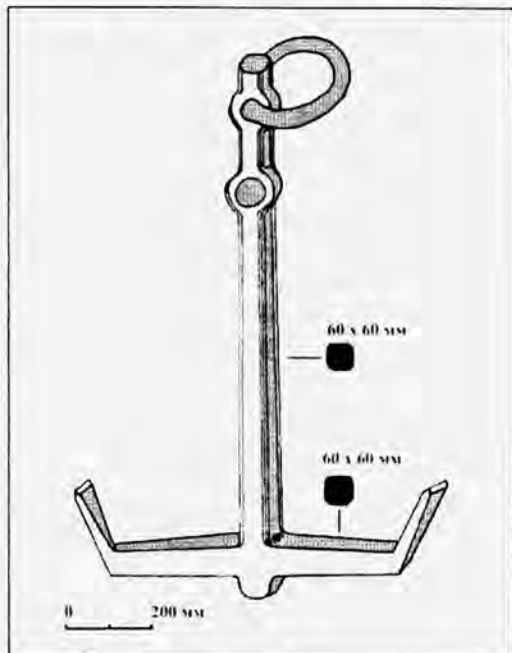

Рис. 7

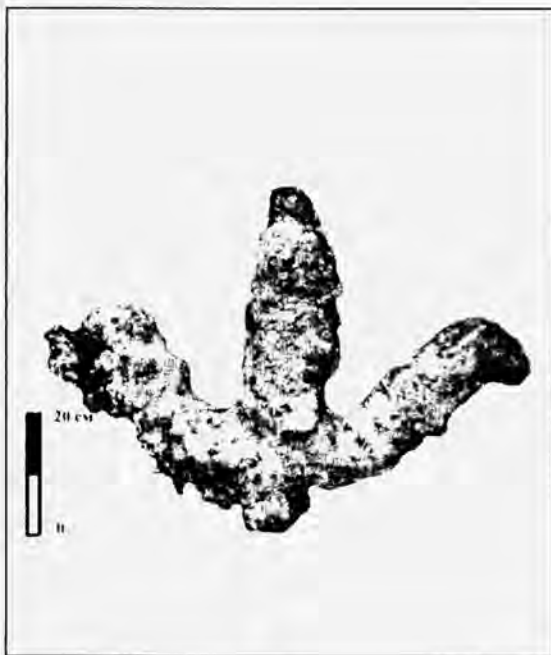

Рис. 8

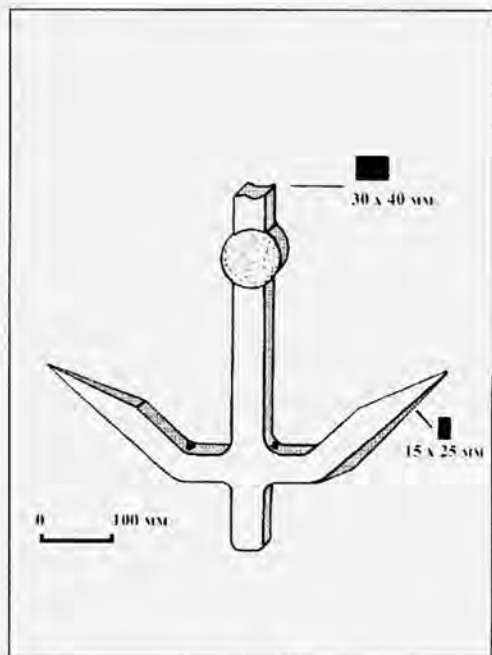

Рис. 9

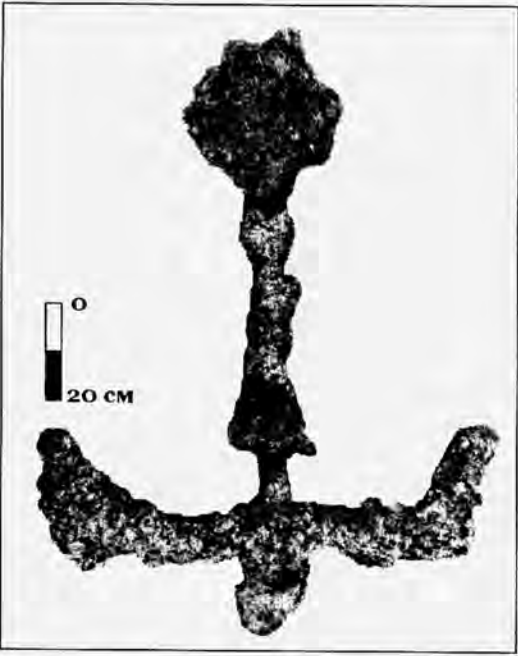

Рис. 10

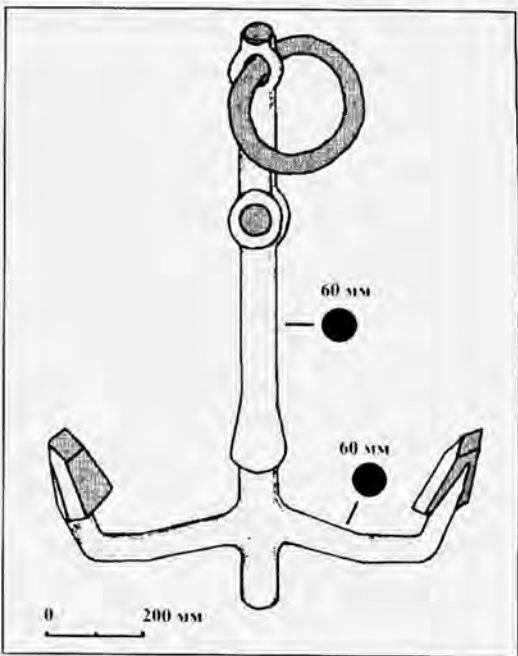

Рис. 11

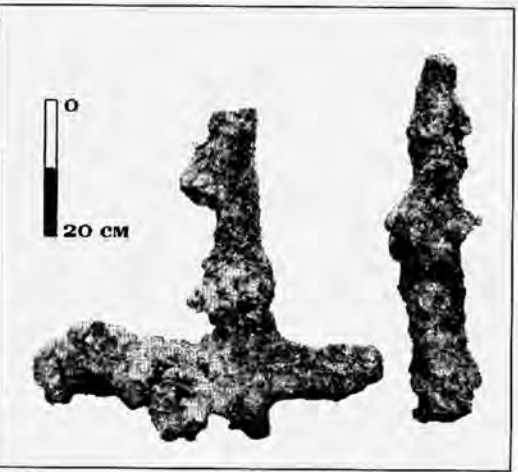

Рис. 12

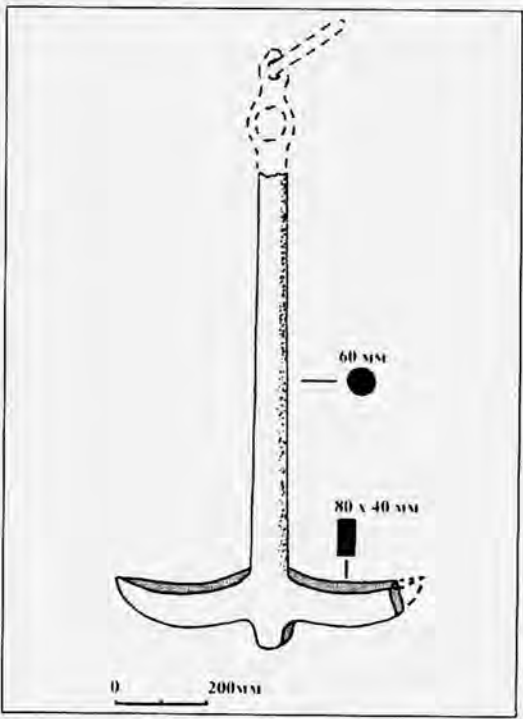

Рис. 13

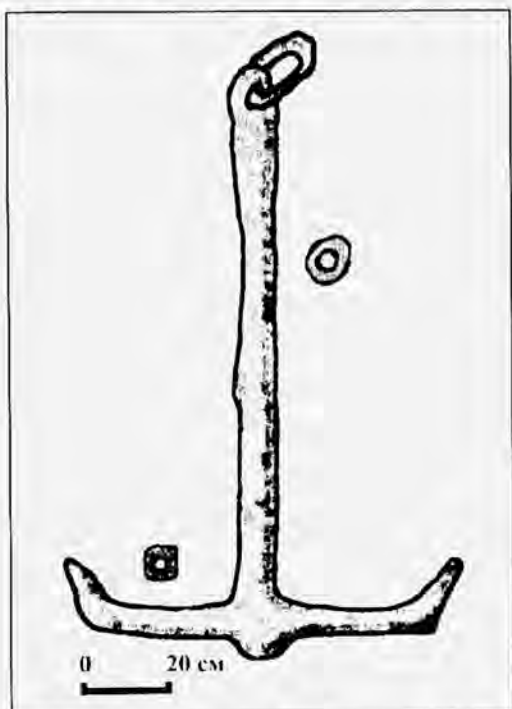

Рис. 14

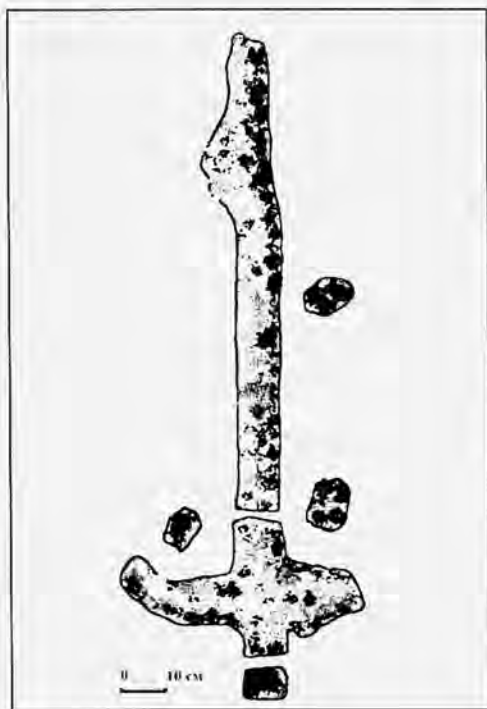

Рис. 15

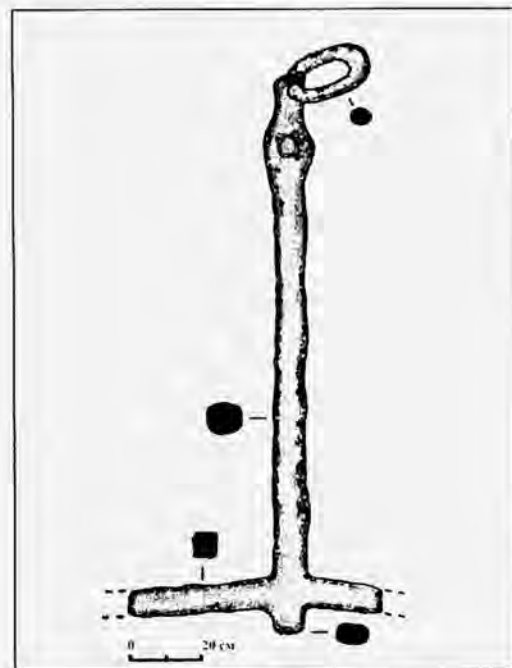

Рис. 16

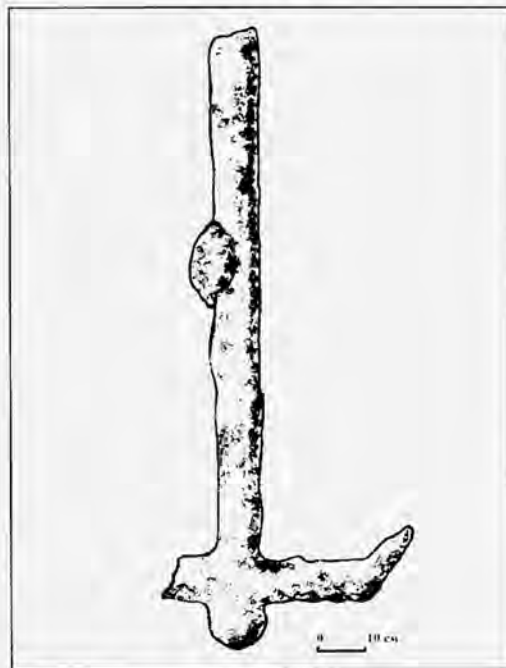

Рис. 17

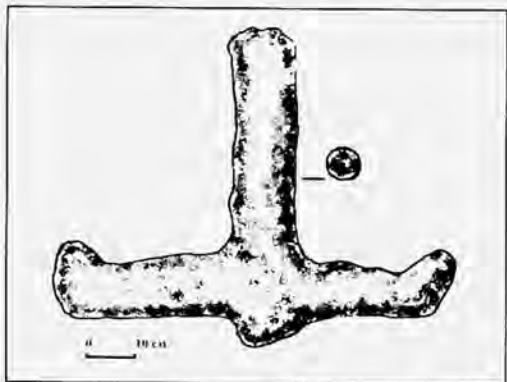

Рис. 18

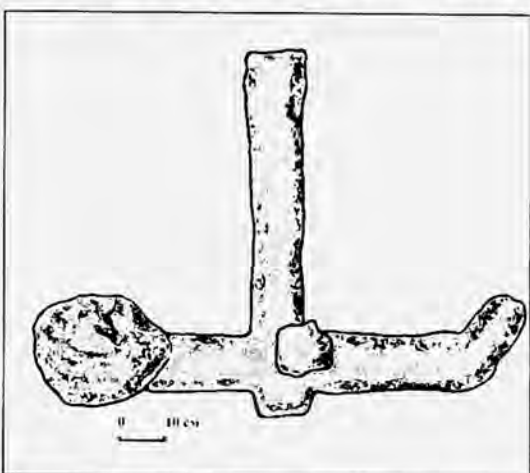

Рис. 21

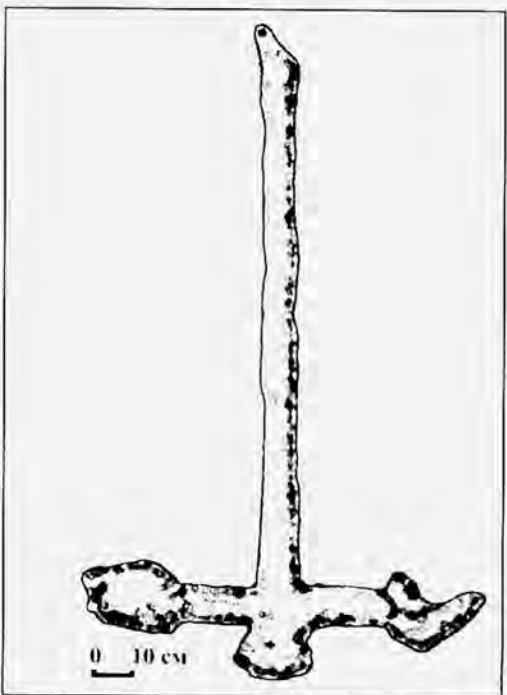

Рис. 19

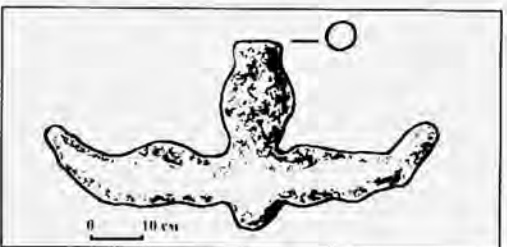

Рис. 20

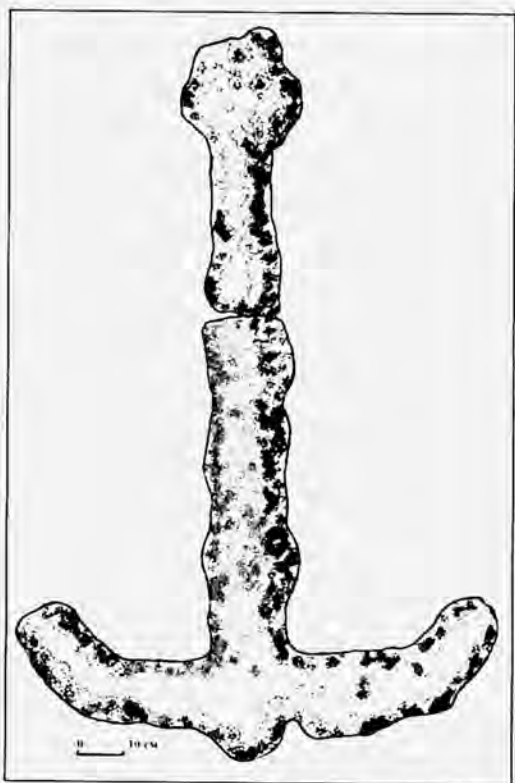

Рис. 22

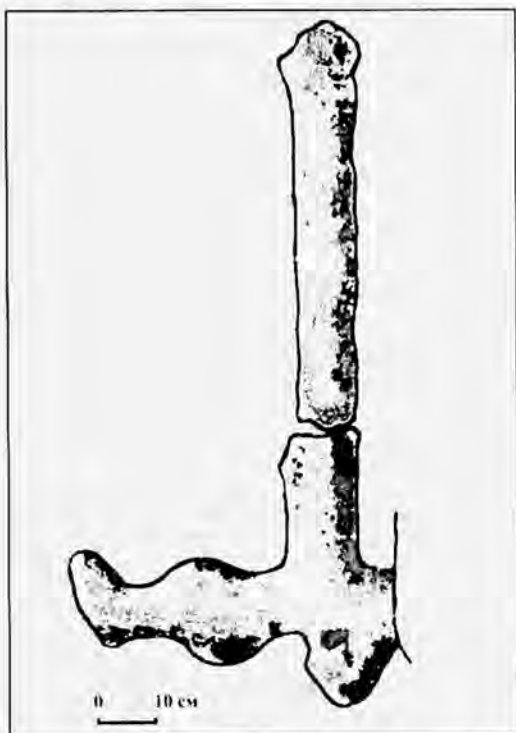

Рис. 23

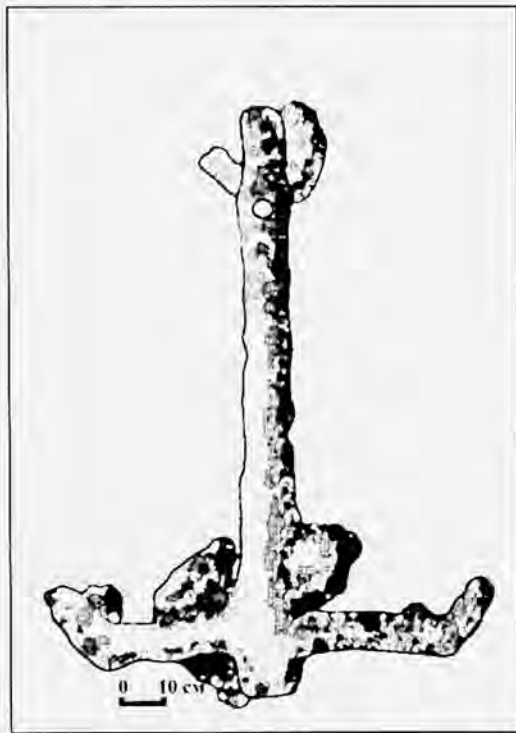

Рис. 24

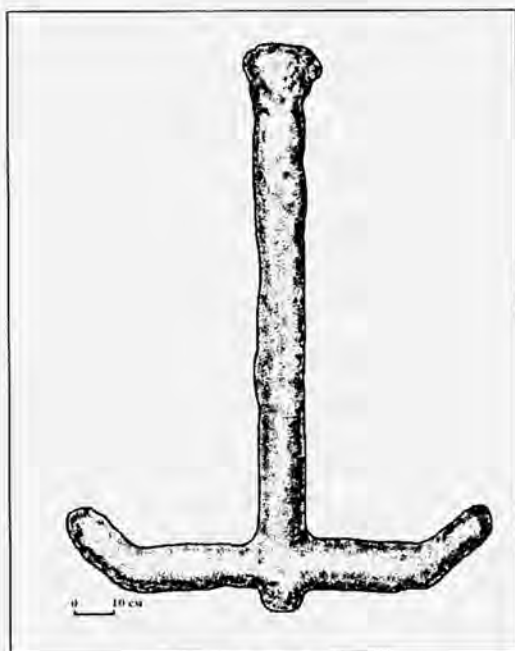

Рис. 25

М.А. КОТИН

КОМПЛЕКС ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЯМЫ №5 БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА

С 2002 г. Боспорская охранный археологическая экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАНУ проводит археологические исследования боспорского города Тиритака [Зинько и др., 2004]. При проведении раскопок в 2008 г. северной куртины городища (раскол № XXVIII) была исследована хозяйственная яма №5. В заполнении ямы было обнаружено 438 фрагментов строительной, транспортной, красноглиняной и лепной керамики (которая в процентном соотношении составляет 12,78% от общего количества керамики). Транспортная керамика представлена красноглиняными амфорами II – III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 111, табл. XXX, 72], южнопонтийскими светлоглиняными узкогорлыми амфорами т. «С» II в. н. э. [Шелов, 1978, с. 18, рис. 6], боспорскими розовоглиняными амфорами II – III вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 119-120, табл. XXXVIII, 96,97], оранжевоглиняными амфорами первых веков н. э. [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX, 96, 97]. Исходя из довольно четко датирующего амфорного материала, лепная керамика, о которой речь пойдет ниже¹, также должна относиться к периоду II – III вв. н. э.

Весь комплекс лепной керамики представлен фрагментами сосудов закрытых и открытых форм². Часть из них удалось реконструировать и склеить. Особый интерес вызывают фрагменты лепных сосудов, имитирующих античную столовую, в том числе и краснолаковую, посуду.

Кувшины

Посуда этой категории представлена одним, практически целым кувшином со сферическим туловом максимально расширенным в средней части (рис.1). Кувшин приземистых пропорций, с резко выделенным прямым горлом и плоским дном. Венчик овальный в сечении, немного отогнут наружу. Подпрямоугольная в сечении вертикальная петлевидная ручка верхним концом крепится к венчику, а нижним – к плечу.

¹ Благодарю начальника БОАЭ В.Н. Зинько за предоставленную возможность опубликовать материал.

² В основу нашей классификации положена классификация В.П. Власова, изложенная в его статье «Лепная керамика позднескифского Булганакского городища».

Судя по всему, кувшин подобной формы является специфически боспорским, так как при ближайшем рассмотрении аналогий ему не обнаружено ни на памятниках Боспора (как Европейского, так и Азиатского) [Арсеньева, 1965; Арсенъева, 1969; Арсенъева, 1977; Кастанаян, 1981; Кругликова, 1951], ни на скифских и позднескифских памятниках, как Крыма [Власов, 1997; Высотская, 1972; Высотская, 1979; Высотская, 1994; Дашевская, 1958; Дашевская, 1991], так и лесостепной зоны [Гаврилюк 1989; Славяне..., 1993; Степи..., 1989].

Гуттус

Особый интерес среди всей лепной керамики, занимает, пожалуй, профиль гуттуса (иначе – капельник) имитирующий античную кружальную посуду. Наиболее оригинальный тип античных сосудов, распространенных во II – IV вв. н. э., имел обычно колбообразную форму, снабженную носиком на тулове. Последний получался при односторонней оттяжке тулова, или изготовленный отдельно носик прилеплялся к боковому проколу на нем. Обычно гуттус применялся при омывании рук, при свершении жертвоприношений, заполнении светильников маслом [Буров, 2006, с. 98].

Гуттус, обнаруженный в хозяйственной яме №5, представляет собой сосуд небольших приземистых пропорций на плоском поддоне, с биконической формой тулова, максимально расширенной в средней ее части (рис. 4, 5). Стенки гуттуса очень тонкие. С внешней стороны поверхность сосуда очень хорошо заглажена. К сожалению, верхняя часть гуттуса и часть носика-слива не сохранились.

Горшки

Из заполнения ямы происходят фрагменты одного горшка (впоследствии склеенные в целый сосуд) (рис.2,1). Горшок биконической формы тулова, максимально расширенной в средней ее части, приземистых пропорций с расширяющимся усечено-коническим горлом и одной вертикально ручкой. Ручка у данного экземпляра, к сожалению, не сохранилась.

Одноручные сосуды подобной формы встречены при раскопках боспорских городов Мирмекия, Пантикапея, Тиритаки, Нимфея, Илурата, Киммерика и Фанагории в слоях I в. до н. э.– III вв. н. э. [Кругликова, 1951, с. 98; Кастанаян, 1958, с. 270, табл. IV,12; Кастанаян, 1981, с. 88, табл. XXVIII, 9; Гаврилюк, Соколова, 2007, с. 290, рис 9]. Неоднократно эти горшки находились при раскопках сельских поселений Боспора, например, в зданиях III в. н. э. у пос. Мысовка и у дер. Семеновка [Кругликова, 1956, с. 256, рис. 12,4], а также несколько экземпляров происходят из склепов IV в. н. э. могильника Дружное [Власов, 2008, с. 63, рис. 14,5].

Миски

Вследствие недостаточной разработанности понятийного аппарата современной археологической науки, при определении некоторых категорий сосудов употребляются различные термины. Так у Е. Г. Кастанаян категория столовой посуды, предназначенная для подачи и принятия пищи, называется «чашами» [Кастанаян, 1981, с. 48-64], а у В. П. Власова эта же категория именуется «мисками» [Власов, 1997, с. 234-254; Котин, 2008, с. 166]. Несмотря на различие в названии, это одна и та же форма сосудов (далее эту категорию сосудов мы будем именовать мисками).

Тип №1. Миска мелкая, со слегка округлыми стенками (рис. 2,2). Представлена одним археологически целым фрагментом. Миски подобного плана составляют значительный процент среди находок лепных сосудов Тиритаки, Илурата, Мирмекия из слоев II – IV вв. н. э. [Кастанаян, 1981, с. 56, 63-64, табл. XI, 10].

Тип №2. Миска глубокая с расходящимися краями, полусферическим или усечено-коническим туловом и срезанным плоским венчиком, резко выступающим как наружу, так и вовнутрь (рис. 3,1,2). Представлена двумя орнаментированными фрагментами.

На первом фрагменте располагается горизонтальная ручка-упор с круглыми и овальными пальцевыми фестончатыми вдавлениями по внешней стороне края сосуда. На верхней части второго сосуда сохранился выступ – зашип, оттянутый от края сосуда.

Традицию орнаментации краев мисок пальцевыми вдавлениями можно считать специфически боспорской, так как именно на памятниках Боспора концентрируется большинство украшенных таким образом мисок, которые датируются I – IV вв. н. э. [Кастанаян, 1981, с. 61-62, табл. XII, 1-4]. Точных аналогий сосудам с выступами-зашипами по краю нами не обнаружено, но миски с отчетливо выраженными выступами по краю бытовали на позднескифских поселениях в позднеэллинистическое и римское время [Дашевская, 1991, табл. 13,12; 17,12; Махнева, 2004, с. 106, рис. IV, 15, 17, 18]. Фестонообразные ручки-налепы также встречаются на сосудах фракийских памятников [Марченко, 1988, с. 83, рис. 13; 14,5,6; 15; 17,1,6].

Тип №3. (1 фрагмент). Миска с полусферическим туловом, резко загнутыми прямыми краями, отделенными от тулова сглаженным ребром (рис. 4, 6). По всей видимости, прототипом подобных мисок послужили краснолаковые миски, отнесенные В. В. Крапивиной к типу 10 [Крапивина, 1993, с. 109, рис. 47, 11, 12]. Такие миски помимо Боспора встречаются так же в хозяйственных ямах I в. до н. э. Булганакского городища и в комплексах I – начала II вв. н. э. Калос Лимена [Власов, 1997, с. 251, табл. V, 15; Уженцев, 1997, с. 198, рис. 5, 7].

Тип №4. (1 фрагмент). Миска с горизонтально отогнутыми краями и полусферическим туловом (рис. 4, 4). Прототипом подобных мисок послужили краснолаковые миски, отнесенные В. В. Крапивиной к типу 10 [Крапивина,

1993, с. 109, рис. 47,11,12]. Аналогией лепной миски, обнаруженной на Тиритатке, может служить блюдо, происходящее из распаханного слоя городища Булганак с материалом I в. н. э. [Власов, 1997, с. 254, табл. VI,3].

Тарелки

Тип №1. (2 фрагмента). Тарелка с высоким вертикальным бортиком и косыми стенками на кольцевом поддоне (рис. 4, 3,7). Прототипом подобных тарелок послужили краснолаковые тарелки формы I (P.S.) понтийской сигиллаты по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, p. 93, tab. XXII,8]. Краснолаковая посуда этой формы была широко распространена на Боспоре во II – III вв. н. э. [Книпович, 1952, с. 295-298].

Тип №2. (1 фрагмент). Тарелка с расходящимися краями и полусферическим туловом (рис. 4, 1). Такие тарелки, по мнению В. П. Власова могут быть отнесены к группе керамики с элементами античной керамической традиции [Власов, 2005, с.78]. Аналогичные лепные тарелки известны из раскопок в д. Семеновка [Кругликова, 1970, с. 19, рис. 13,20], и из слоя рубежа эр Булганакского городища [Власов, 1997, с. 255, табл. VI,8].

Тип №3. (1 фрагмент). Тарелка с отогнутым под углом вверх краем, небольшой выемкой посередине края венчика и цилиндро-полусферическим туловом, имеющим перегиб в верхней части (рис. 4, 2). Прототипом подобным тарелкам послужили краснолаковые тарелки, отнесенные В. В. Крапивиной к типу 10 [Крапивина, 1993, с.111, рис. 51, 1-3]. Ближайшие аналогии лепной керамики данного типа известны из слоя рубежа эр Булганакского городища [Власов, 1997, с. 255-256, табл. VI,14].

Сковородки

Из хозяйственной ямы происходит один археологически целый профиль плоскодонной, толстостенной, с низкими, расходящимися краями и усеченно-коническим туловом сковородки (рис. 3,3). Фрагменты с полным профилем известны в боспорских слоях и комплексах рубежа эр и I – первой половины III вв. н. э. [Кастанаян, 1981, с. 42, 98, табл. IV,2; XXXV,9; Кругликова, 1951, с. 103, рис. 2,9]. Впервые сковородки такой формы появляются еще в эпоху поздней бронзы [Лесков, 1965, с. 117; Граков, 1954, с. 74:], и в культурном отношении достаточно нейтральны [Власов, 1999, с. 44].

Фиксируемые визуально технико-технологические особенности лепной керамики из хозяйственной ямы №5, несмотря на малочисленность, позволяют говорить, что изделия – посуда небольших размеров – изготавливались из целого куска формовочной массы, а большие сосуды – с помощью спирального

метода. Практически все сосуды изготавливались из плохо отмученной глины. Среди отошителей для приготовления теста применялись: толченый известняк, ракушка, песок, шамот, злаки. Почти вся керамика довольно таки грубая и по степени обработки поверхностей относится к третьей технологической группе по К. К. Марченко, то есть «...керамика с более или менее тщательно заглаженной поверхностью без следов лошения. При заглаживании стенок употреблялись мокрая тряпка, пучок травы...» [Марченко, 1988, с. 63]. Исключение составляют фрагменты, отнесенные к группе керамики с греческими элементами или полностью имитирующие античные сосуды. Все экземпляры этой группы хорошо заглажены и могут быть отнесены ко второй технологической группе по К. К. Марченко [Марченко, 1988, с. 63]. По всей видимости, эти сосуды относились к столовой, а не к кухонной посуде.

Лепные сосуды с греческими элементами, а иногда и точные копии керамики, изготовленной на гончарном круге, довольно редко встречаются на памятниках Боспора [Власов, 2005, с. 88]. Чаще всего подобные имитации можно обнаружить на позднескифских памятниках Крыма [Власов, 2005, с. 89]. Появление подобных сосудов обусловлено взаимным влиянием античной и варварской (возможно, позднескифской) культур. Разумеется, что большинство лепных сосудов, выполненных в греческом стиле, должны быть отнесены к носителям негреческой культуры, хотя возможно, что некоторая часть населения, с учетом того, что рядом проживают представители варварской культуры, могла перенять способ производства сосудов ручной формовкой. При этом они изготавливали сосуды, формы которых были им близки и привычны в хозяйстве.

Рассмотренные лепные изделия античного облика охватывают узкие хронологические рамки – границы использования хозяйственной ямы. Они также в точности отражают динамику бытования своих прототипов, так как представляют абсолютно новые формы, нехарактерные для варварской культуры. Интересен тот факт, что в конце I – первой половине II вв. н.э., когда прекращают существовать практически все позднескифские поселения Северо-Западного и некоторые городища Центрального Крыма, античные подражания практически полностью исчезают (5 фрагментов) [Власов, 2005, с. 88]. Тогда как на Боспоре лепные изделия античного облика, имитирующие кружальные сосуды, продолжают встречаться, и даже возможно наоборот, их число увеличивается. Это вполне соответствует общенсторическим и этнополитическим изменениям, которые имели место на полуострове начиная с I в. н. э., когда начался отток скифов на Боспор [Маслеников, 1990, с. 92,93], и происходит включение Крымской Скифии в состав Боспорского царства [Зубар, 1991, с. 126].

Таким образом в результате изучения лепной керамики из комплекса хозяйственной ямы №5, я столкнулся с проблемой фрагментарности и немногочисленности керамики, что затруднило объективную систематизацию

лепной керамики. Кроме того, некоторые из обломков не были учтены и рассмотрены из-за фрагментарности. Однако несмотря на этот факт, лепная керамика из хозяйственной ямы расширяет наши представления о керамическом комплексе города Тиритака и Боспорского царства в целом, поскольку некоторые типы сосудов выделены впервые. Кроме того, присутствие среди стандартного лепного материала группы керамики, имитирующей античные сосуды, красноречиво свидетельствует о взаимных влияниях варварской и античной культур

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса. Открытые сосуды. // МИА. 1965. № 127.
- Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса. Горшки. // МИА. 1969. № 154.
- Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М. 1977.
- Буров Г. М.* Энциклопедия Крымских древностей. К.: Стилос. 2006.
- Власов В. П.* Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // БИАС. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Власов В. П.* Этнокультурные процессы в Крыму в III в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам лепной керамики). Дис. На соискание ученой степени кандидата ист. наук. –Симферополь. 1999.
- Власов В. П.* Античные влияния в позднескифской керамике Крыма // БИ. 2005. VIII.
- Власов В. П.* Лепная керамика из зольника у горы Митридат // МАИЭТ. 2008. XIV
- Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К. 1972.
- Высотская Т. Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. К. 1979.
- Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. К. 1994.
- Гаврилюк Н. А.* Домашнее производство и быт степных скифов. К. 1989.
- Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. №36.
- Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА. 1958. № 64.
- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д 1-7.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. №83.
- Зицько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зицько А.В.* Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. – Київ. – 2004 .
- Зубар В. М.* Латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. №1.
- Кастанави Е. Г.* Лепная керамика Илурата // МИА. 1958. № 85.
- Кастанави Е. Г.* Лепная керамика Боспорских городов. Л.: Наука. 1981.
- Кишилович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935 – 1940 гг. // МИА. 1952. №25.
- Котин М.А.* Лепная керамика из раскопок по ул. 1-я Митридатская, г. Керчь // Кондаковские чтения II. - Белгород. - 2008.
- Кругликова И. Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 1951. № 19.
- Кругликова И. Т.* Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. 1956. XXV.
- Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у дер. Семеновка // Поселени и могильники Керченского полуострова начала н. э. М, 1970.
- Кративина В. В.* Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н. э. Киев. 1993.
- Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. –К.: Наук. Думка. 1965.
- Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н. э. (по материалам лепной керамики). Л.: Наука. 1988.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первые века нашей эры. М. 1990.
- Махнева О. А.* Новые данные о лепной керамике населения Неаполя Скифского // У Понта Евксинского. – Симферополь. -2004.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. М. 1993.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. 1989.

Ужестцев В. Б. Постройки типа мегарон из раскопок Калос-Лимена // БИАС. Симферополь. 1997. Вып. 1.

Шеллов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156.

Hayes J. W. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antika, clasika e orientale. Roma 1985.

М.О. Котін

КОМПЛЕКС ЛІПНОЇ КЕРАМІКИ З ГОСПОДАРСЬКОЇ ЯМИ № 5 БОСПОРСЬКОГО МІСТА ТИРИТАКА

Резюме

У 2008 р. Боспорська охоронна археологічна експедиція Кримського відділення Інституту сходознавства НАНУ проводила археологічні дослідження північної околиці Тиритаки (розкоп № XXVIII). В результаті була досліджена господарська яма № 5. У заповненні ями були знайдені 438 фрагментів будівельної, транспортної червоноглиняної та ліпної кераміки, яка у процентному відношенні складає 12,78 % від загальної кількості кераміки. Виходячи з доволі чітко датованого камфорного матеріалу, ліпна кераміка відноситься до періоду II – III ст. н.е.

Весь комплекс ліпної кераміки поданий фрагментами глечиків, горщиків, мисок, тарілок, сковорід, а також гутгусу. Частину з них вдалося реконструювати та склеїти. Особливий інтерес викликають фрагменти ліпних посудин, які імітують античну ідальню, в тому числі і червоно лакові посудини (деякі типи тарілок та гутгус). Присутність серед стандартного ліпного матеріалу групи кераміки, яка імітує античні посудини, красномовно свідчить про взаємний вплив варварської та античної культур.

М.А. Котин

КОМПЛЕКС ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЯМЫ №5 БОСПОРСКОГО ГОРОДА ТИРИТАКА

Резюме

В 2008 г. Боспорская охранная археологическая экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАНУ проводила археологические исследования северной окраины Тиритаки (раскоп № XXVIII). В результате была исследована хозяйственная яма №5. В заполнении ямы было обнаружено 438 фрагментов строительной, транспортной, красноглиняной и лепной керамики (которая в процентном соотношении составляет 12,78%

от общего количества керамики). Исходя из довольно четко датирующего амфорного материала, лепная керамика относится к периоду II—III вв. н. э.

Весь комплекс лепной керамики представлен фрагментами кувшинов, горшков, мисок, тарелок, сковород, а также гуттуса. Часть из них удалось реконструировать и склеить. Особый интерес вызывают фрагменты лепных сосудов, имитирующих античную столовую, в том числе и краснолаковую посуду (некоторые типы тарелок и гуттус). Присутствие среди стандартного лепного материала группы керамики, имитирующей античные сосуды, красноречиво свидетельствует о взаимных влияниях варварской и античной культур.

M.A. Kotin

MOLDED CERAMICS COMPLEX FROM THE HOUSEHOLD PIT OF THE BOSPORAN CITY TYRITAKA

Summary

In 2008, the Bosphorus protecting archaeological expedition of the Crimean branch of the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine conducted archaeological investigations of the northern outskirts of Tyritake (excavation plot 28). As a result, we have studied the household pit 5. Four hundred and thirty eight fragments of building ware, transport ware, red clay and molded ceramics were found in the filling of the pit (which percentage is 12,78% of the total number of ceramics). Assuming a fairly clear amphora dating material, molded pottery belongs to the period of the 2nd-3rd cc. AD.

The whole complex of molded ceramics shows fragments of jugs, pots, bowls, dishes, pans and a guttus. Some of them were managed to recreate and glue. Fragments of molded vessels, imitating antique tableware, including red-lacquered ware (some types of plates and the guttus) are of particular interest.

The presence of ceramics, imitating ancient vessels, including the standard molded material, clearly demonstrates the mutual influence of the barbaric and ancient cultures.

Рис. 1. Лепной кувшин из заполнения
хоз. ямы № 5 городища Тиритака.

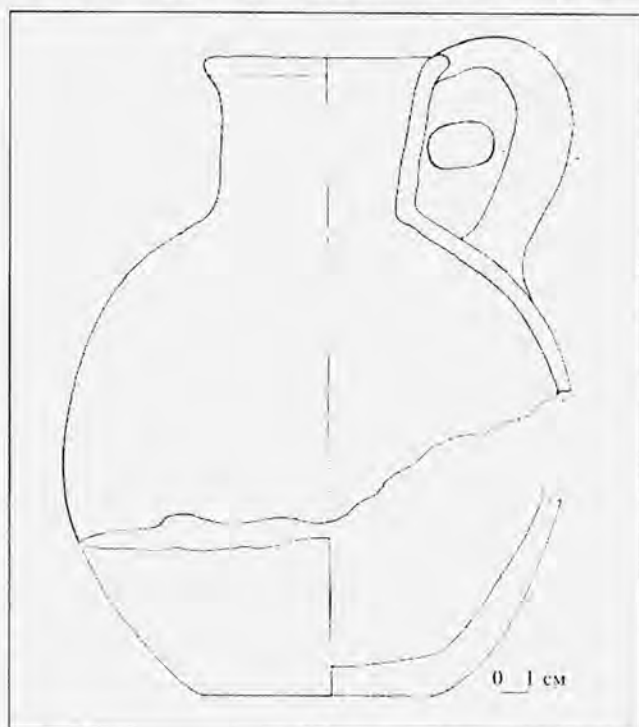
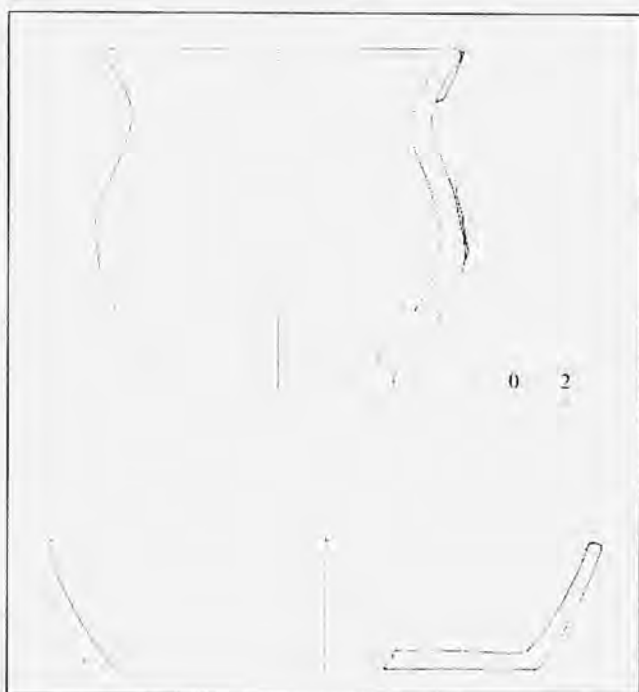

Рис. 2. Лепные сосуды из заполнения
хоз. ямы № 5 городища Тиритака.

1 - горшок; 2 - миска (тип 1).

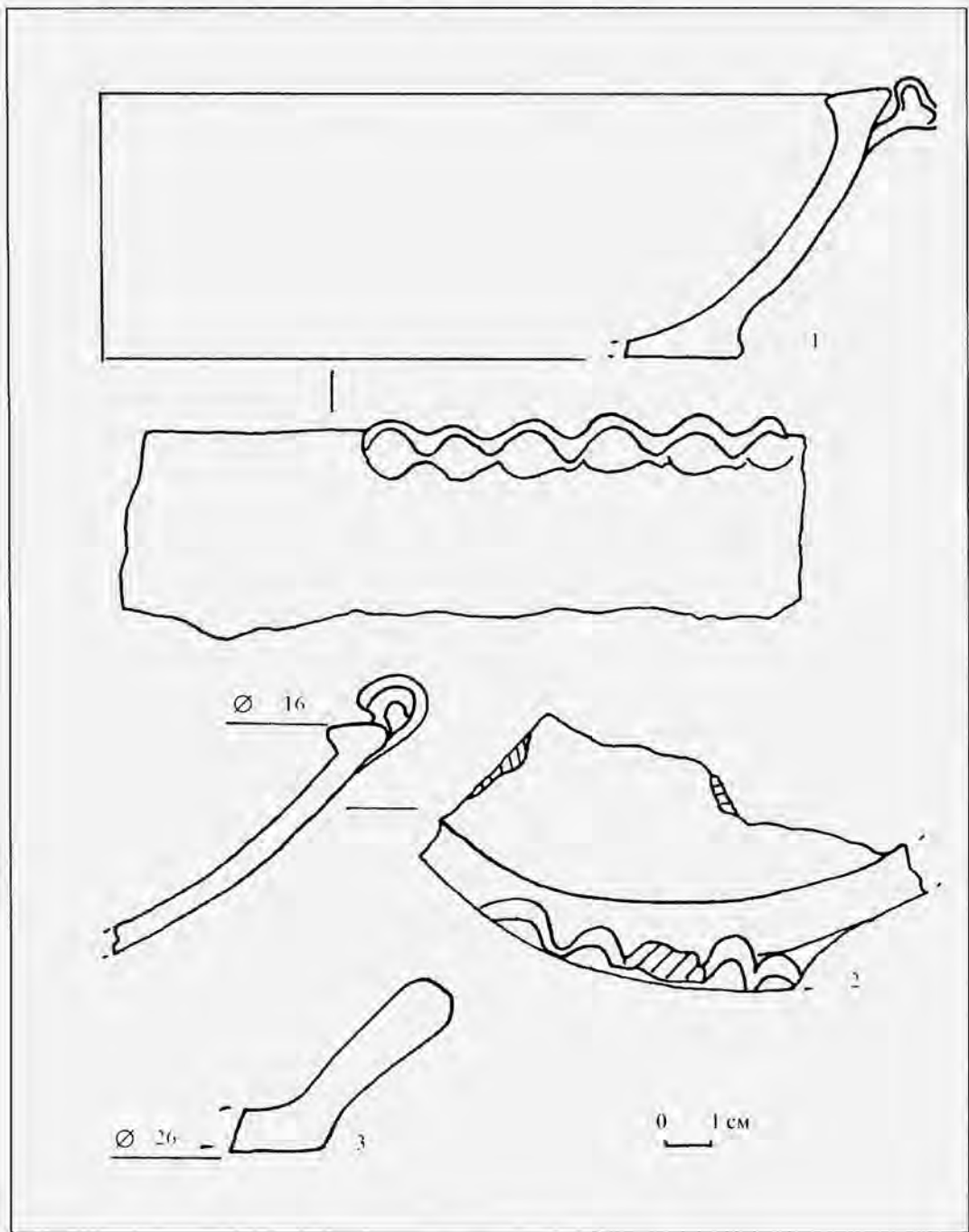

Рис. 3. Лепная керамика из заполнения хоз. ямы № 5 городища Тиритака.
1, 2 - миска (тип 2); 3 - сковорода.

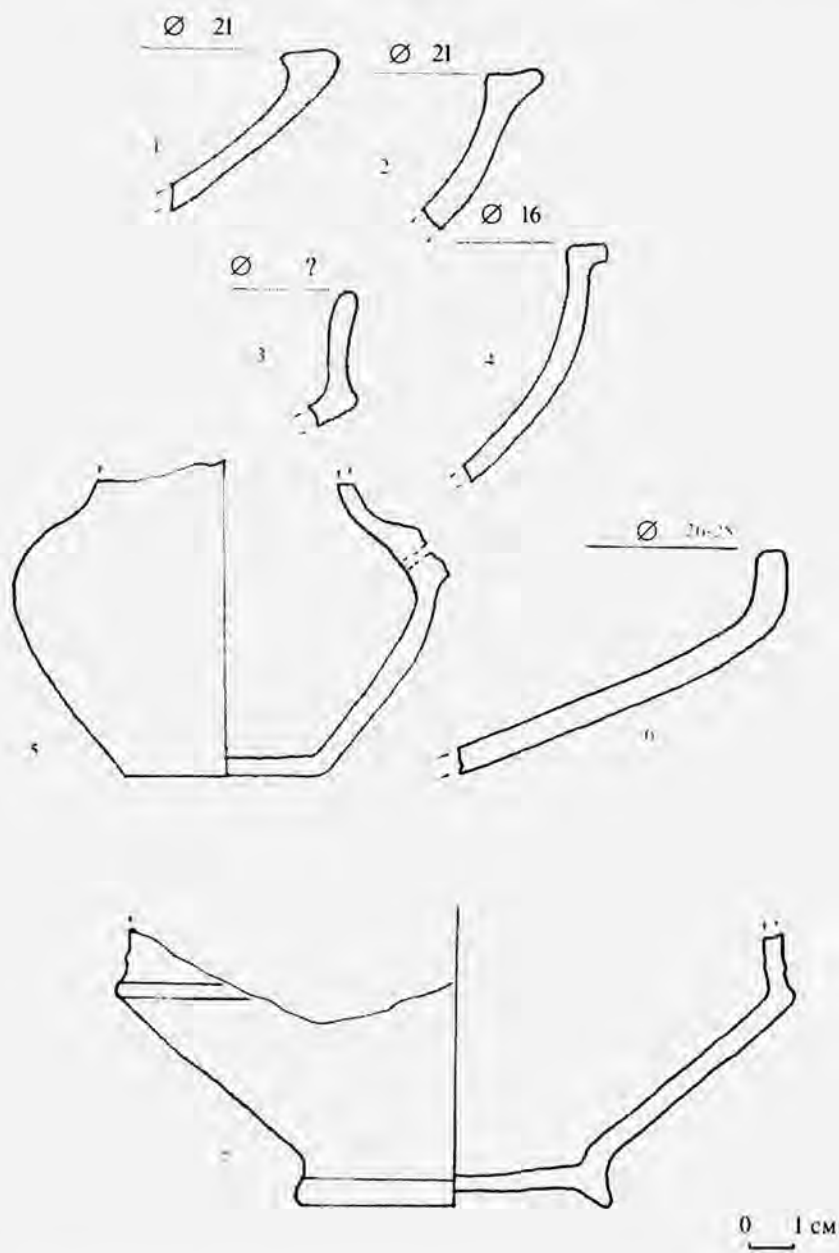

Рис. 4. Лепная керамика из заполнения хоз. ямы № 5 городища Тиритака.
Тарелки: 1 - тип № 2; 2 - тип № 3; 3,7 - тип № 1. Миски: 4 - тип № 4; 6 - тип № 3. 5 - лепной гуттус.

С.Б. ШАБАНОВ

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С БАЛЬЗАМАРИЯМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

Могильник Нейзац расположен в центре предгорного Крыма, на правом берегу р. Зуя, в 1 км к югу от с. Баланово Белогорского района. За время планомерного изучения памятника (с 1996 г.) исследовано 417 погребальных сооружений, в том числе склепы, грунтовые и подбойные могилы. На территории могильника выделено два культурно-хронологических горизонта. Первый датируется II – серединой III вв. н.э., он представлен, в основном, подбойными и грунтовыми могилами. Второй относится к IV в. н.э., когда большинство погребений совершались в склепах, первые из которых появились еще в первой половине III в. н.э. [Храпунов, 2005; он же, 2006; он же, 2009].

В 2008 г. была исследована грунтовая могила № 368*. Она прямоугольная в плане, ориентирована с запада на восток (рис.1). Ее размеры 2,5x0,8 м, глубина 2 м. В могиле зафиксировано два захоронения. Взрослое погребение разграблено, обнаружены только железные удила у северной стены (рис.2, 1) и *in situ* фрагменты костей ног, судя по которым погребенный был ориентирован головой на восток. У западной стены, в выкопанной в полу прямоугольной в плане яме, было совершено погребение ребенка, ориентированное с запада на восток. Ее размеры 1,27x0,5 м, глубина 0,23 м. В погребении от скелета ребенка остались только фрагменты костей черепа. Аналогии такой конструкции могилы не известны.

В детском погребении обнаружены лепной двуручный кувшин (одна ручка утрачена в древности), стоявший за головой ребенка (рис. 2, 19). У ног положены два стеклянных бальзамария, горлами в противоположные стороны, один на запад, другой на восток (рис. 2, 3,4), и два пирамидальных бронзовых колокольчика (рис. 2, 5,7), связанные плохо сохранившейся веревкой, через которую была продета бусина из меловой породы (рис. 2, 6). На месте груди обнаружены четыре полусферических бронзовых колокольчика (рис. 2, 8,10,17,18), ажурный бронзовый колокольчик (рис. 2, 12), фрагменты металлического зеркала (рис. 2, 13), фрагменты бронзовой фибулы (рис. 1, 15). Среди костей черепа найдена серьга (рис. 2, 16). На месте шеи и груди обнаружены бусы, объединенные в ожерелья (рис. 2, 9,11,14). Скопление бус, которыми, судя по всему, был расшит подол одежды, отмечено в ногах погребенного (рис. 2, 2).

* Выражаю благодарность И.Н. Храпунову за возможность публикации материала.

Погребение I. Железные двусоставные удила со стержневидными псалями (рис. 3, 4). Они состояли из двух сцепленных, круглых в сечении стержней длиной 9,5 см, концы которых загнуты в петли. Сквозь петли продеты псалии в виде круглых в сечении прямых стержней. В одну из петель вместе со стержнем продето подвижное кольцо. К сожалению, установить, были ли на псалях петли или утолщения с отверстиями, не удастся из-за сильной коррозии. Подобные железные удила обнаружены в разрушенном конском погребении №3/1993 Усть-Альминского некрополя, где псалии также соединены с петлями звеньев вместе с подвижным кольцом [Пуздровский, 2007, с. 374, рис. 100, III.] и в склепе №155 Битакского могильника (погребение XXIV), захоронения в котором датируются рубежом эр [Пуздровский, 2003, с. 131].

Погребение II. Детское. Лепной кувшин (рис. 3, 1). С усечено-коническим уплощенным в середине горлом, высоким отогнутым венчиком, оваловидным туловом, плоским дном. Маленькие ручки (одна из них утрачена в древности) крепились вертикально к плечикам сосуда. Аналогии на синхронных памятниках Крыма и за его пределами не известны.

Стеклянные бальзамарии (2 экз.). Двух типов: *Tun 1* (рис.3, 2). Из прозрачного тонкого бесцветного стекла. Высота сосуда - 12 см, диаметр дна - 3,2 см, диаметр венчика - 2,1 см. Бальзамарий имеет коническое тулово, цилиндрическое горло расширяющееся кверху. Венчик оплавлен. На месте соединения тулова и горла имеется перехват. Дно слегка вогнуто. По классификации боспорских бальзамариев, разработанной Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, соответствует типу *I 1 B*. Подобные бальзамарии распространяются на Боспоре во второй половине I в. н.э. и в начале II в. н.э. [Кунина, 1973, с. 156]. В нижнем ярусе склепа №736 Усть-Альминского некрополя обнаружен подобный сосуд, а весь комплекс погребений датируется по другим находкам последней четвертью I в. н.э. (не ранее 70-80 гг.) [Пуздровский, 2007, с.182.]. Бальзамарии этого типа являются продукцией восточносредиземноморских (сирийских или египетских) мастерских [Кропоткин, 1970, с. 29; Кунина, 1973, с. 157.]. *Tun II* (рис.3, 3). Из полупрозрачного тонкого стекла, с голубым оттенком. Высота сосуда - 13 см, диаметр дна - 2 см, диаметр венчика - 2 см. Бальзамарий имеет коническое тулово, цилиндрическое горло расширяющееся кверху. Венчик оплавлен. Перехват на месте соединения горла и тулова отсутствует. Высота горла в 3 раза превышает высоту тулова. Дно слегка вогнуто. По классификации стеклянных бальзамариев, разработанной Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной, соответствует типу *I 2 Г*. На Боспоре бальзамарии этого типа появляются в середине I в. н.э., а получают распространение в последней четверти I в. н.э. и в начале II в. н.э. [Кунина, 1973, с. 161; она же, 1997, с. 325]. Не исключено, что данный тип бальзамариев является продукцией местных стеклоделательных центров Боспора или Херсонеса [Сорокина, Гущина, 1980, с. 91; Кунина, 1997, с. 325, *кат.* 365]. Похожий стеклянный сосуд происходит из зольника горизонта В Неаполя Скифского, который в целом датируется второй

половиной I в. н.э. – серединой-третьей четвертью II в. н.э. [Зайцев, 1995, с. 86, рис.7, 44]. В Восточном некрополе Неаполя Скифского подобный бальзамарий обнаружен в могиле № 1, датируемой I-II вв. н.э. [Сымонович, 1983, с. 84, Таб. XII, б]. Аналогичные стеклянные сосуды происходят из комплексов второй половины I-II вв. н.э. (могила №520) и II - первой половины III вв. н.э. (склеп №830) Усть-Альминского некрополя [Пуздровский, 2007, рис. 191, 12, рис. 192, 5]. Стеклянные бальзамарии первых веков н.э. в погребальных памятниках центральной части крымских предгорий встречаются редко. В могильнике Нейзац они обнаружены впервые. На большинстве синхронных памятников Юго-Западного Крыма стеклянные бальзамарии не известны. Однако много их найдено в некрополях Пантикапея и Херсонеса [Кунина, 1973, с. 155; Зубарь, 1982, с. 85, рис. 56], в могильниках Усть-Альма, «Совхоз №10» [Стржелецкий и др., 2003-2004, с. 125] и Бельбек IV, где бальзамариев обнаружено более 40 [Журавлев, Фирсов, 2007, с. 238]. Это подтверждает мнение о том, что в I-III в. н.э. областью наиболее интенсивных торговых контактов Боспора и Херсонеса являются их округа и лишь незначительная часть, в частности стеклянной посуды, попадала в Центральный Крым [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 88-89].

Фибулы бронзовой пластинчатой сужающейся в сторону ножки спинки и пружины, фрагмент (рис 4, 9). Ее можно определить как «смычковую» одночленную, относящуюся к группе 14 по классификации А.К. Амброза, который датирует такие фибулы в рамках I-III вв. н.э. [Амброз, 1966, с. 47]. В могильнике Нейзац «смычковые» фибулы обнаружены в захоронениях II - первой половины III в. н.э., в том числе и детских [Храпунов, 1998, с. 234,235; он же, 2005, с. 176; он же, 2006, с. 189; он же, 2007, с. 37-38]. В погребальных комплексах после середины III в. н.э. не встречаются. Остались следы от металлического щитка, крепившегося к спинке фибулы, которая использовалась, по-видимому, как брошь. В Нейзаце обнаружено несколько подобных застежек со свинцовым щитком в женских погребениях. Такие фибулы зафиксированы только в могильнике Нейзац [Храпунов, 2007, с. 38, рис. 4, 1,2].

Серьга из бронзовой, круглой в сечении проволоки, один конец которой оформлен в виде крючка, другой – в виде петельки (рис. 4, 10). Подобные серьги получают распространение в I в. н.э. [Дашевская, 1991, с. 37, 38, Табл. 67, 9] и обнаружены во многих варварских могильниках предгорного Крыма первых в. н.э. [Сымонович, 1983, Табл. XXXI, 7,21,27; Высотская, 1994, с. 106-107; Храпунов и др., 2001, с. 138, рис. 12, 44; Пуздровский, 2007, Рис.125, 17].

Зеркала из белого металла, фрагмент (рис. 4, 11). Обратная сторона орнаментирована рельефным рисунком, по краю – валиком, имеет коническое утолщение в центре. Соответствует типу IX (зеркала-подвески с боковой петлей), по классификации А.М. Хазанова и второму варианту этого типа по классификации М.П. Абрамовой [Хазанов, 1963, с. 67; Абрамова, 1971, с. 129-130]. Время их бытования в Крыму – II-III вв. н.э. [Труфанов, 2007; Равич, 1995, с. 47]. В более поздних комплексах встречаются очень редко и сменяются

в IV в. зеркалами с центральной петлей [Храпунов, 2002, с. 41; Хазанов, 1963, с. 67]. Использованное в орнаментации гаммированное изображение часто встречается на подобных зеркалах из памятников Северного Причерноморья [Драчук, 1975, с. 76]. Вероятно, местами их производства можно считать Северный Кавказ [Высотская, 1994, с. 117, 118] и Боспор [Труфанов, 2007, С. 180.]. Металлографический анализ зеркала не проводился, однако анализы аналогичных зеркал показали, что они изготовлялись из бронзы, содержавшей большое количество олова [Барцева, 1971, с. 134, 136; Равич, 1995, с. 161]. Данное зеркало, по-видимому, преднамеренно разломали на части и отдельные его фрагменты поместили в могилу, что является обычным в сарматских погребениях первых вв. н.э. [Пуздровский, 2007, с. 122; Хазанов, 1964, с. 94-95; Кузнецова, 1988, с. 56], в том числе в женских и детских погребениях могильника Нейзац.

Колокольчики бронзовые (2 экз.) (рис. 4, 1, 2) пирамидальной формы с выступами на концах основания и пятиугольной петелькой для подвешивания. Подобные колокольчики представляют собой обычную находку в женских и детских погребениях римского времени Северного Причерноморья [Nowakowski, 1988, S.83]. В Крымских предгорьях они часто встречаются в погребальных комплексах позднескифской культуры [Сымонович, 1983, Табл. XLIV, 22-24; Зайцев, 1997, с. 115, рис. 65; Богданова, 1989, с. 52, табл. XVIII, 5, 6; Высотская, 1994, с. 128, рис. 26, 39]. Такой же колокольчик происходит из склепа №1 Чернореченского могильника, датируемого III в. н.э. [Бабенчиков, 1963, с. 114, Табл. XIV, 11].

Колокольчик бронзовый литой полусферической формы с кольцевидной петлей, украшенный пятью отверстиями треугольной формы (ажурный) (рис. 4, 3). Ажурные колокольчики встречаются в Крыму в погребальных комплексах первых вв. н.э. [Сымонович, 1983, Табл. XLIV, 18-20; Высотская, 1994, с. 128, рис. 39, 24]. Использовали их, возможно, в качестве привесок, как часть украшения [Абрамова, 1993, с. 153, рис. 60, 22]. Выполняли они, по-видимому, и ритуальную функцию оберега или амулета [Дашевская, 1989, с. 136].

Колокольчики бронзовые полусферической формы (4 экз.) (рис. 4, 4-6). Один из них имел петельку, сделанную из двух перевитых, круглых в сечении, бронзовых проволок и железный язычок (рис. 3, 4). Рядом был обнаружен предмет в виде петельки, сделанный из двух перевитых, круглых в сечении, бронзовых проволочек (рис. 3, 8), вероятно, от колокольчика. Один из колокольчиков фрагментирован (рис. 3, 7). Подобные бронзовые колокольчики часто встречаются в детских и женских погребениях Предгорного Крыма в I-II вв. н.э. [Храпунов, 2006, с. 138, рис. 9, 9; Богданова и др., 1976, с. 146, рис. 4, 38, 6, 96-99]

Найдены бусы следующих типов¹:

1. *Тип С I*. Шаровидные поперечно сжатые из сердолика (15 экз.) (рис. 4, 14, 18, 20, 41). Камень темно-красный, не прозрачный, с темными прожилками.

¹ Типология и датировка бус №1-16 дана в соответствии с классификацией А.А. Стояновой, разработанной специально для могильника Нейзац [Стоянова, 2004]. Бусы №17-22, которые не

13. *Tun OC IV (2)*. Цилиндрическая (1 экз.) из глухого красного стекла (рис. 4, 33). Характерны для I-IV вв. н.э. Преобладают в комплексах I-III вв. н.э.

14. *Tun OC IV (4)*. Цилиндрическая (1 экз.) в форме трубочки из прозрачного желтого стекла (рис. 4, 34). Такие бусы встречаются в комплексах II-III вв. н.э.

15. *Tun Я I (5)*. Неправильной формы из янтаря (1 экз.) (рис. 4, 22). Широко распространены в I-II вв. н.э. Практически не встречаются в комплексах III-IV вв. н.э.

16. *Tun Гт I* (6)*. В форме параллелепипеда со сглаженным гранями из гагата (2 экз.) (рис. 4, 39). Встречаются в комплексах I-II вв. н.э.

17. *Tun 14*. Шаровидная (1 экз.) поперечно сжатая из глухого белого стекла. Украшена тремя мелкими выпуклыми пятнышками из глухого желтого стекла, двумя пятнышками из глухого бирюзового стекла и одним из светло-зеленого стекла. Пятнышки расположены в беспорядке. Структура ядра поперечная, поверхность заглажена (рис. 4, 40). Встречается в комплексах I в. до н.э. – IV в. н.э. Преобладают в погребениях I в. н.э.

18. *Tun 8*. Шаровидные из темно-зеленого стекла (3 экз.). Объединены в нерасчлененную цепь. Структура ядра продольная, вокруг краев канала отверстия имеются закраинки (рис. 4, 30). Широко распространены в I-III вв. н.э. и IV в. н.э.

19. *Tun 15*. Шаровидные из глухого синего стекла (4 экз.). Объединены в нерасчлененную цепь. Структура ядра продольная, у краев каналов отверстий имеются закраинки (рис. 4, 29). Наиболее характерны для I-II в. н.э., но встречаются и в комплексах III-IV вв. н.э.

20. *Tun 171*. Ромбовидная (1 экз.) уплощенная из прозрачного желтого стекла (рис. 4, 21). Широко распространены в III в. до н.э. - IV в. н.э.

21. *Tun 13*. Цилиндрическая ребристая бусина из бронзы (1 экз.) (рис. 4, 23). Встречаются в комплексах I-II вв. н.э.

22. *Tun 14*. Подвеска уплощенная из меловой породы (1 экз.) (рис. 4, 45). Встречаются в комплексах I-II вв. н.э.

23. Цилиндрической (1 экз.) из стекла фрагмент (рис. 4, 43). Тип не определен

24. Цилиндрические из иризированного стекла (6 экз.) (рис. 4, 13.19). Тип не определен.

Всего обнаружено 462 экземпляра бус и одна подвеска, датируемые в целом в рамках римского времени. Бусы, соединенные в ожерелья, обнаружены на месте шеи и груди. Для украшения подола платья использовались те же наборы бус, что и в ожерельях, но с преобладанием короткоцилиндрических пронизей из гагата и египетского фаянса. Интересно, что традиция расшивать подол одежды ранее отмечалась в женских, но не в детских погребениях [Храпунов, 2006, с. 195].

* С – сердолик; ОС – одноцветное стекло; МС – многоцветное стекло; Гт – гагат; ВМП – внутренняя металлическая прокладка; ЕФ – египетский фаянс; МП – меловая порода; Я – янтарь.

Бронзовые пирамидальные и полусферические колокольчики, бронзовая серьга, наборы бус характерны для населения крымских предгорий второй половины II – первой половины III вв. н.э. Орнаментированное зеркало-подвеска не могло использоваться позднее III в. н.э. Стекланные бальзамарии, датируемые I – первой половиной II вв. н.э. позволяют удревнить дату детского погребения, если, конечно, исключить возможность их необыкновенно длительного использования. Для раннеримского времени характерны также некоторые типы бус (№6,9,16,21,22) и железные удила со стержневидными пса-лиями из погребения взрослого человека. Могила №368 открыта при раскопках раннего участка могильника Нейзац, где уже известна группа погребений, датирующихся второй-третьей четвертью II в. н.э. и имеющих признаки среднесарматской археологической культуры [Храпунов, 2009, с.479]. Погребения в могиле №368 были совершены в начале-середине II в. н.э. и являются самыми ранними из опубликованных захоронений могильника.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – М., 1993.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1975.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1978.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М., 1982.
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. – Вып. Д1-30. – М., 1966.
- Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки. – 1963. – Вип. XIII.
- Барцева Т.Б.* Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971.
- Богданова Н.А.* Могильник первых веков н.э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – Труды ГИМ. – М., 1989.
- Богданова Н.А., Гуцша И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. – 1976. - №4.
- Высотская Т.Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. – К., 1994.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР с древнейших времен до средневековья; в 20 т. – Т.10. – М., 1989.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. – Вып. Д1-7. – М., 1991.
- Драчук В.С.* Система знаков Северного Причерноморья. – К., 1975.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б.* Новые раскопки могильника Бельбек IV // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007.
- Зайцев Ю.П.* Хронология Неаполя Скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. – Вып. V. – Запорожье, 1995.
- Зайцев Ю.П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. – К., 1982.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). – Харьков, 1989.

- Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ, – Вып. Д1-27. – М., 1970.
- Кузнецова Т. М.* Зеркала в погребальном обряде сарматов // СА. – 1988. – №4.
- Кушина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. – СПб, 1997.
- Кушина Н. З., Сорокина Н. П.* Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. – 1973. – Вып. XIII.
- Пуздровский А. Е.* Склеп раннеримского времени из округа Неаполя Скифского // Херсонесский сборник. – 2003. – Вып. XII.
- Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. – Симферополь, 2007.
- Равич И. Г.* Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» // РА. – 1995. – №3.
- Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов, 1984.
- Сорокина Н. П., Гущина И. И.* Стекланные изделия из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // Труды ГИМ. – 1980. – Вып. 51.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum+. – 2003-2004. – №4.
- Стоянова А. А.* Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 – 2001 гг.) // Боспорские исследования. – Вып. V. – Симферополь; Керчь, 2004.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). – К., 1983.
- Труфанов А. А.* Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007.
- Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. – №4. – 1963.
- Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. – 1964. – №3.
- Храпунов И. Н.* Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. – 1998. – Вып VI.
- Храпунов И. Н.* Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.). – Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н.* Поздние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. – 2005. – XI.
- Храпунов И. Н.* Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. – 2006. – XII.
- Храпунов И. Н.* Две могилы с погребениями женщин из могильника Нейзац // МАИЭТ. – 2007. – Вып. XIII.
- Храпунов И. Н.* Некоторые актуальные проблемы истории и археологии Предгорного Крыма в позднеримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Материалы X Боспорских чтений. – Керчь, 2009.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А.* Позднескифский могильник Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – 2001. – Вып.2.
- Nowakowski W.* Metallglocken aus der Römischen Kaiserzeit im Europäischen barbaricum // Archaeologia Polona. – XXVII. – 1988.

С.Б. Шабанов

ДИТЯЧЕ ПОХОВАННЯ З БАЛЬЗАМАРІЯМИ
З МОГИЛЬНИКУ НЕЙЗАЦ

Резюме

У 2008 р. в результаті розкопів на ранній ділянці могильнику Нейзац, розташованого у центральній частині кримських передгір'їв, було досліджено ґрунтове поховання № 368, конструкція якого не має аналогій ні в даному могильнику, ні в одній іншій пам'ятці Криму. Набір інвентарю дитячого поховання з цієї могили характерний для населення кримських передгір'їв римського часу. Особливий інтерес викликають скляні бальзамарії, які у варварських пам'ятках центральної частини кримських передгір'їв зустрічаються рідко.

Шабанов С.Б.

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С БАЛЬЗАМАРИЯМИ
ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

Резюме

В 2008 г. в результате раскопок на раннем участке могильника Нейзац, расположенного в центральной части кримских предгорий, была исследована грунтовая могила № 368, конструкция которой не имеет аналогий ни в данном могильнике, ни в одном другом синхронном памятнике Крыма.

Набор инвентаря детского погребения из этой могилы характерен для населения кримских предгорий римского времени. Особый интерес вызывают стеклянные бальзамарии, которые в варварских памятниках центральной части кримских предгорий встречаются редко.

S.B. Shabanov

CHILD'S BURIAL WITH BALSAMARIA FROM NEYZATS CEMETRY

Summary

In 2008, excavations at an early Neyzats burial plot, located in the central part of the Crimean foothills, underground grave 386, construction of which has no analogies in this cemetery and in any other synchronous monument of the Crimea, was studied. Inventory set of the child's burial in this tomb is characteristic of the population of the Crimean foothills of the Roman period. Glass balsamaria, which rarely occur in the barbaric monuments of the central part of the Crimean foothills, are of particular interest.

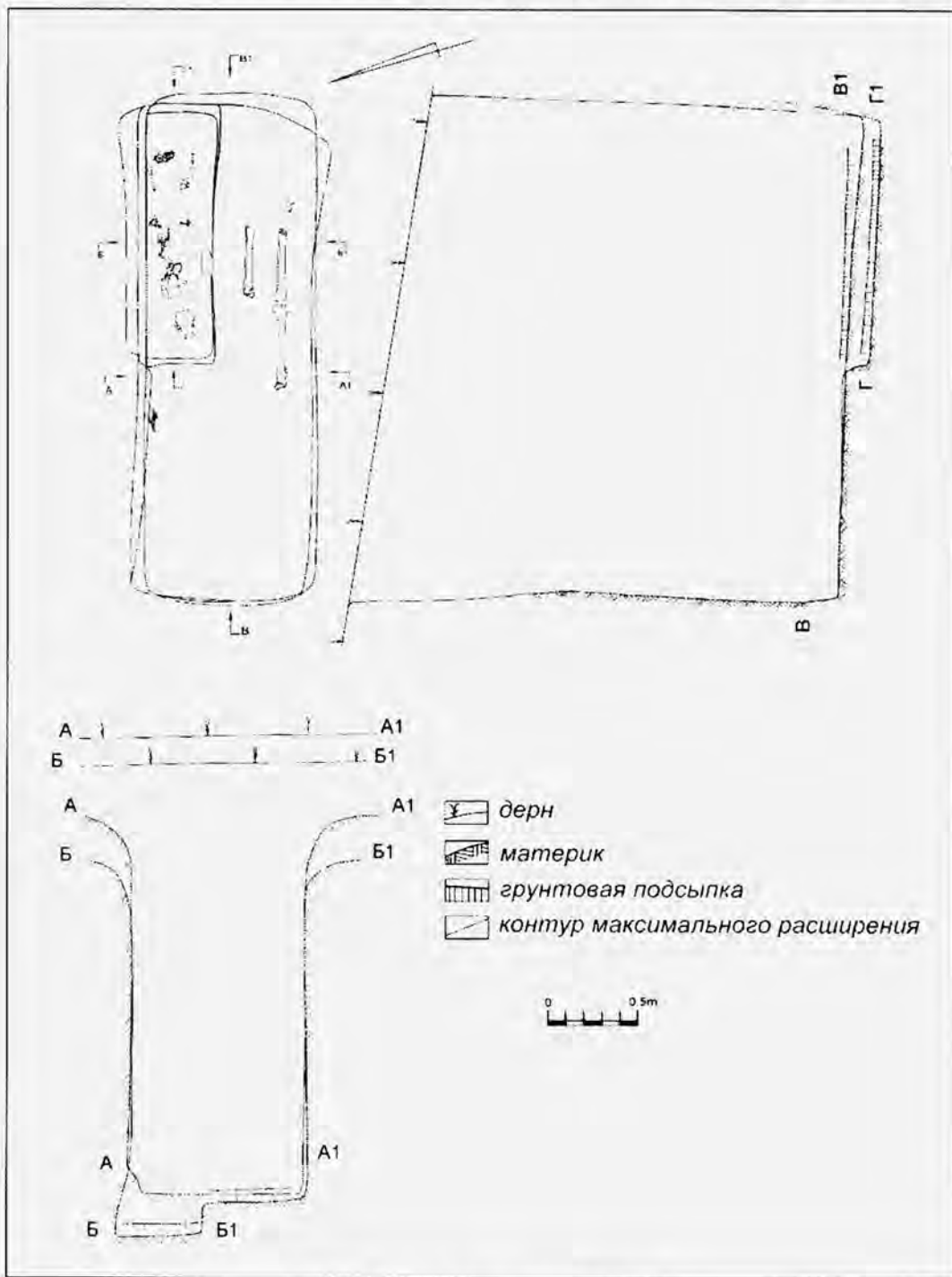

Рис. 1. Могила №368. Планы и разрезы.

- 1 - железные удила
- 2.6.9.11.14 - бусы
- 3.4 - стеклянные бальзамарии
- 5.7.8.10.12.17.18 - бронзовые колокольчики
- 13 - металл. зеркало
- 15 - бронз. фибула
- 16 - бронз. серьга
- 19 - лепной сосуд

Рис. 2. Могила №368. Планы.

1 - железные удила; 2,6,9,11,14 - бусы; 3,4 - стеклянные бальзамарии; 5,7,8,10,12,17,18 - бронзовые колокольчики; 13 - металлическое зеркало; 15 - бронзовая фибула; 16 - бронзовая серьга; 19 - лепной сосуд.

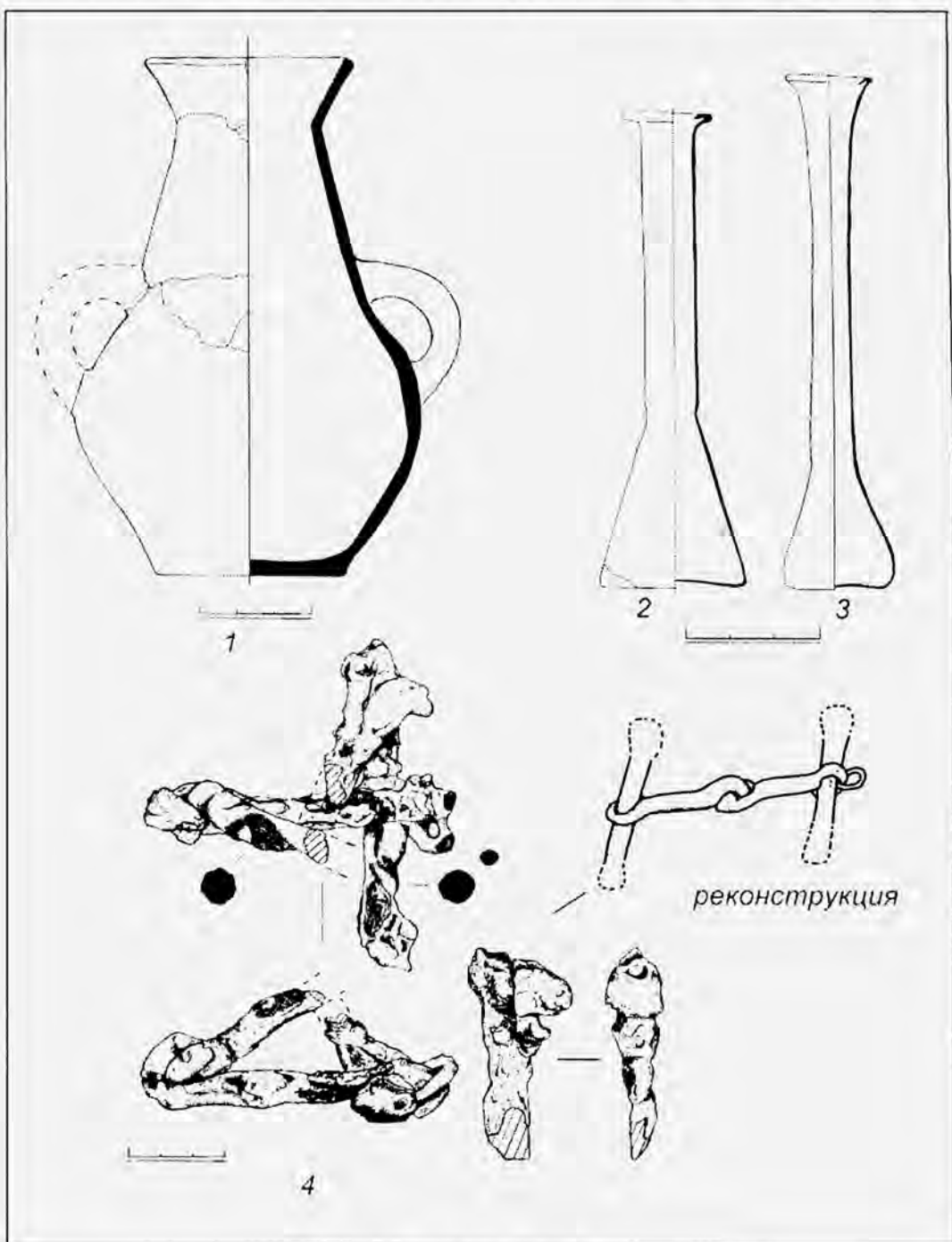

Рис. 3. Могила №368.

1 – лепной сосуд; 2,3 – стеклянные бальзамарии; 4 – железные удила.

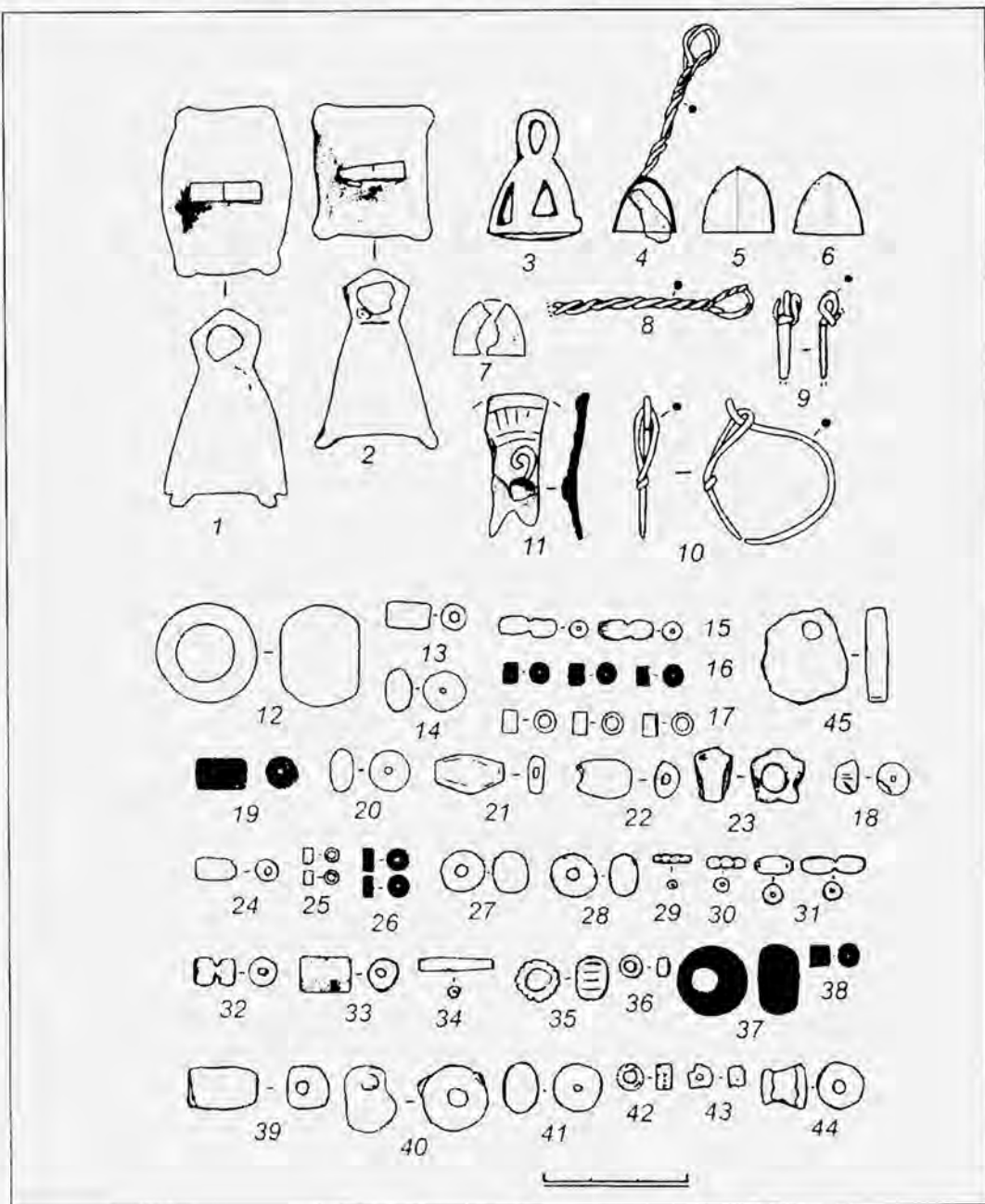

Рис. 4. Могила №368.

1,2 - пирамидальные колокольчики; 3 - ажурный бронзовый колокольчик; 4-7 - полусферические бронзовые колокольчики; 8 - бронзовая проволока от одного из колокольчиков; 9 - фрагмент бронзовой фибулы; 10 - бронзовая серьга; 11 - зеркала из белого металла, фрагмент; 12-44 - бусы; 45 - подвеска из меловой породы.

А. Г. ФУРАСЬЕВ

ГЛАДКИЕ ДВУПЛАСТИНЧАТЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА СУУК-СУ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ¹

В VI-VII вв. в могильниках горного Крыма в инвентаре женских погребений представлены двупластинчатые фибулы трех разновидностей, соответствующие трем типам по классификации А.И. Айбабина: 1) крупные с декоративными накладками; 2) крупные без накладок (гладкие), с выступами на головке; 3) маленькие с выступами на головке, некоторые с треугольной ножкой (далее мы будем использовать терминологию А.И. Айбабина: фибулы варианта 1, с накладками, и варианта 2, без накладок). В современной литературе бытует мнение, что все три разновидности являются стадиями развития одного типа украшений, постепенно эволюционирующего от первого варианта (наиболее ранние) к третьему. То есть в процессе развития южнокрымские фибулы утрачивают накладки и постепенно уменьшаются в своих размерах [Амброз, 1988, с. 7-9; Айбабин, 1990, с. 19].

На наш взгляд, твердых данных для подобного утверждения нет, кроме общей морфологии и прослеживаемой тенденции к уменьшению размеров крупных двупластинчатых фибул (без накладок) на позднем этапе их развития – от второго варианта к третьему. По наблюдениям В.К. Пудовина и вслед за ним В.Е. Родинковой, группа погребений с гладкими двупластинчатыми фибулами в Суук-Су (варианта 2 по А.И. Айбабину) может быть синхронна наиболее ранней, первой группе погребений могильника, в которой встречены большие фибулы с накладками, и различия между этими группами носят не хронологический, а социально-этнический, возрастной или какой-то другой характер [Пудовин, 1961, с. 178-181, рис. 1; Родинкова, 1995, с. 76].

В специальном исследовании, посвященном изучению конструктивных особенностей и типологии больших фибул с накладками (вариант 1 по А.И. Айбабину) из могильника Суук-Су, нам удалось выделить две главные разновидности этих украшений (группы А и Б). Мы пришли к выводу, что наиболее ранние их экземпляры имеют небольшие размеры, длиной не более 18,5 см (группа А), а поздние (группа Б) являются и самыми крупными из всех – длиной 20-22 см. Основанием для такого вывода для нас стало следующее наблюдение. Ранние фибулы небольших размеров изготовлены из одной цельной

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, грант № 04-01-00034а.

заготовки с раскованными пластинами, а самые поздние экземпляры представляют собой переделки из более ранних, собранные из нескольких деталей. Для этого у старых фибул обрезались пластины вокруг оснований дужки и приклепывались (припаивались) новые пластины, имеющие более крупные размеры. Особенно заметно вытянулись пропорции головки – от «приземистых» к более удлиненным по продольной оси. За счет этого увеличилась общая длина фибул, а доля высоты головки в общей длине предметов выросла от 26-27% до 29-32%. Именно увеличение длины и вытягивание верхней пластины стали главными причинами изготовления составных фибул вместо цельнокованных. Данное обстоятельство не соответствует предлагаемой А.К. Амброзом и А.И. Айбабиным схеме развития двупластинчатых фибул Крыма.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть двупластинчатые фибулы без накладок с точки зрения их возможной эволюции от фибул с декоративными накладками варианта 1, исходя из их морфологических и конструктивных признаков. Работа основана на изучении фибул из раскопок Н.И. Репникова на могильнике Суук-Су (рис. 1), хранящихся в Государственном Эрмитаже (3 пары фибул) и Государственном Историческом Музее (пара фибул, найденных случайно)². Их перечень приведен в конце статьи. Кроме этого, мы используем данные об одной паре фибул из могильника Лучистое (раскопки А.И. Айбабина в 1982 г.), хранящейся в Эрмитаже³, и дополнительные сведения из публикаций.

Нужно отметить, что несмотря на действительную морфологическую близость этих двух типов фибул, различия между ними состоят не только в наличии или отсутствии декоративных накладок, но и в других особенностях. Рассмотрим их.

Во-первых, фибулы без накладок всегда имеют конструкцию механизма застежки, отличную от фибул варианта 1: ось пружины крепится на одну центральную вертикальную петлю (рис. 4:2). Тогда как фибулы первого варианта всегда имеют две петли, между которыми расположена ось (рис. 4:1). Первый способ крепления, отмеченный на всех без исключения фибулах второго варианта является несомненно более архаичным: такая схема восходит еще к различным типам фибул позднеримского времени. Она характерна для всех двупластинчатых центрально-европейских фибул, начиная еще с маленьких позднеримских и заканчивая крупными застежками эпохи Великого переселения народов. Механизм последних включает две оси с пружинами, кнопками-шишечками на концах осей, дополнительно крепившихся на двух боковых стойках по краям головки. Сюда относятся все ранние разновидности двупластинчатых фибул с декоративными

² Выражаю свою признательность Е.Ю. Новиковой – хранителю коллекции могильника Суук-Су в Государственном Историческом Музее за предоставленные для работы материалы.

³ Сегодня эти фибулы экспонируются на постоянной выставке Отдела Востока в Эрмитаже (инв. № 6-1257-1258). Пользуюсь случаем поблагодарить В.Н. Залесскую – хранителя находок из Лучистого, любезно предоставившую мне возможность работы с этими находками.

накладками типа Смолин и Косино, и фибулы могильника на реке Дюрсо (рис. 3:1-2), и всевозможные двупластинчатые фибулы боспорского региона (рис. 5).

Впервые новый принцип закрепления оси пружины между двух петель появляется, по нашим наблюдениям, у ранних пальчатых фибул второй половины V в. в Центральной Европе. Вероятно, это было связано с отказом от старого несколько громоздкого и мало функционального механизма. Проникновение новой упрощенной и более прочной схемы крепления механизма в Восточную Европу произошло вместе с ранними гото-гепидскими пальчатыми фибулами различных типов, особенно широко распространившимися на Боспоре с конца V в. [Засецкая, 1998, с. 427, 435]. В дальнейшем такая схема использована для южнокрымских фибул с накладками (варианта 1), позже ее применяли при изготовлении пальчатых фибул днепровского типа. Для сравнительно небольших южнокрымских фибул варианта 2, однако, продолжалось применение старой схемы. Странно было бы предположить, в случае эволюции фибул второго варианта от первого, что изготовители по каким-то причинам вдруг решили вернуться к старой, более ранней схеме крепления пружины. Напомню, что на изделиях первого варианта мы видим только новую, двухпетельную схему.

Во-вторых, головка фибул без накладок всегда имеет полукруглую форму, с тремя небольшими выступами (рис. 1), иногда едва заметными. У фибул варианта 1 верхняя пластина всегда шестиугольная (рис. 3:5-6). И хотя выступы у фибул второго варианта вполне возможно являются деградированной имитацией либо накладок-кнопок, либо (что более вероятно) «шишечек» – насадок на концы оси пружины, полукруглая форма головки не могла развиться из шестиугольной. В эволюции европейских двупластинчатых фибул наблюдается обратный процесс: все ранние образцы (периода С3, D1) имеют полукруглую головку, а экземпляры с трапециевидными контурами верхней пластины (сначала со срезанными боковинами, затем пяти- или шестиугольные) появляются несколько позже, не ранее периода D2/D3. То есть в эволюционно-типологическом отношении и эта деталь гладких фибул является относительно более ранней, чем у фибул варианта 1.

В-третьих, фибулы без накладок, как правило, отличаются большей толщиной серебряных пластин, которые за счет этого имеют большую механическую прочность и не нуждаются, в отличие от варианта 1, в дополнительном каркасе с оборотной стороны. Хотя и не все. У пары фибул из погребения 198 есть медный каркас (рис. 2:4). При этом на головке он сплошной, вырезанный по всему внешнему контуру пластины, чего никогда не бывает у больших фибул с накладками. Судя по публикации А.И. Айбабина [Айбабин, 1990, рис. 12:2], каркас на ножке имеется и у фибул из погребения 169 (рис. 2:2). У пары аналогичных фибул из Лучистого тоже есть каркас на ножке в виде узкой медной полоски на одном экземпляре и узкий круглый в сечении стержень (рис. 3:3), расплюснутый со стороны иглоприемника – на втором

[Айбабин, 1994, рис. 16]. Отметим, что все эти экземпляры фибул – самые крупные в своем ряду, длиной соответственно 18 см, 14 см и 15 см.

Форма каркаса, в виде узкого медного или бронзового стержня на ножке, закрепленного либо пайкой, либо одним штифтом, является довольно архаичной. По-видимому, наиболее ранние образцы появляются у фибул могильника на реке Дюрсо (рис. 3:1-2) во второй половине V в. [Дмитриев, 1982, с. 75, рис. 1: 1, 7, 11-14, 19]. В Западной Европе ничего подобного не было. Среди сууксинских фибул с накладками, которые относятся к ранней группе (цельнокованные), часто встречается такая разновидность каркаса ножки (рис. 3:5). Но для более поздних характерен несколько иной тип: каркас гораздо более широкий, почти на всю ширину ножки в ее верхней части, и закреплен он всегда тремя заклепками (рис. 3:6), вместе с декоративной накладкой. Таким образом, фибулы варианта 2 по форме каркаса, изредка встречающегося на ножке, равно и по его отсутствию в большинстве случаев, – типологически более ранние, чем фибулы варианта 1, которые, независимо от своих абсолютных размеров, обязательно имеют укрепляющие медные пластины.

Интересная пара фибул происходит из склепа 10 в Лучистом [Айбабин, 1994, рис. 16]. Здесь на обеих пластинах, у оснований дужки прочерчены дуга (на головке) и угол (на ножке), как бы очерчивающие контуры возможных накладок (рис. 2:1). Возможно, это их условная имитация. Если добавить сюда, что это один из самых длинных экземпляров фибул варианта 2, и он имеет узкий каркас на ножке (см. выше), то можно предположить, что перед нами гибридный вариант двупластинчатых фибул, что также может служить аргументом в пользу их синхронности. Заманчиво было бы думать, что это отражение процесса постепенной деградации фибул с накладками, переходный вариант, подтверждающий версию о более позднем появлении фибул без накладок. Но высказанные нами наблюдения над конструкцией механизма пружины, разновидностями каркаса и формой головки делают эту версию маловероятной.

Несколько особняком стоит пара фибул из могилы № 169, которые, в отличие от всех остальных, имеют на ножке необычные накладки в виде узкой дуговидной полоски, закрепленной тремя штифтами [Айбабин, 1990, рис. 12:2; Репников, 1907, табл. XIII, 5]. Судя по рисунку, эти накладки имеют скорее всего не декоративный характер (рис. 2:2). Возможно, это часть конструкции (например, крепление иглоприемника) или результат ремонта. Трудно что-либо сказать, не видя полностью оборотную сторону застежки.

И, наконец, последнее. Химический (рентгено-флюоресцентный) анализ металла фибул из коллекции Суук-Су в Эрмитаже показал, что все двупластинчатые фибулы без накладок выполнены из серебра более высокой пробы, чем фибулы с накладками (см. Приложение). Содержание серебра в них составляет не менее 80-90%, с весьма незначительной примесью меди и цинка. Среди фибул с накладками нет изделий, выполненных из такого качественного металла, содержание серебра в них колеблется от 50-60% до 70-80%. Видимо,

ухудшение качества металла, обеднение ювелирного сырья происходит постепенно от более ранних украшений к поздним. Эта тенденция прослеживается и применительно к большим фибулам с накладками: ранние цельные изделия выполнены из более высокопробного серебра, нежели поздние составные.

Синхронное бытование фибул двух вариантов подтверждается материалами нескольких погребальных комплексов. В склепе 10 могильника Лучистое пара фибул без накладок найдена в захоронении четвертого – самого раннего слоя, а пара больших фибул с накладками – в более позднем слое 2 [Айбабин, 1994, с. 132-134]. В склепе 449 могильника Скалистое найдены вместе и пара крупных фибул варианта 1, и одна маленькая фибула с выступами на головке [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 82]. Еще раз отметим предположение В.К. Пудовина и В.Е. Родинойковой применительно к периодизации материалов Суук-Су о том, что различия между инвентарем могил, включающих фибулы вариантов 1 и 2, носят не хронологический характер.

Все вышесказанное подтверждает наше предположение о том, что тип двупластинчатых фибул варианта 2 не может являться результатом развития больших фибул с накладками, а представляет собой особую группу, синхронную им. Хотя нельзя не заметить, что по многим признакам, рассмотренным выше, фибулы варианта 2 можно было бы даже считать более ранними. Обе разновидности фибул являются специфическими явлениями южнокрымской культуры, по-видимому, сформировавшимися одновременно, но на основе различных прототипов. Они представляют собой две параллельные линии развития.

Генетическая связь и тех, и других с центрально-европейскими фибулами эпохи Великого Переселения народов совершенно очевидна, хотя ситуация несколько осложняется хронологическим аспектом. К середине VI в., то есть к моменту появления подобных украшений в Крыму, использование крупных двупластинчатых фибул в Европе сохраняется только у визиготов в Испании, а на других территориях, в том числе и в ближайшем регионе Северо-Восточного Причерноморья (могильник на р. Дюрсо), – прекращается еще на рубеже V-VI вв. Тем не менее, именно те новации в морфологии фибул, которые отмечены в материалах Дюрсо, могут рассматриваться как промежуточные, на основе которых формируется вариант 1 фибул Южного Крыма. По мнению И.О. Гавритухина, схожие типологические тенденции отмечены и у поздних двупластинчатых фибул в Подунавье, и у визиготов, но именно поздний вариант фибул из Дюрсо с пятиугольной головкой послужил прототипом для фибул из памятников круга Суук-Су [Гавритухин и др., 1996, с. 227].

Фибулы варианта 2 И.О. Гавритухин, как уже отмечалось выше, вслед за А.К. Амброзом, рассматривает, как производные от варианта 1, не пытаясь найти для них независимый прототип. Хотя при этом он выделяет особую линию развития больших северокавказских фибул VI-VII вв. без накладок, восходящую к дунайским и боспорским образцам с полукруглой головкой и простой накладкой-проволочкой в виде так наз. «киматиона» у оснований

дужки, «впоследствии на местных вещах утраченной» [Гавритухин и др., 1996, с. 227, рис. 6], но южнокрымские фибулы варианта 2 сюда не включает и не рассматривает такую возможность.

На наш взгляд, серьезных препятствий для этого нет, напротив, отмеченные выше архаичные особенности фибул без накладок заставляют искать их прототип среди более ранних, нежели фибулы варианта 1, образцов. Особенно нужно обратить внимание, во-первых, на чрезвычайно близкую морфологию (пропорции и форма головки), общие конструктивные детали (способ закрепления пружины, ранняя форма каркаса либо его отсутствие) и довольно широкое распространение вероятных фибул-прототипов, указанных И.О. Гавритухиным, на территории Крыма в V – начале VI вв. [см. подборку таких фибул в работах: Айбабин, 1990, рис. 9, 10; Казанский, 1999, рис. 6]. Морфологически близкие формы обнаружены в Керчи (рис. 10), в склепах №№ 6, 78, 165, а также в числе случайных находок [Засецкая, 1993, табл. 4:8-10, 13, 15, кат. №№ 284, 295, 296, 303; Казанский, 1999, рис. 6:1-8]. Возможно, такие фибулы сохранялись в costume населения Боспора еще в первой половине VI в., судя по материалам некоторых погребальных комплексов [Засецкая, 1998, с. 431-432, табл. XIV: 10-11; Казанский, 1999, с. 286, рис. 10], что особенно важно, учитывая, что сууксинские экземпляры датируются временем не ранее середины VI в.

В связи с этим важно отметить, что среди сравнительно поздних двухпластинчатых фибул из керченского некрополя встречаются, наряду с традиционными литыми фибулами, изделия с тонкими откованными пластинами. Это две фибулы, обнаруженные в 165 склепе (ГЭ, инв. № 1820/422 и № 1820/429), пара фибул из склепа 6 (ГЭ, инв. № 1820/77-78) и склепа 78 (ГЭ, инв. № 1820/921-922). Вероятно они, так же как и сууксинские фибулы варианта 2 изготавливались путем раскатки (проковки) литой заготовки, представляющей собой дужку с двумя основаниями на концах. Кроме того, у этих экземпляров упрощенный механизм застёжки: вместо двухрядной пружины – однорядная, что также несомненно сближает их с более поздними южнокрымскими (рис. 5:1-4, 8). На эти особенности боспорских двухпластинчатых фибул, характерные для позднего этапа их бытования впервые обратила внимание И.П. Засецкая [Засецкая, 1993, с. 26].

Следует указать и на тождественность химического состава металла, из которого выполнена основа и сууксинских фибул варианта 2, и большинства поздних боспорских фибул данного типа (см. Приложение): это высокопробное серебро (90-95%) с незначительной примесью меди (3-5%), свинца (1-2%) и цинка (1-3%). Одинаковый процентный состав и соотношение основных компонентов указывают на то, что источник сырья у них был, скорее всего, один и тот же. По составу серебряного сырья эти фибулы порядком отличаются от сууксинских фибул с накладками. У последних серебро пластин заметно более низкопробное (в среднем 70-80%).

Применительно к большим двупластинчатым фибулам варианта 1 нам удалось выявить основную тенденцию в эволюции их пропорций от более ранних к более поздним: увеличение высоты головки по отношению к общей длине и, как следствие этого, увеличение общих размеров. Используя те же принципы мы попытались определить аналогичные параметры для фибул варианта 2 и варианта 3 (маленьких), как из могильника Суук-Су, включая находки из могил 32 и 5 [Репников, 1906, табл. VII, 5], так и для известных по публикациям находок из Скалистого [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 82:10], Лучистого [Айбабин, 1994, рис. 16] и Эски-Кермена [Айбабин, 1990, рис. 12:3]. Результаты оказались таковы.

Тенденция к изменению пропорций верхней пластины, отмеченная нами для больших двупластинчатых фибул с накладками, явно прослеживается и на примере фибул с выступами на головке. Более того, можно констатировать, что для обеих вариантов фибул почти совпадают и числовые значения, характеризующие размер пластины. Для больших южнокрымских фибул варианта 1 мы зафиксировали высоту головки 26-27% от общей длины у ранних и 29-32% – у поздних. Для фибул без накладок, соответственно 24-29% у варианта 2 (включая и небольшие предметы длиной 11-12 см с шестиугольной ножкой) и 30-32% у варианта 3 (самых маленьких, с треугольной ножкой). Такое совпадение, конечно, не может быть случайным, оно свидетельствует о параллельном развитии этих двух вариантов украшений, протекающем в одном эволюционном русле. Кроме того, в первом случае (фибулы с накладками) абсолютные размеры со временем увеличиваются. В случае с гладкими фибулами, по-видимому, тоже происходит их постепенное увеличение, поскольку наиболее ранние датируемые находки относятся к числу маленьких (до 12 см).

Время появления маленьких фибул с выступами на головке маркировано находкой из могилы № 315 в Эски-Кермене, где вместе с парой подобных фибул (рис. 2:3) найдена орлиноголовая пряжка боспорского производства [Айбабин, 1990, рис. 35:1], варианта 1А по И.П. Засецкой, датируемая временем не позднее второй половины VI – начала VII вв. [Засецкая, 2005, с. 61-62]. В склепе 449 могильника Скалистое, как мы уже называли, маленькая фибула сопутствует большим фибулам с накладками [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 82], причем ранней группы по нашей классификации. Вероятно, маленькие гладкие фибулы на первых этапах своего существования бытовали синхронно с фибулами варианта 1 с накладками, ранней группы. Чуть позже появляются относительно крупные «гибридные» экземпляры с каркасом, подобные фибулам из Лучистого и Суук-Су (погр. 169 и 198). Наиболее поздние – фибулы с треугольной ножкой из погребений 5 и 32 в Суук-Су.

Теперь еще раз остановимся на предполагаемых прототипах из Керчи (рис. 5). Высота их головки составляет обычно от 20 до 29% от общей длины, что чуть меньше, чем у фибул варианта 2, но в максимальных значениях соответствует ей. Ножки у поздних боспорских фибул как правило уже и длиннее,

чем у южнокрымских варианта 2. И конечно, увеличиваются размеры фибул. Хотя среди керченских изредка встречаются экземпляры длиной до 11-12 см (самый крупный происходит из 154 склепа – 12,5 см), но они относятся к первой половине V в., тогда как поздние имеют длину 7-8 см. Длина ранних южнокрымских (с выступами на головке) составляет обычно 11-14 см.

В предварительной форме мы осмелимся высказать предположение, что появление специфических типов южнокрымских украшений – двупластинчатых фибул вариантов 1 и 2 происходит одновременно, около середины VI в., на основе весьма близких, но не идентичных прототипов. Первый вариант мы, вслед за А.К. Амброзом и И.О. Гавритухиным, склонны связывать с дунайско-германской традицией, возможно опосредованно через материалы типа Дюрсо, возможно непосредственно, вместе с готами-переселенцами [Казанский, 1996, с. 336]. Этот вопрос требует более внимательного знакомства с конструктивными особенностями европейских находок. Что касается фибул с выступами на головке, то их появление могло быть связано с влиянием локальной боспорской традиции, точнее говоря, с доживающими в первой половине VI в. на Боспоре остроготскими по происхождению культурными реликтами, которые, так же как и в случае с фибулами первого варианта, в определенной степени были адаптированы к местной южнокрымской этнокультурной среде [Казанский, 1996, с. 330-331; Казанский, 1999, с. 286]. Главными основаниями для такого предположения являются морфологическое сходство и чрезвычайная близость химического состава металла и техники изготовления боспорских и южнокрымских фибул с выступами на головке.

Двупластинчатые фибулы с выступами на головке из могильника Суук-Су:

1. **Погр. 90** (рис. 1:2). Серебро, латунь (пружина). Эрмитаж, № 1918/18-19. Пара фибул. Дл. 13,6 см (№ 18), 13 см (№ 19).
2. **Погр. 124**. Серебро. Одесский музей. Пара фибул. Дл. 15,5 см (по публикации). *Публикации*: Репников 1907, табл. XIII, 7.
3. **Погр. 169** (рис. 2:2). Серебро. Одесский музей. Пара фибул. Дл. 13,7 см (по публикации). *Публикации*: Репников 1907, табл. XIII, 5; Айбабин 1990, рис. 12:2.
4. **Погр. 196** (рис. 1:1). Серебро, бронза (пружина). Эрмитаж, № 2358/29-30. Пара фибул. Дл. 11,2 см (№ 29), 11,7 см (№ 30).
5. **Погр. 198** (рис. 1:4). Серебро, медь (каркас), латунь (пружина). Эрмитаж, № 2358/40-41. Пара фибул. Дл. 18,3 см (№ 40), 17,8 см (№ 41).
6. **Суук-Су**, случайная находка (рис. 1:3). Серебро. ГИМ, оп. хр. 282, № 276. Пара фибул. Дл. 9,6 см, 12,2 см. *Публикации*: Репников 1906, табл. VII, 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь. 1990. Вып. 1.
- Айбабин А.И.* Комплексы с большими двупластинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV.
- Амброз А.К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малишев В.Ю., Мошкова М.Г.* Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.
- Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VII веков. М., 1982.
- Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
- Засецкая И. П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
- Засецкая И. П.* О хронологии и взаимосвязи орляноголовых пряжек из боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7.
- Казанский М.* Восточные германцы и Северное Причерноморье во второй половине V-VI вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V.
- Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999.
- Пудовин В.К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550-650 гг.) // СА. 1961. №1.
- Ретиков Н.И.* Некоторые могильники области Крымских Готов. Могильник Суук-Су // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
- Ретиков Н.И.* Некоторые могильники области Крымских Готов // ЗООИД. Одесса, 1907. Т. XXVII.
- Родишкова В.Е.* К вопросу о хронологии нижнего горизонта могильника Суук-Су // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995.

1) Фибулы с накладками у дужки, могильник Суук-Су.

Инв. №	точка	Ag	Cu	Au	Pb	Zn	Fe	Другое (сл. - следы - менее 0,1%)	Примечание
1917/73	Основа (цельная)	70-80	15-20	0,5-2	1-2	8-12		Sn, Bi-сл.	На накладке ртутное золочение
	Накладки-кнопки	70-80	15-20	Hg- золоч.	1-2	8-12		Sn, Bi-сл.	
	Каркас		Осн.	0,5-1			Сл.	Sn, Ni - сл.	
1917/74	Накладка на головке		Осн.- латунь			4-6	Сл.	Ni	
	Пружина							Осн.	
	Основа (цельная)	70-80	15-20	0,5-2	1-2	8-12		Sn, Bi - сл.	
1918/27	Накладки-кнопки	70-80	15-20	Hg- золоч.	1-2	8-12		Sn, Bi - сл.	Накладки-кнопки из того же металла, что и основа (пластины), со следами ртутной позолоты
	Каркас		Осн.		0,5-1		Сл.	Sn, Ni-сл.	
	Основа (цельная)	60-70	20-30	1-2	1-3	8-12		Sn, Sb, Bi-сл.	
1918/28	Накладка на головке		Осн.- латунь			4-6	Сл.		Накладки-кнопки из того же металла, что и основа (пластины), со следами ртутной позолоты
	Пружина и каркас		Осн.		0,5-2		Сл.	Sn-сл.	
	Основа (цельная)	60-70	20-30	1-2	1-3	8-12		Sn, Sb, Bi-сл.	
1917/53	Накладка на головке		Осн.- латунь			15-20	Сл.	Sn<1, Hg- золоч.	Накладки-кнопки из того же металла, что и основа (пластины), со следами ртутной позолоты
	Пружина и каркас		Осн.		0,5-2		Сл.	Sn - сл.	
	Основа (цельная)	58-62	35-40	<1	0,5- 1,5	3-6			
1917/53	Каркас		Осн.		1-2	Сл.	Сл.	Sn-сл., Sb<1	На накладках и накладках- кнопках ртутное золочение
	Игла		Осн.		1-3	Сл.	Сл.	Sn<0,5	

* Работы выполнены сотрудниками лабораторий научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С.В. Хавриным и К.С. Чугуновой.

1917/52	Головка+дужка	55-60	35-40	<1	0,5-1,5	3-6			На накладках и накладках-кнопках ртуговое золочение
	Ножка	65-70	25-30	<1	0,5-1,5	3-6			
	Каркас Игла		Осн. Осн.		1-2 4-8	Сл. 8-12	Сл. Сл.	Sn-сл. Sn	
1918/4	Ножка+головка	50-60	30-35	0,5-2	1-3	8-12		Sn, Sb, Bi - сл.	
	Дужка	30-40	50-60	<1	1-3	8-12		Sn, Sb, Bi - сл.	
	Накладка на головке Игла (пружина) Каркас		Осн.-латунь Осн. Осн.		<1 1-2 1-2	5-10 Сл. Сл.	Сл. Сл. Сл.	Sn, Sb, Ni-сл. Sn, Ni-сл. Sn - сл.	
1918/5	Ножка+головка	50-60	30-35	1-3	2-4	10-15		Sn, Sb, Bi - сл.	
	Дужка	30-40	50-60	<1	1-3	8-12		Sn, Sb, Bi - сл.	
	Накладка на головке Игла (пружина)		Осн.-латунь Осн.		<1 2-4	5-10 1-2	Сл. Сл.	Sn, Sb, Bi - сл. Sn-3-6, Sb - сл.	
2834/22	Каркас		Осн.		1-2	Сл.	Сл.	Sn-сл.	
	Основа Игла	90-85 Сл.	3-7 Осн.		1-2 1<	2-5	Сл.	Ni, As, Sb-сл.	На накладках-кнопках ртуговое золочение, следы серебра от самой фибулы
	Каркас	Сл.	Осн.		Сл.			Ni, As, Sb - сл.	

2) Фибулы с выступами на головке, могильник Суук-Су.

Инв. №	точка	Ag	Cu	Au	Pb	Zn	Fe	Другое (сл. - следы - менее 0,1%)	Примечание
1918/18	Основа (головка)	82-83	12-14	0,5-1	1-2	1-2	Сл.		Значительные колебания Ag/Cu - результат коррозии, что наблюдается визуально. Пружина латунная. Ag - от пластины фибулы
	Оборот	72-75	20-25	1-2	1-2	1-3			
	Пружина	Сл.	Оцен.		0,5-1,5	5-8	Сл.		
1918/19	Основа	65-93	3-6 - 30	0,5-3	1-2	1-2			Разброс по соотношению Ag/Cu - большой. Пружина имеет большую степень коррозии, чем прелыдущая
	Головка	92-93	3-6	1-3	1-3	0,5-1,5	Сл.		
	Пружина	Сл.	Оцен.		1-2	1-2	Сл.		
	Ножка	55-60	35-37	0,5-1	1-2	4-5			
	Головка	70-72	20-25	0,5-1	1-2	1-3			
	Дужка (без коррозии)	58-62	35-40	0,5-1	1-2	1-3			
2358/29	Головка	92-94	3-5	<1	1-2	2-3			
	Дужка	91-93	3-5	1-2	0,5-1,5	2-3			
	Проволока (пружина?)	1-3	Оцен.		1-3	25-30		Sn, Ni-сл.	
	Головка	87-89	6-8	0,5-1	1-2	4-6			
2358/30	Дужка	86-88	6-8	0,5-1	1-2	4-6			
	Ножка	87-89	6-8	0,5-1	1-2	4-6			
	Проволока (пружина?)	1-3	Оцен.		1-3	25-30		Sn, Co, Ni-сл.	
	Основа	90-94	4-8	0,5-2	<1	0,5-2		В1-сл.	
2358/40	Пружина	Сл.	Оцен.		0,5-1	8-10			Пружина латунная, следы серебра с самой фибулы
	Каркас	Сл.	Оцен.		0,5-1	Сл.		Ni, As, Sb-сл.	
	Основа	90-94	4-8	0,5-2	<1	0,5-2		В1-сл.	
2358/41	Пружина	Сл.	Оцен.		0,5-1	8-10			Пружина латунная, следы серебра с самой фибулы
	Каркас	Сл.	Оцен.		0,5-1	Сл.		Ni, As, Sb-сл.	

3) Фибулы боспорские (некрополь Керчи).

Инв. №	точка	Ag	Cu	Au	Pb	Zn	Fe	Другое (сл. - следы - менее 0,1%)	Примечание
1820/77 Склеп 6	Основа	90-94	3-7	0,5-1	1-2	<0,5			Накладка приклеена. Следы серебра в пружине - от самой фибулы
	Ножка	85-87	10-12	<0,8	1-2	<1			
	Ножка	93-94	5-6	<1	1-2	1-2			
	Накладка на головке	84-86	12-14	<1	1-2	1-2			
	Пружина	Сл.	Осн.		1-3	<0,5	Сл.	Sn-4-6, Sb-сл.	
1820/78 Склеп 6	Основа	66-78	20-30	0,5-1,5	1-2	1-2			
	Дужка	58-62	32-36	<1	1-2	1-2			
	Головка	77-78	15-20	1-1,5	1-2	1-2			
	Ножка	64-67	30-35	<1	1-2	1-2			
	Накладка на головке	Сл.	Осн.	позолота	2-4	<2		Sn-3-7, Hg	
1820/421 Склеп 165	Основа	85-90	10-15	<1	1-3	Сл.		Bi, Sn-сл.	Пружина латунная, следы серебра от самой фибулы
	Шпилька	85-90	8-12	<1	1-3	Сл.		Bi, Sn - сл.	
	Пружина	Сл.	Осн.		1-3	4-6		Sn-2-4, As-сл.	
1820/422 Склеп 165	Основа	80-85	15-20	<1	1-3	<1		Bi - сл.	Пружина латунная, следы серебра от самой фибулы
	Игла	Сл.			<1		Сл.	Co, Ni - сл.	
	Основа	95-97	1-3	<1	Сл.	Сл.			
	Накладка на ножке	95-97	1-3	<1	Сл.	Сл.			
1820/429 Склеп 165	Шпилька	95-97	1-3	<1	Сл.	Сл.			Следы серебра и золота от самой фибулы
	Основа	90-95	4-8	0,5-1,5	1-2	<1			
	Кнопка	88-92	8-12	1-2	1-2	<1			
1820/921 Склеп 78	Игла	Сл.	Осн.	Сл.	1-3	Сл.	Сл.	Ni - сл.	Следы серебра от самой фибулы
	Основа	85-90	8-12	0,5-1,5	1-3	1-3		Bi - сл.	
1820/922 Склеп 78	Игла	Сл.	Осн.		<1	<1	Сл.	As, Sb - сл.	Следы серебра от самой фибулы
	Основа	85-90	8-12	0,5-1,5	1-3	1-3		Bi-сл.	
	Игла	Сл.	Осн.		<1			As, Ni - сл.	

О.Г. Фурасьев

ГЛАДКІ ДВОПЛАСТИНКОВІ ФІБУЛИ З МОГИЛЬНИКА СУУК-СУ:
ПРОБЛЕМА ЕВОЛЮЦІЇ

Резюме

В статті розглядаються двопластинкові фібули без накладок з точки зору їх можливої еволюції від фібул з декоративними накладками варіанту 1, виходячи з їх морфологічних та конструктивних ознак. Робота заснована на вивченні фібул з розкопів М.І. Репнікова на могильнику Суук-Су, які зберігаються у Державному Ермітажі (3 пари фібул) та Державному Історичному Музеї (пара фібул, знайдених випадково). Припускається, що поява специфічних типів південнокримських прикрас – двопластинкових фібул варіанту 1 і 2 - відбувається одночасно, біля середини VI ст., на основі вельми близьких, але не ідентичних прототипів.

А. Г. Фурасьев

ГЛАДКИЕ ДВОПЛАСТИНЧАТЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА СУУК-СУ:
ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ

Резюме

В статье рассматриваются двупластинчатые фибулы без накладок с точки зрения их возможной эволюции от фибул с декоративными накладками варианта 1, исходя из их морфологических и конструктивных признаков. Работа основана на изучении фибул из раскопок Н.И. Репникова на могильнике Суук-Су, хранящихся в Государственном Эрмитаже (3 пары фибул) и Государственном Историческом Музее (пара фибул, найденных случайно). Предполагается, что появление специфических типов южнокрымских украшений – двупластинчатых фибул вариантов 1 и 2 происходит одновременно, около середины VI в., на основе весьма близких, но не идентичных прототипов.

A.G. Furasjev

SMOOTH RADIATE-HEADED BROOCHES OF BURIAL SUUKSU:
PROBLEMS OF EVOLUTION

Summary

This article discusses radiate-headed brooches without plates in terms of their possible evolution of the brooches with decorative plates of the option 1, based on their morphological and structural features. The work is based on a study of brooches from the excavations of N.I. Repnikov on Suuksu burial stored in the Hermitage (three pairs of fibulae) and the State Historical Museum (a couple of brooches found by chance). It is assumed that the occurrence of specific types of southern Crimean jewelry – radiate-headed brooches of the options 1 and 2 occurred simultaneously, approximately in the middle of the 6th century on the basis of very close but not identical prototypes.

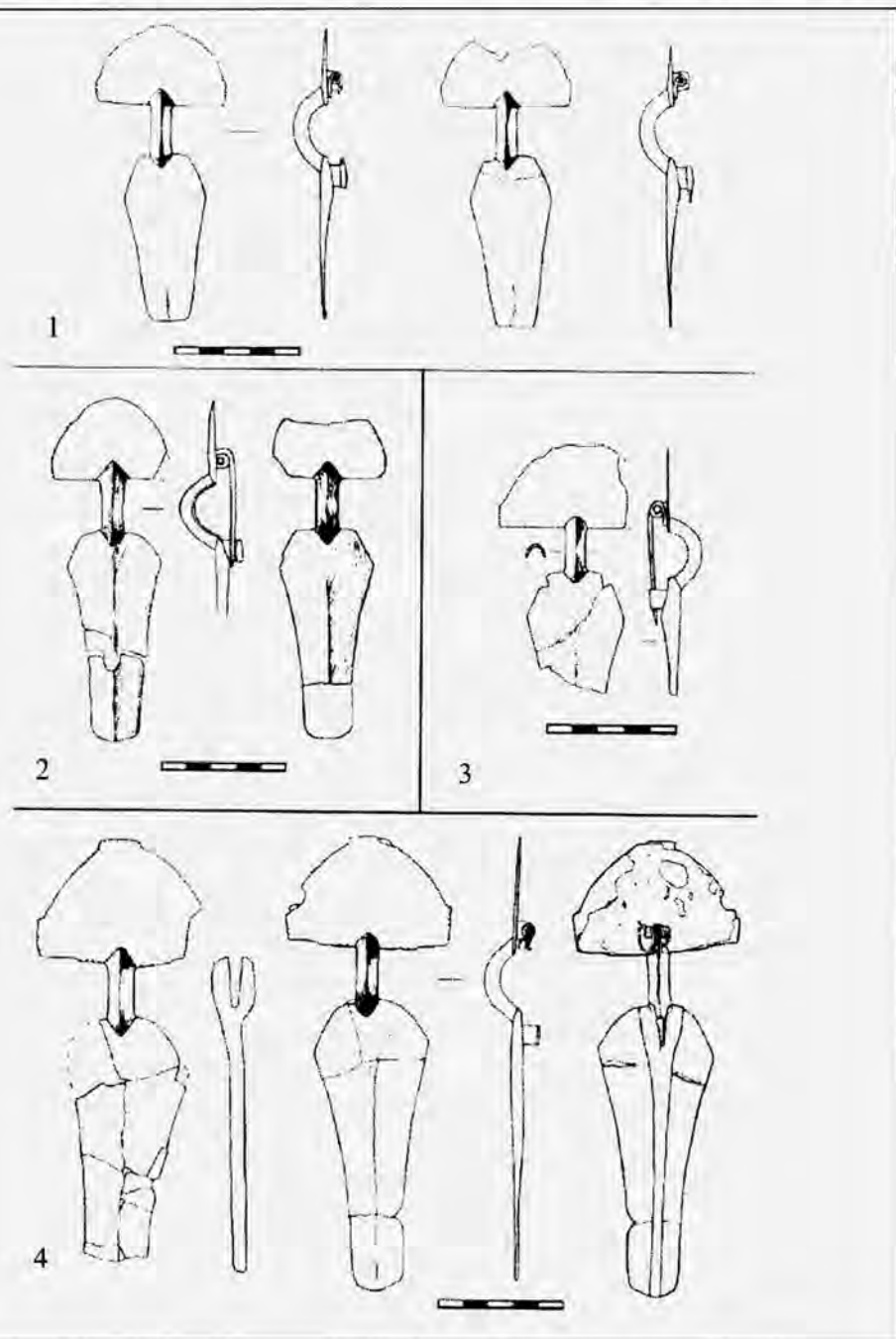

Рис. 1. Двупластинчатые фибулы с выступами на головке из могильника Суук-Су.

1 – погребение 196, 2 – погребение 90, 3 – случайная находка [по: Репников, 1906, табл. VII, 2], 4 – погребение 198.

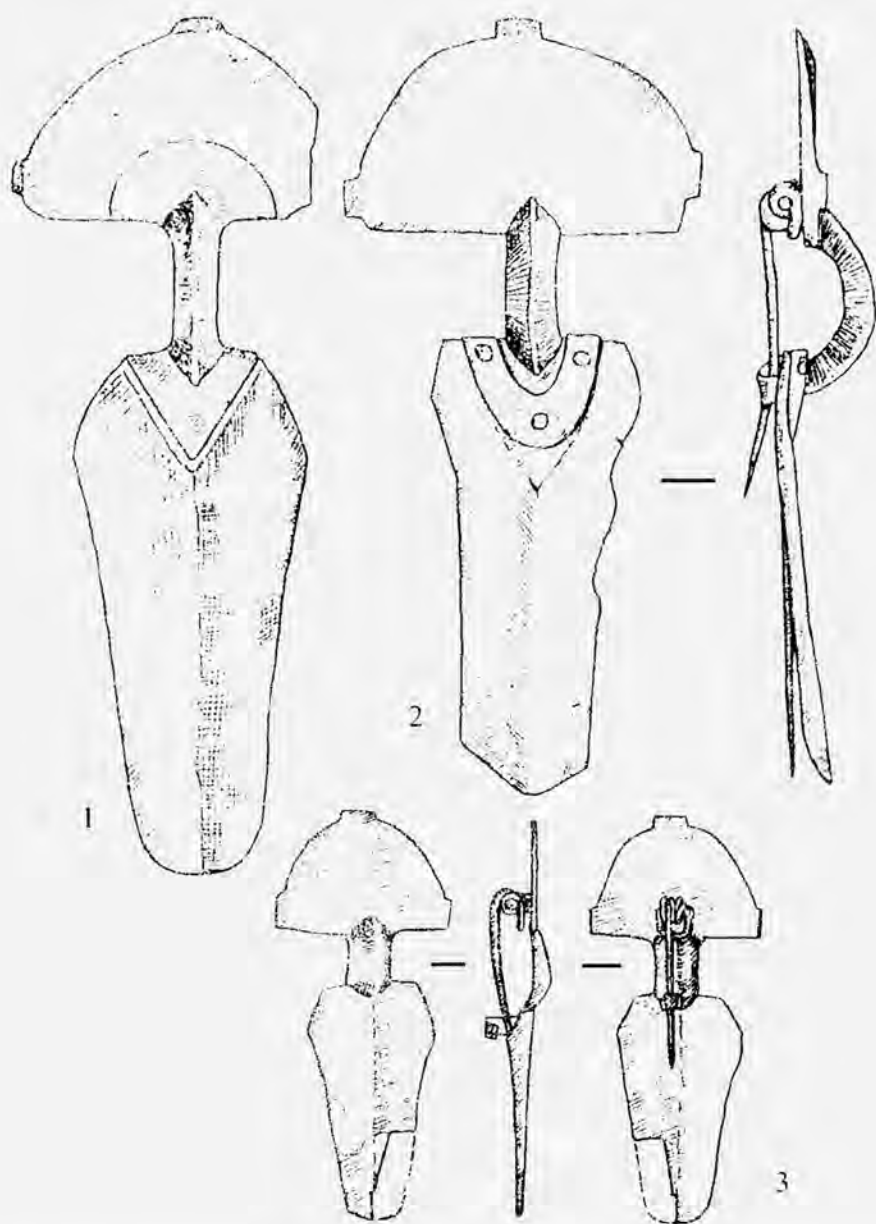

Рис. 2. Двупластинчатые фибулы с выступами на головке из могильников Южного Крыма [по: Айбабин, 1990, рис. 12]:

1 – Лучистое, склеп 10; 2 – Суук-Су, погребение 169; 3 – Эски-Кермен, склеп 315.

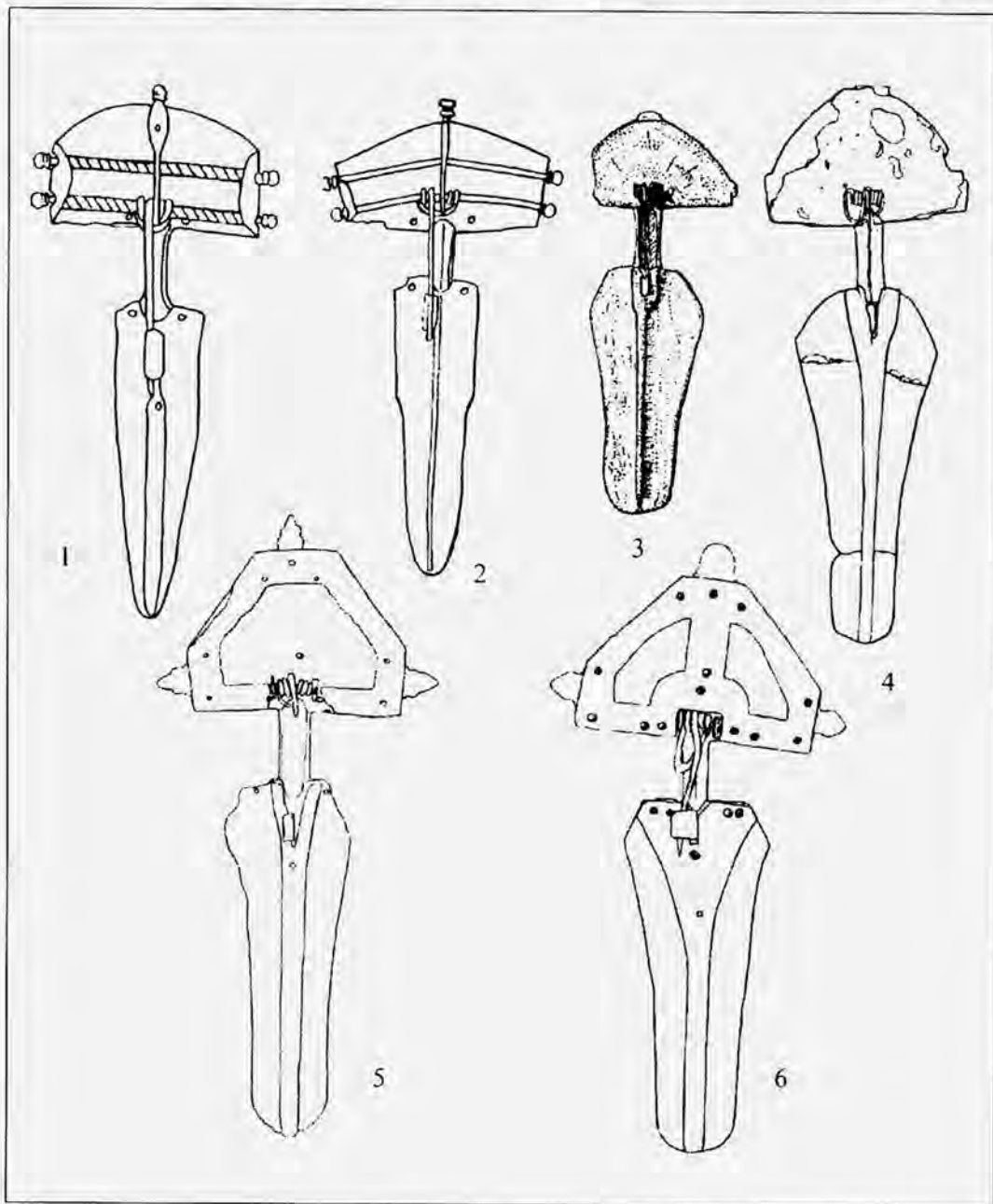
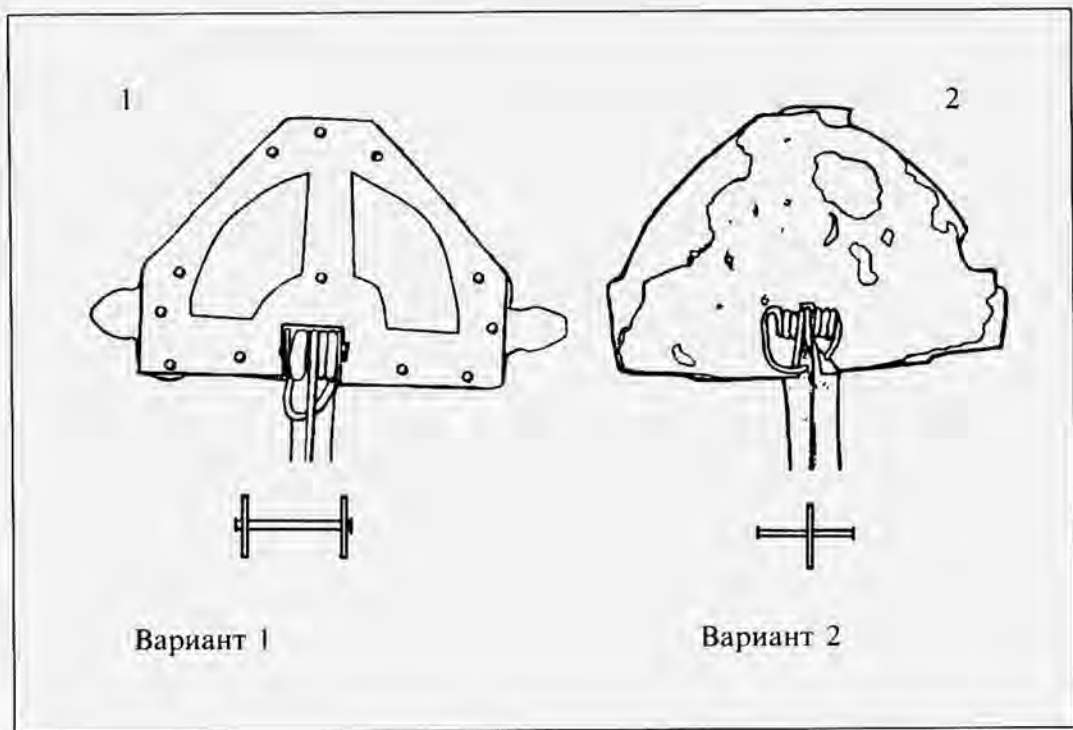

Рис. 3. Разновидности медного каркаса восточноевропейских двупластинчатых фибул и его эволюция:

1-2 – могильник на р. Дюрсо [по: Дмитриев, 1982, рис. 1]; 3, 4 – фибулы с выступами на головке: 3 – Лучистое, склеп 10 [по: Айбабин, 1994, рис. 16], 4 – Суук-Су, погр. 198; 5 – ранние фибулы с накладками (Суук-Су); 6 – поздние фибулы с накладками (Суук-Су).

Вариант 1

Вариант 2

Рис. 4. Конструкция механизма застежки:

1 – фибулы варианта 1; 2 – фибулы варианта 2.

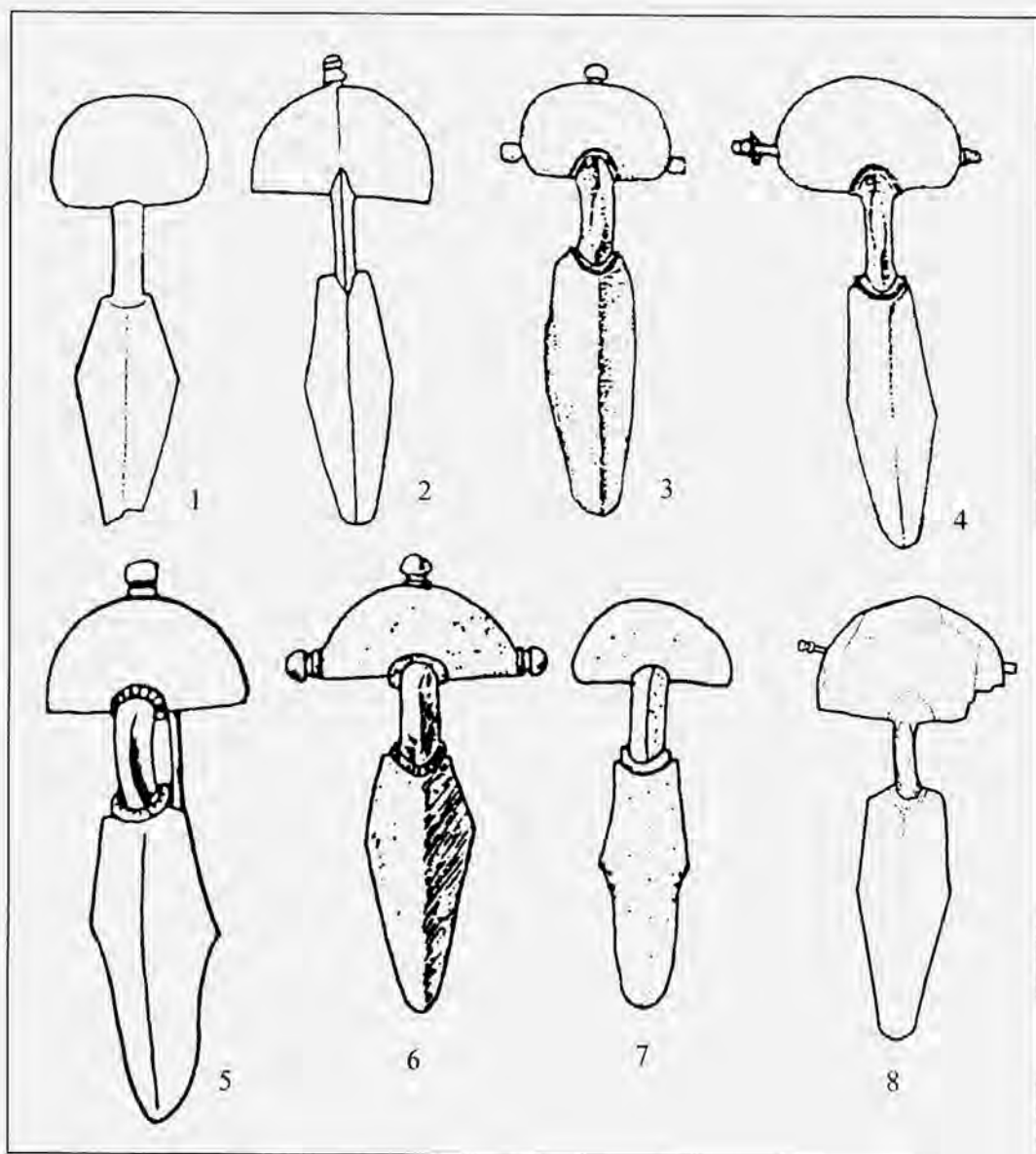

Рис. 5. Поздние двуластинчатые фибулы из Керчи [по: Казанский, 1999, рис. 6]:

1-3 – склеп 165; 4 – склеп 6; 8 – склеп 78; 5-7 – место находки неизвестно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
 АДУ – Археологічні дослідження на Україні
 АО – Археологические открытия. Москва
 АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
 БИ – Боспорские исследования
 БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
 ВДИ – Вестник древней истории
 ГМИИ – Государственный Музей Изобразительных Искусств
 ДБ – Древности Боспора
 ИААСП – Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев
 ИАИ – Известия на археологический институт при Болгарской Академии Наук
 ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НИКА – Нижегородские Исследования по Краеведению и Археологии.
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических исследований **ТОЧНИКОВ**
 СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 АА – Archäologisches Anzeiger
 АВV – Beazley, J.D., Attic Black-Figure Vase-Painters, Oxford, 1956.
 ARV² – Beazley, J.D., Attic Red-Figure Vase-Painters, 2nd edition, Oxford, 1963.
 AthMitt – Mitteilungen des deutschen archäologisches Instituts. Athenische Abteilung
 BCH – Bulletin de Correspondance hellénique
 Beazley Archive – www.beazley.ox.ac.uk
 BSA – Annual reports of the British School at Athens
 CVA – Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moscow. 1996.
 MEFRA – Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité
 MMA – The Metropolitan Museum of Art
 Para – Beazley, J.D., Paralipomena, Oxford, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Буйских С. Б., Буйских А. В.</i> К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской	3
<i>Зицько В. Н., Пацкевич Г. А.</i> Палеоботанические материалы из ранних комплексов Тиритаки	65
<i>Русяева А. С.</i> О традициях Милета в культуре Ольвии Понтийской	84
<i>Григорьев Д. В.</i> Военно-политический аспект в греко-варварских отношениях в Северном Причерноморье в архаический период	115
<i>Лейтунская Н. А.</i> Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии)	123
<i>Фиалко Е. Е.</i> Амазонки в памятниках античного искусства	152
<i>Скрябинская М. В.</i> «Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья»	193
<i>Кутайсов В. А.</i> Природа Северо-Западного Крыма в античную эпоху	291
<i>Артюхин Ю. В.</i> Учет геологических факторов при изучении истории античной и средневековой колонизации Таманского полуострова	321
<i>Кривошва В. В.</i> Опыт музеефикации архитектурно-строительных комплексов в Ольвии (на примере участка Р-25)	332
<i>Крыжицкий С. Д., Лейтунская Н. А.</i> Обоснование графической реконструкции планировки эллинистических домов на участке НГС в Ольвии	355
<i>Стоянова А. А.</i> Наборы бус в costume населения предгорного Крыма во II в. до н.э. – IV в. н.э.	401
<i>Вшокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В.</i> Календарные аспекты пространственного расположения зольных холмов античных городищ Артезиан и Багерово-Северное в Крымском Приазовье	411
<i>Сорочан С. Б.</i> Еще раз о монументальном архитектурном комплексе в южном районе византийского Херсона	436
<i>Бубенок О. Б.</i> Хазары и брутахии на северо-западном Кавказе	457

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Шамрай А. Н.</i> Античные и средневековые железные якоря Т-образного типа из Керченского пролива (каталог находок)	469
<i>Котин М. А.</i> Комплекс лепной керамики из хозяйственной ямы №5 боспорского города Тиритака	497
<i>Шабанов С. Б.</i> Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац	508
<i>Фурсьев А. Г.</i> Гладкие двупластинчатые фибулы из могильника Суук-Су: проблема эволюции	521
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	540

CONTENTS

ARTICLES

<i>Buiskikh A.V., Buiskikh S.B.</i> To the chronology of archaic settlements of Olbia of Pontos chora	3
<i>Zinko V.N., Pashkevich G.A.</i> Palaeobotanical materials from the early complexes of Tyritake	65
<i>Rusjaeva A.S.</i> The traditions of Miletus in the culture of Olbia Pontica	84
<i>Grigoriev D.V.</i> Military-political dimension in Graeco- barbarian relations in the North Pontic area in archaic period	115
<i>Leipunskaya N.A.</i> Experience in the classification of ceramics from archaic complexes (based on the central district of Olbia)	123
<i>Fialko E.E.</i> The Amazons In the Ancient Art	152
<i>Skryzhinskaya M.V.</i> Fantastic creatures in the culture, art and religion of ancient states of the Northern Black Sea coas.....	193
<i>Kutaisov V.A.</i> Nature of the Crimea north-west coast in ancient epoch	291
<i>Artyukhin Y.V.</i> Application of geological factors in studying the History of ancient and medieval colonization of the Taman Peninsula	321
<i>Krapivina V.V.</i> Museum conservation of architectural and engineering facilities experience in Olbia (for example, plot R-25)	332
<i>Kryzhitsky S. D., Leipunskaya N.A.</i> Basis of graphic reconstruction of Hellenistic buildings planning at the Low city site in Olbia.....	355
<i>Stoyanova A.A.</i> Sets of beads in the costumes of the population of the piedmont of the Crimea in the 2nd century BC – the 4th century AD	401
<i>Vinokurov I.N., Matsnev D.V., Fesenko A.V.</i> Calendar aspects of the spatial location of the cinder heaps of ancient settlements of Artezian and Baherovo-Severnoye in the Crimean Azov Sea area	411
<i>Sorochan S.B.</i> Again on the monumental architectural complex in the southern region of Byzantine Cherson	436
<i>Bubenok O.B.</i> The Khazars and the Brutaques in the north-western Caucasus	457

PUBLICATIONS

<i>Shamrai A.N.</i> Ancient and medieval iron T-type anchors from the Kerch Strait (catalog of finds)	469
<i>Kotin M.A.</i> Molded ceramics complex from the household pit of the Bosporan city Tyritake	497
<i>Shabanov S.B.</i> Child's burial with balsamaria from Neyzats cemetery	508
<i>Furashev A.G.</i> Smooth radiate-headed brooches of burial Suuksu: problems of evolution.....	521
ABBREVIATIONS	540

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXIV

Сборник

Виктор Николаевич **Зинько**,
доктор исторических наук – ответственный редактор
Алексей Викторович **Зинько**,
кандидат исторических наук – ответственный секретарь

Техническая редакция и набор Ю.Л. Белик
Перевод на английский Н.М. Красина
Перевод на украинский И.Н. Барановская
Верстка Л.К. Мусихина
Корректор А.Г. Прибеженко

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXIV

**Збірник
(російською мовою)**

Віктор Миколайович Зінько,
доктор історичних наук – відповідальний редактор
Олексій Вікторович Зінько,
кандидат історичних наук – відповідальний секретар

Формат 70x100 ¹/₁₆. Умов. друк. арк. 42,9.

Тираж 400. Замовлення 1122.

СПД ФО Озарків А.М.

вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

ТОВ «Керченська міська друкарня»

вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300

Свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача КМ, № 002 від 05.05.2000 р.